M 42/50

НЕ КОПИРОВАТЬ

ПАМЯТИ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА III.

Сборникъ „*Московскихъ Вѣдомостей.*“

(ИЗВѢСТІЯ, СТАТЬИ, ПЕРЕПЕЧАТКИ.)

Изданіе **С. Петровскаго.**

МУЗЕЙ ИМ. Н. П. РУМЯНЦЕВА. БИБЛІОТЕКА

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1894.

2007050061

НЕ КОПИРОВАТЬ!

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Къ портрету **Императора Александра Александровича**, стихотвореніе *А. Майкова* 1

* * *

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

о болѣзни и кончинѣ Государя Императора Александра III:

1) Бюллетени о болѣзни Государя въ январѣ 1894 г. изъ Спалы и Ливадіи 2
2) Телеграммы о кончинѣ Государя Александра III 6
3) Высочайшій Манифестъ 20 октября 1894 г. 8
4) Діагнозъ болѣзни Государя Императора и актъ вскрытія по кончинѣ Его 10
5) Профессоръ Лейденъ 11
6) Письмо протопресвитера о. Янышева. 12
7) Письмо о. Іоанна Кронштадтскаго 14

* * *

ВЪ ЛИВАДІИ.

1) Изъ Ливадіи (Сообщ. *Прав. Вѣстн.*) 16
2) Пріѣздъ Ея Высочества Алисы Гессенской 18
3) Письма изъ Ливадіи. *Баронъ А. Э. Нольде* 20

* * *

ОТЪ ЛИВАДІИ ДО МОСКВЫ.

1) Церемоніалъ перевезенія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Ливадіи въ Москву и С.-Петербургъ 38
2) Выѣздъ изъ Ливадіи 43
3) Севастополь. 44
4) Отъ Севастополя до Москвы. *Бар. А. Э. Нольде* 44
5) Спасовъ Скитъ. 49
6) Харьковъ 50
7) Орелъ 50

* * *

ВЪ МОСКВѢ.

Стр.

1) Церемоніалъ встрѣчи и перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора 53
2) Церемоніалъ перевезенія Императорскихъ Регалій 66
3) На скорбномъ пути 68
4) Послѣднее прости 79
5) Вѣнки 84
6) Москвичи прощаются со своимъ Государемъ. *Очевидецъ* 86
7) Прощаніе Москвы со своимъ Царемъ. *К. П. Побѣдоносцевъ* 88
8) Рѣчь митрополита Сергія 90
9) Рѣчь **Государя Императора** 31 октября 1894 г. въ Москвѣ . . 90
10) **Высочайшая** благодарность Москвѣ 91
11) Царскія паннихиды 91
12) Поминальные обѣды 92

* * *

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

1) Церемоніалъ перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора 94
2) Порядокъ ношенія траура 111
3) Приготовленія Петербурга 114
4) Перенесеніе тѣла въ Бозѣ почившаго Государя въ Петропавловскій соборъ. Ѳ. *А. Духовецкій* 113
5) У гроба. Ѳ. *А. Духовецкій* 120
6) Рѣчь митрополита Палладія 123
7) Поминальные обѣды 124
8) Погребеніе въ Бозѣ почившаго Государя Александра III. Ѳ. *А. Духовецкій* 125
9) Государь Александръ III во гробѣ 128
10) Вѣнки на гробъ Императора Александра III 128
11) **Высочайшій** рескриптъ 3 ноября 1894 г. 129

* * *

ОТКЛИКИ ПЕЧАТИ.

Для удобства справокъ помѣщаемъ списокъ русскихъ изданій, цитированныхъ не въ одномъ отдѣлѣ „Отклики печати“, но во всемъ сборникѣ:

Стр.

Астраханскій Вѣстн. . . 139, 145
Биржевыя Вѣдом. 164, 176
Варшавскій Дневникъ 701
Виленскій Вѣстн. . . . 136, 147, 170
Волгарь 141, 165, 328
Волжск. Вѣстн. 325
Волынь 143, 150
Граждан. . . 134, 140, 164, 167, 178, 336, 379
Душеполезное Чтеніе 320
Екатериносл. Губ. Вѣд. 367
Journal de S.-Petersbourg 165
Журн. Мин. Юст. 369
Кіевлянинъ 169
Кіевское Слово 170
Крымскій Вѣстникъ 18
Курьеръ Пром. и Торг. . . . 146, 159
Моск. Листокъ 143, 158, 167

Стр.

Моск. Церк. Вѣдомости .135, 149
Новое Время ..151, 161, 166, 334
Новое Обозрѣніе 145
Новости .142, 165, 171, 326, 340
Новости Дня ..... .135, 159
Новорос. Телегр.....143, 148, 171
Одесскія Новости 171
Петерб. Газета..... 163
Петербургск. Листокъ .. 164, 318
*Прав. Вѣстн.*16, 123, 124, 128, 152, 371, 376
Ревельскія Извѣстія..... 365
Русскія Вѣдомости..... 160
Русская Жизнь..... 140
Русскій Листокъ.....135, 160
Русск. Музык. Газета..... 347
Русское Обозрѣніе 175
Сарат. Листокъ.....138, 170
Свѣтъ. 144, 163, 297 361
С.-Петерб. Вѣдомости. .161, 177
St-Petersburger Herold..... 169
St-Petersburger Zeitung..... 168
Сынъ Отеч...139, 152, 162, 177, 201, 378
Театр. Библіот..... 346
Церковныя Вѣдом. 12, 27, 291, 359
Южный Край.....137, 154, 324
Яросл. Губерн. Вѣдом....150, 152

* * *

ОЧЕРКЪ ЦАРСТВОВАНІЯ.

1) Россія въ 1881 и въ 1894 годахъ..... 179
2) Внутренняя политика прошлаго Царствованія..... 185
3) Русскіе финансы 1881 и 1894 годовъ 190
4) Заботы Александра III объ оборонѣ Россіи.. 196
5) Внѣшняя политика Императора Александра III... 200
6) Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра III 205
7) Дворянское дѣло при Императорѣ Александрѣ III. 210
8) Балтійскій край въ царствованіе Императора Александра III. 215
9) Народная школа въ царствованіе Императора Александра III..... 218
10) Финляндская окраина въ царствованіе Александра III. 221
11) Вопросъ объ иностранцахъ..... 227

* * *

ОТКЛИКИ ЗА ПРЕДѢЛАМИ РОССІИ.

1) Газеты:
Autorité 239
Correspondent 343
Галичанинъ 242
Гласъ Црногорца. 241
Daily Chronicle..... 236
Daily News.....235, 258
Dannebrog 298
Echo de la Semaine.. .. 278
Estafette..... 240
Figaro....239, 240, 253, 254
Fremdenblatt..... 236
Gaulois. 258
Hamburg Nachricht..... 231
Intransigeant 240
Journal de Débats....234, 252
Journal Officiel..... 262
Justice..... 240
Знаме.. 239
Kreuzzeitung 246
Mattino..... 362
Mémorial Diplomatique... 268
Narodny Listy..... 241, 354
Neue Freie Presse..... 237
Petit Journal.. 240
Petit Parisien..... 240
Radical 257
Rappel 256
République Française.... 262
Reveil Breton..... 377

	Стр.
Revue Hebdomadaire	340
Siècle	257
Soleil	257
Standard. 232,	233
Temps. .233, 234, 250, 263,	271
Times.... 232,	259
Vossiche Zeitung.....	246
Voltaire....	240
2) Лордъ Розберри.....	242
3] Лордъ Солсбери.....	243
4) Вѣна и Берлинъ при вѣсти о кончинѣ Государя....	243
5) Франція при вѣсти о кончинѣ 247,	260
6) Лондонъ	258
7) Французская палата и сенатъ...	263
8) Паннихида въ Берлинѣ..	266
9) Копенгагенъ.....	270
10) Стокгольмъ.....	271
11) Народныя манифестаціи во Франціи.....	272
12) Выходка депутата Левашовскаго.....	273
13) Черногорія. Манифестъ Князя.	275
14) Франція. Посланіе архіепископа Парижскаго...	276
15) Пѣсни простаго народа во Франціи.....	278

* * *

ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ.

1) Знаменіе времени. *Л. Тихомировъ*..... 281
2) Значеніе Императора Александра III въ Исторіи нашей культуры. *Ю. Николаевъ*..... 286
3) Памяти въ Бозѣ Почившаго..... 291
4) „Популярность" Почившаго..... 293
5) Европа о почившемъ Царѣ..... 294
6) Характеристика „Свѣта"..... 297
7) Воспоминанія въ Даніи..... 298
8) Дѣтская память о Великомъ Государѣ..... 300
9) Изъ Константинополя 301
10) Стихотвореніе 1845 г..... 302
11) Носитель идеала. *Л. Тихомировъ* 303
12) Царская дача во Фреденсборгѣ..... 311
13) На гробъ Императора Александра III. *Елена Бѣлоруссова*..... 312
14) Черты изъ жизни почившаго Государя. *Русскій* (*Д. Языковъ*)..... 313
15) Историческая параллель 320
16) Императоръ Александръ III и Копенгагенскій дворъ..... 322
17) Воспоминанія (Харьковскія)..... 324
18) Воспоминанія (Казанскія)..... 325
19) Лекція профессора Мартенса..... 326
20) Воспоминанія (Нижегородскія)..... 328
21) Императоръ Александръ III (Характеристика г. Стэда). *Л. Тихомировъ*..... 329
22) Голосъ французскаго священника..... 335
23) Воспитаніе Александра III.. 336
24) Письмо Антокольскаго..... 340
25) Французскія настроенія. *Л. Тихомировъ*..... 340
26) Вниманіе Александра III къ русскому театру и музыкѣ..... 346
27) Доброта Александра III..... 348
28) Два послѣдніе взгляда. *Вѣра Желиховская*..... .. 350
29) Чешскія учительницы объ Императорѣ Александрѣ III.. 354
30) Памяти Государя Александра Александровича. 359

Стр.
31) Рѣчь Н. П. Игнатьева 361
32) Италіянцы объ Императорѣ Александрѣ III. *М. П. Соловьевъ* 362
33) Императоръ Александръ III въ Ревелѣ 365
34) Воспоминанія офицера 367
35) Императоръ Александръ III, какъ верховный судья 369
36) Рѣчь П. П. Семенова 371

* * *

ПАМЯТНИКИ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III.

1) Всенародный Памятникъ почившему Царю 373
2) Разрѣшеніе подписки на всероссійскій памятникъ въ Москвѣ 376
3) Подписка на памятникъ Александру III во Франціи 377
4) Памятникъ Царю-Миротворцу 378
5) Памятникъ въ Харьковѣ 380
6) Памятникъ въ Петербургѣ 380
7) Чрезвычайное засѣданіе Московской Городской Думы 380
8) О памятникѣ Александру III. *Ю. Николаевъ* 382
9) Памятникъ въ Ѳеодосіи 384

* * *

ПРИЛОЖЕНІЯ.

1) Къ похоронамъ Государя Александра III. *Ѳ. Духовецкій* 386
2) Письмо о. Іоанна Кронштадтскаго 401
3) На могилѣ Императора Александра III. Графъ *А. Голенищевъ-Кутузовъ* 404

* * *

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ мысли и чувства всего міра были сосредоточены на одномъ—болѣзни и затѣмъ кончинѣ Государя Императора Александра Александровича. *Московскія Вѣдомости*, помѣщая много своихъ извѣстій и статей, относившихся къ болѣзни, кончинѣ и очерку значенія незабвеннаго Великаго Царя, точно также знакомили читателей и съ тѣмъ, что̀ появлялось, по этому предмету, въ другихъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ. Неоднократно редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* приходилось получать выраженія сожалѣнія читателей о томъ, что собранный такимъ образомъ обильный матеріалъ, разбросанный по отдѣльнымъ нумерамъ газеты, станетъ скоро недоступенъ для пользованія.

Въ виду этого издатель *Московскихъ Вѣдомостей* рѣшился собрать воедино всѣ опубликованныя или перепечатанныя имъ за это время свѣдѣнія о жизни и кончинѣ Императора Александра Александровича и издать ихъ отдѣльною книгой.

Въ этой книгѣ, собранный *Московскими Вѣдомостями* матеріалъ расположенъ по нѣсколькимъ главнымъ отдѣламъ для удобства пользованія, для удобства справокъ, въ оглавленіи помѣщенъ подробный перечень содержанія. При перечнѣ цитированныхъ изданій сдѣлано указаніе всѣхъ страницъ книги,

на коихъ они упоминаются или цитируются. Въ текстѣ при каждой статьѣ обозначенъ № *Московскихъ Вѣдомостей*, въ которомъ она была напечатана, а при статьяхъ и выдержкахъ заимствованныхъ обозначены также названія и нумера изданій, изъ коихъ онѣ взяты.

Такимъ образомъ, издаваемая книга имѣетъ характеръ сборника документовъ и матеріаловъ, очерчивающихъ жизнь, кончину, дѣятельность и нравственный обликъ Почившаго Государя, а также отношеніе къ Нему современниковъ. Въ настоящее время, когда во всѣхъ русскихъ сердцахъ неизгладимыми чертами запечатлѣвается Его дорогая память—эта книга *Памяти Императора Александра III* имѣетъ своею цѣлію удовлетворить, насколько это пока въ нашихъ силахъ, запросы выраженные намъ нашими читателями.

С. Петровскій.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ III.

† 20-го октября 1894 г.

КЪ ПОРТРЕТУ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Въ томъ Царская Его заслуга предъ Россіей,
Что—Царь—Онъ вѣрилъ Самъ въ устои вѣковые,
На коихъ зиждется Россійская Земля,
Ихъ громко высказалъ—и какъ съ высотъ Кремля
Ивановъ Колоколъ ударитъ, и въ мгновенье
Всѣ сорокъ сороковъ, въ Христово Воскресенье,
О Свѣтломъ Праздникѣ по Руси возвѣстятъ,—
Такъ слово Царское, летя изъ града въ градъ,
Откликнулось вездѣ народныхъ силъ подъёмомъ,—
И какъ, живительнымъ весеннимъ первымъ громомъ
Вдругъ къ жизни призваны, очнутся долъ и лѣсъ,—
Воскресла духомъ Русь—сомнѣній мракъ исчезъ—
И то, что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней закрѣплено—сознаньемъ.

А. Майковъ.

С.-Петербургъ.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ

О БОЛѢЗНИ И КОНЧИНѢ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Александра III.

Въ 1893 г. Государь Императоръ Александръ Александровичъ заболѣлъ инфлуэнцой, о чемъ было сообщено нижеслѣдующими извѣстіями:

Телеграмма *Сѣв. Тел. Агентства* извѣстила 16 янв. 1893 г.:

ПЕТЕРБУРГЪ, 16 янв. Государь Императоръ заболѣлъ сильною инфлуэнцой, съ значительнымъ катарромъ дыхательнаго горла, бронхитомъ и воспаленіемъ нижней доли праваго легкаго. Температура доходитъ ночью до 39,6°.

Со слѣдующаго дня явились офиціальные бюллетени за подписями: профессоръ Захарьинъ, лейбъ-хирургъ Гиршъ и докторъ Вельяминовъ:

ПЕТЕРБУРГЪ, 17-го янв., утромъ. Его Императорское Величество чувствуетъ Себя нѣсколько лучше. Воспаленіе не распространяется. Высшая температура ночью 39,3, утромъ 38,6. Пульсъ хорошій.

ПЕТЕРБУРГЪ, 17-го янв., вечеромъ. Улучшеніе въ состояніи здоровья Его Величества продолжается. Температура за весь день ниже температуры вчерашняго дня. Въ 9 часовъ вечера температура была 38,1, пульсъ хорошій, дыханіе свободное кашель легче.

ПЕТЕРБУРГЪ, 18-го янв., утромъ. Температура за ночь не поднялась; утромъ 38; признаки воспаленія легкаго уменьшаются; бронхитъ продолжается и мѣшаетъ спу, пульсъ хорошъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 18 янв., вечеромъ. Температура продолжаетъ уменьшаться, вечеромъ 37,7; бронхитъ нѣсколько ослабѣваетъ и допускаетъ по временамъ непродолжительный сонъ. Пульсъ хорошъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 19-го янв., вечер. Температура 37,1°; пульсъ хорошъ, бронхитъ продолжаетъ уменьшаться; сонъ и самочувствіе лучше. Бюллетени будутъ выходить лишь разъ въ день.

ПЕТЕРБУРГЪ, 19-го января, утромъ. Температура 37°, пульсъ хорошъ; признаковъ воспаленія легкаго незамѣтно, бронхитъ уменьшается и сонъ лучше; появился небольшой аппетитъ и слабость начинаетъ уменьшаться.

ПЕТЕРБУРГЪ, 20-го января. Лихорадки нѣтъ, сонъ и силы улучшаются.

На слѣдующій день телеграмма *Съв. Тел. Агентства* извѣстила:

ПЕТЕРБУРГЪ, 21-го января. При начавшемся выздоровленіи Государя Императора бюллетени прекращаются.

Государь, повидимому, оправился. Но потомъ оказались послѣдствія перенесенной болѣзни. По отмѣнѣ Смоленскихъ маневровъ появилось такое офиціальное извѣщеніе:

ПЕТЕРБУРГЪ, 17-го сентября. Здоровье Государя со времени перенесенной въ прошломъ январѣ тяжелой инфлуэнцы не поправилось совершенно. Лѣтомъ обнаружилась болѣзнь почекъ, нефритъ, требующая для болѣе успѣшнаго лѣченія, въ холодное время года, пребываніе Государя въ тепломъ климатѣ. По совѣту профессоровъ Захарьина и Лейдена, Государь отбываетъ въ Ливадію, для временнаго тамъ пребыванія.

Но изъ Ливадіи скоро донеслись новыя тяжкія вѣсти, о коихъ давала догадываться уже телеграмма 4 октября:

ПЕТЕРБУРГЪ, 4-го октября. Сегодня въ Ялту отправился отецъ Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій).

Офиціальные бюллетени.

Офиціальные бюллетени о состояніи здоровья Его Величества за подписями: пр. Лейдена, пр. Захарьина, лейбъ-хирурга Гирша, доктора Попова, почетнаго лейбъ-хирурга Вельяминова.

ЛИВАДІЯ, 5-го октября, 11 часовъ вечера. Въ состояніи здоровья Государя Императора замѣчается ухудшеніе: общая слабость и слабость сердца увеличились.

ЛИВАДІЯ, 6 октября, 7 часовъ вечера. Въ состояніи здоровья Государя Императора перемѣны нѣтъ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 7-го октября. Бюллетень о состояніи здоровья Государя Императора: «Ливадія, 7 октября, 10 часовъ вечера. Ночь на 7 число прошла почти безъ сна. Утромъ Государь Императоръ, какъ всегда, вставалъ. Общая слабость и дѣятельность сердца въ томъ же состояніи; отекъ ногъ, показавшійся въ послѣднее время, нѣсколько увеличился. Въ общемъ положеніе то же.»

ПЕТЕРБУРГЪ, 8-го октября. Бюллетень о состояніи здоровья Государя Императора: «Ливадія, 8-го октября, 8 часовъ 40 минутъ вечера. За истекшія сутки Государь Императоръ немного почивалъ, вставалъ въ теченіе дня. Состояніе силъ и сердечной дѣятельности то же. Отеки не увеличиваются.»

ЛИВАДІЯ, 9-го октября, 8 часовъ 50 минутъ вечера. За истекшія сутки Государь Императоръ спалъ немного больше, всталъ въ обычное время. Аппетитъ и самочувствіе нѣсколько лучше. Въ остальномъ перемѣнъ нѣтъ.

ЛИВАДІЯ, 10-го октября, 8 часовъ 17 минутъ вечера. Въ ночь на десятое Государь Императоръ почивалъ съ перерывами около пяти часовъ. Вставалъ Государь по обыкновенію. Аппетитъ нѣсколько меньше. Силы не увеличились.

ЛИВАДІЯ, 11-го октября, 10 часовъ утра. Въ ночь на 11 октября Государь Императоръ почивалъ лучше; аппетитъ малъ, состояніе силъ и дѣятельность сердца не улучшаются; отеки ногъ нѣсколько увеличились.

ЛИВАДІЯ, 11-го октября, 7 часовъ вечера. Въ теченіе дня замѣчались нѣкоторая сонливость и легкія спазмодическія явленія. Аппетитъ лучше вчерашняго.

ЛИВАДІЯ, 12-го октября, 10 часовъ утра. Ночью Государь Императоръ почивалъ нѣсколько часовъ. Сонливости не замѣтно, аппетитъ есть.

ЛИВАДІЯ, 12-го октября, 8 часовъ вечера. Въ теченіе дня сонливости не было. Аппетитъ и самочувствіе лучше. Отекъ ногъ нѣсколько увеличился.

Въ этотъ же день явилось извѣстіе:

ПЕТЕРБУРГЪ, 12-го октября. Въ воскресенье, 9-го октября, Государь Императоръ пріобщался Святыхъ Таинъ.

Продолжаемъ офиціальные бюллетени:

ЛИВАДІЯ, 13-го октября, 11 часовъ утра. Ночью Государь Императоръ спалъ мало. Утромъ Его Величество всталъ въ

обычное время. Аппетитъ и самочувствіе какъ вчера. Отеки не увеличились.

ЛИВАДІЯ, 13-го октября, 8 часовъ вечера. Въ теченіе дня ни сонливости, ни спазмодическихъ явленій не было. Аппетитъ удовлетворителенъ. Отеки не увеличиваются.

ЛИВАДІЯ, 14-го октября, 11 часовъ утра. Ночью Государь Императоръ почивалъ довольно хорошо. Аппетитъ хорошъ, сонливости и спазмодическихъ явленій нѣтъ. Отеки нѣсколько увеличились.

ЛИВАДІЯ, 14-го октября, 7 часовъ вечера. Въ теченіе дня Государь Императоръ кушалъ хорошо, съ аппетитомъ, но чувствовалъ нѣкоторую слабость; въ остальномъ перемѣны нѣтъ.

ЛИВАДІЯ, 15-го октября, 11 часовъ утра. Государь Императоръ почивалъ довольно хорошо. Аппетитъ хорошъ. Вчерашней слабости нѣтъ. Въ остальномъ безъ перемѣны.

ЛИВАДІЯ, 15-го октября, 7 часовъ вечера. Въ теченіе дня Государь Императоръ кушалъ хорошо. Сердечная дѣятельность нѣсколько удовлетворительнѣе. Отеки не увеличились. Самочувствіе лучше вчерашняго.

ЛИВАДІЯ, 16-го октября, 10 часовъ утра. Ночью Государь Императоръ почивалъ хорошо. Аппетитъ удовлетворителенъ. Въ остальномъ перемѣнъ нѣтъ.

ЛИВАДІЯ, 16-го октября, 7 часовъ вечера. Въ теченіе дня въ состояніи здоровья Его Императорскаго Величества никакихъ перемѣнъ не произошло

ЛИВАДІЯ, 17-го октября, 11 часовъ утра. Ночью Государь Императоръ спалъ меньше. Аппетитъ есть. Отеки не уменьшаются.

ЛИВАДІЯ, 17-го октября, 8 часовъ вечера. Въ теченіе дня Государь Императоръ кушалъ мало и чувствовалъ Себя слабѣе; обычный кашель, которымъ Его Величество страдаетъ давно, вслѣдствіе хроническаго катарра глотки и дыхательнаго горла, усилился и въ мокротѣ показалось нѣсколько крови.

ЛИВАДІЯ, 18-го октября, 11 часовъ утра. Въ состояніи здоровья Государя Императора произошло значительное ухудшеніе. Кровохарканіе, начавшееся вчера при усиленномъ кашлѣ, ночью увеличилось и появились признаки ограниченнаго воспалительнаго состоянія «инфарктъ» въ лѣвомъ легкомъ. Положеніе опасное.

ЛИВАДІЯ, 18-го октября, 10 часовъ вечера. Въ теченіе дня продолжалось отдѣленіе кровавой мокроты. Былъ ознобъ. Температура 37,8, пульсъ 90, слабоватъ. Дыханіе затруднено.

Аппетитъ крайне слабъ. Большая слабость. Отеки значительно увеличились.

ЛИВАДІЯ, 19-го октября, 10 час. утра. Въ теченіе ночи Государь Императоръ спалъ нѣсколько часовъ. Отдѣленіе кровавой мокроты нѣсколько уменьшилось. Въ остальномъ перемѣнъ нѣтъ.

ЛИВАДІЯ, 19-го октября, 7 часовъ вечера. Въ теченіе дня Государь Императоръ кушалъ мало. Явленія ограниченнаго воспалительнаго состоянія «инфаркта» въ лѣвомъ легкомъ продолжаются. Дыханіе затруднено. Пульсъ слабъ. Большая общая слабость.

ЛИВАДІЯ, 20-го октября, 9 часовъ утра. Ночь Государь Императоръ провелъ безъ сна. Дыханіе сильно затруднено. Дѣятельность сердца быстро слабѣетъ. Положеніе крайне опасно.

ЛИВАДІЯ, 20-го октября, 11 час. 30 мин. утра. Дѣятельность сердца продолжаетъ падать. Одышка увеличивается. Сознаніе полное.

ЛИВАДІЯ, 20-го октября. Въ 10 часовъ утра Государь Императоръ сподобился пріобщиться Св. Христовыхъ Таинъ. Его Величество въ полномъ сознаніи.

Графъ Воронцовъ-Дашковъ.

ЛИВАДІЯ, 20-го октября. Государь Императоръ Александръ III, въ 2 часа 15 мин. пополудни сего 20-го октября, тихо въ Бозѣ почилъ.

Министръ Императорскаго Двора графъ *Воронцовъ-Дашковъ.*

За симъ мы получили слѣдующія

Телеграммы:

ЛИВАДІЯ, 20-го октября. Въ 2 часа 15 мин. пополудни, сохраняя полное сознаніе до послѣдней минуты, Государь Императоръ Александръ Александровичъ въ Бозѣ почилъ. Утромъ Государь причастился Святыхъ Таинъ. Государь скончался въ кругу Семьи.

ЛИВАДІЯ, 20-го октября. Сегодня, въ 4½ часа дня, пушечными выстрѣлами возвѣщено о кончинѣ Государя Императора Александра Александровича. Въ пятомъ часу дня на площади предъ дворцовою церковью протопресвитеромъ Янышевымъ были приведены къ присягѣ на вѣрность восшедшему на престолъ Императору Николаю Второму: первыми присягнули Великіе Князья, затѣмъ чины Двора и свиты, служащіе, а также

нижніе чины сводно-гвардейскаго баталіона и дворцовой полиціи и конвоя Его Величества.

ЛИВАДІЯ, 21-го октября. Сегодня, 21-го октября, утромъ, по случаю вступленія на Русскій Прародительскій Престолъ Его Величества Государя Императора Николая Александровича, въ дворцовой церкви совершена литургія, а затѣмъ состоялось торжественное молебствіе, которое совершалъ протопресвитеръ Янышевъ при клирѣ придворныхъ пѣвчихъ. На богослуженіи присутствовали: Государь Императоръ, Вдовствующая Императрица, Королева Эллиновъ, Герцогиня Кобургъ-Готская, Принцесса Алиса и другія Августѣйшія Особы.

ЛИВАДІЯ, 21-го октября. Кончина Государя Императора Александра Александровича была праведная, какъ праведна была Его жизнь, исполненная вѣры, любви и смиренія. Нѣсколько дней Онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти и готовился къ ней какъ вѣрующій христіанинъ, не оставляя заботы о дѣлахъ правленія. Два раза: 9-го и 17-го октября, Государь пріобщался Святыхъ Таинъ. Не спавъ всю ночь, рано утромъ, 20-го октября, въ Бозѣ почившій Императоръ сказалъ уже Императрицѣ: «Чувствую конецъ, будь покойна. Я совершенно покоенъ», и, собравъ всю Семью около Себя, пригласилъ духовника и пріобщился Св. Таинъ*), съ великимъ умиленіемъ произнеся вслухъ, яснымъ для всѣхъ голосомъ, молитву предъ причастіемъ, сидя въ креслахъ. Государь все время не терялъ ни на минуту сознанія. Послѣ обѣдни Онъ послалъ за отцомъ Іоанномъ Сергіевымъ и вмѣстѣ съ нимъ молился; потомъ, черезъ полчаса, призвалъ его снова, и отецъ Іоаннъ вновь напутствовалъ Его молитвою и помазаніемъ святаго елея, пріобщилъ Святыхъ Таинъ**) и оставался при Немъ до самой кончины. Въ два часа пополудни успился у Государя пульсъ, и взоръ Его какъ бы оживился, но уже чрезъ четверть часа, закрывъ глаза и откинувъ голову, Онъ предалъ духъ Всевышнему Богу, завѣщавъ народу Своему благословеніе мира и завѣтъ доброй жизни.

---

*) То-есть у о. протопресвитера Янышева. *Ред.*

**) Это свѣдѣніе оказалось невѣрнымъ: 20 числа о. Іоаннъ *не пріобщалъ* Государя (см. ниже письмо протопресвитера о. Янышева). О. Іоаннъ пріобщалъ Государя 17 числа. *Ред.*

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МІЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Богу Всемогущему угодно было, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ, прервать драгоцѣнную жизнь горячо любимаго Родителя Нашего, Государя Императора Александра Александровича. Тяжкая болѣзнь не уступила ни лѣченію, ни благодатному климату Крыма, и 20 октября Онъ скончался въ Ливадіи, окруженный Августѣйшею Семьей Своею, на рукахъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы и Нашихъ. Горя Нашего не выразить словами, но его пойметъ каждое русское сердце, и Мы вѣримъ, что не будетъ мѣста въ обширномъ Государствѣ Нашемъ, гдѣ бы не пролились горячія слезы по Государю, безвременно отошедшему въ вѣчность и оставившему родную землю, которую Онъ любилъ всею силой Своей русской души и на благоденствіе которой Онъ полагалъ всѣ помыслы Свои, не щадя ни здоровья Своего, ни жизни. И не въ Россіи только, а далеко за ея предѣлами, никогда не перестанутъ чтить память Царя, олицетворявшаго непоколебимую правду и миръ, ни разу не нарушенный во все Его царствованіе. Но да будетъ Святая воля Всевышняго, и да укрѣпитъ Насъ незыблемая вѣра въ премудрость небеснаго Промысла, да утѣшитъ Насъ сознаніе, что скорбь Наша—скорбь всего возлюбленнаго народа Нашего, и да не забудетъ онъ что сила и крѣпость Святой Руси—въ ея единеніи съ Нами и въ

безпредѣльной Намъ преданности. Мы же, въ этотъ скорбный, но торжественный часъ вступленія Нашего на прародительскій престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, вспоминаемъ завѣты усопшаго Родителя Нашего и, проникшись ими, пріемлемъ священный обѣтъ предъ лицомъ Всевышняго всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастія всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ. Всемогущій Богъ, Ему же угодно было призвать Насъ къ сему великому служенію, да поможетъ Намъ.

Вознося горячія молитвы къ престолу Вседержителя объ упокоеніи чистой души незабвеннаго Родителя Нашего, повелѣваемъ всѣмъ Нашимъ подданнымъ учинить присягу въ вѣрности Намъ и Наслѣднику Нашему, Его Императорскому Высочеству Великому Князю Георгію Александровичу, Которому быть и титуловаться Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, доколѣ Богу угодно будетъ благословить рожденіемъ сына предстоящій бракъ Нашъ съ Принцессою Алисою Гессенъ-Дармштадтскою.

Данъ въ Ливадіи, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ девяносто четвертое, царствованія же Нашего въ первое, октября 20 дня.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*НИКОЛАЙ.*“

Діагнозъ болѣзни Государя Императора и актъ вскрытія по кончинѣ Его.

(*Моск. Вѣд. № 297*).

ПЕТЕРБУРГЪ, 28-го октября. Телеграммы министра Двора: 1) Діагнозъ болѣзни Императора Александра, поведшей къ кончинѣ: хроническій интерстиціальный нефритъ съ послѣдовательнымъ пораженіемъ сердца и сосудовъ. Геморрагическій инфарктъ въ лѣвомъ легкомъ съ послѣдовательнымъ воспаленіемъ. Подписали 21 октября 1894 года: Лейденъ, Захарьинъ, Гиршъ, Поповъ, Вельяминовъ. Скрѣпилъ министръ Двора.

2) Актъ составленный по вскрытіи тѣла почившаго Императора октября 22-го, въ семь съ половиной часовъ вечера: «Мы, нижеподписавшіеся, нашли при бальзамированіи тѣла почившаго Императора значительный отекъ подкожной клѣтчатки нижнихъ конечностей и пятнистую красноту на лѣвой голени. Въ лѣвой полости плевры 200 кубическихъ центиметровъ сывороточной жидкости, окрашенной въ красный цвѣтъ. Въ правой полости плевры 50 кубическихъ центиметровъ таковой же жидкости. Старый фиброзный рубецъ въ верхушкѣ праваго легкаго. Отечное состояніе праваго легкаго. Въ лѣвомъ легкомъ отекъ верхней доли и кровяной инфарктъ въ нижней долѣ того же легкаго, причемъ эта нижняя доля очень полнокровна и содержитъ въ себѣ очень мало воздуха. Кровяной инфарктъ находится у верхняго края нижней доли лѣваго легкаго и въ разрѣзѣ имѣетъ трехугольную форму, полтора центиметра въ продольномъ разрѣзѣ и одинъ центиметръ въ поперечномъ. Въ околосердечной сумкѣ 30 кубическихъ центиметровъ красноватой сывороточной жидкости. Сердце значительно увеличено въ объемѣ: продольный размѣръ—17 центиметровъ, поперечный размѣръ—18 центиметровъ. Въ подсерозной клѣтчаткѣ сердца большое количество жировой ткани. Сердце плохо

сократилось. Лѣвая полость сердца увеличена и стѣнка лѣваго желудочка утолщена (=двумъ съ половиной центиметрамъ). Мышца лѣваго желудочка блѣдна, вяла и желтоватаго цвѣта. Въ правомъ желудочкѣ мышечная стѣнка истончена (6 миллиметровъ) и такого же желтоватаго цвѣта. Заслоночный аппаратъ совершенно нормаленъ. Въ полости живота около 200 кубическихъ центиметровъ сывороточной жидкости. Въ желудкѣ и кишечникѣ большое количество газовъ. Печень немного увеличена и очень полнокровна. Почки имѣютъ слѣдующіе размѣры: лѣвая—16 центиметровъ въ длину, 7 цент. въ ширину и 4 цент. въ толщину; правая—15 цент. въ длину, 6,5 цент. въ ширину и 4 цент. въ толщину. Капсула почки обыкновенной толщины и отдѣляется легко, мелкозерниста, темнокраснаго цвѣта. Плотность почекъ, наружная поверхность почекъ незначительная. Корковое вещество почекъ уменьшено (отъ 6 до 7 миллиметровъ) и желтовато; медулярное же вещество темнокраснаго цвѣта. Сверхъ того, въ лѣвой почкѣ серозный пузырекъ трехъ миллиметровъ въ поперечникѣ. На основаніи вышеизложеннаго, мы полагаемъ, что Императоръ Александръ скончался отъ паралича сердца при перерожденіи мышцъ гипертрофированнаго сердца и интерстиціальномъ нефритѣ (зернистой атрофіи почекъ).» Подписали: профессоры Московскаго университета: Клейнъ, Зерновъ; профессоръ Харьковскаго университета Поповъ. Прозекторы: Московскаго университета Алтуховъ, Харьковскаго—Бѣлоусовъ. Скрѣпилъ министръ Двора.

Профессоръ Лейденъ.

Эрнстъ Викторъ Лейденъ родился 20 апрѣля 1832 года въ Данцигѣ, гдѣ получилъ первоначальное образованіе. Съ 1849 по 1854 годъ онъ слушалъ медицинскій курсъ въ Институтѣ Фридрихъ-Вильгельма въ Берлинѣ, откуда выпущенъ былъ военнымъ врачомъ въ армію, а въ 1857 году въ званіи старшаго и штабнаго доктора вступилъ въ Институтъ Фридрихъ-Вильгельма, гдѣ до 1862 года состоялъ ассистентомъ знаменитаго профессора Траубе. Съ 1862 по 1865 годъ онъ состоялъ баталіоннымъ докторомъ Прусскаго гвардейскаго стрѣлковаго полка, съ которымъ участвовалъ въ войнѣ 1864 года, а по окончаніи войны назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ патологіи и терапіи и директоромъ клиники Кёнигсбергскаго университета. Въ 1872 году онъ перешелъ на ту же должность въ Страсбургскій университетъ, а въ 1876 году, послѣ смерти Траубе, назначенъ былъ ординарнымъ профессоромъ и директоромъ

пропедевтической клиники въ Берлинѣ. Послѣ смерти Фрериха, также одного изъ выдающихся клиницистовъ, Лейденъ занялъ его постъ директора первой медицинской клиники Берлинскаго университета, который занимаетъ и до настоящаго времени. Профессоръ Лейденъ извѣстенъ въ наукѣ своими изслѣдованіями въ области первыхъ болѣзней и болѣзней спиннаго мозга, о которыхъ издалъ пользующіяся большимъ авторитетомъ сочиненія и, кромѣ того, постоянно помѣщаетъ отчеты о своихъ трудахъ и изслѣдованіяхъ въ основанномъ имъ вмѣстѣ съ Фрерихомъ въ 1879 году журналѣ Zeitschrift für klinische Medezin, издающемся до сихъ поръ.

Послѣдніе часы жизни Императора Александра III.

(*Моск. Вѣд.* № 313.)

Желая сообщить точныя свѣдѣнія объ исполненіи въ Бозѣ почившимъ Монархомъ христіанскаго долга исповѣди и причащенія Святыхъ Таинъ, редакція *Церковныхъ Вѣдомостей* обратилась къ духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитеру І. Л. Янышеву и протоіерею І. П. Сергіеву, находившимся въ послѣдніе дни жизни покойнаго Государя въ Ливадіи, съ просьбой о сообщеніи въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* точныхъ о семъ извѣстій. Письма отъ этихъ лицъ уже напечатаны въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* (№ 46), откуда мы и заимствуемъ ихъ.

I.

«О возможности близкой Своей кончины Государь Императоръ помышлялъ еще 9 октября и весьма опредѣленно говорилъ объ этомъ, когда принималъ меня въ этотъ день послѣ обѣдни; когда я позволилъ себѣ при этомъ просить Его Величество совершенно успокоиться отъ государственныхъ дѣлъ и заботъ и, предавъ Себя всецѣло въ волю Божію, пріобщиться Святыхъ Таинъ, Онъ съ радостію и неоднократно повторенною благодарностію принялъ это предложеніе и сожалѣлъ только, что не могъ такъ приготовиться къ этому великому Таинству, какъ Онъ вмѣстѣ съ Августѣйшею Семьею Своею обыкновенно дѣлалъ это, когда былъ здоровъ, въ Великомъ Посту. Среди молитвъ, къ которымъ я тотчасъ же приступилъ, Государь, одѣтый по обыкновенному, какъ здоровый, преклонилъ колѣна и дѣлалъ земные поклоны; въ такомъ положеніи Онъ оста-

вался до окончанія исповѣди. Святыхъ Таинъ Онъ пріобщился въ присутствіи Государыни Императрицы, Которая Сама вмѣстѣ со мною помогла Государю подняться на диванъ, сидя на которомъ Государь и сподобился Святаго Причастія. Въ этотъ день съ утра Онъ чувствовалъ Себя вообще сравнительно лучше чѣмъ въ предыдущіе дни; а въ слѣдующіе два-три дня еще лучше, пока не наступилъ окончательный поворотъ къ худшему около 16—17 октября.

«20 октября, рано утромъ, я, по обыкновенію, давалъ урокъ по Закону Божію Его Высочеству Великому Князю Михаилу Александровичу и, узнавъ, что ночь подъ это утро для Государя была особенно тяжела,—я, вмѣсто того, чтобы продолжать занятія и съ Великою Княжной Ольгой Александровной, поднялся на верхъ Малаго Дворца, гдѣ покои болящаго Государя, куда только-что прибыла прямо изъ-за границы Герцогиня Кобургская Марія Александровна, и куда уже начали мало-по-малу собираться находившіеся въ Большомъ Дворцѣ и вообще въ Ливадіи Члены Императорской Фамиліи. Изъ комнаты, въ которую они входили и гдѣ находился Государь, вскорѣ вышелъ Цесаревичъ (нынѣ царствующій Государь Императоръ) и сказалъ мнѣ, что Государь желаетъ молиться. Среди молитвъ, которыя я читалъ, стоя съ боку, нѣсколько впереди Государя, съ лицомъ обращеннымъ къ иконѣ, слышу довольно твердый Его голосъ: «желалъ бы пріобщиться». Тотчасъ же я отправился въ церковь у Большаго Дворца, въ которой хранились заготовленные Святые Дары, и на случайно оказавшейся близъ нея свободной коляскѣ возвратился въ Малый Дворецъ. Здѣсь близъ Государя Самъ Цесаревичъ (нынѣ Государь Императоръ) приготовилъ столикъ, на который мною поставлены были Святые Дары, и началось, среди глубокаго молчанія присутствующихъ, чтеніе обычныхъ молитвъ. Предпричастную молитву: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую»,—Государь отъ слова до слова повторялъ съ яснымъ сознаніемъ смысла каждаго слова и съ сердечнымъ умиленіемъ. Когда я, по окончаніи священнодѣйствія, хотѣлъ тотчасъ же удалиться, чтобы Государь могъ оставаться исключительно среди Своей Семьи, Ему угодно было остановить меня, чтобы неоднократно повторить Свое царское спасибо и непремѣнно поцѣловать священническую руку, которую Онъ съ усиліемъ поднялъ до Своихъ устъ; при этомъ я невольно наклонился къ Его уху, отъ всей души высказалъ взаимно благоговѣйную признательность Его Величеству не за духовенство только, но прежде всего за святую Церковь, которой Онъ былъ неизмѣнно вѣрнымъ сыномъ и твердымъ защитникомъ, и за всѣ сословія Русскаго народа, которому Онъ посвятилъ всѣ Свои

заботы и пожертвовалъ Свои силы; къ этому я позволилъ себѣ высказать твердую надежду, что въ небесныхъ селеніяхъ Ему уготовано непреходящее царство славы и блаженства со всѣми Святыми. Началось прощаніе всѣхъ присутствующихъ Высочайшихъ Особъ. Я уклонился въ сосѣднюю комнату, въ которой находились доктора, и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока не оказалось благовременнымъ прочитать молитву объ упокоеніи души почившаго въ Бозѣ Великаго Государя и началъ чтеніе Евангелія, съ тѣхъ поръ и до сей минуты, когда пишу эти строки, не прекращавшееся.

«Не могу ничего говорить о томъ, что происходило въ теченіе около двухъ часовъ среди полной тишины въ комнатѣ умиравшаго Великаго Больнаго до послѣдняго Его дыханія, послѣ Его прощанія со Своими Близкими. Во всякомъ случаѣ въ этотъ день во второй разъ Онъ *не* пріобщался Святыхъ Таинъ, и таинство *елеосвященія* надъ Нимъ *не* совершалось.»

Протопресвитеръ **Іоаннъ Янышевъ.**

5 ноября 1894 г.

II.

«17 октября, по желанію въ Бозѣ почившаго Государя Императора, Онъ былъ причащенъ мною Святыхъ Таинъ. Ежедневно совершалъ я литургію или въ Ливадійской церкви, или иногда въ «Орсандѣ», и въ означенный день, прямо по совершеніи литургіи въ послѣдней, я съ Чашею жизни поспѣшилъ къ Августѣйшему Больному, принявшему съ благоговѣйнымъ чувствомъ изъ рукъ моихъ животворящія Тайны.

«20 октября Государь Императоръ также пожелалъ меня видѣть. Я поспѣшилъ явиться тотчасъ по совершеніи литургіи и оставался въ Высочайшемъ присутствіи до самой блаженной кончины Государя. По желанію Государыни Императрицы, я прочиталъ молитву объ исцѣленіи Болящаго и помазалъ ноги и другія части тѣла Его елеемъ. Этотъ елей изъ лампады отъ чтимой чудотворной иконы, по желанію усердствующихъ, доставленъ былъ отъ одного изъ ялтинскихъ священниковъ, отца Александра, для помазанія Августѣйшаго Больнаго, что и было исполнено. Припявъ съ искреннею вѣрой это благочестивое усердіе, Государь Императоръ выразилъ желаніе чтобъ я возложилъ мои руки на главу Его, и, когда я держалъ, Его Величество сказалъ мнѣ: «васъ любитъ народъ».—«Да, сказалъ я, Ваше Величество, Вашъ народъ любитъ меня.» Тогда Онъ

изволилъ сказать: «Да,—потому что онъ знаетъ кто вы и что вы» (точныя Его слова). Послѣ сего вскорѣ Августѣйшій Больной сталъ чувствовать сильные припадки удушья, и въ уста Его постоянно вводили посредствомъ насоса кислородъ. Ему было очень тяжело. Съ лѣвой стороны Августѣйшаго Больнаго была Государыня Императрица, предъ Нимъ стояли два старшіе Сына и Высоконареченная Невѣста, съ правой—Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великая Княжна Ольга Александровна, а у изголовья кресла стоялъ я.—Не тяжело-ли Вашему Императорскому Величеству, что я держу руки на головѣ», спросилъ я. «Нѣтъ, изволилъ отвѣтить Государь,—мнѣ легче, когда вы держите надо мною руки.» Это отъ того, что я явился тотчасъ по совершеніи литургіи и дланями своими я держалъ Пречистое Тѣло Господне и былъ причастникомъ Святыхъ Таинъ.»

Протоіерей **Іоаннъ Сергіевъ.**

Кронштадтъ,
8 ноября 1894 г.

Къ столь драгоцѣннымъ сообщеніямъ высокочтимыхъ отцовъ протопресвитера І. Л. Янышева и протоіерея І. П. Сергіева, редакція *Церковныхъ Вѣдомостей*, на основаніи достовѣрныхъ извѣстій, добавляетъ, что въ Бозѣ почившій Государь Императоръ въ послѣдніе дни искреннѣйше желалъ принять Таинство Елеосвященія и только ждалъ для сего хотя небольшаго укрѣпленія быстро падающихъ силъ.

ВЪ ЛИВАДІИ.

Изъ Ливадіи.

(*Москов. Вѣдом.*, № 288).

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* отъ 19 октября (№ 227) напечатано:

Съ радостнымъ, но и съ тревожнымъ чувствомъ Ялта ожидала прибытія Государя Императора: слухи о болѣзни Его Величества проникли уже всюду. Отъѣздъ Его Величества изъ Спалы замедлился, что̀ возбудило еще сильнѣе опасенія. Въ Спалѣ замѣчались уже безпокоившія врачей болѣзненныя явленія, побуждавшія ускорить отъѣздъ Больнаго на югъ, въ теплый климатъ. Продолжительный переѣздъ по желѣзной дорогѣ утомилъ Государя, но еще болѣе утомили Его церемоніи встрѣчъ въ Севастополѣ и въ Ялтѣ. Первые дни пребыванія въ Ливадіи были дни отдыха: вскорѣ Августѣйшій Больной почувствовалъ Себя крѣпче, такъ что 25 сентября могъ стоять обѣдню въ придворной церкви и послѣ того ѣздилъ въ Ай-Тодоръ къ Великой Княгинѣ Ксеніи Александровнѣ, и послѣдующіе дни совершалъ въ экипажѣ прогулки къ водопаду Учанъ-Су и въ Массандру. Но вслѣдъ затѣмъ появились симптомы ослабленія, встревожившіе врачей: утрата аппетита и сна, ослабленіе дѣятельности сердца, усиленіе бѣлковины и опухлость ногъ. Настали дни жестокой тревоги и сильнаго опасенія. При Государѣ находятся постоянно врачи: Захарьинъ, берлинскій профессоръ Лейденъ — спеціалистъ по болѣзнямъ почекъ, лейбъ-хирурги: Гиршъ и Вельяминовъ. Ежедневно, по нѣскольку разъ въ день, осмотры и консультаціи врачей, слѣдившихъ усиленно за явленіями болѣзни, возбуждали въ окружающихъ Дворъ

ныхъ цеховъ со значками. Помимо заставы зеленью былъ декорированъ расположенный на пути слѣдованія Царскаго кортежа памятникъ Долгорукаго и арка противъ памятника Императрицы Екатерины, на бульварѣ. На вокзалѣ убранство комнатъ, предназначенныхъ для Высокихъ Гостей, поражало изяществомъ и роскошью. Зала перваго класса и прилегающія къ нему комнаты были роскошно декорированы цвѣтами, тропическими растеніями и коврами, а всѣ диваны и оконные выступы обтянуты темнокраснымъ бархатомъ. Ровно въ 10½ часовъ поѣздъ въ двѣ тяги тихо подошелъ къ желѣзнодорожной станціи. Въ это время къ вагону, въ которомъ находились высокіе путешественники, была приставлена обитая краснымъ сукномъ лѣстница, и Ея Высочество показалась у выхода. Высокая, съ царственно прекрасными чертами лица, одѣтая въ темнокрасную, опушенную мѣхомъ ротонду, Принцесса поражала своею царственно-величественною осанкой; легкою поступью сойдя по ступенямъ лѣстницы, Ея Высочество прошла въ залу, гдѣ для встрѣчи собрались всѣ представители отъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ властей, а также мѣстныя дамы въ свѣтлыхъ платьяхъ. При появленіи Ея Высочества у входныхъ дверей, городской голова В. П. Меркуловъ, во главѣ депутаціи и гласныхъ думы, поднесъ Ея Высочеству на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ хлѣбъ-соль, сказавъ при этомъ отъ лица гражданъ привѣтствіе съ благополучнымъ прибытіемъ изъ далекаго пути. Милостиво принявъ хлѣбъ-соль, Ея Высочество отвѣтила на оказанное Ей привѣтствіе легкимъ поклономъ. Тутъ же супруга начальника губерніи Е. Ф. Лазарева, супруга губернскаго предводителя дворянства, предсѣдательница благотворительнаго общества З. Ф. Люстихъ и другія дамы поднесли Ея Высочеству букеты живыхъ цвѣтовъ. Раскланиваясь на ходу и принимая отъ дамъ букеты, Ея Высочество, въ сопровожденіи Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны, тотчасъ же прошла черезъ залу и сѣла въ приготовленный придворный экипажъ. Едва великокняжескій экипажъ показался изъ воротъ вокзала, какъ единодушное *ура*, повторяясь и раскатываясь эхомъ, огласило воздухъ, то ослабѣвая, то усиливаясь по мѣрѣ движенія кортежа. Музыка заиграла русскій гимнъ, которому вторилъ звонъ колоколовъ, сливаясь въ одно безконечное море звуковъ, потрясающихъ воздухъ. Всюду, по пути слѣдованія поѣзда, конвоируемаго кавалькадой офицеровъ крымско-татарскаго дивизіона, стоялъ народъ, радостно привѣтствуя дорогую Гостью, а воспитанницы женскихъ учебныхъ заведеній, поставленныя вдоль улицы,

усыпали путь цвѣтами. Картина этой встрѣчи носила торжественно сердечный характеръ.

«На встрѣчу Высокопреченной Невѣстѣ Своей изъ Ливадіи въ первомъ часу дня выѣхалъ Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Сергѣй Александровичъ. Встрѣтившіяся Августѣйшія Особы продолжали затѣмъ путь вмѣстѣ и въ половинѣ пятаго часа пополудни прослѣдовали черезъ Ялту. Массы блестящаго общества, наполняющаго въ это время Ялту, размѣстились вдоль по Почтовой улицѣ, по Набережной, на балконахъ домовъ и виллъ, на террасахъ прибрежныхъ павильйоновъ. Всѣ переулки наполнены были народомъ. Въ первой открытой коляскѣ слѣдовали Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Высокопреченною Невѣстой и, милостиво улыбаясь, отвѣчали поклонами на привѣтственныя восклицанія публики. Въ послѣдующей коляскѣ слѣдовали Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергѣй Александровичъ и Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна. На встрѣчу Августѣйшимъ Путешественникамъ выѣзжалъ также и сопровождалъ Ихъ въ Ливадію начальникъ губерніи, шталмейстеръ П. М. Лазаревъ.»

Письма изъ Ливадіи.

Отъ нашего корреспондента.

(*Моск. Вѣд. №№ 300, 301, 303, 304 и 305.*)

I.

Съ глубокою скорбію Россія узнала,—изъ бюллетеня о состояніи здоровья Государя Императора, датированнаго въ Спалѣ, — о тяжести недуга, постигшаго Монарха. Естественно, каждый горѣлъ нетерпѣніемъ имѣть болѣе частыя и подробныя свѣдѣнія о положеніи возлюбленнаго Монарха, но не всякій понималъ, что такія свѣдѣнія невозможно доставлять газетамъ, которыя Государь читалъ въ часы досуга.

Повидимому, подобныя, вполнѣ основательныя, соображенія и удерживали врачей отъ опубликованія болѣе частыхъ бюллетеней: этимъ же объясняется, почему со времени переѣзда Двора изъ Спалы сюда, въ Ливадію, бюллетени не появлялись. Ухудшеніе въ положеніи здоровья Августѣйшаго Больнаго заставило отказаться отъ такой сдержанности, и бюллетени стали появляться правильно. Здѣсь и въ Ялтѣ мы узнавали ихъ не изъ газетъ, а изъ разказовъ свѣдущихъ лицъ, такъ какъ мѣстный

листокъ *Ялта* давалъ эти бюллетени по телеграммамъ *Съверная Агентства*, слѣдовательно, всегда запоздалыя. Каждый старался узнать всякую подробность о ходѣ болѣзни, радовался малѣйшему улучшенію, печалился, когда бюллетень указывалъ на ухудшеніе.

Начало болѣзни всѣ приписываютъ тому разрушительному вліянію, которое произвела на крѣпкій и здоровый до тѣхъ поръ организмъ Государя Императора инфлуэнца, которою Государь Императоръ захворалъ въ январѣ. Ненастная холодная погода, стоявшая все лѣто, затрудняла успѣшное лѣченіе. Призванный по совѣту русскихъ врачей, для консультаціи, знаменитый профессоръ Берлинскаго университета Dr Лейденъ вполнѣ присоединился къ діагнозу, поставленному профессоромъ Г. А. Захарьинымъ и тоже посовѣтовалъ переѣздъ въ болѣе теплый климатъ. Августѣйшему Больному угодно было согласиться съ мнѣніемъ врачей, и Царская Семья 21 сентября прибыла на пароходѣ Добровольнаго Флота *Орелъ* въ Ялту, а отсюда прослѣдовала въ Ливадію.

Погода стояла здѣсь прекрасная, какая рѣдко бываетъ въ Ялтѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ. Небо часто бывало облачнымъ, но дни были тихіе и теплые и на солнцѣ термометръ часто показывалъ 34—32 градуса. Тѣмъ не менѣе полагали, что такая погода продержится не долго, и въ обществѣ говорили что врачи предлагаютъ островъ Корфу въ Іоническомъ архипелагѣ, какъ зимнюю станцію для Августѣйшаго Больнаго.

Ливадія въ послѣднее время была неузнаваема. Большая часть членовъ Царской Семьи собралась вокругъ Монарха, и многіе не могли прибыть сюда лишь потому, что рѣшительно невозможно было найти для нихъ помѣщенія. Государь Императоръ и Царская Семья занимали такъ-называемый Малый Дворецъ, гдѣ Государь Императоръ проживалъ будучи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Другія Высочайшія Особы помѣщались въ Большомъ Дворцѣ, въ небольшихъ домикахъ назначенныхъ для министра Двора и его секретаря, во фрейлинскомъ домѣ и въ садовомъ домѣ. Для первыхъ чиновъ Двора возможно было отвести только по одной, по двѣ небольшія комнаты, но всѣ мирились съ такими неудобствами, и готовы были на еще бо́льшія неудобства, лишь бы имѣть возможность служить обожаемому Монарху.

II.

Въ послѣдніе дни предъ кончиной Государя бюллетени казались болѣе утѣшительными, и сердца всѣхъ забились радостною

надеждой на то, что Его крѣпкой натурѣ удастся восторжествовать надъ злымъ недугомъ. Всѣ вѣсти изъ дворца указывали на то, что несокрушимая энергія Монарха, Его любовь къ неустающему труду не покинули Больнаго. Государь вставалъ по утрамъ въ обычный часъ и, принявъ врачей, садился, какъ онъ дѣлалъ это изо дня въ день, за рабочій столъ, чтобы лично читать всѣ доклады и донесенія, прибывавшія изъ Петербурга съ курьерами. Даже когда злой недугъ медленно подтачивалъ Его дорогія для Россіи силы, Государь Императоръ не измѣнялъ своей привычкѣ къ труду и каждый день передавалъ для отправки въ Петербургъ разсмотрѣнныя Имъ и снабженныя Его замѣчаніями бумаги. Просьбы близкихъ и врачей беречь Свои силы и отказаться на время отъ обычныхъ занятій, Государь Императоръ оставлялъ безъ вниманія, готовый положить жизнь Свою за Россію. Все это разказывалось здѣсь о Монархѣ, объ Его удивительной энергіи, Его любви къ Семьѣ и Россіи, Его постоянныхъ заботахъ о близкихъ. Въ высшей степени трогательно и интересно было наблюдать какъ даже на иностранцевъ величавый образъ Монарха производилъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

Никто не слышалъ никогда жалобы изъ устъ Больнаго на мучительныя страданія; напротивъ, Государь Императоръ, видя душевныя страданія близкихъ сердцу лицъ, всегда старался казаться спокойнымъ и веселымъ. Когда прибыла въ Ялту Высокопарсченная Невѣста Наслѣдника Цесаревича. Государь Императоръ потребовалъ мундиръ и, не взирая на затрудненія, причиняемыя отеками ногъ, пошелъ на встрѣчу Невѣстѣ Первенца-Сына и сердечнымъ, чисто отеческимъ, пріемомъ сразу показалъ Ей, что встрѣчаетъ Ее какъ родную, дорогую Его сердцу дочь. Несмотря на упадокъ силъ, Его Величество не пожелалъ отказать въ пріемѣ профессору Грубе, который явился благодарить за вниманіе, оказанное Государемъ Императоромъ во время болѣзни, постигшей профессора Грубе. Единственно Государю Императору престарѣлый профессоръ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ отъ смерти, и понятно было желаніе профессора Грубе лично выразить свою душевную признательность.

Этотъ фактъ мало извѣстенъ, и я могу упомянуть о немъ здѣсь. Профессоръ Грубе, какъ извѣстно, заразился трупнымъ ядомъ, и опухоль охватила уже всю руку до плеча. Единственное спасеніе заключалось въ операціи, но операція оказывалась невозможною, потому что сердце больнаго работало слабо. Спасенія, казалось, не было никакого, и въ квартирѣ профессора уже собрались харьковскіе профессора, врачи и студенты-медики ожидать кончины любимаго профессора. Въ эту минуту

какъ разъ была доставлена телеграмма министра Императорскаго Двора, графа Воронцова-Дашкова, въ которой графъ, по порученію Государя Императора, спрашивалъ о состояніи здоровья профессора Грубе. Этотъ знакъ Монаршей милости въ такой степени обрадовалъ больнаго профессора, что сердце его начало усиленно работать. Этимъ моментомъ воспользовались врачи и произвели, такъ-сказать, въ послѣднюю минуту, необходимую операцію, которая спасла больному жизнь.

Къ сожалѣнію, нѣкоторое улучшеніе въ состояніи здоровья Государя Императора, замѣчавшееся въ послѣдніе дни и позволявшее ожидать поворота болѣзни къ лучшему, продолжалось недолго, и затѣмъ появился бюллетень опять мало утѣшительный. Плохой, недостаточный сонъ не укрѣплялъ, силы Больнаго ослаблялись за день работой и страданіями, причиняемыми возрастающимъ отекомъ ногъ, а мѣстный воспалительный процессъ въ лѣвомъ легкомъ затруднялъ дыханіе. Несмотря на все это, Государь Императоръ былъ покоенъ, и его не покидали обычныя бодрость и сила воли. Его Величество не желалъ оставаться днемъ въ постели и отказаться отъ обычныхъ трудовъ, и еще 18 октября отсюда выѣхалъ курьеръ съ большимъ пакетомъ разсмотрѣнныхъ Государемъ бумагъ и докладовъ. Самочувствіе Больнаго измѣнялось очень часто, и врачей пугало постоянное отсутствіе аппетита у Больнаго. Однажды Государь Императоръ, передъ тѣмъ какъ отойти ко сну, пожелалъ покушать ветчины. Это было рѣдкое желаніе у Больнаго, давно не высказывавшаго никакихъ желаній, и вся Ливадія, несмотря на поздній часъ, радостно встрепенулась. Съ восторгомъ передавали другъ другу о выраженномъ Государемъ Императоромъ пожеланіи и выражали надежду, что съ возстановившимся аппетитомъ пойдетъ улучшеніе состоянія здоровья. Къ великому прискорбію, и на этотъ разъ надежда оказалась обманчивою; появленіе аппетита было только минутною вспышкой, и уже на другой день снова возвратилось прежнее состояніе, полнѣйшее отсутствіе аппетита. Съ великою тревогой ожидались утромъ и вечеромъ бюллетени, и на улицахъ Ялты, гдѣ бюллетени стали появляться своевременно, большія массы публики съ нетерпѣніемъ ожидали появленія продавцовъ. Всюду народъ собирался группами, и единственною темой разговоровъ служило состояніе здоровья Монарха, который, въ трехъ верстахъ отъ Ялты, боролся съ тяжкимъ недугомъ. Во всѣхъ церквахъ шли непрестанныя моленія о ниспосланіи великому Монарху исцѣленія.

III.

20-го октября, кромѣ краткихъ телеграммъ, не было силъ писать что-нибудь иное. То, чего съ такимъ трепетомъ боялись, чему не хотѣлось вѣрить, что̀ казалось невозможнымъ, совершилось: Государя не стало. Ни любовь и заботы, которыми окружали Августѣйшаго Больнаго Государыня Императрица, Наслѣдникъ Цесаревичъ и вся Царская Семья, ни старанія лучшихъ врачей и горячія молитвы милліоновъ подданныхъ, не могли устранить удара, который поразилъ Семью Царя и весь Русскій народъ. Кому приходилось терять отца и главу дома, тотъ оцѣнитъ всю глубину горя, постигшаго Царское Семейство. Но въ лицѣ Государя Императора сошелъ въ могилу не только человѣкъ, который былъ главой Царской Семьи, но Монархъ, служившій Своему народу, въ продолженіе недолговременной жизни Своей, образцомъ глубоковѣрующаго христіанина, любящаго отца, идеаломъ семьянина, великое сердце Котораго съ одинаковою любовью охватывало всѣхъ подданныхъ Его державы, привыкшихъ видѣть въ Немъ Отца, Защитника и Покровителя.

Скорбь о почившемъ Монархѣ еще глубже отъ того, что Всевышнему угодно было призвать Его къ Себѣ въ полномъ разцвѣтѣ силъ. Сколько великихъ плановъ и надеждъ угасло вмѣстѣ съ Нимъ. Если въ непродолжительное царствованіе Свое Государь поднялъ Россію на такую высоту, на какой она при прежнихъ монархахъ никогда не стояла, — если Онъ не мечомъ и бранными успѣхами, а дѣлами мира заставилъ всѣ народы высоко уважать Россію, такъ что даже враги привыкли видѣть въ Русскомъ Царѣ главный залогъ европейскаго мира и рѣшителя судебъ Европы, то сколько благихъ результатовъ можно было ожидать впереди отъ мудрости и твердости преждевременно скончавшагося Монарха. Только въ послѣдствіи станетъ извѣстнымъ сколько разъ ужасы войны, готовые обрушиться на Европу, были устраняемы, благодаря твердости и мудрости Монарха, заставлявшаго умолкать личныя чувства въ виду важныхъ государственныхъ интересовъ и блага подданныхъ. Только послѣдующее поколѣніе въ состояніи будетъ вполнѣ оцѣнить тѣ услуги, которыя Почившій оказалъ укрѣпленію въ народѣ монархическаго чувства, сплоченію всѣхъ подданныхъ въ одну великую семью и развитію національной гордости и любви къ отечеству. Нынѣ уже трудно встрѣтить Русскаго, который, какъ это бывало еще такъ недавно, готовъ былъ за границей казаться всѣмъ, чѣмъ угодно, только не Русскимъ. Нынѣ всякій

съ такою же гордостью произносить: я Русскій, какъ древній Римлянинъ произносилъ свое: civis romanus sum! Уже этого одного достаточно чтобы сохранить Почившему вѣчную благодарность потомства. Но не мѣсто здѣсь, и не мнѣ дѣлать оцѣнку царствованія Почившаго: это сдѣлаетъ исторія, въ которой Александръ III займетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ.

Многочисленныя телеграммы повѣдали міру о величавой кончинѣ Государя Императора Александра Александровича, и мое письмо, конечно, явится запоздалымъ. Однако, я полагаю что нѣкоторыя подробности, не упомянутыя въ телеграммахъ, будутъ такъ же дороги, какъ и прежде сообщенныя.

Упадокъ силъ Государя, замѣченный 17-го октября, продолжалъ увеличиваться и въ слѣдующіе дни, и уже вечерній бюллетень 19-го октября, прочитанный намъ секретаремъ министра Императорскаго Двора, произвелъ столь удручающее впечатлѣніе, что рука отказывалась записывать его. Не оставалось никакого сомнѣнія, что положеніе дорогаго Больнаго заставляетъ ожидать катастрофы, и что, быть-можетъ, ему суждено провести послѣднюю ночь. Разказывали, что отдѣленіе кровавой мокроты увеличилось, что дыханіе Больнаго затруднено въ чрезвычайной степени и облегчается только примѣненіемъ кислорода. Уже въ продолженіе 19-го приходилось неоднократно прибѣгать къ этому средству Не взирая, однако, на страданія, Великій Труженикъ Земли Русской неоднократно пытался заниматься дѣлами; но силы уже измѣнили ему, и онъ чаще, чѣмъ раньше, ложился отдохнуть. Но твердость и бодрость попрежнему не покидали Монарха; вмѣсто того чтобы жаловаться на страданія и искать утѣшенія у другихъ, Государь Императоръ самъ утѣшалъ Своихъ близкихъ. Конечно, въ это время Больной не ошибался въ оцѣнкѣ своего положенія, и тѣмъ болѣе достойна удивленія та твердость, съ какою Императоръ Александръ III ожидалъ приближенія кончины.

Поздно вечеромъ, сдавъ свои телеграммы, возвратились мы въ Ялту, чтобы рано утромъ, послѣ тревожно проведенной ночи, снова поспѣшить въ Ливадію. Первый бюллетень, выпущенный въ 9 часовъ, указывалъ на чрезвычайно опасное положеніе Больнаго. Дыханіе было затруднено, дѣятельность сердца быстро ослабѣвала. Второй бюллетень звучалъ еще безотраднѣе. Больной находился въ полномъ сознаніи, но дѣятельность сердца все падала и падала, и дыханіе становилось все болѣе затруднительнымъ. Изъ разказовъ мы узнали, что Императоръ всю ночь не смыкалъ глазъ, хотя и прилегъ съ вечера на постель.

Рано утромъ, раньше обыкновеннаго, Онъ пожелалъ одѣться и попросилъ проводить Его къ креслу. Въ послѣднія минуты Своей жизни Онъ думалъ о Россіи и шелъ къ столу чтобы заниматься! Только ближайшимъ извѣстно, что Государь писалъ за столомъ. Дыханіе становилось все труднѣе, и все чаще и чаще приходилось прибѣгать къ помощи кислорода. Въ семь часовъ Государь приказалъ позвать къ нему Наслѣдника Цесаревича и около часа бесѣдовалъ съ Нимъ наединѣ, послѣ чего повелѣлъ позвать другихъ Дѣтей своихъ и послать за отцомъ Іоанномъ (Кронштадтскимъ), который проживалъ у настоятеля большой Ливадійской церкви, архимандрита Епифанія. Августѣйшій Больной около часа оставался въ кругу Своей Семьи и, держа руку Государыни Императрицы, сердечно говорилъ съ каждымъ изъ Дѣтей Своихъ, а когда явился отецъ Іоаннъ, благословилъ Своихъ Дѣтей. Съ этихъ поръ Императрица и Дѣти уже не покидали комнаты больнаго Родителя (во второмъ этажѣ Малаго Дворца, рядомъ съ кабинетомъ Государыни Императрицы). По желанію Государя Императора, во Дворецъ были приглашены другіе Великіе Князья и Княгини и собрались въ сосѣдней комнатѣ.

Въ десятомъ часу отецъ Іоаннъ покинулъ Дворецъ, чтобъ отправиться въ Ореанду служить литургію, куда поѣхали и мы за другими, такъ какъ щемящая боль не позволяла оставаться спокойно въ Ливадіи. Послѣ отъѣзда отца Іоанна, прибылъ во Дворецъ протопресвитеръ Янышевъ, и Государь Императоръ, находившійся все время въ полномъ сознаніи, причастился Святыхъ Таинъ.

Въ одиннадцать часовъ положеніе Больнаго сдѣлалось особенно труднымъ, и казалось что роковая минута приближается. но крѣпкій организмъ Царя-Богатыря еще разъ восторжествовалъ надъ злымъ недугомъ, и Его Величество почувствовалъ нѣкоторое облегченіе. Подкрѣпляя отъ времени до времени свои силы вдыханіемъ кислорода, Императоръ каждому изъ присутствовавшихъ Великихъ Князей и каждой Великой Княгинѣ сказалъ прощальное слово и утѣшалъ родныхъ. Силы постепенно слабѣли, все чаще и чаще голова Государя склонялась для отдыха на плечо Государыни Императрицы, сидѣвшей по правую руку Государя, поддерживая Его лѣвою рукой. За кресломъ стояли Наслѣдникъ Цесаревичъ и Его Высоконареченная Невѣста, вокругъ Нихъ другія Особы Царской Семьи.

Въ Ливадіи царствовала полнѣйшая тишина, не слышно было никакихъ разговоровъ, не слышно было стука проѣзжающихъ экипажей. Всѣ мои товарищи, послѣ сдачи втораго бюллетеня на телеграфъ, уѣхали въ Ялту; было тяжело оста-

ваться одному въ Ливадіи, гдѣ не видно было ни одного лица, но еще тяжелѣе было уѣзжать изъ Ливадіи въ такую минуту, когда Великій Монархъ борется со смертію. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ двухъ часовъ, прибѣжавшій курьеръ принесъ третій бюллетень,—но было уже поздно: едва онъ передалъ бюллютень, какъ пронеслась роковая вѣсть,—Его Величество Императоръ Александръ III въ Бозѣ почилъ!

До послѣдней минуты Государь находился въ полномъ сознаніи и ослабѣвающимъ голосомъ разговаривалъ съ окружающими, находя для каждаго ласковое слово. За три минуты до кончины видно было, что Государь желалъ еще что-то сказать и произнесъ, обращаясь къ профессору Лейдену, слѣдившему за біеніемъ пульса: «кислороду!» Но прежде чѣмъ Лейденъ успѣлъ исполнить желаніе умирающаго, Государь Императоръ, поддерживаемый за плеча Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, склонилъ свою голову на лѣвое плечо Государыни Императрицы и испустилъ послѣдній вздохъ.

Государь умеръ, какъ говорилось въ переданномъ мною вамъ офиціальномъ сообщеніи, на рукахъ Императрицы и Наслѣдника Цесаревича. Лѣвая рука Почившаго покоилась на колѣнѣ, правая находилась въ рукахъ Государыни, которая не покидала своего мѣста пока съ Почившимъ прощались родные, чины двора и служители *). Послѣдніе цѣловали руку Усопшаго и, обходя кресло, цѣловали Государыню Императрицу въ плечо, пока Наслѣдникъ Цесаревичъ, нынѣ благополучно царствующій Государь, замѣтивъ крайнее утомленіе Родительницы, поддерживавшей все время тѣло усопшаго Монарха, не приказалъ прекратить прощаніе, пока тѣло Почившаго будетъ положено на постель. Въ этомъ трогательномъ прощаніи слугъ съ Государемъ, Который былъ для нихъ всегда добрымъ хозяиномъ, сказалась та безграничная любовь которую Почившій внушалъ каждому приходившему въ личныя къ Нему отношенія. И за эту любовь Почившій платилъ одинаковою любовью, для Его сердца всѣ были равны, и какъ Онъ любилъ Семью и родныхъ, такъ любилъ и своихъ подданныхъ, не дѣлая различія между знатными и незнатными, между великими и малыми.

---

*) По сообщенію *Церковныхъ Вѣдомостей* (№ 46): „По наиболѣе точнымъ свѣдѣніямъ, Государь Императоръ склонилъ голову на правое плечо Государыни Императрицы, колѣнопреклонно стоявшей съ лѣвой стороны кресла, и въ рукахъ Ея была лѣвая рука Почившаго Правая рука Государя покоилась на колѣнахъ, и къ ней, въ минуту кончины, склонилъ свою голову колѣнопреклоненный Первенецъ Его, нынѣ царствующій Государь Императоръ.»

Вѣсть о кончинѣ дорогаго Монарха быстро перенеслась изъ Ливадіи въ Ялту, а по рѣдко слѣдовавшимъ одинъ за другимъ выстрѣламъ съ крейсера *Память Меркурія* и жители отдаленнѣйшихъ дачъ узнали что страданія Монарха кончились. Въ Ялтѣ и въ Ливадіи видны были группы людей обсуждавшихъ печальную вѣсть и передававшихъ другъ другу извѣстныя имъ подробности о кончинѣ Монарха, Который умеръ вѣрный самому Себѣ, такимъ же богатыремъ какимъ являлся всегда при жизни.

Въ четыре часа, на площади передъ малою церковью Ливадіи, новому Государю Россіи, Императору Николаю II, приносили присягу Особы Царской Семьи, первые чины Двора, свита, придворные чины, находящіяся въ Ливадіи войска и Собственный Его Величества конвой. Первыми приносили присягу Великіе Князья съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ. Всѣ Великіе Князья были въ полной парадной формѣ, безъ шинелей, и только Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ виду холодной погоды наставшей послѣ утренняго дождя, имѣлъ сверхъ мундира шинель. По прочтеніи протопресвитеромъ Янышевымъ Высочайшаго Манифеста и формулы присяги, первымъ подошелъ ко Св. Евангелію Наслѣдникъ Цесаревичъ, а за нимъ другіе Великіе Князья. Тотчасъ послѣ нихъ приносили присягу первые чины Двора и Свита.

Въ день восшествія на престолъ Государя Императора Николая II, Императорскій штандартъ на флагштокѣ Малаго Дворца и флаги на судахъ въ гавани были подняты, и Государю приносили поздравленія какъ члены Его Семьи, такъ и чины Двора.

IV.

Отдаленность Ливадіи отъ центра Россіи, незначительность ближайшаго города Ялты, который не въ состояніи былъ удовлетворять требованіямъ, предъявлявшимся въ эти печальные дни, повлекли за собой то, что обрядъ положенія тѣла усопшаго Монарха во гробъ и перенесеніе его въ церковь послѣдовали позже нежели ожидалось. Приходилось не только ожидать прибытія профессоровъ Императорскаго Московскаго университета, Клейна и Зернова, и Харьковскаго университета, Попова, имѣвшихъ произвести вскрытіе тѣла для составленія протокола, который долженъ храниться въ Государственномъ Архивѣ, но и доставки изъ Петербурга какъ дубоваго, такъ и металлическаго гробовъ для принятія останковъ почившаго Государя.

Хотя телеграммы съ приказами о вызовѣ профессоровъ и о доставкѣ необходимыхъ вещей изъ Петербурга и были посланы своевременно, тѣмъ не менѣе доставка ихъ затруднялась значительнымъ разстояніемъ.

Въ эти дни ожиданія тѣло почившаго Монарха было перенесено изъ верхняго этажа въ нижній и поставлено подъ образами въ большой комнатѣ. У изголовья священники, чередуясь, день и ночь читали Св. Евангеліе. Тишина въ Ливадіи стояла глубокая, и Августѣйшихъ Особъ можно было видѣть только въ тѣ минуты, когда они, два раза въ день, въ 2 часа пополудни и въ 8 часовъ вечера, собирались въ Маломъ Дворцѣ на панихиды, на которыхъ присутствовали также чины Двора, генералъ-адъютанты, оберъ-прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ и лица свиты, находившіяся въ Ливадіи.

21 октября, въ день восшествія на престолъ Государя Императора Николая Александровича, въ Малой дворцовой Ливадійской церкви состоялось торжество муропомазанія Высокопареченной Невѣсты Его Величества. Трауръ при Высочайшемъ Дворѣ былъ на этотъ день отмѣненъ, и приспущенный на флагштокѣ Императорскій штандартъ поднятъ.

23-го октября на пароходѣ Добровольнаго Флота *Орелъ* прибыли въ Ялту ихъ королевскія высочества принцъ и принцесса Вельсскіе, задержанные бурною погодой на одинъ день въ Севастополѣ. Принцъ Вельсскій и его супруга, августѣйшая сестра Ея Величества Государыни Императрицы, были въ глубокомъ траурѣ и встрѣчены были на пристани Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, который проводилъ ихъ высочества въ Ливадію. Въ этотъ же день капонерская лодка *Запорожецъ* доставила изъ Севастополя высланныя изъ Петербурга вещи, и фельдъегерь привезъ изъ Симферополя доставленную туда съ курьерскимъ поѣздомъ Императорскую золотую Корону и боевую шапку Почившаго Монарха, которыя должны вѣнчать крышку гроба. Въ глубокомъ молчаніи большія толпы народа встрѣчали выгрузку съ парохода доставленныхъ вещей, и особенно потрясающее впечатлѣніе производилъ (уложенный въ обитый черною клеенкой ящикъ) гробъ, который долженъ былъ принять тѣло усопшаго Царя.

Когда тѣло усопшаго Великаго Миротворца было положено во гробъ, вечеромъ состоялся выносъ дорогаго для всѣхъ Русскихъ праха Усопшаго въ Вознесенскую Ливадійскую церковь. Покойный Государь положенъ во гробъ въ формѣ Преображенскаго полка. О выносѣ тѣла Почившаго я вамъ телеграфировалъ, но въ краткой депешѣ, конечно, невозможно было

дать даже приблизительную картину этой трогательной, на всегда остающейся въ памяти церемоніи.

Уже съ полудня на Севастопольскомъ шоссе, вблизи котораго, въ самой верхней части Ливадіи, расположена Большая Ливадійская церковь, стали собираться народныя массы, надѣявшіяся что имъ удастся поклониться праху усопшаго Царя. Церковь носитъ названіе Большой Ливадійской, только по сравненію съ дворцовою церковью, которая еще болѣе малыхъ размѣровъ. На самомъ дѣлѣ это маленькая, хотя красивая, выстроенная въ строго-византійскомъ стилѣ церковь, расположенная на площадкѣ въ Ливадійскомъ паркѣ. Передъ церковью разбитъ цвѣтникъ, а сама церковь по угламъ окружена стройнымъ вѣчнозеленымъ кипарисомъ. По повелѣнію Государя Императора, доступъ въ церковь долженъ былъ быть открытъ для лицъ всѣхъ званій, чтобы дать народу возможность поклониться праху Усопшаго, Который такъ часто посѣщалъ чудный уголокъ Южнаго Крыма и пользовался безграничными любовью и преданностью какъ русскаго, такъ и татарскаго населенія. Незначительные размѣры церкви, имѣвшей одинъ выходъ, и большія массы желавшихъ проститься съ Усопшимъ причиняли нѣкоторыя затрудненія, которыя были устранены наконецъ тѣмъ, что былъ устроенъ выходъ чрезъ окно въ сѣверной сторонѣ храма.

Благодаря вниманію, которое во всѣхъ случаяхъ оказывали представителямъ печати лица, завѣдующія дворцовою полиціей, за которое приносимъ искреннюю благодарность, намъ удалось до постановки гроба осмотрѣть сдѣланныя въ церкви приготовленія. Посреди церкви была устроена небольшая площадка, а на ней невысокій катафалкъ, обитый малиновымъ бархатомъ. Катафалкъ сверхъ бархата обитъ золотымъ генеральскимъ шитьемъ. По угламъ катафалка стояли на высокихъ подставкахъ четыре чудные экземпляра Latania Burbonica, громадные листья которыхъ, сходясь посрединѣ, образовали надъ катафалкомъ широкую зеленую сѣнь. Налѣво отъ катафалка стояли три подставки для подушекъ съ орденами: Свв. Андрея Первозваннаго, Владиміра и Георгія, а еще лѣвѣе, ближе къ стѣнѣ,— подставка для крышки гроба.

Густыя массы народа окружали церковную площадку и покрывали сосѣднія горы. Передъ входными дверями былъ выстроенъ почетный караулъ отъ 16-го Имени Усопшаго Императора стрѣлковаго полка со знаменемъ и музыкой. Усыпанный кипарисами путь отъ Малаго Дворца до церкви, который на протяженіи двухъ верстъ тянется по парку мимо конюшенъ и кавалерійской казармы, былъ занятъ людьми Собственнаго Его Величества конвоя, которые держали горящіе факелы. Начав-

шійся перезвонъ колоколовъ послужилъ знакомъ что выносъ тѣла изъ Дворца начался.

Въ шесть часовъ 40 мин. Государь Императоръ Николай Александровичъ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, принцъ Вельскій, Великіе Князья и генералъ-адъютанты подняли гробъ съ останками Почившаго Монарха и вынесли его на площадку передъ Малымъ Дворцомъ, гдѣ гробъ приняли люди Собственнаго Его Величества конвоя и поставили на носилки, которыя затѣмъ были подняты конвойцами на плечи, такъ что золотой, ярко блестѣвшій при свѣтѣ факеловъ, гробъ былъ далеко виденъ всѣмъ. Медленно, шагъ за шагомъ, двинулись люди съ драгоцѣнною ношей въ гору, предшествуемые пѣвчими и духовенствомъ. За гробомъ шествовали Государь Императоръ, бывшій въ формѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, и принцъ Вельскій, вдовствующая Императрица съ Августѣйшею Сестрой, принцессою Вельскою, Высокопареченная Невѣста Государя Императора Великая Княжна Александра Ѳеодоровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ братомъ, Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, и сестрами, и прочія особы Императорской Семьи, чины Двора, генералъ-адъютанты и лица свиты.

Когда, при мерцающемъ свѣтѣ факеловъ, люди конвоя съ гробомъ приблизились къ церкви, раздалась тихая военная команда, солдаты взяли на-карауль, и горнисты затрубили походъ. Трудно передаваемое впечатлѣніе производилъ этотъ военный сигналъ, раздававшійся въ ночной тиши при приближеніи гроба съ останками Того, Кто, въ качествѣ начальника Рущукскаго отряда, Самъ неоднократно отдавалъ приказъ играть походъ! Но прошло нѣсколько секундъ, и звуки военнаго сигнала были покрыты величавыми аккордами *Коль славенъ*.

Конвойцы медленно приблизились къ паперти церкви, изъ которой на встрѣчу гробу вышелъ преосвященный Мартиніанъ, епископъ Таврическій, съ многочисленнымъ духовенствомъ, и передали драгоцѣнную ношу на руки Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича, принца Вельскаго, Великихъ Князей и генералъ-адъютантовъ, которые внесли гробъ въ церковь и уставили на катафалкъ. Маленькая церковь могла вмѣстить только незначительную часть участвовавшихъ въ печальной процессіи, и потому, послѣ того какъ вошли въ церковь Высочайшія Особы и лица свиты, двери были закрыты для публики на время служенія панихиды. Когда, по окончаніи панихиды, Августѣйшія Особы простились съ дорогимъ Усопшимъ и въ каретахъ возвратились во Дворецъ, двери церкви были открыты для всѣхъ желавшихъ поклониться праху усопшаго Монарха.

Покойный Государь за время болѣзни значительно похудѣлъ, но его доброе, открытое лицо мало измѣнилось, и только прекрасные глаза, очаровывавшіе всякаго своимъ ласковымъ, до глубины души проникавшимъ, взоромъ были теперь закрыты. Руки Почившаго были сложены на груди на крестъ, и къ нимъ прислоненъ маленькій образокъ Св. Александра Невскаго. Входившіе, положивъ передъ гробомъ почившаго Монарха земной поклонъ, цѣловали правую руку его и, затѣмъ, обходя вокругъ гроба, покидали церковь черезъ временный выходъ, устроенный въ окнѣ сѣверной стороны, дабы не задерживать новыя массы лицъ, желавшихъ поклониться праху Усопшаго, безпрерывною волной входившихъ чрезъ двери. Въ продолженіи цѣлой ночи, не взирая на стоявшую непроглядную темноту, люди всѣхъ званій, и богатый и бѣдный, поднимались по Севастопольскому шоссе къ Ливадійскому храму, расположенному въ шести верстахъ отъ Ялты, и масса желавшихъ войти въ храмъ была такъ велика, что многіе, послѣ тщетныхъ пяти-шестичасовыхъ ожиданій, должны были возвращаться въ городъ съ надеждой застать на другой день меньшее число ожидавшихъ доступа въ храмъ. Но и на другой день многимъ, къ ихъ прискорбію, не удалось исполнить душевнаго желанія, такъ какъ приливъ желавшихъ проститься нисколько не уменьшался до послѣдней минуты пребыванія гроба въ церкви.

Въ день перенесенія гроба въ церковь Вознесенія началось возложеніе вѣнковъ къ ногамъ усопшаго Императора. Первый вѣнокъ положилъ стрѣлковый 16-й полкъ своему незабвенному Шефу. Городъ Ялта, купечество, ремесленники города Ялты возложили серебряные вѣнки, приготовленные ялтинскими мастерами. La colonie française de Jalta возложила большой лавровый вѣнокъ съ надписью *Souvenir et regret*; затѣмъ слѣдовали вѣнки отъ Татаръ поселянъ Алуштинско-Дерикоевской волости, отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, отъ Ялтинской прогимназіи, отъ Грековъ турецкихъ подданныхъ, отъ общества ялтинскихъ прикащиковъ, отъ училищъ Ливадійскаго, Никитскаго сада и т. д. Обращалъ на себя вниманіе вѣнокъ отъ Военнаго министра «Незабвенному Командиру отъ начальника штаба Рущукскаго отряда». Масса вѣнковъ была такъ велика, что закрывала весь катафалкъ, и новые вѣнки пришлось складывать на правой сторонѣ церкви.

Для прощанія съ прахомъ Усопшаго уже съ вечера начали приходить отрядами воинскія части, прибывшія изъ Одессы и расположившіяся за Ялтой въ Массандрѣ. Одна часть смѣняла другую, такъ что почти всѣ войска, около восьми тысячъ, получили возможность поклониться тѣлу Почившаго. Этого

возможно было достигнуть благодаря строгой дисциплинѣ, господствующей въ арміи. Въ строгомъ порядкѣ входили солдаты, не мѣшая одинъ другому, не задерживая товарищей, такъ что, въ то время, когда мимо гроба проходили десятки частныхъ лицъ, успѣвали проходить сотни солдатъ.

Панихиды служились у гроба два раза въ день въ присутствіи Государя Императора, вдовствующей Императрицы, Особъ Императорской Семьи, генералъ-адъютантовъ и лицъ свиты. День и ночь у гроба Почившаго дежурили чины Двора, а священники читали Св. Евангеліе.

V.

Все время, пока тѣло почившаго Императора Александра III находилось въ Большой Ливадійской церкви, массы народа изъ Ялты и окрестностей, даже отдаленныхъ, стремились по горнымъ дорогамъ, чтобъ отдать послѣдній долгъ Почившему, и только къ утру 27-го, когда было назначено перенесеніе гроба на крейсеръ *Память Меркурія*, былъ закрытъ для народа доступъ въ церковь. Накануѣ выноса изъ церкви, въ городѣ и на пристани докапчивали приготовленія. На молѣ, выдвинутомъ въ море, воздвигнутъ былъ невысокій катафалкъ, обитый, какъ и катафалкъ въ церкви, малиновымъ бархатомъ, съ генеральскимъ шитьемъ вмѣсто позумента. Отъ катафалка широкая лѣстница вела на площадку, съ которой перекинутъ былъ на крейсеръ такой же ширины трапъ. Крейсеръ *Память Меркурія* судно болѣе значительныхъ размѣровъ нежели большинство пароходовъ Общества Пароходства и Торговли, и перекинуть трапъ прямо съ мола на крейсеръ оказывалось невозможнымъ, потому что подъемъ былъ бы чрезвычайно крутъ. Такой же катафалкъ какъ на пристани былъ устроенъ также на кормовой палубѣ крейсера, затянутой сверху тентомъ. Отъ прежнихъ катафалковъ опъ отличался только тѣмъ, что въ немъ были сдѣланы приспособленія для прикрѣпленія гроба на случай качки.

Штормъ, бушевавшій на Черномъ Морѣ въ день смерти Императора Александра III, продолжался всего одинъ день, *) и на морѣ стояла мертвая зыбь, столь непріятная для людей непривычныхъ къ морю. Съ шумомъ катились волны къ берегу, поднимая со дна цѣлыя груды голышей, круглыхъ отшлифованныхъ прибоемъ волнъ камешковъ и заливая набережную. Къ полночи вѣтеръ

*) Самыя стихіи какъ бы гармонировали съ мрачнымъ состояніемъ душъ въ этотъ тяжкій день послѣдней разлуки съ любимымъ Монархомъ. *Ред.*

усилился, барометръ сталъ падать, и можно было опасаться, что перенесеніе гроба съ дорогими останками Почившаго придется отложить, по случаю бурной погоды.

Опасенія эти не сбылись: погода въ четвергъ стояла прекрасная, море успокоилось, и солнце ярко сіяло. Еще раньше чѣмъ оно показалось изъ-за горъ, Ялта была на ногахъ, приводила въ порядокъ послѣднія приготовленія, и часть населенія спѣшила по дорогѣ въ Ливадію къ церкви. Съ шести часовъ изъ Массандры потянулись къ Ливадіи отряды войскъ, которыя должны были занимать путь на всемъ протяженіи отъ церкви до пристани. Войска прибыли изъ Одессы въ незначительномъ количествѣ, и потому солдаты были разставлены по дорогѣ въ довольно далекомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Участникамъ въ церемоніалѣ приходилось отъ церкви до мола пройти болѣе шести верстъ.

Рано утромъ въ церкви была совершена заупокойная литургія, а съ прибытіемъ Государя Императора, вдовствующей Императрицы, Наслѣдника Цесаревича и другихъ Августѣйшихъ Особъ совершена литія. Въ восемь часовъ утра выстрѣлъ съ броненосца *Двѣнадцать Апостоловъ* и перезвонъ въ ялтинскихъ церквахъ послужили сигналомъ, что гробъ съ останками почившаго Монарха вынесенъ изъ Ливадійской церкви.

Завѣдующіе дворцовою полиціей, сознавая, что русское общество жаждетъ узнать всякую подробность касающуюся почившаго Монарха, проявили чрезвычайное вниманіе къ представителямъ печати и разрѣшили имъ слѣдовать за гробомъ, конечно, позади свиты и придворныхъ чиновъ, чтобъ имѣть возможность наблюдать за перенесеніемъ тѣла въ Бозѣ почившаго Императора во всѣ моменты слѣдованія процессіи.

По установкѣ гроба на носилки, послѣднія были подняты на плечи нижними чинами Собственнаго Его Величества конвоя, которые направились не по Ливадійскому парку, а, поднявшись въ гору, прямо изъ церкви вышли на Севастопольское шоссе, густо усыпанное кипарисомъ и другою зеленью. Впереди всѣхъ ѣхалъ верхомъ начальникъ дворцовой полиціи, за нимъ верхомъ церемоніймейстеръ, съ шарфомъ черезъ плечо, далѣе Крымскій дивизіонъ и рота стрѣлковаго Его Величества полка. Вслѣдъ за конюшеннымъ офицеромъ, который, въ мундирѣ и полномъ траурѣ, тоже ѣхалъ верхомъ, шли придворные служители-лакеи, скороходы, офиціанты и камеръ-фурьеры, за которыми слѣдовали старшины отъ Татаръ, мѣщанская управа Ялты, сословіе купцовъ, городская управа и земская уѣздная управа. Далѣе слѣдовало отдѣленіе, котораго при всѣхъ прежнихъ церемоніалахъ не существовало: длинною вереницей, чинно, по четыре

въ рядъ, шли дѣти всѣхъ учебныхъ заведеній Ялты и Ливадіи, начиная съ шести-семилѣтнихъ и кончая подростками. Кто изъ насъ въ Россіи не зналъ, какъ горячо почившій Монархъ любилъ подростающее поколѣніе, и съ какою чисто отеческою заботой относился Онъ къ дѣлу воспитанія дѣтей. Но обращая заботы на воспитаніе изъ русскихъ дѣтей полезныхъ гражданъ и вѣрныхъ слугъ Государевыхъ, почившій Монархъ какъ родной отецъ заботился также о томъ, чтобы доставлять дѣтямъ послѣ трудовъ отдыхъ и радость. Въ многочисленныхъ русскихъ городахъ, главнымъ же образомъ въ столицахъ, дни радостные для Царской Семьи, день Рожденія Государя Императора и Государыни Императрицы, превращались въ дѣтскіе праздники. Царь дѣлилъ свою радость съ дѣтьми, и тысячи счастливцевъ отъ Имени Царя приглашались въ театры, гдѣ ихъ угощали конфектами и фруктами. Дѣти чистымъ сердцемъ чувствовали эту любовь, которая неслась къ нимъ съ высоты престола и никогда ни одинъ Русскій Царь не пользовался въ дѣтскомъ мірѣ такою горячею любовью и такою близостью дѣтскому сердцу, какъ покойный Императоръ Александръ III. При существованіи этой тѣсной сердечной связи между Русскимъ Царемъ и дѣтскимъ міромъ, сама собой явилась мысль дать дѣтямъ возможность участіемъ въ печальномъ церемоніалѣ въ послѣдній разъ выразить Усопшему благодарность за ту горячую любовь, которую они при жизни Императора находили въ Его сердцѣ. И маленькія дѣти, почти малютки, какъ воспитанники и воспитанницы пріюта Великой Княгини Ксеніи Александровны, воспитанники имѣнія Его Величества Ливадіи, городскаго и земскаго, женской и мужской прогимназіи прошли весь длинный путь отъ церкви до пристани бодро, безъ утомленія, сохраняя на всю жизнь благодарное воспоминаніе, что имъ дозволено было проводить дорогіе останки Великаго Друга дѣтей изъ края, гдѣ Почившій тщетно искалъ исцѣленія отъ тяжелаго недуга.

За дѣтьми, образовавшими первый хоръ пѣвчихъ, слѣдовали чины разныхъ вѣдомствъ, дворянство и начальникъ Таврической губерніи Лазаревъ. За ними несли ордена почившаго Монарха на глазетовыхъ золотыхъ подушкахъ, обложенныхъ серебрянымъ широкимъ галономъ. Два церемоніймейстера Двора Его Величества и оберъ-церемоніймейстеръ съ жезлами открывали новое отдѣленіе. За ними слѣдовали пѣвчіе ялтинской городской Св. Іоанна Златоуста церкви, начиная отъ которыхъ до Императорской Фамиліи шли шпалерами по обѣ стороны нижніе чины Собственнаго Его Величества конвоя. За пѣвчими несли шесть церковныхъ фонарей съ зажженными свѣчами, хоругви церквей Ливадіи, Ореанды и Ялты, выносной крестъ малой Ливадійской

церкви. Далѣе слѣдовала духовная процессія: городское духовенство съ зажженными свѣчами въ рукахъ, придворные пѣвчіе, придворные протодіаконы и священники, за которыми шелъ духовникъ въ Бозѣ почившаго Императора, протопресвитеръ Янышевъ со св. иконой.

Въ благоговѣйномъ молчаніи тысячи народа, запявшія весь путь, встрѣчали гробъ съ останками почившаго Императора. Гробъ, который по землѣ ливадійскаго Его Величества имѣнія несли конвойцы, былъ высоко поднятъ на плечи и виденъ далеко. Яркое солнце играло лучами на крышкѣ гроба, увѣнчанной Императорскою короной и на крестъ положенною боевою шашкой Почившаго, и народныя массы еще вдали отъ процессіи обнажали свои головы. Военныя части при приближеніи гроба отдавали честь, музыка играла «походъ» и затѣмъ молитву. За гробомъ слѣдовалъ Государь Императоръ въ формѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, имѣя черезъ плечо ленту Св. Андрея Первозваннаго. Рядомъ съ Его Величествомъ шелъ принцъ Вельскій въ фельдмаршальской формѣ англійской арміи, тоже при лентѣ Св. Андрея Первозваннаго. За Его Величествомъ шли: министръ Императорскаго Двора, командующій Главною Квартирой, дежурный генералъ-адъютантъ, Свиты Его Величества генералъ-майоръ и флигель-адъютантъ. Далѣе слѣдовали Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ, Михаилъ и Алексѣй Александровичи и Александръ Михайловичъ.

Высочайше утвержденный церемоніалъ потерпѣлъ въ послѣднюю минуту то измѣненіе, что ни вдовствующая Государыня Императрица, ни другія особы Императорской Фамиліи не пожелали занять мѣста въ траурныхъ каретахъ, а пожелали совершить весь длинный, утомительный путь пѣшкомъ, вблизи гроба.

Когда конвойцы съ гробомъ почившаго Монарха спустились къ главнымъ ливадійскимъ воротамъ (со стороны Ялты), ихъ мѣста заняли стрѣлки 16-го Имени Его Величества полка и, при непрекращающемся траурномъ салютѣ съ броненосца и перезвонѣ колоколовъ городскихъ церквей, понесли гробъ до Ливадійскаго моста въ Ялтѣ. Здѣсь, у моста, начинается набережная, область моряковъ, и гробъ съ останками почившаго Императора приняли гребцы Государева катера, а выносной крестъ принялъ боцманъ Государева катера. При звукахъ похороннаго марша, пальбѣ и перезвонѣ колоколовъ процессія медленно слѣдовала по набережной, усѣянной народомъ, и у таможеннаго управленія повернула на пристань, гдѣ приближенія гроба ожидалъ епископъ Таврическій преосвященный Мартиніанъ. Процессія производила чрезвычайно глубокое впечатлѣніе по своей простотѣ.

Въ Ялтѣ невозможна та торжественная обстановка церемоніала, какая бываетъ въ Петербургѣ, но именно это обстоятельство и произвело глубокое впечатлѣніе и вызывало слезы на глаза присутствовавшихъ, чувствовавшихъ себя, при видѣ убитой горемъ Семьи, ближе къ Почившему.

Шествіе замыкалось траурными каретами и шестью колясками съ вѣнками.

По установленіи гроба на катафалкъ, епископъ Мартиніанъ совершилъ послѣднюю въ Ялтѣ литію и гробъ съ тѣломъ почившаго Императора былъ гребцами Государева катера перенесенъ на крейсеръ *Память Меркурія* и поставленъ подъ тентомъ на катафалкѣ. Сюда же былъ принесенъ флагъ и положенъ на гробъ, а на гротъ-мачтѣ, со вступленіемъ на палубу Государя Императора, взвился Императорскій штандартъ, который оставался, однако, приспущеннымъ.

Когда всѣ Августѣйшія особы перешли на крейсеръ, раздалась тихая, почти неслышная для зрителей, команда и крейсеръ медленно отодвинулся отъ пристани, чтобы чрезъ минуту полнымъ ходомъ направиться въ Севастополь. Едва *Память Меркурія* взяла курсъ въ море, какъ съ пристани и набережной начался ружейный, а съ трехъ батарей пушечный прощальный салютъ, непрекращавшійся до тѣхъ поръ пока крейсеръ, которому отсалютовалъ также броненосецъ *Двѣнадцать Апостоловъ*, не скрылся за Ореандскимъ мысомъ. Легкій вѣтерокъ разносилъ клубы пароходнаго дыма, и тысячи провожавшихъ гробъ усопшаго Царя могли долго слѣдить за ходомъ крейсера, который увозилъ изъ Ялты все, что есть самаго дорогаго для Русскихъ людей. Скоро только темная лента растянувшагося на горизонтѣ дыма изъ трубы крейсера указывала путь, по которому слѣдовали Государь Императоръ и Царская Семья съ останками почившаго Императора.

Тотчасъ вслѣдъ за крейсеромъ подняли якоря броненосецъ «*Двѣнадцать Апостоловъ*», назначенный конвоировать крейсеръ, и пароходъ Добровольнаго Флота *Орелъ*, на которомъ слѣдовала свита, и пошли въ кильватерѣ *Память Меркурія*.

ОТЪ ЛИВАДІИ ДО МОСКВЫ.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

перевезенія тѣла въ Бозѣ Почившаго

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

АЛЕКСАНДРА III

изъ Ливадіи въ Москву и Петербургъ.

I. Тѣло въ Бозѣ почившаго Государя Императора будетъ перенесено изъ Ливадіи въ Ялту на рукахъ, затѣмъ изъ Ялты прослѣдуетъ до Севастополя на крейсерѣ 1-го ранга *Память Меркурія*, а изъ Севастополя въ Москву и далѣе въ С.-Петербургъ на особомъ траурномъ поѣздѣ.

II. По положеніи во гробъ, тѣло блаженной памяти Государя Императора, облеченное въ Императорскую порфиру, будетъ перенесено Его Величествомъ Государемъ Императоромъ, вмѣстѣ съ Особами Императорской Фамиліи, въ Большую Ливадійскую церковь.

III. У паперти Большой Ливадійской церкви тѣло въ Бозѣ почившаго Государя Императора встрѣчено будетъ преосвященнымъ архіепископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ съ епархіальнымъ духовенствомъ.

IV. Передъ Большою Ливадійскою церковью поставленъ будетъ почетный караулъ.

V. Два раза въ день, въ указанные часы, придворнымъ и мѣстнымъ духовенствомъ будутъ совершаться панихиды, и при гробѣ будетъ находиться установленное дежурство.

VI. Въ назначенные часы въ Большую Ливадійскую церковь будутъ допускаться люди всякаго званія для поклоненія тѣлу въ Бозѣ почившаго Благовѣрнаго Государя Императора.

VII. Въ назначенный день печальное шествіе будетъ слѣдовать изъ Ливадіи до пристани въ Ялтѣ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Начальникъ дворцовой полиціи, верхомъ.

2) Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

3) Крымскій дивизіонъ.

4) Войска, какія угодно будетъ Его Величеству назначить.

5) Конюшенный офицеръ, верхомъ, въ мундирѣ и полномъ траурѣ.

6) Придворные лакеи, по четыре въ рядъ.

7) Придворные скороходы.

8) Придворные офиціанты, по четыре въ рядъ.

9) Камеръ-фурьеръ, въ полномъ траурѣ.

10) Старшины отъ Татаръ, по три въ рядъ.

11) Мѣщанская управа города Ялты съ избранными изъ мѣщанскаго сословія начальниками, по три въ рядъ.

12) Сословіе купцовъ города Ялты, по старшинству гильдій, по три въ рядъ.

13) Ялтинская городская дума.

14) Ялтинская земская уѣздная управа.

15) Городское и земское училища.

16) Пріютъ Великой Княгини Ксеніи Александровны.

17) Училище имѣнія Его Величества Ливадіи.

18) Мѣстная община Краснаго Креста.

19) Ялтинская женская прогимназія.

20) Ялтинская мужская прогимназія.

21) Чины почтово-телеграфнаго вѣдомства, чины уѣзднаго казначейства и Государственнаго Банка, по два въ рядъ, младшіе впереди.

22) Чины Ялтинской таможни.

23) Чины вѣдомства путей сообщенія.

24) Чины лѣснаго вѣдомства.

25) Чины судебнаго вѣдомства, по два въ рядъ, младшіе впереди.

26) Таврическій губернскій предводитель дворянства, ялтинскій уѣздный и прочіе предводители дворянства и дворяне, въ Ялтѣ находящіеся.

27) Таврическій губернаторъ и прочіе находящіеся въ Ялтѣ губернаторы, вице-губернаторы и предсѣдатели палатъ.

28) Ордена на глазетовыхъ подушкахъ, обложенныхъ серебрянымъ газомъ, съ четырьмя серебряными кистями, несомые чинами 3-го класса, при ассистентахъ 4-го класса.

Орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-й степени.

Орденъ Св. Владиміра 1-й степени.

Орденъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

29) Два церемоніймейстера Двора Его Императорскаго Величества съ жезлами.

30) Оберъ-церемоніймейстеръ съ жезломъ.

31) Нѣвчіе собора Святаго Іоанна Златоуста въ Ялтѣ.

По обѣ стороны, начиная отъ нѣвчихъ до Императорской Фамиліи, идутъ шпалерами нижніе чины Собственнаго Его Величества конвоя.

32) Шесть церковныхъ фонарей съ зажженными свѣчами; церковныя хоругви церквей Ливадіи, Ореанды и Ялты; церковный выносный крестъ Малой Ливадійской церкви; за ними духовная процессія: городское духовенство, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи, младшіе впереди; придворные нѣвчіе, придворные протодіаконы, придворные священники; за ними духовникъ въ Бозѣ почившаго Императора протопресвитеръ Янышевъ со св. иконой, впереди его діаконъ съ кадиломъ.

Гробъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора, несомый нижними чинами Собственнаго Его Величества конвоя, шефской роты 16-го стрѣлковаго полка и гребцами Государева катера.

По обѣ стороны пойдутъ дворцовые гренадеры.

За гробомъ слѣдуетъ Государь Императоръ, имѣя за Собою министра Императорскаго Двора, командующаго Императорскою Главною Квартирой и дежурныхъ при Его Величествѣ: генералъ-адъютанта, Свиты Его Величества генералъ-майора и флигель-адъютанта.

Его королевское высочество принцъ Валлійскій.

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Георгій Александровичъ, Королевичъ Николай Греческій и Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Михаилъ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ и Александръ Михайловичъ.

Поодаль по сторонамъ идутъ Его Величества генералъ-адъютанты, Свиты Его Величества генералъ-майоры и флигель-адъютанты; адъютанты Ихъ Императорскихъ Высочествъ и свита иностранныхъ принцевъ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица, Высокопреченная Невѣста Государя Императора Ея Импера-

торское Высочество Великая Княжна Александра Ѳеодоровна, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ксенія Александровна и Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Александровна, въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей оберъ-шталмейстеръ и шталмейстеръ Двора Его Величества; позади кареты камеръ-казакъ.

Ея Величество Королева Эллиновъ, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская, Ея Королевское Высочество Принцесса Валлійская и Королевна Марія Греческая, въ траурной каретѣ, съ правой стороны коей шталмейстеръ верхомъ; позади кареты придворный лакей.

33) Гофмейстерины и фрейлины, въ каретахъ, позади коихъ придворные лакеи.

34) Чины Высочайшаго Двора—старшіе впереди.

35) Камергеры и камеръ-юнкеры Двора Его Величества, по два въ рядъ—старшіе впереди.

36) Лейбъ-медики и придворные медицинскіе чины, состоявшіе при въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ.

37) Ближайшіе служители покойнаго Государя Императора, по три въ рядъ.

38) Конюшенный офицеръ верхомъ, въ полномъ мундирѣ и траурѣ.

39) Войска, какія угодно будетъ Его Величеству назначить.

VIII. Вдоль пути слѣдованія шествія размѣщаются шпалерами войска, по распоряженію военнаго начальства.

IX. По приближеніи тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора, войска отдаютъ честь установленнымъ порядкомъ; музыка играетъ и барабаны бьютъ походъ, а затѣмъ играютъ молитву.

По самомъ вступленіи печальнаго шествія въ Ялту, при церквахъ начнется перезвонъ, а изъ поставленныхъ орудій — пальба съ минутными промежутками между выстрѣлами. Перезвонъ и пальба продолжаются до окончанія панихиды, имѣющей быть по постановленіи гроба на катафалкъ, устроенный на пристани.

X. На ялтинской пристани будетъ совершена преосвященнымъ архіепископомъ Таврическимъ и Симферопольскимъ, съ городскимъ духовенствомъ, панихида, по окончаніи которой гробъ будетъ перенесенъ и установленъ на особо приготовленномъ для сего на крейсерѣ *Память Меркурія* мѣстѣ. По принятіи гроба съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, крейсеръ *Память Меркурія* отойдетъ въ Севастополь подъ приспущеннымъ штандартомъ Его Величества, по поднятіи

коего съ судовъ, стоящихъ на рейдѣ, произведенъ будетъ установленный Императорскій салютъ, съ минутными промежутками между выстрѣлами. Конвоировать крейсеръ *Память Меркурія* будетъ броненосецъ *Двѣнадцать Апостоловъ* и пароходъ Добровольнаго Флота *Орелъ*. При отходѣ крейсера произведенъ будетъ съ берега установленный салютъ.

XI. По приближеніи къ Севастопольскому рейду, флотъ и крѣпость произведутъ установленный Императорскій салютъ, съ минутными промежутками между выстрѣлами.

Когда крейсеръ, пройдя линію флота, пристанетъ къ берегу и будетъ спущенъ Императорскій штандартъ, тогда флотъ и крѣпость произведутъ вторично установленный Императорскій салютъ.

XII. Въ Севастополѣ тѣло въ Бозѣ почившаго Государя Императора будетъ встрѣчено городскимъ духовенствомъ, военными, морскими и гражданскими властями и представителями дворянства и городскаго управленія, а также и воспитанниками учебныхъ заведеній.

XIII. Его Величество изволитъ, вмѣстѣ съ Особами Императорской Фамиліи, министромъ Императорскаго Двора и генералъ-адъютантами, поднять гробъ и поставить оный на приуготовленное на пристани мѣсто, тогда будетъ совершена паннихида, послѣ которой гробъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора будетъ поставленъ въ траурный вагонъ.

XIV. Передъ отходомъ поѣзда войска отдадутъ почести въ Бозѣ почившему Государю Императору и будетъ произведена орудійная пальба сухопутною артиллеріей. Когда же тронется поѣздъ и покажется у берега Южной бухты, съ флота вновь будетъ произведенъ установленный Императорскій салютъ.

Съ самаго прибытія крейсера *Память Меркурія* въ Севастополь и до отхода траурнаго поѣзда во всѣхъ городскихъ церквахъ имѣетъ быть перезвонъ.

На пристани будетъ выставленъ почетный караулъ.

XV. Въ траурномъ вагонѣ гробъ будетъ покрытъ Императорскимъ покровомъ, опушеннымъ горностаевымъ мѣхомъ, вшеснымъ четырьмя генералъ-адъютантами Его Величества, и на гробъ возложена будетъ Императорская корона.

XVI. По отданіи послѣднихъ Императорскихъ почестей, траурный поѣздъ отбудетъ изъ Севастополя, черезъ Симферополь, Спасовъ Скитъ, Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Тулу въ Москву, а изъ Москвы, черезъ Тверь, въ С.-Петербургъ; въ томъ же поѣздѣ отправятся всѣ Особы, имѣющія сопровождать тѣло въ Бозѣ почившаго Государя Императора до С.-Петербурга.

XVII. Въ Москвѣ гробъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора имѣетъ быть перевезенъ въ Архангельскій соборъ по особо Высочайше утвержденному церемоніалу, а оттуда перевезенъ на станцію Николаевской желѣзной дороги для дальнѣйшаго слѣдованія въ С.-Петербургъ.

XVIII. На всемъ пути слѣдованія, отъ Ялты до С.-Петербурга, при тѣлѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора будетъ денно и нощно безпрерывное, подобающее Императорскому Сану, дежурство; при остановкахъ же поѣзда въ губернскихъ городахъ, для встрѣчи тѣла въ Бозѣ почившаго Императора, собираются на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ: архіерей съ мѣстнымъ духовенствомъ, губернаторъ, мѣстныя военныя и гражданскія власти, представители дворянства, земства и городскаго управленія. При гробѣ совершаются панихиды. Почетные караулы выставляются отъ мѣстныхъ войскъ. Свободныя отъ наряда войска будутъ размѣщены вдоль пути, при станціяхъ остановокъ.

Въ С.-Петербургѣ перевезеніе гроба съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, со станціи Николаевской желѣзной дороги въ Петропавловскій соборъ, послѣдуетъ по особому Высочайше утвержденному церемоніалу.

Выѣздъ изъ Ливадіи.

(*Моск. Вѣд.* № 296.)

ЛИВАДІЯ, 27 октября. Сегодня Ливадія и Ялта простились съ тѣломъ Монарха. Нависшія съ вечера тучи разсѣялись. Былъ тихій ясный день. Къ семи часамъ едва солнце показалось надъ горами, къ Ливадійской церкви стали собираться чины двора, всѣхъ вѣдомствъ, дворянства и депутаціи; въ то же время лентою вьющійся путь занимали войска, чтобъ отдать честь усопшему Верховному Вождю. Отслужена заупокойная обѣдня, по прибытіи же Августѣйшихъ Особъ въ Ливадійскую церковь была отслужена литія, затѣмъ гробъ поднятъ и вынесенъ Государемъ и Великими Князьями на паперть, гдѣ приняли чины конвоя. Шествіе направилось по Ливадійской дорогѣ въ Ялту. У броненосца начался похоронный салютъ, продолжавшійся до прихода на молъ. За гробомъ шествовали Государь, Государыня, Принцъ и Принцесса Вельсскіе, Цесаревичъ, другія Высочайшія Особы, министръ Двора, генералъ-адъютанты и свита. Шествіе открывалось и замыкалось ротой стрѣлковъ, за которыми слѣдовало шесть колясокъ съ вѣнками.

Послѣ литіи на молу гробъ установленъ на палубѣ крейсера *Память Меркурія*, на которомъ взвился штандартъ, музыка, пѣніе пѣвчихъ, ружейная и пушечная пальба слились въ одинъ общій гулъ, эхомъ отзывавшійся въ горахъ. Картина была величественная, неподдающаяся описанію, оставившая на всю жизнь память о безвременно почившемъ Монархѣ.

(*Моск. Вѣд. № 297.*)

СЕВАСТОПОЛЬ, 28 октября. Задолго до прихода крейсера, который несъ все, что дорого Русскому народу, Севастополь закончилъ всѣ приготовленія. Улицы берега Южной бухты убраны траурными флагами, Царская пристань обита чернымъ сукномъ, катафалкъ малиновымъ бархатомъ съ генеральскимъ шитьемъ. Здѣсь собралось начальство и чины всѣхъ вѣдомствъ, архимандриты Херсонесскаго, Георгіевскаго и Инкерманскаго монастырей, воспитанники и депутаціи. На внѣшнемъ рейдѣ, у Константиновской батареи, вытянулся въ одну линію Черноморскій флотъ. Всѣ склоны горы и Царской пристани усѣяны народомъ. Едва показался крейсеръ, какъ съ батареи и съ судовъ началась стрѣльба, продолжавшаяся до тѣхъ поръ пока крейсеръ присталъ къ пристани. Всѣ головы обнажились; посреди палубы на высокомъ катафалкѣ возвышался гробъ съ тѣломъ безвременно почившаго Монарха. Гробъ былъ поднятъ гребцами Государева катера и установленъ на катафалкѣ на пристани. Панихида, отслуженная архимандритомъ Александромъ произвела потрясающее впечатлѣніе: тысячи народа вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ и Царскою Семьей чувствовали потерю и рыдали. Послѣ панихиды гробъ былъ перенесенъ въ траурный вагонъ, усыпанный цвѣтами. Въ пять часовъ отошелъ при пушечной пальбѣ и «Коль славенъ» траурный поѣздъ, въ 5 часовъ 20 минутъ отошелъ Императорскій поѣздъ, затѣмъ два свитскіе.

Сегодня для 1.200 человѣкъ бѣдныхъ отъ Императорскаго Двора поминальный обѣдъ, завтра для другихъ сотенъ бѣдныхъ.

Отъ Севастополя до Москвы.

(Отъ нашего корреспондента).

(*Моск. Вѣд. № 310.*)

Послѣ ухода изъ Ялты крейсера *Память Меркурія*, нашею главною заботой было перенестись въ возможно кратчайшій срокъ въ Севастополь. Сдѣлать это было не такъ-то легко.

Четвергъ—одинъ изъ тѣхъ дней когда парохода изъ Ялты въ Севастополь не бываетъ. Можно было думать, что Обществу Пароходства и Торговли будутъ понятны желанія и чувства сотенъ русскихъ людей, которые желали бы проводить прахъ усопшаго Монарха до Севастополя, и что оно найдетъ возможнымъ приготовить въ такой день особый пароходъ въ Ялтѣ для желавшихъ ѣхать въ Севастополь. Къ сожалѣнію, Общество, получающее громадную казенную субсидію, и въ этомъ случаѣ оказалось не на высотѣ своей задачи и никакого парохода не приготовило. Въ то время, когда всѣ другія учрежденія и общества удвоили свою дѣятельность и работали день и ночь, одно Общество Пароходства и Торговли не выходило изъ своей рутины и не сдѣлало даже попытки показать, что оно живой организмъ способный не на то только, чтобы сталкиваться со встрѣчными на морскомъ просторѣ, гдѣ, казалось бы, и умышленно трудно вызвать столкновеніе. Названному Обществу слѣдовало бы взять примѣръ хотя бы съ телеграфной станціи въ Ливадіи, которая, будучи учрежденіемъ временнымъ, показала, что можно сдѣлать съ малыми средствами въ труднѣйшія минуты, если только есть желаніе дѣйствительно послужить. Никто не могъ ожидать, что на долю незначительной станціи выпадетъ такая огромная работа, какую пришлось исполнить этимъ чиновникамъ, откомандированнымъ туда изъ разныхъ городовъ на время пребыванія тамъ Двора. Техническія средства—аппараты и проводы—были недостаточны; тѣмъ не менѣе, станція успѣвала передавать своевременно всю обширную офиціальную переписку, многочисленныя Высочайшія телеграммы и обширную газетную корреспонденцію, и еслибы не было задержки въ Симферополѣ и Харьковѣ, то не приходилось бы часть депешъ, какъ это было въ послѣдніе дни, доставлять въ Ялту пароходомъ изъ Одессы. За то ливадійскіе телеграфисты, сознавая, какъ важна ихъ дѣятельность въ данную минуту, не спали по нѣскольку ночей, и не было момента когда бы аппаратъ не былъ занятъ передачей или пріемомъ депешъ. Достаточно сказать, что даже такіе обширные акты какъ Высочайше утвержденный церемоніалъ были своевременно переданы въ Петербургъ для напечатанія.

Въ виду непонятной косности Общества Пароходства и Торговли, пришлось позаботиться о томъ, чтобы достигнуть Севастополя въ возможно скорѣйшемъ времени на лошадяхъ. Уже накануѣ конторы Бенковскаго обязалась выставить лошадей и, получивъ деньги, выдала квитанцію. Однако, въ назначенный часъ лошадей не было, подъ предлогомъ что всѣ лошади угнаны на Симферопольскій трактъ. На самомъ дѣлѣ задержка

зависѣла отъ конкурренціи двухъ ялтинскихъ почтовыхъ конторъ, и пришлось, опираясь на квитанцію, заговорить энергическимъ языкомъ, чтобы заставить добыть лошадей. Усѣсться и тронуться было дѣломъ минуты, и путь чрезъ Байдары былъ совершенъ съ большою быстротой, но, къ сожалѣнію, возможности застать въ Севастополѣ Царскій поѣздъ не было, и пришлось слѣдовать за нимъ въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія, собирая у знакомыхъ и у начальства свѣдѣнія о слѣдованіи Царскихъ поѣздовъ.

Крейсеръ *Память Меркурія* совершилъ переходъ изъ Ялты въ Севастополь въ четыре часа съ четвертью. Уже съ утра Севастополь, призванный почившимъ Императоромъ къ новой жизни, былъ на ногахъ и заканчивалъ приготовленія для встрѣчи тѣла усопшаго Монарха. Не только улицы украсились траурными флагами, но и оба берега Южной бухты покрылись высокими мачтами, на которыхъ развѣвались траурные флаги. Царская пристань была обита чернымъ сукномъ и уставлена тропическими растеніями. На пристани, передъ выходомъ къ траурному вагону, былъ поставленъ невысокій катафалкъ, подобный построенному на ялтинской пристани и подобно ему обитый малиновымъ бархатомъ съ генеральскимъ шитьемъ. На Царской пристани, ко времени прихода крейсера, собралось все городское начальство, съ градоначальникомъ вице-адмираломъ Лавровымъ во главѣ, городское духовенство, архимандриты монастырей Херсонесскаго, Инкерманскаго и Георгіевскаго, чины всѣхъ вѣдомствъ, воспитанники учебныхъ заведеній и депутаціи. Черноморскій флотъ, созданіе почившаго Императора Александра III, приготовился встрѣтить прахъ своего возобновителя на внѣшнемъ рейдѣ и вытянулся въ одну линію у Константиновской батареи.

Когда крейсеръ *Память Меркурія* приблизился къ Севастопольскому рейду, съ крѣпости и съ флота былъ произведенъ Императорскій салютъ съ минутными промежутками между выстрѣлами. Когда крейсеръ, миновавъ флотъ, повернулъ въ Южную бухту и присталъ къ Царской пристани, и когда былъ спущенъ Императорскій штандартъ, флотъ и крѣпость вторично произвели Императорскій салютъ. Какъ въ Ялтѣ гробъ съ останками Почившаго былъ установленъ на крейсеръ гребцами Государева катера, такъ и въ Севастополѣ на долю моряковъ выпала честь вынести гробъ на пристань.

Черноморскій флотъ и Севастополь липнулись въ покойномъ Императорѣ своего создателя и покровителя, оживившаго традиціи Нахимова и Корнилова. Вотъ почему здѣсь такъ живо чувствовалась кончина Императора Александра, въ Свое

непродолжительное царствованіе столь часто посѣщавшаго Севастополь. Извѣстіе о послѣдовавшемъ разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Великому Миротворцу въ Москвѣ было встрѣчено въ Севастополѣ съ благодарностью, и моряки готовились горячимъ участіемъ въ подпискѣ выразить свою благодарность Тому, Кто призвалъ ихъ къ новой жизни. Но рядомъ съ этимъ у нихъ зародилась мысль о собственномъ памятникѣ въ Севастополѣ, который долженъ быть построенъ исключительно на средства моряковъ. На одномъ изъ холмовъ долженъ стоять памятникъ Возобновителю Черноморскаго флота, напоминая каждому моряку заботы почившаго о созданіи новой морской силы. Пусть у подножія памятника будутъ вѣчно играть волны Чернаго Моря, которое Почившему обязано тѣмъ, что вмѣсто двухъ никуда негодныхъ поповокъ и маленькихъ военныхъ лодокъ, теперь бороздитъ его сильный военный флотъ въ 18 вымпеловъ.

Послѣ панихиды совершенной архимандритомъ Александромъ со многочисленнымъ духовенствомъ гробъ былъ перенесенъ въ траурный вагонъ, усыпанный розами и лиліями, и покрытъ покровомъ; въ тотъ же вагонъ были положены вѣнки поднесенные какъ городскимъ обществомъ и учрежденіями Севастополя, такъ и представителями Балаклавы. Въ пять часовъ пополудни траурный поѣздъ тронулся, увозя останки Почившаго съ крайняго юга Имперіи на дальній сѣверъ, въ усыпальницу русскихъ императоровъ. Перезвонъ во всѣхъ церквахъ, начавшійся съ прибытіемъ крейсера *Память Меркурія*, не прекращался до отхода траурнаго поѣзда, сопровождаясь орудійною сухопутною артиллеріей и ружейною пальбой. Когда же поѣздъ показался у берега Южной бухты, флотъ произвелъ снова Императорскій салютъ. Черезъ двадцать минутъ послѣ отхода траурнаго поѣзда, тронулся Императорскій поѣздъ, въ которомъ изволили занять мѣста Государь Императоръ Николай Александровичъ, Государыня Императрица, Высокопареченная Невѣста Государя Императора Великая Княжна Александра Ѳеодоровна и другія Особы Императорской Фамиліи, которыя на пристани простились съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, отбывшимъ на пароходѣ *Орелъ* въ Батумъ, и съ королевичемъ Николаемъ и королевной Маріей Греческими, отбывшими на яхтѣ *Эрмакъ* въ Аѳины.

Слѣдованіе траурнаго поѣзда по Русской землѣ было торжественнымъ прощаніемъ Русскаго народа съ безвременно почившимъ Монархомъ, Который такъ горячо любилъ Свой народъ и Свою землю. Всюду гдѣ останавливался поѣздъ совершались панихиды, всюду народъ спѣшилъ къ мѣстамъ остановки

поѣзда, чтобы выразить свою любовь и благодарность Усопшему молитвой за упокой Его души и возложеніемъ вѣнковъ. Всѣ станціи, даже тѣ, гдѣ не полагалось остановокъ, облеклись въ трауръ, всюду развѣвались траурные флаги, и единственною темой всѣхъ разговоровъ былъ свѣтлый образъ почившаго.

Первая остановка поѣзда была въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Симферополя. Такъ какъ всѣ власти Таврической губерніи находились въ Ялтѣ и прослѣдовали въ Симферополь на лошадяхъ, что̀ взяло не мало времени, то Государь Императоръ повелѣлъ соизволилъ сдѣлать остановку, чтобы дать время начальствующимъ Таврической губерніи, съ епископомъ Мартиніаномъ во главѣ, прибыть въ Симферополь до прихода поѣзда. Такимъ образомъ Императорскій и траурный поѣзда прибыли въ Симферополь въ 11 часовъ вечера и были встрѣчены на станціи всѣми начальствующими лицами, духовенствомъ, учебными заведеніями и несмѣтною толпой народа. Послѣ панихиды, совершенной епископомъ Мартиніаномъ соборнѣ, для прощанія съ прахомъ усопшаго были допущены всѣ присутствовавшіе, что̀ задержало траурный поѣздъ въ Симферополѣ на цѣлый часъ. На Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ большихъ остановокъ до Борокъ болѣе не было; поѣздъ останавливался только на короткое время въ Мелитополѣ, Александровскѣ, Синельниковѣ и Павлоградѣ для смѣны паровозовъ.

Въ Спасовъ Скитъ (Борки), съ которымъ для Царской Семьи связано столько горестныхъ воспоминаній, но который служитъ въ то же время вѣчнымъ, для всѣхъ видимымъ, памятникомъ чуднаго спасенія Царской Семьи, траурный поѣздъ прибылъ въ четверть шестаго. На платформѣ былъ выстроенъ почетный караулъ отъ Пензенскаго полка, на правомъ флангѣ котораго находились командующій войсками Кіевскаго военнаго округа генералъ-адъютантъ Драгомировъ, генералы Троицкій, Випбергъ, Ребиндеръ, духовенство, депутаціи, предводители дворянства, представители купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго обществъ. Всѣ депутаціи имѣли въ рукахъ вѣнки, приготовленные для возложенія на гробъ почившаго Монарха. При приближеніи поѣзда, войска взяли на-караулъ, барабаны забили «походъ», и музыка заиграла «Коль славенъ». Государь Императоръ, вдовствующая Императрица и всѣ Августѣйшія Особы подошли къ траурному вагону, и архимандритъ Святогорскаго монастыря Вассіанъ отслужилъ панихиду, послѣ которой были внесены въ траурный вагонъ всѣ вѣнки и, для прощанія съ прахомъ усопшаго Императора, были допущены всѣ находившіеся на платформѣ.

При перезвонѣ скитскихъ колоколовъ и подъ звуки молитвы,

траурный поѣздъ въ половинѣ седьмаго отошелъ отъ платформы, чтобы черезъ полтора часа, въ восемь часовъ вечера, остановиться у Харьковской платформы, гдѣ многочисленныя депутаціи, начальствующія лица, учебныя заведенія и тысячи народа давно ожидали прибытія поѣзда. Когда Его Величество и Великіе Князья приблизились къ траурному вагону, преосвященный Іоаннъ, епископъ Сумскій, совершилъ панихиду. Какъ въ Симферополѣ и Спасовомъ Скиту, такъ и здѣсь для прощанія съ прахомъ почившаго Императора допускались лица всѣхъ званій, и происходило возложеніе вѣнковъ. Только въ половинѣ десятаго траурный поѣздъ могъ, при звукахъ «Коль славенъ» и печальномъ перезвонѣ колоколовъ, тронуться въ дальнѣйшій путь. Такія же прощанія народа съ дорогими останками Великаго Миротворца происходили въ Курскѣ, Орлѣ, куда поѣздъ прибылъ въ 2 часа, и Тулѣ, гдѣ поѣздъ подошелъ къ платформѣ въ 8 час. вечера. Всюду тысячи народа спѣшили къ вокзаламъ чтобы поклониться гробу или, на станціяхъ гдѣ не было остановокъ, хоть издали перекреститься на вагонъ увозившій прахъ Почившаго въ далекую столицу. Поздно вечеромъ поѣзда подошли къ Москвѣ и остановились на ночь— Императорскій въ Царицынѣ, а траурный въ Бутовѣ — чтобы на другое утро почти одновременно войти въ черту Москвы, приготовившейся встрѣтить со слезами прахъ Того, Кого она при жизни встрѣчала всегда съ такимъ ликованіемъ.

(*Моск. Вѣд.* № 298.)

СПАСОВЪ СКИТЪ, 28 октября. Великая скорбь, безграничная печаль смѣнила чувства свѣтлой радости, ликованіе, какими еще недавно обитель встрѣчала въ Бозѣ почившаго Царя-Миротворца; на томъ мѣстѣ, гдѣ много разъ народъ молился со своимъ обожаемымъ Монархомъ за Его спасеніе, нынѣ молились объ упокоеніи Его праведной души. Платформа вся была убрана траурными щитами, плерезами газа, освѣщена фонарями, факелами. Императорскій поѣздъ подошелъ къ такъ-называемой Царской платформѣ, остановившись на памятномъ мѣстѣ крушенія 17 октября. Государь Императоръ, вышедшій изъ вагона для слушанія панихиды, былъ встрѣченъ командующимъ Кіевскимъ военнымъ округомъ генераломъ Драгомировымъ, губернаторомъ гофмейстеромъ Петровымъ, депутатами дворянъ, Харьковскихъ, купеческаго, мѣщанскаго, ремесленнаго обществъ, крестьянами окрестныхъ уѣздовъ съ вѣнками, на которыхъ имѣются трогательныя надписи, свидѣтельствующія какъ всѣ безгранично любили усопшаго Великаго Миротворца.

Паннихиду служило скитское духовенство: два архимандрита, Вассіанъ и Іосифъ, два іеромонаха. Въ траурномъ вагонѣ молилась Императрица, вблизи Государь, Великія Княжны Александра Ѳеодоровна, Ольга Александровна, Королева Эллиновъ, Великая Княгиня Ксенія Александровна, Князь Михаилъ и Алексѣй Александровичи, Александръ Михаловичъ, принцъ и принцесса Вельсскіе со свитой, графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, дежурнымъ генералъ-адъютантомъ Черевинымъ, генераломъ Рихтеромъ, княземъ Голицынымъ, княземъ Долгоруковымъ, графомъ Мусинъ-Пушкинымъ, полковникомъ Ширинкинымъ, комендантомъ поѣзда княземъ Тумановымъ. На платформѣ былъ выстроенъ почетный караулъ со знаменемъ Пензенскаго полка; здѣсь было возложено на гробъ четырнадцать вѣнковъ, въ томъ числѣ громадный серебряный отъ Кіевскаго военнаго округа. Въ половинѣ седьмаго часа поѣздъ прослѣдовалъ въ Харьковъ, подъ звуки *Коль славенъ*, и перезвонъ колоколовъ.

ХАРЬКОВЪ, 29 октября. Въ Харьковъ поѣздъ прибылъ въ восемь часовъ. Платформа, вся въ траурѣ, заполнена была депутаціями всѣхъ учрежденій и учебныхъ заведеній; находился почетный караулъ Тамбовскаго полка со знаменемъ; барабаны били походъ, музыка играла *Коль славенъ*. Во время остановки поѣзда, когда у гроба Императора Александра началась паннихида, которую служили епископъ Іоаннъ, два архимандрита, 12 священниковъ, пѣли студенты; вѣнковъ возложена масса, изъ нихъ выдѣлялись: Харьковскаго дворянства, университета, города; безъ различія чиновъ, званія, всѣ допускались для поклоненія гробу усопшаго Монарха. Государь Императоръ, Великіе Князья, принцъ Вельсскій молились на паннихидѣ. При гробѣ дежурятъ высшіе военные, гражданскіе чины, офицеры Преображенскаго и Конная полковъ. Траурный поѣздъ отошелъ въ началѣ десятаго часа, подъ звуки *Коль славенъ*, при благоговѣйномъ молчаніи присутствующихъ.

(Моск. Вѣд. № 308.)

ОРЕЛЪ, 29-го октября. Сегодня съ разсвѣта утра потянулась по улицамъ города масса жителей всѣхъ возрастовъ обоего пола; особенно велико было скопленіе народа въ улицахъ, прилегающихъ къ пассажирской станціи Московско-Курской желѣзной дороги, куда ожидалось прибытіе дорогаго праха усопшаго Монарха. Къ полудню не только площадь передъ вокзаломъ переполнилась народомъ, но и по линіи дороги, съ обѣихъ сторонъ вокзала, не на одну версту стояли десятки тысячъ людей въ трепетномъ ожиданіи прибытія печальнаго траурнаго поѣзда.

Внутри вокзалъ былъ задрапированъ траурными матеріями и уставленъ тропическими растеніями. Дебаркадеръ и галлерея, къ которой доходятъ поѣзда другихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, тоже были задрапированы траурными матеріями, убраны траурными флагами, а колонны обвиты гирляндами изъ зелени.

Слишкомъ за часъ до прибытія Царскаго поѣзда начали съѣзжаться представители всѣхъ гражданскихъ и военныхъ вѣдомствъ, а также общественныхъ и частныхъ учрежденій: прибылъ начальникъ губерніи, губернскій предводитель дворянства, городской голова, командующій Московскимъ военнымъ округомъ генералъ-адъютантъ А. С. Костанда, епископъ Орловскій и Сѣвскій Мисаилъ.

На платформѣ поставленъ былъ почетный караулъ и оркестръ музыки квартирующихъ здѣсь полковъ; расположилась масса депутацій съ вѣнками на гробъ почившаго Государя. Всѣ находившіяся на платформѣ дамы были въ глубокомъ траурѣ.

Чѣмъ ближе приближалась торжественная минута — отданія послѣдняго долга дорогому любимому Императору, тѣмъ сильнѣе, живѣе чувствовалась важность ея присутствующими. Несмотря на десятки тысячъ народа собравшагося вокругъ вокзала, царила полная тишина; взоры всѣхъ были обращены по тому направленію, откуда долженъ былъ прибыть траурный поѣздъ.

Около двухъ часовъ дня прибылъ Императорскій поѣздъ, въ которомъ находился Государь Императоръ Николай Александровичъ, вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна и вся Августѣйшая Семья, Высоконареченная Невѣста Великая Княжна Александра Ѳеодоровна, а также Принцъ и Принцесса Вельсскіе.

Впередъ уже было сообщено всѣмъ депутаціямъ что Государь Императоръ и Государыня Императрица принимать депутацій не будутъ.

Спустя минутъ двадцать прибылъ траурный поѣздъ съ прахомъ усопшаго Государя Императора. Какъ только показался поѣздъ, военный оркестръ заигралъ *Коль славенъ Нашъ Господь въ Сіонѣ*, войска сдѣлали на-караулъ и многотысячная толпа мгновенно обнажила головы; многіе опустились на колѣна, на глазахъ у всѣхъ были слезы, слышались сдерживаемыя рыданія. Поѣздъ подошелъ прямо къ платформѣ и тотчасъ же въ вагонѣ, гдѣ находится прахъ почившаго Государя, была раздвинута обращенная къ платформѣ стѣна. Тогда вышелъ на платформу изъ своего вагона Государь Императоръ Николай Александровичъ, Принцъ Вельсскій, также всѣ ѣхавшіе въ поѣздѣ Великіе Князья. Государь, принявъ почетный

рапортъ отъ нашего начальника губерніи, прошелъ вдоль фронта, выстроеннаго на платформѣ почетнаго караула. Послѣ этого была совершена епископомъ Орловскимъ и Сѣвскимъ Мисаиломъ панихида по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Александровичѣ. По окончаніи панихиды Государь Императоръ Николай Александровичъ, Принцъ Вельскій и всѣ Великіе Князья вошли въ свои вагоны, и Императорскій поѣздъ отбылъ.

Тогда началось возложеніе депутаціями вѣнковъ на гробъ усопшаго Царя: отъ Орловскаго дворянства, города, губернскаго и уѣздныхъ земствъ, окружнаго суда, квартирующихъ здѣсь войскъ, отъ города Ельца, отъ живущихъ въ Орлѣ Евреевъ, отъ Александровскаго женскаго института, отъ мужской классической и женской Маріинской гимназій, отъ кадетскаго Бахтинскаго корпуса, отъ Александровскаго Реальнаго Училища, отъ городскихъ училищъ, отъ Общества городскихъ прикащиковъ, отъ вольнаго пожарнаго общества, отъ музыкальнаго общества, отъ губернскаго правленія, отъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ, а также привезенные изъ другихъ городовъ и мѣстностей — вѣнковъ была такая масса, что трудно всѣ и перечесть.

По окончаніи возложенія вѣнковъ, была допущена публика для поклоненія праху дорогаго Монарха. Въ началѣ четвертаго часа печальный похоронный поѣздъ отбылъ. Взоры всѣхъ присутствующихъ приковались къ вагону, увозившему навсегда прахъ любимаго Государя. Этой печальной минуты жители Орла никогда не забудутъ и будутъ всегда съ благоговѣніемъ передавать о ней своимъ дѣтямъ и внукамъ.

Всѣ магазины въ этотъ день были заперты, и городъ облеченъ въ глубокій трауръ.

ВЪ МОСКВѢ.

Высочайше утвержденный

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

встрѣчи въ Москвѣ по пути слѣдованія въ С.-Петербургъ и перенесенія въ Архангельскій соборъ тѣла въ Бозѣ почившаго

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Александра III.

I.

О днѣ перенесенія въ Архангельскій соборъ тѣла блаженныя памяти Государя Императора всенародно наканунѣ будетъ объявлено чрезъ герольдовъ по всѣмъ частямъ Первопрестольной Столицы *).

II.

Печальное шествіе начнется по тремъ сигналамъ.

III.

По первому сигналу, который въ опредѣленный для того часъ будетъ данъ тремя пушечными выстрѣлами изъ орудій, поставленныхъ на Кремлевской стѣнѣ,—лица, участвующія въ церемоніи, должны готовиться къ печальному шествію.

---

*) Перенесеніе воспослѣдовало 30 октября 1894 года. *Ред.*

IV.

По второму сигналу, тремя пушечными выстрѣлами, всѣ лица, входящія въ составъ печальнаго шествія, должны занять назначенныя имъ мѣста и построиться въ томъ порядкѣ, въ которомъ будетъ слѣдовать самое шествіе.

V.

По третьему сигналу, тремя пушечными выстрѣлами, всѣ отдѣленія начинаютъ печальное шествіе.

VI.

Послѣ третьяго сигнала начинается во всѣхъ церквахъ перезвонъ, а изъ орудій, поставленныхъ на Кремлевской стѣнѣ,— пушечная пальба, чрезъ каждую минуту по одному выстрѣлу, и продолжается во все время печальнаго шествія до постановленія на катафалкъ въ Архангельскомъ соборѣ гроба съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

VII.

Тѣло блаженныя памяти Государя Императора прибудетъ изъ Севастополя на станцію Николаевской желѣзной дороги на особомъ печальномъ поѣздѣ.

VIII.

Въ Москвѣ тѣло въ Бозѣ почившаго Государя Императора будетъ перенесено въ Архангельскій соборъ и выставлено для поклоненія.

IX.

Ко времени прихода печальнаго поѣзда соберутся на особо устроенную станцію желѣзной дороги: Его Императорское Высочество Московскій Генералъ-Губернаторъ, высокопреосвященный митрополитъ Московскій и Коломенскій, съ высшимъ духовенствомъ, командующій войсками Московскаго военнаго округа, завѣдывающій дворцовою частію въ Москвѣ, Московскій губернаторъ, проживающіе въ Москвѣ придворные чины и кавалеры, губернскій предводитель дворянства, Московскій городской голова, военные генералы, не участвующіе въ строю, и высшіе гражданскіе чины до третьяго класса включительно, не назначенные участвовать въ шествіи.

X.

По совершеніи литіи четыре генералъ-адъютанта снимутъ съ гроба покровъ.

Его Величество Государь Императоръ изволитъ, вмѣстѣ съ Особами Императорской Фамиліи, министромъ Императорскаго Двора и генералъ-адъютантами, поднять гробъ и поставить на печальную колесницу.

XI.

По поставленіи гроба на печальную колесницу шествіе прослѣдуетъ по Каланчевской улицѣ, чрезъ Красныя Ворота, по Мясницкой улицѣ, Лубянской площади, Воскресенской улицѣ, чрезъ Иверскія и Спасскія Ворота въ Кремль.

Духовенство церквей, находящихся на пути слѣдованія, будетъ встрѣчать печальное шествіе на папертяхъ церквей со Крестомъ, Св. Иконами и Хоругвями и будетъ совершать литіи.

У часовни Иверской Иконы Божіей Матери печальное шествіе остановится, духовенство со Св. Иконой встрѣтитъ гробъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Благочестивѣйшаго Государя Императора и отслужитъ литію.

XII.

Печальное шествіе будетъ слѣдовать въ нижеслѣдующемъ порядкѣ:

1.

Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя черезъ плечо шарфъ изъ чернаго и бѣлаго крепа.

2.

2-й и 3-й эскадроны 1-го лейбъ-драгунскаго Московскаго Его Величества полка.

3.

Хоръ трубачей.

4.

Конюшенный офицеръ, верхомъ, въ мундирѣ и полномъ траурѣ.

5.

1-й эскадронъ лейбъ-драгунскаго Московскаго Его Величества полка.

6.

Рота Его Величества Александровскаго военнаго училища.

7.

Рота 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Его Величества полка.

8.

Рота 12-го гренадерскаго Астраханскаго Его Величества полка.

9.

Придворные лакеи, по четыре въ рядъ.

10.

Придворные скороходы.

11.

Придворные офиціанты, по четыре въ рядъ.

12.

Гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры, всѣ въ полномъ траурѣ.

13.

Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

14.

Маршалъ 6 класса, съ жезломъ, въ траурѣ.

15.

Знамя родоваго герба Его Императорскаго Величества, несомое чиновникомъ 7-го класса и лошадь сего герба, ведомая двумя лицами оберъ-офицерскаго чина; при лошади конюхъ.

16.

Знамя военное, красное, съ Императорскимъ гербомъ, съ красною бахромой и кистями, несомое полковникомъ, при двухъ ассистентахъ изъ штабъ-офицеровъ; всѣ въ полной формѣ и въ полномъ траурѣ.

17.

Собственная Его Величества лошадь, подъ богатою попоной, ведомая двумя штабъ-офицерами, въ мундирахъ и полномъ траурѣ; за нею два конюха въ парадной ливреѣ.

18.

Знамя Московскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

19.

Императорскій судовой штандартъ, несомый контръ-адмираломъ, въ мундирѣ и въ полномъ траурѣ, при двухъ ассистентахъ, капитанахъ 1-го ранга.

20.

Знамя изъ черной тафты, съ Государственнымъ гербомъ, несомое чиновниками 4-го класса, при двухъ ассистентахъ штабъ-офицерскаго чина; за знаменемъ лошадь, покрытая чернымъ сукномъ, съ Государственнымъ гербомъ на срединѣ, ведомая двумя чиновниками 7-го класса, а за ними два конюха.

21.

Бѣлое знамя, несомое штабъ-офицеромъ, при двухъ ассистентахъ, оберъ-офицерахъ, въ мундирахъ, безъ траура.

22.

Печальное знамя изъ черной тафты, несомое чиновникомъ 6 класса, при двухъ ассистентахъ штабъ-офицерскаго чина; за онымъ лошадь, покрытая вся черпымъ, ведомая двумя чиновниками 7 класса; за лошадью два конюха.

23.

Конюшенный офицеръ, верхомъ.

24.

Гербъ московскій, несомый чиновникомъ 6 класса.

25.

Государственный большой гербъ, предшествуемый четырьмя генералъ-майорами и несомый двумя генералъ-майорами и двумя полковниками, при двухъ ассистентахъ, изъ штабъ-офицеровъ. Всѣ въ мундирахъ и въ полномъ траурѣ.

26.

Церемоніймейстеръ верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

27.

Представители отъ находящихся въ Москвѣ обществъ и учрежденій, по назначенію Его Императорскаго Высочества Московскаго Генералъ-Губернатора.

28.

Представители крестьянскаго сословія, по четыре въ рядъ.

29.

Представители мѣщанскаго и ремесленнаго сословій, по четыре въ рядъ.

30.

Представители купечества, по четыре въ рядъ.

31.

Московскій городской голова и представители Московскаго городскаго управленія, а также городскіе головы и городскіе старосты другихъ городовъ Московской губерніи, по три въ рядъ.

32.

Предсѣдатель и члены Московской губернской земской управы, предсѣдатель и члены Московской уѣздной земской управы, а также прочіе представители земства, въ Москвѣ находящіеся, по три въ рядъ, младшіе впереди.

33.

Московскій губернскій предводитель дворянства, съ уѣздными предводителями и членами депутатскаго собранія Московской губерніи; губернскіе и уѣздные предводители дворянства другихъ губерній, находящіеся въ Москвѣ, и дворяне, какъ должностные, такъ и не служащіе, по три въ рядъ, въ мундирахъ и полномъ траурѣ.

34.

Мѣстныя управленія Министерствъ: Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Финансовъ, Народнаго Просвѣщенія и Военнаго.

35.

Московскій губернаторъ, вице-губернаторъ и представители Московскихъ губернскихъ административныхъ учрежденій.

36.

Чины Московскихъ судебныхъ учрежденій.

37.

Чины Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

38.

Чины управленія Московскаго удѣльнаго округа.

39.

Московскія дворцовыя учрежденія.

40.

Почетные опекуны Московскаго присутствія.

41.

4-й эскадронъ 1-го лейбъ-драгунскаго Московскаго Его Величества полка.

42.

Два герольда, съ жезлами.

43.

Четыре полковника, съ четырьмя опущенными внизъ Государственными мечами, въ мундирахъ и полномъ траурѣ.

44.

Медали, ордена и знаки отличія въ Бозѣ почившаго Государя Императора и Императорскія Регаліи.

МЕДАЛИ, ОРДЕНА И ЗНАКИ ОТЛИЧІЯ.

Крестъ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества.
Серебряный знакъ Императорскаго Общества Спасанія на Водахъ.
Знакъ Россійскаго Общества Краснаго Креста.
Серебряный вензель Императора Александра II.
Золотой вензель Императора Николая I.
Свѣтло-бронзовая медаль въ память 1877—1878 годовъ.
Орденъ Св. Станислава I степени.
Св. Анны I степени.
Бѣлаго Орла.
Св. Александра Невскаго.
Св. Великомученика Георгія II степени.
Св. Владиміра I степени.
Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

ИМПЕРАТОРСКІЯ РЕГАЛІИ.

Императорское Знамя.
Императорскій Щитъ.
Императорскій Мечъ.
Корона Грузинская.
Корона Таврическая.
Корона Сибирская.
Корона Польская.
Корона Астраханская.
Корона Казанская.
Государственная Держава.
Государственный Скипетръ.
Корона Императорская.

45.

Императорскія Регаліи, ордена, медали и знаки отличія несены будутъ на глазетовыхъ золотыхъ подушкахъ, обложенныхъ серебрянымъ широкимъ галуномъ, съ четырьмя серебряными кистями; медали и знаки отличія—чинами 4 класса, при ассистентахъ 5 и 6 классовъ; ордена—чинами 3 класса, при ассистентахъ 4 класса, а Императорскія Регаліи чинами 2 класса, при ассистентахъ 3 класса.

46.

Духовенство, по распоряженію высокопреосвященнаго митрополита Московскаго и Коломенскаго, съ подобающимъ Высокому достоинству въ Бозѣ почившаго Государя Императора велелѣпіемъ, и имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи.

47.

Придворное духовенство и духовникъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, протопресвитеръ Янышевъ, со св. иконой.

По обѣ стороны печальной колесницы пойдутъ съ факелами шестьдесятъ большаго возраста кадетъ.

Печальная колесница, запряженная 8 лошадьми, на которую возложено тѣло блаженныя памяти Государя Императора. У штанговъ четыре генералъ-адъютанта, а при кистяхъ восемь Свиты Его Величества генералъ-майоровъ или флигель-адъютантовъ.

За печальною колесницей слѣдуетъ Его Величество Государь Императоръ, имѣя позади Себя министра Императорскаго Двора, командующаго Императорскою Главною Квартирой и дежур-

ныхъ генералъ-адъютанта, Свиты Его Величества генералъ-майора и флигель-адъютанта.

Его Королевское Высочество Принцъ Валлійскій.

Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Михаилъ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Сергѣй Александровичъ, Михаилъ Николаевичъ, Александръ Михаиловичъ и Его Великогерцогское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій.

Поодаль, по сторонамъ Его Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ,—генералъ-адъютанты, Свиты Его Величества генералъ-майоры, флигель-адъютанты, состоящіе при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ генералы и адъютанты и военныя иностранныя особы, прибывшія въ Москву.

Московскій отрядъ дворцовыхъ гренадеръ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица, Высокопреченная Невѣста Его Императорскаго Величества Ея Императорское Высочество Великая Княжна Александра Ѳеодоровна, Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Ксенія Александровна и Великая Княжна Ольга Александровна, въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей, съ правой стороны—оберъ-шталмейстеръ, съ лѣвой — шталмейстеръ, верхомъ, въ полномъ трауре.

Позади кареты два камеръ-казака, въ полномъ траурѣ.

Ея Королевское Величество Королева Эллиновъ, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская, Ея Королевское Высочество Принцесса Валлійская и Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна, въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей по одному шталмейстеру, верхомъ, въ полномъ траурѣ.

Позади кареты два придворныхъ лакея, въ полномъ траурѣ.

48.

Гофмейстерина, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и свитныя фрейлины Государыни Императрицы и гофмейстерины и фрейлины Великихъ Княгинь въ траурныхъ каретахъ, позади коихъ по два придворныхъ лакея.

49.

Первые и вторые чины Высочайшаго Двора и состоящіе при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ и иностранныхъ Августѣйшихъ Особахъ придворные кавалеры, по два въ рядъ, старшіе впереди.

50.

Камергеры и камеръ-юнкеры Высочайшаго Двора, по три въ рядъ, старшіе впереди.

51.

Лейбъ-медики и придворные медицинскіе чины, состоявшіе при въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ.

52.

Ближайшіе служители въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

53.

Конюшенный офицеръ, верхомъ.

54.

Рота Александровскаго Военнаго Училища.

55.

Рота 2-го гренадерскаго Ростовскаго полка.

56.

Рота 3-го гренадерскаго Перновскаго Короля Фридриха-Вильгельма IV полка.

57.

Рота 4-го гренадерскаго Несвижскаго генералъ-фельдмаршала Барклая де-Толли полка.

58.

Рота 5-го гренадерскаго Кіевскаго генералъ-фельдмаршала князя Николая Репнина полка.

59.

1-я батарея 1-й гренадерской генералъ-фельдмаршала графа Брюса артиллерійской бригады.

60.

1-й эскадронъ 3-го драгунскаго Сумскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Датскаго полка.

61.

2-й эскадронъ 3-го драгунскаго Сумскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Датскаго полка.

62.

3-й эскадронъ 3-го драгунскаго Сумскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Датскаго полка.

63.

4-й эскадронъ 3-го драгунскаго Сумскаго Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Датскаго полка.

64.

Эскадронъ Тверскаго кавалерійскаго юнкерскаго училища.

XIII.

У паперти Архангельскаго собора тѣло въ Бозѣ почившаго Государя Императора будетъ встрѣчено высокопреосвященнымъ митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, съ высшимъ духовенствомъ.

XIV.

Внѣ собора будетъ выставленъ почетный караулъ, по распоряженію военнаго начальства, и у всѣхъ дверей собора поставится по два часовыхъ отъ сего караула.

XV.

На пути слѣдованія печальнаго шествія отъ особо устроенной станціи желѣзной дороги до Архангельскаго собора будутъ расположены войска, а также начальство и воспитанники московскихъ учебныхъ заведеній: военныхъ — по распоряженію военнаго начальства, а гражданскихъ — по распоряженію попечителя Московскаго учебнаго округа.

По приближеніи печальной колесницы съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора войска отдаютъ честь обыкновеннымъ порядкомъ, музыка играетъ и барабаны бьютъ походъ, а затѣмъ играютъ молитву.

Музыка, трубачи и барабаны, въ шествіи находящіеся, играютъ и бьютъ только во время шествія.

XVI.

По прибытіи печальной колесницы къ Архангельскому собору четыре генералъ-адъютанта, стоящіе у штанговъ, снимутъ съ гроба покровъ.

Его Величество Государь Императоръ изволитъ, вмѣстѣ съ Августѣйшими Особами, министромъ Императорскаго Двора и

генералъ-адъютантами поднять гробъ и по внесеніи въ соборъ поставить на катафалкъ.

По поставленіи на катафалкъ гроба, четыре свиты Его Величества генералъ-майора снимутъ съ онаго крышу и отнесутъ на особо для сего приготовленный столъ.

По снятіи крышки, гробъ тѣми же четырьмя генералъ-адъютантами вновь будетъ покрытъ покровомъ.

По наложеніи покрова, совершена будетъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ, въ сослуженіи съ прочимъ высшимъ духовенствомъ, панихида по въ Бозѣ почившемъ благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ.

XVII.

Во все время пребыванія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора въ Архангельскомъ соборѣ, при гробѣ будетъ денно и нощно безпрерывное, подобающее Императорскому сану, дежурство.

При гробѣ стапутъ на часахъ: шесть штабъ-и оберъ-офицеровъ, по три съ каждой стороны, шесть воспитанниковъ московскихъ военно-учебныхъ заведеній, четыре унтеръ-офицера роты Дворцовыхъ гренадеръ и 12 унтеръ-офицеровъ отъ расположенныхъ въ Московскомъ военномъ округѣ войскъ.

Въ назначенные часы у гроба будутъ совершаемы панихиды.

XVIII.

Во время пребыванія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора въ Архангельскомъ соборѣ, въ назначенные часы, будутъ допускаемы люди всякаго званія для поклоненія.

Во все это время театры и всѣ увеселенія имѣютъ быть закрыты.

XIX.

Въ назначенный день и часъ гробъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора будетъ перевезенъ въ С.-Петербургъ.

По совершеніи панихиды, четыре свиты Его Величества генералъ-майора принесутъ крышу гроба, четыре генералъ-адъютанта, назначенные стоять у штанговъ печальной колесницы, снимутъ съ гроба покровъ.

По прикрѣпленіи крышки гроба Его Императорское Величество Государь Императоръ изволитъ, вмѣстѣ съ Особами Императорской Фамиліи, министромъ Императорскаго Двора и генералъ-адъютантами, поднять гробъ и перенести на печальную колесницу.

По поставленіи гроба на печальную колесницу тѣ же четыре генералъ-адъютанта вновь возложатъ на оный покровъ.

XX.

Печальное шествіе отъ Архангельскаго собора направится къ особо устроенной станціи желѣзной дороги въ томъ же порядкѣ, въ какомъ слѣдовало со станціи въ Кремль.

На особо устроенной станціи желѣзной дороги будетъ выставленъ почетный караулъ.

По прибытіи печальной колесницы на станцію желѣзной дороги четыре генералъ-адъютанта, находившіеся у штанговъ, снимутъ съ гроба покровъ.

XXI.

Его Императорское Величество Государь Императоръ изволитъ, вмѣстѣ съ Особами Императорской Фамиліи, министромъ Императорскаго Двора и генералъ-адъютантами, поднять гробъ и перенести въ траурный вагонъ.

XXII.

Въ траурномъ вагонѣ гробъ будетъ покрытъ Императорскимъ покровомъ.

XXIII.

По отданіи послѣднихъ почестей, траурный поѣздъ отбудетъ изъ Первопрестольной столицы для дальнѣйшаго слѣдованія въ С.-Петербургъ.

Подписалъ министръ Императорскаго Двора, графъ *Воронцовъ-Дашковъ*.

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

перевезенія Императорскихъ Регалій изъ Зимняго Дворца на станцію Николаевской желѣзной дороги.

Въ субботу, въ 2 часа дня, по особымъ повѣсткамъ, соберутся въ Зимнемъ Дворцѣ: оберъ-церемоніймейстеръ, два церемоніймейстера Высочайшаго Двора, особы 2-го класса, съ ихъ ассистентами, назначенные для принятія и отвоза Регалій, четыре камеръ-юнкера и четыре камергера. Для конвоированія Регалій будетъ назначенъ, по распоряженію военнаго начальства, эскадронъ Кавалергардскаго полка, который выстроится у Посольскаго подъѣзда Зимняго Дворца, а у подъѣзда станціи желѣзной дороги будетъ выставленъ офицерскій караулъ. Отъ придворной Конюшенной части прислано будетъ потребное число экипажей.

Особы, назначенныя для несенія Регалій, съ ихъ ассистентами, принявъ оныя въ Брилліантовой комнатѣ изъ рукъ министра Императорскаго Двора, выносятъ ихъ на подушкахъ къ каретамъ, въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Два скорохода.
2) Два гофъ-фурьера.
3) Камеръ-фурьеръ.
4) Четыре камеръ-юнкера, по два въ рядъ.
5) Четыре камергера, по два въ рядъ.
6) Два церемоніймейстера, въ рядъ.
7) Оберъ-церемоніймейстеръ.
8) Держава.
9) Скипетръ.
10) Корона Государя Императора.
11) Офицеръ и за нимъ два унтеръ-офицера роты Дворцовыхъ Гренадеръ.

По обѣимъ сторонамъ, подлѣ каждой Регаліи, по одному гренадеру сей роты.

Вышедъ на Посольскій подъѣздъ, Регаліи, съ особами ихъ несущими и ассистентами, помѣстятся въ парадныхъ золоченыхъ каретахъ и все шествіе ѣдетъ на станцію Николаевской желѣзной дороги, чрезъ главныя ворота Дворца, Дворцовую площадь, Большую Морскую и Невскій проспектъ слѣдующимъ порядкомъ:

1) Трубачи эскадрона Кавалергардскаго Ея Величества полка.
2) Два взвода Кавалергардовъ.

3) Конюшенный офицеръ верхомъ, за нимъ 3 конюха.
4) Четвероместная карета съ камеръ-юнкерами, цугомъ.
5) Таковая же съ камергерами, цугомъ.
6) Открытый фаэтонъ съ церемоніймейстерами, цугомъ.
7) Открытый фаэтонъ съ оберъ-церемоніймейстеромъ, цугомъ.
8) Конюшенный офицеръ.
9) Два младшіе берейтора, за ними три конюха верхомъ.
10) Четвероместная карета цугомъ, въ ней Держава.
11) Такая же карета, въ ней Скипетръ.
12) Такая же карета, въ ней Корона Его Императорскаго Величества.

Впереди каждой изъ каретъ, вмѣщающихъ Регаліи, два вершника, а по сторонамъ по два Кавалергарда.

Въ заключеніе два взвода Кавалергардовъ.

При выходѣ Регалій на Посольскій подъѣздъ, карауль главной гауптвахты становится подъ ружье и отдаетъ честь и во все время слѣдованія ихъ до выѣзда изъ главныхъ воротъ Дворца держитъ на-карауль. То же самое соблюдаетъ и карауль, поставленный у подъѣзда станціи Николаевской желѣзной дороги, отъ пріѣзда Регалій къ подъѣзду до внесенія ихъ во внутрь станціи.

У подъѣзда станціи находиться будутъ: камеръ-фурьеръ, два гофъ-фурьера, два скорохода, 22 гренадера, 2 унтеръ-офицера и одинъ оберъ-офицеръ роты Дворцовыхъ Гренадеръ. Отъ подъѣзда станціи желѣзной дороги Регаліи внесутся въ комнаты Государя Императора, тѣмъ же порядкомъ, въ которомъ были несены изъ Брилліантовой комнаты въ экипажи. Въ этихъ комнатахъ Императорскія Регаліи будутъ встрѣчены и возложены на приготовленное помѣщеніе, назначеннымъ для отвоза ихъ въ Москву генералъ-адъютантомъ, при которомъ оныя имѣютъ быть уложены въ особые ящики командированными отъ Камеральнаго Отдѣла Кабинета Его Величества чиновниками. Сіи же чиновники и 10 человѣкъ дворцовыхъ гренадеръ, при одномъ унтеръ-офицерѣ, подъ командой генералъ-адъютанта, сопровождаютъ Регаліи во всю дорогу до Москвы.

Въ Москвѣ, въ воскресенье, 30 октября утромъ, на станціи Николаевской желѣзной дороги, Регаліи встрѣчены будутъ Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ, гражданскимъ губернаторомъ и оберъ-полиціймейстеромъ, а въ Оружейной Палатѣ президентомъ и завѣдывающимъ дворцовою частію въ Москвѣ, коимъ сопровождавшій генералъ-адъютантъ и сдастъ ихъ.

Слѣдованіе Императорскихъ Регалій отъ станціи желѣзной дороги до Оружейной Палаты имѣетъ быть исполнено, сообразно вышеприписанному порядку.

На скорбномъ пути.

(*Моск. Вѣд.* № 299.)

Тяжелый, горестный, но великій по своему значенію день пережила Первопрестольная столица. Колѣнопреклоненная, траурнымъ салютомъ пушекъ и похоронным перезвономъ церковныхъ колоколовъ встрѣтила она 30 октября прахъ своего Царя, почившаго на дальнемъ Югѣ. Нынѣ, осѣненный Кремлевскими святынями, въ древней усыпальницѣ Московскихъ Царей—въ Архангельскомъ соборѣ, стоитъ гробъ съ дорогимъ сердцу Русскому прахомъ, и на поклоненіе ему стекается все населеніе Москвы.

Величавъ послѣдній путь почившаго Царя по Его Царству...

Тысячи верстъ, съ благодатнаго полудня на суровый сѣверъ длится этотъ путь, и на каждомъ шагу его Русскій народъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, молитвами и слезами встрѣчаетъ и провожаетъ Того, Кто былъ великимъ печальникомъ о Землѣ Русской, хранителемъ ея счастія и оплотомъ въ невзгодѣ.

Необъятно раскинулось Русское Царство въ ширь и глубь,— и нынѣ все живетъ однимъ помысломъ, одною молитвой о вѣчномъ упокоеніи своего почившаго Государя. Молитва, изрекаемая ста милліонами устъ сливается во едино и возносится къ Престолу Всевышняго.

Почившему, на послѣднемъ пути Его, сопутствуютъ многолюбимые Имъ и многолюбившіе Его члены Его семьи; Ему сопутствуетъ и Державный Сынъ, на Комъ теперь сосредоточены всѣ надежды Россіи. Провожая прахъ Своего Родителя, Онъ сердцемъ ощущалъ скорбно-торжественное настроеніе Своей земли, слышалъ молитвы Русскаго народа и воочію узрѣлъ ту любовь, то обожаніе, которымъ Его народъ окружаетъ своихъ Царей.

Эта любовь переходитъ нынѣ на Него, Великаго Самодержца Земли Русской, и къ молитвамъ за Почившаго присоединяются горячія моленія о благоденствіи и долголѣтіи благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича.

Сегодня, съ самаго ранняго утра, задолго до разсвѣта, массы народа стали направляться изо всѣхъ частей Москвы къ тому пути, по которому должна была слѣдовать печальная процессія съ Николаевскаго вокзала въ Кремль, въ Архангельскій соборъ.

Удивительную, трудно поддающуюся полному описанію, даже нелегко воображаемую картину представлялъ этотъ траурный путь. Вздымающіеся къ небу обелиски, пирамиды и мачты, всѣ

обтянутые крепомъ, обшитые серебрянымъ позументомъ, съ кистями, бахромой и шнурами, съ черными орлами и траурными флагами; длинныя полосы черной матеріи въ видѣ хоругвей, знаменъ и флаговъ, спущенныя съ крышъ, прикрѣпленныя къ стѣнамъ, воротамъ, окнамъ и крыльцамъ; балконы, выступы, колонны домовъ, то перевитые широкою черною лентой, то задрапированные темною и бѣлою матеріей; окна и карнизы крышъ, опушенные плерезами на подобіе траурнаго кружева или чернаго бордюра; высокіе щиты, убранные широкими полотнищами крепа съ изображеніями гербовъ и вензелей почившаго Монарха; наконецъ, зажженные по обѣимъ сторонамъ фонари, окутанные темною кисеей или флеромъ, толпы безмолвно стоящаго народа и вереницы лицъ въ окнахъ близъ расположенныхъ домовъ,—все это составляло необыкновенную обстановку, которая невольно трогала душу и заставляла трепетать даже самое хладнокровное сердце...

На подъемѣ съ Каланчевской улицы, Красныя Ворота сверху до низу закрыты черною матеріей, точно покрываломъ, и представляютъ одну темную арку, или шатеръ, а вокругъ нихъ расположены щиты, задрапированные крепомъ и увѣнчанные черными двуглавыми орлами.

Далѣе четыре темныя башни, обшитыя серебрянымъ позументомъ и окруженныя черными знаменами, два обелиска, наверху которыхъ высятся бѣлыя страусовыя перья и большой траурный щитъ съ гербомъ Москвы, закрытымъ темною кисеей.

Ограда Мясницкой больницы вся закрыта рядомъ траурныхъ щитовъ, вереница столбовъ идетъ по обѣ стороны улицы, они перевиты между собою гирляндами изъ ели и сосны и представляютъ подобіе шатра, увѣнчаннаго Императорскою короной. На Почтамтской площади—большая декорація съ государственнымъ гербомъ и двумя башнями, увѣнчанными черными орлами, а среди рѣшетки дома Анапова небольшой щитъ, въ видѣ часовни, съ портретомъ почившаго Монарха.

На Лубянской площади высится широкая колонна, обтянутая крепомъ и обшитая вверху серебрянымъ глазетомъ съ бѣлыми шнурами и кистями. Китайская стѣна около зубцовъ обрамлена темными фестонами, а выступы башенъ до половины закрыты черпымъ коленкоромъ и обиты широкими лентами изъ бѣлой парчи.

На стѣнѣ Малаго Театра виденъ щитъ съ вензелемъ почившаго Монарха, окруженный зеленью лавроваго вѣнка. По обѣ стороны улицы высятся двѣ грандіозныя башни, обтянутыя черною тканью, на которыхъ развѣваются большіе флаги. Колонны Большаго Театра обвиты широкими полосами крепа. Фонтанъ

закрытъ сверху до низу трауромъ и представляетъ темное круглое зданіе, въ видѣ ротонды. Громадный щитъ съ государственнымъ гербомъ и двѣ колонны съ черными флагами скрываютъ часть бѣлой Китайской стѣны.

На Воскресенской площади зданіе Городской Думы окружено сквозною траурною галлереей съ пролетами, среди которыхъ крестъ-на-крестъ соединены черныя знамена, а надъ крыльцомъ возвышается траурный балдахинъ съ гербомъ нашей столицы— изображеніемъ Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца, задернутымъ темнымъ флеромъ.

На Красной площади красиво задрапированы Городскіе Ряды, а отъ Иверской часовни открывается чудный видъ на Тверскую, почти сплошь убранную траурными флагами и драпировками. Всего не перечтешь, но можно съ увѣренностію сказать что отъ зданія вокзаловъ до Кремля нѣтъ ни одного дома не задрапированнаго, ни одного балкона не покрытаго черною матеріей, ни одной стѣны не увѣшанной траурными флагами.

Къ семи часамъ утра народъ стоялъ уже сплошною лентой по всему пути. Едва только разсвѣло, приливъ народа сталъ увеличиваться и, возрастая съ каждою секундой, достигъ небывалыхъ, можно сказать, невиданныхъ размѣровъ. Шли навстрѣчу тѣлу всѣми возлюбленнаго и теперь горячо оплакиваемаго Монарха люди всякаго званія и состоянія, молодые, старики и дѣти. Скоро всѣ площади и прилегающіе къ траурному пути улицы и переулки были переполнены народомъ который тихо, съ глубокою скорбью и слезами, ожидалъ печальной процессіи. Съ настроеніемъ народа вполнѣ гармонировало траурное убранство печальнаго пути.

Въ восьмомъ часу утра изъ Петербурга были привезены Императорскія Регаліи: Государственная Держава, Государственный Скипетръ и Корона Государя Императора, и перенесены съ подобающими почестями въ особо устроенный шатеръ-платформу на Каланчевской площади, у перѣздовъ соединительнаго желѣзнодорожнаго пути, и здѣсь расположены на приготовленныхъ столахъ, вмѣстѣ съ Императорскими регаліями изъ Московской Оружейной Палаты. Около столовъ размѣстились дворцовые гренадеры, которые оставались здѣсь до передачи всѣхъ регалій военнымъ чинамъ для несенія ихъ въ печальной процессіи.

Платформа, вся затянутая чернымъ сукномъ, а по барьеру обставленная массой траурныхъ флаговъ, имѣетъ въ длину 100саженъ. Воздвигнутый на ней грандіозный шатеръ представляетъ большой четыреугольникъ съ куполомъ, увѣнчаннымъ короной; въ куполѣ помѣщенъ вензель Императора

Александра III среди лавроваго вѣнка съ пальмами; непосредственно къ шатру съ обѣихъ сторонъ примыкаютъ обширные фронтоны. Весь шатеръ снаружи обитъ черною матеріей съ бѣлыми драпировками. Куполъ обитъ бѣлою матеріей, наложенною густыми складками. Внутри шатра по траурному фону спускаются по карнизамъ широкіе бордюры изъ бѣлой матеріи; на всѣхъ столбахъ, затянутыхъ въ трауръ, помѣщены Императорскіе гербы, затянутые крепомъ. Со стороны Николаевскаго вокзала на шатрѣ помѣщенъ большой вензель Императора Александра III, а со стороны города, противъ Домниковской улицы,—гербъ Москвы, тоже затянутый крепомъ. Какъ снаружи, такъ и внутри шатеръ убранъ гирляндами изъ зелени; кромѣ того, въ немъ разставлены тропическія растенія. Въ общемъ, шатеръ, отличаясь богатствомъ траурнаго убранства, сдѣланъ съ большимъ вкусомъ.

Съ 8 часовъ утра стали собираться въ шатеръ высшіе военные и гражданскіе чины Москвы, а также придворные чины. Въ десятомъ часу утра прибыли Ихъ Императорскія Высочества Московскій Генералъ-Губернаторъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ съ Великою Княгинею Елисаветой Ѳеодоровной, Великій князь Михаилъ Николаевичъ и Его Великогерцогское Высочество Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій. Немного раньше прибылъ на платформу высокопреосвященный Сергій, митрополитъ Московскій и Коломенскій, съ преосвященными: Несторомъ, епископомъ Дмитровскимъ, и Тихономъ, епископомъ Можайскимъ. Здѣсь же находились: министръ Внутреннихъ Дѣлъ И. Н. Дурново, завѣдующій дворцовою частію въ Москвѣ генералъ-адъютантъ А. Д. Столыпинъ, командиръ гренадерскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Н. Н. Малаховъ, московскій губернаторъ А. Г. Булыгинъ, вице-губернаторъ Л. А. Боратынскій, проживающіе въ Москвѣ придворные чины и кавалеры, а также прибывшіе изъ Петербурга, московскій губернскій предводитель дворянства князь П. Н. Трубецкой, московскій городской голова К. В. Рукавишниковъ, нѣкоторые военные генералы, не участвующіе въ строю, предводители дворянства другихъ губерній и дворяне. Здѣсь же находились придворныя дамы въ глубокомъ траурѣ, съ камеръ-фрейлиной Е. П. Ермоловой во главѣ, а также и московскія дамы. Затѣмъ тутъ же собрались оберъ-гофмаршалъ графъ А. В. Орловъ-Давыдовъ, состоящій при Ея Величествѣ Государынѣ Императрицѣ гофмейстеръ князь П. М. Голицынъ, церемоніймейстеры, генералъ-адъютанты, состоящій при Ея Императорскомъ Высочествѣ Великой Княжнѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ генералъ германской

службы Вернеръ и другія иностранныя особы прибывшія въ Москву и лица Свиты Ихъ Высочествъ.

На платформѣ, на лѣвомъ флангѣ, былъ выстроенъ почетный караулъ со знаменемъ и хоромъ музыки, а на правомъ флангѣ были выстроены пажи, прибывшіе изъ Петербурга.

Между тѣмъ лица участвующія въ печальной церемоніи, по сигналу данному тремя пушечными выстрѣлами изъ орудій находящихся на Тайницкой башнѣ, стали готовиться къ печальному шествію, а по второму такому сигналу стали занимать назначенныя имъ мѣста и строиться въ томъ порядкѣ въ какомъ должно было слѣдовать шествіе. Кулачевская площадь была вся наполнена народомъ представлявшимъ одну сплошную массу головъ. Домниковская улица и прилегающій къ ней переулокъ представляли ту же картину.

Ровно въ 10½ часовъ все смолкло: съ пассажирской станціи Московско-Курской желѣзной дороги приближался печальный траурный поѣздъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра. Лица всѣхъ были обращены въ сторону, откуда двигался печальный поѣздъ: музыка заиграла встрѣчу, затѣмъ *Коль Славенъ*, войска взяли на-караулъ, знамя преклонилось.

Въ многотысячной толпѣ народа воцарилась тишина, многіе при видѣ печальнаго поѣзда плакали. Когда поѣздъ остановился, Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Сергѣй Александровичъ съ Августѣйшею Супругой и Великій Князь Михаилъ Николаевичъ направились къ Императорскому вагону, изъ котораго вышли: Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, Высокопареченная Невѣста Государя Императора Ея Императорское Высочество Великая Княжна Александра Ѳеодоровна, Ея Императорское Величество Королева Эллиновъ, Великая Княжна Ольга Александровна, Его Королевское Высочество Принцъ Вельскій съ Августѣйшею Супругой, Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Михаилъ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ и Александръ Михаиловичъ съ Великою Княгиней Ксеніей Александровной. Въ это время четыре генералъ-адъютанта: Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, завѣдующій дворцовою частью въ Москвѣ А. Д. Столыпинъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ и свѣтлѣйшій князь Имеретинскій, вошли въ траурный вагонъ и сняли покровъ съ золотаго гроба Императора; затѣмъ къ вагону приблизились Его Императорское Величество Государь Императоръ, Государыня Императрица и всѣ Высочайшія Особы, высокопреосвященный Сергій совершилъ соборнѣ литію, при пѣніи Чудовскихъ

пѣвчихъ. При возглашеніи *вѣчной памяти*, Государь Императоръ, Государыня Императрица склонились на колѣна, а также вся Царская Семья и всѣ присутствовавшіе. Народъ стоявшій на площади также палъ на колѣна. Затѣмъ гробъ Его Величествомъ, вмѣстѣ съ Особами Императорской Фамиліи, министромъ Императорскаго Двора графомъ П. П. Воронцовымъ-Дашковымъ, генералами П. А. Черевинымъ и Ѳ. Б. Рихтеромъ и другими генералъ-адъютантами, поставленъ на золотую печальную колесницу; Государь Императоръ несъ гробъ у изголовья; рядомъ съ Нимъ находились Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Алексѣй Александровичъ и Сергѣй Александровичъ.

Раздался третій пушечный сигналъ, и печальное шествіе началось. Одновременно, во всѣхъ церквахъ начался перезвонъ, сливавшійся съ пушечными выстрѣлами, боемъ барабановъ и трогательными звуками похоронпаго марша. Весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, при выносѣ священнаго праха въ Бозѣ почившаго Императора обнажилъ головы. Картина была величественная; съ разныхъ сторонъ раздавались рыданья и плачъ. По постановкѣ гроба на печальную колесницу, шествіе послѣдовало по Каланчевской улицѣ чрезъ Красныя Ворота, по Мясницкой улицѣ, Лубянской площади, Китайскому проѣзду, Театральной и Воскресенской площадямъ, чрезъ Никольскія ворота въ Кремль. По лѣвой сторонѣ шествія были выставлены шпалерами войска Московскаго гарнизона, воспитанники кадетскихъ корпусовъ и юнкера Московскаго пѣхотнаго и Тверскаго кавалерійскаго училищъ, съ оркестрами музыки. При приближеніи печальной колесницы войска брали на-караулъ, музыка играла встрѣчу и *Коль Славенъ*.

Печальная процессія слѣдовала въ предустановленномъ порядкѣ: впереди ѣхалъ герольдъ, затѣмъ церемоніймейстеръ графъ П. С. Киселевъ, имѣвшій черезъ плечо траурный шарфъ; за нимъ слѣдовали второй и третій эскадроны 1-го лейбъ-драгунскаго Московскаго Его Величества полка, хоръ трубачей, а за ними конюшенный офицеръ верхомъ, въ мундирѣ и полномъ трауръ, и первый эскадронъ лейбъ-драгунскаго Московскаго полка. Далѣе шла рота Его Величества Военнаго Александровскаго училища, шефомъ котораго состоялъ въ Бозѣ почившій Императоръ; за ней рота 1-го лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго Его Величества и 12-го Астраханскаго Его Величества полковъ. Далѣе слѣдовали придворные лакеи по четыре въ рядъ, придворные скороходы, придворные офиціанты по четыре въ рядъ. Потомъ слѣдовалъ церемоніймейстеръ Воплярскій, имѣя черезъ плечо траурный шарфъ, и за нимъ маршалъ 6 класса съ жезломъ въ трауръ. Затѣмъ было несено знамя

Родоваго Герба Его Императорскаго Величества и при немъ ведена лошадь этого герба двумя оберъ-офицерами, графами Шамборантъ и Шереметевымъ; военное знамя съ Императорскимъ Гербомъ, съ красною бахромой и кистями, было несено полковникомъ Фроловымъ при двухъ ассистентахъ въ полномъ траурѣ. Далѣе была ведена войсковыми старшинами Коповаловымъ и Ожогинымъ собственная Его Величества лошадь подъ богатою траурною попопой; за нею шли два конюха. Контръ-адмираломъ Скрыдловымъ былъ несенъ Императорскій судовый штандартъ при двухъ ассистентахъ, капитанахъ перваго ранга Парепаго и Шестаковѣ. За знаменемъ изъ черной тафты съ Государственнымъ Гербомъ ведена была лошадь покрытая чернымъ сукномъ съ изображеніемъ Государственнаго Герба. Потомъ были несены Бѣлое знамя и печальное знамя изъ черной тафты; за послѣднимъ вели лошадь всю покрытую чернымъ сукномъ, при двухъ конюхахъ, а далѣе слѣдовалъ конюшенный офицеръ. Далѣе были несены Гербъ Московскій и за нимъ большой Государственный Гербъ, позади слѣдовалъ церемоній-мейстеръ князь Урусовъ. За нимъ большою лентой растянулись представители отъ разныхъ находящихся въ Москвѣ обществъ и учрежденій, представители крестьянскаго, мѣщанскаго, ремесленнаго и купеческаго сословій. Далѣе шелъ Московскій городской голова К. В. Рукавишниковъ во главѣ представителей городскаго общественнаго управленія; въ этой же группѣ слѣдовали городскіе головы другихъ городовъ; слѣдующую группу составляли представители земства. Очень многочисленную группу составляли дворяне Московской губерніи, имѣвшіе во главѣ губернскаго предводителя князя П. Н. Трубецкаго. Далѣе слѣдовали представители всѣхъ министерствъ, московскій губернаторъ, вице-губернаторъ и представители губернскихъ административныхъ учрежденій Москвы, чины судебныхъ установленій, Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, удѣльнаго округа, представитель московскихъ дворцовыхъ учрежденій и почетные опекуны, за которыми слѣдовали четыре полковника съ опущенными внизъ Государственными мечами. Далѣе были несены медали, ордена, знаки отличія и Императорскія регаліи на глазетовыхъ золотыхъ подушкахъ съ серебрянымъ широкимъ галупомъ и кистями. Императорскія регаліи были несены: Императорское Знамя—генералъ-майоромъ Ляпуновымъ, Императорскій Щитъ — генералъ-майоромъ фонъ-Бооль, Императорскій мечъ—генералъ-майоромъ Завадовскимъ, короны: Грузинская—генералъ-майоромъ Гарденинымъ, Таврическая—генералъ-майоромъ Завадскимъ, Сибирская—генералъ-майоромъ Альбединль, Польская—генералъ-лейтенантомъ Эттеръ, Астраханская—гене-

ралъ-лейтенантомъ Левачевымъ, Казанская—генералъ-лейтенантомъ Квицинскимъ, Государственная Держава—генералъ-лейтенантомъ Сикстель, Скипетръ—генералъ-лейтенантомъ Бѣльцовымъ и, наконецъ, Императорская Корона—нижеперъ-генераломъ Ахшарумовымъ. За регаліями слѣдовали хоругви, и въ громадномъ числѣ московское духовенство, бывшее все въ бѣлыхъ глазетовыхъ облачешяхъ. Во главѣ духовенства слѣдовалъ высокопреосвященный Сергій; въ процессіи шли также два архіерея Несторъ и Тихонъ и свыше двадцати архимандритовъ. Въ печальномъ шествіи принимали участіе оба хора пѣвчихъ: Синодальный и Чудовской.

Впереди печальной колесницы съ тѣломъ Государя Императора шло придворное духовенство, бывшее также при встрѣчѣ на платформѣ, и духовникъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, протопресвитеръ Янышевъ, со св. иконой (складень). По обѣ стороны печальной колесницы шли кадеты старшихъ возрастовъ въ числѣ 60 человѣкъ, съ зажженными факелами. Колесница была запряжена восемью лошадьми, покрытыми траурными попонами. У штанговъ стояли четыре генералъ-адъютанта: Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, А. Д. Столыпинъ, графъ А. П. Мусинъ-Пушкинъ и свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій; при кистяхъ слѣдовали восемь свиты Его Величества генералъ-майоровъ и флигель-адъютанты.

Непосредственно за печальною колесницей слѣдовалъ Его Императорское Величество Государь Императоръ, имѣя позади Себя министра Императорскаго Двора, командующаго главною Императорскою квартирой О. Б. Рихтера и дежурнаго генералъ-адъютанта, командующаго войсками Московскаго военнаго округа А. С. Костанда и дежурныхъ свиты Его Величества генералъ-майоровъ и флигель-адъютантовъ. Съ лѣвой стороны отъ Его Величества слѣдовалъ Его Королевское Высочество Принцъ Вельсскій, а съ правой—Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Михаилъ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Михаилъ Николаевичъ и Александръ Михайловичъ. Поодаль, по сторонамъ Его Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ, слѣдовали: генералъ-адъютанты, свиты Его Величества генералъ-майоры и флигель-адъютанты, состоящіе при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ генералы и адъютанты и военныя иностранныя особы прибывшія въ Москву.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица, Высоконареченная Невѣста Государя Императора Ея Императорское Высочество Великая Княжна Александра Ѳеодоровна, Великая Княгиня Ксенія Александровна и Великая Княжна Ольга Александровна слѣдовали въ траурной каретѣ; съ правой

стороны ѣхалъ верхомъ оберъ-шталмейстеръ, а съ лѣвой шталмейстеръ,—въ полномъ трауре; позади кареты находились два камеръ-казака. Въ слѣдующихъ каретахъ слѣдовали: Королева Эллиновъ, Принцесса Вельская и Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна. Около кареты по сторонамъ ѣхали шталмейстеры. Затѣмъ, въ траурныхъ же каретахъ, ѣхали гофмейстерина, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины Государыни Императрицы, гофмейстерины и фрейлины Великихъ Княгинь.

За траурными каретами слѣдовали придворные чины Высочайшаго Двора, придворные медицинскіе чины, состоявшіе при въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ, и ближайшіе служители Его. Процессію замыкалъ конюшенный офицеръ и войска отъ разныхъ частей съ оркестрами музыки. Музыка играла похоронный маршъ. Вся процессія растянулась болѣе чѣмъ на версту.

Во время шествія были совершены литіи у лежащихъ по пути церквей. Около каждой церкви процессію встрѣчало духовенство съ крестомъ, иконами и хоругвями. Перезвонъ въ церквахъ и пушечная пальба продолжались во все время слѣдованія печальной процессіи.

Особенно много народа собралось на Театральной площади, откуда открывалась величественная картина на подъемъ къ Лубянской площади, по которому медленно и торжественно подвигалось печальное шествіе. Оно достигло площади около 12 часовъ; оркестръ сейчасъ же сталъ безъ перерыва играть *Коль славенъ*; вскорѣ показались хоругви, и всѣ обнажили головы. По мѣрѣ приближенія траурной колесницы, волненіе многотысячной толпы все увеличивалось; она знала что сейчасъ увидитъ Сына шествующаго за гробомъ Отца. Больше часа двигалась печальная процессія до Иверской часовни гдѣ она остановилась, и гдѣ была отслужена краткая литія. Послѣ этого печальная процессія двинулась чрезъ правыя Иверскія ворота, Красную площадь и Никольскія ворота въ Кремль.

Къ Кремлю съ самой ранней поры начали подходить толпы народа и располагаться по обѣ стороны Никольскихъ воротъ. Въ самый же Кремль, начиная съ семи часовъ утра, стали собираться, прежде всего, хоругвеносцы, которые въ половинѣ восьмаго подняли многочисленныя хоругви и, въ сопровожденіи соборнаго духовенства, направились изъ Кремля къ вокзалу. Съ восьми часовъ постепенно собрались на соборной площадкѣ воспитанники и воспитанницы различныхъ учебныхъ заведеній, а именно: студенты Университета, воспитанники Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая, ученики гимназій и прогимназій, Практической Академіи, коммерческихъ училищъ, городскихъ училищъ, воспитанницы женскихъ гимназій

и пансіоновъ, воспитанники духовной семинаріи и др. Начиная же отъ угла Чудова монастыря до Окружнаго Суда располагались шеренги трехъ московскихъ кадетскихъ корпусовъ и юнкерскихъ училищъ. Воспитанницы же институтовъ (Екатерининскаго и Елисаветинскаго) собрались въ залахъ Межевой Канцеляріи (въ зданіи Окружнаго Суда) и оттуда въ окна смотрѣли на процессію.

Къ девяти часамъ Кремль уже былъ наполненъ рядами учащейся молодежи, молчаливо ожидавшей колокольной и пушечной вѣсти о прибытіи тѣла почившаго Государя въ Москву. Также безмолвно ожидали этого момента и всѣ другія лица собравшіяся въ Кремлѣ. Эта минута настала въ половинѣ десятаго, когда пушечные выстрѣлы возвѣстили о приготовленіи къ процессіи. Но только въ три четверти одиннадцатаго пушечный салютъ и первый ударъ на колокольнѣ Ивана Великаго возвѣстили о началѣ печальнаго шествія. Перезвонъ всѣхъ московскихъ колоколовъ и ежеминутные выстрѣлы все болѣе и болѣе скорбно настраивали душу и долго заставляли ожидать того мгновенія когда процессія приблизится къ Кремлю. Когда она прибыла къ Иверской часовнѣ, Государь Императоръ, шедшій за печальною колесницей, приложился къ иконѣ Богоматери, а митрополитъ Сергій осѣнилъ Его крестомъ. Затѣмъ, для краткой литіи, процессія остановилась предъ Казанскимъ соборомъ и, наконецъ, вступила въ священный Кремль Москвы.

Трудно описать эту глубоко-трогательную минуту. Мгновенно обнажались головы, поднимались руки для крестнаго знаменія; почти всѣ плакали и падали ницъ при видѣ медленно надвигающейся колесницы съ дорогими останками въ Бозѣ почившаго Государя.

Процессія прошла мимо Чудова монастыря, Ивановской колокольни, обогнула Архангельскій соборъ съ южной стороны и приблизилась къ его западнымъ вратамъ.

Здѣсь, на паперти, тѣло въ Бозѣ почившаго Государя Императора было встрѣчено высокопреосвященнымъ митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, съ высшимъ духовенствомъ. Четыре генералъ-адъютанта, стоявшіе у штанговъ, сняли съ гроба золотой покровъ, а Его Величество Государь Императоръ изволилъ, вмѣстѣ съ Августѣйшими Особами, министромъ Императорскаго Двора и генералъ-адъютантами, поднять гробъ и, по внесеніи въ соборъ, поставить на катафалкъ, гдѣ четыре свиты Его Величества генералъ-майора сняли съ гроба крышу и покрыли его покровомъ.

Катафалкъ устроенъ среди Архангельскаго собора, между четырьмя столбами, на которые опираются вѣковые своды, на

широкомъ помостѣ, закрытомъ чернымъ сукномъ. Надъ всѣмъ этимъ мѣстомъ возвышается сѣнь въ видѣ шапки Мономаха, увѣнчанная царскою короной.

Вслѣдъ затѣмъ началась панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ, совершенная митрополитомъ въ сослуженіи съ высшимъ духовенствомъ.

По окончаніи панихиды, Его Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ изволилъ шествовать въ Успенскій соборъ, гдѣ отслушалъ краткое молебствіе и приложился къ св. мощамъ. Изъ Успенскаго Собора Государь Императоръ въ предшествіи преосвященнаго Тихона, епископа Можайскаго, и прочаго духовенства, прослѣдовалъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ приложился къ мощамъ Святаго Алексія, а оттуда внутреннимъ ходомъ, въ Николаевскій дворецъ.

Въ скоромъ времени, въ 1 часъ 45 минутъ дня, Его Величество вышелъ на крыльцо и, встрѣченный громкими кликами *ура*, вмѣстѣ съ Августѣйшимъ Московскимъ Генералъ-Губернаторомъ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ, въ открытой коляскѣ, прослѣдовалъ въ Большой Александровскій Дворецъ, гдѣ изволили остановиться Государыня Императрица и прочія Высочайшія Особы.

При гробѣ въ Бозѣ почившаго Государя начато чтеніе Евангелія священниками, которое и будетъ продолжаться безъ перерыва днемъ и ночью. Кромѣ того, при гробѣ находится постоянное дежурство.

Вмѣстѣ съ поѣздомъ, прибывшимъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Государя, привезены въ особомъ вагонѣ многочисленные вѣнки, возложенные на гробъ усопшаго Императора въ городахъ отъ Севастополя до Москвы. Эти вѣнки едва помѣстились въ семи экипажахъ, которые, послѣ погребальной процессіи, прибыли въ Кремль, расположились близъ Чудова монастыря и привлекали толпы зрителей.

Съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, сегодня были устроены для бѣдныхъ поминальные обѣды въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ, народныхъ столовыхъ и московскихъ казармахъ. Обѣды состояли изъ щей съ рыбой, пироговъ, кутьи, киселя, стакана пива и меда и большой порціи ржанаго хлѣба. По окончаніи обѣдовъ, монастырскимъ духовенствомъ совершались литіи по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ.

Въ теченіе дня всѣ торговыя заведенія были закрыты. Завтра столичныя учрежденія будутъ тоже закрыты.

Съ вечера открытъ былъ доступъ народу для поклоненія тѣлу въ Бозѣ почившаго Монарха. Но еще гораздо ранѣе сумерекъ толпы Москвичей разнаго возраста и званія стали

устанавливаться въ ряды предъ Спасскими воротами. Послѣднія были открыты въ семь часовъ вечера, и народная масса, соблюдая строгій порядокъ, длинною вереницей начала медленно подвигаться къ Архангельскому собору и непрерывно шла благоговѣйно преклониться предъ гробомъ Отца-Благодѣтеля. Эта вереница была безконечною, такъ какъ постоянно, до глубокой ночи, прибывали все новые ряды. Они располагались длинною спиралью по Красной площади, въ полномъ безмолвіи и порядкѣ.

Выносъ тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора изъ Архангельскаго собора для слѣдованія въ Петербургъ совершится завтра, 31 октября, въ десять часовъ утра, по объявленному ранѣе церемоніалу.

Сегодня вечеромъ при гробѣ въ Бозѣ почившаго Государя были отслужены двѣ панихиды, изъ коихъ одна совершена въ половинѣ десятаго часа по желанію дворянъ Московской губерніи.

Послѣднее прости.

(*Моск. Вѣд. № 300.*)

Сегодня первопрестольная Москва на вѣки разсталась съ дорогимъ прахомъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора и навсегда запечатлѣла въ своей памяти глубоко-трогательныя минуты этого послѣдняго прощанія...

Съ самаго ранняго утра перепадалъ небольшой осенній дождь; хотя онъ потомъ и прекратился, тѣмъ не менѣе утромъ небо было облачно и стояла пасмурная погода.

Несмотря на дождь и вѣтеръ, почти до самаго разсвѣта, масса народа, въ видѣ длинной, непрерывной ленты, въ полусумракѣ, безмолвно и благоговѣйно подвигалась съ Красной площади къ Архангельскому собору, который озарялся лампадами и свѣчами у гроба. Въ пять часовъ былъ прекращенъ входъ въ соборъ для поклоненія почившему Государю, и народныя толпы, какъ и накапунѣ, заняли обѣ стороны пути, по которому должно было направиться печальное шествіе. Въ самомъ же Кремлѣ съ восьмаго часа утра начали постепенно собираться войска, духовенство, депутаціи съ вѣнками и лица участвующія въ процессіи. Особенно много народа было на соборной площадкѣ между Краснымъ Крыльцомъ, по которому сверху до низу разстилался черный коверъ, и западнымъ входомъ въ Архангельскій соборъ. Всѣ ожидали начала печальнаго шествія.

Между тѣмъ въ Архангельскомъ соборѣ началась ранняя заупокойная литургія, которую совершалъ преосвященный Тихонъ, епископъ Можайскій. Также были отслужены заупокойныя литургіи во всѣхъ церквахъ столицы.

Ровно въ девять часовъ раздался троекратный пушечный выстрѣлъ съ Тайницкой башни. Въ это время изъ Троицкихъ воротъ внесены были въ Кремль многочисленныя хоругви, которыя послѣ вчерашняго крестнаго хода находились до утра въ Храмѣ Христа Спасителя. Хоругви стали въ установленномъ порядкѣ на пути шествія, противъ зданія Окружнаго Суда. Тутъ же, ближе къ правому тротуару, расположилась длинная вереница депутацій съ серебряными и цвѣточными вѣнками, между которыми находился и серебряный вѣнокъ отъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Въ ряду ихъ обращалъ на себя вниманіе древнерусскій стягъ (въ видѣ хоругви) съ крестомъ наверху, съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Спаса на красномъ бархатѣ и со слѣдующими двумя вышитыми надписями: на одной сторонѣ—*Блаженни миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся*, а на другой — *Память вѣчная и слава въ роды родовъ Земли Русской Великому Миротворцу Александру III.* Этотъ стягъ задуманъ и исполненъ по древнимъ рисункамъ нѣсколькими частными художниками и явился выраженіемъ ихъ глубокаго благоговѣнія къ памяти въ Бозѣ почившаго Государя. Въ непрерывномъ рядѣ серебряныхъ и металлическихъ вѣнковъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе также чрезвычайно изящно собранный изъ живыхъ цвѣтовъ вѣнокъ отъ Россійскаго Общества Любителей Садоводства. Основа вѣнка, имѣющаго до двухъ аршинъ въ вышину, связана изъ лавровыхъ вѣтвей, средина занята перистыми пальмовыми вайями, а на мѣстѣ перехвата вѣнка траурными лентами, живописно расположены вѣеромъ вайи различныхъ папоротниковъ и вѣтви красиволистныхъ оранжерейныхъ и тепличныхъ растеній. Но главную прелесть вѣнка составляютъ въ массѣ собранныя орхидеи, представители тропической растительности, затѣмъ искусно связанныя гирлянды изъ цвѣтовъ туберозы, букеты ландышей, бѣлыя камеліи и чайныя розы. Съ внѣшней стороны вся зелень вѣнка, равно основаніе, почти сплошь покрыты цвѣтами. На лентахъ надпись: *Державному Покровителю—Россійское Общество Любителей Садоводства въ Москвѣ.*

Къ половинѣ десятаго часа, когда прозвучалъ второй пушечный сигналъ, въ Кремль собрались высшія лица и прибылъ высокопреосвященный Сергій, митрополитъ Московскій и Коломенскій. Духовенство облачилось въ бѣлыя ризы.

Въ десятомъ часу утра въ Георгіевской залѣ Большаго Крем-

левскаго Дворца собрались представители разныхъ вѣдомствъ, придворные чины, представители дворянства, города и земства, иностранные консулы, а также представители городскихъ сословій. Около десяти часовъ изъ Владимірской залы состоялся Высочайшій выходъ. Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ идти съ Государыней Императрицей; за Ихъ Величествами слѣдовали: Его Императорское Высочество Московскій Генералъ-Губернаторъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великою Княжной Александрой Ѳеодоровной. Его Величество остановился среди зала, въ милостивыхъ словахъ изволилъ благодарить Москву лично отъ Себя и отъ Государыни Императрицы за искреннее и горячее сочувствіе, которое проявляетъ первопрестольная столица къ великому горю, постигшему Россію и всю Царскую Семью, упомянувъ при этомъ какъ о Своей любви къ Москвѣ, такъ и о любви къ ней почившаго Государя.

На высокомилостивыя слова Государя Императора городской голова К. В. Рукавишниковъ отвѣчалъ выраженіемъ исконныхъ вѣрноподданническихъ чувствъ первопрестольной столицы.

Изъ Георгіевской залы Ихъ Величества и Высочества направились на Красное Крыльцо, откуда прослѣдовали въ Архангельскій соборъ. Всѣ же прочія Высочайшія Особы прошли въ соборъ съ парадnаго крыльца Большаго Кремлевскаго Дворца.

Ровно въ десять часовъ громкое *ура* раздалось среди Кремля. На вершинѣ Краснаго Крыльца показался Государь Императоръ Николай Александровичъ, который слѣдовалъ впереди Высочайшихъ Особъ и многочисленной свиты. Его Величество, сойдя со ступеней крыльца, направился къ паперти Архангельскаго собора, гдѣ былъ встрѣченъ митрополитомъ Сергіемъ и высшимъ духовенствомъ. Государь Императоръ приложился ко Кресту и, въ предшествіи митрополита, вступилъ въ Архангельскій соборъ съ окружающими Высочайшими Особами и лицами свиты. Послѣ того началась литія. На Ивановской колокольнѣ и во всѣхъ церквахъ столицы начался печальный перезвонъ колоколовъ, а съ Тайницкой башни сталъ раздаваться ежеминутный пушечный салютъ.

По окончаніи панихиды и преклоненія предъ дорогими останками въ Бозѣ почившаго Монарха, гробъ былъ закрытъ крышей и вынесенъ изъ собора на рукахъ Государемъ Императоромъ, Высочайшими Особами и лицами свиты. Затѣмъ онъ былъ поставленъ на печальную колесницу и покрытъ золотымъ покровомъ.

То была умилительная и трогательная минута. Народъ давно, съ момента выхода Государя стоявшій безъ шапокъ, съ благо-

говѣніемъ крестился, плакалъ, рыдалъ, падалъ на колѣна и со слезами на глазахъ на вѣки разставался со священнымъ для каждаго Русскаго прахомъ возлюбленнаго Отца Благодѣтеля... А со всѣхъ сторонъ неслись: печальный перезвонъ колоколовъ, салютаціонная пальба, походная дробь барабановъ, пѣніе пѣвчихъ и исполненіе оркестромъ духовнаго гимна *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ.*

Печальное шествіе тронулось отъ Архангельскаго собора въ порядкѣ вчерашняго церемоніала. За гробомъ слѣдовали Государь Императоръ и Высочайшія Особы. Медленно процессія прослѣдовала по Кремлю тѣмъ же путемъ, какъ и накануне, причемъ во главѣ духовенства шелъ владыка митрополитъ, и въ половинѣ одиннадцатаго часа оставила Кремль, съ каждою минутой унося далѣе отъ взоровъ дорогіе останки Царя-Миротворца.

Выйдя изъ Кремля, печальная процессія слѣдовала по тому же пути какъ и накануне. Несмѣтныя толпы стѣной стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ, а площади буквально были переполнены народомъ. Какъ и въ день встрѣчи тѣла Государя, въ народной толпѣ многіе плакали, сдерживая рыданія. Около 12 часовъ дня печальная процессія прибыла къ городской платформѣ у Николаевскаго вокзала, гдѣ къ этому времени уже былъ поданъ траурный поѣздъ. На платформѣ, на лѣвой сторонѣ, былъ выстроенъ почетный караулъ отъ 1 лейбъ-гренадерскаго Екатеринославскаго полка со знаменемъ и хоромъ музыки.

По приближеніи печальной колесницы войска взяли на-караулъ, знамя преклонилось, музыка играла встрѣчу, а затѣмъ *Коль славенъ.* Въ это время стоявшіе у штанговъ колесницы четыре генералъ-адъютанта: Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, А. Д. Столыпинъ, графъ А. П. Мусинъ-Пушкинъ и князь А. К. Имеретинскій, сняли покровъ съ гроба, а дворцовые гренадеры сняли гробъ съ печальной колесницы и перенесли въ траурный вагонъ. Здѣсь на гробъ Государя былъ возложенъ серебряный вѣнокъ отъ всѣхъ сословій Тамбовской губерніи.

За гробомъ послѣдовали: Государь Императоръ, вдовствующая Государыня Императрица и всѣ Высочайшія Особы, министръ Императорскаго Двора, лица свиты Ихъ Величествъ и Высочествъ и высшіе военные и гражданскіе чины. На платформѣ находились также дамы высшаго московскаго общества.

Высокопреосвященнымъ Сергіемъ, митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ, съ преосвященными епископами Нестеромъ и Тихономъ и высшимъ столичнымъ духовенствомъ,

совершена была литія, при пѣніи Сѵнодальныхъ пѣвчихъ. При возглашеніи *вѣчной памяти*, Государь Императоръ и Государыня Императрица преклонили колѣна, а также вся Царская Семья и всѣ присутствовавшіе. Многіе плакали. Послѣ литіи гробъ Императора былъ генералъ-адъютантами накрытъ Императорскимъ покровомъ и двери траурнаго вагона закрылись.

Когда Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица и Ихъ Высочества вошли въ Императорскіе вагоны и заняли мѣста, траурный поѣздъ тихо отбылъ отъ платформы. Барабанщики забили походъ, музыка играла *Коль славенъ*, и войска, выстроенныя на Каланчевской площади, отдали послѣдшія воинскія почести почившему Державному Вождю. Сопровождаемый перезвономъ со всѣхъ церквей, орудійными и ружейными залпами, поѣздъ скоро скрылся изъ глазъ, послѣ чего начался разъѣздъ всѣхъ участвовавшихъ въ процессіи. Народъ медленно расходился по домамъ подъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ пережитаго.

Въ траурномъ поѣздѣ, отправившемся изъ Москвы въ 12 часовъ дня, вмѣстѣ съ Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей отбыли въ Петербургъ: Ея Величество Королева Эллиновъ и Ихъ Императорскія Высочества Высоконареченная Невѣста Государя Императора Великая Княжна Александра Ѳеодоровна, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Великая Княжна Ольга Александровна, Принцъ и Принцесса Вельсскіе, Великій Князь Алексѣй Александровичъ и Великій Князь Александръ Михаиловичъ съ Супругой Великою Княгиней Ксеніей Александровной.

Императорскій поѣздъ сопровождаютъ министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ П. П. Воронцовъ-Дашковъ, командующій Императорскою Главною Квартирой генералъ-адъютантъ О. Б. Рихтеръ, дежурный при Его Величествѣ генералъ, генералъ-адъютантъ П. А. Черевинъ и лица Свиты Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ.

Ихъ Императорскія Высочества Московскій Генералъ-Губернаторъ Великій Князь Сергѣй Александровичъ съ Супругой Великою Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной и Великій Князь Михаилъ Николаевичъ выѣхали въ Петербургъ съ экстреннымъ поѣздомъ Николаевской желѣзной дороги въ 2 часа дня.

Императорскія Регаліи, участвовавшія въ церемоніяхъ при перевозкѣ тѣла въ Бозѣ почившаго Монарха, съ подобающими почестями сегодня же были отправлены въ Петербургъ съ особымъ экстреннымъ поѣздомъ, на которомъ также отбыли Принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій и министръ

Внутреннихъ Дѣлъ статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ И. Н. Дурново.

Въ день перевезенія тѣла въ Бозѣ почившаго Монарха въ Архангельскій соборъ была совершена преосвященнымъ Тихономъ, епископомъ Можайскимъ, въ 3 часа дня, панихида на Соборной Кремлевской площади въ присутствіи народа, войскъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній.

Вечеромъ въ тотъ же день была отслужена панихида отъ Городской Думы. Вѣнки на гробъ въ Бозѣ почившаго Императора были возложены отъ Московскаго дворянства, отъ города Москвы и отъ Московскаго губернскаго и уѣздныхъ земствъ.

Въ учебныхъ заведеніяхъ и многихъ казенныхъ учрежденіяхъ занятій сегодня не было.

Сегодня, какъ и вчера, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора, въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ, казармахъ и народныхъ столовыхъ были устроены для бѣдныхъ жителей Москвы поминальные обѣды по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ болѣе чѣмъ на 20.000 человѣкъ. Отъ Николо-Угрѣшскаго монастыря на 700 человѣкъ и Іосифо - Волоколамскаго монастыря на 300 человѣкъ выдавались обѣды въ день прибытія въ Москву тѣла въ Бозѣ почившаго Императора, а также сегодня, на московскомъ подворьѣ Николо-Угрѣшскаго монастыря.

Всѣ торговыя завеленія были закрыты до отхода траурнаго поѣзда въ Петербургъ, а многія не открывались и въ теченіе цѣлаго дня.

Вѣнки на гробъ Почившаго Государя.

(*Моск. Вѣд.* № 304.)

Сообщаемъ подробный списокъ вѣнковъ, отправленныхъ въ С.-Петербургъ 2 сего ноября, въ сопровожденіи камеръ-юнкера графа Н. Я. Эссенъ-Стенбокъ-Фермора, для возложенія таковыхъ на гробъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.

Серебряные вѣнки: Отъ Московскихъ биржевыхъ артелей; отъ служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ на Московско-Брестской желѣзной дорогѣ; отъ завода Густава Листъ въ Москвѣ; отъ служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ на Московско-Нижего-

родской и Муромской желѣзныхъ дорогъ; отъ Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая; отъ Императорскаго Общества Содѣйствія Русскому Торговому Мореходству; отъ придворнаго пекаря Д. И. Филиппова и его служащихъ въ Москвѣ; отъ гражданъ города Коломны; отъ учащихся и учащихъ слесарно-ремесленнаго училища; отъ Общества поощренія трудолюбія въ Москвѣ; отъ Московскаго Комитета Россійскаго Общества Краснаго Креста «Христіанская Помощь»; отъ Московскаго Александровскаго Коммерческаго Училища; отъ Московскаго Почтамта, городскаго телеграфа въ Москвѣ и Московскаго почтово-телеграфнаго Общества; отъ московскихъ общихъ судебныхъ и мировыхъ установленій, прокурорскаго надзора и присяжныхъ повѣренныхъ; отъ Богородскаго общества Московской губерніи; отъ воспитанниковъ Московскаго Александровскаго Коммерческаго Училища; отъ Императорскаго Московскаго Общества Охотниковъ Конскаго Бѣга; отъ общества торговцевъ Среднихъ Торговыхъ Рядовъ въ Москвѣ; отъ Общества Кіево-Воронежской желѣзной дороги; отъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Москвѣ; отъ частнаго учебнаго заведенія Гросманъ; отъ Общества Русскихъ Драматическихъ Писателей и Оперныхъ Композиторовъ; отъ дѣтей пансіона Пуссель; отъ города Серпухова; отъ Московскаго Ямскаго Общества; отъ Московскихъ женскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія; отъ Императорскаго Россійскаго Общества Спасанія на водахъ Московскаго округа; отъ гражданъ Павловскаго посада; отъ Общества Хоругвеносцевъ Архангельскаго собора въ Москвѣ; отъ Общества распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ; отъ Вспомогательнаго Общества Купеческихъ Прикащиковъ въ Москвѣ; отъ проживающихъ Евреевъ въ Москвѣ; отъ дѣтей пансіона Купчинской; отъ служащихъ и учащихся Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ; отъ Строгановскаго училища; отъ инженеровъ и чиновъ Московскаго округа путей сообщенія; отъ рабочихъ и служащихъ Бряпскаго завода; отъ дирекціи народныхъ училищъ, училищъ городскихъ, казенныхъ начальныхъ и Учительскаго Института; отъ Общества и служащихъ Московско-Казанской желѣзной дороги; отъ чиновъ управленія московскаго оберъ-полицеймейстера, московской столичной полиціи и пожарной команды; отъ Московскаго Братолюбиваго Общества; отъ Московскаго Купеческаго Общества; отъ Московскаго Биржеваго Купеческаго Общества; отъ студентовъ Московскаго Университета; отъ Московскаго Мѣщанскаго Общества; отъ города Барнаула, Томской губерніи; отъ московскихъ Армянъ; отъ Общества города Благовѣщенска на Амурѣ; отъ Алексан-

дровскаго военнаго училища; отъ Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ; отъ Императорскаго Техническаго Училища; отъ *Московскихъ Вѣдомостей*; отъ Бельгійской колоніи въ Москвѣ; отъ Московскаго Газоваго Общества; отъ германскихъ подданныхъ; отъ швейцарскихъ подданныхъ; отъ редакціи газеты *Новости Дня*; отъ италіянской колоніи; отъ жителей города Подольска.

Пальмовый съ серебрянымъ вензелемъ отъ проживающихъ въ Москвѣ Датчанъ.

Фарфоровый съ серебрянымъ вензелемъ отъ рабочихъ Товарищества Московскаго металлическаго завода.

Лавровые вѣнки: отъ Московской Коммиссіи народныхъ чтеній; отъ вѣрноподданныхъ крестьянъ Всѣхсвятской волости, Московскаго уѣзда; отъ Училища Живописи, Ваянія и Зодчества.

Вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ: отъ студентовъ Московскаго Сельско-Хозяйственнаго Института; отъ 1-го Кадетскаго Корпуса; отъ 2-го Кадетскаго Корпуса; отъ 3-го Кадетскаго Корпуса; отъ Общества Любителей Садоводства въ Москвѣ; отъ студентовъ Императорскаго Московскаго Техническаго Училища; отъ дѣтскаго училища Л. Валицкой въ Москвѣ.

Вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ—отъ вѣрноподданной семьи Сербина.

Фарфоровые вѣнки: отъ дѣтей Елисаветинской женской гимназіи; отъ женскаго учебнаго заведенія Л. Ф. Ржевской; отъ женскаго учебнаго заведенія Шписсъ въ Москвѣ.

Металлическій вѣнокъ отъ Московскаго Университета.

Стягъ шитый—отъ Общества Художниковъ.

А всего 77 вѣнковъ. *)

МОСКВИЧИ ПРОЩАЮТСЯ СО СВОИМЪ ГОСУДАРЕМЪ.

Глухая темная ночь... Надъ златоглавымъ Кремлемъ нависли тяжелыя, свинцовыя тучи, ниспадающія мелкимъ, проницающимъ дождемъ. Безмолвны еще недавно радостныя площади Кремля; безмолвны онѣ, но не безлюдны. Причудливыми змѣиными извивами вьется по нимъ черная лента народа, того народа, который хочетъ въ послѣдній разъ посмотрѣть на свое закатившееся Красное Солнышко, который хочетъ дать Ему

*) Посылка новыхъ вѣнковъ не прекратилась. Такъ, къ *сороковому* дню по кончинѣ Государя посылается *серебряный* вѣнокъ отъ 1-й Московской женской гимназіи. *Ред.*

«послѣднее лобзаніе», огласить святыни Великаго Кремля «надгробнымъ рыданіемъ».

А Онъ! Онъ лежитъ недвижимъ подъ мрачнымъ сводомъ древней усыпальницы Русскихъ Царей. Смѣжившіяся вѣки закрыли Его ласковыя голубыя очи, замкнулись Его кроткія уста, открывавшіяся лишь для словъ правды и мира, недвижна Его мощная державная десница.

И въ благоговѣйной тишинѣ проходятъ мимо гроба своего Государя цѣлыя вереницы людей, и каждый изъ нихъ проливаетъ слезу надъ прахомъ Великаго Царя, каждый даетъ Ему «послѣднее лобзаніе».

Вотъ усатый старый воинъ, съ закаленнымъ суровымъ лицомъ, которому, казалось бы, чужды страсти и ихъ проявленія, прямо, словно во фронтѣ, подходитъ онъ ко гробу своего Государя, но дойдя до него, теряетъ всю свою безстрастность и рыдаетъ, какъ ребенокъ. Вотъ идетъ цѣлая семья: какой-то не то ремесленникъ, не то мастеровой привелъ съ собой жену и двухъ дѣтей, а третьяго, мальчика лѣтъ трехъ, принесъ на рукахъ; всѣ они мокры отъ дождя, у нихъ отъ холода и сырости зубъ на зубъ не попадаетъ, но они счастливы, что Богъ сподобилъ ихъ «проститься съ Батюшкой», и это спасетъ ихъ и отъ холода и отъ простуды. «Прикладывайтесь къ рукѣ», шепчетъ ему дежурный у гроба. «Младенца можно и къ челу, онъ безгрѣшенъ», отвѣчаетъ ему шепотомъ отецъ, и съ благоговѣйною торжественностью подноситъ присмирѣвшаго ребенка къ челу Усопшаго.

За ними подходитъ свѣжая молодая, полная жизни парочка. Онъ идетъ впереди, потупившись и сдерживая навертывающіяся слезы, она не выдерживаетъ, тишина собора, до сихъ поръ прерывавшаяся лишь мѣрнымъ голосомъ читавшаго Евангеліе священника, оглашается страшными, истерическими рыданіями, и ее уводятъ почти безъ чувствъ... Далѣе продвигается страшная, рыжая, всклоченная голова: это хитровецъ, быть-можетъ сегодня же помянувшій своего Государя сытнымъ даровымъ обѣдомъ; онъ тоже пришелъ пролить надъ Его гробомъ слезу, и онъ пролилъ ее, изъ его помутнѣвшихъ, воспаленныхъ глазъ скатилась слеза на руку Усопшаго...

Въ сторонѣ, около древнихъ царскихъ могилъ, стоитъ коленопреклоненная фигурка маленькой старушки; своими полупотухшими глазами она смотритъ то на прахъ возлюбленнаго Государя, то на раскрытый алтарь собора, и уста ея не переставая шепчутъ слова молитвы; говорятъ, она простояла и промолилась всю ночь,—и молитва ея была исполнена такого

умиленія, что, несмотря на распоряженіе не оставаться долго въ соборѣ и уступать мѣсто другимъ, никто не рѣшился оторвать ее отъ молитвы за усопшаго Царя-Миротворца.

Мужики въ нагольныхъ тулупахъ и полушубкахъ, солдаты, торговцы, студенты, гимназисты, всѣ поспѣшали проститься съ Великимъ Государемъ и пролить слезу надъ Его прахомъ.

Державная рука Усопшаго была влажна отъ капавшихъ на нее слезъ прикладывавшихся. На ней смѣшались слезы Государыни и Ея Державнаго Сына со слезами всѣхъ Русскихъ людей, начиная отъ Членовъ Царской Семьи и кончая самымъ бѣднымъ, самымъ отверженнымъ сыномъ великой Руси. И въ этомъ-то смѣшеніи слезъ, пролитыхъ надъ гробомъ усопшаго Государя, свершилось великое, таинственное, недоступное будничному уму единеніе Русскаго народа со своимъ великимъ, возлюбленнымъ Государемъ.

Великія, торжественныя минуты, минуты печальныя и въ то же время отрадныя...

Очевидецъ.

Прощаніе Москвы съ своимъ Царемъ.

(*Моск. Вѣд.* № 300.)

Съ сокрушеннымъ сердцемъ, съ тоской и рыданіемъ ждала Москва Царя своего. И вотъ, наконецъ, *взяшася врата плачевная*, Онъ здѣсь, посреди насъ, бездыханный, безмолвный, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ являлся намъ вѣнчанный и превознесенный, во всей красѣ своей, и душа умилялась на Него глядя, и мы плакали отъ умиленія радостными слезами. Нынѣ на томъ же мѣстѣ плачемъ и рыдаемъ, помышляя смерть!

Страшно было вступленіе Его на царство. Онъ возсѣлъ на престолъ Отцовъ Своихъ, орошенный слезами, поникнувъ главою, посреди ужаса народнаго, посреди шипящей злобы и крамолы. Но тихій свѣтъ, горѣвшій въ душѣ Его, со смиреніемъ, съ покорностью волѣ Промысла и долгу, разсѣялъ скопившіеся туманы, и Онъ воспрянулъ оживить надежды народа. Когда являлся Онъ народу, рѣдко слышалась рѣчь Его, но взоры Его были краснорѣчивѣе рѣчей, ибо привлекали къ себѣ душу народную: въ нихъ сказывалась сама тихая и глубокая и ласковая народная душа, и въ голосѣ Его звучали сладостныя и ободряющія сочувствія. Не видѣли Его господственнаго величія

въ дѣлахъ побѣды и воинской славы, но видѣли и чувствовали какъ отзывается въ душѣ Его всякое горе человѣческое и всякая нужда, и какъ болитъ она и отвращается отъ крови, вражды, лжи и насилія. Таковъ, самъ собою, выросъ образъ Его предъ народомъ, предо всею Европой и предъ цѣлымъ свѣтомъ, привлекая къ Нему сердца и безмолвно проповѣдуя всюду благословеніе мира и правды.

Не забудетъ Москва лучезарный день Его Коронаціи, свѣтлый, тихій, точно день Пасхальный. Тутъ, казалось, Онъ и Его Россія глядѣли другъ другу въ очи, лобзая другъ друга. Благочестивый Царь, облеченный всѣмъ величіемъ сана и священія церковнаго, являлъ своему народу *въ церкви* и все величіе Своего царственнаго *смиренія*. Не забыть той минуты когда сіялъ на челѣ Его царскій вѣнецъ, и передъ Нимъ, колѣнопреклоненная, принимала отъ Него вѣнецъ Царица,—Она, обреченная Ему какъ залогъ любви, на одрѣ смертномъ, умирающимъ братомъ. Съ того самаго дня полюбилъ Ее народъ, увѣровавъ въ святость благословеннаго Богомъ союза, и когда Они являлись народу, неразлучные, вмѣстѣ, въ Его и Ея взорахъ чуялъ одну и ту же ласку любящей русской души.

И вотъ явился гробъ Его въ сердцѣ Россіи, въ Архангельскомъ соборѣ, посреди гробницъ, подъ коими почіютъ начальные вожди Земли Русской. Кого изо всѣхъ уподобить Ему! Всѣхъ ихъ оплакалъ въ свое время сиротствующій народъ, оплакалъ и тишайшаго царя Алексѣя... Но надъ кѣмъ были такія слезы! Надъ кѣмъ такъ скорбѣла и жалилась душа народная.

Проводила Его Москва, проводила на вѣки, и желѣзный конь унесъ Его далеко, въ новую Усыпальницу Царей Русскихъ. Прощай, возлюбленный Царь нашъ! Прощай, Благочестивый, милый народу, *тишайшій* Царь Александръ Александровичъ!.. Господь даровалъ намъ Твое тринадцатилѣтнее царствованіе... И Господь отъялъ! Буде Имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка.

К. Побѣдоносцевъ.

РѢЧЬ

сказанная Его Величеству Государю Императору Николаю Александровичу въ Успенскомъ соборѣ Сергіемъ, митрополитомъ Московскимъ.

Благочестивѣйшій Государь!

Жители сѣвера бываютъ очевидцами. что, когда въ самый долгій лѣтній день закатывается солнце, тотчасъ восходитъ какъ будто другое, а въ сущности то же.

Солнце, болѣе тринадцати лѣтъ озарявшее Землю Россійскую своими мягкими, мирными, живительными лучами. *позна западъ свой.* Но неукоснительно востекло надъ нами новое солнце, ему сродное не по сыновству только. но по силѣ самодержавія, и по духу единомыслія; ибо Ты, благочестивѣйшій Государь, положивъ Себѣ цѣлію мирное преуспѣяніе, могущество и славу Россіи, слѣдуешь примѣру Твоего Родителя.

Поелику же *свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ,* и безъ Его сіянія и солнце небесное давно бы померкло, то первопрестольная Твоя столица въ эти дни скорби, радостно узрѣвши Тебя, молитъ Свѣтодавца—да возсіваетъ въ Твоихъ дѣяніяхъ и повелѣніяхъ Его свѣтъ присносущный и своими животворящими лучами да согрѣваетъ и хранитъ Твою жизнь на многія лѣта.

РѢЧЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

31 октября на Высочайшемъ выходѣ изъ внутреннихъ покоевъ Большаго Кремлевскаго Дворца въ Архангельскій соборъ, Государь Императоръ въ Георгіевскомъ залѣ, обращаясь къ московскому дворянству, купечеству и представителямъ московскихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, сказалъ:

„Тяжко и больно быть теперь въ Москвѣ, которую такъ искренно любилъ Мой незабвенный Батюшка. Но

Императрица и Я находимъ сердечное утѣшеніе въ молитвахъ и тѣхъ слезахъ, которыя вся Россія проливаетъ въ эти дни испытанія. Да поможетъ мнѣ Господь служить Нашей горячо любимой родинѣ такъ же, какъ служилъ Мой покойный Отецъ, и вести ее по указанному Имъ свѣтлому и лучезарному пути.“

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,

ДАННЫЙ НА ИМЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА МОСКОВСКАГО ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРА.

Ваше Императорское Высочество!

Первопрестольная столица, неизмѣнно сохраняя историческіе завѣты вѣрноподданнической преданности Россійскимъ Самодержцамъ, и въ нынѣшніе горестные дни перенесенія останковъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III къ московскимъ святынямъ явила вѣрный откликъ испытываемому Мною и всей Россіей тяжкому горю.

Почерпая въ проявленіяхъ горячей любви къ незабвенному Родителю Моему и искренней скорби о безвременной Его кончинѣ отрадное Себѣ утѣшеніе, ощущаю душевную потребность выразить въ лицѣ Вашего Императорскаго Высочества всѣмъ жителямъ искренно любимой Мною Москвы Мою сердечную благодарность за ихъ чувства.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: „Искренно благодарный и сердечно любящій Васъ Племянникъ

„*НИКОЛАЙ.*“

День погребенія.

(*Моск. Вѣд. № 307.*)

ЦАРСКІЯ ПАННИХИДЫ.

Сегодня, 7 ноября, въ день погребенія Государя Императора Александра Александровича во всѣхъ храмахъ столицы были совершены заупокойныя литургіи и панихиды, при большомъ стеченіи молящихся.

Въ Архангельскомъ соборѣ, въ Кремлѣ, заупокойную литургію, а по окончаніи торжественную панихиду совершалъ преосвященный Тихонъ, епископъ Можайскій, соборнѣ съ нѣсколькими архимандритами и другимъ духовенствомъ. Пѣлъ хоръ Синодальныхъ пѣвчихъ. Траурное убранство собора остается въ теченіе шести недѣль, вмѣстѣ съ катафалкомъ, на которомъ былъ установленъ гробъ съ прахомъ въ Бозѣ почившаго Государя, а также балдахинъ надъ нимъ. По бокамъ катафалка остаются четыре затянутые крепомъ свѣщника стоявшіе у гроба. На самомъ катафалкѣ теперь постановленъ канунъ, на которомъ постоянно становится масса вожжешныхъ свѣчей приносимыхъ молящимися за упокой чистой души незабвеннаго Императора Александра III.

ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБѢДЫ.

Сегодня, 7 ноября, въ день погребенія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Александровича, по распоряженію Его Императорскаго Высочества Московскаго Генералъ-Губернатора, въ Москвѣ въ разныхъ частяхъ столицы были устроены поминальные обѣды. Задолго до объявленнаго времени стекались массы бѣднаго люда. Особенно велико было стеченіе народа на Хитровомъ рынкѣ, гдѣ въ народной столовой было выдано 5.000 обѣдовъ, и на Сухаревой площади, на которой выдано такое же количество. На Сухаревой площади обѣды были устроены подъ открытымъ небомъ. Столы были расположены по лѣвой сторонѣ площади, противъ Шереметевскаго Странноприимнаго Дома. Здѣсь же въ котлахъ людьми пожарной команды, подъ наблюденіемъ особо назначенныхъ распорядителей, приготовлялись кушанья. Къ 1 часу дня вся площадь представляла сплошное море головъ; движеніе конки было пріостановлено, а извощики съ трудомъ могли двигаться около тротуара, но скоро и они должны были объѣзжать площадь, сплошь усѣянную народомъ. Бѣдные жители, пришедшіе обѣдать, окружили мѣсто, отведенное для столовъ и затянутое канатомъ, зрители расположились за нимъ.

Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ раздавались поминальные обѣды, предъ началомъ обѣдовъ были совершены духовенствомъ литіи по въ Бозѣ почившемъ Монархѣ, а затѣмъ уже предлагались обѣды. Когда началась литія на Сухаревой площади, вся многотысячная толпа народа обнажила головы и стала возносить молитвы ко Всевышнему объ упокоеніи чистой души Великаго Миротворца Царя-Благодѣтеля.

Обѣды состояли изъ щей съ говядиной (на каждаго человѣка полагался одинъ фунтъ говядины), фунтъ хлѣба печенаго, большаго пирога съ начинкой и гороховаго киселя; для питья же предлагалось пиво и медъ.

Послѣ Сухаревой площади и Хитрова рынка большое количество обѣдовъ было выдано въ народной столовой Рябушинскаго (близъ Якиманки) на 4.000 ч.; затѣмъ въ народныхъ столовыхъ въ Таганкѣ и на Смоленскомъ рынкѣ по 1.000 обѣдовъ въ каждой. Въ казармахъ устройствомъ обѣдовъ завѣдывали офицеры, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ которыхъ обѣды и выдавались. Въ Крутицкихъ казармахъ было отпущено самое наибольшее количество обѣдовъ, а именно на 4.000 человѣкъ; затѣмъ въ остальныхъ казармахъ обѣды были устроены: въ Покровскихъ казармахъ Екатеринославскаго полка на 300 человѣкъ и Самогитскаго полка на 600 человѣкъ; въ Спасскихъ Ростовскаго полка—600 человѣкъ; въ Хамовническихъ Перновскаго и Несвижскаго полковъ на 700 человѣкъ въ каждомъ и въ Сумскомъ полку на 300 человѣкъ; въ Александровскихъ казармахъ Кіевскаго полка на 700 человѣкъ, Таврическаго и Астраханскаго на 600 человѣкъ въ каждомъ; въ казармахъ 1-й гренадерской артиллерійской бригады на 400 человѣкъ и 1-го Донскаго казачьяго полка на 300 человѣкъ.

Во всѣхъ мѣстахъ было назначено выдать 24.800 обѣдовъ, но было накормлено народа гораздо больше этой цифры. За обѣдами всего давалось въ такомъ изобиліи, что многіе хлѣбъ и пироги забирали съ собою на домъ. Между обѣдающими было очень много бѣдныхъ дѣтей и женщинъ.

ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Высочайше утвержденный

ЦЕРЕМОНІАЛЪ

ПЕРЕНЕСЕНІЯ ТѢЛА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО

БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

Александра III

со станціи Николаевской желѣзной дороги въ Петропавловскій соборъ для погребенія въ оном.

I. О днѣ перенесенія со станціи Николаевской желѣзной дороги въ Петропавловскій соборъ Тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора всенародно наканунѣ будетъ объявлено, чрезъ герольдовъ, по всѣмъ частямъ города.

II. Печальное шествіе отъ станціи Николаевской желѣзной дороги будетъ слѣдовать по Невскому проспекту, Адмиралтейскому проспекту, мимо собора Св. Исаакія Далматскаго, по Сенатской площади, Англійской набережной, черезъ Николаевскій мостъ, по Университетской набережной, Биржевой площади, черезъ Мытнинскій мостъ, по Зоологическому переулку, Александровскому проспекту, черезъ Александровскій паркъ по Новокронверкскому мосту въ Петропавловскій соборъ, черезъ Петровскія ворота.

Начало шествія будетъ возвѣщено тремя сигналами.

III. По первому сигналу, который въ опредѣленный для того часъ будетъ данъ тремя пушечными выстрѣлами изъ орудій

Петропавловской крѣпости, лица, участвующія въ церемоніи, должны готовиться къ печальному шествію.

IV. По второму сигналу, тремя пушечными выстрѣлами, всѣ лица, входящія въ составъ печальнаго шествія, должны занять назначенныя имъ мѣста и построиться въ томъ порядкѣ, въ которомъ будетъ слѣдовать самое шествіе.

V. По третьему сигналу, тремя пушечными выстрѣлами, всѣ отдѣленія начинаютъ печальное шествіе.

VI. Послѣ третьяго же сигнала начинается во всѣхъ церквахъ перезвонъ, а съ С.-Петербургской Петропавловской крѣпости — пушечная пальба, чрезъ каждую минуту по одному выстрѣлу, и продолжается во все время печальнаго шествія до поставленія на катафалкъ въ Петропавловскомъ соборѣ гроба съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Порядокъ печальнаго шествія.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

1. Церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.
2. Собственный Его Величества Конвой.
3. Литавры и хоръ трубачей лейбъ-гвардіи Коннаго полка.
4. Конюшенный офицеръ, верхомъ, въ мундирѣ и въ полномъ траурѣ.
5. Маршалъ съ маршальскимъ жезломъ, штабъ-офицерскаго чина.
6. Эскадронъ лейбъ-гвардіи гусарскаго Его Величества полка.
7. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка.
8. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.
9. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка.
10. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Егерскаго полка.
11. Конюшенный офицеръ, верхомъ, въ мундирѣ и въ полномъ траурѣ.
12. Сорокъ придворныхъ лакеевъ, по четыре въ рядъ.
13. Четыре придворныхъ скорохода и восемь придворныхъ офиціантовъ, по четыре въ рядъ.
14. Гофъ-фурьеры и камеръ-фурьеры.
15. Шестнадцать пажей, по четыре въ рядъ, съ ихъ офицерами, кромѣ должностныхъ.
16. Четыре камеръ-пажа, рядомъ съ ихъ офицерами, кромѣ должностныхъ.
17. Ротный командиръ Пажескаго Его Величества корпуса.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

18. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

19. Маршалъ 6-го класса, съ жезломъ, въ траурѣ.

20. Знамя Родоваго Герба Его Императорскаго Величества, несомое чиновникомъ 7-го класса, и лошадь сего Герба, ведомая двумя лицами оберъ-офицерскаго чина; при лошади конюхъ.

21. Знамя военное, красное, съ Императорскимъ Гербомъ, съ красною бахромой и кистями, несомое полковникомъ, при двухъ ассистентахъ изъ штабъ-офицеровъ; всѣ въ полномъ траурѣ.

22. Собственная Его Императорскаго Величества лошадь, подъ богатою попоной, ведомая двумя штабъ-офицерами, въ мундирахъ и въ полномъ траурѣ; за нею два конюха въ парадной ливреѣ.

23. Знамя Черкасскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

24. Знамя Армянскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

25. Знамя Кабардинскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

26. Знамя Грузинскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

27. Знамя Карталинскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

Знамена несутъ чиновники 8-го класса; лошадей же ведутъ по два лица оберъ-офицерскаго чина.

ОТДѢЛЕНІЕ III.

28. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

29. Знамя Иверскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

30. Знамя Мстиславскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

31. Знамя Витебскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

32. Знамя Кондійскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

33. Знамя Обдорскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

34. Знамя Удорскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

35. Знамя Бѣлозерскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

36. Знамя Ярославскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

37. Знамя Ростовскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

38. Знамя Полоцкаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

39. Знамя Рязанскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

40. Знамя Черниговскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

41. Знамя Нижегородскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

42. Знамя Болгарскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

Всѣ вышепоименованныя знамена несутъ чиновники 8-го класса; лошадей же ведутъ по два лица оберъ-офицерскаго чина.

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

43. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

44. Знамя Вятскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

45. Знамя Пермскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

46. Знамя Югорскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

47. Знамя Тверскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

48. Знамя Карельскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

49. Знамя Бѣлостокскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

50. Знамя Самогитскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

51. Знамя Семигальскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

52. Знамя Курляндскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

53. Знамя Лифляндскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
54. Знамя Эстляндскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
55. Знамя Финляндскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
56. Знамя Подольскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
57. Знамя Волынскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
58. Знамя Литовскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
59. Знамя Смоленскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
60. Знамя Псковскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
61. Знамя Таврическаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

Всѣ вышепоименованныя знамена несутъ чиновники 8-го класса; лошадей же ведутъ по два лица оберъ-офицерскаго чина.

ОТДѢЛЕНІЕ V.

62. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.
63. Знамя Сибирскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
64. Знамя Польскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
65. Знамя Астраханскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
66. Знамя Казанскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
67. Знамя Новгородскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
68. Знамя Владимірскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
69. Знамя Кіевскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.
70. Знамя Московскаго герба; за онымъ лошадь того знамени; за лошадью конюхъ.

Всѣ вышепоименованныя знамена несутъ чиновники 7-го класса, лошадей же ведутъ по два лица 8-го класса, а за ними идутъ конюха.

71. Императорскій судовой штандартъ, несомый контръ-адмираломъ, въ полномъ траурѣ, при двухъ ассистентахъ капитанахъ 1-го ранга.

72. Знамя изъ черной тафты, съ Государственнымъ Гербомъ, несомое чиновникомъ 4-го класса, при двухъ ассистентахъ штабъ-офицерскаго чина; за знаменемъ лошадь, покрытая чернымъ сукномъ, съ Государственнымъ Гербомъ на серединѣ, ведомая двумя чиновниками 7-го класса, а за ними два конюха.

73. Бѣлое знамя, несомое гвардіи капитаномъ, при двухъ ассистентахъ изъ гвардейскихъ офицеровъ, въ мундирахъ безъ траура.

74. Латникъ, въ позолоченныхъ латахъ, на лошади, съ богатымъ чепракомъ и тому принадлежащимъ уборомъ, съ обнаженнымъ мечомъ; лошадь ведутъ два конюха въ парадной ливреѣ.

75. Латникъ пѣшій, въ черныхъ латахъ, съ обнаженнымъ и опущеннымъ внизъ мечомъ; эфесъ обитъ чернымъ флеромъ.

76. Печальное знамя, изъ черной тафты, несомое чиновникомъ 6-го класса, при двухъ ассистентахъ штабъ-офицерскаго чина; за опымъ лошадь, покрытая вся чернымъ, ведомая двумя чиновниками 7-го класса; за лошадью два конюха.

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

77. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

78. Маршалъ, съ жезломъ, генералъ-майорскаго чина.

79. Гербъ Шлезвигъ-Гольштейнскій.

80. Гербъ Таврическій.

81. Гербъ Сибирскій.

82. Гербъ Финляндскій.

83. Гербъ Польскій.

84. Гербъ Астраханскій.

85. Гербъ Казанскій.

86. Гербъ Новгородскій.

87. Гербъ Владимірскій.

88. Гербъ Кіевскій.

89. Гербъ Московскій.

Всѣ вышеозначенные гербы несутъ чиновники 6-го класса.

90. Государственный Большой Гербъ, предшествуемый четырьмя генералъ-майорами и несомый двумя генералъ-майорами и двумя полковниками, при двухъ ассистентахъ, изъ штабъ-офицеровъ. Всѣ въ мундирахъ и въ полномъ траурѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

91. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

92. Представители крестьянскаго сословія.

93. Представители мѣщанскаго сословія.

94. Представители купечества.

95. Маршалъ отъ С.-Петербургской городской думы, съ жезломъ, городской голова, за нимъ члены городской управы, гласные думы и секретари сихъ мѣстъ, по три въ рядъ.

96. Маршалъ отъ земскихъ учрежденій, за нимъ предсѣдатель и члены С.-Петербургской губернской земской управы, предсѣдатель и члены уѣздныхъ земскихъ управъ и предсѣдатели и члены другихъ губернскихъ и уѣздныхъ управъ, находящіеся въ С.-Петербургѣ.

97. Маршалъ отъ дворянства, съ жезломъ; с.-петербургскій губернскій предводитель дворянства, съ предводителями уѣздовъ и членами депутатскаго собранія С.-Петербургской губерніи; губернскіе и уѣздные предводители дворянства другихъ губерній, находящіеся въ С.-Петербургѣ, и въ заключеніе дворяне, въ столицѣ пребывающіе, какъ должностные, такъ и неслужащіе, по три въ рядъ.

98. Маршалъ отъ судебныхъ учрежденій и чины означенныхъ учрежденій.

99. Маршалъ отъ губернскаго правленія, съ жезломъ, за нимъ с.-петербургскіе губернаторъ, вице-губернаторъ, прочіе находящіеся въ С.-Петербургѣ губернаторы и вице-губернаторы и чины административныхъ губернскихъ учрежденій.

ОТДѢЛЕНІЕ VIII.

100. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

101. Маршалъ съ жезломъ.

Высочайше утвержденный С.-Петербургскій комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ.

Домъ призрѣнія душевно-больныхъ, учрежденный Государемъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ.

Россійское Общество Краснаго Креста.

Императорское православное палестинское общество.

Императорское россійское общество садоводства.

Императорское русское музыкальное общество.

Императорское минералогическое общество.

Императорское общество любителей древней письменности.
Императорское общество поощренія художествъ.
Императорское историческое общество.
Императорское русское географическое общество.
Императорское русское археологическое общество.
Императорское вольное экономическое общество.
Императорское общество спасанія на водахъ.
Императорское человѣколюбивое общество.

ОТДѢЛЕНІЕ IX.

102. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

103. Маршалъ, съ жезломъ, отъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи; за нимъ учрежденія и воспитанники заведеній сего вѣдомства, по три въ рядъ.

ОТДѢЛЕНІЕ X.

104. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

105. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Юстиціи; за нимъ какъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ, такъ и воспитанники заведеній, въ вѣдомствѣ сего Министерства состоящихъ, по три въ рядъ.

106. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Путей Сообщенія; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и воспитанники учебныхъ заведеній, въ вѣдомствѣ сего Министерства состоящихъ, по три въ рядъ.

107. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Государственнаго Контроля; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и мѣстъ, по три въ рядъ.

ОТДѢЛЕНІЕ XI.

108. Церемоніймейстеръ, верхомъ, имѣя шарфъ черезъ плечо изъ чернаго и бѣлаго крепа.

109. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Финансовъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и учрежденій и воспитанники учебныхъ заведеній, въ вѣдомствѣ сего Министерства состоящихъ, по три въ рядъ.

110. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ оному департаментовъ и учрежденій и воспитанники учеб-

ныхъ заведеній, въ вѣдомствѣ сего Министерства состоящихъ, по три въ рядъ.

111. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; за нимъ чины Императорской Академіи Наукъ, а за ними какъ чины подвѣдомственныхъ сему Министерству департамента и учрежденій, такъ и воспитанники учебныхъ заведеній вѣдомства сего Министерства, по три въ рядъ.

112. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, за нимъ чины подвѣдомственныхъ опому департаментовъ и воспитанники учебныхъ заведеній, въ вѣдомствѣ сего Министерства состоящихъ, по три въ рядъ.

113. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; за нимъ чины подвѣдомственныхъ опому департаментовъ и учрежденій, по три въ рядъ.

114. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Главнаго Управленія Удѣловъ; за нимъ чины сего учрежденія, по три въ рядъ.

115. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Императорскаго Двора; за нимъ чины Капитула Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, Императорской Академіи Художествъ, чины Министерства Императорскаго Двора и воспитанники учебныхъ заведеній вѣдомства сего Министерства, по три въ рядъ.

116. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Министерства Морскаго; за нимъ чины подвѣдомственныхъ опому департаментовъ и учрежденій и воспитанники учебныхъ заведеній, въ вѣдомствѣ сего Министерства состоящихъ, по три въ рядъ.

117. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Военнаго Министерства; за нимъ какъ чины подвѣдомственныхъ опому департаментовъ и учрежденій, такъ и воспитанники учебныхъ заведеній, въ вѣдомствѣ сего Министерства состоящихъ.

118. Маршалъ, съ жезломъ, отъ Правительствующаго Сената; за нимъ по три въ рядъ: оберъ-секретари, чиновники состоящіе за оберъ-прокурорскими столами, товарищи оберъ-прокуроровъ Правительствующаго Сената, оберъ-прокуроры Правительствующаго Сената, товарищъ оберъ-прокурора Св. Сунода, оберъ-прокуроръ Св. Сунода и сенаторы.

119. Маршалъ, съ жезломъ.

120. Чиновники канцеляріи министра статсъ-секретаря Великаго Княжества Финляндскаго.

121. Чиновники Государственной Канцеляріи, канцеляріи Комитета Министровъ, Собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Собственной Канцеляріи Его Императорскаго Величества и

Канцеляріи для прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ, по два въ рядъ.

122. Почетные опекуны и статсъ-секретари Его Императорскаго Величества, по два въ рядъ.

123. Министръ статсъ-секретарь Великаго Княжества Финляндскаго.

124. Государственный секретарь.

125. Министры, по два въ рядъ.

126. Члены Государственнаго Совѣта, по два въ рядъ.

ОТДѢЛЕНІЕ XII.

127. Церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора, верхомъ, имѣя черезъ плечо шарфъ изъ чернаго и бѣлаго крепа.

128. Эскадронъ лейбъ-гвардіи Кирасирскаго Его Величества полка.

129. Два герольда съ жезлами.

130. Четыре полковника, съ четырьмя опущенными внизъ Государственными мечами, въ мундирахъ и полномъ траурѣ.

131. Медали и ордена въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Иностранные:

Медали: Сербская.
« Черногорская.

Румынскій Желѣзный Крестъ въ память перехода черезъ Дунай въ 1877 году.

Турецкая—серебряная.

Турецкая—золотая.

Виртембергская—золотая.

Прусскій золотой денгель.

Ордена:

Сандвичевыхъ острововъ—Короля Камеамеа I.

Бухарскій—Восходящей Звѣзды.

Персидскій—Льва и Солнца.

Японскій—Восходящаго Солнца.

Турецкій—Османіе.

Турецкій—Имтіазъ.

Монакскій—Князя Карла.

Мальтійскій—Большаго Креста.

Мексиканскій—Орла.

Люксембургъ-Нассаускій—Большаго Креста.
Черногорскій—Данила I степени.
Саксенъ-Альтенбургскій—Эрнестинскаго Дома.
Гольштейнъ-Ольденбургскій—фамильный, за достоинства.
Мекленбургъ-Шверинскій—за отличіе въ военное время.
Мекленбургъ-Шверинскій—Вендской Короны.
Мекленбургъ-Стрелицкій—Вендской Короны.
Саксенъ-Веймарскій—Бѣлаго Сокола.
Дармштадтскій—Людвига I степени.
Баденскій—Церингенскаго Льва.
Баденскій—за военныя заслуги.
Сербскій—Такова.
Сербскій—Бѣлаго Орла.
Румынскій—за военныя заслуги.
Румынскій—Звѣзды.
Португальскій—Св. Бенедикта Авизскаго.
Ганноверскій—Св Георгія.
Ганноверскій—Гвельфовъ.
Греческій—Спасителя.
Бельгійскій—Леопольда.
Нидерландскій—Льва.
Нидерландскій—военный, Вильгельма I.
Саксонскій—Зеленой Короны.
Виртембергскій—Короны.
Баварскій—Св. Губерта.
Датскій—Данеброга, за заслугу.
Датскій—Слона.
Шведскій—Олафа.
Шведскій—Серафима.
Итальянскій—Благовѣщенія.
Испанскій—Золотаго Руна.
Бразильскій—Императора Донъ-Педро.
Бразильскій—Южнаго Креста.
Французскій—Почетнаго Легіона.
Великобританскій—Подвязки.
Прусскій—Краснаго Орла.
Прусскій—фамильный Гогенцоллернскаго Дома.
Прусскій—Pour la Mérite.
Прусскій—Чернаго Орла.
Австрійскій—Маріи-Терезіи.
Австрійскій—Св. Стефана.

Россійскіе:

Крестъ Императорскаго православнаго палестинскаго общества.

Серебряный знакъ Императорскаго общества спасанія на водахъ.

Знакъ Россійскаго общества Краснаго Креста.

Серебряный вензель Императора Александра II.

Золотой вензель Императора Николая I.

Свѣтло-бронзовая медаль въ память 1877—78 гг.

Орденъ Св. Станислава I степени.

« Св. Анны I степени.

« Бѣлаго Орла.

« Св. Александра Невскаго.

« Св. Великомученика Георгія II степени.

« Св. Владиміра I степени.

« Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

132. Императорскія Регаліи:

Императорское Знамя.

Императорскій Щитъ.

Императорскій Мечъ.

Корона Грузинская.

Корона Таврическая.

Корона Сибирская.

Корона Польская.

Корона Астраханская.

Корона Казанская.

Государственная Держава.

Государственный Скипетръ.

Корона Императорская.

Регаліи, ордена и медали несены будутъ на глазетовыхъ золотыхъ подушкахъ, обложенныхъ серебрянымъ широкимъ газомъ, съ четырьмя серебряными кистями, иностранные ордена и русскіе медали и знаки отличія—чинами военнаго и морскаго вѣдомствъ 4-го класса, при ассистентахъ 5-го и 6-го классовъ, русскіе ордена — чинами тѣхъ же вѣдомствъ 3-го класса, при ассистентахъ 4-го класса.

Регаліи будутъ несены чинами 2-го класса, при ассистентахъ 3-го класса.

133. Два церемоніймейстера Двора Его Императорскаго Величества, съ жезлами.

134. Оберъ-церемоніймейстеръ, съ жезломъ.

По обѣ стороны процессіи, начиная отъ регалій до Императорской Фамиліи, идетъ шпалерами баталіонъ Павловскаго военнаго училища.

ОТДѢЛЕНІЕ XIII.

135. Церемоніймейстеръ Высочайшаго Двора, верхомъ, имѣя черезъ плечо шарфъ изъ чернаго и бѣлаго крепа.

136. Пѣвчіе Александро-Невской лавры и Исаакіевскаго собора; за ними вся духовная процессія, по распоряженію высокопреосвященнаго митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго, съ подобающимъ высокому достоинству въ Бозѣ почившаго Государя Императора велелѣпіемъ, имѣя въ рукахъ зажженныя свѣчи; придворные пѣвчіе, придворные протодіаконы, придворные священники, съ двумя иконами; за ними духовникъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, протопресвитеръ Янышевъ, съ иконою.

Печальная колесница, запряженная восемью лошадьми, на которую возложено будетъ тѣло въ Бозѣ почившаго Государя Императора. У штанговъ четыре генералъ-адъютанта, а при кистяхъ 8 генералъ-адъютантовъ и 6 Свиты Его Величества генералъ-майоровъ. Передніе кисти покрова поддерживаютъ два Свиты Его Величества генералъ-майора, всѣ въ парадной формѣ и полномъ траурѣ.

По обѣ стороны печальной колесницы пойдутъ съ факелами шестьдесятъ пажей. Лошадей поведутъ восемь конюшенныхъ офицеровъ.

За печальною колесницей слѣдуетъ Государь Императоръ, имѣя позади Себя министра Императорскаго Двора, Военнаго министра, командующаго Императорскою Главною Квартирой и дежурныхъ: генералъ-адъютанта, Свиты Его Величества генералъ майора и флигель-адъютанта.

Его Величество Король Эллиновъ.

Его Королевское Высочество Принцъ Валлійскій, наслѣдникъ великобританскаго престола.

Его Королевское Высочество Наслѣдный Великій Герцогъ Ольденбургскій.

Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Михаилъ Александровичъ, Владиміръ Александровичъ, Кириллъ Владиміровичъ, Борисъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ, Алексѣй Александровичъ, Сергѣй Александровичъ, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ; Дмитрій Константиновичъ, Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Николай Михаиловичъ и Александръ Михаиловичъ; Ихъ Императорскія Высочества Князья Евгеній Максимиліановичъ и Георгій Максимиліановичъ Романовскіе, Герцоги Лейхтенбергскіе; Ихъ Великогерцогскія Высочества Принцы Александръ Петровичъ, Петръ Александровичъ и Константинъ Петровичъ Ольденбургскіе; Ихъ Великогерцогскія Высочества Герцоги Георгій Георгіевичъ и Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкіе и иностранныя Августѣйшія Особы, кои въ столицѣ находиться будутъ.

Позади Его Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Высочествъ идутъ генералъ-адъютанты, Свиты его Величества генералъ-майоры и флигель-адъютанты, не находящіеся въ строю и не имѣющіе по церемоніалу особыхъ обязанностей, адъютанты Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей и военная свита иностранныхъ Августѣйшихъ Особъ, въ С.-Петербургъ прибывшихъ.

Рота дворцовыхъ гренадеръ.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица, Высокопаречепная Невѣста Государя Императора Ея Императорское Высочество Благовѣрная Великая Княжна Александра Ѳеодоровна, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ксенія Александровна и Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Александровна, въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей оберъ-шталмейстеръ и шталмейстеръ Высочайшаго Двора, верхомъ. Позади кареты два камеръ-казака, въ траурѣ.

Ея Величество Королева Эллиновъ, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Анастасія Михаиловна Великая Герцогиня Мекленбургъ-Шверинская, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна Герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готская, Ея Королевское Высочество Принцесса Валлійская, въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей два шталмейстера, верхомъ. Позади кареты два придворныхъ лакея, въ траурѣ.

Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Марія Павловна, Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна и Великая Княгиня Александра Іосифовна, въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей два шталмейстера, верхомъ. Позади кареты два придворныхъ лакея, въ траурѣ.

Ихъ Императорскія Высочества Великая Княгиня Елисавета Маврикіевна, Великая Княжна Елена Владиміровна и Великая Княгиня Вѣра Константиновна Герцогиня Виртембергская, въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей два шталмейстера, верхомъ. Позади кареты два придворныхъ лакея, въ траурѣ.

Ихъ Императорскія Высочества Княгиня Анастасія Николаевна Романовская, Герцогиня Лейхтенбергская, Принцесса Марія Максимиліановна Баденская и Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская, въ траурной каретѣ, по сторонамъ коей два шталмейстера, верхомъ. Позади кареты два придворныхъ лакея, въ траурѣ.

137. Гофмейстерина, статсъ-дамы, камеръ-фрейлины и свитныя фрейлины Ея Величества, гофмейстерины и фрейлины Великихъ Княгинь, въ траурныхъ каретахъ, позади коихъ по два придворныхъ лакея.

138. Первые и вторые чины Высочайшаго Двора и состоящіе при Ихъ Императорскихъ Высочествахъ Великихъ Княгиняхъ придворные кавалеры, по два въ рядъ, старшіе впереди.

139. Камергеры и камеръ-юнкеры, по три въ рядъ, старшіе впереди.

140. Лейбъ-медики и придворные медицинскіе чины, состоящіе при въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ, по три въ рядъ.

141. Ближайшіе служители въ Бозѣ почившаго Государя Императора, по три въ рядъ

142. Конюшенный офицеръ, верхомъ.

143. Рота Павловскаго военнаго училища.

144. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка.

145. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Павловскаго полка.

146. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Саперная баталіона.

147. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго Его Величества баталіона.

148. Рота Его Величества лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго баталіона Императорской Фамиліи.

149. Рота сводная гвардейскаго баталіона.

150. Рота 145-го Новочеркасскаго Его Величества полка.

151. Батарея Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады.

152. Эскадронъ лейбъ-гвардіи Конная полка.

153. Сотня лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка.

154. 1-я батарея Его Величества гвардейской конно-артиллерійской бригады.

155. 6-я лейбъ-гвардіи донская казачья Его Величества батарея гвардейской конно-артиллерійской бригады.

156. Эскадронъ и сотня Николаевскаго кавалерійскаго училища.

Разстановка по мѣстамъ для сего шествія войскъ будетъ сдѣлана по распоряженію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа.

На станціи Николаевской желѣзной дороги будетъ выставленъ почетный караулъ отъ гвардейскаго экипажа, со знаменемъ и музыкой.

Вдоль пути, по которому должно слѣдовать печальное шествіе, размѣщаются, по распоряженію Его Императорскаго Высочества, Главнокомандующаго войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, войска и военно-учебныя заведенія, кромѣ тѣхъ, которыя имѣютъ особыя назначенія въ шествіи.

По приближенія печальной колесницы съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора, войска отдаютъ честь обыкновеннымъ порядкомъ, музыка играетъ и барабаны бьютъ походъ, а затѣмъ играютъ молитву.

Музыка, трубачи и барабаны, въ шествіи находящіеся, играютъ и бьютъ только во время шествія.

По пути слѣдованія печальнаго шествія, передъ церковью Знаменія Божіей Матери, передъ Собственнымъ Его Величества Аничковскимъ Дворцомъ, передъ соборомъ Казанскія Божіей Матери и соборомъ Св. Исаакія Далматскаго будутъ совершены литіи.

Съ приближеніемъ печальнаго шествія къ Петропавловской крѣпости, когда отдѣленія будутъ доходить до Новокронверкскаго моста, I-е и послѣдующія затѣмъ до § 121 XI отдѣленія включительно, не входя на мостъ, поворачиваютъ налѣво и, пройдя черезъ Троицкую площадь, мимо церкви Св. Троицы и Провіантскихъ магазиновъ къ домику Императора Петра I, сдаютъ знамена, гербы и маршальскіе жезлы назначеннымъ для пріема оныхъ лицамъ, а затѣмъ расходятся.

Рота Его Величества лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подходитъ къ Петропавловскому собору и составляетъ почетный карауль, при знамени и полковомъ хорѣ музыкантовъ.

Участвовавшіе въ печальномъ шествіи два герольда становятся въ соборѣ у входа и остаются до окончанія панихиды.

XII и XIII отдѣленія, а равно лица 3 и 4 классовъ, входящія въ составъ IX, X и XI отдѣленій, продолжаютъ шествіе до Петропавловскаго собора. Особы, несущія Императорскія регаліи, знаки отличія, ордена и короны, съ ассистентами, входятъ въ соборъ и слагаютъ ихъ на указанныя мѣста, ордена и знаки отличія передъ поставленіемъ гроба на катафалкъ, а Императорскія регаліи послѣ сего. Изъ вошедшихъ въ соборъ особъ остаются въ опомъ только лица первыхъ четырехъ классовъ.

Въ день перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора въ соборъ приглашаются къ панихидѣ чужестранные послы, посланники и особы дипломатическаго корпуса, съ супругами.

Въ соборѣ же собираются всѣ особы пола первыхъ четырехъ классовъ, въ печальномъ шествіи не участвующія.

При третьемъ, послѣднемъ, сигналѣ, по которому должно начаться печальное шествіе, на флагштокѣ Петропавловской крѣпости поднимается траурный черный флагъ, который и остается до погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Литургія въ Петропавловскомъ соборѣ совершена будетъ однимъ изъ архіереевъ до прибытія печальнаго шествія къ Петропавловскому собору.

По прибытіи печальной колесницы къ западнымъ дверямъ собора, восемь Свиты Его Величества генералъ-майоровъ снимутъ съ гроба покровъ и внесутъ съ соборъ.

Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Особами Императорской Фамиліи, иностранными Августѣйшими Особами, министромъ Императорскаго Двора и генералъ-адъютантами, поднимутъ гробъ, и, въ предшествіи высокопреосвященнаго митрополита и духовенства, внесутъ въ соборъ и поставятъ на катафалкъ. По сторонамъ гроба идутъ шесть гренадеръ дворцовой роты, безъ ружей, и шесть унтеръ-офицеровъ отъ гвардейскихъ полковъ, въ коихъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ изволилъ числиться Шефомъ, держа головные уборы въ рукѣ, и четыре камеръ-казака.

Восемь флигель-адъютантовъ снимутъ съ гроба крышу и перепесутъ ее на особо пріуготовленный столъ, обитый серебрянымъ глазетомъ съ золотою бахромой.

На верхней площадкѣ катафалка, по обѣимъ сторонамъ гроба, становятся на часы 6 гвардіи капитановъ или ротмистровъ; на уступахъ катафалка 12 камеръ-пажей; внизу катафалка, по обѣимъ сторонамъ, 12 воспитанниковъ военно-учебныхъ заведеній; у колоннъ катафалка съ обѣихъ сторонъ 4 унтеръ-офицера роты дворцовыхъ гренадеръ, съ ружьями у ноги, и два унтеръ-офицера отъ гвардейскихъ полковъ.

У входа въ соборъ стоятъ часовые: со внутренней стороны—отъ роты дворцовыхъ гренадеръ, а съ внѣшней—отъ почетнаго караула.

По поставленіи гроба въ Бозѣ почившаго Государя Императора на катафалкъ, совершена будетъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ, съ прочимъ духовенствомъ, панихида, послѣ которой начнется чтеніе святаго Евангелія.

При совершеніи панихидъ имѣютъ быть въ Петропавловскомъ соборѣ слѣдующія лица: статсъ-дамы, гофмейстерины, камеръ-фрейлины, фрейлины, члены Государственнаго Совѣта, министры, сенаторы, первые и вторые чины Высочайшаго Двора, статсъ-секретари, почетные опекуны, придворные кавалеры, генералъ-адъютанты, Свиты Его Величества генералъ-майоры, флигель-адъютанты и адъютанты Великихъ Князей съ супругами, адъютанты иностранныхъ Августѣйшихъ Особъ, въ столицу прибывшихъ, всѣ генералы, въ столицѣ находящіеся, и, по распоряженію военнаго начальства, гвардіи, арміи и флота штабъ- и оберъ-офицеры; прочія обоего пола особы первыхъ

трехъ классовъ, губернскій и уѣздные предводители дворянства С.-Петербургской губерніи, а равно губернскіе и уѣздные предводители дворянства всѣхъ прочихъ губерній, въ столицѣ находящіеся; с.-петербургскій городской голова и депутація отъ с.-петербургскаго купечества. Сверхъ сего, ближайшіе служители въ Бозѣ почившаго Государя Императора.

Во время пребыванія тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Императора въ Петропавловскомъ соборѣ назначаются для постояннаго дежурства у гроба: генералъ-адъютантъ, Свиты Его Величества генералъ-майоръ и флигель-адъютантъ, двѣ особы 2-го класса, двѣ особы 3-го класса и двѣ 4-го класса, 2 камергера, 2 камеръ-юнкера, три камеръ-пажа и шесть пажей и двѣнадцать гвардіи штабъ- и оберъ-офицеровъ.

Всѣ чины гражданскаго вѣдомства, участвующіе въ печальномъ шествіи, должны быть въ мундирахъ (въ обыкновенной формѣ и лентахъ), форменныхъ шляпахъ, надѣтыхъ на голову, и глубокомъ траурѣ.

Всѣ вообще чины, какъ военные, такъ и гражданскіе военнаго вѣдомства, должны быть въ парадной формѣ и полномъ траурѣ.

Панихиды будутъ совершаться въ назначенные, по Высочайшему повелѣнію, часы.

Порядокъ ношенія траура

по Его Императорскомъ Величествѣ блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти, Государѣ Императорѣ

АЛЕКСАНДРѢ АЛЕКСАНДРОВИЧѢ.

По случаю кончины Государя Императора Александра Александровича налагается глубокій трауръ съ 20 октября 1894 г., на одинъ годъ, раздѣленный на четыре квартала, полагая въ каждомъ три мѣсяца.

Его Императорское Величество и Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья соизволятъ носить, въ продолженіе одного года, глубокій трауръ на основаніи статьи о траурѣ для чиновъ военныхъ.

Ея Величество Государыня Императрица, въ первомъ кварталѣ, соизволитъ носить обыкновенное, высокое черное фланелевое платье, длинные рукава, которые застегиваются у кисти руки; воротничекъ батистовый съ широкимъ рубцомъ и таковые же плерезы; шлейфъ черный фланелевый, въ четыре аршина,

который застегивается къ лифу платья; на головѣ уборъ: черный креповый чепчикъ, повязка (сшпнъ) черная креповая, на черной тафтѣ, надѣвается особо; вуаль черный креповый короткій и для церемоніи такой же вуаль, покрывающій все платье въ четыре аршина. Обувь, перчатки и вѣера черные. Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини носятъ то же одѣяніе, съ тою разницей, что шлейфы Ихъ Высочествъ должны быть длиной въ три аршина.

Во второмъ кварталѣ Ея Величество Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини изволятъ носить фланель или сукно и съ такими же плерезами и воротничками, какъ въ первомъ кварталѣ; головной уборъ, безъ повязки, съ однимъ печальнымъ вуалемъ.

Въ третьемъ кварталѣ Ея Величество Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини изволятъ носить: платье изъ кашемира, безъ плерезовъ; воротничекъ и уборка рукавовъ бѣлая; на головѣ черный тюлевый чепчикъ съ узкими сшпами; перчатки, вѣера и обувь черные.

Въ четвертомъ кварталѣ Ея Величество Государыня Императрица и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княгини изволятъ носить шелковое черное платье; на головѣ бѣлые креповые уборы съ цвѣтными лентами; цвѣтныя перчатки и вѣера по произволу.

Особы женскаго пола первыхъ четырехъ классовъ:

а) Въ первомъ кварталѣ носятъ обыкновенное черное суконное платье, съ длинными до кисти рукавами, воротничекъ бѣлый батистовый съ рубцомъ и таковыми же плерезами, шириною: первые два класса — въ $1^1/_2$ вершка, а третій и четвертый классы—въ вершокъ; на головѣ уборы изъ чернаго крепа съ черною узкою повязкой (сшпомъ); вѣера, перчатки, обувь черные; шлейфы имѣть первымъ двумъ классамъ по два аршина, третьяго класса полтора аршина, а четвертаго класса по одному аршину, и всѣмъ четыремъ классамъ, когда будутъ у тѣла въ Бозѣ почившаго Императора и въ день погребенія, имѣть большія печальныя вуали; когда же будутъ выѣзжать со двора, тогда надѣваютъ черныя вуали изъ крепа, которымъ бы лицо было завѣшено. Дамамъ пятаго, шестаго и седьмаго классовъ носить такое же платье и плерезы, шириною въ три четверти вершка; дамамъ осьмаго класса носить черное ординарное платье.

б) Во второмъ кварталѣ носятъ: обыкновенное сукопное высокое платье безъ плерезовъ съ черпымъ креповымъ воротничкомъ и такими же уборами на рукавахъ, на головахъ уборы черные съ узкими сшпами, безъ вуали; обувь, вѣера и перчатки черные.

в) Въ третьемъ кварталѣ носятъ платья обыкновеннаго покроя изъ кашемира, барежа, поплина или другой полушерстяной матеріи. Головные уборы и чепчики черные, изъ тюля, кружевъ или блондъ. Уборъ платья можетъ быть такой же. Обувь, перчатки и вѣера черные.

г) Въ четвертомъ кварталѣ: кварталъ этотъ раздѣляется на двѣ равныя половины. Въ первой половинѣ: черное шелковое обыкновеннаго покроя платье, чепчикъ и шемизетка бѣлые. Во второй половинѣ черное же шелковое платье, бѣлые и цвѣтные головные уборы.

Дамы пятаго, шестаго и седьмаго классовъ носятъ, въ первомъ кварталѣ, черное суконное высокое платье; рукава къ платью по произволу; на шеѣ особый плоскій бѣлый батистовый воротничекъ съ плерезами, шириною въ три четверти вершка; головной уборъ черный; а во второмъ, третьемъ и четвертомъ кварталахъ противъ особъ первыхъ четырехъ классовъ.

Камеръ-фрау и камеръ-юнгферы Государыни Императрицы носятъ трауръ, опредѣленный для дамъ шестаго класса.

Всѣ военные и флотскіе генералы и адмиралы, штабъ-и оберъ-офицеры при ношеніи траура руководствуются приказами своихъ вѣдомствъ:

а) Военное—приказомъ 9 марта 1883 года, за № 66,—и

б) Флотскіе—приказомъ 28 января 1884 года, за № 15.

Члены Государственнаго Совѣта, придворные чины и кавалеры, сенаторы и всѣ вообще чины гражданскаго вѣдомства носятъ трауръ согласно Высочайшему повелѣнію 6 іюня 1881 года, на основаніи коего всѣ виды траура, какъ глубокаго, такъ и послѣдующихъ степеней, замѣняются ношеніемъ на лѣвой рукѣ выше локтя черной повязки въ два вершка ширины съ плоскимъ бантомъ.

Ношеніе крепа на темлякѣ, петлицѣ и кисточкахъ шляпъ сохраняется только для печальныхъ церемоній и торжественныхъ панихидъ, когда на это послѣдуетъ особое распоряженіе.

Чины перваго и втораго классовъ, въ первомъ и второмъ кварталахъ, имѣютъ экипажи обитые чернымъ сукномъ, безъ гербовъ, и въ домахъ, ими занимаемыхъ, покрываютъ трауромъ одну комнату.

Чины первыхъ четырехъ классовъ, въ первомъ и второмъ кварталахъ, имѣютъ ямскую одежду для кучеровъ и форейторовъ чернаго сукна, шапки и кушаки черные и для лакеевъ черную ливрею: въ первомъ кварталѣ безъ лентъ, а во второмъ—съ лентами на лѣвомъ плечѣ по своему гербу. Такой же трауръ употребляютъ и тѣ кавалеры Высочайшаго Двора, которые не состоятъ въ первыхъ четырехъ классахъ.

Чинамъ пятаго, шестаго и седьмаго классовъ дозволяется употреблять для лакеевъ черную ливрею.

Въ третьемъ кварталѣ черные обои съ комнатъ и экипажей и черныя ливреи со служителей снимаются.

Всѣмъ прочимъ мужескаго и женскаго пола лицамъ, кто бы какого званія ни былъ, предоставляется на ихъ волю, во время траурнаго срока, носить черное платье.

Въ Высокоторжественные дни трауръ снимается.

Приготовленія Петербурга ко встрѣчѣ.

Еще задолго до прибытія праха въ Бозѣ почившаго Государя, Петербургъ началъ приготовленія къ послѣдней встрѣчѣ любимаго Монарха.

Сегодня утромъ, пишутъ намъ 26 окт. (*Моск. Вѣд* № 296), въ Петропавловскомъ соборѣ начали копать могилу для въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Могила устраивается между первою и второю колоннами храма съ лѣвой стороны отъ главнаго входа, рядомъ съ оградой, внутри которой находятся могилы Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны, и ихъ Августѣйшихъ дѣтей: Цесаревича Николая Александровича и Великой Княжны Александры Александровны, Брата и Сестры въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. На дняхъ будетъ приступлено къ устройству склепа и гробницы. Въ соборѣ работаетъ нѣсколько швейныхъ машинъ и болѣе тридцати женщинъ, занятыхъ сшиваніемъ траурной матеріи и ковровъ. Стѣны собора будутъ затянуты чернымъ сукномъ съ серебряною бахромой, позументомъ и кистями. Кромѣ того, соборъ будетъ декорированъ особыми щитами съ вензелемъ покойнаго Государя, золотыми бра и экзотическими растеніями. Посреди̇нѣ собора устроенъ между четырьмя главными колоннами большой помостъ; на немъ поставленъ катафалкъ, гдѣ будетъ установленъ гробъ.

Петербургъ уже убранъ траурными флагами. Дамы, гдѣ если появляются на улицѣ или въ церкви, то не иначе какъ въ глубокомъ траурѣ; дворянство и чиновники носятъ трауръ на трехуголкахъ, цилиндрахъ и рукавѣ. У студентовъ университета, технологовъ, путейцевъ, горныхъ, Военно-Медицинской Академіи, лицеистовъ и правовѣдовъ также трауръ на рукавѣ. Въ эстампныхъ магазинахъ выставлены портреты Царской Фамиліи, причемъ портреты Императора Александра III въ траурныхъ рамахъ и драпировкахъ. На эти портреты громадныя

требованія какъ изъ-за границы, такъ и изъ Имперіи. Всякій желаетъ имѣть портретъ Царя-Миротворца.

Угрюмо и мрачно глядитъ сегодня Петербургъ, продолжаетъ нашъ корреспондентъ. Работы по траурному убранству столицы хотя и далеки еще отъ окончанія, но быстро подвигаются. Развѣвается безчисленное множество траурныхъ флаговъ на всѣхъ домахъ, по всему городу. Подъѣзды, балконы, вывѣски, фонари, всѣ блестящія украшенія—все это задрапировывается черными и бѣлыми матеріями, погружая все и всѣхъ въ глубокій трауръ.

Съ понедѣльника начнутъ съѣзжаться офиціальные представители иностранныхъ государствъ; всѣмъ уже приготовлены помѣщенія. Парадныхъ встрѣчъ никому, даже коронованнымъ особамъ, по случаю глубокаго траура, не будетъ. Въ послѣдніе дни въ Петербургъ прибыли многочисленные корреспонденты изо всѣхъ государствъ; часть ихъ отправилась въ Москву и въ Крымъ. Прибыли также корреспонденты нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетъ.

На Невскомъ проспектѣ, при въѣздѣ на него съ Знаменской площади, будетъ сооружена думой траурная арка.

Панихиды по въ Бозѣ почившемъ Монархѣ продолжаютъ совершаться въ Петербургѣ повсемѣстно какъ въ храмахъ и часовняхъ, такъ и въ различныхъ учрежденіяхъ, вездѣ привлекая многочисленныхъ молящихся. Совершаются панихиды и во всѣхъ иновѣрческихъ храмахъ.

ПЕРЕНЕСЕНІЕ ТѢЛА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО ГОСУДАРЯ ВЪ ПЕТРОПАВЛОВСКІЙ СОБОРЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

(По телеграфу.)

(*Моск. Вѣд. № 301.*)

1 ноября, съ ранняго утра, траурный путь по Невскому, Сенатской площади, Англійской и Университетской набережнымъ, Биржевой площади и Александровскому проспекту былъ обрамленъ густыми толпами народа, все увеличивавшимися. Погода стояла теплая, но сырая, надъ Петербургомъ висѣлъ густой туманъ. Съ восьми часовъ участники шествія начали собираться на Невскомъ, причемъ головныя части строились между Думой и Полицейскимъ мостомъ. Въ это время на Николаевскій вокзалъ собирались лица назначенныя для встрѣчи, а въ боковомъ дворѣ, со стороны платформы прибывающихъ поѣздовъ, стояла наготовѣ траурная золоченая колесница, съ

короной и украшеніями изъ страусовыхъ перьевъ, запряженная восемью конями въ траурныхъ попонахъ. Колесница новая, значительно больше московской. У стѣны двора выстроились почетный караулъ гвардейскаго экипажа со знаменемъ и хоромъ музыкантовъ, и рота дворцовыхъ гренадеръ со знаменемъ, двумя барабанщиками и двумя мальчиками флейтистами въ гренадерской формѣ. Часть платформы была превращена въ траурный павильйонъ, задрапированный чернымъ сукномъ и украшенный тропическими растеніями.

Къ десяти часамъ на вокзалъ собрались первые чины Двора: министры, лица прибывшія съ только-что пришедшимъ свитскимъ поѣздомъ, наслѣдный принцъ Бухарскій, генералитетъ, духовенство съ преосвященными Антоніемъ Финляндскимъ, Виссаріономъ Костромскимъ, викаріями Никандромъ и Назаріемъ и митрополитомъ Палладіемъ во главѣ. Къ этому же времени прибыли: Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Владиміръ Александровичъ съ Супругой Маріей Павловной и дѣтьми Кирилломъ, Борисомъ и Андреемъ Владиміровичами, Павелъ Александровичъ, Константинъ Константиновичъ съ Супругою Елисаветой Маврикіевной, Дмитрій Константиновичъ, Николай Михайловичъ, Ихъ Великогерцогскія Высочества Евгеній и Георгій Максимиліановичи, Анастасія Михайловна, Принцы Ольденбургскіе Константинъ Петровичъ, Евгенія Максимиліановна, Петръ Александровичъ, Георгій и Михаилъ Георгіевичи Мекленбургъ-Стрелицкіе, Великая Герцогиня Марія Александровна Саксенъ-Кобургъ-Готская, Герцогиня Баденская, принцесса Виртембергская и Наслѣдный Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій.

Въ десять часовъ пять минутъ къ платформѣ подошелъ траурный поѣздъ. Государь Императоръ, Государыня Императрица и прибывшіе члены Августѣйшей Семьи вышли изъ вагоновъ, и тотчасъ началась литія, отслуженная соборнѣ митрополитомъ. Во время приближенія поѣзда музыканты заиграли *Коль славенъ*, барабаны забили походъ, и знамена преклонились. На время литіи войска стали на молитву, музыка прекратилась и всѣ обнажили головы. Затѣмъ генералъ-адъютанты сняли покровъ съ гроба, а Государь съ членами Августѣйшей Семьи вынесли гробъ изъ вагона, пронесли его до нижней ступени лѣстницы съ платформы, гдѣ онъ былъ принятъ и поставленъ на катафалкъ дворцовыми гренадерами. Въ это время музыка вновь заиграла *Коль славенъ*, барабаны забили походъ, и знамена преклонились предъ тронувшеюся въ путь колесницей, за которой слѣдовали Государь Императоръ съ Великими Князьями и траурныя кареты съ Государыней Императрицей

Высоконареченною Невѣстой и дамами Августѣйшей Семьи. Колесница двинулась вслѣдъ за шествіемъ, тоже тронувшимся въ путь. Во главѣ шествія ѣхалъ верхомъ церемоніймейстеръ графъ Бенкендорфъ. За нимъ двигался конвой Его Величества, конногвардейскіе музыканты, эскадронъ гусарскаго Его Величества полка, роты Преображенскаго, Семеновскаго, Измайловскаго и Егерскаго полковъ. За конюшеннымъ офицеромъ шли сорокъ придворныхъ лакеевъ, четыре скорохода, восемь офиціантовъ, гофъ- и камеръ-фурьеры, шестнадцать пажей и четыре камеръ-пажа съ офицерами.

Второе отдѣленіе шествія велъ церемоніймейстеръ Безобразовъ, за нимъ слѣдовалъ маршалъ Дапчичъ, за которымъ несли знамена Родоваго Герба, военное, гербовъ Черкасскаго, Армянскаго, Кабардинскаго, Грузинскаго, Карталинскаго и вели лошадей этихъ знаменъ. Третье отдѣленіе открывалъ церемоніймейстеръ Рыковъ, за которымъ несли знамена гербовъ Иверскаго, Мстиславскаго, Витебскаго, Кондійскаго, Обдорскаго, Удорскаго, Бѣлозерскаго, Ярославскаго, Ростовскаго, Полоцкаго, Рязанскаго, Черниговскаго, Болгарскаго и вели лошадей этихъ гербовъ. Церемоніймейстеръ четвертаго отдѣленія фонъ-Дервизъ предшествовалъ знаменамъ и лошадямъ гербовъ: Вятскаго, Пермскаго, Югорскаго, Тверскаго, Корельскаго, Бѣлостокскаго, Самогитскаго, Семигальскаго, Курляндскаго, Лифляндскаго, Эстляндскаго, Финляндскаго, Подольскаго, Волынскаго, Литовскаго, Смоленскаго, Псковскаго, Таврическаго. За церемоніймейстеромъ пятаго отдѣленія Гнѣдичемъ несли знамена и вели лошадей гербовъ Сибирскаго, Польскаго, Астраханскаго, Казанскаго, Новгородскаго, Владимірскаго, Кіевскаго, Московскаго. Судовой Императорскій штандартъ несъ контръ-адмиралъ Дейбнеръ. За черпымъ знаменемъ съ государственнымъ гербомъ, бѣлымъ знаменемъ позолоченнымъ, верховымъ латникомъ и латникомъ черпымъ пѣшимъ, несли печальное знамя изъ черной тафты и вели лошадь этого знамени. Затѣмъ слѣдовалъ церемоніймейстеръ шестаго отдѣленія баронъ Вольфъ и гербы Шлезвигъ-Голштинскій, Таврическій, Сибирскій, Финляндскій, Польскій, Астраханскій, Казанскій, Новгородскій, Владимірскій, Кіевскій, Московскій и Государственный. За церемоніймейстеромъ седьмаго отдѣленія Дупинъ-Барковскимъ слѣдовали представители крестьянства, мѣщанства, купечества, маршалъ отъ Думы Лопгиновъ, составъ Думы съ городскимъ головой, маршалъ отъ земства де-Моръ и составъ губернскаго и уѣздныхъ земствъ, губернскій предводитель, уѣздное депутатское собраніе и дворяне, маршалъ отъ судебныхъ учрежденій Мейеръ съ чинами сихъ учрежденій, маршалъ отъ губернскаго

правленія Соколовъ, петербургскій и другіе губернаторы, вице-губернаторы и чины губернскихъ учрежденій. Въ восьмомъ отдѣленіи церемоніймейстеръ Томахиповъ и маршалъ Богомоловъ предшествовали различнымъ столичнымъ комитетамъ, благотворительнымъ и ученымъ обществамъ. Въ девятомъ отдѣленіи, за церемоніймейстеромъ барономъ Гревенпцемъ и маршаломъ Де-Каррьеромъ шествовали чины учрежденій и воспитанники заведеній Императрицы Маріи. Въ десятомъ отдѣленіи, за церемоніймейстеромъ барономъ Сталь-фонъ-Гольдштейномъ и маршаломъ Арнольдомъ, слѣдовали чины и воспитанники заведеній Министерства Юстиціи; за маршаломъ Столпаковымъ—чины и воспитанники заведеній Министерства Путей Сообщенія; за маршаломъ Лыкошинымъ — чины Государственнаго Контроля. Въ одиннадцатомъ отдѣленіи—церемоніймейстеръ Головинъ, за нимъ маршалъ Рагуза-Сущевскій, чины учрежденій и воспитанники заведеній Министерства Финансовъ, маршалъ Скулкинъ и чины учрежденій и воспитанники заведеній Министерства Земледѣлія, маршалъ Опьтковичъ-Яцына, Академія Наукъ, чины учрежденій Министерства Народнаго Просвѣщенія и воспитанники заведеній сего Министерства, маршалъ Ушаковъ и чины Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и воспитанники заведеній сего Министерства, маршалъ Лисовскій и чины Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, маршалъ Провошинскій и чины Управленія Удѣловъ, маршалъ Струковъ и чины Министерства Императорскаго Двора, Капитула россійскихъ орденовъ, Академія Художествъ и воспитанники учебныхъ заведеній Министерства Двора, маршалъ Бушъ, чины и воспитанники Министерства Морскаго, маршалъ Кудрявцевъ, чины и воспитанники Военнаго Министерства, маршалъ Исаковъ и чины Сената съ оберъ-прокуратурой, и чины Синода, маршалъ князь Голицынъ, чиновники статсъ-секретаріата Финляндскаго, Государственной Канцеляріи, Комитета Министровъ, Собственной Его Величества Канцеляріи и Канцеляріи Прошеній, почетные опекуны, статсъ-секретари, министры и чины Государственнаго Совѣта. За церемоніймейстеромъ двѣнадцатаго отдѣленія, княземъ Прозоровскимъ-Голицынымъ, двумя герольдами, эскадрономъ кавалеръ Его Величества, четырьмя полковниками съ опущенными мечами, слѣдовали иностранные и россійскіе ордена Почившаго, всего семьдесятъ знаковъ и Императорскія Регаліи. Отдѣленіе заключали два церемоніймейстера: Вонлярлярскій и баронъ Корфъ, и оберъ-церемоніймейстеръ князь Долгорукій.

Тринадцатое отдѣленіе открывалъ церемоніймейстеръ баронъ Корфъ, за которымъ слѣдовали пѣвчіе, духовенство въ очень большомъ числѣ, множество архимандритовъ, протоіереевъ и

четыре архіерея, придворное духовенство и духовникъ Ихъ Величествъ протопресвитеръ Янышевъ съ иконой, предшествовавшій печальной колесницѣ. У штанговъ стояли четыре генералъ-адъютанта, а при кистяхъ шесть генералъ-майоровъ и восемь флигель-адъютантовъ; два генералъ-майора поддерживали переднія кисти покрова. По бокамъ колесницы шли шестьдесятъ пажей съ зажженными свѣчами и съ траурными перевязями черезъ плечо. За колесницей съ гробомъ Почившаго слѣдовали Государь Императоръ и Августѣйшія Особы. Шествіе заключали чины Высочайшаго Двора, камергеры и камеръ-юнкеры и войска по церемоніалу.

Во все время шествія во всѣхъ церквахъ былъ похоронный перезвонъ колоколовъ и раздавались пушечные выстрѣлы со стѣнъ Петропавловской крѣпости чрезъ минутные промежутки. Когда послѣдній эшелонъ выступалъ со Знаменской площади, голова процессіи подходила уже къ Сенатской площади, занявъ такимъ образомъ весь Невскій проспектъ.

Въ Петропавловскій соборъ вошли только двѣнадцатое и тринадцатое отдѣленія процессіи и первые чины. У собора гробъ былъ снятъ съ колесницы Государемъ Императоромъ и Августѣйшими Особами и поставленъ на катафалкъ внутри собора. Тотчасъ же была отслужена панихида митрополитомъ и шестью архіереями съ духовенствомъ, въ Высочайшемъ присутствіи. На ней присутствовалъ и дипломатическій корпусъ.

На флагштокѣ крѣпости поднятъ траурный флагъ. Панихиды совершаются въ восемь часовъ. Народъ для поклоненія впускается ночью. У гроба обычное дежурство. У собора почетный караулъ отъ Павловскаго полка, а внутри отъ дворцовыхъ гренадеръ. Соборъ убранъ траурными матеріями, стѣны, косяки оконъ и колонны до половины высоты затянуты чернымъ сукномъ съ гербами областей государства Россійскаго. Катафалкъ обитъ краснымъ сукномъ; къ нему ведутъ семь широкихъ ступеней, тоже обитыхъ краснымъ сукномъ. Надъ катафалкомъ возвышается бѣлая глазетовая, подбитая горностаемъ, сѣнь, заканчивающаяся наверху шапкой Мономаха огромныхъ размѣровъ съ гербами. Полотнища сѣни прикрѣплены къ колоннамъ коронами. У четырехъ колоннъ четыре большія паникадила, у гроба четыре паникадила меньшихъ размѣровъ, и два такія же у аналоя съ образомъ. Отъ сѣни катафалкъ отдѣляется 58 табуретами съ орденами на подушкахъ и двѣнадцатью свѣщниками поставленными въ рядъ. У аналоя съ образомъ десять табуретовъ, на нихъ подушки съ русскими орденами. У изголовья аналой съ Евангеліемъ, государственное

знамя и регаліи. Кромѣ дежурства, у гроба на часахъ пажи, воспитанники военныхъ училищъ, солдаты и офицеры.

Послѣ панихиды, первый облобызалъ руку Почившаго митрополитъ и затѣмъ началъ читать Евангеліе. Чтеніе продолжали архіереи и священники Послѣ митрополита прикладывались Государыня, Государь, Члены Августѣйшей Семьи и всѣ присутствовавшіе. Во время пѣнія *Со святыми упокой* и *вѣчная память* всѣ находившіеся въ соборѣ преклонили колѣна. Настроеніе было торжественное, слышались рыданія. Изъ собора Государь Императоръ вышелъ подъ руку со вдовствующею Государыней и отбылъ чрезъ Александровскій мостъ въ каретѣ съ Государыней Императрицей, принцессой Вельсскою и Высоконареченною Невѣстой.

Процессія прибыла въ соборъ въ 2 часа; панихида кончилась въ 3 часа. Крѣпость убрана, по пути къ собору, траурными драпировками, перекинутыми черезъ проѣзды. Николаевскій мостъ декорированъ гирляндами изъ вѣтвей сосны и ели. Во время процессіи, литіи были отслужены у церкви Знаменія, противъ Аничкова Дворца, у Казанскаго и у Исаакіевскаго соборовъ.

Послѣ литіи у Казанскаго собора Государь вмѣстѣ съ Августѣйшими Особами изволилъ войти въ Казанскій соборъ, гдѣ прикладывался къ Чудотворной иконѣ. Государя встрѣчалъ митрополитъ со крестомъ. Онъ произнесъ краткое привѣтственное слово и благословилъ Государя иконой Казанской Божіей Матери.

Государь имѣетъ пребываніе въ Аничковомъ Дворцѣ.

У гроба.

(*Моск. Вѣд.* № *304.*)

Въ Петербургѣ, во вторникъ, 1 ноября, въ 2 часа дня, въ Петропавловскомъ соборѣ высокопреосвященнымъ Антоніемъ, архіепископомъ Финляндскимъ и Выборгскимъ, въ сослуженіи преосвященныхъ епископовъ: Виссаріона Костромскаго и Галичскаго, Никандра Нарвскаго, была отслужена торжественная панихида. На панихидѣ присутствовали: Его Величество Государь Императоръ, Ихъ Величества Король и Королева Эллиновъ, Его Королевское Высочество Наслѣдный Принцъ Вельсскій, Его Высочество Греческій Королевичъ Георгій, Его Королевское Высочество Великій Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, Его Королевское Высочество Наслѣдный Принцъ

Ольденбургскій Фердинандъ, Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Великая Княгиня Ксенія Александровна съ Августѣйшимъ Супругомъ Александромъ Михайловичемъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ Супругой Великою Княгиней Маріей Павловной, Ихъ Августѣйшія Дѣти: Великіе Князья Кириллъ Владиміровичъ, Борисъ Владиміровичъ, Андрей Владиміровичъ и Великая Княжна Елена Владиміровна, Великіе Князья Алексѣй Александровичъ, Сергѣй Александровичъ съ Супругой Елисаветой Ѳеодоровной, Великій Князь Павелъ Александровичъ, Великая Княгиня Александра Іосифовна, Великій Князь Константинъ Константиновичъ съ Супругой Великою Княгиней Елисаветой Маврикіевной, Великій Князь Дмитрій Константиновичъ и Принцесса Виртембергская Вѣра Константиновна, Великіе Князья Николай Николаевичъ, Михаилъ Николаевичъ, Николай Михайловичъ, Князья Романовскіе Герцоги Лейхтенбергскіе Евгеній Максимиліановичъ, Георгій Максимиліановичъ съ Супругой Княгиней Анастасіей Николаевной, Принцесса Ольденбургская Евгенія Максимиліановна и Ихъ Высочества Принцы Ольденбургскіе Александръ Петровичъ, Петръ Александровичъ и Георгій Петровичъ, Герцоги Мекленбургъ-Стрелицкіе Михаилъ Георгіевичъ и Георгій Георгіевичъ, члены Государственнаго Совѣта, министры, придворные чины и свита.

Подобныя же панихиды въ Высочайшемъ присутствіи происходятъ ежедневно въ 2 ч. дня и 8 ч. вечера

P. S. Въ дополненіе ко вчерашнему отчету отмѣчаемъ:

Для сопровожденія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Александра Третьяго отъ всѣхъ родовъ оружія были командированы въ Севастополь отъ полковъ гвардіи: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полковникъ Кашеринъ и поручикъ Гольдгастъ, отъ лейбъ-гвардіи первой артиллерійской бригады полковникъ Колѣпкинъ и гвардейской конной поручикъ Гилленшмитъ; отъ Конnаго полка ротмистръ Перцовъ и поручикъ Герцогъ Лейхтенбергскій, отъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона полковникъ Николенко и штабсъ-капитанъ Евреиновъ. Офицеры эти во все время слѣдованія траурнаго поѣзда стояли съ обнаженнымъ оружіемъ въ вагонѣ на дежурствѣ у гроба по два человѣка, смѣняясь черезъ каждые два часа. По прибытіи тѣла въ Петербургъ, послѣдніе дежурные вложили шашки въ ножны только тогда, когда гробъ съ драгоцѣнными останками Императора Александра III былъ установленъ на печальную колесницу; всѣ восемь офицеровъ проводили тѣло до Петропавловскаго собора, слѣдуя за гробомъ вмѣстѣ съ Государевою свитой.

Тяжелые дни переживаетъ Петербургъ, пишетъ нашъ корреспондентъ 3 ноября. Въ полномъ траурномъ убранствѣ, столица вся поглощена однимъ интересомъ, одною мыслью—о переживаемомъ печальномъ событіи. Всѣ помыслы устремлены туда, въ крѣпость, въ Петропавловскій соборъ, ко гробу съ дорогимъ, священнымъ прахомъ. Погода гармонируетъ съ общимъ настроеніемъ: она хмурится, и дождь съ сильнымъ западнымъ вѣтромъ не перестаетъ лить цѣлый день. Вчера вода въ Невѣ и каналахъ поднималась на три фута выше ординара, и отъ наводненія мы избавились только тѣмъ, что къ вечеру вѣтеръ стихъ. Сегодня, покамѣстъ, дождя нѣтъ, но попрежнему хмуро и тепло.

День Петербужцевъ теперь распредѣленъ по часамъ, сообразно расписанію доступа въ крѣпость. Всю ночь, съ 10 часовъ вечера и до 4 часовъ утра, передъ гробомъ дефилируетъ простой народъ; доступъ безъ билетовъ Затѣмъ есть особые часы для особъ первыхъ шести классовъ и ихъ семей, особые—для билетныхъ посѣтителей не чиновныхъ; время отъ 8 до 9 вечера предоставлено въ распоряженіе депутацій возлагающихъ вѣнки, а панихиды въ присутствіи Высочайшихъ Особъ служатся въ 2 часа дня и въ 8 часовъ вечера. За часъ до панихидъ доступъ въ соборъ прекращается. Панихиды представляютъ раздирающія душу картины. Рыданія и слезы присутствующихъ смѣшиваются съ печальнымъ пѣніемъ клира; при пѣніи *Со святыми упокой* и *Вѣчной памяти* всѣ повергаются на колѣна, и затѣмъ каждый разъ происходитъ трогательное прощаніе съ тѣломъ.

Депутаціи, возлагающія вѣнки, снабжаются билетами отъ градоначальника, и всѣ депутаты, кромѣ траура, прикалываютъ черно-бѣлые банты къ бортамъ мундировъ или фраковъ. Сегодня возлагался вѣнокъ отъ петербургской печати, о которомъ я вамъ уже телеграфировалъ. Въ возложеніи непосредственное участіе принимали шестьдесятъ человѣкъ—половина депутаціи, а другая половина—тоже шестьдесятъ человѣкъ—допущена будетъ въ соборъ завтра, на поклоненіе праху. Главнымъ дѣятелемъ по хлопотамъ объ этомъ вѣнкѣ былъ редакторъ-издатель *Свѣта* В. В. Комаровъ.

На улицахъ столицы необычайное оживленіе: пѣшеходы цѣлыми толпами двигаются по направленію къ крѣпости и возвращаются оттуда; вереницы экипажей отвозятъ и привозятъ депутатовъ, пріѣзжающихъ на панихиды и дежурныхъ у гроба, которые смѣняются ежечасно. Большія толпы народа собираются противъ Аничкова Дворца, ожидая выѣзда Государя и Высочайшихъ Особъ, и привѣтствуютъ Царя кликами *ура*! Постоянные

пріѣзды иностранныхъ коронованныхъ и Августѣйшихъ Особъ и иностранныхъ депутацій вызываютъ оживленное движеніе между желѣзнодорожными вокзалами и дворцами; вообще оживленіе на улицахъ непрерывное, не прекращающееся и ночью.

Въ городѣ множество иностранныхъ корреспондентовъ, спеціально прибывшихъ по случаю горестнаго для Россіи событія. Они посылаютъ длиннѣйшія телеграммы въ свои изданія и платятъ баснословныя деньги; такъ, за телеграмму *Daily News* (срочную) о траурномъ шествіи и днѣ прибытія тѣла заплачено *шесть* тысячъ рублей. Три тысячи на тотъ же предметъ истратилъ *Daily Grafic* и такъ далѣе; словомъ, телеграммы иностранныхъ корреспондентовъ обошлись въ среднемъ по полторы тысячи за штуку.

Рѣчь Палладія митрополита С.-Петербургскаго.

(*Моск. Вѣд. № 306.*)

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано: Въ день перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Александра III съ Николаевскаго вокзала въ Петропавловскій соборъ, 1 ноября, митрополитомъ С.-Петербургскимъ, высокопреосвященнымъ Палладіемъ, была произнесена при встрѣчѣ Его Величества Государя Императора Николая Александровича въ Казанскомъ соборѣ слѣдующая рѣчь: «Благословенъ грядый во имя Господне! Благословенно буди, Благочестивѣйшій Государь, шествіе Твое и вхожденіе въ сей священный и исторически-знаменательный храмъ Пресвятой Богоматери. Пришествіе Твое въ храмъ сей нынѣ особенно знаменательно. Съ горячею молитвой въ сердцѣ и устахъ притекаешь Ты къ пречистому чудотворному образу Всемощной Небесной Предстательницы и Заступницы усердныя рода христіанскаго, чтобъ излить здѣсь душу Свою и испросить свыше помощь и силы въ начало Царственныхъ путей Твоихъ,—къ прохожденію Всевышнимъ Царемъ Царей возложеннаго на Тебя великаго служенія. Вѣрноподданный народъ Твой, въ настоящіе дни глубокой скорби и печали по неожиданной кончинѣ великой и славной памяти Родителя Твоего, взираетъ на Тебя, какъ на свѣтлую надежду свою, и всею душею съ искреннимъ благожеланіями сливается съ Тобою въ молитвѣ Твоей. Такая молитва, несомнѣнно, будетъ богоугодною жертвою и благодатнымъ источникомъ исполненія всѣхъ желаній сердца Твоего. Препебесное благословеніе благоственное, по молитвенному предстательству Богоматери, да почіетъ надъ Богоданнымъ Благочестивѣйшимъ Царемъ нашимъ,

Царствующимъ Домомъ и всею Державою Россійской. И Августѣйшее Имя Императора Николая Втораго да будетъ благословенно и прославленно въ лѣтописяхъ народныхъ въ роды родовъ!»

Поминальные обѣды.

Какъ сообщаетъ *Правительственный Вѣстникъ*, съ Высочайшаго Его Величества Государя Императора соизволенія, 1 ноября, въ день перенесенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Александра III въ Петропавловскій соборъ во многихъ мѣстностяхъ столицы бѣднымъ жителямъ были предложены особые поминальные обѣды. Наибольшее скопленіе народа замѣчалось въ казармахъ мѣстныхъ войскъ, по Фонтанкѣ, гдѣ было заготовлено свыше 2.000 обѣдовъ, а также въ казармахъ полковъ: Новочеркасскаго, лейбъ-гвардіи Преображенскаго, Гренадерскаго, Финляндскаго, Семеновскаго, Егерскаго, Измайловскаго, Московскаго, Павловскаго и казармахъ 1, 7, 13 и гвардейскаго флотскихъ экипажей. Затѣмъ безплатные обѣды предложены въ 7 столовыхъ общества дешевыхъ столовыхъ, чайныхъ и домовъ трудолюбія въ Петербургѣ, состоящаго подъ предсѣдательствомъ супруги с.-петербургскаго градоначальника Е. Г. фонъ-Валь. Весьма значителенъ былъ наплывъ бѣднаго люда въ столовую общества, устроенную въ зданіи городскаго скотопригоннаго двора, по Обводному каналу. Здѣсь было накормлено свыше 1.300 человѣкъ. Обѣду предшествовала панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III, которую совершалъ причтъ Никольскаго Коневецкаго монастыря. Во всѣхъ столовыхъ, по иниціативѣ предсѣдательницы общества, поставлены бюсты почившаго Императора. Кромѣ того, поминальные обѣды были предложены въ двухъ столовыхъ общества народныхъ столовыхъ—на Фонтанкѣ и по 3й улицѣ Песковъ, въ столовой комитета для разбора и призрѣнія нищихъ, на углу Торговой улицы и Англійскаго проспекта, исключительно для призрѣваемыхъ комитетомъ нищихъ, въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и во многихъ другихъ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, по собственному почину. Поминальные обѣды состояли: изъ щей съ говядиною, фунта хлѣба печенаго, пирога съ рисомъ и клюквеннаго киселя; для питья предлагалось каждому обѣдающему пиво по $^1/_{20}$ ведра и бутылка меда. Общее количество обѣдовъ превысило 25.000. Вторые поминальные обѣды состоятся въ день погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Александра III.

ПОГРЕБЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

(*Моск. Вѣд. № 307.*)

ПЕТЕРБУРГЪ, 7-го ноября. Съ девяти часовъ утра началось усиленное движеніе экипажей изъ города въ крѣпость, къ Петропавловскому собору, гдѣ, среди гробницъ предковъ, уготована свѣжая могила для праха горько оплакиваемаго Россіей Императора Александра III. Насталъ день послѣдняго прощанія съ тѣломъ многолюбимаго Монарха, и въ соборъ на торжественныя похороны спѣшили члены Святѣйшаго Сунода, Государственнаго Совѣта, министры, сенаторы, придворные чины, генералы, придворныя дамы и фрейлины, иностранныя и русскія депутаціи, губернаторы, предводители дворянства, представители городовъ и земствъ, дабы поспѣть до прибытія Высочайшихъ Особъ. Вскорѣ соборъ былъ переполненъ; у входа помѣстились два герольда въ траурныхъ одѣяніяхъ, а справа отъ катафалка размѣстились особы дипломатическаго корпуса со своими дамами.

Въ половинѣ одиннадцатаго прибыли Государь Императоръ, Государыня Императрица, Высоконареченная Невѣста, Великіе Князья и Великія Княгини, Король Датскій, Греческій съ Супругой и Сербскій, Герцогъ и Герцогиня Саксенъ-Кобургъ-Готскіе, Герцогиня Вѣра Константиновна и Герцогъ Альбертъ Виртембергскіе, Великій Герцогъ Гессенъ-Дармштадтскій, Герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій, Князь Николай Черногорскій, Принцъ и Принцесса Вельскіе, принцъ Баварскій, принцъ и принцесса Баденскіе, представители: императора Германскаго — принцъ Генрихъ Прусскій съ принцессой Ирэной, императора Австрійскаго — эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ, Англійской королевы— лордъ Каррингтонъ, королевы Испаніи—герцогъ Альба, королевы Нидерландовъ—графъ Дюмани, короля Сіамскаго—принцъ Свасти, принца Альберта Регента Брауншвейгскаго — баронъ Крозикъ, ландграфа Гессенскаго—гофмаршалъ фонъ-Страль, великаго герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго — гофмаршалъ Фонъ-Стэйберъ, Французской республики—генералъ Буадефръ, адмиралъ Жерве и генералъ Берюэ; наслѣдные принцы: Италіянскій Викторъ Эммануилъ, Люксембургскій, Ольденбургскій, Фердинандъ Румынскій; принцы: Датскій Вальдемаръ, Шведскій Евгеній, Саксонскій Фридрихъ-Августъ, Альтенбургскій Альбертъ, герцогъ Іоркскій, представитель герцога Кумберландскаго — графъ Гроте; чрезвычайные послы: Бельгійскій, Бразильскій, Португальскій, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ,

Турецкій, Китайскій и Японскій; военныя депутаціи: Австрійская, Баварская, Бельгійская, Германскаго флота, Датская и Прусская.

Государю Императору, по прибытіи во храмъ, митрополитъ Палладій поднесъ для цѣлованія Св. Крестъ. Государь Императоръ вошелъ въ церковь подъ руку съ Государыней Императрицей. По прибытіи Высочайшихъ Особъ, тотчасъ же началась литургія, которую служилъ митрополитъ Палладій соборнѣ съ преосвященными Антоніемъ Финляндскимъ, Виссаріономъ Костромскимъ, Никандромъ Нарвскимъ, Николаемъ Гдовскимъ, Маркелломъ и Германомъ и протопресвитеромъ Янышевымъ, со множествомъ архимандритовъ, протоіереевъ, въ томъ числѣ отца Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго) и іереевъ, при стройномъ пѣніи придворнаго хора. Въ соборѣ находилось до трехъ тысячъ молящихся.

Весь соборъ попрежнему въ траурныхъ драпировкахъ; кромѣ того, вѣнками убраны и украшены до верху центральныя колонны стѣны, вѣнки на окнахъ, на саркофагахъ царскихъ могилъ и вокругъ катафалка, московскіе вѣнки прибитые на двухъ первыхъ отъ входа колоннахъ, вѣнокъ *Московскихъ Вѣдомостей* на колоннѣ слѣва отъ катафалка. Сзади Императорской Фамиліи—члены Государственнаго Совѣта, справа—дипломатическій корпусъ, слѣва—иностранныя военныя депутаціи, а позади ихъ, у могилы Великаго Князя Николая Николаевича,—представители иностранной и русской печати. Снаружи собора и на крѣпостныхъ верхахъ разставлены войска. Въ соборѣ присутствуютъ католическіе кардиналы и епископъ, англиканскій и лютеранскій священники. Послѣднее дежурство вступаетъ на катафалкъ послѣ литургіи, предъ отпѣваніемъ: въ составѣ его министръ Ванновскій и офицеры и солдаты полковъ имени почившаго Государя. Могила уготована рядомъ съ могилой Августѣйшей Матери Почившаго, Императрицы Маріи Александровны; въ головахъ—могила Цесаревича Николая. Къ вѣнкамъ, переполняющимъ храмъ, присоединяется предъ обѣдней громадный прекрасный вѣнокъ отъ Войска Донскаго.

По окончаніи литургіи, духовенство вышло предъ катафалкъ и началось отпѣваніе, которое продолжалось до 12 часовъ 50 минутъ. Затѣмъ протопресвитеръ Янышевъ прочелъ разрѣшительную молитву, и началось трогательное, раздирающее душу, послѣднее прощаніе съ Усопшимъ. Первою долго прощалась Государыня Императрица, которую поддерживали Государь Императоръ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Затѣмъ прощались Государь Императоръ, а за Нимъ остальныя русскія и иностранныя Августѣйшія Особы. Послѣ сего послѣднею вновь

прощалась Императрица. Затѣмъ генералы сняли покровъ и отнесли въ алтарь. Государь, съ помощію Великихъ Князей, уложилъ въ гробъ порфиру, генералы принесли крышку, которою и накрыли гробъ. Когда привинчивали крышку, большинство молящихся не могло удержаться отъ слезъ; съ верковъ раздались траурные пушечные салюты.

Гробъ подняли Государь Императоръ—у изголовья,—русскія и иностранныя Августѣйшія Особы и отнесли къ могилѣ, гдѣ была отслужена литія. При пѣніи *Вѣчной памяти* и громѣ пушечной пальбы, гробъ былъ опущенъ дворцовыми гренадерами въ могилу, убранную внутри живыми цвѣтами, и рабочіе тотчасъ же начали задѣлывать сводъ. Серебряное блюдо съ землей подано было Высочайшимъ Особамъ, и первою бросила на гробъ землю Государыня Императрица, за Нею Государь Императоръ и прочія Августѣйшія Особы. Послѣ чего Они начали отбывать изъ церкви.

Государь Императоръ отбылъ въ открытой коляскѣ съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, Государыня съ Королемъ Датскимъ и Великою Княжной Ольгой Александровной, Высокопареченная Невѣста съ Великою Княгиней Елисаветой Ѳеодоровной. При появленіи Государя, почетный караулъ лейбъ-гусаръ взялъ на-караулъ. Государь поздоровался съ солдатами и, при звукахъ «Боже, Царя храни» и кликахъ «ура», прослѣдовалъ въ Аничковъ Дворецъ. На всемъ пути до Дворца стояли густыя толпы народа, восторженно привѣтствовавшія Царя.

У могилы, до ея окончательнаго задѣланія, оставалось послѣднее дежурство и присутствовалъ министръ Императорскаго Двора, которому былъ переданъ ключъ отъ склепа. Затѣмъ тотчасъ же отслужена у могилы панихида. Надъ склепомъ поставленъ временный саркофагъ изъ бѣлаго глазета. На крѣпости поднятъ обычный штандартъ.

Одновременно съ опущеніемъ гроба въ могилу Императорскія Регаліи въ предшествіи кавалергардовъ, оберъ-церемоніймейстера, церемоніймейстеровъ, камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, торжественно перевезены въ Георгіевскій залъ Зимняго Дворца, гдѣ охранялись дворцовыми гренадерами; оттуда Императорская корона, скипетръ, держава и государственное знамя перенесены въ Брилліантовую комнату, а остальныя регаліи торжественно перевезены на Николаевскій вокзалъ, откуда въ 8 часовъ отошелъ экстренный поѣздъ съ ними, имѣющій прибыть въ Москву въ 10 часовъ утра. Повезли регаліи генералъ фонъ-Гершельманъ и чиновникъ Министерства Двора Лефлеръ.

Государь Александръ III во гробѣ.

ПЕТЕРБУРГЪ, 2-го ноября. Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* въ концѣ статьи о перенесеніи тѣла Императора Александра III напечатано: Печать смерти лежитъ на чертахъ лица Усопшаго, но онѣ спокойны и свѣтлы. Знакомыя черты эти сохранились вполнѣ, и человѣкъ пришедшій ко гробу и съ молитвою наклоняющійся надъ нимъ для послѣдняго цѣлованія не можетъ отогнать мысли о томъ, насколько еще молодъ былъ Царь, насколько милостиво было выраженіе Его лица, такъ безвременно и безжалостно охлажденнаго смертью. Но черты эти глубоко спокойны и какъ бы говорятъ пришедшему поклониться гробу слова молитвы: *Да будетъ воля Твоя.*

Вѣнки на гробъ Императора Александра III.

(*Моск. Вѣд. № 319*).

До 17 ноября всѣхъ вѣнковъ на гробъ въ Возѣ почившаго Императора Александра III, по записи, веденной для нихъ въ Петропавловскомъ соборѣ, возложено было въ Ливадіи, Москвѣ, попутныхъ городахъ и Петербургѣ всего 657. Въ этомъ числѣ было серебряныхъ вѣнковъ—448, золотыхъ—2, металлическихъ—8, искусственныхъ (изъ бисера, шелка, бархата, искусственныхъ цвѣтовъ, раковинъ)—62, фарфоровыхъ—33, деревянныхъ—2, цвѣточныхъ—75 и щитовъ съ изображеніями—7. Кромѣ того, иконъ на гробъ и могилу возложено 10 и у могилы водружена хоругвь отъ художниковъ.

Въ числѣ вѣнковъ 82 были доставлены изъ Франціи. Изъ нихъ особенно изященъ вѣнокъ отъ президента республики—на черномъ бархатномъ щитѣ украшенномъ русскими и французскими знаменами двѣ серебряныя дубовыя вѣтви и сплетенная съ ними внизу золотая оливковая вѣтвь. Затѣмъ очень красивъ серебряный вѣнокъ отъ французской печати съ задрапированною вуалемъ женскою фигурой, золотая оливковая вѣтвь на щитѣ отъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, бисерный вѣнокъ города Парижа и чудный шелковый вѣнокъ отъ города Ліона.

Деревянные вѣнки прекрасной художественной работы доставлены: одинъ—первымъ дамскимъ художественнымъ кружкомъ, а другой—однимъ женскимъ монастыремъ. Чудной работы вѣнокъ изъ раковинъ доставленъ тоже женскимъ мона-

стыремъ. Всѣ цвѣты этого вѣнка исполнены изъ мельчайшихъ разноцвѣтныхъ раковинъ. Это—драгоцѣнная мозаичная работа.

Изъ серебряныхъ вѣнковъ очень красивъ вѣнокъ отъ петербургской печати. Затѣмъ остальные болѣе или менѣе похожи одинъ на другой и отличаются только по размѣрамъ. Въ большей части изъ нихъ дубъ сплетенъ съ оливой, посрединѣ инициалъ имени почившаго Императора, а на серебряной лентѣ соотвѣтствующая надпись. Среди надписей чаще всего встрѣчаются слова «Царю-Миротворцу.»

Покамѣсть всѣ вѣнки еще украшаютъ колонны и стѣны Петропавловскаго собора; затѣмъ для нихъ предполагается отвести особое помѣщеніе. Было предположено собрать ихъ въ одной изъ комнатъ Таврическаго Дворца, но осуществится ли это предположеніе—неизвѣстно.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

данный на имя министра Внутреннихъ Дѣлъ, статсъ-секретаря Дурново.

Иванъ Николаевичъ,—

Со дня праведной кончины въ Бозѣ почившаго Императора Александра III, Великаго Миротворца, Я и Моя возлюбленная Матушка безпрерывно получаемъ со всѣхъ концовъ Имперіи заявленія самаго трогательнаго и единодушнаго соболѣзнованія къ постигшей Насъ и всю Россію невознаградимой утратѣ.

Желая выразить Нашу сердечную признательность: дворянству, земству, городскому общественному управленію и другимъ мѣстнымъ учрежденіямъ, Я возлагаю это на генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и градоначальниковъ, какъ областныхъ Нашихъ представителей.

Въ знакахъ общаго горя, въ искреннихъ пожеланіяхъ счастливаго Царствованія и въ изъявленіи безпредѣльной преданности Престолу, Мы почерпаемъ силы къ перенесенію безвременной утраты и къ служенію Нашему горячо любимому Отечеству.

Пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«*НИКОЛАЙ.*»

С.-Петербургъ.
3 ноября 1894 года.

ОТКЛИКИ ПЕЧАТИ.

Нѣтъ надобности напоминать, что̀ пережила Россія за время болѣзни и кончины Государя Александра III. Читатели, живутъ ли они въ столицѣ или глухой деревушкѣ, сами знаютъ это. Но *Моск. Вѣд.* сочли долгомъ, особенно сначала, отмѣчать отраженіе горя всенароднаго въ отечественной печати. Эти ея «отклики» мы и передаемъ на нижеслѣдующихъ страницахъ. За первое время нашъ отчетъ очень полонъ. Но по мѣрѣ того, какъ вниманіе органовъ печати все болѣе поглощалось мыслію о Государѣ, становилось физически невозможнымъ передавать ея отклики иначе какъ въ видѣ отдѣльныхъ *обращиковъ*. Это необходимо имѣть въ виду при чтеніи далѣе слѣдующихъ страницъ. Должно еще замѣтить, что нѣкоторыя статьи печати, нами отмѣченныя въ газетѣ, въ настоящемъ сборникѣ выдѣлены въ другой отдѣлъ —«Воспоминаній и характеристикъ», какъ и многія наши собственныя статьи *).

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 275.)

«Это—тревожная вѣсть, писали мы уже 7 октября, но и въ тяжелой борьбѣ Августѣйшаго Больнаго противъ мучительнаго недуга насъ не оставляетъ надежда на милосердіе Божіе, которое можетъ возстановить драгоцѣнныя для Россіи силы. Сегодня въ Чудовомъ монастырѣ Москва возносила горячую молитву къ Царю Царствующихъ за своего Царя, за Ангела

*) Все время въ *Моск. Вѣд.* былъ особый отдѣлъ „Молитва за Царя“, но теперь мы его *не перепечатываемъ*, ибо хотя онъ занялъ бы нѣсколько печатныхъ листовъ, однако все-таки отмѣчаетъ лишь небольшую долю всенародной, повсемѣстной молитвы, которою была охвачена Россія.

Хранителя ниспосланнаго Россіи. Завтра назначено всенародное молебствіе въ Успенскомъ соборѣ.

«Да услышитъ Господь единодушную молитву Русскаго народа.»

Но извѣстія все ухудшались.

«Легко понять въ какой тревогѣ, въ какой борьбѣ сомнѣній съ надеждами провела первопрестольная столица минувшій день, писали мы въ № 276 *Моск. Вѣд.* Молебствія совершались во всѣхъ церквахъ, во всѣхъ учрежденіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, народъ стекался въ церкви и горячо, со слезами молилъ Бога о ниспосланіи Своей милости на Россію и ея Царя.»

Однако, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ выписокъ, всѣмъ уже суждено было испытывать больше безпокойства нежели надеждъ.

Молитва за Царя.

(*Моск. Вѣд.* № 276.)

Подъ такимъ заглавіемъ только что вышла брошюра г. Платонова, составленная вообще очень дѣльно и заслуживающая собеннаго вниманія въ настоящія минуты. Авторъ говоритъ:

«Молитва за Царя составляетъ одну изъ важнѣйшихъ нашихъ обязанностей. Но эта обязанность не рѣдко оставляется нами безъ надлежащаго исполненія. Жизнь Русскаго народа течетъ подъ замѣтнымъ вліяніемъ Западной Европы, откуда къ намъ во множествѣ заносятся вредныя сѣмена безбожія, безнравственности и противогосударственныхъ ученій; а люди, возрастившіе въ себѣ эти сѣмена, склонны ли молиться за своихъ ближнихъ вообще и за Царя въ частности?»

Обрисовавъ историческое развитіе молитвы за Царя въ христіанскомъ мірѣ, авторъ подробно объясняетъ смыслъ этой молитвы. Ограничиваемся немногими выдержками:

«Кромѣ общаго съ молитвами за другихъ людей основанія, молитва за Царя имѣетъ и другія, ей собственно принадлежащія, основанія. Чтобы видѣть ихъ, посмотримъ что̀ такое представляетъ для насъ и для нашей жизни Государь.

«Собирателями нашей земли были собственно или главнымъ образомъ наши Государи. Русскій Государь не безъ основанія иными сравнивается съ солнцемъ, къ которому тяготѣетъ земля, свѣтъ котораго служитъ источникомъ и символомъ всего прекраснаго, здороваго, жизненнаго и которое поэтому такъ любятъ

люди: скрылось солнце и вотъ земля покрывается непріятнымъ для нихъ мракомъ и темнотою. Нашими Государями, при посредствѣ русскаго оружія, въ Царствѣ Польскомъ освобождены многіе милліоны простыхъ людей, гордыми папами забитыхъ и униженныхъ до состоянія холоповъ; на Кавказѣ и въ Средней Азіи уничтожены постоянные грабежи, хищничества, разбои и рабство. Исторія титула нашихъ Государей есть исторія ихъ собирательной дѣятельности. Есть высшая польза во множествѣ народовъ, входящихъ въ составъ нашего государства. Въ лицѣ этихъ народовъ Промыслъ, очевидно, даетъ намъ поприще для обнаруженія нашей святой вѣры, ревности по этой вѣрѣ.

«Не однимъ настоящимъ составомъ своего государства и тѣми великими благами, какія непосредственно зависятъ отъ этого состава, обязаны мы Государямъ. Посмотримъ еще на состояніе нашего отечества. Мы увидимъ, что оно движется впередъ по пути благоустроенія. Наши законы все болѣе и болѣе усовершаются и направляются къ большему и большему благу отечества. А самое главное, это то, что наше государство наслаждается примѣрнымъ миромъ и спокойствіемъ и потому нѣтъ земли болѣе счастливой, чѣмъ наша; ибо вокругъ насъ вездѣ происходитъ великое смятеніе людей, страшная борьба сословій, партій и отдѣльныхъ личностей, угрожающая сосѣднимъ государствамъ роковыми послѣдствіями, не дающая имъ вполнѣ насладиться плодами развитія наукъ и искусствъ, и даже прямо обращающая изобрѣтенія человѣческаго ума на погибель людей. Но кто виновникъ нашего мира и благополучія? Именно нашъ Государь.

«Итакъ, если Русская земля есть нива, процвѣтающая и дающая добрые плоды, то это потому, что она освѣщается и согрѣвается солнцемъ непосредственнаго царскаго наблюденія и царской любви; и пока будетъ свѣтить наше солнце, нашу ниву не будутъ волновать большія бури и грозы, которыя разражаются только тогда, когда солнце заволакивается тучами и скрывается отъ взоровъ человѣка. Бываютъ еще времена немирныя, времена бранныя, и тогда опять Государь является нашимъ вождемъ, защитникомъ, отцомъ. Да и весьма многіе другіе народы пользовались и пользуются благодѣяніями нашихъ Царей. Но если мы счастливы царскими о насъ заботами, то для самого Государя его положеніе и служеніе составляетъ источникъ многихъ и великихъ тревогъ, скорбей и печалей. Сколько заботъ, терзаній, мукъ несказанныхъ, понятныхъ не иному кому, а именно только самимъ царямъ, мукъ сокрытыхъ отъ сторонніихъ глазъ, вѣдомыхъ единому Сердцевѣдцу, вынесли они — сами Цари наши, въ поддержаніе престола и Царства? Сколько

вольныхъ и невольныхъ жертвъ принесено ими самими? Сколько въ жизни каждаго изъ нихъ было моментовъ, когда даже самая жизнь ихъ висѣла на волоскѣ? Сколько отсюда неизвѣданныхъ другими, выносимыхъ царями смертныхъ опасностей, сколько страховъ, сколько безсонныхъ ночей подъ дамокловымъ мечомъ, сколько мучительнѣйшихъ минутъ, дней и даже годовъ жизни хуже смерти? Сколько и смертей рановременныхъ отъ этихъ печеловѣческихъ мукъ, печалей, тревогъ? Всѣ эти благодѣянія, подвиги и заботы царскіе настолько велики, что мы со своей стороны ничѣмъ не можемъ достойно отплатить за нихъ Государю, какъ только молитвою, и было бы ни съ чѣмъ несообразно, еслибы мы, зная Его заботы и скорби, не молились за Него. Далѣе, если подвиги Государя для насъ такъ благодѣтельны, то сознаніе ихъ благодѣтельности и естественно вытекающее отсюда желаніе испытывать на себѣ ихъ благодѣтельную силу и на будущее время, также даютъ побужденіе обращаться къ Богу съ молитвою за Государя. Итакъ, да продлитъ Господь Его дорогую жизнь до послѣднихъ предѣловъ жизни человѣческой и да сохранитъ Его въ силѣ, мудрости и правдѣ!»

* * *

(*Моск. Вѣд.* № *278.*)

«Всякій русскій человѣкъ пойметъ съ какимъ жгучимъ нетерпѣніемъ ожидаются и съ какимъ глубокимъ чувствомъ прочитываются бюллетени о состояніи драгоцѣннаго для Россіи здоровья Государя Императора. Поэтому нельзя не привѣтствовать мѣры принятой администраціей, распорядившеюся расклеивать по городу бюллетени, тотчасъ же по ихъ полученіи. Такимъ образомъ немедленно, вслѣдъ за полученіемъ вѣстей, населеніе будетъ знакомиться съ ними и прекратится та мучительная неизвѣстность, которою оно томилось въ послѣдніе дни. Остается желать только одного, чтобы бюллетени приходили какъ можно чаще: сыновняя преданность жаждетъ вѣстей о здравіи Отца своего народа. Эта сыновняя связь народа со своимъ Царемъ, связь любви и благости, какъ нельзя яснѣе выражается именно теперь. Съ рыданіями, со слезами, Россія молится о Государѣ, какъ объ Отцѣ, Который Своею мощною рукой храпитъ ее отъ бѣдъ и руководитъ въ счастьѣ и невзгодѣ. Народная слеза—искренна, народная молитва—доходчива, и мы уповаемъ на милость Всеблагаго Провидѣнія.

Съ Россіей вмѣстѣ единомыслятъ и остальные народы. Ниже мы приводимъ отзывы иностранной печати о печальныхъ дняхъ переживаемыхъ Россіей. Трогательно и для сердца Русскаго

радостно видѣть съ какимъ единодушнымъ, глубокимъ почтеніемъ относятся всѣ народы къ Русскому Царю-Миротворцу. О Франціи и говорить нечего, тамъ любовь народная къ Нему выразилась почти съ такою же силой какъ и въ Россіи. Во всѣхъ храмахъ служатся молебствія, всѣ газеты наполнены выраженіями самаго искренняго, самаго глубокаго сочувствія.

Вслѣдъ за Франціей идутъ и остальные народы Западной Европы. Въ Германіи и Англіи, въ Италіи и Турціи печать въ одинъ голосъ выражаетъ живѣйшія пожеланія о возстановленіи силъ и здоровья Нашего многолюбимаго Монарха, который Своимъ миролюбіемъ, Своею твердостью и стойкостью является Руководителемъ Европы и мощною рукой держитъ вѣсы европейскаго мира.

Стóитъ только вспомнить ту небывалую мирную манифестацію, съ участіемъ флотовъ всѣхъ великихъ державъ, которая, по словамъ иностранныхъ газетъ, готовилась для пріема Русскаго Царя въ греческихъ водахъ, стóитъ только перечислить тотъ сонмъ коронованныхъ и Августѣйшихъ Особъ, которыя готовились Его привѣтствовать, чтобы сказать, что такой славы, какую заслужилъ Русскій Царь-Миротворецъ, не удостоивался еще ни единый Монархъ, какія бы онъ войны ни велъ и сколько бы народовъ ни покорилъ.

Ибо здѣсь—народы покорены любовью, а любовь—сильнѣе вражды.

* * *

(*Моск. Вѣд.*, № 278.)

Князь Мещерскій описываетъ въ *Гражданинѣ* (№ 277), какое горячее чувство охватываетъ православный Петербургъ собирающійся для молитвы о драгоцѣнномъ здравіи Государя:

«Да, въ такія-то именно минуты тяжкой народной тоски и глубокой сердечной скорби, съ благодарностью къ Богу чувствуешь утѣшеніе въ сознаніи себя сыномъ Русскаго народа.

«Громадный соборъ былъ переполненъ молящимися. Спѣшили туда *всѣ*, отъ мала до велика; два таинства ощутительно для души совершились въ то же время: пріостановилась, такъ-сказать, за дверью храма обычная суетливая жизнь, и царила безраздѣльно одна мысль, созвавшая всѣхъ во храмъ, и въ то же время всѣ становились равными, братьями, дѣтьми одного Отца; скорбь, надежда, вѣра и нужда въ Томъ, объ исцѣленіи Коего всѣ пришли молиться, все это слилось въ одно чувство и это одно чувство всѣхъ дѣлало чудотворно одною семьей...

«Какое чудное, торжественное безмолвіе въ этомъ храмѣ. безмолвіе, при которомъ громко звучало каждое слово молитвы, направо, налѣво украдкой текли нѣмыя дѣтскія слезы, преклонялись колѣна, и какъ горячо всѣ молились...

«Невольно въ эти минуты этотъ переполненный молящимися храмъ казался образомъ всегда нашего великаго края, всей нашей многомилліонной и многострадавшей семьи, невидимо сквозь необъятныя пространства переносящей свою одну молитву надъ изголовьемъ Царя-Страдальца и соединяющей ее съ молитвами Супруги Его, Сына Его, Дѣтей Его; и чѣмъ сильнѣе скорбь о Немъ, тѣмъ сильнѣе проникаетъ въ душу утѣшающая и подкрѣпляющая мысль, что мы, Русскіе, одни на земномъ шарѣ въ смыслѣ государства-семьи, гдѣ все общее: испытанія и отрада, горе и радость, чувства и мысли... и гдѣ, благодаря такому великому историческому таинству, — ничто не можетъ эту семью разъединить или ослабить испугомъ, безнадежнымъ уныніемъ и невѣрующимъ отчаяніемъ»...

Тѣ же ощущенія свидѣтельствуетъ московская печать. *Московскія Церковныя Вѣдомости* (№ 41) говорятъ:

«Дрогнуло «сердце Россіи», когда 6 октября пришли тревожныя извѣстія о состояніи драгоцѣннаго здравія Благочестивѣйшаго Государя Императора, — и понеслась усердная молитва къ Господу объ исцѣленіи и спасеніи Болящаго. Тотчасъ же по полученіи этихъ извѣстій въ четвергъ совершено было молебное пѣніе съ колѣнопреклоненіемъ о здравіи Его Величества въ присутствіи всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ столицы. представителей сословій и массы народа. А вчера совершалъ о здравіи Государя Божественную литургію и по окончаніи оной молебенъ высокопреосвященный Сергій, митрополитъ Московскій. Такое же молебствіе, по распоряженію его высокопреосвященства, совершено было вчера и во всѣхъ соборныхъ, монастырскихъ. приходскихъ и домовыхъ храмахъ столицы. Вся Москва стала на молитву, какъ одинъ человѣкъ.

«Да услышитъ Господь моленіе народа!»

Тѣ же чувства нашли отраженіе въ *Новостяхъ Дня* (№ 288). *Русскій Листокъ* (№ 281) также замѣчаетъ:

«Всѣ интересы Москвичей отдалились на задній планъ, уступая мѣсто напряженному, жгучему вниманію, съ какимъ первопрестольная столица ждетъ извѣстій о состояніи здоровья Царственнаго Больнаго изъ Ливадіи.

«И снова встревоженные Москвичи спѣшили вознести пламенныя, колѣнопреклоненныя молитвы къ Царю Царей и Цѣлителю всѣхъ недуговъ о спасеніи и сохраненіи для блага Русскаго народа драгоцѣнной жизни Державнаго Больнаго.»

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 279.)

Виленскій Вѣстникъ описываетъ впечатлѣнія Вильны при полученіи вѣсти о болѣзни Государя:

«Офиціальная телеграмма, помѣщенная во вчерашнемъ нумерѣ *Виленскаго Вѣстника*, облетѣла съ быстротой молніи весь городъ, и всѣ жители его отъ мала до велика были опечалены болѣзнью возлюбленнаго Монарха нашего Александра III, Который, не зная ни минуты покоя, думаетъ единственно о благѣ Россіи и своихъ вѣрноподданныхъ и не щадитъ ни своего дорогаго здоровья, ни душевнаго покоя въ заботахъ о своей странѣ; главная мысль нашего Царя всегда о томъ, — была бы счастлива Россія. Эта отеческая любовь Царя встрѣчаетъ и искреннюю сыновнюю преданность дѣтей Его — Россіянъ».

Далѣе газета говоритъ:

«Сильное чувство требуетъ соотвѣтствующихъ выраженій, а у русскаго человѣка самое естественное живое выраженіе чувствъ—молитва. Истинность этой мысли какъ нельзя болѣе проявилась 7 октября. Едва стало извѣстно, что въ 3 часа въ каѳедральномъ соборѣ будетъ молебенъ о здравіи Государя Императора, какъ со всѣхъ сторонъ повалилъ народъ. Несмотря на неожиданность молебна, въ 3 часа нельзя было войти въ соборъ отъ множества народа, который стоялъ и возлѣ храма.

«Преосвященный Іеронимъ, епископъ Литовскій и Виленскій, предъ началомъ молебна сказалъ краткое, теплое слово, въ которомъ, указывая на неурочное собраніе для молитвы и упоминая о томъ, что врачи земные дѣлаютъ свое дѣло, пригласилъ всѣхъ къ молитвѣ Врачу Небесному, и всѣ соединились въ общей теплой молитвѣ.

«Въ концѣ молебна была прочитана съ колѣнопреклоненіемъ молитва объ исцѣленіи Царя отъ болѣзни. Послѣ торжественнаго многолѣтія Благочестивѣйшему Государю нашему Императору, всѣ вышли съ облегченнымъ молитвой сердцемъ, надѣясь что Господь услышитъ молитву и исцѣлитъ возлюбленнаго Монарха нашего отъ одержащаго Его недуга»...

Мы съ глубокимъ интересомъ слѣдимъ за отзывами отечественной печати о повергнувшей всю Россію въ печаль болѣзни Государя и выдержки изъ нихъ будемъ постоянно воспроизводить на своихъ столбцахъ.

* * *

(*Моск. Вѣд. № 280.*)

Какъ мрачная туча, внезапно надвигающаяся среди яснаго безоблачнаго неба, доходятъ до Русскаго народа вѣсти изъ Ливадіи, къ которой обращены всѣ взоры и всѣ помыслы. Нѣтъ сердца, не потрясеннаго до глубины этими скорбными вѣстями; нѣтъ устъ, не слагающихъ теплой молитвы ко Всевышнему: да облегчитъ Онъ страданія Вѣнценосца, да исцѣлитъ Его тяжкій недугъ, да продлитъ дни Его на радость и счастіе Царственной Семьи и горячо, безпредѣльно любящихъ Его подданныхъ.

Томительные горестные дни наступили для Русскаго народа. Верховный Вождь его прикованъ къ одру болѣзни и страданій, а вмѣстѣ съ нимъ духовно болѣетъ и страдаетъ Царственная Семья и весь Русскій народъ.

Да пошлетъ же Господь Всемилостивѣйшему Государю нашему силу и твердость перенести испытаніе, постигшее Его и всю Россію, съ упованіемъ на безконечное милосердіе Всевышняго!

* * *

(*Моск. Вѣд. № 280.*)

Изъ Харькова *Южный Край* (№ 4.725) сообщаетъ о настроеніи совершенно подобномъ тому, которое охватило Москву и Петербургъ. Редакціонная статья, написанная въ ожиданіи извѣстій, полна нервною дрожью тревоги:

«Третій часъ ночи... Тишина почти полная, не только въ комнатѣ, но даже и на шумной Николаевской площади... Слышны удары комнатныхъ часовъ и время отъ времени трескъ отъ проѣзжающаго экипажа... Усиленно бьется сердце пишущаго эти строки. Нервы напряжены до невозможности, а телеграммы, ожидаемой съ болѣзненнымъ нетерпѣніемъ, все еще нѣтъ... Для людей, которымъ приходится нервно работать и ночью, состояніе это вполнѣ понятно. Каждую минуту ожидаешь звонка телеграфиста, а звонокъ не раздается... Горячо и искренно молятся въ послѣдніе дни Русскіе люди за своего Государя. Всѣ темы разговоровъ кромѣ одной—о здоровьѣ державнаго Вождя Русскаго народа—кажутся мало интересными и липшими.

«Днемъ не было телеграммы, нѣтъ ея и до сихъ поръ, а между тѣмъ *она должна быть*... Безпрестанные звонки по телефону съ однимъ и тѣмъ же естественнымъ вопросомъ, не получена ли телеграмма, отрывая отъ работы и думъ, еще болѣе подливаютъ масла въ огонь и усиливаютъ нервное состояніе.

«Работа кончена, можно бы было ложиться и спать, но лечь въ постель при такихъ условіяхъ это значитъ—измучить себя еще болѣе... Подождемъ. Вѣдь, *телеграмма же должна быть*!!...»

Не станемъ приводить жалобъ на позднее полученіе извѣстій. Онѣ если и не совсѣмъ справедливы, то выражаютъ понятную тревогу русскаго сердца... Въ томъ же № газеты (*Южн. Край* № 4.725) это чувство любви, благодарности и тревоги вылилось въ стихотвореніи г. Василія Иванова. Приводимъ его цѣликомъ:

„Сердце Царя въ рукѣ Божіей“.

Пойдемъ молиться за Царя!
Пойдемъ, забывъ свои волненья,
Горячей вѣрою горя,
Молить Творца объ исцѣленьѣ.
Тамъ, гдѣ цвѣтетъ роскошный югъ,
Гдѣ волны шепчутся морскія,
Тамъ мучитъ тягостный недугъ
Царя любимаго Россіи...
Туда теперь обращены
Всѣ наши чувства, помышленья,
Со всѣхъ концовъ родной страны
Несутся жаркія моленья...
Русь со слезами къ Богу силъ
Съ мольбою простираетъ руки,
Чтобъ Онъ, Всесильный, облегчилъ
Страдальцу Царственному муки!
Съ небесъ, о Господи, внемли
Слезамъ народныхъ тѣхъ молепій
И намъ Отца родной земли
Спаси отъ тягостныхъ мученій!
Спаси Царя! Онъ дорогъ намъ,
Онъ сдѣлалъ родину счастливой,
Онъ миръ хранитъ на страхъ врагамъ
Нашъ кроткій Царь миролюбивый...
Онъ Русь отъ ужасовъ войны
Своею кротостью избавилъ
И славу Онъ родной страны
Предъ міромъ высоко поставилъ.
Храни Царя, о Боже силъ,
Храни, какъ Онъ нашъ край родимый
Отъ всякихъ золъ и бѣдъ хранилъ
Своей рукой непобѣдимой!
Храни Его, какъ въ страшный часъ,
Когда разрушено все было,
И Ты Помазанника спасъ
Своею чудотворной силой!
Во Имя вѣры и любви
Народа нашего роднаго,
Вновь, Боже, милость намъ яви,
И исцѣли Царя больнаго!

Въ Саратовѣ *Саратовскій Листокъ* (№ 215), извѣщая во внутреннемъ отдѣлѣ о молитвахъ населенія за Государя, оговаривается, приступая къ политической хроникѣ:

«Серіозная болѣзнь Его Величества Россійскаго Императора должна на время отодвинуть на второй планъ текущія событія политической жизни. Въ Европѣ и повсюду понимаютъ и цѣнятъ ту высокую миссію «Миротворца», которую нашъ Государь несетъ со времени Своего вступленія на престолъ, и потому всѣ, кому дороги интересы и блага мира, не могутъ не сочувствовать нашей народной печали и не желать, вмѣстѣ со всѣми русскими подданными, скорѣйшаго выздоровленія Государя.»

Въ Петербургѣ *Сынъ Отечества* (№ 275), выражая свои привѣтствія Высокопареченной Невѣстѣ Государя Наслѣдника, говоритъ:

«Принцесса Алиса дополняетъ теперь свое знакомство съ Россіей въ такой моментъ, который лучше многаго другаго можетъ выяснить ей основы той нераздѣльной связи, которая существуетъ между Русскимъ Царемъ и Русскимъ народомъ. Въ общей скорби, вызванной болѣзнью Государя, въ безпрестанныхъ молитвахъ объ Его исцѣленіи, Она найдетъ свидѣтельство о безграничной любви Русскихъ людей къ своему Монарху, а въ Царской Семьѣ, однимъ изъ главныхъ членовъ которой Ей выпадаетъ счастливая доля сдѣлаться, Она найдетъ наиболѣе ярко, благодаря особеннымъ печальнымъ обстоятельствамъ, выраженный примѣръ любви семейной.

«Горячо привѣтствуетъ прибытіе Ея Высочества Русскій народъ. Дай Богъ, чтобы Принцесса Алиса, это «Красное Солнышко», какъ Ее называютъ Ея родные, принесла съ собою радость въ Царскую Семью и чтобы съ вѣстями объ Ея прибытіи совпали и отрадныя вѣсти объ улучшеніи здоровья Государя Императора.»

То же доносится изъ далекой Астрахани. *Астрах. Вѣстн.* (№ 1.568) пишетъ:

«Первая вѣсть о болѣзни нашего обожаемаго Монарха, облетѣвшая весь міръ, повсюду вызвала чувства глубокой скорби и понятное участіе къ горю Семьи Государя—всего Русскаго народа. Этотъ послѣдній, пользовавшійся въ теченіе слишкомъ 13-ти лѣтъ полнымъ покоемъ благодаря миролюбію Монарха, зорко слѣдитъ за ходомъ болѣзни Державнаго Отца, и не одинъ милліонъ горячихъ молитвъ вознесенъ ко Всевышнему о ниспосланіи Вѣнценосному Больному исцѣленія отъ злаго недуга.

«Однако, какъ свидѣтельствуетъ помѣщаемая сегодня телеграмма *Съвернаго Агентства*, болѣзнь упорствуетъ! И это послѣднее извѣстіе, несомнѣнно, вызоветъ еще большій взрывъ сочувствія къ общему міровому горю, призоветъ всѣхъ и вся

къ молитвѣ объ исцѣленіи любвеобильнаго Монарха, этого Августѣйшаго Благодѣтеля всего культурнаго міра. »

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 280.)

По увѣренію *Русской Жизни* (№ 269), *послѣднюю недѣлю* петербургская печать всецѣло поглощена... чѣмъ? Предлагаемъ угадать нашимъ собратьямъ всѣхъ странъ. Ни за что́ не угадаютъ...

«Настоящую недѣлю, говоритъ *Русская Жизнь*, нельзя назвать иначе, какъ недѣлей о Губонинѣ. Губонинъ—въ статьяхъ, Губонинъ—въ фельетонахъ и Губонинъ—въ стихахъ.»

Какими же «узами» связана бо́льшая часть петербургской печати съ Россіей, съ населеніемъ самаго Петербурга, если *послѣдняя недѣля у нея была недѣлей о Губонинѣ?* Эта фраза *Русской Жизни* останется безсмертною.

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 281.)

Провинціальныя газеты переполнены извѣстіями о повсемѣстно совершающихся молебствіяхъ о здравіи Государя Императора. Мы не имѣли бы мѣста даже на простое перечисленіе ихъ. Мы получаемъ также изъ разныхъ мѣстъ рядъ писемъ, выражающихъ сердечный трепетъ, возбуждаемый повсюду вѣстями о болѣзни Государя. Одинъ корреспондентъ (военный врачъ) предлагаетъ всенародный постъ съ молитвой о выздоровленіи Государя Императора. Малѣйшее извѣстіе объ улучшеніи вызываетъ уже радостныя надежды. Это проявилось и въ статьѣ *Гражданина* (№ 280):

«Вѣруйте твердо и молитесь сильнѣе, и Богъ пожалѣетъ Россію, слова эти какъ будто такъ и слышатся въ воздухѣ съ той минуты, когда послѣ перваго, пять дней назадъ, извѣстія объ опасномъ состояніи здоровья нашего обожаемаго Государя, стали приходить извѣстія сперва о томъ, что болѣзнь какъ будто пріостановилась въ своихъ ухудшеніяхъ, а затѣмъ сегодня объ улучшеніи...

«Да будетъ воля Твоя, говоритъ русскій вѣрующій человѣкъ, но въ то же время онъ стоитъ въ благоговѣйномъ трепетѣ передъ переживаемою минутой... Да, въ этой огненной, въ этой сильной молитвѣ о Немъ слышится Его цѣна и та высшая ступень, до которой для всѣхъ доходитъ нужда въ Немъ.

«Это нужда не одного государства Его, это нужда не одного міра, это нужда каждой русской семьи, коей Онъ невидимый,

но непрестанный духъ, въ видѣ не то идеала, не то добраго генія, не то друга и отца, не то ангела помощи... Принявъ помазаніе Божіе, Онъ царствуетъ, презрѣвъ славу и возлюбивъ только бремя долга, бремя заботы о жизни каждаго и всѣхъ, и слава восходитъ сегодня не изъ громкихъ подвиговъ, а изъ тайниковъ людской жизни, изъ ободренныхъ и обновленныхъ родниковъ ея, въ видѣ слезныхъ и пламенныхъ молитвъ людей сверху до низу къ Богу: сохрани Его намъ, дѣдамъ, отцамъ, дѣтямъ, внукамъ, труженикамъ и рабочимъ, богатымъ и бѣднымъ, большимъ и меньшимъ.»

Волгарь (№ 240) говоритъ:

«Нужно ли говорить, сколько тяжелыхъ чувствъ пережито Русскимъ народомъ подъ вліяніемъ этихъ глубоко прискорбныхъ вѣстей. Отъ края и до края, по всей странѣ затеплились передъ престоломъ Вышняго, въ церквахъ и часовняхъ, горячія мольбы русскихъ людей о сохраненіи драгоцѣннаго здравія Государя Императора. Нѣтъ того мѣстечка, гдѣ бы народъ, движимый вѣрой и упованіемъ въ промыслъ Божій, не излилъ своихъ пламенныхъ молитвъ за Того, чья жизнь и дѣятельность, направленныя ко благу любимой имъ Россіи, были столь плодотворны и столь знаменательны достигнутыми внутренними и внѣшними успѣхами. Имя Александра III, боготворимое Русскимъ народомъ, прославляемое и за рубежомъ Русской земли, стало залогомъ счастія и будущаго развитія Россіи; съ этимъ именемъ связывались всѣ лучшія надежды Русскаго народа, а потому сознаніе, что нынѣ возлюбленный Государь сталъ жертвой тяжкаго и опаснаго недуга—это сознаніе было способно повергнуть народъ въ тяжкое горе, въ состояніе, близкое къ паникѣ.

«Въ послѣдніе три дня въ сознаніе русскихъ людей, все вниманіе которыхъ поглощено глубоко прискорбнымъ событіемъ, проникла нѣкоторая надежда, что, быть-можетъ, промыслу Божію угодно будетъ возвратить Россіи ея Государя съ обновленными силами.»

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 282.)

Отъ Троицы Сергія намъ пишутъ: Слезно молится скорбящая Россія о здравіи своего возлюбленнаго Царя-Отца. Особенно трогаетъ русское сердце эта молитва у великихъ святынь Русской земли. Въ обители Преподобнаго Сергія, сего великаго печальника и заступника Русскихъ Царей, первый молебенъ о здравіи болящаго Государя Императора былъ совершенъ 7

октября, въ день Ангела самого угодника Божія, а потому на молебнѣ слышались припѣвы: «Преподобне отче Сергіе, моли Бога о насъ! Святіи мученицы Сергіе и Вакхе, молите Бога о насъ!»... Молебенъ совершалъ отецъ намѣстникъ Лавры архимандритъ Павелъ въ сослуженіи всѣхъ іеромонаховъ Лавры. Соборъ былъ переполненъ богомольцами; многіе плакали, повергаясь на землю при дорогомъ имени Болящаго и взывая въ скорби своей къ небесному именинику, да спасетъ онъ своею теплою и сильною къ Богу молитвой Русскаго Царя.

Съ того дня молитвенныя возглашенія о здравіи болящаго Государя Императора стали возноситься на всѣхъ литургіяхъ, какъ раннихъ, такъ и позднихъ (всѣхъ литургій бываетъ семь)—ежедневно, причемъ читается и молитва за Болящаго. Особенно умилительно слышать эту молитву на утреннемъ братскомъ молебнѣ, который бываетъ въ два часа ночи, предъ началомъ утрени. Въ соборномъ храмѣ Живоначальныя Троицы царитъ еще священный полумракъ; изъ міряпъ-богомольцевъ еще никого не видно; а у гроба Чудотворца, при тихомъ мерцаніи неугасимыхъ лампадъ, уже начался «братскій» молебенъ. Тихо стоятъ иноки у раки угодника Божія: кто приклонилъ колѣна, кто склонилъ голову и смиренно внимаетъ молитвѣ... Пѣнія не слышится: молебенъ служится въ полголоса гробовыми іеромонахомъ и іеродіакономъ. На краткихъ эктеніяхъ поминается вся братія обители и ея благотворители—поименно. И вотъ, на этомъ-то молебнѣ, въ тишинѣ ночи, у самаго возглавія гроба великаго Чудотворца слышится скорбное воззваніе къ Богу о болящемъ Государѣ. И вмѣсто обычной молитвы Преподобному въ концѣ молебна читается колѣнопреклоненная молитва за Болящаго, а по отпустѣ — тихо, безъ пѣнія, возглашается іеромонахомъ многолѣтіе: «молитвами Преподобнаго Сергія и сохрани Его во многія лѣта»!

Сердцемъ вѣруется, что слышитъ угодникъ Божій эту тихую ночную молитву русскихъ людей за горячо-беззавѣтно любимаго ими Царя Отца и облегчитъ тяжкую скорбь сердецъ русскихъ дарованіемъ Ему исцѣленія.

* * *

(*Моск. Вѣд. № 282.*)

Изъ петербургскихъ газетъ *Новости* (№ 280) выражаютъ Франціи благодарность за ея сочувствіе горю Россіи:

«Какъ разъ въ настоящую минуту исполнился годъ со времени незабвенныхъ тулонско-парижскихъ празднествъ.

«Давно ли это было, а между тѣмъ сколько съ той поры воды утекло въ «рѣкѣ временъ».

«Но самая русско-французская дружба не «потонула», свѣжа, крѣпка и живуча, какъ это, между прочимъ, трогательно засвидѣтельствовано въ данную минуту отзывчивымъ соболѣзнованіемъ всего французскаго общества.»

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 283.)

Московскія и провинціальныя газеты продолжаютъ приносить извѣстія о трогательныхъ выраженіяхъ всенародной заботы объ Августѣйшемъ Больномъ. Въ *Волыни* (№ 182) пишутъ:

«Вчерашній день для Житомира былъ днемъ молитвы.

«Давно въ Волынскомъ каѳедральномъ соборѣ не возносилось болѣе жаркихъ, болѣе единодушныхъ моленій.

«Все православное населеніе, отъ мала до велика, сѣшило къ Царю царствующихъ и, колѣнопреклоненное, молило Его о здравіи Того Больнаго, жизнь Котораго—свѣтъ, утѣшеніе и счастье для всего народа Русскаго.

«Въ соборѣ были всѣ начальствующія лица, гражданскаго и военнаго вѣдомства, чиновники мѣстныхъ управленій, учащіеся въ учебныхъ заведеніяхъ города со своими начальниками, представители города, дворянства и другихъ сословій.

«Обширный соборный храмъ былъ переполненъ молящимися.

«И православный народъ, въ смиреніи трепещущаго тревогой сердца своего, вѣритъ что недостойная, но пламенная молитва его будетъ услышана Милосердымъ Подателемъ всѣхъ благъ и милостей.

«Господи, Владыко и Царю! Отврати праведный гнѣвъ Свой на ны движимый.»

Мысль о Государѣ проявляется во всѣхъ случаяхъ, по всѣмъ поводамъ. *Новороссійскій Телеграфъ* (№ 6.253) приводитъ прочувствованныя слова высокопреосвященнаго Іустина, на освященіи дешевой столовой въ Одессѣ. Выражая надежду на поддержку населенія доброму дѣлу, владыка сказалъ:

«Каждая жертва на доброе дѣло дойдетъ до Господа Бога и каждый жертвователь получитъ благословеніе Божіе, Господь пошлетъ здоровье намъ, а здоровье наше—здоровье Государя Императора, Именемъ Котораго совершаются всѣ добрыя дѣла у насъ. Въ Царѣ нашемъ, закончилъ архіепископъ свое слово, сила Россіи. Помолимся за скорѣйшее выздоровленіе нашего обожаемаго Монарха». Слова архіепископа произвели глубокое впечатлѣніе.»

Изъ московскихъ газетъ посвящаетъ заботѣ дня передовую статью *Московскій Листокъ* (№ 285):

«Невыразимо тяжелою скорбью, невыносимо мучительнымъ горемъ удручена Москва.

«Какъ раскатъ грома въ ясную погоду, Россію поразила тревожная вѣсть.

«Помазанникъ Божій, Вѣнценосный Отецъ Русскаго народа, слава, гордость, величіе и оплотъ Россіи, въ цвѣтѣ лѣтъ, въ моментъ высшаго напряженія удивляющаго весь міръ Царственнаго подвига, находится на одрѣ тяжкой болѣзни!..

«Вся Россія, разноплеменная, разноязычная, рпнулась въ храмы Божіи и преклонилась передъ Престоломъ Всевышняго, соединившись въ одной общей, единодушной молитвѣ, въ одномъ вздохѣ, въ одномъ стонѣ: «Боже великій, спаси Царя!»

«Все выше и выше подымается эта всенародная молитва.

«Всюду удрученныя скорбью лица, всюду подавленное состояніе духа, печаль и неподдѣльное горе. Въ театрахъ публика требуетъ въ антрактахъ исполненія народнаго гимна и слушаетъ его съ невыразимымъ благоговѣніемъ, мысленно переносясь туда, гдѣ возлюбленный Монархъ борется съ поразившимъ Его недугомъ. На улицахъ и площадяхъ народъ съ трепетомъ сердечнымъ, съ затаеннымъ дыханіемъ читаетъ расклеенные на углахъ бюллетени о состояніи здоровья Государя, и, при всякомъ извѣстіи объ улучшеніи, руки читающихъ невольно подымаются для сотворенія крестнаго знаменія. Въ редакціяхъ газетъ не умолкаютъ колокольчики телефоновъ, — со всѣхъ сторонъ просятъ отвѣта на одинъ и тотъ же мучительный вопросъ: «не получено ли новыхъ телеграммъ?» Лица самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній толпятся въ редакціонныхъ конторахъ въ ожиданіи бюллетеній, и многіе, узнавъ изъ нихъ объ улучшеніи въ здоровьѣ Вѣнценоснаго Больнаго, буквально заливаются слезами, плачутъ, рыдаютъ.

«Такъ искренно, глубоко и безпредѣльно скорбитъ Москва первопрестольная, живѣйшимъ образомъ присоединяясь къ скорби Августѣйшаго Семейства и всего Русскаго народа по поводу постигшаго Россію тяжкаго испытанія. И вся Москва, все московское населеніе, отъ мала до велика, не перестаетъ возносить къ престолу Всевышняго горячее, единодушное моленіе: «Господи, даруй во благости Своей исцѣленіе Помазаннику Своему, Вѣнценосному Отцу народа!»

Свѣтъ (№ 239) помѣщаетъ прочувствованное стихотвореніе г. Щепинскаго.

НАДЕЖДА—БОГЪ.

Россія вся у алтаря
Съ слезой, тревогою, волненьемъ,
Съ одной мольбой предъ Провидѣньемъ
Объ исцѣленіи Царя,—
Чтобы недугъ Его упорный,
Какъ тѣнь безслѣдная пропалъ;
Чтобъ пламень жизни благотворный
Надъ Нимъ и вѣялъ и дышалъ;
Чтобы Господь роднаго края
Вернулъ Страдальцу крѣпость силъ
И, жизнь Его благословляя,
Въ чертогъ надежду водворилъ.

* * *

Услышь, Создатель, вопль Россіи,
Пошли ей радостные дни:
Болѣзнетворныя стихіи
Отъ Государя отжени!
Да пронесется вѣсть изъ Крыма
Чрезъ горы, долы и моря,
Что Божья власть непобѣдима
Спасла любимаго Царя—
И просіяетъ Русь святая,
Увидѣвъ вновь передъ собой
Державный обликъ дорогой—
Святыню думъ роднаго края!

* * *

Тифлисское *Новое Обозрѣніе* (№ 3.702) выражаетъ чувства населенія при вѣсти о болѣзни Государя Императора:

«Вѣсть о серіозномъ поворотѣ въ болѣзни Его Императорскаго Величества Государя Императора вчера облетѣла весь городъ съ быстротой молніи и произвела на всѣхъ глубокое, потрясающее впечатлѣніе.

«Вѣсть о болѣзни Великаго Монарха земли Русской произведетъ глубокое впечатлѣніе не только у насъ, но и во всѣхъ углахъ міра.

«Присоединимъ же и нашъ слабый голосъ къ общимъ молитвамъ о скорѣйшемъ исцѣленіи Августѣйшаго Больнаго на многія лѣта для великихъ подвиговъ на пользу глубоко преданнаго Ему народа».

Астраханскій Вѣстникъ (№ 1.571) сообщаетъ о глубокомъ впечатлѣніи, произведенномъ словомъ преосвященнаго Митрофана въ мѣстномъ Успенскомъ соборѣ:

«Предъ началомъ службы, владыка обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующимъ словомъ (воспроизводимъ въ общихъ выраженіяхъ), произнесеннымъ дрожавшимъ отъ волненія голосомъ:

«Тяжелая, страшная, ужасная вѣсть облетѣла не только всѣ концы Россіи, но и весь міръ, — вѣсть о тяжкомъ недугѣ и опасномъ положеніи Нашего Обожаемаго Государя Императора!»

«Упомянувъ о ходѣ свѣдѣній о болѣзни Государя, владыка продолжалъ:

«Страшно и подумать, если Господу Богу угодно будетъ наказать насъ за грѣхи, если эта драгоцѣнная не только для насъ, но и для всего міра, жизнь угаснетъ! Но, нѣтъ! Если, по ученію Слова Божія, «Господь поставляетъ Царя, представляетъ и воздвигаетъ потребныхъ на земли дѣятелей», то о Нашемъ благочестивѣйшемъ Государѣ мы съ полнымъ правомъ, съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать, что именно въ Его лицѣ Господь Богъ и далъ намъ благопотребнаго, мудраго Правителя. Вступивъ на прародительскій престолъ въ годину тяжкаго испытанія, постигшаго тогда Россію, Онъ, въ теченіе слишкомъ 13 лѣтъ, велъ насъ по пути спокойствія и благополучія, да и не насъ однихъ, но весь міръ! Онъ даровалъ не только всей Россіи, но и всему міру покой и благоденствіе! Онъ справедливо всѣми признавался и признается главнѣйшимъ Хранителемъ спокойствія, Миротворцемъ, и поэтому болѣзнь Его тяжко отразилась не только на нашей великой русской семьѣ, но и на всѣхъ прочихъ народахъ, даже среди искошихъ враговъ нашего обширнаго отечества. Мы же, Русскіе, теперь имѣемъ полное право и основаніе взывать къ Царю-царей такъ же, какъ когда-то, во время болѣзни и смерти лучшаго и благочестиваго царя іудейскаго Езекіи, взывали Евреи: «О, Господи! такъ ли не умолимъ гнѣвъ Твой! Неужели забудешь Ты насъ до конца!»

«Будемъ же молиться и молиться, ибо, какъ говоритъ апостолъ, «молитва вѣры спасетъ Болящаго!»

* * *

(*Моск. Вѣд. № 284.*)

Московская газета *Курьеръ Промышленности и Торговли* помѣстила слѣдующую статью:

«Близки сердцу каждаго русскаго человѣка многомилліонной Россіи получаемые въ теченіе послѣднихъ дней бюллетени о состояніи здоровья обожаемаго нашего Государя Царя-Миротворца, нашего единственнаго Печальника земли Русской.

«Царемъ своимъ живетъ Россія, Имъ одинмъ, Помазанникомъ Божіимъ, живетъ каждый русскій человѣкъ—и это его особенность. Радости Царскія — радости народныя; печаль въ Семьѣ Царской также раздѣляется всѣмъ народомъ, нерѣдко ни во что̀ принимавшимъ свои собственныя скорби и горести,—здравствовалъ бы только Царь-Батюшка.

«Москва, издревле считающаяся сердцемъ Россіи, при первой вѣсти о постигшемъ нашего Государя недугѣ, вздрогнула какъ одинъ человѣкъ и потекла въ храмы съ горячею мольбой къ Тому, Кто даруетъ жизнь и невидимою десницей исцѣляетъ болѣзни.

«Памятно всѣмъ намъ во истину чудесное спасеніе Промысломъ Божіимъ Царя и Его Царственной Семьи 17 октября 1888 го́да, съ быстротой молніи разнесшееся по всей землѣ Русской, въ благодарственныхъ молебнахъ возносившей свои хвалы Господу за такую милость къ вѣрноподданнымъ сынамъ спасеннаго Помазанника Божія.

«Тепла и крѣпка молитва Русскаго за своего Царя, а общественная тѣмъ паче! Да услышитъ Тотъ, къ Кому теперь колѣнопреклоненно и набожно, осѣнивъ себя всесильнымъ крестнымъ знаменіемъ, возсылаетъ стомилліонный Русскій народъ свою единственную и искреннюю молитву: «*Господи, спаси Благочестивыя и услыши ны!*»

Виленскій Вѣстникъ (№ 219), отмѣчая нашу статью, совершенно основательно говоритъ:

«Дни великой печали, переживаемые Россіей, по случаю тяжкой болѣзни Государя Императора, *оказались днями испытанія для всѣхъ людей интеллигентнаго міра, дорожащихъ судьбами человѣчества, его цивилизаціей и культурой.* Громадный прогрессъ науки и искусства, сдѣланный въ послѣдніе годы переживаемой нами эры, во всѣхъ странахъ свѣта не былъ бы возможенъ, еслибы труженики и подвижники на славу и на благо человѣчества не были увѣрены въ томъ, что жизнь и достояніе людей прочно обезпечены. Смутныя времена, пережитыя Европой въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, внесли въ жизнь много раздора и несогласій. Ближайшему будущему, повидимому, ничто не предвѣщало спокойствія. Духъ Марса обуревалъ всѣхъ вождей европейскихъ. Всевозможнымъ задѣвательствамъ и угрозамъ не было конца. Россія была всеобщею мишенью, въ которую могъ бросить камень всякій дипломатъ и не-дипломатъ. Требовалась крѣпкая воля, сильная стойкость характера, большое мужество, чтобъ устоять, чтобъ удержаться отъ раздраженія при видѣ всей травли, которая

велась между народами Европы и направлялась, главнымъ образомъ, противъ Россіи.

«Русскій народъ, въ силу историческихъ условій быта, во всѣ трудныя минуты общественной жизни привыкъ смотрѣть на Царя и надѣяться на Бога. Эта самобытная привычка Русскаго народа не разъ уже спасла его отъ многихъ великихъ бѣдъ. Спасла она Россію въ царствованіе Великаго Государя Нашего Александра Александровича, своею самодержавною волей ведущаго ее на великій путь руководительницы судебъ всего міра. Никто изъ государей Европы не могъ взять на себя той роли миролюбца, которая оказалась вполнѣ по плечу Самодержцу Всероссійскому Александру Александровичу.

«Теперь, когда Государь нашъ страдаетъ отъ перенесенныхъ имъ трудовъ на благо мира всего міра, теперь *весь этотъ міръ у его ногъ съ раскаяніемъ за содѣянное прошлое.* Съ рыданіями, со слезами Россія молится о Государѣ, какъ объ Отцѣ, Который Своею мощною рукой хранитъ ее отъ бѣдъ и руководитъ въ счастьѣ и невзгодѣ.»

Дѣйствительно, въ цѣломъ мірѣ только развѣ люди совершенно одичалой неразвитости, въ родѣ анархистовъ, могутъ въ настоящія минуты не вспомнить того благодѣянія, какое нынѣшнее царствованіе дастъ культурной работѣ міра.

Новороссійскому Телеграфу (№ 6.255) пишутъ изъ Елисаветграда:

«Если не только въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества, но и въ разныхъ концахъ земнаго шара скорбная вѣсть о болѣзненномъ недугѣ, постигшемъ нашего Государя, безпримѣрно гуманнѣйшаго и могущественнѣйшаго стража мира, блага Церкви Христовой, повергаетъ всѣхъ въ большое уныніе, то въ тѣхъ мѣстахъ, на долю которыхъ, помимо слуховъ о великодушіи нашего дорогаго Монарха, выпадало счастіе лицезрѣть свѣтлый, обаятельный образъ Его Императорскаго Величества, это всемірное горе поражаетъ въ самое человѣческое сердце. Въ такомъ особенно удрученномъ состояніи находимся и мы, жители Елисаветграда, гдѣ еще такъ свѣжо впечатлѣніе, оставленное (шесть лѣтъ тому назадъ) Августѣйшею семьей, съ самимъ Царемъ во главѣ, представлявшимъ тогда настоящаго древне-русскаго витязя-богатыря, посѣтившаго нашъ городъ.

«Господи, сохрани намъ и всему міру Царя.»

* * *

(*Моск. Вѣд. № 285, 17 октябрл.*)

Дивное зрѣлище представлялъ сегодня соборный храмъ Спасителя во время всенароднаго молебствія о здравіи Государя Императора. Глубоко прочувствованное, изъ сердца исходившее служеніе высокопреосвященнаго владыки митрополита вызывало слезы на глаза предстоявшихъ и тихо, беззвучно лилась ихъ сердечная молитва.

Въ эту минуту каждому невольно вспоминалось, что завтра, 17 октября, вся Россія празднуетъ годовщину чуднаго спасенія Государя и Его Царственной Семьи и искренно вѣрилось, что и нынѣ Господу Богу угодно будетъ спасти Державнаго Стража Земли Русской на благо и радость Его любящимъ сынамъ. Тепло и благостно звучали слова заздравной молитвы прочитанной Московскимъ архипастыремъ и слезно вторилъ имъ колѣнопреклоненный народъ. Когда же при послѣднихъ словахъ молитвы, внезапно, въ широкія окна собора, пробившись изъ-за тучъ, заглянуло солнце и освѣтило внутренность храма радостнымъ свѣтомъ, свѣтло и радостно стало на душѣ у молящихся, сильнѣе воспрянула надежда, и съ просіявшимъ сердцемъ выслушали они торжественное многолѣтіе, огласившее церковные своды.

По всей Россіи ежедневно, почти ежечасно, совершается великое таинство сліянія народа со своимъ Державнымъ Отцомъ, Помазанникомъ Божіимъ, въ любовной, горячей молитвѣ объ Его здравіи, но нигдѣ это сліяніе не проявляется столь ярко, какъ въ первопрестольной столицѣ Царства Россійскаго. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всенародныя молебствія, какъ на Красной площади, гдѣ десятитысячная колѣнопреклоненная толпа съ благоговѣніемъ внимала гласу архипастыря, раздававшемуся съ Лобнаго мѣста, такъ и нынѣшнее воскресное служеніе въ соборномъ храмѣ Христа Спасителя, куда собралась вся Москва, безъ различія чиновъ и состояній: простолюдины рядомъ со знатными лицами, простые горожане и чиновныя особы — всѣ смѣшались въ одну плачущую и молящуюся толпу, одухотворенную однимъ чувствомъ любви къ Царю-Отцу и одною мыслью—вымолить, выплакать Его выздоровленіе.

Да будетъ эта молитва услышана.

* * *

(*Моск. Вѣд. № 285.*)

Московскія Церковныя Вѣдомости (№ 42), обрисовывая современное настроеніе Россіи, говорятъ:

«Надеждой живетъ въ послѣдніе дни Русскій народъ; какъ путеводная звѣзда въ темную ночь, она освѣщаетъ всѣ наши

помыслы о Болящемъ Государѣ, окрыляетъ наши чувства къ Нему и изливается во всенародной молитвѣ о Немъ.

«Да, если когда, то именно нынѣ, православная Россія предстоитъ предъ міромъ подъ образомъ *Церкви*. Кто видѣлъ народно-церковное торжество въ Москвѣ 9 октября, когда на Лобномъ мѣстѣ маститый архипастырь московскій, окруженный сонмомъ пастырей, преклонивъ колѣна, возносилъ святительскую молитву за Царя, осѣняя крестомъ несмѣтныя толпы народа,—тотъ видѣлъ образъ молящейся Россіи...

«Да услышитъ же Богъ эту пламенную всенародную молитву вѣрующей Россіи!»

Волынь (№ 183) пишетъ:

«Переживаемые нами тревожные дни вновь и лишній разъ показали, что у Русскаго народа единъ Богъ, единъ Царь, едино сердце и душа.

«Мы можемъ «либеральничать», можемъ увлекаться всякими теоріями, до теоріи самоуничтоженія включительно, тѣмъ не менѣе у каждаго изъ насъ, у каждаго русскаго человѣка есть въ душѣ нетронутый тайникъ, въ которомъ живетъ одно завѣтное чувство—чувство безпредѣльной любви, самоотверженной преданности къ своему Государю.

«И разъ дѣло касается Священной Особы Государя, или Его близкихъ, это чувство—тревожное или радостное, восторженное или горестное—проявляется съ такою силой, съ такимъ единодушіемъ, которое краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ, что у Русскаго народа едино сердце, едина душа.

«Такъ и въ эти дни.

«И это единое сердце всѣми своими стремленіями съ вѣрой возносится теперь къ единому Источнику жизни, молясь объ исцѣленіи своего Царя.»

Въ *Ярославскихъ Губ. Вѣдомостяхъ* (№ 222) пишутъ:

«Вся Россія съ замираніемъ сердца слушаетъ вѣсти изъ Ливадіи.

«Теплыя, усердныя моленія наши, моленія всѣхъ дѣтей Его, да будутъ услышаны на Небѣ. Мрачная туча разсѣется, и сквозь разорванные остатки ея засіяетъ небесная лазурь, и наше свѣтлое Солнышко-Царь, радостный и бодрый, вновь появится къ намъ, полный неисчерпаемой любви, полный милости, полный животворной дѣятельности на пользу родины, на благо вѣрныхъ дѣтей Своихъ!

«Да пройдетъ же скорѣе грозная туча, пройдетъ мимо тяжелое испытаніе, насъ поразившее, и въ сердцахъ нашихъ да оставитъ

не тревожную печаль, не унынie духа, а вольетъ освѣжающее чувство святой любви, святаго единенія подданныхъ съ сердцемъ Царевымъ!»

* * *

(Моск. Вѣд. № 286, октября 18.)

Съ особымъ удовольствіемъ прочли мы, наконецъ, въ № 6.693 *Новаго Времени* выраженіе чувствъ, возбуждаемыхъ въ редакціи извѣстіями о болѣзни Государя:

«Всѣ газеты міра наполнены извѣстіями о состояніи здоровья Государя Императора. Еслибы собрать воедино все то, что̀ напечатано, можно бы наглядно представить какъ глубоко сочувствіе, вызванное почти повсюду къ Русскому Государю, къ его политикѣ, къ его личному благородному характеру, къ его необыкновенной энергіи, съ какою онъ отстаивалъ интересы европейскаго мира, къ его трудолюбію, съ какимъ онъ отдавалъ свое время заботамъ управленія, къ его прямодушію, искренности и твердости. Его честная прямота обезоруживала тѣхъ, которые въ политикѣ привыкли примѣнять интригу, двоедушіе и разныя другія средства, способствующія достиженію цѣлей окольнымъ путемъ. Ненавидя ложь, Онъ всегда шелъ прямо, не скрывая Своихъ намѣреній, не стараясь казаться тѣмъ, чѣмъ Онъ не былъ.

«Предъ этимъ страждущимъ Государемъ Россіи стихли всякая ненависть и злоба къ ней, и выросли добрыя человѣческія чувства, всегда умѣющія оцѣнить качества прекрасной души того Царя, который всегда видѣлъ народное счастіе въ мирѣ, въ христіанскомъ братствѣ народовъ.

«Не чудо навязать свою волю міру войной и побѣдами. Не чудо наслѣднику побѣдъ заставить признавать свое значеніе угрозами, пламенными рѣчами, за которыми стоитъ грозная армія, но рѣшительное чудо—заставить признать свою волю не войной и побѣдами, а миролюбіемъ. Но это чудо совершилось.

«Горячи и искренни молитвы Русскаго народа, ежедневно возносимыя къ Престолу Всевышняго, горяча должна быть и наша вѣра въ силы нашей Родины, первымъ и преданнымъ до самоотверженія слугой которой былъ всегда нашъ глубоко страдающій теперь Государь. Есть что-то высоко трагическое, умилительное и укрѣпляющее русскую душу въ этомъ общемъ признаніи незабвенныхъ заслугъ Государя, заслугъ миролюбія, прямодушія и любви къ правдѣ и искренности.

«Не даромъ Богъ глубоко вложилъ въ нашу душу надежду. Будемъ надѣяться и вѣрить, что скоро пройдутъ эти дни тревоги и Богъ возстановитъ силы Государя.»

Отзывовъ другихъ большихъ петербургскихъ газетъ, кромѣ отмѣченныхъ раньше, мы еще не видѣли. Не преминемъ ихъ сообщить читателямъ, когда они появятся.

* * *

(*Моск. Вѣд. № 287, октября 19.*)

Помѣщена передовая статья «Болѣзнь Государя и знаменія времени», перепечатываемая ниже въ отдѣлѣ «Воспоминанія и характеристики».

* * *

(*Моск. Вѣд. № 287.*)

Сынъ Отечества (№ 282) вспоминаетъ 17 октября 1888 г. и говоритъ:

«Въ нынѣшнемъ году, когда здоровье Его Величества Государя Императора подверглось тяжелому испытанію, день 17-го октября будетъ вспомянутъ въ Россіи съ особою сердечностію и горячностію молитвы ко Всевышнему. Весь міръ, какъ могли убѣдиться наши читатели изъ переданныхъ въ свое время «откликовъ на событіе дня» *), единогласно засвидѣтельствовалъ свое безпредѣльное уваженіе и глубокія симпатіи къ Вѣнценосному Страдальцу, мудрая дѣятельность Котораго, кромѣ благоговѣйнаго уваженія и общей любви, не вызываетъ во всемъ мірѣ никакихъ другихъ чувствъ. Намъ ли, вѣрноподданнымъ обожаемаго Державнаго Миротворца, милости и благодѣянія Котораго обильно изливаются прежде всего на любимую Имъ Россію, не раздѣлять этихъ общихъ проявленій вполнѣ заслуженнаго вниманія къ Августѣйшему Больному и не помолиться о благополучномъ исходѣ тяжкой Его болѣзни!»

По поводу того же событія, *Ярославскія Вѣдомости* (№ 225) вспоминаютъ какъ 17 октября 1888 г.—«исполненный вѣры, благоговѣйной благодарности къ Царю Царствующихъ, Самодержецъ Всероссійскій, тяжко страдая за несчастныхъ спутниковъ Своихъ, показалъ примѣръ великой любви къ ближнимъ: и словомъ, и дѣломъ помогалъ Онъ нуждающимся въ помощи. Что̀ можетъ быть выше, трогательнѣе этихъ царственныхъ заботъ, этого ухода, этой ласки, этого милосердія! Не отвратилъ Онъ лица Своего отъ ужаснаго зрѣлища, не покинулъ страдальцевъ, возложивъ заботу о нихъ другимъ, по долгу службы обязаннымъ оказывать эти заботы. Человѣколюбивый подвигъ

---

*) Такъ назывался особый отдѣлъ *Правительственнаго Вѣстника*, перепечатывавшійся многими газетами. *Ред.*

Вѣнценосца положилъ новыя невидимыя узы между Нимъ и Его народомъ. Съ того незабвеннаго дня прошло шесть лѣтъ. Россія мирно развивалась и процвѣтала подъ державною сѣнью Царя. И вдругъ, среди этого пышнаго мира, пронеслась скорбная вѣсть о тяжелой болѣзни Государя. Многомилостивый Спасе, заключаетъ газета, помяни день сей, въ который Ты излилъ на насъ Свою благость, яви и нынѣ намъ новое чудо, воздвигни благовѣрнаго Государя нашего!»

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 288.)

Молитва за Царя, можно сказать, неустанно творится теперь въ церквахъ, часовняхъ, домахъ и разныхъ учрежденіяхъ первопрестольной столицы. У всѣхъ одна мысль, у всѣхъ на устахъ слышны одни слова: *Боже, спаси Царя.*

Бюллетени о состояніи здоровья Государя Императора ожидаются съ душевнымъ трепетомъ и по выходѣ въ свѣтъ съ неимовѣрною быстротой расхватываются и прочитываются обывателями. Получаемыя тревожныя извѣстія о ходѣ болѣзни обожаемаго Монарха усиливаютъ молитвы Москвичей, возложившихъ свое упованіе на Господа Бога.

Изъ провинціи мы также получаемъ многочисленныя письма о совершаемыхъ повсюду молебствіяхъ о здравіи Государя Императора.

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 288.)

Вспоминая 17 октября 1888 года, *Кіевское Слово* (№ 2.429) говоритъ:

«И въ наши болѣзненные дни, когда вся Русь ждетъ съ нетерпѣніемъ вѣстей изъ далекой Ливадіи о состояніи здоровья своего обожаемаго Монарха, она въ молитвахъ находитъ выраженіе своихъ надеждъ, что и теперь Провидѣніе не покинетъ насъ, что и теперь силами небесными Царственный Страдалецъ, нашъ возлюбленный Государь Императоръ, получитъ возстановленіе Своихъ силъ, дабы, возставъ съ одра болѣзни, сильно и державно царствовать многія и многія лѣта «на славу намъ, и страхъ врагамъ». Нескончаемыми молебствіями, пламенными, изъ глубины сердецъ исходящими, встрѣчаетъ нашъ народъ каждую утѣшительную телеграмму изъ Ливадіи, взываетъ «Боже, Царя храни!»

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 288.)

Южный Край (4.733) выражаетъ чувство, испытываемое нынѣ русскимъ человѣкомъ при чтеніи иностранныхъ газетъ:

«Съ чувствомъ глубокаго нравственнаго удовлетворенія прислушивается Россія къ тѣмъ восторженнымъ отзывамъ объ ея Государѣ, которые раздаются нынѣ со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра и объясняются не какими-либо политическими разчетами, а нелицемѣрнымъ сожалѣніемъ о тяжкомъ испытаніи, постигшемъ благороднѣйшаго изъ Монарховъ. Еслибъ эти отзывы встрѣчались только во французской печати, столь сочувственно относящейся въ настоящее время къ Россіи и ко всему русскому, ихъ можно было бы толковать такъ или иначе, но чувства почтительнаго удивленія передъ высокими качествами ума и характера тяжко Больнаго Властелина великой Славянской державы находятъ откликъ во всѣхъ европейскихъ газетахъ, не исключая и такихъ органовъ англійской, германской и австро-венгерской печати, которые стяжали себѣ извѣстность враждой противъ Россіи. Можно даже сказать болѣе того. Именно въ этихъ, явно руссофобскихъ, изданіяхъ мы и встрѣчаемъ самую полную и справедливую оцѣнку всего того, что сдѣлано Его Величествомъ для нашей родины и для всей Европы,—оцѣнку, насквозь проникнутую уваженіемъ къ Русскому Царю, какъ къ человѣку и мудрому политику. И замѣчательная вещь, во всѣхъ заграничныхъ статьяхъ о Государѣ Императорѣ проглядываетъ мысль, что самодержавіе, непонятное и антипатичное людямъ Запада, сослужило въ рукахъ Его Величества великую службу дѣлу возрожденія Россіи, испытавшей въ концѣ прошлаго царствованія столько нравственныхъ, политическихъ и экономическихъ потрясеній. Вся западно-европейская печать приходитъ косвенно къ тому выводу, что Россія обладаетъ великимъ сокровищемъ въ неограниченной власти своихъ Монарховъ и что Самодержавіе Александра III сдѣлало для Россіи больше, чѣмъ могли бы ей дать всевозможныя конституціи. То, что говорится прямо или намекается по этому поводу въ заграничныхъ газетахъ, слѣдовало бы замѣтить и разъ навсегда усвоить нашимъ близорукимъ поклонникамъ республиканскаго и конституціоннаго строя. Настоящее царствованіе доказываетъ, что самыми дѣйствительными «гарантіями» служатъ не договорныя отношенія между короной и народомъ, вытекающія изъ обоюднаго недовѣрія и подозрительности, а полное единеніе между страной и живою властію, сознающею

свое великое призваніе и всю тяжесть своей отвѣтственности передъ Богомъ, исторіей и своею совѣстію.»

* * *

Наконецъ наступило роковое число,—и тяжкимъ ударомъ поразила всю Россію вѣсть о томъ, что болѣе уже нечего ждать.

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 289, *октября 21.*)

Государь скончался...

Всѣ послѣдніе дни Россія проводила въ мучительной тревогѣ. Вѣсти о ходѣ болѣзни уже не оставляли мѣста разумной надеждѣ. Но сердце все еще отказывалось вѣрить даже очевидности...

И вотъ — пресѣклась дорогая жизнь. Нѣтъ болѣе Великаго Миротворца, успокоившаго измученную Русскую землю отрадною вѣрой въ вѣковыя силы создавшія и хранившія ее. Скована холодомъ смерти твердая рука, подъ охраной которой наша страна провела—увы, не долгіе годы—тихой, благотворно оздоровляющей жизни. Нѣтъ мудраго руководителя такъ быстро воскресившаго наши силы и, безъ войнъ, безъ жертвъ, безъ угрозъ, поставившаго русское имя передъ всѣмъ міромъ на почти забытую высоту. Нѣтъ Царя, который, на высотѣ своего всемірнаго вліянія, спокойнымъ разумомъ, твердымъ словомъ, мощною рукой столько лѣтъ сдерживалъ, казалось, каждую минуту готовыя разразиться столкновенія. Вся Европа признавала Его Миротворцемъ и за послѣдніе годы привыкла думать и вѣрить, что пока живъ Александръ III, — мирная жизнь народовъ обезпечена...

И вотъ Его не стало. Неисповѣдимыя судьбы Божія отняли у насъ, въ самую цвѣтущую пору, въ возрастѣ только 49 лѣтъ, Того, чей могучій организмъ и желѣзное здоровье обѣщали, казалось, столѣтнюю жизнь, обѣщали намъ еще десятки лѣтъ Его неоцѣнимой работы на благо Россіи... Могъ ли кто-нибудь годъ тому назадъ хотя на минуту вообразить себѣ предстоящія намъ теперь похороны?

Среди общей скорби о невозвратной потерѣ, надежды наши сосредоточиваются нынѣ на Его Царственной Отрасли, на вступившемъ на престолъ предковъ Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ.

Августѣйшій Родитель оставилъ Ему наслѣдіе цвѣтущее порядкомъ. Но не легко выпавшее Ему священное бремя Само-

державнаго труда. И если вся Россія оплакиваетъ кончину Его Родителя, то что̀ сказать о Его сыновней скорби при этой преждевременной утратѣ?

Да пошлетъ же Господь Своему новому Избраннику силы и крѣпость на исполненіе Его великаго служенія. Да пошлетъ Господь и намъ силы служить Нашему Самодержавному Государю вѣрой и правдой безъ всякой шатости, дабы и духъ Почившаго порадовался нашей вѣрности Его великимъ завѣтамъ...

Потрясающая вѣсть о кончинѣ Государя Императора Александра III съ быстротою молніи распространилась по Москвѣ около восьми часовъ вечера.

Невозможно описать глубоко-скорбное настроеніе столичнаго населенія, вызванное кончиной Обожаемаго Монарха. Сначала многіе не хотѣли вѣрить печальному извѣстію; но слухи скоро подтвердились официально полученными свѣдѣніями въ редакціяхъ, которыя буквально осаждались толпами народа въ теченіе всего вечера.

Вся Москва до самыхъ отдаленныхъ окраинъ уже знала вечеромъ, что Императора не стало. Скорбная вѣсть передавалась изъ устъ въ уста и вызывала слезы и молитвы объ упокоеніи въ Бозѣ почившаго Царя-Миротворца.

Всѣ театры, какъ Императорскіе, такъ и частные, по полученіи печальнаго извѣстія, закрылись, всѣ зрѣлища и увеселенія прекратились. Все облекается въ трауръ.

* * *

(*Моск. Вѣд. № 290.*)

Есть мгновенія въ жизни человѣка, когда всѣ мысли, всѣ заботы, вся суета дня, необходимая и неизбѣжная,—когда все это отступаетъ отъ него, и душа его сосредоточивается въ одной мысли, въ одномъ порывѣ высокаго умиленія, возвышенной скорби, изливающихся въ безмолвныхъ и тихихъ святыхъ слезахъ, очищающихъ и возвышающихъ душу. Такія мгновенія не забываются, они оставляютъ слѣдъ во всей жизни человѣка, и часто воспоминаніе о такомъ мгновеніи спасаетъ его на краю паденія. Такое мгновеніе переживаемъ теперь всѣ мы, весь Русскій народъ. Скончался Царь нашъ, любимый Царь, и все отошло отъ насъ, кромѣ скорби о великой потерѣ, кромѣ умиленія предъ образомъ Почившаго, образомъ такъ намъ знакомымъ и такъ дорогимъ. Этотъ образъ свѣтитъ и свѣтилъ намъ

тихимъ и кроткимъ свѣтомъ, какъ бы во свидѣтельство о высокомъ достоинствѣ человѣка, о высокомъ призваніи его на землѣ... Онъ былъ истинно Русскій Царь, по духу и по всему нравственному облику своему. Въ Немъ, въ дѣлахъ Его, не было ничего приподнятаго—не было того картиннаго героизма, который такъ любятъ въ Европѣ и которымъ такъ восхищаются тамъ; но Онъ былъ истинный герой въ высокомъ смыслѣ: «человѣкъ Онъ былъ», во всемъ значеніи слова. Онъ былъ истиннымъ выразителемъ нашего, особеннаго, русскаго героизма, не ищущаго картинной позы, не высказывающагося въ красивыхъ словахъ, молча и твердо исполняющаго свой *долгъ* и не подозрѣвающаго даже что въ этомъ есть героизмъ. Разгадка этого героизма, разгадка величаваго образа почившаго Императора заключается въ одномъ словѣ: Онъ былъ *христіанинъ*.

Какъ христіанинъ, проникнутый высокимъ духомъ вѣры Своего народа, несъ Онъ бремя заботъ семейныхъ и среди общей легкомысленной шаткости показалъ намъ чѣмъ должна быть христіанская семья; какъ христіанинъ, покорно и со смиреніемъ подъялъ Онъ на Свои мощныя плечи тяжкое бремя Самодержца, Отца, воспитателя и охранителя народа Своего и несъ это бремя до послѣдняго мгновенія, до послѣдняго дыханія жизни. Съ умиленіемъ и слезами читали мы, что Онъ, уже сломленный тяжкимъ недугомъ, страждущій, прикованный къ одру болѣзни, среди мучительныхъ безсонныхъ ночей, среди тягостныхъ дней, не оставлялъ Своихъ державныхъ трудовъ,—и Россія, одна Россія, была предметомъ Его заботъ и мыслей. Онъ принялъ и недугъ Свой, какъ христіанинъ: Онъ молился и трудился,—молился и трудился до послѣдняго вздоха.

Мы знаемъ святыя слова: «Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя», — и Онъ, почившій Царь нашъ, положилъ душу Свою за народъ Свой. Что разрушило Его могучій организмъ какъ не державные труды, заботы и огорченія? Подчинивъ Свою волю волѣ Божіей, Онъ несъ эти труды всегда спокойный, всегда твердый, всегда снисходительный къ слабости человѣческой. И Онъ свѣтилъ не только намъ, но и всему міру. Чужіе народы съ изумленіемъ и восторгомъ смотрятъ на это явленіе русскаго духа, русскаго героизма, величаваго въ своей смиренной простотѣ.

Вотъ какого Царя мы лишились, вотъ какая тяжкая скорбь насъ постигла.

Но—милостивъ Богъ—скорбь не безутѣшная.

Нѣтъ мѣста скорби отчаянной, тоскѣ тяжелой и неутѣшимой

въ сердцѣ того народа, который имѣетъ трогательное упованіе на жизнь безкопечную, трогательную вѣру въ общеніе живыхъ съ усопшими. Вѣритъ народъ нашъ что его любимый Царь, Который теперь тамъ, передъ престоломъ Царя Царей, все же живетъ съ нами; вѣруетъ что надъ Нимъ сбудется все что̀ обѣщано христіанамъ. Онъ былъ кротокъ, а сказано: «блаженны кроткіе»; Онъ былъ милостивъ, а сказано что милостивые «помилованы будутъ»; общій голосъ всего міра называетъ Его «миротворцемъ», а сказано: «блаженны миротворцы, ибо они будутъ паречены Сынами Божіими».

Скорби народной не дастъ перейти въ отчаяніе еще и иная, земная надежда.

Усопшій Царь нашъ оставилъ намъ Наслѣдника Своего, только-что вступившаго на престолъ Государя нашего и Самодержца, оставилъ намъ Его, выросшаго и воспитаннаго въ семьѣ истинно христіанской, среди примѣровъ кротости, терпѣнія, любви и величайшаго самоотверженія. Въ Немъ — надежда наша. Онъ, проникнутый тѣмъ же духомъ какъ и почившій Державный Отецъ Его, Котораго мы оплакиваемъ вмѣстѣ съ Нимъ,— Онъ довершитъ дѣло и трудъ Усопшаго и твердо поведетъ Россію дальше по пути ея великаго историческаго призванія.

Теперь же, не падая духомъ, дадимъ волю скорби и слезамъ нашимъ. Будемъ плакать и молиться. Будемъ молиться за Него, за почившаго Царя нашего, Который теперь предъ престоломъ Божіимъ молится за народъ Свой, за Россію, за Сына Своего,—будемъ плакать и молиться чтобы была услышана и наша, и Его молитва...

* * *

(*Моск. Вѣд. № 290.*)

Общее народное чувство нашло себѣ откликъ въ московской печати. Слезы слышатся въ строкахъ *Московскаго Листка* (№ 293):

«Не стало Царя, носившаго въ Собственной душѣ всю душу крестоноснаго Русскаго народа!

«Не стало Царя, дышавшаго завѣтами исторіи и самоотверженно, до послѣдняго издыханія, вѣрно и неизмѣнно служившаго своему небесному призванію.

«Не стало Царя, Поборника вѣры и Ревнителя Церкви Православной, озарившаго лучами истиннаго благочестія Царскій тронъ, въ поученіе и разумъ Своему народу.

«Не стало Печальника Русской земли, облегчавшаго народныя страды и деннопощнымъ трудомъ устранявшаго нестроенія и водворявшаго всюду порядокъ и благоденствіе.

«Не стало Царя, торжественно возвѣстившаго, среди смутъ и колебаній, истину Самодержавія и поднявшаго знамя его такъ высоко что предъ нимъ стали благоговѣть западные народы.

«Не стало Самодержца, вершителя судебъ всего міра, облагодѣтельствовавшаго и Югъ, и Западъ, и Востокъ благами мира.

«Слезы льются, сердце рвется, долитъ тоска великая, неугасимая...

«Но не будемъ унывать и падать духомъ какъ народы, не имущіе упованія. Царь, въ Бозѣ почившій, научилъ насъ вѣровать въ Провидѣніе.»

«Скорбь глубокая», говорятъ *Новости Дня* (№ 4.079),— скорбь истинная — на всѣхъ лицахъ во всѣхъ взглядахъ, въ помыслахъ каждаго, кто умѣетъ сознать Кого лишилась Россія въ эту ужасную минуту!..

«Не стало Того, Кто, какъ искусный кормчій, несмотря на бури и непогоды, несмотря на то что Онъ принялъ корабль въ самую неблагопріятную минуту, тринадцать слишкомъ лѣтъ велъ довѣренный Ему Самимъ Богомъ народъ къ славѣ и могуществу. Не стало Того, Чье одно Имя внушало уваженіе самымъ закоренѣлымъ врагамъ Русскаго народа и самымъ упорнымъ недругамъ будущности этой великой европейской націи. Не стало Того, Кто въ неусыпныхъ трудахъ и заботахъ о благополучіи Своего Отечества, разстроивъ Свое драгоцѣнное здоровье, до послѣдняго дыханія думалъ о Своемъ народѣ. Плачь, Россія! Не стало нашего Великаго Императора и Самодержца Александра III!...

«Самимъ Богомъ былъ Онъ отмѣченъ для славнаго Царствованія.»

Отмѣтивъ вкратцѣ выдающіяся дѣла Его благословеннаго правленія, газета говоритъ:

«Нѣтъ Его между нами! Оспротѣла Русская земля, въ скорби и печали Русскій народъ! Плачь, Россія! Его не стало, не стало нашего Великаго Вѣнценосца, нашего обожаемаго Монарха, нашего Богомъ намъ даннаго Государя и Самодержца Императора Александра III.»

Описываетъ всенародную скорбь и *Курьеръ Торговли и Промышленности* (№ 265):

«Не стало Отца земли Русской, Императора Александра Александровича.

«Царская Семья въ горести оплакиваетъ Свою тяжелую потерю, потому что лишилась Своего Вѣнценоснаго Главы. Сто-

милліонное населеніе вѣрноподданныхъ потеряло Своего Обожаемаго Царя-Отца, заботившагося неустанно много лѣтъ на поприщѣ облегченія нуждъ Своихъ дѣтей-подданныхъ въ минувшіе тяжелые годы и много потрудившагося «не щадя силъ, на благо Своего народа».

Такова же статья *Русскаго Листка* (№ 293):

«Государь отошелъ въ вѣчность. Вѣнценосный Страдалецъ, изнуренный ужасною болѣзнью, такъ быстро подточившею Его могучія силы, почилъ вѣчнымъ сномъ,—а Россія, бѣдная, осиротѣвшая Россія рыдаетъ, убитая ужасною, страшною вѣстью, сообщенною офиціальною телеграммой, плачетъ непритворными слезами, потрясенная ужаснымъ горемъ переживаемымъ ею теперь.

«И она должна плакать, она должна быть безутѣшна. Она потеряла не только Монарха, не только Вѣнценоснаго Вождя,—она лишилась Державнаго Отца, человѣка великой души, возвеличившаго Свою страну и покрывшаго ее за свое кратковременное четырнадцатилѣтнее царствованіе неувядаемою славой...

«Его безвременная кончина повергнетъ въ скорбь не одну только Россію,—она потрясетъ и всѣ остальныя страны міра, съ искреннимъ соболѣзнованіемъ слѣдившія за тяжкимъ недугомъ Государя, сведшимъ Его нынѣ въ могилу. Его кончина поразитъ всѣ народы, привыкшіе видѣть въ Лицѣ почившаго Императора мудраго правителя, величаваго представителя Самодержавной власти, подъ отеческимъ управленіемъ Котораго благоденствовалъ Русскій народъ. И скорбь, которая нынѣ объемлетъ весь міръ, — будетъ тѣмъ глубже что еще недавно никто не предвидѣлъ такой скорой, роковой развязки, никто не думалъ что Россіи придется одѣться въ трауръ. Но такова воля Господня—ея же не прейдеши.»

Русскія Вѣдомости (№ 291) замѣчаютъ что—

«передъ незакрытою еще могилой не время говорить о значеніи прошлаго царствованія»,

и прибавляютъ:

«Невыразима скорбь Царственнаго Сына, пережившаго столь тяжкое испытаніе. Вступивъ на прародительскій престолъ, Онъ воспринялъ на Себя руководительство судьбами многомилліоннаго населенія великой страны. Да почерпнетъ же Юный Монархъ въ тѣсномъ единеніи со Своимъ народомъ несокрушимую мощь на предстоящій Ему подвигъ Царственнаго служенія родной землѣ.»

Да, въ этомъ единеніи со своимъ народомъ всегда коренилась мощь русскихъ Самодержцевъ. Оно было незыблемо, останется незыблемымъ и впредь: оно—завѣтъ всей нашей исторіи,

опо—завѣтъ и почившаго Монарха, все царствованіе Котораго являлось именно высокимъ образцомъ этого единенія Царя съ народомъ,—единенія даже немыслимаго въ странахъ, лишенныхъ крова Самодержавной Власти.

* * *

(*Моск. Вѣд. № 291.*)

Полученныя нынѣ газеты, какъ петербургскія такъ и провинціальныя, полны выраженіями всенароднаго чувства горести при вѣсти о кончинѣ Государя Императора Александра Александровича.

С.-Петербургскія Вѣдомости (№ 287) говорятъ:

«Тяжкое, подавляющее горе обрушилось на Русскую землю. Провидѣнію угодно было призвать къ жизни вѣчной Того, Кто многіе годы мирно и благополучно правилъ страною, Кто державно оберегалъ ее отъ опасностей, съ отеческою любовью врачевалъ ея недуги и неустанно, не щадя силъ, трудился надъ ея прочно развивавшимся благосостояніемъ. Не стало Того, въ Комъ Русскій народъ чтилъ помазаннаго Господомъ Богомъ верховнаго Вождя своего, а чуждые народы—охранителя мира и справедливости.

«Передъ подавляющимъ значеніемъ совершившагося умолкаетъ рѣчь»...

Новое Время (№ 6.698) высказываетъ тѣ же чувства:

«Не вѣрилось въ несчастіе, а оно было близко, оно предчувствовалось, но ему не хотѣлось вѣрить. Сердце сжималось отъ печали, отъ предчувствія и искало надежды, хотя бы намека на надежду въ этихъ краткихъ, слишкомъ краткихъ извѣстіяхъ о ходѣ болѣзни Государя. Ловили всякій слухъ, допрашивали каждаго, пріѣзжающаго съ юга, справлялись съ извѣстіями иностранныхъ газетъ, гадали, спорили и даже самый малый лучъ надежды принимали съ увѣренностью, что Государь будетъ жить. Все это доказывало, какъ велика была любовь къ Государю и вѣра въ Него, какія надежды возлагали на Его чуткое сердце, на Его русскій разумъ, на Его любовь къ Россіи»...

Газета вспоминаетъ обаятельный образъ почившаго:

«Чѣмъ-то сердечнымъ, скромнымъ и таинственно-трогательнымъ Онъ былъ окруженъ въ своей семьѣ, въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Гдѣ-то раздавались воинственныя рѣчи, угрозы, шумѣли витіи, думая потрясать міръ, лились льстивыя рѣчи заискиванія извнѣ, но Онъ продолжалъ свою упорную работу, чуя собственнымъ сердцемъ то, что̀ есть самое важное въ жизни и

старался, чтобъ это самое важное торжествовало. И это самое важное было—миръ и правда. Самые недовѣрчивые, самые великіе дипломаты должны были спрятать передъ Нимъ свое лгущее оружіе. Никогда Европа не бывала передъ такимъ явленіемъ какое представлялъ собою Почившій Государь. Онъ оставался спокойнымъ и сильнымъ своею великою честностью человѣка и Царя и своимъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ. И Онъ побѣдилъ Европу, Онъ заставилъ ее цѣнить миръ и вѣрить Ему, Русскому Царю, вѣрить Его чистому сердцу.

«Онъ почилъ въ сознаніи Человѣка и Царя, который помнилъ всегда о смертномъ часѣ и своей совѣсти, никогда не забывая что Онъ Царь и что Онъ обязанъ дать отчетъ передъ Престоломъ Всевышняго. Истинно Русскій Царь, выразитель лучшихъ свойствъ русскаго человѣка, великій работникъ на престолѣ, Онъ много вынесъ и душевныхъ тревогъ, правя такимъ огромнымъ царствомъ и утверждая въ Европѣ миръ. Благодарная Родина вѣчно будетъ помнить въ Немъ своего добраго, мудраго, любящаго и миролюбиваго Государя и своего возлюбленнаго Сына, Который отдалъ ей всю свою жизнь и служилъ ей до самопожертвованія, до послѣдняго біенія своего благороднаго сердца»...

Сынъ Отечества (№ 286) говоритъ:

«Въ лицѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Россія лишилась великаго Миротворца и мудраго устроителя своихъ судебъ.

«Обезопасивъ свое государство отъ дѣйствій крамолы, Его Величество съ прозорливостію, свойственною истинно-мудрымъ государственнымъ дѣятелямъ, далъ новое направленіе и ходъ нашей политической жизни. Въ Его кратковременное, сравнительно, царствованіе воля Россіи и желанія Державнаго ея Вождя стали чуть не закономъ для всей Европы. Россія вступила на твердый и вѣрный путь своего національнаго и мирнаго преуспѣянія. Проницательный устроитель судебъ Своего народа, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ на первое мѣсто выдвинулъ именно національную честь и достоинство Своего государства и съ этой національной точки зрѣнія предначерталъ и осуществилъ цѣлый рядъ существенно важныхъ предначинаній. То, что сдѣлано за эти немногіе годы славнаго и мирнаго царствованія въ Бозѣ почившаго Государя, оставляетъ по себѣ прочный и незгладимый слѣдъ въ исторіи нашего дорогаго отечества, судьбы котораго, по волѣ Промысла, ввѣряются отнынѣ въ руки Наслѣдника Русскаго Престола.

«Да будетъ благословенна во вѣки вѣковъ память въ Бозѣ почившаго нашего Государя Императора Александра Александровича!»

Петербургская Газета (№ 289) говоритъ:

«Плачь, Россія! Не стало Государя, Который былъ истиннымъ Державнымъ Вождемъ твоимъ въ трудныя годины.

«Придетъ время, народится историкъ, который пойметъ и оцѣнитъ всю трудность и всю плодотворную дѣятельность столь непродолжительнаго царствованія Монарха-Умиротворителя.

«Изъ отдаленія будущихъ вѣковъ безпристрастный историкъ наиболѣе отчетливо разсмотритъ перспективу той эпохи, которая отвлечетъ его взоръ къ началу царствованія въ Бозѣ Почившаго Государя Александра III.

«Это было тяжкое время общественной смуты на Руси, время броженія неустойчивыхъ умовъ и злыхъ намѣреній. Это была мрачная страница изъ русской исторіи, завершившаяся ужасною катастрофой 1 марта.

«Идти далѣе въ этой тьмѣ было некуда. Нуженъ былъ просвѣтъ, исходящій сверху, съ высоты трона.

«Въ Бозѣ почившій Государь Александръ III оказался на высотѣ своего священнаго призванія.

«*Царь-Умиротворитель*—вотъ имя, которое было создано Его недолгою, но въ высшей степени плодотворною дѣятельностью.

«Плачь, Россія! Онъ велъ тебя твердою и мощною рукой къ счастію мира и благоденствія.»

Свѣтъ (№ 247) говоритъ:

«Александръ III вступилъ на престолъ, когда государство наше было распатано нигилизмомъ, невѣріемъ и слабою нравственностью. Среди этой общей распатанности погибъ отъ рукъ злодѣевъ великодушнѣйшій изъ монарховъ Александръ II. Съ воцареніемъ Императора Александра III все стало успокоиваться, какъ бы само собою. Не было предпринято коренныхъ преобразованій ни въ войскѣ, ни въ администраціи. А между тѣмъ государство успокоилось, окрѣпло, стало сильнымъ: нигилизмъ исчезъ, какъ дымъ, власть стала сильною и твердою, народъ спокойнымъ, государство увѣреннымъ. Вотъ истинное чудо Монарха, чудо Правителя, чудо любящаго Отца, чудо достигнутое высокими личными качествами Правящаго. Императоръ Александръ III прославилъ Собою Россію, какъ никто не прославлялъ. Его предсмертная болѣзнь ясно указала что не одна Россія, но весь міръ боялся потерять этого Государя и человѣка. Молились православные, римско-католики, англи-

кане, магометане, Евреи. Молились во всѣхъ Европейскихъ государствахъ и въ Америкѣ объ исцѣленіи болящаго Русскаго Монарха. Ничего подобнаго не было отъ созданія государствъ!»

Биржевыя Вѣдомости (№ 290) говорятъ:

«Величайшею заслугой Александра III всегда пребудетъ то, что Онъ высоко поднялъ и высоко держалъ знамя русской народности. Въ самой Русской землѣ смѣлѣе стали, по Его почину, говорить о русскомъ духѣ и самостоятельныхъ задачахъ Русскаго народа. Въ силу поднятія значенія русскаго стяга въ предѣлахъ самой Россіи, царствованіе Александра III значительно увеличило обаяніе знамени этого для всѣхъ народовъ зарубежной Европы. Оттого-то скорбь почти всего западнаго міра и присоединяется въ настоящее время къ родной нашей собственной скорби.

«Да утѣшитъ же Господь въ настоящую тяжелую минуту сыновнее сердце молодаго Царя!»

Петербургскій Листокъ (№ 289) пишетъ:

«Не хочется мириться съ мыслью, что смерть похитила у Отечества Монарха въ цвѣтѣ силъ и здоровья.

«И нескоро милліоны Русскаго народа освоятся съ мыслью роковой потери и еще труднѣе будетъ примириться съ нею.

«Молись, православный народъ! Молись за Царя-Миролюбца, видѣвшаго въ мирѣ твою славу и величіе... Молись за упокоеніе души Монарха, хранителя правды и мира!

«Вѣчная ему память! Вѣчная ему память!..»

Въ *Гражданинѣ* (№ 290) читаемъ:

«Судьбы Божіи неисповѣдимы...

«Свершилось!..

«Нашъ обожаемый Государь Александръ III скончался...

«Смирись предъ Божіею волей русская душа.

«Смирись и усердною молитвой, неуклонною правдой, строгимъ выполненіемъ своего долга, терпѣливымъ перенесеніемъ нуждъ и лишеній, стремленіемъ къ добру и честнымъ трудомъ на благо отечеству и Царю въ утѣшеніе, докажи что скончавшійся Труженикъ-Царь, не оставлявшій до послѣдней минуты Своей жизни государственныхъ дѣлъ, не даромъ принесъ Себя въ жертву намъ, не даромъ умеръ преждевременно, истощивъ Свои силы, здоровье и даже самую жизнь на благо отечеству, руководителемъ котораго Онъ былъ поставленъ волей Царя Царей.

«Слишкомъ еще велика скорбь, слишкомъ болѣзненна еще рана, нанесенная всѣмъ намъ Его преждевременною кончиной,

чтобы говорить о чемъ-нибудь, кромѣ этого страшнаго, ужаснаго горя...

«Будемъ же молиться за почившаго въ Бозѣ Государя нашего, въ христіанскомъ смиреніи памятуя слова молитвы Господней:

«Да будетъ воля Твоя!»

Новости (№ 290) говорятъ:

«Русскій народъ помянетъ добромъ минувшее царствованіе и вознесетъ теплыя молитвы объ упокоеніи Государя Александра Александровича, принявъ, какъ и всегда, близко къ сердцу великое горе Царской Семьи.»

Волгарь (№ 249) пишетъ:

«Громовымъ ударомъ пронесется по всему міру вѣсть о кончинѣ Государя. Во всѣхъ странахъ міра, у всѣхъ народовъ вызоветъ эта вѣсть чувство одинаковое съ тѣмъ, которымъ преисполненъ Русскій народъ—чувство глубокой скорби.

«Но сочувствіе цѣлаго міра къ Россіи въ постигшемъ ея несчастіи не облегчитъ того глубокаго горя въ которое повергнутъ нынѣ Русскій народъ.

«Господь Вседержитель да упокоитъ со Святыми Своими нынѣ отшедшаго отъ насъ Царственнаго Страдальца! Память о Немъ да сохранится изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ, до конца видимаго нами міра. Дѣла Его да создадутъ Ему вѣчную славу!»

* * *

(*Моск. Вѣд. № 292.*)

Вся печать единодушно исполнена скорби о невозвратной потерѣ и горячо привѣтствуетъ Государя Императора. Всѣ газеты переполнены очерками прошлаго царствованія и выраженіями преданности новому Государю. Ограничиваемся лишь немногими выписками за полною невозможностью сколько-нибудь широко воспроизвести общій голосъ печати:

Въ *Journal de St.-Pétersbourg* напечатано:

«Императоръ Александръ III отозванъ изъ этого міра!..

«Съ одного конца нашего обширнаго отечества до другаго ужасная вѣсть повергла всѣ сердца въ жесточайшую скорбь и тягчайшее удрученіе.

«Русскій народъ лишился лучшаго изъ государей, добраго, справедливаго и милостиваго Монарха, окруженнаго безграничною любовью, безмѣрнымъ почтеніемъ и благодарностью, которая не пройдетъ во вѣкъ,—Монарха, который въ четырнадцатилѣтнее Свое царствованіе возвысилъ Россію до столь

высокой степени народнаго развитія и преуспѣянія, почета, власти и могущества. Воля Божія да исполнится! Оплакивая преждевременную кончину своего многолюбимаго Государя, Русскій народъ смиренно склоняется передъ неисповѣдимыми судьбами Провидѣнія.

«Нашъ народъ, удрученный своимъ тяжкимъ горемъ, въ сокровищницѣ своей глубоко-религіозной души, въ любви и вѣрности къ своей славной династіи, въ спокойной энергіи, которую онъ всегда проявлялъ во дни народныхъ испытаній, сумѣетъ найти необходимую силу чтобы смириться и съ покорностью и доблестью исполнить предначертанную ему великую судьбу. Онъ знаетъ что Провидѣніе оказываетъ покровительство и поддержку народамъ, которые не падаютъ подъ ударами судьбы, какъ бы жестоки они ни были.

«Въ сердцѣ своемъ Русскій народъ сохранитъ вѣчную память о почившемъ Императорѣ и на своего новаго Государя перенесетъ всю любовь, всю преданность и вѣрноподданническую привязанность, которыя онъ питалъ къ Тому, Чья кончина вызываетъ нынѣ его слезы. Онъ возноситъ къ Богу горячія молитвы, дабы, въ Своей безконечной благости, Господь далъ Ея Величеству Императрицѣ силы соразмѣрныя безграничному горю, въ которое Она повергнута. Съ горестнымъ сочувствіемъ присоединяется онъ къ печали, которая поразила всю Августѣйшую Императорскую Семью и даетъ міру блестящій примѣръ народа всегда непоколебимо вѣрнаго своей династіи какъ въ горестные, такъ и въ счастливые дни.

«Преждевременная кончина Императора Александра III,—чье царствованіе, увы! столь краткое,—будетъ золотыми литерами запечатлѣно на скрижаляхъ исторіи,—произведетъ также громаднѣйшее и глубочайшее впечатлѣніе за границей, гдѣ нашъ многолюбимый Монархъ по справедливости пользовался всеобщимъ уваженіемъ какъ могущественный Покровитель мира на землѣ, соблюденіе котораго составляетъ драгоцѣннѣйшее желаніе нашего народа, всецѣло преданнаго мирному труду.

«Императоръ Александръ III почилъ!.. Боже, храни Императора Николая II!.. Боже, храни наше дорогое отечество!..»

Въ *Новомъ Времени* (№ 6.699) пишутъ:

«Высочайшій Манифестъ о восшествіи на престолъ Императора Николая Александровича какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ общимъ настроеніемъ, охватившимъ въ эти дни всѣ слои нашего общества. Молодой Государь въ первомъ Своемъ Царскомъ Словѣ къ подданнымъ говоритъ не столько о Себѣ, сколько объ усопшемъ Родителѣ, говоритъ какъ нѣжно любящій

сынъ, преисполненный искренней любви, уваженія и признательности къ почившему Императору. Указывая что почившій Монархъ любилъ родную землю всею силой своей русской души, что Онъ олицетворялъ «непоколебимую правду и миръ», молодой Императоръ весь въ этомъ прошломъ. Характеристика покойнаго Государя сдѣлана въ такихъ выраженіяхъ, какъ будто слышишь въ словахъ Манифеста голосъ собственнаго сердца. Молодой Государь не могъ дать большаго утѣшенія Россіи, какъ заявить въ Высочайшемъ Манифестѣ что Онъ вспоминаетъ завѣты усопшаго Родителя и, проникшись ими, пріемлетъ священный обѣтъ предъ Лицомъ Всевышняго «всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи и устроеніе счастья всѣхъ вѣрноподданныхъ.»

Въ *Гражданинѣ* (№ 291) пишутъ:

«Сегодня обнародованный Манифестъ явился полнымъ отвѣтомъ на все, чего желала русская душа въ эту скорбную, но торжественную минуту жизни Русскаго народа. Онъ какъ бы облегчилъ томившую ее тоску и любящею душой коснулся ласково ея раны.

«Слова о Завѣтахъ почившаго Отца, воспринятыхъ Сыномъ въ минуту вступленія на прародительскій престолъ, все сказали. Смыслъ ихъ великъ и святъ именно для Русскаго народа. Принявъ ихъ душой, любившею почившаго Царя и воспитанною въ почитаніи тѣхъ историческихъ преданій, которыя такъ же дороги Русскому народу для его духовной жизни, какъ дорогъ ему воздухъ для дыханія, онъ увѣровалъ, что Царь Александръ III не умеръ для него, но только отошелъ и опочилъ отъ дѣлъ своихъ и заботъ, отошелъ изнемогши въ трудѣ, и призвалъ продолжать Свое дѣло Молодаго и Возлюбленнаго Сына-Первенца.»

Московскій Листокъ (№ 295) пишетъ по поводу Манифеста:

«Глубоко падаетъ на сердце народа это возвышенное Царское Слово, исполненное невыразимой скорби о преждевременно почившемъ Державномъ Отцѣ и растворенное незыблемою вѣрой въ непостижимые пути Божественнаго Провидѣнія. Откликнется русская душа всѣми силами своими на призывъ Царя къ единенію съ Нимъ и преданности Ему, ибо она чуетъ, знаетъ и убѣдилась опытомъ вѣковъ, что въ этомъ именно единеніи вся сила и крѣпость святой Руси.

«Священныя слова съ высоты Престола одинаково понятны какъ развитому русскому патріоту, такъ и непосредственному чувству эпическаго русскаго человѣка. Завѣты почившаго

Русскаго Царя—суть завѣты Его истинной русской души, завѣты исторіи, коими ознаменованы всѣ Его дѣянія, завѣты идеаловъ народнаго духа. Проникновеніе ими, возвѣщенное въ Манифестѣ, затрогиваетъ всю глубину народнаго духа и огонь любви къ Монарху разжигаетъ въ пламень неугасимый.»

Русско-нѣмецкая печать также горячо и единодушно оплакиваетъ кончину Императора Александра III, и со своей стороны представляетъ своимъ читателямъ великія заслуги въ Бозѣ почившаго незабвеннаго Монарха.

St.-Petersburger Zeitung пишетъ:

«И частная семья испытываетъ страшное потрясеніе когда она преждевременно лишается своего главы, любимаго супруга и отца, своего руководителя и путеводителя, волѣ котораго она привыкла подчиняться. Россія же лишилась своего Государя, Отца стомилліоннаго народа, каждый членъ котораго ожидалъ отъ Царя защиты и охраненія, споспѣшествованія всякому добру и благу и отпора всякому злу. Неудивительно что скорбь о потерѣ такого Царя возрастаетъ до грандіозныхъ размѣровъ, распространяясь по лицу цѣлой трети земнаго шара. Мало того, у смертнаго одра Императора Александра плачетъ не только Его собственный вѣрный народъ, безпредѣльно Его любившій и почитавшій; не одни только Русскіе взирали на этого Государя какъ на высшаго вершителя ихъ судебъ. Вся Европа, а также Азія,—необъятныя территоріи,—осѣнялись славой Бѣлаго Царя, видѣли въ могущественномъ Самодержцѣ Россіи властителя, Чья мудрость, справедливость, честная и добрая воля одинъ разрѣшали вопросъ о войнѣ и мирѣ и предопредѣляли такимъ образомъ судьбу всего цивилизованнаго міра. Даже Сѣверная Америка, слѣдующая въ своемъ самомнѣніи республиканскому режиму, преклоняетъ главу предъ этимъ Царемъ.»

Указывая далѣе на великія дѣла покойнаго Государя въ области внутренней и внѣшней политики и на Его безпримѣрное миролюбіе, газета говоритъ:

«За это миролюбіе Его память благословляютъ не только подвластные ему народы, но и вся Европа. Святой обѣтъ, данный Имъ въ страшный день 1 марта 1881 года, позвятить, по завѣту предковъ. Своихъ, всю свою жизнь заботамъ о благоденствіи, могуществѣ и славѣ Россіи, Онъ честно исполнялъ до послѣдняго Своего воздыханія. Прославленному Миротворцу и Его великимъ дѣяніямъ вѣчная память и благодарность!»

St.-Petersburger Herold пишетъ:

«Потоки слезъ, проливавшіеся за послѣдніе дни при горячихъ молитвахъ о выздоровленіи нашего возлюбленнаго Монарха, льются теперь еще обильнѣе, вызываемые скорбію и печалію по случаю Его преждевременной кончины и сопровождаемые горячими мольбами объ упокоеніи Его великой души, возносящимися къ престолу Всевышняго. И всѣ эти безчисленныя слезы, льющіяся изъ глубины души, представляютъ драгоцѣнное свидѣтельство тому, какъ дорогъ и любезенъ былъ сердцу всѣхъ Его подданныхъ великій Миротворецъ. Царь-Миротворецъ нынѣ самъ успокоился въ мирѣ вѣчномъ! Да послужитъ же юному Вѣнценосцу нашему, Его Величеству Императору Николаю, въ нынѣшніе тяжкіе дни Его скорби и печали утѣшеніемъ безпредѣльная преданность и вѣрность, которыя выражаютъ Ему отъ всей души Его народы, наравнѣ съ тѣми же чувствами, которыя они питали къ незабвенному въ Бозѣ почившему Родителю Его.»

* * *

(*Моск. Вѣд. № 293.*)

Кіевлянинъ (№ 291) говоритъ:

«Не станемъ говорить о нашихъ чувствахъ. Пусть каждый хранитъ въ себѣ эти чувства и каждый исполняетъ свой долгъ въ память Того, Кто далъ намъ идеальный примѣръ исполненія долга при всѣхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, въ государственныхъ дѣлахъ и частной жизни.

«Передъ нашими очами встаетъ картина 1 марта 1881 года. Сердце разрывалось отъ горя, стыда, раскаянія, негодованія, а мысль удручалась тяжкими тревогами. Настоящее было страшно, будущее казалось неизвѣстнымъ и загадочнымъ, но грознымъ. Смятеніе царило не только въ обществѣ, но окружало самое подножіе Престола; ближайшіе совѣтники Государя держались различныхъ, даже противоположныхъ воззрѣній на дальнѣйшій историческій путь Россіи.

«Тяжко, но непродолжительно было испытаніе духа Царскаго. Выборъ пути былъ сдѣланъ твердо и безповоротно лично Государемъ. Кто знаетъ тотъ историческій моментъ, совокупность окружающихъ обстоятельствъ, могучія вліянія и силы боровшіяся между собою, наконецъ, неисчислимыя послѣдствія того или иного рѣшенія поставленныхъ вопросовъ, тотъ пойметъ, сколько требовалось твердости и мужества чтобы немедленно принять рѣшеніе и прекратить колебанія, грозившія сами по себѣ роковыми послѣдствіями.»

Кіевское Слово (№ 2.433) пишетъ:

«Гдѣ взять слова, чтобы выразить неизмѣримую, неутолимую горесть, которая наполняетъ сердца подъ вліяніемъ извѣстія о кончинѣ Государя Императора Александра Александровича? Всемірная исторія запишетъ на своихъ скрижаляхъ имя и дѣянія Императора Александра III самыми блестящими литерами, какія имѣются въ ея распоряженіи. О, Русь, родная! Неизмѣримо много согрѣшила ты, согрѣшили всѣ мы, твои дѣти и насельники, если Богу угодно было отозвать въ лучшій міръ нашего Отца, Великаго Русскаго народнаго Царя-Миротворца!»

Виленскій Вѣстникъ (№ 226) говоритъ:

«Былъ готовъ уже нумеръ газеты, когда телеграфъ принесъ роковую вѣсть. Общерусское горе такъ велико, на душѣ такъ тяжело что мысль цѣпенѣетъ, слово замираетъ на устахъ. Каждый Русскій человѣкъ весь проникнутъ скорбнымъ чувствомъ; любвеобильная Церковь призываетъ насъ въ храмъ Божій, гдѣ совершена будетъ сегодня заупокойная литургія и панихида, чтобы хоть нѣсколько облегчить душевную тяжесть молитвой объ упокоеніи въ обители небесной Новопреставленнаго Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра III.»

Варшавскій Дневникъ (№ 269) пишетъ:

«Только молитвой за упокой души Благочестивѣйшаго Великаго Государя нашего мы можемъ утолить невыразимое горе нашихъ сердецъ, полныхъ безграничной любви къ Почившему за Его любовь и живой благодарности за великій подвигъ Его Царственной, безвременно угасшей жизни, за Его неусыпные труды и заботы о насъ, за все, за все, чѣмъ Великій Незабвенный Государь нашъ Александръ III, въ сердцахъ живущаго и грядущихъ русскихъ поколѣній, стяжалъ для себя неизсякаемую, вѣчную память.»

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 294.)

Газеты не перестаютъ наполняться откликами общенароднаго чувства.

Саратовскій Листокъ (№ 226) по поводу кончины Императора Александра III, говоритъ:

«Судьбы Божіи неисповѣдимы!.. Господу Богу угодно было отозвать къ Себѣ раба Своего Александра III, нашего мудраго и возлюбленнаго Монарха. Скорбь наша безмѣрна, но въ ней нѣтъ и не можетъ быть мѣста отчаянію: почившій Государь,

отходя въ вѣчность, оставилъ своему законному и прирожденному Наслѣднику, а теперь Государю Императору Николаю II Александровичу, и благоустроенное государство, и многомилліонное общество вѣрноподданныхъ, скорбящихъ объ умершемъ, но перенесшихъ свою любовь, вѣрность и надежды на воцарившагося Сына Почившаго».

Новороссійскій Телеграфъ (№ 6.264) въ моментъ полученія роковаго извѣстія восклицаетъ:

«Государь Императоръ Александръ III скончался... Не чернилами, кровью сердца пишутся эти роковыя строки. Нѣтъ словъ, нѣтъ связныхъ мыслей чтобы выразить всю необъятную ширь русскаго горя... Слова молитвы не идутъ на уста, они придутъ, но не теперь... не въ эти первыя скорбныя минуты.

«Закатилось солнце Россіи, нависла до земли черная туча... и все мракъ, все ужасъ, все скорбь безъ предѣла и названія передъ этою такъ безвременно разверстою могилой Царя-Миротворца.»

«Вѣчная память Ему отъ вѣка до вѣка, отъ края до края, вѣчная память Ему русскихъ сердецъ».

Одесскія Новости (№ 3.101) пишутъ:

«Страшное горе обрушилось на Россію! Провидѣнію угодно было отнять у нея ея Вѣнценоснаго Вождя и Благодѣтеля, и вся Русь вѣрноподданная облечется нынѣ въ глубокій трауръ. Ужасная вѣсть о кончинѣ Возлюбленнаго Монарха съ быстротой молніи облетитъ всю Россію отъ края до края, повергая весь Русскій народъ въ неизъяснимое горе и печаль.

«Въ сердцѣ Русскаго народа память о Царѣ Александрѣ Александровичѣ никогда не изгладится, и изъ поколѣнія въ поколѣніе будутъ передаваться съ благоговѣніемъ сказанія объ Его великихъ подвигахъ и благодѣяніяхъ оказанныхъ Россіи.»

Новости (№ 293) передаютъ впечатлѣнія одного иностраннаго корреспондента въ Исаакіевскомъ соборѣ, вечеромъ 20 октября:

«Сегодня вечеромъ, проходя мимо Исаакіевскаго собора, я подумалъ, не совершается ли тамъ уже похоронная служба, и потому послѣдовалъ за направлявшимися туда людьми. Народъ шелъ туда съ какою-то нервною торопливостью; у женщинъ головы были закутаны въ черные платки, лица встревоженныя и огорченныя. Извѣстіе о кончинѣ Государя Императора уже распространилось на улицахъ и первымъ движеніемъ народа было броситься въ церкви. Внутри церкви люстры погашены, и только свѣтъ лампадъ слабо освѣщаетъ внутренность собора,

тонущаго въ темнотѣ. Всѣ входящіе въ храмъ торопятся купить восковыя свѣчи и, зажигая, ставятъ ихъ передъ образами. Женщины въ лохмотьяхъ, повидимому, отказываютъ себѣ въ кускѣ хлѣба для того чтобы пріобрѣсти восковую свѣчку, которую онѣ бережно держатъ въ рукахъ. Народъ толпится у образовъ, прикладывается къ нимъ и, затѣмъ, опускаясь на колѣни, долго и горячо молится.

«Я слышу позади себя рыданія. Это женщина распростертая на землѣ. Она приподняла голову, и я увидѣлъ ея огорченное лицо, по которому струились слезы. Она одѣта бѣдно; старая драповая мантилья покрываетъ ея плечи; на головѣ у нея красный вязаный платокъ.

«Грустные торжественные звуки похороннаго пѣнія раздались подъ сводами храма. Присутствовавшіе вторили діакону и пѣвчимъ,—все это производило необычайное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественное впечатлѣніе. Церковь все наполнялась. Народъ прибывалъ, и скоро все свободное пространство было занято молящимися. При нѣкоторыхъ словахъ молитвы всѣ падаютъ на колѣни. Происходитъ нѣкоторое смятеніе, и въ это время никто не замѣчаетъ, что съ зажженныхъ восковыхъ свѣчей, которыя находятся въ рукахъ молящихся, капаетъ воскъ на ихъ одежды.

«Большинство молящихся—простой народъ. На ихъ подвижныхъ лицахъ видѣется неподдѣльное горе. Въ эту минуту они всѣ испытываютъ такое чувство, какъ будто потеряли что-то невозвратное, необходимое для ихъ существованія, могущественную опору въ жизни. Въ смятеніи, которое охватило ихъ души, они бросились искать поддержки и утѣшенія въ храмѣ.»

* * *

(*Моск. Вѣд. № 298.*)

Сегодняшній день Москва провела въ томительномъ ожиданіи священнаго праха въ Бозѣ почившаго возлюбленнаго Государя Императора Александра Александровича. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ что тѣло обожаемаго Монарха прибудетъ въ первопрестольную столицу въ воскресенье, 30 октября, на улицахъ сразу усилилось движеніе, которое увеличилось послѣ полудня. Народъ толпами направлялся на улицы, которыя отличаются выдающимся траурнымъ убранствомъ. Особенно большое оживленіе наблюдалось на Тверской улицѣ, Кузнецкомъ Мосту, на Театральной и Воскресенской площадяхъ. Вездѣ, гдѣ выставлены портреты и бюсты усопшаго Царя, народъ стоялъ массами. Затѣмъ въ теченіе цѣлаго дня до поздняго вечера

происходило усиленное движеніе по пути слѣдованія печальной процессіи отъ Николаевскаго вокзала до Кремля. Весь этотъ путь обращенъ въ невиданную до сихъ поръ траурную декорацію, которая размѣрами превзошла самыя сильныя ожиданія. Работы по приготовленію траурнаго убранства не вездѣ закончены были къ вечеру и продолжались въ теченіе ночи. Съ вечера весь путь сталъ усыпаться пескомъ, а въ Кремлѣ къ этой работѣ было приступлено еще днемъ.

Погода стояла въ теченіе дня хорошая, ясная.

Въ день прибытія тѣла Государя всѣ торговыя заведенія будутъ закрыты.

Въ Москву прибыла масса иностранныхъ корреспондентовъ и иллюстраторовъ; между ними имѣются представители всѣхъ большихъ иностранныхъ газетъ.

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 298.)

Завтра, въ воскресенье, прибудетъ въ Москву прахъ почившаго Императора. Въ Архангельскій Соборъ, въ усыпальницу Русскихъ Царей, перенесутъ прахъ Того, о Комъ теперь молится вся Россія. Здѣсь, среди гробницъ Великихъ Московскихъ князей и царей — собирателей Земли Русской, близъ гробницъ великихъ святителей нашихъ будетъ поставленъ и Его гробъ; сюда будетъ стекаться народъ поклониться праху усопшаго Царя и Отца своего, чтобы проститься съ Нимъ «послѣднимъ лобзаніемъ»...

Прахъ почившаго Императора печально и торжественно шествуетъ къ намъ, въ сердце Россіи, въ Москву, съ дальняго юга, гдѣ скончался Онъ, нашъ Отецъ и Царь. Чувствуется какъ бы особое дѣйствіе Промысла въ этой Его кончинѣ, тамъ, далеко, на послѣднихъ граняхъ Его царства. Провидѣніе какъ бы сжалилось надъ народомъ, столь любившимъ Его, давши этому народу возможность проститься съ Царемъ своимъ на всемъ протяженіи пути по которому слѣдуетъ печальное шествіе. Мы не имѣемъ еще подробныхъ извѣстій объ этомъ шествіи, но и безъ этихъ извѣстій знаемъ, что народъ во множествѣ стекается чтобы хотя издали поклониться праху почившаго Царя, проститься съ Нимъ, и помолиться о Немъ...

Печально и торжественно шествуетъ Онъ, проходя въ послѣдній разъ землю Свою, проходя въ послѣдній разъ среди народа Своего, который Онъ такъ возлюбилъ что и жизнь Свою положилъ за него. Съ Нимъ Сынъ Его, Государь нашъ, надежда Россіи; съ Нимъ Супруга Его, отягченная жестокою

скорбью Царица; съ Нимъ Дочь Его, Невѣста юнаго Царя нашего, наша *русская* Великая Княжна, — великая женская душа раздѣляющая съ Царственнымъ Женихомъ своимъ Его жестокую скорбь, Его заботы, Его печаль, преданная Ему какъ первая вѣрноподданная, готовая стать Его преданною Супругой: окружаетъ прахъ почившаго Царя вся семья Его.

Москва, облеченная въ траурныя одѣянія, въ торжественномъ и печальномъ безмолвіи ожидаетъ прибытія царственныхъ останковъ. Въ эти минуты ей ничего не осталось болѣе какъ со скорбію сердца и смиреніемъ молиться—молиться о Почившемъ, молиться и о Немъ, юномъ Царѣ нашемъ, подъемлющемъ бремя, подъемлющемъ крестъ возложенный на Него Всемогущимъ Богомъ. И Москва молится. Молится съ вѣрой и надеждой, молится, вѣруя что за всѣхъ насъ, за Сына Своего, за народъ Свой, молится предъ престоломъ Царя Царей и Опъ, Почившій. Мы молимся съ вѣрой въ слово Божіе, гласящее намъ истину; мы знаемъ что Царь нашъ, любимый нашъ Царь, не умеръ, нѣтъ, ибо сказано Спасителемъ и Господомъ нашимъ: «Азъ есмь воскресеніе и животъ: вѣрующій въ Меня аще и умретъ—оживетъ.» И мы вѣримъ что Опъ, Почившій, ожилъ, и изливаетъ любовь Свою къ народу Своему предъ престоломъ Царя царствующихъ и Господа господствующихъ.

Мы, со всѣмъ народомъ, вѣруя слову Спасителя нашего, знаемъ что Опъ, Почившій, теперь дѣйствительно и несомнѣнно предстоитъ предъ престоломъ Царя царствующихъ; ибо сказано всѣмъ народамъ и на всѣ вѣка: «Блаженны чистые сердцемъ, *ибо они Бога узрятъ.*» А Опъ ли, почившій Отецъ нашъ, не былъ чистъ сердцемъ?

Въ этомъ вѣрованіи, въ этомъ знаніи величайшее утѣшеніе наше...

Завтра, въ воскресенье, къ намъ прибудетъ прахъ почившаго Царя, завтра же мы увидимъ и нашего юнаго Императора—надежду Россіи. Не кликами торжества, радости и веселія встрѣтимъ мы Его, а слезами и печалью,—но наши слезы сольются съ Его слезами, наша скорбь сольется съ Его скорбью,—и эти святыя слезы, и эта святая скорбь, еще тѣснѣе соединятъ насъ съ Нимъ на всю жизнь неразрывными узами.

И ради молитвъ всего народа Русскаго, ради молитвъ почившаго Царя нашего, ради любви Его къ народу Твоему, Господи, ради любви народа Твоего къ Нему,—помилуй и спаси насъ, малодушныхъ, грѣшныхъ и недостойныхъ. Подкрѣпи Царя нашего, дай Ему силу и крѣпость, разумѣніе и волю свершить подъятый имъ подвигъ, дай намъ силу, крѣпость, разумѣніе и волю служить Ему вѣрой и правдой,—помилуй и всѣхъ, сколько

есть среди насъ, строптивыхъ, легкомысленныхъ, шатающихся, малодушныхъ, отошедшихъ отъ Тебя, и идущихъ по произвольнымъ путямъ человѣческимъ, — помилуй и ихъ, ради молитвы почившаго Праведника, — помилуй и ихъ, огласи ихъ словомъ истины, открой имъ Евангеліе правды, соедини ихъ со своею Свя́тою Церковію, дай имъ силу вѣрно и честно служить Государю, Которому они клялись служить предъ лицомъ Твоимъ, скрѣпляя свою клятву цѣлованіемъ Креста, знаменующаго великое Твое страданіе за міръ и за нихъ, купленныхъ Твоею кровію, и цѣлованіемъ Евангелія Твоего, въ коемъ Ты открылъ путь жизни и спасенія...

* * *

(*Моск. Вѣд. № 307.*)

Русск. Об. (ноябрь) пишетъ, что Императоръ Александръ III «положилъ непереходимую грань между будущимъ нашимъ и тѣмъ кратковременнымъ періодомъ смуты умовъ, когда въ Россіи многіе, забывъ Бога, забыли и святыя преданія родины. Послѣ Государя Александра Александровича только безумцы могутъ еще не видѣть какая великая и благодѣтельная сила дана намъ Богомъ въ Самодержавіи Помазанниковъ Его. Только явно своекорыстные разчеты или совершенная умственная неразвитость могли бы послѣ *такого* Государя увлекать Россію въ разныя конституціонныя бредни и тому подобные замыслы измѣны Самодержавію. Не по преданію только отцовъ, а воочію увидали мы что нѣтъ ничего выше, ничего благотворнѣе. Если Государи наши въ теченіе XIX вѣка не разъ имѣли огорченіе видѣть шатаніе въ умахъ части Своихъ подданныхъ, то не увидитъ уже этого Государь Императоръ Николай Александровичъ и найдетъ во всей великой Россіи одно сердце, одну душу, безраздѣльно Ему преданныя, увидитъ лишь готовность служить Ему вѣрой и правдой, по долгу присяги и по убѣжденію, направляя свои силы туда, куда направитъ ихъ Его Самодержавная Воля, вдохновляемая избравшимъ Его на управленіе нами Господомъ».

* * *

(*Моск. Вѣд. № 307.*)

Прахъ покойнаго Императора опущенъ въ могилу: мы прощаемся съ Нимъ навѣки, но образъ Его вѣчно будетъ жить съ нами и среди насъ, и память о начинателѣ новаго періода нашей исторіи—періода *русскаго*, память о великомъ нравственномъ собирателѣ земли Русской, никогда не изгладится...

Окончивъ Свой земной, крестный путь, тихо и торжественно покоится Онъ въ усыпальницѣ Русскихъ царей:

Все спитъ кругомъ: однѣ лампады
Во мракѣ храма золотятъ
Столбовъ гранитныя громады
И ихъ знаменъ нависшій рядъ...

Покоится здѣсь Его великій предокъ—Петръ, покоится здѣсь и Онъ, завершитель дѣла Петрова, Онъ, вызвавшій къ жизни Россію какъ культурную силу, въ одномъ Своемъ образѣ показавшій изумленному міру нашу великую культурную мощь....

Онъ шелъ тернистымъ путемъ, путемъ самоотверженнаго подвига, долго никѣмъ не понятый, неоцѣненный—

Въ молчаньи шелъ одинъ Онъ съ мыслію великой...

и вотъ эта мысль, какъ солнце, освѣтила весь міръ — и міръ преклонился предъ Нимъ, преклонился предъ прахомъ Великаго Самодержца, выразившаго Своею жизнью, Своими дѣяніями, Своею смертью, нашу русскую великую православную идею. Преклоняясь предъ Нимъ, народы преклонились предъ тою великою идеей, которую Россія вноситъ въ міръ, предъ тѣмъ словомъ соединяющимъ, которое заключено въ этой идеѣ...

И нѣтъ Его—и Русь оставилъ Онъ,
Взнесенну Имъ надъ міромъ изумленнымъ...

Утѣшимъ же этимъ сознаніемъ свою скорбь, скорбь послѣдняго прощанія съ Нимъ, — сознаніемъ того, что Русь, вознесенная Имъ «надъ міромъ изумленнымъ», никогда не сойдетъ съ того историческаго пути, который указанъ державною рукой Почившаго... Порукой тому великая любовь Его къ народу Своему, порукой тому великая любовь народа къ Нему, та любовь, которая все созидаетъ, все укрѣпляетъ, все животворитъ. Въ этой любви всенародной, въ этомъ благоговѣніи къ памяти Почившаго и къ подвигу Его, найдетъ силу и юный нашъ Вѣнценосецъ, Которому предназначено продолжать дѣло Державнаго Родителя, подвигъ нравственнаго собиранія Руси, Которому предназначено среди тьмы, надвигающейся отовсюду, поддерживать пламя свѣтильника, переданнаго Ему рукой Почившаго...

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 302.)

Петербургская печать съ благоговѣніемъ встрѣчаетъ останки Царя-Миротворца, слѣдующіе черезъ невскую столицу къ мѣсту упокоенія праха Императоровъ Русскихъ. *Биржевыя Вѣдомости* (№ 301), отъ 1 ноября, говорятъ:

«Погруженная въ глубокій трауръ встрѣчаетъ наша сѣверная столица эти драгоцѣнные останки.

«Скованное въ одинъ организмъ теплою молитвой за усопшаго, горячо любимаго Монарха-Миротворца, населеніе столицы еще со времени полученія перваго извѣстія о невозпаградимой утратѣ, понесенной Россіей, начало готовиться къ пріему царственныхъ останковъ почившаго Государя.

«Но какая невыразимая скорбь охватитъ сегодня сердца петербургскаго населенія, когда оно воочію узритъ во гробѣ Того, Чей могучій и свѣтлый обликъ оно привыкло до сихъ поръ лишь радостно встрѣчать всюду, гдѣ Онъ ни появлялся!...

«Воистину тяжелъ и незабвенепъ этотъ день скорби, плача и молитвы. Въ эти минуты ничего не остается болѣе, какъ со скорбью сердца и смиреніемъ души молиться предъ престоломъ Царя Царей объ упокоеніи чистой души Усопшаго и ниспосланіи Божіей благодати Его Державному Сыну, Государю Императору Николаю Александровичу: Да утѣшитъ Господь Его глубокое сыновнее горе.»

Петербургскія Вѣдомости (№ 298) пишутъ:

«Облеченный въ глубокій трауръ, Петербургъ приготовился встрѣтить и проводить къ мѣсту вѣчнаго упокоенія тѣло Императора Александра III.

«Императоръ Александръ III отошелъ въ жизнь вѣчную въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ. Но и преждевременно прерванное тяжкимъ недугомъ, менѣе чѣмъ четырнадцатилѣтнее царствованіе Александра III уже богато результатами. Свое державное хозяйство онъ оставилъ въ такомъ образцовомъ порядкѣ, въ какомъ еще не одинъ изъ русскихъ государей не имѣлъ счастья передать его своему преемнику.

«Новому царствованію открываются самыя блестящія перспективы. Да будетъ же благословенъ, на многія и многія лѣта, державный трудъ юнаго Государя, благоговѣйно встрѣчаемаго русскою столицей! Да будетъ новое царствованіе такъ же мирно и плодотворно.»

* * *

(*Моск. Вѣд. № 308.*)

Петербургскія газеты переполнены выраженіями скорби по поводу послѣдняго прощанія со въ Бозѣ почившимъ Императоромъ. Такъ, *Сынъ Отечества* (№ 304) говоритъ:

«Да, по истинѣ была «счастливая мысль» пригласить къ Умирающему отца Іоанна—молитвенника и заступника. Эта «счастливая мысль» доставила Царственному Страдальцу не одну минуту утѣшенія и поддержала бодрость духа; эта «счастливая мысль»

вселила въ насъ упованіе на великое Божіе милосердіе къ Почившему и на то что у престола Всевышняго усопшій Монархъ нашъ будетъ первымъ молитвенникомъ за осиротѣвшую Россію.

«Съ этою мыслью намъ легче припасть въ послѣдній разъ предъ прахомъ Царя-Миротворца, утѣшивъ себя мыслію что не все порвано между живыми и мертвымъ»...

Гражданинъ (№ 307) замѣчаетъ:

«Завтра день погребенія нашего возлюбленнаго Государя. Послѣдніе лучи Его вѣрнаго образа исчезнутъ съ лица земли. Останется одинъ надгробный камень. Петербургъ сниметъ съ домовъ трауръ.

«И что же?

«Въ этомъ весь вопросъ.

«Вопросъ, отъ котораго многое зависитъ въ будущемъ. Ставится онъ никому другому, какъ намъ, то-есть образованнымъ слоямъ народа.

«Къ верху мы не глядимъ вопросительно, ибо *тамъ* нѣтъ ни сомнѣній, ни неизвѣстности.

«Но на себя надо смотрѣть вопросительно... больно ужъ мы духовно разрозненны... Иной, глядя на всѣ эти приношенія вѣнковъ, слушая эти прочувствованныя рѣчи, скептически потряхиваетъ головой и спрашиваетъ: неужели только этимъ мы и ограничимся?..

«Поднести вѣнки, сказать прочувствованное слово — легко, тѣмъ болѣе что ни то, ни другое вовсе не нужно Тому, Чья память этимъ славится...

«Но есть что-то труднѣе вѣнковъ и словъ, и это-то—память почившаго Государя требуетъ отъ насъ, и только это, какъ доказательство правды нашей любви къ Нему и какъ спасибо, достойное того что Онъ намъ давалъ.

«Это что-то есть именно наша общая рѣшимость жить и работать спокойно съ тѣмъ довѣріемъ къ этому спокойствію, которое царствуетъ *на верху*, которое завѣщалъ намъ оплакиваемый Государь, дабы нынѣшняя задача времени — продолженіе прерваннаго, не была изъ-за насъ случайностями обезпокоена въ неизбѣжный вредъ государству.»

Безъ сомнѣнія, нельзя и подумать что въ русскомъ обществѣ *всѣ* были достойны Почившаго Великаго Царя. Безъ сомнѣнія, многіе далеки отъ достаточнаго Его пониманія. Это естественно, потому что Онъ былъ слишкомъ выше уровня своего вѣка. Но вліяніе великихъ дѣятелей исторіи продолжается и по смерти, они постепенно ведутъ къ повышенію уровня развитія общества, и въ этомъ отношеніи историческая роль Императора Александра III уже совершенно ясна въ будущемъ.

* * *

ОЧЕРКЪ ЦАРСТВОВАНІЯ
Императора Александра III.

По кончинѣ Государя Александра III, мы въ нижеслѣдующихъ статьяхъ дали очеркъ Его благополучнаго и незабвеннаго царствованія.

* * *

Россія въ 1881 и въ 1894 годахъ.

(Моск. Вѣд. № 293.)

Всѣ и каждый—и не въ одной Россіи, а въ цѣломъ мірѣ—находятся подъ однимъ впечатлѣніемъ, подъ впечатлѣніемъ тяжкой, понесенной Русскимъ народомъ, утраты. На ней и около нея повсюду сосредоточены всѣ мысли, всѣ рѣчи, вся передача ихъ и устно, и письменно, и телефономъ и телеграммами. Отъ полноты сердца глаголятъ уста,—и общій кликъ ихъ сливается въ небывало-единодушный хоръ хвалы и славословія почившему Помазаннику Божію, совершившему въ краткій срокъ Своего царствованія все предначертанное Ему Промысломъ. Его великія царственныя заслуги неудержимо и громко признаются всюду и всѣми.

Иначе и быть не можетъ; но инымъ это представляется какъ бы нѣкоторою несдержанностью; высказывается мнѣніе что передъ незакрытою еще могилой не время говорить о значеніи прошлаго царствованія... Не время говорить! Но возможно ли тутъ молчаніе?... Правда, для фарисеевъ были острымъ ножомъ клики «Осанна» даже при торжественномъ входѣ Христа въ Іерусалимъ; они тоже хотѣли замѣнить ихъ молчаніемъ, — но имъ было отвѣчено что если народъ умолкнетъ, то камни возопіютъ.

Значеніе только-что минувшаго царствованія,—сколь ни было оно кратковременно, продлившись всего 13 лѣтъ 7 мѣсяцевъ и 20 дней,—столь ясно и твердо опредѣлилось что общая историческая оцѣнка его измѣниться уже не можетъ: оно само говоритъ за себя уже одними принесенными имъ плодами, помимо посѣянныхъ имъ добрыхъ сѣменъ для будущаго. Нѣкоторое понятіе о значеніи этого царствованія можетъ дать уже одно сопоставленіе того положенія, въ какомъ находилась Россія въ тотъ моментъ когда почившій Монархъ принялъ въ Свои руки Царскій скипетръ съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ передалъ Онъ ее Своему Сыну, восшедшему нынѣ на прародительскій престолъ, Государю Императору Николаю Александровичу.

Россія 1 марта 1881 года и Россія 20 октября 1894 года: сколь близки онѣ одна къ другой во времени, но какая неизмѣримая между ними разница!

Въ моментъ перехода скипетра изъ рукъ Императора Александра II въ руки почившаго нынѣ Императора Александра III, никто, ни внѣ, ни внутри, не считалъ положенія Россіи твердымъ и прочнымъ въ какомъ бы то ни было отношеніи: она являлась какъ бы больнымъ, разслабленнымъ колоссомъ. И она дѣйствительно болѣла тяжкою болѣзнію, парализовавшею весь ея организмъ, всѣ ея силы. Она жила, но жила жизнію какъ бы обезматоченнаго улья, въ которомъ все идетъ врозь, въ которомъ все — добыча всяческой тли, всяческихъ паразитовъ, всякихъ воровъ, и внѣшнихъ, и внутреннихъ.

Это не было виной убитаго 1 марта 1881 года Царя-Освободителя, родителя покойнаго Государя, — это было прямымъ результатомъ роковаго хода исторіи, заключительнымъ актомъ того преклоненія предъ всѣмъ идущимъ съ европейскаго запада, которое непремѣнно требовало перенесенія оттуда и водворенія на русской почвѣ всего признаваемаго тамъ обязательнымъ. Въ силу этого преклоненія, длившагося въ теченіе не одного, а цѣлаго ряда царствованій, съ каждымъ шагомъ все болѣе слабѣла у насъ, долженствующая быть неразрывною, связь между правительственною мыслію и историческими завѣтами святой Руси, замѣняясь благожелательнымъ стремленіемъ замѣнить всяческое «русское варварство» всяческою «европейскою культурой». Все перечащее этимъ стремленіямъ считалось вреднымъ преуспѣянію страны, и въ силу этого воззрѣнія даже наше Православіе представлялось силой тормозящею прогрессъ, выдавалось за обскурантное ультрамонтанство и клерикализмъ, требующій обузданія, всяческаго ограниченія церковныхъ вліяній на народную жизнь. При такихъ всеподчиняющихъ вѣяніяхъ не могла не проникнуть русская государственная мысль,

не могли не стать на ея мѣсто воззрѣнія въ большей или меньшей степени космополитическія, со всѣми присущими таковымъ воззрѣніямъ доктринами. Вся Русь заплатила тяжкую дань этимъ доктринамъ, заплатилъ имъ тягчайшую дань и Царь-Освободитель, давшій, въ паученіе всѣмъ, великою искупительною жертвой за общій грѣхъ увлеченія мнимо-научными, мнимо-спасительными западными ученіями.

Ничего такъ не желалъ онъ какъ блага своему государству, своему народу. Въ своей любвеобильности бывшій даже болѣе «человѣкомъ», въ высшемъ смыслѣ этого слова, чѣмъ «монархомъ»,—по своему мягкосердечію, человѣколюбію и долготерпѣнію скорѣе принижавшимъ чѣмъ превозносившимъ величіе своихъ правъ,—онъ все свое болѣе чѣмъ четверть-вѣковое царствованіе самозабвенно посвятилъ казавшимся благодѣтельными преобразованіямъ, даже превышавшимъ ожиданія всяческихъ европейскихъ либераловъ... И что же? Къ какимъ результатамъ привело все это?

Рухнулъ весь старый, завѣщанный исторіей, органическій, сословный строй русской жизни, — и взамѣнъ его явились построеніе и распаденіе, неизбѣжныя при замѣнѣ прочныхъ устоевъ государственнаго управленія зыблющеюся, разсыпающеюся какъ песокъ, безсословностью, при которой всякое самоуправленіе естественно вырождалось въ самоуправство, со дня на день добивавшееся бо́льшаго и бо́льшаго себѣ простора, во имя тѣхъ самыхъ идей которыми оно было создано. И во имя этихъ идей государственная власть все болѣе и болѣе стушевывалась, все болѣе и болѣе поступалась своими правами въ пользу разныхъ самоуправленій, сформировавшихся какъ бы въ видѣ особыхъ государствъ въ государствѣ, изъ которыхъ каждое стремилось къ своимъ, чуждымъ общей государственной власти, цѣлямъ, всего требуя отъ нея, но отнюдь не допуская ея вмѣшательства въ свое, хотя и государственное, но отмежеванное отъ государственной власти дѣло. Въ результатѣ, вмѣсто единовластія, оказалось въ странѣ многовластіе: земство само по себѣ, суды сами по себѣ, желѣзныя дороги или банки сами по себѣ, и т. д., — и всѣ считали себя въ правѣ распоряжаться по своимъ частямъ по-своему, не допуская въ свой обиходъ никакого вмѣшательства государственной власти, которая такимъ образомъ являлась связанною по рукамъ и ногамъ въ своихъ стремленіяхъ оградить народъ отъ обидъ и тяжкихъ ущербовъ, какими ложилось на него все это разношерстное многовластіе.

Стушевавшаяся, въ силу усвоенныхъ ею западныхъ доктринъ, предъ разными внутренними управленіями, наша государственная

власть, оставаясь вѣрною этимъ доктринамъ, не могла давать надлежащаго отпора и внѣшнимъ на страну посягательствамъ, опиравшимся на тѣ же доктрины. Поклоненіе западной идеѣ фритредерства требовало подчиненія русскихъ финансовыхъ и экономическихъ интересовъ интересамъ европейской промышленности и европейскихъ биржъ. Преклоненіе предъ западною культурой требовало поклоненія представителямъ ея на русской почвѣ—всѣмъ иностранцамъ и всѣмъ своимъ инородцамъ, въ просвѣщенное, не-русское, вѣдѣніе коихъ и предоставлялось благоустроеніе захваченныхъ ими русскихъ областей и окраинъ. Въ результатѣ, при внутреннихъ нестроеніяхъ и всеобщей разладицѣ, Россія и въ экономическомъ, и въ финансовомъ, и въ иныхъ отношеніяхъ оказалась предоставленною эксплуатаціи и своихъ проходимцевъ, и всяческихъ иностранцевъ и инородцевъ. Вся она пошла врозь и въ порядкахъ управленія, и даже въ территоріальномъ отношеніи: чуть не каждая область въ ней стала стремиться къ обособленію отъ государственнаго цѣлаго. Обнаруженное всѣмъ этимъ безсиліе государственной власти бороться съ ею же самою созданными затрудненіями сознавалось болѣе и болѣе. Этимъ безсиліемъ поощрялись всевозможные проекты окончательнаго разрушенія русскаго государственнаго тѣла,—отъ оглашеннаго въ газетахъ проекта обратить Россію въ федерацію автономныхъ областей, которымъ государственная власть передала бы всѣ свои функціи, съ которыми неспособна де совладать, до проекта полной передачи всѣхъ этихъ функцій представителямъ земскихъ самоуправленій, и, наконецъ, до нигилистическихъ проектовъ, авторы коихъ, ради ихъ осуществленія, не остановились предъ цѣлымъ рядомъ покушеній на цареубійство, завершившихся катастрофой 1 марта.

Десятилѣтіями господства такихъ вѣяній все на Руси было потрясено и расшатано. Извратились понятія и о гражданскомъ долгѣ, и о семейной и житейской нравственности; въ этихъ извращенныхъ понятіяхъ росло и воспитывалось и наше юношество, отъ котораго, во имя западныхъ идей, всѣми мѣрами устранялось спасительное вліяніе Церкви, всяческое умаленіе значенія коей въ народной жизни представлялось необходимымъ въ цѣляхъ прогресса. При повсемѣстной въ странѣ неурядицѣ, ея экономическая жизнь, въ силу отсутствія тѣхъ заботъ о ней которыя возможны лишь при господствѣ во всемъ управленіи единой твердой національно-государственной мысли, не могла надлежащимъ образомъ развиваться, несмотря на все обиліе естественныхъ богатствъ, и, такъ-сказать, только прозябала. При заторможенномъ развитіи экономическихъ силъ не могли

процвѣтать и государственные финансы, могущіе опираться только на эти силы. Бюджетные дефициты явились хроническою болѣзнью государства, а при хроническихъ дефицитахъ не могъ не пасть и государственный кредитъ: Россія была вынуждена заключать займы за займами на самыхъ тяжкихъ условіяхъ, за нигдѣ въ Европѣ не обычные проценты. Финансовое разстройство было таково что Россія объявлялась стоящею на краю банкротства. Понятно что при такихъ финансахъ являлось невозможнымъ удовлетвореніе многихъ настоятельнѣйшихъ государственныхъ нуждъ, являлись невозможными даже траты необходимыя для возведенія военныхъ силъ Россіи до уровня соотвѣтственнаго ея международному значенію. Могла ли при всемъ этомъ Россія занимать въ ряду другихъ странъ подобающее ей положеніе? Удивительно ли что она на Берлинскомъ конгрессѣ должна была смириться предъ европейскимъ ареопагомъ, отказавшись отъ плодовъ своихъ побѣдъ, купленныхъ дорогою цѣной русской крови, а затѣмъ играть второстепенныя, подчиненныя роли при обсужденіяхъ и рѣшеніяхъ разныхъ, такъ или иначе затрогивающихъ ее, политическихъ вопросовъ? Удивительно ли что она оказалась не только въ финансово-экономической, но и въ политической зависимости отъ Берлина?

Потерявшею обаяніе внѣшней силы и расшатанною внутри принялъ почившій Царь дорогую Ему Россію. А такою ли Онъ ее оставилъ?

Весь міръ преисполненъ нынѣ величайшимъ уваженіемъ къ созданному усопшимъ Монархомъ могуществу Россіи. Весь міръ признаетъ что Онъ, ставъ превыше всѣхъ иныхъ политическихъ силъ въ Европѣ, явился распорядителемъ ея судебъ, охранителемъ ея мира.

Военныя силы Россіи, и на сушѣ, и на морѣ, приведены во всѣхъ отношеніяхъ въ такое положеніе, въ какомъ онѣ еще никогда не были съ тѣхъ поръ какъ стоитъ Русская земля. Кромѣ неусыпныхъ заботъ, много требовалось на это и денегъ. Но всѣ тѣ траты на дѣйствительныя государственныя нужды не оказываются уже нынѣ выше государственныхъ средствъ. Вмѣсто прежняго «банкротства», финансы государства пришли въ такое положеніе, въ какомъ они у насъ, можно сказать, никогда еще не бывали. Не только всѣ обыкновенные, ежегодно возрастающіе, расходы легко покрываются изъ текущихъ доходовъ, но на текущіе же доходы строятся тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ, и изъ остатковъ отъ этихъ доходовъ оказалось даже возможнымъ, при тяжкомъ бѣдствіи неурожая, оказать народу нигдѣ въ мірѣ неслыханную помощь болѣе чѣмъ во сто милліоновъ рублей. Ни о какихъ бюджетныхъ дефицитахъ, ни

о займахъ для ихъ покрытія нѣтъ болѣе и рѣчи. Вмѣсто ряда новыхъ займовъ, совершенъ рядъ конверсій для облегченія бремени возложеннаго на русскія податныя силы прежними займами. А чѣмъ улучшены финансы? Обремененіемъ ли народа? Нѣтъ, они улучшены оказаніемъ этому народу цѣлаго ряда благодѣяній, внимательнымъ, внушеннымъ національно-русскою государственною мыслію, отношеніемъ ко всѣмъ видамъ экономической дѣятельности народа, и земледѣльческой, и промышленной, и торговой. Не какъ на Западѣ,—Русскій Самодержецъ не дѣлалъ различія между интересами казны и интересами народа, употребляя избытки казенныхъ доходовъ на поощреніе и подъемъ экономической предпріимчивости, на усиленіе производительности народнаго труда, — и результаты сего уже сказались, и въ еще большей мѣрѣ скажутся въ будущемъ.

О былыхъ неурядицахъ остались лишь воспоминанія. Нѣтъ области управленія, которой не коснулось бы оздоравливающее, всюду вносящее порядокъ и благоустроеніе общее и единое направленіе, данное почившимъ Государемъ всѣмъ органамъ государственной власти. На мѣсто былаго разновольнаго и своевольнаго многовластія всюду стала единая власть, вдохновляемая единою самодержавною Волей. При сохраненіи всѣхъ добрыхъ, полезныхъ сторонъ самоуправленія, нѣтъ болѣе былыхъ судебныхъ, земскихъ, банковыхъ, биржевыхъ, желѣзнодорожныхъ и иныхъ своеволій. Достаточно, для примѣра, сравнить нынѣшніе желѣзнодорожные порядки съ былыми, нынѣшнюю службу дорогъ съ прежнимъ безконтрольнымъ, деспотическимъ отношеніемъ ихъ ко всѣмъ кто имѣлъ въ нихъ нужду, чтобы понять какіе шаги, благодаря сильной власти, сдѣланы Россіей по разнымъ частямъ ея внутренняго управленія и устроенія.

Бывшее наканунѣ разложенія, такъ-сказать, готовое разсыпаться въ прахъ, государственное тѣло вновь стало органическимъ, въ немъ вновь вернулись къ жизни составляющія этотъ организмъ сословія, начавъ вновь службу той духовной силѣ которая оживотворяетъ все государство—единой, недѣлимой, Богомъ дарованной Россіи, Самодержавной Власти. Перестала эта власть поступаться своими правами, перестала устраняться отъ дѣлъ правленія,—и ея мощный, животворный духъ сказался во всемъ. Все ему подчинилось, все начало имъ проникаться. Все порожденное многолѣтними тлетворными вѣяніями пришибло и не дерзаетъ болѣе нагло кичиться своею безнравственностью и разпущенностью. Мѣсто этихъ вѣяній болѣе и болѣе заступаетъ вліяніе Православной Церкви, уже начавшее получать то значеніе которое подобаетъ ей подъ сѣнію православныхъ Царей. Русь перестала быть какимъ-то международнымъ межеумкомъ,

она ни для кого болѣе не tabula rasa, она стала сама собою, оздоровленною внутри и грозною всѣмъ своимъ врагамъ, не дерзающимъ болѣе и мыслить о возможности былыхъ на нее посягательствъ. Путь, которымъ достигаются такіе результаты, обозначился ясно и твердо. Въ указаніи этого пути величайшая заслуга почившаго Монарха, въ немъ величайшій данный Имъ завѣтъ, и, молясь объ упокоеніи Его души, намъ предлежитъ нынѣ лишь молиться о проникнутомъ Его завѣтами Сынѣ Его, Государѣ Императорѣ Николаѣ Александровичѣ.

* * *

Внутренняя политика прошлаго царствованія.

(*Моск. Вѣд. № 294.*)

Не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ послѣ ужасной катастрофы 1 марта 1881 года, которою вся Россія была поражена до самыхъ глубокихъ нѣдръ своихъ, какъ она уже услышала съ высоты Престола, 29 апрѣля того же 1881 года, державное слово своего Монарха, влившее въ русскія сердца миръ и успокоеніе, положившее конецъ колебаніямъ и долгой умственной смутѣ, и возвратившее всѣмъ надежду и вѣру въ скорое и близкое возстановленіе правильнаго теченія народной жизни. Какое это было слово? Что̀ возвѣстило оно землѣ нашей?

Не было въ этомъ словѣ ничего новаго; оно напоминало лишь то что̀ составляетъ основу гражданскаго чувства Русскаго народа, все его политическое *credo*, всю его государственную мудрость, весь опытъ нашей тысячелѣтней исторической страды; оно напоминало о самодержавномъ принципѣ какъ основѣ нашей государственности, оно удостовѣряло Царскимъ обѣщаніемъ что принципъ этотъ и впредь будетъ стоять столь же высоко и непререкаемо, какъ и съ самаго начала Русскаго царства. «Гласъ Божій»,—гласилъ Манифестъ почившаго Государя,—«повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять, для блага народнаго, отъ всякихъ на нее поползновеній.»

Этими словами уже предначертывался весь путь предстоявшаго славнаго царствованія. Истинно чуднымъ провидѣніемъ познанъ въ Бозѣ почившій Государь Императоръ чѣмъ болѣлъ нашъ государственный организмъ и какое средство могло исцѣлить его. Это средство написано на скрижаляхъ всей нашей исторіи изъ вѣка въ вѣкъ, оно является истинною панацеей

отъ всѣхъ нашихъ серіозныхъ народныхъ недуговъ: это средство—сильная и единая государственная власть въ лицѣ Монарха милостію Божіею правящаго народомъ своимъ.

Могущественное и священное начало этой власти столь же въ народѣ живо теперь, какъ было живо оно и при зачаткахъ нашей гражданственности: вся смута, которою болѣла наша земля въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, и которая въ отдѣльныхъ умахъ, быть-можетъ, не разсѣялась и поныпѣ, происходила на поверхности народной жизни, и потому-то и была столь яркою и кричащею; но потому же она была столь безсильною и эфемерною. Достаточно было созпать всю ея призрачность, достаточно было понять что она не имѣетъ въ народѣ никакихъ корней, для того чтобъ она перестала стѣснять естественный ходъ государственной и общественной жизни. И какъ скоро начало сильной власти было положено въ основу всей государственной дѣятельности, государственный организмъ сталъ быстро поправляться во всѣхъ своихъ частяхъ и отправленіяхъ, такъ что нынѣ положеніе его не можетъ быть уже и сравниваемо съ его, еще столь недавнимъ, прошлымъ. Въ любой сторонѣ преуспѣвающей нынѣ государственной дѣятельности ярко бросается въ глаза развитіе одной общей идеи царствованія, идеи опредѣленно и ярко выраженной народу въ упомянутомъ Высочайшемъ къ нему обращеніи. Вся внутренняя политика Императора Александра III носила на себѣ тотъ же отпечатокъ самобытности и самостоятельности правительственной мысли, какимъ отмѣчены и всѣ вообще дѣянія почившаго Государя.

Однимъ изъ важнѣйшихъ мѣропріятій въ этой области, послѣ упорядоченія нашего финансоваго положенія, слѣдуетъ признать реформу мѣстнаго управленія. При своемъ восшествіи на престолъ, Государь Императоръ Александръ Александровичъ засталъ подготовительныя къ этой реформѣ работы уже въ полномъ разгарѣ. Не надолго прерванныя событіями 1881 года, работы эти вскорѣ были возобновлены: для объединенія ихъ и для общей редакціи проекта уже въ самомъ началѣ царствованія, еще въ бытность графа Игнатьева министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, была учреждена особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова. Къ сожалѣнію, общее направленіе трудовъ коммиссіи еще не могло тогда высвободиться изъ принципіальныхъ путъ западно-европейскихъ теорій народоправства, устраненіе коихъ изъ нашей жизни и составляло, можно сказать, главнѣйшую задачу мѣстной реформы. Но какъ только это выяснилось, Кахановская коммиссія, довольно неожиданно для нея самой, была закрыта по Высочайшему

повелѣнію 28 февраля 1885 года. Труды ея были переданы Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, во главѣ котораго находился тогда уже графъ Д. А. Толстой. Это само по себѣ знаменовало полную перемѣну направленія; и дѣйствительно, основы преобразованія крестьянскаго управленія и мѣстныхъ судебныхъ учрежденій, разработанныя талантливымъ сотрудникомъ графа Д. А. Толстаго, Д. А. Пазухинымъ, возвратили крестьянству высшее для него благо—близкую, дѣятельную и сильную правительственную власть. Этими немногими словами выражается главная сущность программы прошлаго царствованія по отношенію къ крестьянству.

Другія отрасли мѣстнаго управленія — административно-хозяйственное завѣдываніе уѣздами, губерніями и городами— подверглись реформѣ, вопервыхъ, въ томъ же направленіи возвращенія должнаго авторитета государственной власти, вовторыхъ—въ организаціи участія общественнаго элемента въ мѣстномъ управленіи на началахъ *сословности*. Слабою стороной реформъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ было то что онѣ почти сгладили въ нашей внутренней жизни сословныя различія, лишивъ дворянство почти всѣхъ его правъ и преимуществъ. Тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительномъ быту древніе общественные союзы наши продолжали существовать, и попытки создать, въ угоду демократической доктринѣ, безсословное общество, оказались совершенно искусственными и привели лишь къ упадку сословій, всею длинною исторіей своею доказавшихъ свою полезность и преданность нашей государственной идеѣ.

Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Александровичъ сдѣлалъ много для возвращенія нашимъ сословіямъ ихъ былаго государственнаго значенія. Въ Высочайшемъ Рескриптѣ Благородному Россійскому Дворянству, отъ 21 апрѣля 1885 года, вполнѣ опредѣлена роль въ народной жизни нашего высшаго служилаго класса, которому указывалось сохранить «первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности». Рядомъ законовъ и распоряженій указаніе это осуществлялось по мѣрѣ силъ и средствъ. Учрежденіемъ земскихъ начальниковъ дворянству ввѣрялись важныя задачи по мѣстному управленію. Дворянскій Банкъ былъ основанъ съ исключительною цѣлію поднять экономическое положеніе сословія. Затѣмъ, особая Высочайше учрежденная коммиссія разсматриваетъ мѣры къ предотвращенію обезземеленія дворянства.

Крестьянство пользовалось особымъ попеченіемъ правительства, какъ въ отношеніи его матеріальнаго благосостоянія, такъ и по предмету удовлетворенія духовныхъ его потребностей. Значительное пониженіе выкупныхъ платежей, отмѣна подушной подати, признаніе крестьянскихъ надѣловъ неотчуждаемыми, мѣры по организаціи переселеній, устройство Крестьянскаго Банка, преобразованіе волостныхъ судовъ, постоянное государственное попечительство въ видѣ учрежденія земскихъ начальниковъ и, наконецъ, осуществляемая уже мѣра противъ лютѣйшаго врага нашего народа—пьянства путемъ учрежденія казенной монополіи питейной торговли, и вполнѣ разработанная, совершенно новая, организація продовольственной помощи сельскому населенію,—вотъ далеко еще не полный рядъ заботъ о крестьянскомъ благосостояніи. Но всѣ онѣ блѣднѣютъ передъ тѣмъ что̀ сдѣлано почившимъ Императоромъ для духовнаго совершенствованія народа: Онъ далъ намъ истинно-народную, истинно-національную школу въ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты.

Въ непосредственной связи съ этою мѣрой находится и другая — *улучшеніе положенія нашего сельскаго духовенства*. Это было постоянною думой блаженной памяти Императора, ревностнаго христіанина, и Онъ всегда въ теплыхъ и трогательныхъ словахъ выражалъ Свою душевную радость когда государственныя средства дозволяли сдѣлать нѣчто въ этомъ направленіи.

Наконецъ, на пользу и процвѣтаніе обоихъ основныхъ нашихъ государственныхъ классовъ, связанныхъ между собою общимъ имъ занятіемъ, сельскимъ хозяйствомъ, основано Министерство Земледѣлія. Сколь ни мало еще успѣло сдѣлать это новое вѣдомство, но уже и первые шаги его показываютъ что оно задумано, въ общемъ, на вѣрныхъ началахъ, и что оно, какъ можно надѣяться, оправдаетъ возлагаемыя на него ожиданія. Во всякомъ случаѣ, наше сельское хозяйство получило признаніе его важнѣйшимъ промысломъ населенія и цѣлую стройную организацію, начиная отъ высшихъ и кончая мѣстными органами и учрежденіями. Затѣмъ, въ дѣятельности Министерства Государственныхъ Имуществъ обращаютъ на себя вниманіе мѣры по охраненію нашихъ лѣсовъ. Хотя онѣ и легли новымъ бременемъ на помѣстное дворянство, польза этихъ мѣръ для всего государства, коего климатъ и растительность находятся въ зависимости отъ общей лѣсной площади страны, не подлежитъ сомнѣнію.

По отношенію къ отечественному просвѣщенію, основная идея царствованія, помимо возложенія обязанностей по народ-

ному обученію на сельское духовенство, выразилась въ упраздненіи самоуправляющихся университетскихъ корпорацій, при соотвѣтственныхъ измѣненіяхъ во всемъ строѣ университетской жизни. Среднее образованіе не подверглось существеннымъ реформамъ. Особеннымъ же вниманіемъ правительства въ послѣдніе годы пользовалось образованіе профессіональное, главнымъ образомъ низшее и среднее, -я система промышленныхъ школъ разнаго типа и вида, отчасти уже осуществлена, отчасти имѣетъ осуществиться въ близкомъ будущемъ.

Общій характеръ усиленія государственности, нашей самобытно-русской государственности, проявлялся и въ политикѣ Императора Александра III въ отношеніи нашихъ окраинъ и инородцевъ. Интересамъ всего государства, націи, неизмѣнно отводилось первенствующее мѣсто по отношенію къ интересамъ мѣстнымъ и частнымъ, и все что̀ носитъ на себѣ печать сепаратности, хотя бы и оставалось до времени терпимымъ, не могло разчитывать на содѣйствіе правительства. Но при этомъ никакія существенныя права и привилегіи провинцій управляемыхъ на особыхъ основаніяхъ не нарушались. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Финляндія, въ которой правящіе классы и партіи обыкновенно ведутъ себя по отношенію къ русской власти самымъ рѣзкимъ и вызывающимъ образомъ, встрѣчая съ ея стороны лишь твердость въ недопущеніи уже слишкомъ открытой сепаратистской политики. Но во всякомъ случаѣ великою заслугой прошлаго царствованія останется то, что почти всегда прежде удававшіяся интриги финляндскихъ политикановъ оцѣнены по достоинству, такъ что успѣхъ подобныхъ интригъ въ будущемъ едвали уже возможенъ.

Западный край и Привислинскія губерніи управлялись на прежнемъ основаніи, и русское дѣло въ нихъ, хоть и медленно, но дѣлало дальнѣйшія завоеванія. Въ Балтійскомъ краѣ мѣстныя реформы, помимо задачъ гражданскихъ и культурныхъ, имѣютъ въ виду также обрусеніе этой окраины, и къ этой цѣли уже сдѣланы шаги введеніемъ въ школы преподаванія на русскомъ языкѣ и судебною реформой съ русскимъ судопроизводствомъ.

Вообще захваты русскихъ областей инородцами и иноземцами вызвали рядъ мѣръ къ огражденію коренной русской національности. Между прочимъ, положенъ предѣлъ распространенію землевладѣнія иностранцевъ въ западной полосѣ Россіи и возстановлено примѣненіе пришедшихъ было въ забвеніе старыхъ законовъ о Евреяхъ.

Приведенный перечень сдѣланнаго усопшимъ Монархомъ неизбѣжно кратокъ и не полонъ, причемъ мы вовсе не коснu-

лись тѣхъ мѣропріятій которыя уже вполнѣ назрѣли, дѣятельно подготовляются и, Богъ дастъ, будутъ благополучно доведены до конца въ наступившее новое царствованіе. А чтобы судить о важности этихъ мѣропріятій подготовляемыхъ по указаніямъ Почившаго, достаточно упомянуть хотя бы совершаемый нынѣ пересмотръ всѣхъ нашихъ судебныхъ уставовъ и предварительные труды по переработкѣ всѣхъ узаконеній касающихся крестьянства.

Вообще, развитіе самой разносторонней дѣятельности нашихъ высшихъ государственныхъ учрежденій съ начала прошлаго царствованія и до нашихъ дней шло постепенно, не торопливо, но твердо и прочно, и въ послѣдніе годы получило усиленный ходъ. Работы кипятъ по всѣмъ вѣдомствамъ; живая инициатива, знаніе дѣла, упрощеніе формальностей, строгій контроль надъ всѣмъ, щедрость въ отношеніи расходовъ производительныхъ и необходимыхъ и одновременно съ тѣмъ разумная бережливость, уже внесли свѣжую струю въ установившіеся и во многомъ устарѣвшіе пріемы государственнаго управленія. А связуетъ всѣ эти работы, движетъ ихъ и даетъ имъ согласное направленіе единственно идея твердой и сильной, единой и недробимой, самодержавной государственной власти, провозглашенная съ высоты трона почти при самомъ вступленіи на престолъ въ Бозѣ почившаго Императора. Онъ, съ его свѣтлымъ разумомъ, съ его твердою волей, съ его истинно-русскимъ чувствомъ, былъ, при Божіемъ поспѣшеніи, истиннымъ творцомъ и душою всѣхъ великихъ дѣяній Своего только-что закончившагося славнаго царствованія.

* * *

Русскіе финансы 1881 и 1894 годовъ.

(*Моск. Вѣд. № 295.*)

Потрясенные уже Крымскою войной 1853—1856 годовъ, русскіе финансы, благодаря тому, что управленіе ими не могло отрѣшиться отъ подчиненія мнимо-научнымъ доктринамъ, во все царствованіе Императора Александра II, несмотря на всѣ заботы объ ихъ улучшеніи, постепенно приходили все въ худшее положеніе. Наканунѣ послѣдней Восточной войны 1877—1878 годовъ возникало даже и прямо высказывалось сомнѣніе, можетъ ли Россія выдержать эту войну при своемъ финансовомъ разстройствѣ. Затѣмъ, эта побѣдоносная Восточная война, потребовавшая громадныхъ чрезвычайныхъ расходовъ, разстроила наши финансы еще болѣе. Крупные бюджетные дефициты

сдѣлались постояннымъ, ежегоднымъ явленіемъ, и терялась даже надежда на возможность ихъ устраненія. Кредитъ падалъ все болѣе и болѣе. Дошло до того, что пятипроцентные государственные фонды въ 1881 году цѣнились лишь отъ 89 до 93 за 100 своей номинальной стоимости, а пятипроцентныя облигаціи городскихъ кредитныхъ обществъ и закладные листы земельныхъ банковъ котировались уже только по 80—85 за 100.

Признаніе крайней затруднительности свободныхъ шаговъ во внѣшней политикѣ при такихъ, унаслѣдованныхъ отъ прежняго царствованія, финансахъ, сказалось, между прочимъ, въ циркулярной депешѣ министра Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 4 марта 1881 года. Въ этой депешѣ прямо заявлялось, что «Государь Императоръ посвятитъ Себя прежде всего дѣлу внутренняго государственнаго развитія, тѣсно связаннаго съ успѣхами гражданственности и съ вопросами экономическими и соціальными, составляющими нынѣ предметъ особой заботы всѣхъ правительствъ».

Неукоснительное выполненіе этихъ предначертаній было постоянною задачей правительства во все царствованіе, и неослабная и неуклонная энергія въ осуществленіи этой программы почившаго Монарха, всегда и неусыпно во все вникавшаго, увѣнчалась блестящими результатами по всѣмъ отраслямъ финансово-экономической дѣятельности.

Путемъ разумной экономіи въ расходахъ было достигнуто возстановленіе бюджетнаго равновѣсія, а затѣмъ послѣдовали уже ежегодные крупные избытки доходовъ надъ расходами. Направленіе полученныхъ сбереженій на экономическія предпріятія способствующія подъему хозяйственной дѣятельности, на развитіе желѣзно-дорожной сѣти и устройство портовъ, повело къ развитію промышленности и упорядочило какъ внутренній, такъ и международный обмѣнъ товаровъ, чѣмъ и были открыты новые источники увеличенія государственныхъ доходовъ. Принятый въ то же время, по волѣ Монарха, рядъ мѣръ къ развитію кредита, къ облегченію податнаго обложенія, къ упорядоченію желѣзнодорожнаго дѣла, къ усиленію покровительства народному труду во всѣхъ его многообразныхъ проявленіяхъ, вызвалъ къ жизни скрытыя дотолѣ богатства страны и увеличилъ достатки ея населенія. Трудно было бы перечислить даже главнѣйшія законодательно-административныя постановленія минувшаго царствованія направленныя къ финансово-экономическому преуспѣянію Россіи. Ограничимся указаніемъ хотя бы нѣкоторыхъ изъ достигнутыхъ этими мѣрами результатовъ.

Сравнимъ, для примѣра, хотя бы данныя за 1881 и 1894 годы о капиталахъ акціонерныхъ банковъ коммерческаго кредита. Вотъ эти данныя въ тысячахъ рублей:

	Къ 1881.	Къ 1894.
Основный капиталъ	87.343	116.957
Запасный капиталъ.	8.397	32.050
Спеціальный капиталъ	640	4.198
Итого	96.380	153.205

Оказывается, такимъ образомъ, что принадлежащіе банкамъ капиталы, всего въ тринадцать лѣтъ, увеличились на 59%, а балансъ ихъ операцій поднялся съ 404.405.000 руб. къ 1881 году до 800.947.000 руб. къ 1894 году, то-есть возросъ на 98%, или почти вдвое.

Не меньшій успѣхъ оказался и по учрежденіямъ ипотечнаго кредита. Къ 1 января 1881 года ими было выпущено въ обращеніе закладныхъ листовъ на 904.743.000 руб., а къ 1 іюля 1894 года уже на 1.708.805.975 руб.,—причемъ курсъ этихъ процентныхъ бумагъ повысился болѣе чѣмъ на 10%.

Взятая въ отдѣльности, учетно-ссудная операція Государственнаго Банка, достигавшая къ 1 марта 1881 года 211.500.000 рублей, повысилась къ 1 октября текущаго года до 292.300.000 рублей, увеличившись на 38%,—а недавно введенный въ дѣйствіе новый уставъ Государственнаго Банка долженъ повести къ дальнѣйшему усиленію его производительной работы.

Пріостановившаяся было въ концѣ семидесятыхъ годовъ постройка желѣзныхъ дорогъ въ Россіи съ воцареніемъ Александра III возобновилась и пошла быстрымъ и успѣшнымъ ходомъ. Но всего важнѣе по этой части было установленіе вліянія правительства въ области желѣзнодорожнаго хозяйства, какъ расширеніемъ казенной эксплуатаціи рельсовыхъ путей, такъ, въ особенности, подчиненіемъ дѣятельности частныхъ обществъ правительственному надзору. Длина открытыхъ для движенія желѣзныхъ дорогъ, въ верстахъ, была:

	Къ 1 янв. 1881.	Къ 1 сент. 1894.
Казенныхъ.....	161,„	18.776
Частныхъ	21.064,„	14.389
Итого	21.229,„	33.165

Благодаря установленному, по волѣ почившаго Монарха, надлежащему правительственному руководству и бдительному

надзору, измѣнились условія и сооруженія, и эксплуатаціи рельсовыхъ путей, прекратились злоупотребленія и хищенія въ этой важной отрасли народнаго хозяйства. Выиграли отъ этого и пользующіеся дорогами, и сами дороги. Какъ улучшилось ихъ финансовое положеніе показываетъ слѣдующая сравнительная справка о результатахъ эксплуатаціи (въ тысячахъ рублей):

	Въ 1880.	Въ 1892.
Валовой доходъ	193.206	301.709
Расходъ эксплуатаціи	151.651	194.032
Чистый доходъ	41.555	107.677

Если взять данныя на версту сѣти *), то окажется, что въ 1892 году, противъ 1880, валовой доходъ повысился на $20,_{72}\%$, эксплуатаціонный расходъ, несмотря на усиленіе движенія, понизился на $1,_{35}\%$, а *чистый доходъ увеличился* на $99,_{5}\%$ или *почти вдвое* противъ 1880 года.

Для огражденія народнаго труда отъ непосильной ему иностранной конкурренціи, поощрявшейся въ минувшія десятилѣтія подъ вліяніемъ фритредерской доктрины, былъ, по указаніямъ почившаго Государя, предпринятъ рядъ поощрительныхъ мѣръ, завершившихся общимъ пересмотромъ таможеннаго тарифа. Таможенное обложеніе иностранныхъ товаровъ, составлявшее въ 1880 году $10,_{5}$ метал. коп. съ одного рубля стоимости, повысилось въ 1893 году до $20,_{85}$ метал. коп., или увеличилось почти вдвое. Благотворное вліяніе этого на обороты внѣшней торговли Россіи не замедлило привести къ важнымъ, въ государственномъ отношеніи, результатамъ: наши ежегодныя крупныя приплаты иностранцамъ замѣнились еще болѣе значительными полученіями отъ нихъ, какъ свидѣтельствуютъ слѣдующія данныя (въ тысячахъ рублей):

	1880.	1893.
Вывозъ	492.084	594.688
Привозъ	589.776	421.956
Торговый балансъ	—97.692	+172.732

*) Вотъ финансовые результаты эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ на версту сѣти (въ рубляхъ):

Валовой доходъ	9.145	10.994
Расходъ эксплуатаціи	7.178	7.070
Чистый доходъ	1.967	3.924

Сокращеніе привоза въ Россію иностранныхъ товаровъ естественно сопровождалось развитіемъ національнаго производства. Годовое производство фабрикъ и заводовъ, состоящихъ въ завѣдываніи Министерства Финансовъ, исчислялось въ 1879 году въ 829.100.000 руб. при 627.000 рабочихъ. Въ 1890 году стоимость производства повысилась до 1.263.964.000 руб. при 852.726 рабочихъ. Такимъ образомъ, въ теченіе одиннадцати лѣтъ, стоимость фабрично-заводской выработки увеличилась на $52,_5$ %, или слишкомъ въ полтора раза.

Особенно блестящіе, по нѣкоторымъ отраслямъ поразительные, успѣхи достигнуты горнопромышленностью, какъ это видно изъ слѣдующей справки о производствѣ главнѣйшихъ продуктовъ (въ тысячахъ пудовъ):

	1880.	1893.	Увел. въ %.
Чугунъ	27.364	70.864	159
Желѣзо	17.831	29.642	66
Сталь	18.761	36.498	95
Соль	47.572	87.490 *)	84
Каменный уголь.....	200.785	420.817 *)	110
Нефть	21.498	337.052	1.468
Керосинъ.....	7.946	85.634	978

Поощряя развитіе народнаго труда, въ Бозѣ почившій Императоръ неустанно заботился, вмѣстѣ съ тѣмъ, о благосостояніи трудящагося люда. Закономъ 1 іюня 1882 года были много облегчены занятія малолѣтнихъ въ фабрично-заводскихъ производствахъ; 3 іюня 1885 года запрещена ночная работа женщинъ и подростковъ на фабрикахъ волокнистыхъ веществъ. Въ 1886 году изданы положеніе о наймѣ на сельскія работы и постановленіе о наймѣ рабочихъ на фабрики и заводы, дополненное и расширенное въ текущемъ году. Въ 1885 году измѣнено, установленіемъ болѣе краткаго срока выслуги пенсій горнорабочими, утвержденное въ 1881 году положеніе о кассахъ горнозаводскихъ товариществъ.

Несмотря на крайне затруднительное въ то время положеніе государственныхъ финансовъ, закономъ 28 декабря 1881 года были значительно понижены выкупные платежи, а закономъ 28 мая 1885 года было прекращено взиманіе подушной подати. Эти Царскія милости существенно повысили достатки сельскихъ обывателей, увеличивъ народныя сбереженія. Наконецъ, въ годину народнаго бѣдствія, когда неурожай 1891 года угрожалъ

*) Данныя о соли и каменномъ углѣ относятся къ 1892 году.

обширнымъ районамъ Имперіи тяжкими осложненіями, оказанная изволеніемъ Государя Императора обильная помощь пострадавшимъ предупредила возможность какъ чрезмѣрныхъ продовольственныхъ лишеній, такъ и серіозныхъ потрясеній въ хозяйственномъ быту населенія.

Всѣ эти заботы почившаго Самодержца увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Не только были устранены унаслѣдованныя отъ прежняго времени затрудненія, но государственное хозяйство въ благословенное царствованіе Александра III достигло небывало высокой степени преуспѣянія, какъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, слѣдующія данныя объ исполненіи государственнаго бюджета (въ рублахъ):

	Въ 1880 году.	Въ 1893 году.
Доходы	651.016.683	1.045.685.472
Расходы	695.549.392	946.955.017
	—44.532.709	+98.730.455

Пусть государственные расходы повысились въ 1893 году противъ 1880 года на $36,_2\,\%$, но доходы въ то же время увеличились на $60,_6\,\%$, и, въ результатѣ исполненія росписи, вмѣсто бывшаго въ 1880 году дефицита въ 44.532.709 рублей, теперь оказывается превышеніе доходовъ надъ расходами въ 98.730.455 рублей. Прежняя основная задача дѣятельности финансоваго управленія, заключавшаяся въ возможномъ уменьшеніи бюджетныхъ дефицитовъ, замѣнилась нынѣ заботой о наиболѣе производительномъ употребленіи избытка доходовъ.

Необычайно быстрое возрастаніе государственныхъ доходовъ можетъ иногда служить поводомъ къ опасеніямъ чрезмѣрнаго напряженія податныхъ силъ населенія, опасеніямъ истощенія накопленныхъ народомъ сбереженій. Но результаты царствованія усопшаго Монарха не даютъ мѣста подобнымъ опасеніямъ. Эти опасенія могутъ имѣть мѣсто лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда подати уплачиваются не отъ достатка, а отъ скудости, какъ это наблюдается, напримѣръ, въ Италіи. Что же касается Россіи, то достаточно ограничиться заявленіемъ того знаменательнаго факта, что сумма вкладовъ въ сберегательныя кассы, опредѣлявшаяся къ 1881 году въ 9.995.225 рублей, возрастаетъ къ 1 августа 1894 года до 329.064.748 руб. Въ какія-нибудь тринадцать съ половиной лѣтъ народныя сбереженія съ 10 дошли до 330 милліоновъ, то-есть увеличились въ 33 раза.

И такіе же успѣхи во всемъ, во всемъ. Но приведшая къ такимъ результатамъ усиленная работа Верховнаго Вождя Россіи подорвала Его тѣлесныя силы. Угасъ Царственный Созн-

датель народнаго богатства. Но оплакивающая Его Россія пріобрѣтаетъ новыя силы и бодрость взирая на Сына своего усопшаго Благодѣтеля, на вступившаго на Прародительскій Престолъ Государя Императора Николая Александровича, соблаговолившаго объявить Своему народу, что Онъ проникнутъ завѣтами Своего Отца и намѣренъ идти Его же царственнымъ путемъ.

* * *

Заботы Александра III объ оборонѣ Россіи.

(*Моск. Вѣд. № 297.*)

Въ великую эпоху на-дняхъ только ставшаго минувшимъ царствованія всѣ государства Европы, не жалѣя никакихъ жертвъ, съ лихорадочною поспѣшностью стремились къ возможному увеличенію своихъ вооруженныхъ силъ, боясь отстать въ чемъ-либо отъ сосѣдей. Въ этомъ отношеніи принимались все новыя и новыя мѣры, и мы почти ежедневно слышали о формированіи повсюду новыхъ войсковыхъ частей, о постройкѣ крѣпостей, о сооруженіи стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, о новомъ вооруженіи войскъ и пр. и пр., и о неизбѣжныхъ слѣдствіяхъ этихъ реформъ—объ ассигнованіяхъ новыхъ кредитовъ подъ разными названіями, ложившихся тяжелымъ бременемъ на матеріальное благосостояніе государствъ.

Быстрое и систематическое усиленіе нашихъ сосѣдей въ военномъ отношеніи и необходимость поддержанія международнаго значенія Россіи ни на минуту не упускались изъ виду покойнымъ Государемъ. По Его указаніямъ произведенъ цѣлый рядъ реформъ въ вооруженныхъ силахъ Имперіи, и въ этомъ отношеніи Его царствованіе является замѣчательнѣйшимъ въ исторіи Россіи. Военныя реформы минувшаго царствованія поражаютъ полнотой и стройностію программы, послѣдовательностію и благовременностію ея осуществленія. Успѣха равнаго достигнутому русскою арміей не можетъ отмѣтить никакая другая: безъ шума, безъ ломки, безъ напряженія производительныхъ силъ страны, идя по предначертанному Державнымъ Вождемъ пути, русская армія вполнѣ обновилась и окрѣпла во всѣхъ отрасляхъ своей боевой готовности.

«Отечеству Нашему»,—писалъ почившій нынѣ Государь въ своемъ Рескриптѣ исполнителю Своихъ предначертаній по военной части, Военному министру П. С. Ванновскому, 22 іюля 1890 года, по случаю 50-лѣтія службы его въ офицерскихъ чинахъ,—«Отечеству Нашему несомнѣнно нужна армія сильная

и благоустроенная, стоящая на высотѣ современнаго развитія военнаго дѣла, но не для агрессивныхъ цѣлей, а единственно для огражденія цѣлости и государственной чести Россіи. Охраняя неоцѣнимыя блага мира, кои, Я уповаю, съ Божьею помощью, еще надолго продлить для Россіи, вооруженныя силы ея должны развиваться и совершенствоваться наравнѣ съ другими отраслями государственной жизни, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ средствъ, кои доставляются имъ увеличивающимся народонаселеніемъ и улучшающимися экономическими условіями.»

Эти Высочайшія слова составляютъ сущность программы, которой неуклонно слѣдовалъ покойный Государь въ дѣлѣ развитія вооруженныхъ силъ нашего Отечества,—и въ настоящее время Россія можетъ со спокойнымъ сознаніемъ своего могущества оглянуться на свои военныя силы и на благой успѣхъ въ ихъ развитіи.

Еще въ царствованіе Императора Александра II почти всѣ отрасли военнаго дѣла подверглись у насъ кореннымъ реформамъ, и наша армія, пересозданная на новыхъ началахъ, съ честью выдержала боевое испытаніе 1877—78 годовъ. Но побѣдоносная война эта обнаружила также и крупные недостатки по военной части, — недостатки, главнымъ образомъ, организаціоннаго характера. Было ясно и прежде, а послѣ этой войны стало еще яснѣе, что въ будущемъ Россія должна считаться съ вооруженными силами цѣлой коалиціи сосѣдей, почему наша армія должна быть поставлена въ возможность, въ случаѣ тревоги, безъ особыхъ импровизацій значительно увеличивать свою численность до размѣровъ способныхъ въ достаточной степени обезпечить интересы Россіи. А между тѣмъ, запасъ обученныхъ нижнихъ чиновъ былъ ничтожный и далеко не обезпечивалъ могущей явиться потребности; запаса офицеровъ не было вовсе; вооруженіе арміи заставляло желать весьма многаго; часть пороха во время войны приходилось выписывать изъ-за границы, дабы не истощить своихъ запасовъ, а слабое развитіе желѣзнодорожной сѣти въ значительной степени замедляло мобилизацію и сосредоточеніе арміи. Наконецъ, наша западная граница была почти открытою для сосѣдей, употреблявшихъ до тѣхъ поръ всѣ средства, чтобъ усыпить нашу бдительность въ этомъ направленіи: выяснилась крайняя необходимость привести въ полный боевой порядокъ существовавшія и построить новыя крѣпости и укрѣпленные пункты, помощію коихъ можно было бы задержать наступающихъ враговъ до сосредоточенія арміи.

Все это не могло, конечно, укрыться отъ Императора Александра II, осуществившаго великія военныя реформы, но для восполненія замѣченныхъ недостатковъ по военной части недоставало времени, а главное—нужны были значительныя денежныя средства, при бюджетѣ подавленномъ крупными, хроническими, дефицитами. Вотъ почему въ 1881 году многія потребности арміи оставались неудовлетворенными, и наша армія далеко не была готова къ борьбѣ противъ возможной коалиціи западныхъ сосѣдей.

Такимъ образомъ, ставшему на стражѣ интересовъ Россіи Императору Александру III предстояло исполнить громадную и трудную работу, — трудную тѣмъ болѣе, что, въ общегосударственныхъ интересахъ, требовалось соблюдать возможно бо́льшую экономію. Но сколь ни была трудна задача, поставленная почившимъ Государемъ, программа была блестяще выполнена, не потребовавъ отъ страны ничего подобнаго тѣмъ тягостямъ, какими вооруженія легли на населенія въ другихъ государствахъ.

Въ настоящее время всѣ полевыя дѣйствующія войска наши, сведенныя въ однообразные по своему составу корпуса, организованы и расквартированы такимъ образомъ что уже въ мирное время входятъ большею частію въ составъ пограничныхъ военныхъ округовъ, управленія коихъ приспособлены къ тому, чтобы съ объявленіемъ мобилизаціи немедленно же превратиться въ готовыя дѣйствующія арміи. Опираясь на цѣлый рядъ крѣпостей и укрѣпленныхъ пунктовъ, большею частію возведенныхъ вновь, эти арміи способны, по тревогѣ, къ немедленнымъ активнымъ дѣйствіямъ; а замѣчательно развитая стратегическая желѣзнодорожная сѣть дастъ возможность съ чрезвычайною быстротой сосредоточить мобилизованныя войска изъ внутреннихъ губерній на театръ военныхъ дѣйствій. Въ мобилизаціонномъ отношеніи принятъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ мѣръ, благодаря которымъ переходъ нашей арміи изъ мирнаго на военное положеніе и сосредоточеніе на угрожаемой границѣ, не взирая на обширность нашей территоріи по сравненію съ пограничными государствами, могутъ быть сдѣланы почти съ одинаковою быстротой какъ и у нашихъ западныхъ сосѣдей.

Съ другой стороны, принятъ цѣлый рядъ мѣръ къ значительному увеличенію числа чиновъ запаса и къ улучшенію ихъ качественнаго состава; для сего производятся ежегодные учебные сборы, а для обезпеченія быстрой мобилизаціи этихъ чиновъ установлены новыя правила для ихъ учета и призыва. Въ видахъ еще бо́льшаго усиленія арміи, въ случаѣ надобности,

производятся учебные сборы ратникамъ ополченія. Затѣмъ, въ организаціи войскъ сдѣланы важныя преобразованія, имѣвшія главною цѣлью сокращеніе числа нестроевыхъ чиновъ и усиленіе, взамѣнъ ихъ, боеваго элемента. Комплектованіе арміи офицерами и унтеръ-офицерами, ихъ чинопроизводство и матеріальное положеніе поставлены на прочную почву. Для обученія войскъ даны новыя указанія: изданы новые уставы и инструкціи по всѣмъ отраслямъ обученія. Далѣе, армія наша заканчиваетъ свое перевооруженіе съ половинными затратами противъ сосѣдей; введена мортирная полевая артиллерія; вся регулярная конница обращена въ драгунъ, соотвѣтственно боевымъ требованіямъ. Интендантская, военно-врачебная и военно-судная части сильно двинуты впередъ и поставлены въ уровень современныхъ требованій, и пр. и пр.

Трудно и невозможно перечислить въ газетной статьѣ все сдѣланное покойнымъ Государемъ для вооруженныхъ силъ Россіи, такъ какъ пришлось бы касаться даже деталей, изъ которыхъ многія сами по себѣ имѣютъ существенное значеніе. Скажемъ только, что въ настоящее время Россія въ военномъ отношеніи находится въ такомъ состояніи, что въ часъ тревоги наша армія, мобилизованная и сосредоточенная на границѣ, представитъ собою грозную силу, которая даже въ численномъ отношеніи имѣетъ полную возможность соперничать съ арміями коалиціи нашихъ сосѣдей вмѣстѣ взятыхъ.

То же самое, если еще не большее, пришлось бы сказать и о флотѣ, созданномъ, можно сказать, почти заново. Въ минувшее царствованіе почти ежегодно русское общество съ радостію узнавало о появленіи новыхъ военныхъ судовъ, построенныхъ большею частію въ Россіи, изъ русскихъ матеріаловъ и русскими рабочими. Помимо того, состоялась коренная реформа всѣхъ положеній, касающихся личнаго состава нашего флота. Вновь возродился нашъ доблестный Черноморскій флотъ, погибшій въ Крымскую кампанію, — и возродился въ такомъ видѣ и въ такой силѣ, какихъ тутъ прежде никогда еще не бывало.

Долгій, великій и неусыпный трудъ потребовался для всей этой многосложной работы; за то результаты ея даютъ возможность со спокойною совѣстью сказать, что Россія вступаетъ въ новое царствованіе съ отлично организованною арміей, способною дать надлежащій отпоръ врагамъ, еслибы встрѣтилась надобность,—и ни армія, ни флотъ, ни весь Русскій народъ никогда не забудутъ этихъ великихъ трудовъ усопшаго Самодержца для прочнаго обезпеченія государственной обороны Россіи и ея могущества,—трудовъ, столь высоко поднявшихъ вѣсъ русскаго голоса въ международныхъ вопросахъ.

* * *

Внѣшняя политика Императора Александра III.

(*Моск. Вѣд.* № 301.)

Тяжело было политическое наслѣдіе принятое въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ при Его вступленіи на престолъ.

Восточная война, стоившая Россіи столько жертвъ людьми и деньгами, въ побѣдоносномъ веденіи и окончаніи которой Императоръ Александръ III, тогда еще Наслѣдникъ Цесаревичъ, принималъ личное и блистательное участіе, привела къ печальной памяти Берлинскому конгрессу, уничтожившему почти всѣ ея результаты. На этомъ конгрессѣ Россіи пришлось еще разъ убѣдиться въ коварной двуличности Германіи и ея представителя, князя Бисмарка. Въ итогѣ, его «честное маклерство» подъ разными болѣе или менѣе благовидными предлогами выпудило у Россіи почти полное отреченіе отъ плодовъ ея побѣдъ: руководимый Германіей, европейскій концертъ отмѣнилъ или коренньмъ образомъ измѣнилъ всѣ статьи Сань-Стефанскаго договора. Значеніе Россіи было умалено, ея престижъ, какъ державы-покровительницы славянскихъ народностей, значительно поколебленъ, а съ другой стороны получили удовлетвореніе ни на чемъ не основанныя притязанія Австро-Венгріи, удовлетворены были и аппетиты вѣчно ненасытной Англіи.

Такое положеніе дѣлъ было прямымъ результатомъ цѣлой политической системы, въ основѣ которой стояла дружба съ Германіей, и которая практически воплощалась въ союзѣ трехъ императоровъ, продолжавшемся многіе годы, превратившемся въ тяжкое ярмо для Европы, и столь печально отразившемся на внѣшнемъ могуществѣ Россіи.

Воинствующая Германія создалась кровью и желѣзомъ и на крови и желѣзѣ основала свое могущество. Для поддержанія своей мощи и своего вліянія, она, съ одной стороны, постоянно усиливала свои вооруженія, а съ другой, видимо дружила съ Россіей, съ которою Германіи и несвоевременно, и слишкомъ рискованно было бы начинать явную борьбу. Однако, эта дружба всецѣло служила лишь интересамъ одной Германіи, такъ какъ, хотя со стороны Россіи она была искреннею, но со стороны Германіи была лишь личиной прикрывавшею заботы обезопасить свою восточную границу и тѣмъ развязать себѣ руки. Одновременно въ интересы Германіи входило и постоянное умаленіе русскаго вліянія въ Европѣ, съ тѣмъ чтобъ это вліяніе постепенно переходило къ ней, какъ фактической держательницѣ

Европейской гегемоніи. Наиболѣе яснымъ доказательствомъ такой двойственности Германской политики явился именно Берлинскій конгрессъ.

Теперь, по минованіи только-что закончившагося блистательнаго царствованія, можно безъ ложнаго стыда сознаться въ тягости и печальности положенія которое выпало на долю Россіи въ міровой политикѣ въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Оно миновало—надѣемся, безслѣдно—но тогда это положеніе горестно отзывалось въ сердцѣ каждаго истинно-русскаго человѣка, любящаго свое отечество и дорожащаго его славой. Съ такимъ же горестнымъ чувствомъ относился къ нему и истинный Сынъ Россіи, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь Александръ Александровичъ, когда Ему, послѣ ужаснаго злодѣянія 1 марта 1881 года, волею Провидѣнія пришлось вступить на Прародительскій Престолъ.

Но не въ характерѣ почившаго Государя было дѣйствовать поспѣшно и необдуманно; кромѣ того, тотчасъ же по вступленіи на Престолъ, Ему пришлось обратить усиленное вниманіе на внутреннія дѣла Своего царства, а съ другой стороны тогда не истекъ еще срокъ договору, скрѣплявшему союзъ Трехъ Императоровъ, и сначала казалось что все идетъ попрежнему: раздалось только Царское слово намѣчавшее путь мирнаго внутренняго преуспѣянія Россіи.

Въ виду этого, князь Бисмаркъ сталъ настаивать на возобновленіи союзнаго договора Трехъ Императоровъ, хотя у него въ то время уже былъ готовъ, подписанъ и хранился втайнѣ секретный сепаратный договоръ съ Австріей, направленный противъ третьей союзницы — Россіи. Это не помѣшало ему изо всѣхъ силъ добиваться продленія союза Трехъ Императоровъ и употреблять для этого всевозможныя средства, начиная съ устраивавшихся имъ личныхъ свиданій монарховъ въ Скерневицахъ и Кремзирѣ и кончая опубликованіемъ секретнаго договора съ Австріей, который брошенъ былъ имъ на вѣсы европейскаго равновѣсія въ видѣ угрозы и предостереженія въ 1888 году. Но ни свиданія, ни угрозы не помогли. Русскій Царь остался вѣренъ своему девизу: «Россія для Русскихъ», и предпочелъ продленію союза Трехъ Императоровъ, то-есть новому закрѣпощенію русской политики Германіи, полную свободу дѣйствій. Союзъ не былъ возобновленъ; на смѣну ему явилась тройственная лига, въ которой, въ роли третьяго союзника, выступила Италія.

Освобожденіе отъ германскаго вліянія и отъ тяжкихъ узъ двуличной германской дружбы было кореннымъ поворотомъ во внѣшней политикѣ Россіи, — эрой, съ которой начинается

повое счисленіе ея враговъ и союзниковъ. Правда, Россія была свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, ея уже не связывали никакія обязательства, и она могла во всемъ сообразоваться лишь со своими интересами, но, съ другой стороны, она была одинока, и это накладывало на нее другаго рода обязательство: дѣйствовать съ крайнею осторожностію, съ непрестанною осмотрительностію, дабы, не жертвуя своимъ достоинствомъ, не вызывать никакихъ замѣшательствъ, въ которыхъ враги ея могли бы найти для себя благодарную почву. Большая отвѣтственность падала на Вѣнценоснаго Руководителя русской политики, но Его высокій умъ, всегдашняя умѣренность, твердость въ преслѣдованіи намѣченной цѣли, непреоборимая сила воли и крѣпость духа, помогли Ему со славой выдержать это тяжелое испытаніе.

Первый случай къ примѣненію на практикѣ новой политической программы представился въ Болгаріи, гдѣ, по наущенію враговъ славянства, князь Александръ Баттенбергскій началъ рядъ опытовъ якобы самостоятельнаго политическаго фиглярства. Эти опыты окончились очень неудачно какъ для производившаго ихъ князя, такъ и для многострадальной страны, гдѣ принца Баттенбергскаго смѣнила стамбуловщина, сначала въ видѣ регентства, затѣмъ въ видѣ кобургіады. Въ болгарскихъ замѣшательствахъ Россіи пришлось быть особенно осторожною и дѣйствовать особенно осмотрительно, такъ какъ тутъ, съ одной стороны, значительно затронуты были коренные интересы ея вліянія на славянскія народности Востока, съ другой— легче всего было вызвать европейское столкновеніе: за Болгаріей стояла Австро-Венгрія съ тройственнымъ союзомъ. Но тутъ-то, во всей своей мощи, ясности и цѣльности проявилась истинно-русская система политики Русскаго Царя. Онъ твердо, въ непререкаемыхъ выраженіяхъ, объявилъ Свое Державное порицаніе руководителямъ Болгаріи, отозвалъ Своихъ офицеровъ изъ рядовъ болгарскаго войска, вычеркнулъ изъ списковъ русской арміи ослушника Своей воли и врага Россіи, принца Александра Баттенбергскаго, но воздержался отъ какого бы то ни было активнаго вмѣшательства. Разсуждая что русскому войску пришлось бы проливать кровь тѣхъ самыхъ братьевъ, за которыхъ оно столь недавно лило свою кровь, и что всѣ внутреннія раздоры въ Болгаріи не стóятъ жизни одного русскаго солдата, Императоръ Александръ III предоставилъ событія ихъ естественному ходу.

Полный внутренняго достоинства и спокойно сдержанный способъ дѣйствій Россіи примѣнялся и въ послѣдствіи, когда въ Болгаріи окончилась печальная эпопея Александра Баттенбергскаго и начались дикая стамбуловщина и смѣхотворная кобур-

гіада. Дѣйствія Россіи были столь искренни, столь мало поддавались какимъ-либо перетолкованіямъ, что, несмотря на всѣ тайные ковы ея враговъ, они въ Европѣ завоевали себѣ всеобщее уваженіе, и не только ни одна держава не нашла повода придраться къ нимъ и высказать неудовольствіе, но, напротивъ, всѣ государства вслѣдъ за Россіей отказались признать нелегальный порядокъ вещей въ Болгаріи и до сихъ поръ отказываютъ ему въ этомъ признаніи.

Такимъ образомъ, безъ пролитія крови, безъ единой жертвы, политика Россіи достигла своей цѣли: Болгаріи выражено осужденіе Европы, она поставлена какъ бы внѣ закона и, какъ прежде, такъ и теперь, возвращеніе ея въ семъ европейскихъ народовъ стоитъ въ зависимости единственно отъ воли Россіи. При этомъ интересы русскаго вліянія на Востокѣ не только не пострадали, но еще значительно выиграли въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ въ которомъ они очутились послѣ Берлинскаго конгресса.

На ряду съ замѣшательствами въ Болгаріи стоятъ возникавшія было недоразумѣнія съ Англіей по афганскому вопросу, закончившіяся послѣ надѣлавшей столь много шуму, маленькой, но рѣшительной битвы при Кушкѣ. Тутъ требовалось рѣшительно и торжественно заявить что Россія не потерпитъ посягательствъ на свою свободу дѣйствій и дерзкаго вмѣшательства въ свои дѣла. Громко выразивъ Свое одобреніе генералу выигравшему эту битву и щедро наградивъ его, Императоръ Александръ III ясно предъ лицомъ всего міра доказалъ что хотя Онъ и озабоченъ лишь мирнымъ преуспѣяніемъ Россіи, но, съ другой стороны, сумѣетъ, когда необходимо, поддержать ея достоинство силой оружія. Кромѣ того, и въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, правда стояла на сторонѣ Русскаго Царя, а въ этомъ-то и была всегда Его сила, такъ какъ неправаго дѣла Онъ не сталъ бы отстаивать.

Постепенно на глазахъ у Европы все яснѣе и рельефнѣе выдѣлялся величавый образъ Державнаго Вождя Россіи и Вѣнценоснаго Руководителя русской политики, стоявшаго особнякомъ отъ другихъ европейскихъ монарховъ, ни отъ кого не зависѣвшаго, никому не отдававшаго отчета въ своихъ поступкахъ, и боготворимаго Своимъ стомилліоннымъ народомъ. Къ Его мощному голосу прислушивались тѣмъ внимательнѣе что этотъ голосъ раздавался только въ исключительныхъ случаяхъ крайней важности: Императоръ Александръ III не любилъ тратить словъ, а Его дѣйствія вызывали къ себѣ невольное почтеніе и уваженіе. Европѣ все чаще и чаще приходилось справляться съ мнѣніями и желаніями Россійскаго Самодержца, и

она, въ силу необходимости, постепенно пріучалась подчиняться этимъ мнѣніямъ и желаніямъ. Иногда эти мнѣнія и желанія шли въ разрѣзъ съ желаніями другихъ могущественныхъ европейскихъ монарховъ, но выходило всегда что монархамъ приходилось подчиняться волѣ Россійскаго Самодержца. Такъ, ни для кого уже не тайна что столкновеніе между Франціей и Германіей не разъ было предупреждаемо по волѣ Александра III, что, по выраженному имъ желанію, не разъ отзывались германскія войска отъ французскихъ границъ въ Альзасъ-Лотарингіи, гдѣ они собирались якобы для маневровъ и иныхъ болѣе или менѣе мирныхъ цѣлей. Это и положило основаніе послѣднему періоду политической дѣятельности въ Бозѣ почившаго Государя, достославно заключившему эту въ высокой степени плодотворную дѣятельность. Этотъ заключительный періодъ посвященъ сближенію съ Франціей.

Французская республика на Западѣ стояла такъ же одиноко какъ Россійская Имперія на Востокѣ. Вполнѣ естественно что взоры обоихъ народовъ обратились другъ къ другу, и что руки ихъ протянулись для взаимнаго пожатія черезъ головы враждебно настроенныхъ народовъ Центральной Европы. Это было столько же дѣломъ политики съ обѣихъ сторонъ, сколько результатомъ влеченія обоихъ народовъ другъ къ другу и ихъ взаимной сердечной симпатіи. Но необходимо было сдѣлать первые шаги, сгладить нѣкоторыя шероховатости неизбѣжныя при этихъ шагахъ и тѣмъ положить начало прочной дружбѣ; это именно и принялъ на себя Императоръ Александръ III.

Первые шаги Его въ этомъ дѣлѣ выразились въ томъ что Онъ принялъ протянутую Россіи руку Франціи и сердечно отвѣтилъ на ея благодарственное пожатіе за Его сочувственное вмѣшательство во франко-германскія недоразумѣнія. Затѣмъ Онъ одобрилъ мысль устройства въ Москвѣ Французской выставки 1891 года, которую почтилъ Своимъ подробнымъ осмотромъ и одновременно съ сердечною привѣтливостію принялъ визитъ французскихъ моряковъ въ Кронштадтѣ.

Тутъ собственно и была положена прочная основа франко-русскому единенію. Русскій Царь стоя выслушалъ французскій національный гимнъ, поднялъ чашу за процвѣтаніе Франціи, обмѣнялся сердечными депешами съ президентомъ Французской республики и, посѣтивъ французскій броненосецъ, тѣмъ самымъ въ качествѣ гостя вступилъ на почву Франціи.

Европа была поражена. Такого блистательнаго успѣха какимъ увѣнчалось посѣщеніе Кронштадта французскою эскадрой она не ожидала и долго не могла примириться съ этимъ совершившимся фактомъ. Однако, изумленіе ея еще усилилось

когда, въ прошломъ году, Тулонское свиданіе явилось достойнымъ отзвукомъ свиданія Кронштадтскаго и увѣнчало зданіе франко-русской дружбы, заложенной въ Кронштадтѣ.

Съ этихъ поръ какъ Россія, такъ и Франція уже не одинокіи, ихъ двойственная лига, въ противоположность тройственной, есть дѣйствительно лига мира, такъ какъ благодаря ей немыслима европейская война, ибо Россія и Франція затѣять войну не захотятъ, а другіе народы, безъ ихъ разрѣшенія, не посмѣютъ.

Таковъ благотворный результатъ политики Императора Александра III, девизомъ которой неизмѣнно оставался девизъ: «Россія для Русскихъ», что̀ не только не помѣшало Ему пріобрѣсти надежныхъ и вѣрныхъ союзниковъ, но вызвало къ нему дружественное расположеніе всѣхъ европейскихъ народовъ, выразившееся въ единодушной, непритворной скорби, охватившей эти народы при вѣсти о Его кончинѣ. Онъ доказалъ что съ дипломатіей совмѣстима искренность и завоевалъ себѣ всеобщее довѣріе тѣмъ что всегда стоялъ за правду. Бороться съ Нимъ значило бы идти противъ правды, на что̀ не легко рѣшиться.

Правдою и искренностью Онъ одинъ сдѣлалъ больше чѣмъ всѣ европейскіе дипломаты взятые вмѣстѣ.

Въ этомъ Его вѣчная слава.

Правдою и искренностію Онъ сдѣлалъ то что Россія нынѣ достигла небываламъ доселѣ могущества и значенія.

Въ этомъ Его вѣчная заслуга передъ Русскимъ народомъ.

* * *

Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра III.

(*Моск. Вѣд.* №303.)

Восшествіе на престолъ блаженной памяти Императора Александра Александровича почти совпало съ двадцатилѣтіемъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ періодъ времени былъ, конечно, болѣе чѣмъ достаточенъ для того чтобы черты новаго гражданскаго и политическаго положенія сословія обозначились вполнѣ ясно, со всѣми ихъ недочетами и несовершенствами. И дѣйствительно, мы видимъ что и въ правительственныхъ сферахъ, и въ литературѣ уже къ концу перваго десятилѣтія, а не только втораго, вполнѣ выяснилось сознаніе что послѣреформенная сельская жизнь сложилась въ дѣйствительности совсѣмъ не такъ, какъ это ожидалось и правительствомъ, и дѣятелями великаго преобразованія, и всѣми

благомыслящими людьми. Радужныя ожиданія оптимистовъ, сулившихъ благоденствіе и процвѣтаніе крестьянства лишь только оно получитъ личную свободу, землю и полную независимость въ устроеніи своихъ хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ, совсѣмъ не оправдывались. Упадокъ экономическаго благосостоянія въ массѣ сельскаго населенія и одновременное появленіе среди крестьянства отдѣльныхъ богатыхъ дворовъ и хозяйствъ, исчезновеніе прежней крестьянской зажиточности и «сытости» и, на ряду съ этимъ, распространеніе сравнительной роскоши, жизни сверхъ средствъ, явное пониженіе уровня нравственности, небывалое развитіе пьянства и крайнее умноженіе проступковъ и опасныхъ преступленій—въ родѣ убійствъ лѣсныхъ сторожей и поджоговъ,—необезпеченность собственности, неисполненіе договоровъ и обязательствъ по наймамъ на работы, и, наконецъ, какъ результатъ всего этого,—крайняя неисправность въ отбываніи повинностей и недоимки,—вотъ печальная картина собственно бытовой стороны нашей деревни семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Не краше была и сторона общественная и гражданская. Самовластіе и произволъ крестьянскихъ сходовъ, подкупность сословнаго суда, растраты мірскихъ суммъ и незаконные поборы, практиковавшіеся въ иныхъ мѣстностяхъ цѣлыя десятилѣтія подъ рядъ,—вотъ темный фонъ этой стороны, отразившейся и на всемъ быту...

Чего-то не хватало нашей деревнѣ, въ жизни ея безспорно была какая-то ложная основа, какое-то недоразумѣніе, существенное, крупное, органическое. Но чего не хватало, въ чемъ была ложь, какая ошибка была допущена при устройствѣ новаго крестьянскаго положенія? На это давалось множество отвѣтовъ, совѣтовъ и мнѣній. Не будемъ вновь подвергать ихъ критикѣ: она давно уже сдѣлана и общеизвѣстна. Обратимся прямо къ состоявшемуся разрѣшенію этихъ вопросовъ.

У крестьянъ была земля, въ общемъ—въ достаточномъ количествѣ, у нихъ былъ свободный трудъ, всегда находящій себѣ примѣненіе, по крайней мѣрѣ насколько то позволяютъ наши климатическія условія; ихъ повинности, въ общемъ, несравненно легче чѣмъ въ крѣпостное время. Чего же у нихъ не было, чего имъ не хватало?

Не нужно гадать для того чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ; нужно лишь не игнорировать нашей исторіи вообще и исторіи крестьянства въ особенности.—и отвѣтъ самъ собою найдется: очевидно, пореформенному крестьянству не хватало попечительности о немъ со стороны какой-либо силы стоящей *выше его, надъ нимъ*. Въ крѣпостное время эти функціи попечительства надъ одною половиной крестьянства ввѣрялись помѣщи-

камъ, подъ контролемъ государственной власти, а на другой, надъ крестьянами «казенными»,—непосредственнымъ органамъ этой власти. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ все это было отмѣнено, какъ въ отношеніи одной половины, такъ равно и въ отношеніи другой, и теперь, по истеченіи уже трехъ десятилѣтій со времени реформы, для насъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній что тутъ была сдѣлана крупная историческая ошибка. Была разорвана вѣковая связь, соединявшая крестьянство съ верховною властью, и это основное сословіе наше было предоставлено самому себѣ, съ сохраненіемъ лишь лежавшихъ на немъ государственныхъ повинностей. Обстоятельство это тѣмъ труднѣе находитъ себѣ оправданіе, что само сельское населеніе никогда не искало и не домогалось ни дарованнаго ему, такъ-называемаго, «самоуправленія», ни тѣхъ политическихъ правъ, къ пользованію которыми у него не было ни навыка, ни другихъ данныхъ, и которыя, поэтому, явились въ глазахъ его необъяснимыми.

Устраненіе изъ пореформеннаго крестьянскаго управленія начала попечительства лишило сословіе одного изъ самыхъ важныхъ благъ завѣщанныхъ нашею многовѣковою исторіей. Государственная власть наша всегда была не только силой собственно государственною, но и силой культурною; она не только облагала населеніе разнаго рода тяготами и повинностями для осуществленія своихъ высшихъ задачъ и своего назначенія, но и заботилась о томъ, чтобъ это населеніе имѣло возможность нести эти тяготы и выполнять эти повинности. А это возможно лишь при существованіи болѣе или менѣе полнаго, болѣе или менѣе совершеннаго гражданскаго порядка, при матеріальномъ довольствѣ и извѣстной высотѣ нравственнаго уровня населенія. Опытъ всего прошлаго показываетъ что эти условія наступали для крестьянства лишь когда добрыя исконныя свойства сельскаго населенія находили себѣ поддержку и покровительство во *власти*, близкой ихъ быту, простой, единоличной и съ бо́льшими или меньшими чертами патріархальности, когда власть эта, въ силу тѣхъ или другихъ причинъ, имѣла своею задачей активную попечительность какъ о матеріальной, такъ и о нравственной сторонѣ крестьянскаго быта. Очевидно что въ настоящее время власть эту могло дать деревнѣ лишь государство, лишь самъ верховный хозяинъ земли нашей, путемъ снабженія соотвѣтственными полномочіями тѣхъ или другихъ подвластныхъ ему учрежденій или служилыхъ людей. Понять эти простыя истины, усвоить ихъ непреложность и положить ихъ въ основу политики—вотъ незабвенная заслуга минувшаго царствованія по крестьянскому дѣлу.

Но такое направленіе крестьянское законодательство Императора Александра III принимаетъ лишь со второй половины Его царствованія, вѣрнѣе, съ того времени когда разработка предстоящихъ преобразованій сосредоточилась въ министерствѣ гр. Д. А. Толстаго, то-есть съ 1886 года. Первые же годы правительственная дѣятельность, какъ бы по инерціи, двигалась въ томъ же направленіи какъ и въ восьмидесятыхъ годахъ, и выражалась въ завершеніи мѣропріятій давно уже подготовляемыхъ. Такъ, въ министерство графа Игнатьева, понижены выкупные платежи и приступлено къ обязательному окончанію выкупной операціи. Далѣе, двумя законами 18 мая 1882 года объявлена была постепенная замѣна со слѣдующаго года подушной подати другими источниками дохода и учрежденъ Крестьянскій Банкъ. Насколько податной классъ и, главнымъ образомъ, крестьянство, были облегчены этимъ преобразованіемъ видно изъ того что общая сумма подушной подати, въ моментъ приступа къ ея отмѣнѣ, достигала *пятидесяти девяти* милл. кред. рублей, взыскивавшихся съ 26.300.000 душъ. Въ слѣдующемъ же по изданіи закона году подушная подать была уменьшена приблизительно на *двадцать* милл. руб., будучи замѣнена почти исключительно сборами падавшими главнымъ образомъ на болѣе состоятельные классы населенія, какъ-то: увеличеніемъ сборовъ гербоваго, таможеннаго и съ торговыхъ и промышленныхъ заведеній, акциза съ табаку и т. д. 25 мая того же 1882 года былъ упраздненъ Главный Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, съ передачей дѣлъ подлежавшихъ его вѣдѣнію въ первый департаментъ Правительствующаго Сената. Перемѣна эта не имѣла для крестьянскаго дѣла никакого значенія. Наконецъ, въ январѣ 1885 года были обнародованы Высочайше утвержденныя правила объ отдачѣ крестьянскимъ обществамъ въ аренду казенныхъ земель безъ торговъ,—правила, имѣвшія совершенно частный характеръ, какъ примѣнимыя лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ.

Второй періодъ крестьянскаго законодательства въ минувшее царствованіе, возвратившій насъ на проторенные, традиціонные пути, положенъ былъ закономъ 18 марта 1886 года о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ. Здѣсь въ первый разъ, послѣ долгаго молчанія и самоустраненія отъ всякаго вмѣшательства въ бытовую сторону крестьянской жизни, государственная власть заговорила съ народомъ тѣмъ языкомъ заботливости и помощи противъ его недуговъ, который такъ чтитъ лучшая часть крестьянства, и за который она всегда такъ благодарна. Никто никогда не сомнѣвался что семейные раздѣлы безспорно самое важное изъ золъ современной деревни, но разныя теоретиче-

скія умствованія до такой степени парализовали всякую здоровую инпціативу, что въ теченіе четверти вѣка правительство оставалось нѣмымъ зрителемъ сознаваемаго зла и не рѣшалось переступить за черту уже успѣвшей укорениться политики невмѣшательства во внутреннюю жизнь крестьянской общины.

Въ іюнѣ того же года Высочайше утверждено Положеніе о наймѣ на сельскія работы. Законъ этотъ совершенно ошибочно считается направленнымъ главнымъ образомъ въ пользу помѣщиковъ; цѣль его —честное выполненіе принятыхъ на себя обязательствъ—въ одинаковой мѣрѣ касается и рабочихъ, и хозяевъ, такъ какъ первымъ никогда нейдетъ въ прокъ распущенность и явная недобросовѣстность въ отношеніи вторыхъ. Здоровый соціальный укладъ не можетъ держаться на обманахъ и на томъ «хаосѣ» который сложился въ этой области сельской жизни, и безъ этого уклада положеніе помѣщика столь же ненормально какъ и положеніе крестьянина.

Но наиболѣе полно основная идея законодательства прошлаго царствованія выразилась, конечно, въ мѣстной реформѣ 1889 года. Она дала народу правильно организованный сословный судъ и близкую крестьянскому быту власть въ лицѣ мѣстныхъ дворянъ. удостоиваемыхъ полномочій важной и отвѣтственной должности земскаго начальника. Не будемъ входить въ общеизвѣстныя подробности этого важнѣйшаго преобразованія прошлаго царствованія, —преобразованія далеко не оцѣненнаго по достоинству. Но всѣ данныя о его безспорномъ и прочномъ успѣхѣ едвали могутъ оставить какое-либо сомнѣніе въ томъ что учрежденію земскихъ начальниковъ суждено служить краеугольнымъ камнемъ нашей самобытной системы мѣстнаго управленія. Тѣ или другія частныя черты этой должности могутъ видоизмѣняться, предѣлы ея компетенціи могутъ суживаться или расширяться подъ вліяніемъ временныхъ и преходящихъ условій, но основной типъ ея, по замѣчательному соотвѣтствію его съ условіями нашей сельской жизни, безъ сомнѣнія, принадлежитъ не только нашему настоящему, но и нашему будущему.

Послѣдующая законодательная дѣятельность шла въ томъ же направленіи—внесенія порядка въ общественно-хозяйственную жизнь крестьянъ и принятія мѣръ противъ появившихся признаковъ распаденія нѣкоторыхъ устоевъ ихъ быта. Въ видахъ устраненія малоземелья, какъ частнаго явленія отдѣльныхъ мѣстностей, 13 іюля 1889 года былъ изданъ законъ о переселеніяхъ, довольно подробно и обстоятельно регламентирующій ихъ. Правилами 8 іюня 1893 года упорядочены пере-

дѣлы общинной земли, а Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта, опубликованное въ концѣ того же года, установило порядокъ назначенія содержанія личному составу сельскаго управленія, обезпечивающій привлеченіе къ нему лучшаго элемента крестьянства. Наконецъ, уже въ началѣ текущаго года былъ изданъ законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ...

Сдѣлано по крестьянскому дѣлу въ прошлое царствованіе много, а главное,—все сдѣланное имѣетъ вѣрное направленіе и здоровую основу. При этихъ условіяхъ частные недостатки не страшны, и указаніе ихъ ведетъ только къ совершенствованію и улучшенію цѣлаго. Въ такомъ именно положеніи и находится все созданное почившимъ незабвеннымъ Монархомъ: даже недоброжелательная критика Его твореній только возвышаетъ ихъ, на пользу, радость и утѣшеніе всѣхъ истинно-Русскихъ людей.

* * *

Дворянское дѣло при Императорѣ Александрѣ III.

(*Моск. Вѣд. № 304.*)

Сущность нашего государственнаго устройства заключается въ томъ что Государь Императоръ Самъ правитъ народомъ Своимъ. Этимъ основоположеніемъ всего отечественнаго политическаго зданія обусловливаются и сословность его общественнаго строя, и тѣ формы въ которыхъ населеніе принимаетъ участіе въ дѣлѣ управленія.

Типичное государственное устройство странъ Западной Европы сложилось такъ что верховная власть или считается всецѣло принадлежащею «народу», или распредѣляется между нимъ и монархомъ. Отсюда понятно что весь поступательный ходъ политическаго прогресса на Западѣ заключается лишь въ томъ чтобы распредѣлить среди гражданъ возможно равномѣрнѣе то что объявлено ихъ всенародною собственностью—верховную власть. И дѣйствительно, мы видимъ что все составляющее помѣху справедливому распредѣленію *поровну* между гражданами политическихъ правъ, которыя и являются выраженіемъ верховной власти, всѣ институты и бытовые союзы, сложившіеся въ предшедшія историческія эпохи, до возникновенія начала народнаго верховенства, — все это быстро стирается и исчезаетъ, уступая мѣсто полной нивеллировкѣ сословій, полному равенству участія въ дѣлахъ правленія, всеобщему избирательному праву и т. п. У насъ, благодаря Бога,

надъ всею землей нѣтъ иного верховенства, кромѣ верховенства Царя-Императора; и весь народъ, и отдѣльныя его историческія сословія не только никогда не имѣли притязаній на какое-либо участіе въ верховной власти, но сочли бы измѣной и самую мысль о такомъ участіи. Поэтому ни отдѣльнымъ гражданамъ, ни сословіямъ нечего дѣлить между собою, не изъ-за чего враждовать и нѣтъ основаній ни къ какой политической борьбѣ; поэтому-то въ Россіи и не было никогда никакой «сословной розни», которая въ Западной Европѣ столько разъ разражалась потоками крови, и которую у насъ въ шестидесятыхъ годахъ пришлось выдумать для того чтобы чѣмъ-нибудь оправдать предпринятую тогда ломку сословій.

Но если, съ одной стороны, у насъ нѣтъ настоящихъ причинъ ко всеобщему «равненію», то, съ другой, есть много основаній къ сохраненію въ нашемъ строѣ сословныхъ отличій и группировки населенія по отдѣльнымъ союзамъ. Сословія, какъ въ ихъ цѣломъ, такъ и въ лицѣ отдѣльныхъ ихъ представителей, являются далеко не одинаково способными къ несенію государственно-служилыхъ обязанностей. Поэтому Монархи наши искони и надѣляютъ ихъ соотвѣтственно *различными* правами и обязанностями. Желать вполнѣ равномѣрнаго распредѣленія этихъ правъ и обязанностей между всѣми гражданами значитъ желать чтобы верховная власть при раздачѣ своихъ полномочій руководствовалась не пользами дѣла правленія, а соображеніями не имѣющими никакого къ нему отношенія. Правительственныя полномочія — не пряникъ поровну дѣлимый между дѣтьми, и при дарованіи ихъ верховная власть можетъ имѣть въ виду единственно лишь интересы Престола и Отечества.

Наша сословность и находится въ тѣснѣйшей связи съ самодержавіемъ. Реформы шестидесятыхъ годовъ безспорно подрывали нашъ самодержавный принципъ, и именно въ виду этого, для «справедливаго» распредѣленія той частицы Верховной власти которую имѣлось въ виду отмежевать, дѣятельно подготовлялась почва путемъ разрушенія сословныхъ перегородокъ и смѣшенія всѣхъ слоевъ населенія въ одну безцвѣтную и безформенную массу.

Съ вопареніемъ блаженной памяти Императора Александра III, надежды политическихъ интригановъ на ослабленіе у насъ самодержавнаго принципа рушились, а слѣдовательно была устранена и главная причина нивеллировки сословій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нуждаясь въ добрыхъ служебныхъ силахъ для водворенія спокойствія внутри страны, приведенной въ броженіе безпрерывнымъ рядомъ реформъ, въ Бозѣ почившій Императоръ

не могъ не стремиться къ возстановленію того древняго порядка нашего, согласно которому сословія и ихъ представители привлекались къ государственному дѣлу не одинаковымъ образомъ, а сообразно ихъ испытаннымъ умѣніямъ, способностямъ и средствамъ. Эта мысль и лежитъ въ основѣ всѣхъ мѣропріятій прошлаго царствованія по дворянскому дѣлу.

Уже во время Священной Коронаціи, на обѣдѣ 23 мая 1883 года въ Петровскомъ московскомъ дворцѣ, Государь Императоръ обратился къ волостнымъ старшинамъ и гминнымъ войтамъ со слѣдующими многознаменательными словами: «Слѣдуйте совѣтамъ и руководству вашихъ предводителей дворянства...» Въ мудрой и благожелательной рѣчи этой вылилось истинно-русское пониманіе сословнаго начала. Такое наставленіе мыслимо лишь въ устахъ Русскаго Царя въ обращеніи къ Его крестьянамъ. Только для нихъ предводитель другаго сословія можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ предводителемъ, потому что это сословіе старшее надъ ними не въ силу захвата ихъ правъ, а единственно на основаніи своей служилой роли по отношенію къ Тому, отъ Кого могутъ исходить народу только благо и правда; только у насъ въ Россіи, никогда не знавшей сословной розни, возможно такое указаніе на подчиненіе «руководству», не возбуждая даже мысли объ обидѣ и о взаимной враждѣ разнородныхъ частей населенія. Этими драгоцѣнными для дворянства словами опредѣлилась и вся его роль какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ нашего отечества. «Совѣты и руководства» предводителей не могутъ быть ложными только потому что они слуги престола и избранники сословія все назначеніе котораго заключается въ разнообразномъ государственномъ служеніи; только въ этой большей близости къ верховной власти и полномочіяхъ отъ нея, а не въ какихъ-либо правахъ надъ остальнымъ населеніемъ, и заключается все дворянское учрежденіе.

Вѣрное пониманіе государственнаго значенія дворянства вызывало и соотвѣтственное направленіе нашего законодательства въ вопросахъ, соприкасающихся съ правовымъ и бытовымъ положеніемъ сословія. Заботы правительства въ этомъ отношеніи были вызваны главнымъ образомъ необходимостью исправленія послѣдствій односторонней политики шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, приведшей какъ къ утратѣ дворянствомъ его прежняго мѣста въ организаціи управленія страной, такъ равно и къ его общему матеріальному упадку и обезземеленію. Особыя трудности представляла задача устраненія этихъ послѣднихъ печальныхъ явленій,—задача весьма далекая, впрочемъ, отъ своего полнаго разрѣшенія. Освобожденіе крестьянъ,

безъ надлежащей компенсаціи помѣщиковъ за утрату принадлежавшаго имъ права на крѣпостной трудъ, сразу лишило дворянство громадной части его прежняго достоянія и, конечно, было причиной экономическаго разстройства сословія. Къ этому присоединилось еще недостаточное вниманіе къ его бытовымъ нуждамъ, лишеніе его государственнаго кредита въ наиболѣе трудное время приспособленія къ новымъ условіямъ хозяйства, плохое мѣстное управленіе и пр. и пр. Не легко возстановлять то что̀ долго оставалось въ забвеніи и постепенно приходило въ упадокъ: созидательная работа всегда труднѣе и медленнѣе разрушительной. Нельзя ожидать, поэтому, чтобы въ краткій періодъ тринадцати лѣтъ жизнь многочисленнаго сословія возвратилась въ свои нормальныя условія, но незабвенною заслугой въ Бозѣ почившаго Императора было то что намѣченъ вѣрный путь къ такому возвращенію, и первая, быть-можетъ самая труднѣйшая, часть пути этого уже пройдена.

Начало возстановленію прежняго государственнаго значенія сословія положено Высочайшимъ Рескриптомъ Благородному Россійскому Дворянству отъ 21 апрѣля 1885 года, по случаю исполнившагося столѣтія со дня пожалованія ему же грамоты Императрицей Екатериной Великою. Надеждой и ободреніемъ прозвучали достопамятныя слова Монарха: «Мы для пользы Государства признали за благо чтобы Россійскіе дворяне и нынѣ, какъ въ прежнее время, сохраняли первенствующее мѣсто въ предводительствѣ ратномъ, въ дѣлахъ мѣстнаго управленія и суда, въ безкорыстномъ попеченіи о нуждахъ народа, въ распространеніи примѣромъ своимъ правилъ вѣры и вѣрности.»

Уже во время самаго обнародованія рескрипта Высочайшая воля, въ немъ выраженная, приводилась къ осуществленію въ трудахъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ по преобразованію крестьянскихъ и мировыхъ учрежденій, которое и возвратило уже дворянству подобающее ему мѣсто въ дѣлѣ мѣстнаго управленія. Слѣдовавшая затѣмъ реформа земскихъ учрежденій, какъ построенная на сословномъ началѣ, должна быть тоже отнесена къ числу мѣръ подпятія и оживленія нашихъ ископныхъ общественныхъ союзовъ. По прежнему земскому положенію помѣстное дворянство было вполнѣ устранено изъ земскихъ учрежденій; отдѣльные представители сословія могли участвовать въ нихъ лишь какъ землевладѣльцы, независимо отъ своего званія. Положеніе 1890 года, раздѣливъ земскихъ избирателей по сословіямъ, создало помѣстному дворянству возможность имѣть въ земскихъ дѣлахъ свое представительство которое могло бы защищать мѣстные сословные интересы.

Открытое признаніе государственнаго значенія дворянства имѣло своимъ послѣдствіемъ также и то что представителямъ сословія данъ былъ преимущественный ходъ собственно на государственной службѣ по назначенію отъ правительства. Цѣлый рядъ назначеній предводителей дворянства на посты губернаторовъ и вице-губернаторовъ и на другіе, не менѣе важные, показалъ опредѣленное намѣреніе верховной власти возвратить нашему старшему сословію его былое служилое призваніе.

Рядъ мѣръ къ поддержанію экономическаго благосостоянія дворянства былъ начатъ еще до Священнаго Коронованія. Такъ 3 мая 1883 года Высочайше утвержденъ законъ, въ силу котораго выморочныя имущества, остающіяся послѣ потомственныхъ дворянъ записанныхъ въ дворянскую родословную книгу, обращены въ собственность тѣхъ дворянскихъ обществъ, къ составу которыхъ умершій принадлежалъ. 28 того же мая былъ открытъ кредитъ землевладѣльцамъ изъ Государственнаго Банка подъ соло-векселя, а затѣмъ открытъ и Дворянскій Поземельный Банкъ. Но особое вниманіе къ матеріальнымъ нуждамъ сословія оказано въ министерство И. А. Вышнеградскаго, когда, въ видахъ снабженія Дворянскаго Банка средствами для облегченія его заемщиковъ, былъ выпущенъ лотерейный заемъ и ликвидированъ такъ-называемый «золотой банкъ», своими высокими процентами не мало способствовавшій дворянскому обезземеленію. Наконецъ, въ послѣдніе годы, привилегіи въ пользу сельско-хозяйственнаго винокуренія, упорядоченіе хлѣбныхъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ, устройство элеваторовъ и организація кредита подъ хлѣбъ и для воспособленія разнымъ другимъ нуждамъ,—какъ, напримѣръ, кредита для пріобрѣтенія земледѣльческихъ машинъ, для овцеводовъ и пр., — всѣ эти мѣры, если и не имѣли исключительно сословнаго характера, все же направлялись на пользу земледѣльческой промышленности, составляющей главное занятіе сословія...

Царствованіе Императора Александра III было столь непродолжительно что трудно оцѣнить весь объемъ практическихъ результатовъ содѣланнаго имъ для дворянства. Но одно несомнѣнно и сдѣлается достояніемъ нашей исторіи: государственною проницательностью и самобытнымъ умомъ незабвеннаго Монарха дворянство, послѣ долгихъ пережитыхъ имъ невзгодъ, вновь признано необходимою и полезною государственною силой, имѣющею свое предназначеніе въ историческихъ судьбахъ нашего великаго отечества.

* * *

Балтійскій край въ царствованіе Императора Александра III.

(*Моск. Вѣд.* № 305.)

До вступленія на престолъ въ Бозѣ почившаго Императора Александра III Балтійскій край жилъ совершенно обособленною отъ внутренней Россіи жизнью. Опираясь на такъ-называемыя «привилегіи», сохранявшія, будто бы, за балтійскими губерніями административную независимость и полнѣйшее самоуправленіе, дворянскія и городскія сословія старались ограждать внутреннюю жизнь края отъ всякаго вмѣшательства правительственной власти, и находили весьма часто поддержку въ генералъ-губернаторахъ, назначавшихся русскими государями. Уже въ концѣ царствованія Императора Александра II была сознана ненормальность такого порядка и были упразднены какъ должность Остзейскаго генералъ-губернатора, объединявшаго въ своемъ лицѣ три отдѣльныя губерніи въ одно цѣлое, такъ и Остзейскій комитетъ, который, вмѣсто сближенія края съ центральною властью и строемъ внутреннихъ губерній, направлялъ всѣ усилія къ сохраненію прежней обособленности.

Посѣтивъ, будучи Наслѣдникомъ Престола, вмѣстѣ съ Семьей нѣсколько разъ Гапсаль, Императоръ Александръ III имѣлъ случай близко ознакомиться съ положеніемъ края. Его должны были поразить и угнетенное положеніе, въ которомъ находилась православная церковь въ русскихъ губерніяхъ, и насильственная германизація населенія, поставленнаго въ тяжкую зависимость отъ сословій, съ нескрываемою враждебностію относившихся къ русской государственной власти, и, главнымъ образомъ, полное устраненіе этой власти въ краѣ, благодаря тому что какъ законодательная, такъ и судебная и полицейская власть всецѣло находились въ рукахъ партій присвоившихъ себѣ политическія права. При такихъ обстоятельствахъ государственная власть встрѣчала затрудненія не только узнавать правду о положеніи края, но и требовать точнаго исполненія своихъ распоряженій. Эксплуатація населенія небольшою кучкой людей захватившихъ власть въ свои руки производилась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, населеніе лишалось возможности добиваться своихъ правъ, потому что балтійскіе суды являлись злою пародіей на благоустроенный судъ, совѣсть народа насиловалась лютеранскими пасторами, а школы германизовали населеніе и воспитывали его въ духѣ враждебномъ всему русскому, стараясь, устраненіемъ русскаго языка изъ школъ, судовъ и адми-

пистраціи, опять у населенія возможность ознакомленія съ порядками во внутреннихъ губерніяхъ.

Такое ненормальное положеніе русскихъ губерній обратило на себя вниманіе почившаго Монарха и возбудило въ немъ желаніе вполнѣ выяснить положеніе въ краѣ, чтобъ узнать какія сдѣдуетъ ввести измѣненія.

Въ 1882 году была назначена сенаторская ревизія двухъ губерній—Лифляндской и Курляндской, и совершить ревизію было поручено сенатору Манассеину, въ послѣдствіи министру Юстиціи. Обширный собранный имъ матеріалъ выяснилъ такіе порядки, что дальнѣйшее откладываніе реформъ сдѣлалось невозможнымъ.

Главнымъ принципомъ положеннымъ въ основаніе реформъ было сближеніе края съ внутренними губерніями и полное возстановленіе авторитета государственной власти. Являлась необходимость взять исполнительную власть изъ рукъ мѣстнаго дворянства, съ явнымъ недоброжелательствомъ относившагося къ реформамъ, и первою реформой явилась, такимъ образомъ, реформа полицейскихъ учрежденій. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало назначеніе въ край Русскихъ людей. Попечитель округа, губернаторъ, начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ, стали избираться изъ Русскихъ людей, и прежніе непотизмъ и скрытіе отъ правительственной власти злоупотребленій сдѣлались невозможными. Попытки привлечь мѣстныхъ дѣятелей къ участію въ реформахъ оказались вполнѣ неудачными, не только потому что они несочувственно относились къ реформамъ, но также и потому что застывшіе въ узкихъ, обветшалыхъ понятіяхъ, они были неспособны къ какой бы то ни было живой, разумной государственной дѣятельности.

Въ 1885 году послѣдовалъ Высочайшій указъ о введеніи во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ переписки на русскомъ языкѣ. Еще памятна та оппозиція которую оказывали осуществленію Высочайшей воли представители сословныхъ и городскихъ управленій, потребовавшихъ удаленія и преданія суду городскихъ головъ Ревеля и Риги. Но никакія препятствія не задержали введенія этого преобразованія, и ко второй половинѣ прошлаго царствованія русскій языкъ, какъ языкъ государственный, занялъ подобающее мѣсто во всѣхъ учрежденіяхъ и школахъ края, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ. Здѣсь нѣтъ надобности шагъ за шагомъ слѣдить за всѣми преобразованіями, такъ какъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ мы постоянно обращали на нихъ вниманіе читателей; достаточно сказать что какъ учебная, такъ и судебная и полицейская реформы завершены, и осталось преобразовать только

земскія повинности, носившія несправедливый характеръ. Но проектъ и этой реформы почти законченъ, и осуществленіе ея не задержится на-долго.

Одною изъ главныхъ заботъ почившаго Монарха являлось всегда высвобожденіе Православной Церкви изъ того угнетеннаго состоянія въ какомъ она находилась въ прежнія времена, когда голосъ православныхъ не доходилъ до престола благодаря интригамъ сильныхъ заправителей края. Одною изъ первыхъ мѣръ было устраненіе величайшей несправедливости которой подвергались православные, вынужденные платить повинности въ пользу лютеранской церкви. Затѣмъ послѣдовало возстановленіе прежняго закона, согласно которому дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ должны воспитываться въ Православной вѣрѣ. Раньше законъ этотъ, благодаря происканъ лютеранскаго духовенства, былъ отмѣненъ, и это давало духовенству возможность присоединять православныхъ къ своей паствѣ. Въ продолженіе всего царствованія, покойный Императоръ жертвовалъ большія суммы изъ собственныхъ средствъ на возобновленіе и украшеніе храмовъ, и приказалъ отпускать изъ государственныхъ средствъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, по 100 тысячъ рублей на благоустроеніе православныхъ храмовъ. Эти щедрыя жертвы дали возможность возобновить много прежнихъ храмовъ и построить новые въ приходахъ до сихъ поръ лишенныхъ ихъ, по бѣдности паствы. Цѣлый рядъ церквей, женскій монастырь въ Пюхтицѣ, соборъ въ Ревелѣ останутся вѣчными памятниками заботъ почившаго Монарха о Православной Церкви въ Балтійскомъ краѣ, такъ же какъ реформы судебная, полицейская и учебная останутся навсегда памятниками заботъ Императора о населеніи забытаго края. Россія же никогда не забудетъ этого. Императоръ Александръ III, заставшій Балтійскій край онѣмеченнымъ, обособленнымъ, возстановилъ въ немъ въ полномъ объемѣ государственную власть, возвратилъ подобающее положеніе Православной Церкви, сломилъ крамолу и оставилъ своимъ наслѣдникамъ край русскій, который не только матеріально, но и по духу будетъ связанъ съ великою Россіей, которую Почившій такъ горячо любилъ и за которую положилъ душу Свою.

* * *

Народная школа въ царствованіе Императора Александра III.

(Моск. Вѣд. № 308.)

Существуетъ мнѣніе, что начало нашему «народному», въ узкомъ смыслѣ этого слова, образованію было положено дѣятельностью земскихъ учрежденій; только ими будто бы создана наша «народная школа», только ими же она держится и до нашихъ дней. Этотъ невѣрный взглядъ установился, вопервыхъ, вслѣдствіе дѣйствительнаго открытія и содержанія земствами многихъ элементарныхъ учебныхъ заведеній для народа, а во-вторыхъ, вслѣдствіе постояннаго, пристрастно-тенденціознаго, превознесенія заслугъ мѣстныхъ общественныхъ установленій на этомъ поприщѣ какъ печатью, такъ и всею «свободомыслящею» частью нашего общества.

Но понастроить школъ, насадить въ нихъ учителей усвоившихъ кое-какъ нѣмецкіе педагогическіе пріемы, затратить на это милліоны денегъ собранныхъ съ населенія,—еще не значитъ создать народную школу, положить начало народному просвѣщенію. Въ дѣлѣ образованія юношества есть нѣчто поважнѣе училищныхъ построекъ и техники обученія, это—предметъ и цѣль обученія. Земскіе дѣятели школы видѣли этотъ предметъ и эту цѣль лишь въ «умственномъ развитіи» и сообщеніи знаній. Но начальная школа, при неизбѣжно краткомъ курсѣ, не могла давать ни того, ни другаго. Въ лучшихъ школахъ учащіеся могли пріобрѣтать лишь средство къ умственному развитію и пріобрѣтенію знаній—хорошую грамотность. Но такъ какъ для большинства населенія и двухъ-трехлѣтнее обученіе представляется не всегда доступною роскошью, то о томъ, чтобы продолжать дальнѣйшее образованіе, о томъ, чтобы воспользоваться этимъ, съ трудомъ доставшимся, средствомъ—не могло быть и рѣчи. Эта-та безцѣльность обученія въ свѣтскомъ типѣ крестьянской школы и была причиной того характернаго явленія нашей народной жизни, которое принято называть «рецедивомъ безграмотности»: не имѣя въ своемъ быту никакого примѣненія тѣхъ ничтожныхъ умѣній, которыя выносились изъ школы, крестьянскія дѣти быстро ихъ забывали.

А между тѣмъ жажда просвѣщенія, еще недавно сдерживавшаяся суровымъ режимомъ крѣпостнаго права, все росла и росла въ нашемъ народѣ. Не видѣть ея было нельзя, и ее видѣли, о ней говорили и писали, но ея не понимали, или не

хотѣли понять. Великія слова «жажда свѣта» на опошленномъ языкѣ нашей оторванной отъ народа интеллигенціи означали стремленіе къ образованію въ ея смыслѣ, въ томъ специфическомъ смыслѣ, согласно которому «образованный человѣкъ» и «религіозный человѣкъ» понятія несовмѣстимыя. Не такого образованія жаждалъ народъ, не къ такому свѣту стремился онъ изъ темноты своего повседневнаго быта. Для него, одного изъ наиболѣе религіозныхъ народовъ міра, для него, еще не тронутаго въ чистотѣ и ясности его самобытнаго міровоззрѣнія, просвѣщеніе можетъ снизойти однимъ путемъ и черезъ одно посредство: черезъ святую Христову Церковь. И кто же, имѣвшій возможность близко наблюдать наше сельское и рабочее населеніе, не знаетъ что и грамотность, и все школьное обученіе крестьянинъ цѣнитъ лишь какъ средство къ познанію и посильному пониманію истинъ вѣры, лишь поскольку книжность приближаетъ его къ Церкви, позволяетъ ему стать болѣе сознательнымъ и болѣе усерднымъ ея членомъ? Кто не знаетъ что главное, почти единственное, примѣненіе грамотности у рядоваго крестьянскаго люда заключается въ участіи въ богослуженіи, въ чтеніи книгъ священныхъ и религіозно-нравственнаго содержанія, Псалтири по покойникамъ и т. п.?

Не много нашелъ народъ въ школахъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ для удовлетворенія своей духовной жажды. Правда, во всякомъ училищѣ обязательно преподавался Законъ Божій, но онъ не могъ занимать подобающаго ему мѣста въ школѣ фактически созданной и вдохновляемой нашею интеллигенціей, не могъ составлять основы и цѣли всего обученія, такъ какъ эти основы и эта цѣль были чисто раціоналистическія. «Отношеніе нашей интеллигенціи къ религіозному элементу въ школѣ—извѣстно»,—говоритъ уважаемый дѣятель нашего народнаго просвѣщенія, профессоръ С. А. Рачинскій:—«она допускаетъ его лишь ради соблюденія какихъ-то консервативныхъ приличій, или какъ уступку невѣжественнымъ требованіямъ простонародья, — и это лицемѣрное отношеніе къ нему вреднѣе гоненія.» *) До какой степени доходило невниманіе къ религіозно-нравственному образованію въ начальной школѣ недавней эпохи, видно изъ поразительнаго факта, приводимаго тѣмъ же авторомъ: въ *Каталогѣ книгъ для употребленія въ сельскихъ школахъ*, изданномъ Министерствомъ въ 1875 году и заключавшемъ въ себѣ *все* дозволенное для класснаго и внѣкласснаго чтенія учениковъ, не значилось ни Часо-

*) *Сельская Школа* 1892 г., стр. 5.

слова, ни Псалтири, ни Ветхаго Завѣта! *Новый* Завѣтъ былъ «одобренъ», но не «рекомендованъ». Конечно, это было недоразумѣніе, не скоро, однако, устраненное, но какое это знаменательное недоразумѣніе, какая многоговорящая ошибка...

Такова была наша типичная народная школа запрошлаго царствованія и такою же, по всей вѣроятности, она продолжала бы пребывать и доселѣ, еслибы Провидѣніе не послало Россіи мудраго и великаго Государя, глубоко вѣровавшаго и искренне благочестиваго, а потому и понимавшаго народъ Свой и его духовныя нужды. Только благодаря Его волѣ, труды такихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, какъ К. П. Побѣдоносцевъ и С. А. Рачинскій, могли положить начало нашей современной народной школѣ, могли возсоздать истинное народное образованіе на древне-русской, самобытной основѣ. Это важнѣйшее изъ преобразованій прошлаго царствованія было однимъ изъ первыхъ его дѣяній и совершилось тихо, безшумно и незамѣтно. Утверждая 13 іюня 1884 года составленныя Святѣйшимъ Синодомъ правила церковно-приходскихъ школъ, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ изволилъ Собственноручно начертать на всеподданнѣйшей по этому предмету запискѣ: «*Надѣюсь что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ.*»

Эта надежда Монарха оправдалась. Не обезпеченное матеріально, не обладавшее необходимою техникой преподаванія, а нерѣдко и недостаточно образованное вообще, обремененное чрезъ мѣру пастырскими обязанностями, сельское духовенство, тѣмъ не менѣе, воспрянуло духомъ отъ милостивыхъ словъ Благочестиваго Помазанника Божія и оправдало возлагавшееся на него довѣріе. Равнодушіе къ школьному дѣлу со стороны священно-церковно-служителей въ предшедшее царствованіе было создано искусственно — отрѣшеніемъ школы отъ непосредственнаго общенія съ Церковью, а главное тѣмъ, что школа въ деревнѣ водворялась тогда не только не церковнымъ, а даже противоцерковнымъ элементомъ нашего общества, и священникъ былъ какъ бы чужимъ въ школѣ и во всякомъ случаѣ былъ приглашаемъ единственно для виду, въ удовлетвореніе требованій закона. Такой постановкѣ всего дѣла естественно соотвѣтствовало и отношеніе духовенства къ законоучительству. Въ новой школѣ не осталось и слѣда этихъ печальныхъ явленій, такъ какъ школа эта является органомъ самой Церкви, такъ какъ главная, а не побочная, существенная, а не показная задача ея заключается въ томъ, чтобы «*нераздѣльно* съ Церковью», какъ гласитъ законъ, «внушать дѣтямъ *любовь* къ Церкви и богослуженію, дабы посѣщеніе церкви и участіе въ

богослуженіи содѣлалось навыкомъ и потребностію сердца учащихся». Духовенство не могло остаться равнодушнымъ и холоднымъ къ такой истинно-народной школѣ, къ такому просвѣщенію, котораго давно уже жаждала душа народная, и дѣло созиданія самобытно-національнаго низшаго образованія неудержимо двинулось впередъ.

Съ 1884 по 1891 годъ въ вѣдомствѣ Св. Синода открыто 21.626 школъ, въ числѣ коихъ собственно церковно-приходскихъ было 9.852, съ 369.489 учениками и ученицами, и школъ грамоты—11.774, съ 251.893 дѣтьми обоего пола. Въ послѣдніе годы царствованія, и особенно послѣ изданія правилъ о школахъ грамоты 4 мая 1891 года, число училищъ обоего рода возросло еще значительнѣе, и нѣтъ основанія думать, что прогрессивное движеніе это остановится или замедлится. Правда, въ «противоцерковныхъ» слояхъ нашего общества и въ части печати оказывается ему всяческое противодѣйствіе, но оно вызвано къ жизни слишкомъ наболѣвшею народною потребностью, и уже одно это не дастъ ему угаснуть. Не видѣть и не предусмотрѣть этой потребности могли только наши земскія учрежденія, и ничто не доказываетъ лучше, какъ мало понимаютъ они народъ, несмотря на свою внѣшнюю близость къ нему, и какъ неосновательны ихъ притязанія *представлять* собою народныя нужды и потребности: не черезъ ихъ представительство, а скорѣе *несмотря* на ихъ противодѣйствіе, народъ нашъ, волею почившаго Монарха, получилъ, наконецъ, такую школу, какой онъ страстно желалъ, которая служила бы ему ключомъ «къ тайнамъ молитвы, жизни вѣчной, Божественной мудрости»...

* * *

Финляндская окраина въ царствованіе Александра III.

(*Моск. Вѣд.* № 309.)

Насплвъ наслѣдства, доставшагося прошлому царствованію отъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, заключался не въ одной умственной смутѣ и разстройствѣ въ управленіи и въ бытѣ сословій: подъ вліяніемъ ослабленія государственной власти, всѣ центробѣжныя силы Имперіи стали вырываться наружу и заявлять о своемъ существованіи въ той или иной формѣ. И если такія явленія какъ украинофильство или автономныя стремленія нѣсколькихъ Сибиряковъ представляются болѣе коми-

ческими чѣмъ вредными, то финляндскій сепаратизмъ, какъ глубоко внѣдрившаяся и злокачественная политическая болѣзнь цѣлой обширной области съ двухмилліоннымъ населеніемъ, не можетъ не вызывать совершенно иного къ себѣ отношенія.

Сепаратистская интрига Финляндцевъ началась съ того самаго времени когда они впервые присягнули Русскому Императору и были «навсегда» присоединены къ Россіи, то-есть съ 1808 года, и продолжается и до настоящаго времени. Но никогда дѣйствія этой интриги не были столь наглы, никогда не успѣвала она больше чѣмъ въ царствованіе Императора Александра II. Такъ, уже 20 декабря 1858 года было издано Положеніе о торговлѣ Имперіи съ Финляндіей, съ прямою цѣлію увеличить привилегіи этой окраины, вслѣдствіе чего безпошлинный привозъ изъ нея увеличился до размѣровъ серіозно подрывающихъ нашу промышленность и торговлю; манифестомъ 1860 года Финляндіи дарована самостоятельная монетная единица; въ 1878 году ей разрѣшено имѣть свою особую армію и т. д., и т. д. Цѣлый рядъ причинъ благопріятствовалъ Финляндцамъ, и, несмотря на то что всѣ ихъ захваты производились открыто, среди бѣла дня, эти захваты не вызывали никакого протеста и отпора: до такой степени все и всѣ были загипнотизированы разными либеральными теоріями, съ точки зрѣнія которыхъ всѣ козни нашихъ сѣверныхъ Мадьяръ были подвигами цивилизаціи и прогресса. Но наступило незабвенное прошлое царствованіе,—и только тогда русская государственная и общественная мысль, отрезвѣвшая отъ долголѣтняго политическаго угара, узрѣла какъ далеко зашло дѣло отторженія отъ Имперіи одной изъ самыхъ необходимыхъ ей провинцій, за которую предки наши пролили столько своей крови.

Уже въ годъ священнаго коронованія, въ печати, и именно на столбцахъ нашего изданія, былъ возбужденъ вопросъ о ненормальности существованія особой Финляндской таможенной границы, отдѣляющей русскія области одну отъ другой. Первая серіозная тревога по поводу сепаратистскихъ узурпацій не прошла безслѣдно, и въ томъ же году уже была назначена, по Высочайшему повелѣнію, особая коммиссія для обсужденія вопроса о финляндскихъ торговыхъ привилегіяхъ. Это пробужденіе общественной дѣятельности, казалось, должно было бы предостеречь горсть Шведовъ, заправляющихъ дѣлами Финляндіи, что не слѣдуетъ истощать терпѣніе Россіи: но сепаратисты вступили уже на такую наклонную плоскость что имъ трудно было остановиться. 15 августа 1885 года ими былъ торжественно открытъ близъ города Иденсальми памятникъ для увѣковѣченія якобы бывшаго тамъ *пораженія русскихъ войскъ*

Финнами. Скандальное для мѣстныхъ русскихъ властей, дѣло это открыло глаза и слѣпымъ, показавъ что Финляндцы уже не довольствуются одними захватами, а позволяютъ себѣ и дерзкіе вызовы русскому національному чувству.

Дѣло отторженія Финляндской окраины, повидимому, считалось тамъ столь назрѣвшимъ, что финляндскіе руководители находили возможнымъ отъ скрытнаго и тихаго образа дѣйствій перейти къ публичнымъ заявленіямъ своихъ якобы правъ, дабы такимъ путемъ закрѣпить ихъ. Такъ, въ 1888 году, извѣстнымъ политическимъ дѣятелемъ Финляндіи, сенаторомъ Л. Мехелиннымъ, была издана на французскомъ языкѣ книга—*Конституція Финляндіи*—видимо предназначенная для нашихъ западныхъ сосѣдей, изъ которой выяснилась вся финская политическая программа, сводившаяся къ полному отдѣленію Финляндіи отъ Россіи и къ умаленію власти Русскаго Императора до безправія шведскихъ королей половины прошлаго вѣка. Финляндія открыто объявлялась самостоятельнымъ государствомъ, которое находится де только въ соединеніи съ Россіей, основанномъ на обоюдномъ договорѣ. Съ чисто-финскою настойчивостью проводили эти взгляды мѣстные сепаратисты при всякомъ случаѣ—и въ мелочахъ, и въ дѣлахъ серіозныхъ.

Все систематически приноравливалось къ тому чтобы создать такіе прецеденты вольностей въ порядкѣ управленія и административныхъ формахъ, которые подтверждали бы вышеприведенныя основы финляндской «конституціи». Такъ, въ текстѣ манифестовъ отъ лица Самодержавнаго Императора появилась въ началѣ формула *Съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи*; въ извѣстномъ *Готскомъ Альманахѣ* Финляндія фигурировала уже въ качествѣ конституціонной монархіи, состоящей въ уніи съ Россіей въ лицѣ одного правителя и т. д. и т. д.

Не довольствуясь автономіей въ смыслѣ государственномъ, Финляндцы употребляли всѣ мѣры къ обособленію своей области въ отношеніи бытовомъ, къ созданію для Русскихъ совершенно невозможныхъ условій существованія въ ней. Не говоря уже про то что нигдѣ въ странѣ, ни въ одномъ даже публичномъ учрежденіи никто не владѣетъ русскимъ языкомъ, жители коренной Россіи не пользуются въ области даже и элементарными правами гражданства. Такъ, между тѣмъ какъ финляндскимъ дворянамъ присвоены во внутреннихъ областяхъ Имперіи права дворянъ россійскихъ, русскіе дворяне не признаются въ Финляндіи въ своемъ званіи. Затѣмъ, русскіе собственники не имѣютъ права на участіе въ финляндскомъ самоуправленіи и т. д. Наша государственная религія—православная вѣра—находится въ Финляндіи въ такомъ угнетенномъ поло-

женіи что даже мѣстные уроженцы, ее исповѣдающіе, не допускаются на нѣкоторые роды государственной службы. Духовенство наше и церковныя процессіи подвергались на улицахъ настоящимъ нападеніямъ и издѣвательствамъ толпы, остававшимся безнаказанными. Наконецъ, русскіе военные и матросы въ портахъ сплошь и рядомъ терпѣли безпричинныя оскорбленія.

Такое положеніе края и отсутствіе какихъ бы то ни было основаній надѣяться что финляндскіе сепаратисты сами образумятся и остановятся на своемъ скользкомъ пути заставило правительство выйти изъ его пассивнаго положенія и положить конецъ ихъ опасной игрѣ. Поистинѣ нужно было все миролюбіе, все царственное спокойствіе и милосердіе незабвеннаго въ Бозѣ Почившаго Государя для того чтобы, прекрасно *понимая*, какъ это показали послѣдствія, интриги мѣстныхъ политикановъ, столь долго ограничиваться по отношенію къ нимъ мѣрами кротости и терпѣнія. Но когда, наконецъ, стало несомнѣннымъ что мѣры эти не достигали цѣли, бывъ, повидимому, приняты за ту же слабость власти которая характеризовала недавнее прошлое, — программа правительственной политики въ отношеніи къ Финляндіи вполнѣ опредѣлилась и твердо проводилась до конца царствованія. Эта ясная программа нашла себѣ мѣсто въ Высочайшемъ Рескриптѣ генералъ-губернатору Финляндіи отъ 28 февраля 1891 года. Заявивъ въ этомъ важномъ актѣ о Своемъ расположеніи «относиться съ прежними благоволеніемъ, заботами и довѣріемъ къ Финскому народу, неизмѣнно охраняя дарованныя ему Россійскими Монархами права и преимущества» и о томъ что въ намѣренія Его «не входитъ измѣнять начала дѣйствующаго въ краѣ порядка внутренняго управленія», въ Бозѣ почившій Государь Императоръ изволилъ, между прочимъ, выразить что Финляндскій край «съ начала нынѣшняго столѣтія, а въ нѣкоторой его части и ранѣе», состоитъ «*въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской*», и что предначертанныя въ краѣ мѣропріятія имѣютъ цѣлію достиженіе «*болѣе тѣснаго единенія Великаго Княжества съ прочими частями Россійской Державы*».

Направленіе политики, выраженное вышеприведенными знаменательными словами Рескрипта, начало осуществляться еще до его обнародованія. Такъ, въ январѣ 1890 года, состоялось Высочайшее повелѣніе о составленіи проектовъ, направленныхъ къ приведенію таможенной и монетной системъ Финляндіи въ соотвѣтствіе съ системами Имперіи и объ объединеніи подъ однимъ высшимъ завѣдываніемъ мѣстныхъ почтовыхъ учрежденій съ таковыми же въ остальной Россіи. Послѣднее предположеніе было вскорѣ приведено въ исполненіе, и, въ силу

Манифеста 31 мая 1890 года, почтовыя учрежденія Финляндіи поступили въ вѣдѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, причемъ для служащихъ въ нихъ знаніе русскаго языка сдѣлалось обязательнымъ. Въ томъ же году изданы узаконенія о воспрещеніи ставить публичные памятники безъ особаго каждый разъ Высочайшаго разрѣшенія и объ обязательномъ принятіи въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ края платежей русскою монетой. Это послѣднее постановленіе явилось первою подготовительною мѣрой къ объединенію провинціальной финляндской монетной системы съ общегосударственною русскою.

Одною изъ причинъ вышеописаннаго ненормальнаго положенія Православной Церкви является завѣдываніе ея дѣлами въ предѣлахъ Финляндіи мѣстнымъ лютеранскимъ Сенатомъ. Въ виду этого, въ томъ же 1890 году послѣдовало распоряженіе о пересмотрѣ всѣхъ законовъ касающихся финляндскихъ православныхъ приходскихъ общинъ и ихъ духовенства, съ тѣмъ чтобы разработать соотвѣтственный законопроектъ на началахъ подчиненія финляндскаго духовенства Святѣйшему Суноду, наравнѣ съ духовенствомъ другихъ частей Имперіи.

Въ теченіе семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, въ Финляндіи дѣятельно разрабатывался проектъ новаго Уголовнаго Уложенія. Отрывочныя извѣстія объ этомъ проникали въ печать, но въ отношеніи къ этой окраинѣ у насъ тогда уже установилась особая традиція безпечности и напраснаго попустительства, исходившая изъ положенія что все происходящее въ такой европейски-цивилизованной странѣ могло быть лишь совершеннымъ и «прогрессивнымъ». Мы даже не интересовались узнать какого рода реформу готовили себѣ наши «лойяльные» «сосѣди». Тѣмъ большее впечатлѣніе произвели разоблаченія сдѣланныя по этому поводу нашимъ изданіемъ. Оказалось что всѣ части Уложенія, уже опубликованнаго въ началѣ 1890 года какъ законъ, имѣющія хоть какое-либо отношеніе къ политической интригѣ господствующаго класса, были редижированы съ явно-возмутительною тенденціей. Такъ, напримѣръ, тогда какъ по русскому Уложенію за снятіе и опубликованіе плановъ укрѣпленій назначается *ссылка въ Сибирь на поселеніе*, финляндскіе сепаратисты сочли возможнымъ ограничить наказаніе за это преступленіе денежнымъ штрафомъ не свыше *пятидесяти* рублей; человѣкъ, допустившій цареубійство, которое онъ могъ предотвратить своевременнымъ увѣдомленіемъ власти, наказывается по нашимъ законамъ *лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и смертною казнью*; Финляндцы же признали что въ этомъ случаѣ иной разъ можно покарать и однимъ лишь *денежнымъ взысканіемъ*... Помимо всѣхъ этихъ дерзостей

и другихъ несообразностей, Финляндское Уложеніе представляло ту типичную черту что различало лишь финляндскаго гражданина и иностранца, Финляндію и «заграницу», причемъ коренные Русскіе приравнивались къ иностранцамъ, а Россія—къ иноземеннымъ странамъ наравнѣ съ Турціей.

Всѣ эти разоблаченія, слава Богу, достигли своей цѣли: осенью 1890 года, по докладу Министерства Юстиціи, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особой коммиссіи изъ четырехъ членовъ для пересмотра финляндскаго Уголовнаго Уложенія, а 1 слѣдующаго декабря былъ обнародованъ Высочайшій Манифестъ о пріостановкѣ введенія въ дѣйствіе этого Уложенія впредь до окончанія его полнаго пересмотра. Участіе въ этомъ пересмотрѣ приняли министръ Юстиціи и главноуправляющій Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ.

Девяностые годы царствованія явились особенно плодотворными, если не для положительнаго успѣха русскаго дѣла въ Финляндіи, то, по крайней мѣрѣ, для почина въ разрушеніи той стѣны между этою областью и Имперіей, которую такъ тщательно воздвигали мѣстные сепаратисты. За недостаткомъ мѣста, мы не можемъ останавливаться подробно на всѣхъ предпринятыхъ за это время мѣрахъ; ограничимся лишь перечисленіемъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

1 мая 1891 года былъ изданъ Высочайшій Манифестъ объ упраздненіи, состоявшаго при Финляндскомъ статсъ-секретаріѣ въ Петербургѣ, Комитета по финляндскимъ дѣламъ. Это учрежденіе было «делегаціей Финляндскаго Сената» въ столицѣ Имперіи, состояло почти исключительно изъ Финляндцевъ, и о значеніи его можно безошибочно судить уже по однѣмъ жалобамъ и ламентаціямъ финляндскихъ сепаратистовъ при его упраздненіи.

Осенью 1892 года былъ преобразованъ Финляндскій Сенатъ, причемъ его Хозяйственный (административный) Департаментъ получилъ самостоятельное, независимое отъ Судебнаго Департамента, значеніе. Этимъ сенаторы-юристы, главные двигатели сепаратизма, устранены отъ вліянія на административныя дѣла.

Въ 1892 году, по Высочайшему повелѣнію, было учреждено Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Н. Х. Бунге, изъ высшихъ русскихъ государственныхъ сановниковъ, для рѣшенія вопроса объ объемѣ и значеніи такъ-называемой финляндской «конституціи».

Въ 1893 году для детальной разработки того же вопроса была назначена особая коммиссія Н. А. Неклюдова; въ этомъ же году на постъ помощника финляндскаго генералъ-губерна-

тора впервые былъ назначенъ коренной Русскій, генералъ-лейтенантъ С. О. Гончаровъ. Затѣмъ слѣдуютъ: назначеніе коммиссіи генералъ-лейтенанта Величко для выработки проекта преобразованія «финской арміи» и объединенія ея съ общерусскою Императорскою арміей, коммиссія Министерства Финансовъ по разрѣшенію таможеннаго вопроса и т. д. и т. д.

Не легко разрушить прочныя сооруженія восьмидесятилѣтнихъ интригъ послѣдовательнаго ряда поколѣній верхнихъ слоевъ населенія Финляндіи, въ особенности щадя ни въ чемъ неповинный народъ, который и самъ является лишь предметомъ эксплуатаціи горсти честолюбцевъ иноплеменнаго происхожденія,—и минувшее краткое царствованіе могло положить лишь починъ рѣшенію этой задачи. Предстоитъ еще многое и многое для вторичнаго завоеванія области—на этотъ разъ завоеванія культурнаго,—области столь дорого намъ стоившей и столь намъ необходимой. Но важно и то уже что сепаратистскія стремленія высшихъ классовъ ея населенія стали понятны и очевидны даже и для самыхъ недальновидныхъ и благодушныхъ политиковъ, и мы вѣримъ что, во всякомъ случаѣ, послѣ всего раскрытаго въ финляндскихъ дѣлахъ въ теченіе восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ, повтореніе прежнихъ нашихъ ошибокъ въ отношеніяхъ къ этой окраинѣ стало немыслимымъ.

ВОПРОСЪ ОБЪ ИНОСТРАНЦАХЪ ВЪ МИНУВШЕЕ ЦАРСТВОВАНІЕ.

(Моск. Вѣд. № 319.)

Въ свои извѣстныя записки А. С. Пушкинъ занесъ, между прочимъ, тотъ фактъ что Императрица Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться какимъ-нибудь новымъ установленіемъ, я приказываю порыться въ архивахъ и отыскать, не говорено ли было уже о томъ при Петрѣ Великомъ,—и почти всегда открывается что предполагаемое дѣло было уже имъ обдумано.» Почти то же что̀ Екатерина Великая говорила о Петрѣ I, приходится ежечасно повторять объ Александрѣ III его современникамъ. Кажется, нѣтъ такого вопроса который, клонясь ко благу Россіи, не былъ бы, если не рѣшенъ въ минувшее царствованіе, то, по крайней мѣрѣ, поставленъ на очередь. Обширная программа дѣятельности всѣхъ министерствъ, направленная исключительно по искони-русскому руслу русской исторической жизни, ко благу русскихъ людей и защитѣ интересовъ нашего Отечества, никогда еще не развивалась и не проявлялась въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ кратковре-

менное, но благос по результатамъ, царствованіе Императора Александра III, лично указавшаго направленіе какъ внѣшней, такъ и внутренней политики: «Россія для Русскихъ»,—этотъ девизъ немолчно звучалъ во всѣхъ рѣшеніяхъ и предначертаніяхъ Верховной Власти.

Великій Миротворецъ, защищая единымъ Своимъ словомъ «миръ всего міра», въ то же время стоялъ на стражѣ преуспѣянія Своего народа, который Онъ любилъ Своею чистою русскою душой. Онъ болѣлъ его печалями, Онъ радовался его счастіемъ. Въ годины невзгодъ Онъ Своею Царскою милостію щедро приходилъ на помощь народу.

И вотъ, когда Русскому народу стало угрожать усиливающееся въ нѣкоторыхъ областяхъ иностранное землевладѣніе, когда русскія земли, въ которыхъ ощущается нужда для кореннаго русскаго населенія, стали мало-по-малу переходить въ руки иностранцевъ, гордыня коихъ дошла до того что они не хотѣли признавать пріютившей ихъ страны за свое новое отечество и интересовъ его не считали своими,—почившій въ Бозѣ Государь справедливо узрѣлъ въ этомъ опасность.

Въ доброе старое время иностранцы допускались въ Россію, но, тѣмъ не менѣе, древняя Русь строго охраняла свои интересы, свою народность, вѣру, и протестанты, поселившіеся въ Россіи, не должны были заводить съ Русскими бесѣдъ о вѣрѣ, касаться священныхъ предметовъ, и малѣйшіе религіозные соблазны иновѣрцевъ побуждали правительство запрещать иностранцамъ держать у себя русскую прислугу и награждать помѣстьями служилыхъ людей изъ иноземцевъ. Православіе стояло на недосягаемой высотѣ.

Ознакомленіе съ архивными документами Московскаго періода приводитъ историковъ къ заключенію что и московскіе люди крѣпко охраняли свою вѣру и зорко слѣдили чтобы всѣ отрасли, въ которыхъ появился иностранецъ, оставались въ русскихъ рукахъ, или, по крайней мѣрѣ, подъ русскимъ контролемъ и наблюденіемъ, и чтобы мало-по-малу приготовлялись умѣлые люди изъ Русскихъ. Московскіе простецы не давались въ руки ловкимъ западнымъ выходцамъ и даже самыхъ искусныхъ изъ нихъ умѣли заставить служить русскимъ интересамъ. Привилегіи иностранцамъ тогдашнее правительство давало только на опредѣленные сроки и всячески поощряло русскихъ предпринимателей, а иностранные мастера, вызываемые на заводы, обязаны были обучать производству и мастерству русскихъ людей, ничего не скрывая отъ нихъ.

Наступилъ Петербургскій періодъ. Обширность земель Россійскаго государства пригодныхъ къ населенію и обитанію

навела Русское правительство на мысль обратиться къ иноземцамъ съ предложеніемъ заселять русскія земли, причемъ переселяющимся даны были значительныя привилегіи. Первая попытка заселенія южно-русскихъ степей была сдѣлана при Петрѣ I, но при условіи чтобы переселяющіеся иностранцы были съ Русскимъ народомъ единовѣрными, то-есть православными. Дальновидный и прозорливый умъ Великаго Преобразователя предвидѣлъ силу и значеніе «единовѣрія» въ государствѣ, но уже въ слѣдующемъ періодѣ этотъ принципъ былъ оставленъ, и горячая послѣдовательница Вольтера, европейски-воспитанная Екатерина II, широко раскрыла ворота Россіи для всѣхъ иностранцевъ. Къ намъ явились не только единовѣрные люди, какъ при Петрѣ I, но и люди всякой вѣры, и просто безвѣрные: безпредѣльныя степи Юга заговорили «на всѣхъ языцѣхъ.»

Сдѣлана была роковая ошибка, отъ которой *черезъ сто лѣтъ* жутко пришлось коренным русскимъ людямъ. Исправленіе этой ошибки начато въ царствованіе Александра III.

Петербургскій періодъ нашей исторіи усилилъ наплывъ иностранныхъ людей, русскіе интересы стали забываться, иностранцамъ предоставлялись всякія льготы, имъ отдавались лучшія земли, ими порабощалась русская промышленность, на окраинахъ Россіи появились обширныя полосы земли принадлежащія почти сплошь иностранцамъ, появились настоящіе нѣмецкіе фабричные города, гдѣ слышался только нѣмецкій говоръ; дѣло дошло до того что иностранцы-мастера считали своею обязанностью охранять секреты производства, не обучали имъ русскихъ людей и тѣмъ держали въ своихъ рукахъ даже хозяевъ. Истинно русская политика московскихъ простецовъ была забыта.

Только въ послѣднее время сталъ замѣтенъ поворотъ къ старымъ понятіямъ о «русскихъ интересахъ». Вслѣдъ за запрещеніемъ покупки иностранцами земель въ Западномъ краѣ и установленіемъ наблюденія за соблюденіемъ этого закона, нерѣдко обходившагося въ былое время, послѣдовало Высочайшее повелѣніе (12 марта 1892 года) о прекращеніи иностранной колонизаціи въ Волынской губерніи, гдѣ иностранцамъ, даже принявшимъ русское подданство, запрещено селиться внѣ городовъ. Этотъ важный шагъ былъ предпринятъ несомнѣнно съ прямою цѣлью защиты государственныхъ интересовъ, такъ какъ поселившіеся въ Россіи иностранцы-колонисты въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ не обнаруживали желанія слиться воедино со своею второю родиной, а скорѣе относились враждебно къ ней и къ коренному русскому населенію. А такой элементъ вреденъ, особенно же на границахъ.

Воспрещеніе иностранной колонизаціи въ Волынской губерніи имѣло громадное значеніе, такъ какъ оно могло служить прецедентомъ и для другихъ губерній. Именно послѣ этой мѣры иностранцы-колонисты почуяли что ихъ прежняя обособленная жизнь можетъ весьма вредно отразиться на нихъ же самихъ,— и именно съ этого времени особенно стало замѣтно усиленное движеніе Нѣмцевъ въ русское подданство, стали поговаривать о русскомъ языкѣ въ школахъ, даже нѣмецкія названія селеній стали переименовываться въ русскія. Появились безпристрастные отчеты о вліяніи нѣмецкихъ колоній (напримѣръ, херсонскаго губернатора, г. Оливъ), объявился и источникъ появленія на югѣ разныхъ раціоналистическихъ сектъ, въ родѣ штунды. Словомъ, Русскіе воспрянули духомъ.

Дальнѣйшее ходатайство екатеринославскихъ дворянства и земства дало толчокъ къ общему пересмотру устройства нѣмецкихъ колоній: была для этого образована особая коммиссія, и, по словамъ газетъ, Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ уже разработанъ проектъ нормальнаго устройства нѣмецкихъ колонистовъ на югѣ Россіи, причемъ предположено ограничить до извѣстной степени право пріобрѣтенія колонистами новыхъ земель, отмѣнить нѣкоторыя льготы, усилить контроль за школами и т. п. Извѣстна также высылка, въ концѣ прошлаго года, иностранныхъ мастеровъ изъ Привислинскаго фабричнаго района, не удовлетворившихъ установленному экзамену по государственному языку. Читателямъ нашимъ извѣстно также что, при утвержденіи нѣкоторыхъ торгово-промышленныхъ предпріятій, въ уставахъ ихъ, право вступленія въ пайщики и т. п. предоставлено только русскимъ-подданнымъ. Словомъ, во всемъ стало наглядно проявляться покровительство русскимъ предпринимателямъ, русской промышленности и русской торговлѣ.

Почившій великій Самодержецъ и въ этомъ отношеніи слѣдовалъ завѣтамъ добраго стараго времени. Если еще не все сдѣлано Имъ, то намѣченъ правильный путь, и историческое русло теченія русской жизни расчищено... И да течетъ по нему рѣка русскаго счастья свободно, не встрѣчая на своемъ пути подводныхъ камней...

ОТКЛИКИ ЗА ПРЕДѢЛАМИ РОССІИ.

Извѣстія о болѣзни, а затѣмъ кончинѣ Государя Александра III вызвали многочисленные отклики за предѣлами Россіи, среди государственныхъ людей и представителей общественной мысли. Мы располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ то, что̀ печаталось объ этомъ въ *Моск. Вѣд.*, относя лишь нѣкоторыя статьи къ отдѣлу «Воспоминанія и характеристики» и «Памятникъ Императору Александру III».

* * *

(*Моск. Вѣд. № 278.*)

Бюллетени о здоровьѣ Государя Императора, получающіеся съ начала прошлой недѣли за границей, произвели глубокое впечатлѣніе во всѣхъ политическихъ и общественныхъ центрахъ Западной Европы и вызвали чрезвычайно сочувственные отзывы большинства газетъ всѣхъ странъ и направленій.

Газета *Гамбургскія Извѣстія*, посвящая, 18 октября, передовую статью этому предмету, между прочимъ, пишетъ: «Напряженное вниманіе съ которымъ вся Европа слѣдитъ за извѣстіями о ходѣ болѣзни Русскаго Царя, объясняется какъ личными, такъ и политическими причинами. Императоръ Александръ III за время своего тринадцатилѣтняго царствованія внушилъ даже противникамъ Россіи и самодержавія глубокія симпатіи и уваженіе къ своей личности, несмотря на то, что Онъ никогда не искалъ популярности. Руководясь собственнымъ высокимъ усмотрѣніемъ, Онъ честно и безбоязненно исполнялъ Свои предначертанія, спокойно и обдуманно, избѣгая внѣшняго проявленія Своего державнаго могущества. Эти

высокія качества и вызываютъ всеобщее преклоненіе предъ царствующимъ Императоромъ и объясняютъ всеобщее и непритворное участіе всѣхъ въ скорби по поводу Его болѣзни. Но кромѣ этого, Императоръ Александръ III является важнѣйшимъ охранителемъ нынѣшняго мирнаго положенія Европы, а потому мы, вмѣстѣ со всѣми истинными друзьями мира, питаемъ твердую надежду на выздоровленіе Его и молимъ Бога, да продлится Его царствованіе еще долгіе, долгіе годы, на счастье Россіи и благо Европы.»

Standard пишетъ:

«Еслибъ уваженіе Европы могло возстановить здоровье Царя, то Онъ очень недолго былъ бы боленъ... Ни въ какомъ государствѣ нѣтъ такого дипломата, который не зналъ бы, какую услугу Царь неоднократно оказывалъ дѣлу міра, и сколь различны были бы судьбы міра, еслибы русскій тронъ занималъ Монархъ, не столь рѣшительно подчинявшій извѣстные импульсы благу человѣчества. Симпатіи къ Царю при настоящемъ состояніи Его здоровья еще болѣе усиливаются тѣмъ обстоятельствомъ что Его болѣзнь есть слѣдствіе Его чрезвычайной преданности дѣламъ связаннымъ съ Его высокимъ положеніемъ. Онъ наслѣдовалъ то положеніе, которое Онъ занимаетъ, и никто не будетъ отрицать что Онъ въ высшей степени честно старался исполнять свои обязанности. Его трудъ и отвѣтственность должны были быть таковы что ихъ вынести могъ только человѣкъ съ желѣзнымъ тѣлосложеніемъ. Когда мы подумаемъ объ этомъ, то всѣ наши симпатіи невольно обращаются къ Болящему.»

* * *

(*Моск. Вѣд. № 280.*)

По поводу болѣзни Государя Императора *Times*, отъ 19 октября, пишетъ:

«Всякій кто хоть въ какой-либо степени понимаетъ труды и вліяніе Царя,—обращается теперь со скорбію къ постели Болящаго. Ибо Онъ былъ другомъ и помощникомъ всѣхъ людей, которые въ какой бы то ни было странѣ получали выгоды отъ мира. Никто не можетъ сказать, въ какомъ родѣ и въ какой мѣрѣ его собственная судьба въ жизни была бы тяжела, еслибы русскій тронъ былъ занятъ правителемъ менѣе искренно и дѣятельно преданнымъ сохраненію мира. Царь не довольствовался простымъ воздержаніемъ отъ воинственныхъ предпріятій, хотя даже это одно дало бы Ему право на благодарность человѣчества. Онъ, кромѣ того имѣлъ мощное умѣря-

ющее вліяніе на дѣла міра, постоянно противопоставляя Свой авторитетъ, въ полной его мѣрѣ, всѣмъ стараніямъ произвести раздоры между націями... Многіе на Его мѣстѣ поддались бы аггрессивной политикѣ.»

Standard въ новой статьѣ говоритъ:

«Безо всякаго сомнѣнія, не только дѣятельность Царя на пользу общественную — дѣятельность столь напряженная и непрерывная, что она, какъ полагаютъ, усилила болѣзнь съ которою Онъ теперь борется,—но также и личныя Его добродѣтели обезпечили Русскому народу спокойствіе и прогрессъ. Между тѣмъ какъ вся Европа съ симпатіями слѣдитъ за сообщеніями объ Его страданіяхъ, всѣ желаютъ чтобы ничего не было упущено, что̀ можетъ дать Ему душевное спокойствіе, то спокойствіе которое одно только можетъ теперь помочь Ему бороться съ Его ужасною болѣзнью. Сохраненіе мира для Англіи весьма важно, а потому Англичане слѣдятъ за бюллетенями изъ Ливадіи побуждаемые мотивами почти эгоистичнаго горя. Но, кромѣ того, они чувствуютъ искреннее и безусловное уваженіе къ Правителю, Который всегда смотрѣлъ серіозно на свое высокое положеніе и послѣдовательно работалъ надъ тѣмъ что Онъ считалъ своимъ долгомъ и своею миссіей.»

Особеннымъ сочувствіемъ дышутъ отзывы французскихъ газетъ.

Въ «Дневномъ бюллетенѣ» *Temps* (нумеръ отъ 19 октября), озаглавленномъ: «Болѣзнь Царя», читаемъ:

«Съ сочувственнымъ вниманіемъ Европа слѣдитъ за ходомъ болѣзни Русскаго Императора. Не только во Франціи, гдѣ общественное мнѣніе, естественно, относится съ особымъ интересомъ къ Главѣ великой дружественной державы, но и во всемъ цивилизованномъ мірѣ неожиданное извѣстіе о тяжкой болѣзни Александра III вызвало живое волненіе.

«Когда больной называется Александромъ III, когда это—Царь всей Россіи и самодержавный повелитель болѣе чѣмъ ста милліоновъ людей, когда Онъ до сего времени отличался крѣпкимъ здоровьемъ и безпримѣрною энергіей, наконецъ, когда всѣ привыкли видѣть въ Его волѣ одну изъ главныхъ пружинъ международной политики и разчитывать на энергію Его рѣшеній какъ на одну изъ самыхъ прочныхъ основъ всеобщаго мира,—тогда бюллетени Его врачей становятся документами первостепенной государственной важности.

«При существующей въ Россіи формѣ правленія, тамъ есть только одинъ Хозяинъ, одинъ Глава, отъ котораго все исходитъ и къ которому все восходитъ. Александръ III смотрѣлъ вполнѣ серіозно на свое трудное положеніе Самодержавнаго

Царя. Онъ пожелалъ быть, и на самомъ дѣлѣ сдѣлался своимъ первымъ министромъ, лично ведя какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю политику; Ему было угодно лично и до мельчайшихъ подробностей контролировать всю администрацію Своего обширнаго царства. Еще недавно, для лучшаго сосредоточенія въ Своихъ рукахъ направленія дѣлъ, Онъ учредилъ, помимо министровъ и спеціальныхъ департаментовъ, особый комитетъ которому поручено наблюдать за назначеніемъ, повышеніемъ и увольненіемъ всѣхъ чиновниковъ.

«Какъ Людовикъ XIV, послѣ смерти кардинала Мазарини, сдѣлался первымъ работникомъ въ своемъ королевствѣ и оставался таковымъ въ теченіе 55 лѣтъ, такъ и Александръ III блистательно доказалъ что онъ сознаетъ свои обязанности не менѣе чѣмъ и свои права какъ самодержавнаго государя.»

Въ № отъ 20 октября (полученномъ одновременно съ предыдущимъ, сегодня) *Temps* снова посвящаетъ передовую статью болѣзни Государя Императора и заканчиваетъ статью такъ:

«Въ настоящее время горестныя думы смущаютъ не одну только Францію. Безъ сомнѣнія, личное расположеніе Александра III ко Франціи снискало Ему у насъ всѣ сердца. Но и во всей Европѣ всѣ мыслящіе люди должны чувствовать горестное угнетеніе. Царь есть не только повелитель стомилліоннаго народа, представляющій въ Себѣ самую грозную матеріальную силу Стараго Свѣта; Онъ,—кромѣ того и особенно,—представляетъ Собою великую моральную силу, благодаря своей любви къ миру и здравому взгляду на условія могущія обезпечить его сохраненіе.»

Journal des Débats пишетъ (№ отъ 19 октября):

«Въ минувшую среду вся Европа съ глубокимъ волненіемъ узнала изъ сообщенія *Правительственнаго Вѣстника* объ ухудшеніи здоровья Царя.

«Сегодня утромъ въ церкви русскаго посольства, въ улицѣ Дарю, было совершено торжественное молебствіе о здравіи Царя. Вся Франція мысленно присоединяется къ этимъ молитвамъ, ибо горе Россіи есть также и наше собственное горе. Если какой-либо государь пользуется популярностью во Франціи, то это, конечно, Александръ III. Въ самыхъ бѣдныхъ хижинахъ, въ самыхъ глухихъ деревушкахъ Его портретъ виситъ рядомъ съ портретомъ президента республики, и народное воображеніе уже создало вокругъ Его цѣлую легенду. Его изображаютъ въ полномъ царскомъ одѣяніи, пожимающимъ руку Карно, а въ глубинѣ—флоты Тулона и Кронштадта; въ этомъ именно видѣ Онъ сохраняется въ сердцахъ большинства Французовъ. Они не могли бы разказать о Немъ слишкомъ

многаго. Издалека они не много знаютъ объ Его главныхъ свойствахъ—сильномъ и здравомъ умѣ, необычайномъ трудолюбіи, при сознаніи своего долга какъ Государя. Они знаютъ только благородство Его характера и политику сближенія съ Франціей, внушенную Ему свѣтлымъ умомъ, любовью къ миру и желаніемъ создать противовѣсъ державамъ тройственнаго союза. И этого достаточно чтобы пріобрѣсти наши симпатіи.

«Народъ чувствуетъ это инстинктивно; но то же чувство охватываетъ всѣхъ и по размышленіи. Это единственный въ политикѣ случай когда разумъ согласуется съ сердцемъ. Александръ III занимаетъ въ Европѣ исключительное положеніе. Всѣ знаютъ Его какъ вершителя мира, рѣшившагося охранять его ото всѣхъ кто могъ бы его поколебать, — это, конечно, самая прекрасная, самая завидная роль какую государь можетъ играть въ настоящее время. Вотъ почему всѣ мирные элементы Европы,—а ихъ составляетъ огромное большинство народовъ и государствъ,—съ почтительною тревогой взираютъ на Ливадію.»

Даже враги Россіи поражены болѣзнью Государя Императора и даютъ справедливую оцѣнку Его дѣятельности.

Болгарскія газеты съ изумленіемъ отмѣчаютъ появившуюся на дняхъ въ органѣ Стамбулова, газетѣ *Свобода*, статью, написанную, какъ предполагаютъ, самимъ Стамбуловымъ. Въ этой статьѣ, по поводу болѣзни Государя Императора, говорится что «Русскій Царь Александръ III пользуется такимъ всемірнымъ уваженіемъ, какимъ не пользовался ни одинъ Русскій Монархъ. Единственно Онъ спасъ жизнь сотенъ тысячъ людей и дозволилъ какъ Своему государству, такъ и другимъ европейскимъ государствамъ, подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ общеевропейскаго мира, спокойно развиваться и процвѣтать. Онъ благодѣтель Болгаріи, и мы, Болгары, имѣемъ особыя причины возносить молитвы за Его здравіе, такъ какъ лишь благодаря личной волѣ Царя и Его миролюбію мы спасены».

* * *

(*Моск. Вѣд. № 281.*)

Daily News по поводу болѣзни Государя Императора пишетъ:

«Извѣстія изъ Ливадіи служатъ темой для всеобщаго обсужденія не только въ Европѣ, но и во всѣхъ частяхъ свѣта.

«Главною характерною чертой Александра III всегда была любовь къ миру. Онъ рѣшилъ что, пока Онъ живетъ, Россія и, насколько это отъ Него зависитъ, Европа не должны испытать ужасовъ войны. Въ 1885 году споръ о границахъ въ

Афганистанѣ едва не довелъ до войны между Британскою и Россійскою имперіями, но сдержанность Царя и г. Гладстона предотвратили ее. Съ тѣхъ поръ Россія не отступала отъ полнаго миролюбія, и ея отношенія съ Англіей ни разу не были даже натянутыми. Стоитъ только представить себѣ тѣ неподдающіеся описанію ужасы, къ которымъ повела бы при нынѣшнихъ обстоятельствахъ европейская война, чтобъ оцѣнить, чѣмъ всегда былъ нынѣ больной Императоръ. Много лѣтъ Онъ пребываетъ неограниченнымъ повелителемъ громадныхъ военныхъ силъ. И однако, ни одинъ членъ Общества Мира или Общества Друзей не могъ бы болѣе скрупулезно воздерживаться отъ злоупотребленія своимъ положеніемъ. Ничто не можетъ заставить насъ забыть тѣхъ необъятныхъ благодѣяній какія этотъ истинно миролюбивый Монархъ доставилъ человѣчеству. Странно даже видѣть, что милліоны людей, даже не Его подданныхъ, съ уваженіемъ и скорбію обращаютъ свои взоры къ Больному. Это служитъ высшею данью уваженія за рѣдкое и благородное пользованіе своею неограниченною властью. Царь сохранилъ столько же жизней, сколько Наполеонъ истребилъ, и, однако, Онъ сдѣлалъ это ни мало не поступаясь интересами и честью своей страны.»

Daily Chronicle пишетъ: «Нельзя отрицать что Царь питаетъ отвращеніе къ войнѣ. Г. Стэдъ былъ однимъ изъ первыхъ Англичанъ который объявилъ что Александръ III есть Князь Мира. И это совершенная правда, но съ тою лишь разницей, что желать мира Его побуждала не политическая необходимость, а чувство гуманности.»

Послѣдніе, полученные сегодня, воскресные нумера вѣнскихъ газетъ содержатъ передовыя статьи преисполненныя глубокаго сочувствія къ великой скорби Земли Русской, опечаленной болѣзнью Царя, и выраженіе похвалъ всѣмъ великимъ дѣяніямъ и высокимъ заслугамъ нашего возлюбленнаго Монарха.

Газета *Fremdenblatt* пишетъ:

«Императоръ Александръ, этотъ могущественный властелинъ, всегда являлъ своему царству великій примѣръ неутомимости, строгаго исполненія долга и самопожертвованія. Одаренный отъ природы серіознымъ характеромъ, подчиняя Себя съ ранней юности строгой дисциплинѣ, Онъ всегда стоялъ на своемъ посту какъ солдатъ и какъ герой. Никакая опасность не въ состояніи была отклонить Его отъ пути Имъ себѣ предназначеннаго, а такого рода характеры внушаютъ всякому величайшее уваженіе.

«Какъ отъ Себя Самого, Императоръ Александръ и отъ всѣхъ требовалъ строгаго исполненія долга, и никогда еще въ Россіи не было сдѣлано столько, сколько въ Его царствованіе. Не легко управлять столь обширнымъ государствомъ, какъ Россія, и обозрѣвать вполнѣ всѣ нужды и интересы ея государственнаго организма. Но Императоръ Александръ всецѣло посвятилъ себя этой задачѣ, которую выполнялъ съ неутомимою дѣятельностію, какъ доказываетъ рядъ великихъ предпріятій, направленныхъ къ поднятію экономическихъ и военныхъ силъ Его царства. Но прежде всего, Онъ, въ интересахъ своего народа и всего міра, заботился о сохраненіи мира, ибо Онъ по собственнымъ наблюденіямъ зналъ, что̀ такое война, и въ любвеобильномъ сердцѣ своемъ старался отклонять ужасы и бѣдствія причиняемые войной. Во время Его царствованія Россія значительно расширила свои границы въ Азіи, гдѣ на ней лежитъ высокая культурная миссія, и Александръ III можетъ, такимъ образомъ, быть названъ умножителемъ своей державы, но прежде всего Онъ явился вездѣ охранителемъ мира. Онъ считалъ своею священною обязанностью отвратить отъ Европы военное столкновеніе, и твердость съ которою Онъ преслѣдовалъ эту цѣль, равно какъ прямота и лойяльность Его характера, преимущественно содѣйствовали увѣренности въ сохраненіи мира, преобладающей теперь въ Европѣ.

«Своимъ непоколебимымъ миролюбіемъ Императоръ Александръ оказалъ Европѣ великую и незабвенную заслугу, и властвованіе Его, въ этомъ смыслѣ, простиралось далеко за предѣлы Его царства. Боготворимый своимъ народомъ, какъ верховный представитель и носитель его національной силы, какъ Самодержецъ, посвящающій всѣ свои силы общему благу, Онъ не менѣе цѣнится и внѣ Россіи, какъ Монархъ, противопоставившій свою мощную волю всякимъ попыткамъ создавать замѣшательства изъ честолюбивыхъ замысловъ. Такимъ образомъ Императоръ Александръ пріобрѣлъ повсемѣстную славу, умножившую блескъ подвластной ему державы и возвысившую положеніе, занимаемое послѣднею въ Европѣ. Вотъ почему симпатіи всѣхъ нераздѣльно на сторонѣ Царя, и не только Россія, но и весь міръ возликуетъ, если грустныя извѣстія объ Его болѣзни замѣнятся радостными, подающими надежды на возстановленіе Его драгоцѣннаго здравія.»

Газета *Neue Freie Presse* пишетъ:

«Къ участію и сочувствію съ которыми весь міръ взираетъ теперь на Ливадію, невольно примѣшиваются и соображенія политическія. Императоръ Александръ III представляется выдающеюся личностію современной исторіи. Вліяніе, которое

Онъ оказываетъ на ходъ европейскихъ дѣлъ, громадное; оно соотвѣтствуетъ величію и могуществу Его державы, хотя Онъ, особенно въ послѣднее время, какъ бы воздерживался отъ рѣшительныхъ дѣйствій. Носителемъ русской политики являлся самъ Царь, и способности и дѣйствія Его совѣтниковъ не могутъ быть приняты въ разчетъ, какъ въ другихъ монархіяхъ. Рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ зависитъ исключительно отъ личной воли Государя, Который проявилъ эту волю еще рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, въ особенности въ томъ, что́ касается внѣшнихъ международныхъ отношеній Россіи.

«Между тѣмъ въ продолженіе болѣе девяти лѣтъ повсюду признается аксіомой, что миръ Европы исключительно зависитъ отъ Императора Александра, которому міръ обязанъ сохраненіемъ мира. Сперва со страхомъ, по затѣмъ со все возрастающими упованіями всѣ взоры обращались къ Петербургу и всѣ прислушивались къ голосу оттуда раздававшемуся. Всѣ увѣровали что помимо воли Россіи, ни одно государство не нарушитъ мира. Царь въ своихъ рукахъ всегда держалъ рѣшеніе этого вопроса, и еслибъ Онъ почему-либо считалъ это нужнымъ, никто не въ состояніи былъ бы препятствовать Ему начать войну. Неоднократно эта опасность казалась близкою въ послѣдніе годы; всѣ трепетали и пессимистическое настроеніе охватывало Европу. Но Александръ III не желалъ войны, и всѣ затрудненія разомъ и сами собою разрѣшались, общее безпокойство исчезало. Все это составляетъ великую заслугу Русскаго Государя, какъ это засвидѣтельствовали всѣ государственные люди Европы, съ княземъ Бисмаркомъ во главѣ.

«Но Александръ III не только охраняетъ миръ Европы. Онъ далъ и Франціи моральную опору, безъ которой она, не взирая на увеличеніе своихъ военныхъ силъ, не въ состояніи была бы удержать то свое положеніе между народами и государствами, которое она теперь занимаетъ. Правда, она не заключила того союза, о которомъ мечтали Французы, ибо Онъ не желалъ возжечь пожара войны ради того, чтобы Франція возвратила себѣ Альзасъ и Лотарингію. Тѣ Французы, которые въ Кронштадтскихъ и Тулонскихъ празднествахъ усматривали приготовленіе къ совмѣстному походу противъ Германіи, разочаровались. Но за то Царь оказалъ Франціи знаки своего уваженія и дружбы, которые подняли самоувѣренность Французовъ и утвердили положеніе ихъ республики. Но пріемъ оказанный Императоромъ Александромъ адмиралу Жерве, а еще болѣе телеграмма посланная имъ тогда г. Карно, свидѣтельствовали что Самодержецъ Всероссійскій смотритъ на Францію какъ на державу, съ которою Онъ можетъ вступить въ

союзъ, и этимъ Онъ оказалъ Франціи неоцѣнимую услугу, о которой въ настоящую минуту вспоминаютъ съ особою благодарностію въ Парижѣ.»

Столь же великодушнымъ и высокимъ газета представляетъ образъ дѣйствій Государя Императора къ неблагодарной Россіи Болгаріи. «Это спокойствіе отношеній со стороны великой державы, всегда первенствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ, по мнѣнію *Neue Freie Presse*, достойно изумленія и можетъ быть объяснимо лишь великою мудростію и самообладаніемъ Государя, состояніе здоровья котораго ввергаетъ теперь въ уныніе всю Европу.»

Въ полученномъ нами послѣднемъ нумерѣ органа Каравелова, газеты *Знаме*, помѣщена весьма сочувственная статья по поводу болѣзни Государя Императора:

«Для насъ, Болгаръ, особенно мила и дорога жизнь Императора Александра III, такъ какъ Онъ лично сражался за освобожденіе Болгаріи и считаетъ Санъ-Стефанскую Болгарію дѣломъ, которое завѣщалъ Ему Его Родитель, великій нашъ Царь-Освободитель, какъ это было сказано Имъ депутаціи, являвшейся въ Копенгагенъ умолять Его о признаніи соединенія княжества съ Восточною Румеліей. Поэтому-то болѣзнь Царя глубоко трогаетъ сердца Болгарскаго народа. Тяжелое, неизмѣримо тяжелое впечатлѣніе производитъ на насъ, Болгаръ, болѣзнь Царя, особенно при существующихъ обстоятельствахъ, когда наше правительство все еще продолжаетъ враждебныя къ Россіи отношенія, когда нашъ народъ все еще не можетъ высказать свое глубокое сожалѣніе, такъ какъ въ теченіе восьми лѣтъ наше правительство внушало и дозволяло ему лишь оскорблять нашу освободительницу и ея Верховнаго Вождя.»

* * *

(*Моск. Вѣд. № 283.*)

Figaro сводитъ отзывы крупнѣйшихъ парижскихъ газетъ, которыя всѣ откликнулись на скорбь Россіи.

Въ *Autorité* Поль де-Касаньякъ слѣдующими чертами характеризуетъ Государя Императора:

«Царь—одинъ изъ тѣхъ монарховъ, которые больше всѣхъ вліяли на свою эпоху. Съ высокоразвитымъ и могучимъ умомъ, съ твердымъ характеромъ, хладнокровный, съ неодолимою волей, Императоръ Всероссійскій внушаетъ глубокое почтеніе и вызываетъ обожаніе.

«Франція Ему многимъ обязана, въ особенности же она обязана Ему тѣмъ что въ полной безопасности пережила свои затрудненія и успѣла спокойно докончить свою военную реорганизацію. Кромѣ того, она обязана Ему тѣмъ что можетъ спокойно и довѣрчиво взирать на грядущія событія.»

Intransigeant говоритъ:

«Всѣ Французы поняли что болѣзнь Царя есть болѣзнь друга Франціи, и общая скорбь объяла всѣ сердца.»

Въ *Petit Journal* напечатано:

«Глубокимъ горемъ поразила Францію страшная вѣсть о страданіяхъ Августѣйшаго Государя, Который въ Кронштадтѣ столь искренно и благородно выразилъ Свое довѣріе къ нашей странѣ и желаніе обезпечить Европѣ миръ. Всѣ патріоты сердечно скорбятъ.»

Въ *Voltaire* г. Ипполитъ Гомо пишетъ:

«Не надо забывать что Царь неоднократно останавливалъ войну, готовую уже разразиться надъ міромъ, и это даетъ Ему вѣчную славу. Мирное направленіе, которое, благодаря Его могучей волѣ, приняли европейскія событія, уже принесло свои плоды. Его дѣло не исчезнетъ безслѣдно. Франція и Россія поняли значеніе союза, который, можетъ-быть, не внесенъ въ канцелярскіе архивы, но санкціонированъ волей Государя и взаимною дружбой обоихъ народовъ.»

Estafette говоритъ:

«Когда исторія будетъ дѣлать оцѣнку дѣятельности Императора Александра III, она скажетъ что Онъ былъ не только великимъ Русскимъ Царемъ, патріотомъ въ лучшемъ значеніи этого слова и мудрымъ политикомъ, но на первомъ мѣстѣ поставитъ Его высокія достоинства, Его неизмѣнную любовь къ миру и высшую справедливость въ международныхъ отношеніяхъ.»

Въ *Petit Parisien* напечатано:

«Одно соображеніе утѣшаетъ насъ при теперешнихъ скорбныхъ обстоятельствахъ. Мы знаемъ что со времени царствованія Императора Александра III, Россія и Франція будутъ идти рука объ руку. Онѣ Ему обязаны вѣчною благодарностью.»

Въ *Justice*, г. Клемансо пишетъ:

«Оставляя въ сторонѣ всѣ требованія офиціозной вѣжливости, мы должны сказать что всѣ Французы единодушны и искренни въ своемъ скорбномъ сочувствіи страждущему Государю.»

Figaro, откуда мы заимствуемъ эти отзывы, говоритъ:

«Слѣдя за тяжелою борьбой Государя съ недугомъ, невольно падѣешься что могучій организмъ Августѣйшаго Больнаго

выйдетъ побѣдителемъ. При чтеніи вѣстей изъ Ливадіи нельзя удержаться отъ выраженія живѣйшей и глубокой симпатіи Царственной Семьѣ, въ которой царитъ столь сердечная любовь, и которой теперь послано столь тяжкое испытаніе.»

По словамъ того же *Figaro*, папа Левъ XIII служилъ мессу за здравіе Государя Императора.

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 284.)

Въ послѣднемъ полученномъ нами нумерѣ отъ 8 октября газеты *Глась Црногорца* напечатано:

«Ясный славянскій горизонтъ неожиданно заволокла черная туча. Вѣсти о болѣзни Его Величества Царя Александра возбуждаютъ величайшее опасеніе, ужасную скорбь. Въ этой великой опасности намъ не остается ничего иного какъ сокрушенно соединить наши молитвы съ молитвами великаго братскаго намъ Русскаго народа.»

Затѣмъ *Глась Црногорца* сообщаетъ что 5 октября, въ Цетиньской каѳедральной монастырской церкви отслужено было «великое» молебствіе о здравіи Его Величества Государя Императора. При молебствіи присутствовали ихъ высочества со всѣмъ семействомъ, государственные сановники, лица русскаго посольства, начальница женскаго (въ Цетиньѣ) института, полковникъ Сумароковъ съ супругой и множество горожанъ.

Въ тотъ же день было молебствіе въ дворцовой церкви въ присутствіи всего княжескаго двора и лицъ русскаго посольства съ находящимися въ Цетиньѣ Русскими.

Всѣ западные Славяне съ величайшимъ сочувствіемъ относятся къ пораженному глубочайшею скорбію братскому Русскому народу по поводу тяжкой болѣзни Его Вѣнценоснаго Вождя и съ замираніемъ сердца слѣдятъ за ходомъ этой болѣзни.

Младочешская газета *Národní Listy* говоритъ:

«Боже Царя храни!» снова раздается по простору необъятнаго, въ двухъ странахъ свѣта расположеннаго, государства стопятнадцатимилліоннаго Русскаго народа. Но это не знакомая всѣмъ, могучая, торжественная мелодія русскаго народнаго гимна, а глубокій вздохъ, стопущая молитва охваченной скорбью и болью души народа, о глубокомъ, человѣчномъ чувствѣ котораго враги славянства не имѣютъ даже представленія.

«Но не только широкая Русь до глубины души взволнована и потрясена вѣстями изъ Ливадіи. Вся Европа сочувствуетъ ей и скорбитъ вмѣстѣ съ нею; даже нѣмецкая печать не

находитъ теперь достаточно словъ для выраженія сочувствія и хвалы Царю Александру Александровичу.»

Галичанинъ говоритъ:

«Болѣзнь Русскаго Царя приковываетъ къ себѣ вниманіе всего міра по двумъ причинамъ: личной и политической. Александръ III представляетъ собою олицетвореніе физической и нравственной силы Россіи. Онъ первый Царь, положившій въ основу внутренней и внѣшней политики Россіи національный принципъ. «Россія для Русскихъ!»—вотъ идея которою руководится въ продолженіе тринадцатилѣтняго царствованія Первый Гражданинъ Русской земли, Первый Славянинъ. Облеченный самодержавною властью, Александръ III пользуется ею только для блага Русскаго народа и своей великой Имперіи и довелъ до того что республиканская Франція и вся Европа относилась съ уваженіемъ къ Его прямодушному, безстрашному и разсудительному характеру. Къ отличительнымъ чертамъ характера Императора Александра III принадлежитъ и Его примѣрная семейная жизнь, и нѣжная любовь къ Царицѣ и дѣтямъ.»

* * *

РОЗБЕРРИ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ III.

(*Моск. Вѣд. № 287.*)

Въ рѣчи на банкетѣ ножевщиковъ 25 октября, въ Шеффильдѣ, премьеръ лордъ Розберри сказалъ слѣдующее:

«Въ области иностранной политики въ настоящій моментъ одна тѣнь закрываетъ все остальное. Въ данный моментъ во всей Европѣ нѣтъ такого разсудительнаго ума который бы не былъ обращенъ къ Больному въ Ливадіи. Въ былыя времена у насъ бывали разногласія съ Россіей и острые предметы для разногласій; но я увѣренъ что всякій кто знаетъ что̀ произошло въ Европѣ въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ сознаетъ свой неизмѣримый долгъ благодарности ко Всероссійскому Императору. Не мое дѣло говорить объ отношеніи Императора къ Его собственной Имперіи, хотя мы слышимъ что во всѣхъ церквахъ возносятся искреннія молитвы объ Его выздоровленіи. Но мы имѣемъ право безпокоиться объ Императорѣ въ Его отношеніи къ иностраннымъ державамъ, а мы имѣемъ въ Немъ монарха котораго девизъ, котораго царствованіе и котораго характеръ состояли въ почитаніи истины и мира. Я не говорю что Онъ будетъ поставленъ на ряду съ Цезарями и Наполеонами въ исторіи, тѣми великими завоева-

телями которыми исторія занимается можетъ-быть черезчуръ много. Но если миръ имѣетъ свои побѣды не менѣе знаменитыя чѣмъ побѣды военныя, то Императоръ Всероссійскій имѣетъ не менѣе права на мѣсто въ исторіи чѣмъ Наполеонъ и Цезарь.»

* * *

СОЛСБЕРИ ОБЪ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ III.

(*Моск. Вѣд. № 292.*)

Лордъ Солсбери, произнося 7 ноября въ Лондонѣ, въ Кунисъ-Голлѣ, рѣчь предъ своими сторонниками, прежде всего посвятилъ нѣсколько словъ памяти покойнаго Государя Императора:

«Прежде чѣмъ я начну говорить о дѣлѣ которое привело насъ сюда»,—отвѣчалъ онъ,—«позвольте мнѣ воспользоваться этимъ первымъ представившимся мнѣ случаемъ чтобы выразить отъ себя лично и отъ своихъ политическихъ сторонниковъ чувства глубокой скорби съ которою мы получили извѣстіе о кончинѣ Русскаго Царя. Его царствованіе было непродолжительно, и, кажется, бо́льшую часть этого времени я находился въ такомъ положеніи что имѣлъ возможность оцѣнить проявленія Его характера и побужденія Его дѣйствій. Признаюсь, я въ началѣ относился подозрительно къ тому какое положеніе Онъ можетъ принять, но сила фактовъ и постояннаго опыта рѣшительно убѣдили меня, еще задолго до того времени когда я пересталъ завѣдывать министерствомъ иностранныхъ дѣлъ,—что Европа обязана Ему трудно выразимымъ долгомъ за тотъ миръ который Его сдержанность и Его христіанскій характеръ обезпечили намъ. Не одинъ разъ человѣкъ съ менѣе возвышенными побужденіями могъ бы уступить временному раздраженію. Гнѣвъ Самодержца—страшное дѣло; и еслибы не Его сдержанность, то Европа могла бы подвергнуться всѣмъ ужасамъ войны. Онъ оставилъ по Себѣ память которая должна во всѣхъ націяхъ вызывать благодарность, и будущіе правители всѣхъ странъ хорошо сдѣлаютъ если будутъ изучать ее и слѣдовать Его примѣру.»

Вѣна и Берлинъ при вѣсти о кончинѣ Александра III.

(*Моск. Вѣд. № 293.*)

Вѣсть о кончинѣ Императора Александра III, распространившаяся въ Вѣнѣ въ прошедшій четвергъ передъ вечеромъ,

произвела глубокое впечатлѣніе и вызвала чрезвычайное движеніе среди населенія австрійской столицы. День этотъ, 1 ноября по новому стилю, былъ праздничный (память Всѣхъ Святыхъ) для католическаго населенія, посѣщавшаго кладбища и возвращавшагося послѣ захода солнца густою массой въ центральныя части города, гдѣ въ это время уже продавались экстренно выпущенныя газетами телеграммы о горестномъ событіи. Громадныя толпы кинулись къ редакціямъ газетъ, требуя болѣе подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній, которыя вскорѣ, дѣйствительно, предлагались имъ въ особыхъ газетныхъ прибавленіяхъ, раскупавшихся нарасхватъ. Вскорѣ не только на главныхъ улицахъ, но и въ отдаленныхъ переулкахъ, прохожіе читали на ходу эти листки, мѣстами составлялись группы, среди которыхъ читались вслухъ телеграфныя сообщенія изъ Ливадіи и о послѣднихъ минутахъ въ Бозѣ почившаго Царя. Вездѣ, въ ресторанахъ и театрахъ, только и было разговоровъ что о кончинѣ Русскаго Государя. По удостовѣренію газетъ, публика во всѣхъ вѣнскихъ театрахъ бесѣдовала и въ ложахъ, и въ партерѣ объ этомъ событіи и читала газеты, почти не обращая вниманія на ходъ представленій.

Зданіе главнаго телеграфа весь вечеръ осаждалось газетными корреспондентами и частными лицами, извѣщавшими своихъ иногородныхъ знакомыхъ и родныхъ о кончинѣ Царя.

Въ русскомъ посольствѣ офиціальное извѣщеніе о кончинѣ Императора Александра III получено было отъ статсъ-секретаря г. Гирса уже поздно, и графъ Кальноки явился къ послу князю Лобанову-Ростовскому въ утренніе часы слѣдующаго дня, для выраженія соболѣзнованія отъ имени императора Франца-Іосифа (въ то время еще пребывавшаго въ Венгріи) и отъ своего собственнаго имени.

На другой день вѣнскія газеты, послѣ праздника, вышли въ размѣрѣ одного листа, безъ передовыхъ статей, но успѣли помѣстить подробные очерки царствованія Императора Александра III и всѣ полученныя ночью телеграммы изъ Россіи.

Вечеромъ же, въ четвергъ, въ Вѣну прибыли, проѣздомъ въ Ливадію, принцъ Вельсскій съ супругой. На одной изъ ближайшихъ къ Вѣнѣ станцій въ поѣздъ, въ которомъ слѣдовали высокіе путешественники, вошли прибывшіе изъ Гмундена герцогъ Эрнстъ-Августъ Кумберландскій и супруга его герцогиня Тира, сестра вдовствующей Государыни Императрицы и принцессы Вельсской, и также поѣхали въ Вѣну. На послѣдней предъ Вѣной станціи Августѣйшимъ Путешественникамъ доставлена была телеграмма о кончинѣ Государя, и,

удрученные этимъ горестнымъ извѣстіемъ, они оставались въ столицѣ Австріи лишь весьма короткій срокъ, во дворцѣ англійскаго посольства, откуда уже около 10 часовъ вечера отправились на Сѣверный вокзалъ для дальнѣйшаго слѣдованія въ Одессу. Герцогская Кумберландская чета осталась на время въ Вѣнѣ.

По свѣдѣніямъ сообщеннымъ вѣнскими газетами, эрцгерцогъ Карлъ-Лудвигъ и старшій сынъ его, предполагаемый наслѣдникъ престола, эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ д'Эсте, отправятся въ Петербургъ, какъ представители императора Франца-Іосифа на похоронахъ Императора Александра III. Въ свитѣ эрцгерцоговъ будетъ находиться также корпусный командиръ, генералъ-отъ-кавалеріи князь Виндишгрецъ, и, кромѣ того, въ Петербургъ отправлены будутъ депутація отъ австро-венгерскихъ полковъ, шефомъ которыхъ состоялъ въ Бозѣ почившій Императоръ, именно отъ полковъ пѣхотнаго № 2, драгунскаго № 5 и уланскаго № 13.

Въ Берлинѣ телеграмма о кончинѣ Царя получена была нѣсколько ранѣе чѣмъ въ Вѣнѣ, и кромѣ общаго интереса и сочувствія обнаружившагося въ массѣ населенія, уже съ вечера въ четвергъ начался официальный трауръ. Уже къ 8 часамъ стала извѣстна рѣчь, произнесенная императоромъ Вильгельмомъ въ Штеттинѣ, гдѣ онъ присутствовалъ на празднествѣ гренадерскаго, короля Фридриха Вильгельма IV полка, и, получивъ тамъ, непосредственно изъ Ливадіи, горестное извѣстіе, съ печалью сообщилъ его присутствовавшимъ, и затѣмъ первый привѣтствовалъ новаго Русскаго Царя, Императора Николая II.

Въ девять часовъ вечера уже была отслужена первая панихида по усопшемъ Царѣ въ церкви русскаго посольства, и уже возвѣщено было что на слѣдующее утро, въ 10 часовъ, императоръ будетъ лично присутствовать на второй панихидѣ. На всѣхъ дворцахъ и публичныхъ зданіяхъ, въ знакъ траура, флаги были спущены на половину, также уже съ вечера.

Берлинскія газеты, вышедшія въ пятницу утромъ, всѣ безъ исключенія обсуждаютъ въ своихъ передовыхъ статьяхъ міровое значеніе совершившагося печальнаго событія, и, кромѣ того, помѣстили обширныя статьи, въ которыхъ указаны главнѣйшія великія дѣянія царствованія Александра III, оцѣнивая ихъ, большею частью, весьма безпристрастно и выставляя громадные успѣхи Россіи въ прошломъ царствованіи.

Такъ какъ телеграфъ передалъ уже сущность статей официозныхъ и правительственныхъ газетъ, то мы ограничимся

лишь выдержками изъ статей появившихся въ органахъ различныхъ политическихъ партій.

Консервативная *Крестовая Газета* пишетъ:

«Трагизмъ кончины Императора Александра нѣсколько смягчается сознаніемъ что Ему суждено было сдѣлать свое завѣщаніе въ полномъ сознаніи, окруженному до послѣдней минуты всѣми дорогими Ему лицами, и напутствуемому утѣшеніемъ Церкви, которой Онъ во всю свою жизнь былъ преданъ всѣмъ сердцемъ

«Тринадцать лѣтъ царствованія усопшаго Императора принадлежатъ теперь исторіи, которая нелицепріятно взвѣситъ и оцѣнитъ Его дѣянія. Несомнѣнно одно, что Россія въ царствованіе Александра III получила совершенно иной видъ. Онъ оставляетъ Своему Наслѣднику народъ, который Онъ, пораженный участію постигшею Его Родителя, заставилъ идти по иному пути чѣмъ тотъ по которому вели его дотолѣ. Онъ оставляетъ Ему войско, какого, по силѣ и боеспособности, не было еще ни у одного Русскаго Царя. Послѣ ряда лѣтъ, въ теченіе которыхъ господствовало крайнее напряженіе, Онъ оставляетъ государство находящееся въ мирныхъ и дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ государствамъ Европы. Онъ нераздѣльно властвовалъ надъ Своимъ народомъ, и будущее покажетъ, насколько Онъ запечатлѣлъ въ немъ Свой духъ и Свои помыслы.

«Нынѣ царствуетъ Николай II, въ руки Котораго перешло это наслѣдіе. Да умудритъ Его Господь избрать путь праведный на благо Своему народу и всему человѣчеству!»

Вольномыслящая *Фоссова Газета*, резюмируя результаты прошлаго царствованія, къ которымъ она далеко не во всемъ относится съ симпатіей, въ заключеніе признаетъ, однако, что у гроба усопшаго Монарха невольно приходится удостовѣрить что Императоръ Александръ III дѣйствовалъ всегда руководствуясь лишь строгою правдой, къ которой Онъ неизмѣнно стремился, и что величайшею Его заслугой навѣки признано будетъ твердое охраненіе мира, котораго Онъ ни разу не нарушалъ, несмотря на бушевавшія кругомъ страсти, и на то что угрожавшія опасности неоднократно разнуздывали фурій войны.

Изъ умѣренно либеральныхъ газетъ, *Berliner Tageblatt* пишетъ:

«Александръ III уже тѣмъ воздвигъ себѣ памятникъ что неутомимою дѣятельностію Своею и всегда счастливою рукой установилъ никогда до сихъ поръ не господствовавшій въ такой мѣрѣ порядокъ въ русскихъ финансахъ. Армію Онъ

преобразовалъ и возобновилъ во всѣхъ ея частяхъ, такъ что, по отзывамъ свѣдущихъ лицъ, изъ нея устранены всѣ несовершенства и недостатки обнаружившіеся во время послѣдней войны съ Турціей. Постройкой новыхъ и обширныхъ желѣзныхъ путей Онъ открылъ народу и странѣ новые источники богатства, а расширеніемъ русскихъ владѣній въ Азіи открылъ новыя области для сбыта произведеній народнаго труда. До извѣстной степени Ему удалось содѣйствовать также полному перерожденію Россіи, и стать истиннымъ Освободителемъ Своего народа отъ политическаго и матеріальнаго гнета, къ чему Онъ неустанно стремился во всю свою жизнь.»

* * *

Франція при вѣсти о кончинѣ Государя Императора.

(*Моск. Вѣд. № 294.*)

Извѣстіе о кончинѣ Государя Императора было получено въ Парижѣ отъ французскаго посла въ Петербургѣ въ самый день смерти, въ 6 часовъ 30 минутъ вечера. Министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Ганото, тотчасъ же по телеграфу сообщилъ Казиміру-Перье и Шарлю Дюпои.

Казиміръ-Перье тотчасъ же отправилъ телеграммы Его Величеству Императору Николаю II и вдовствующей Императрицѣ и поручилъ капитану фрегата г. Жермине извѣстить русскаго посла что онъ желаетъ лично выразить свое горе по поводу кончины Александра III.

Въ телеграммѣ къ Государю Императору обращаютъ особое вниманіе слѣдующія фразы: «Александръ III пріобрѣлъ всемірное уваженіе; но Франція питаетъ къ нему болѣе чѣмъ уваженіе. Отъ глубины сердца президентъ Французской республики присоединяется къ Вашему горю и трауру русской націи. *Казиміръ-Перье.*»

Казиміръ-Перье *первымъ* расписался въ русскомъ посольствѣ. Эскортируемый эскадропомъ кирасиръ и сопровождаемый всею военною свитой, Казиміръ-Перье въ 9 час. 10 мин. прибылъ къ зданію русскаго посольства, гдѣ его встрѣтили баронъ Моренгеймъ и члены посольства. Президентъ республики бесѣдовалъ съ русскимъ посломъ около получаса. При отъѣздѣ изъ посольства, Казиміра-Перье до кареты провожали баронъ Моренгеймъ, князь Орловъ и г. Гирсъ.

По отбытіи президента республики, къ русскому посольству сталъ подъѣзжать безконечный рядъ каретъ, ибо горестная вѣсть уже успѣла облетѣть весь Парижъ. Для выраженія соболѣзнованія прибыли всѣ министры, президенты сената и палаты, многіе сенаторы и депутаты, весь дипломатическій корпусъ и всѣ выдающіеся политическіе дѣятели.

Въ 11 часовъ вечера въ церкви русскаго посольства была совершена первая торжественная панихида.

Въ это время президентъ совѣта министровъ и министръ иностранныхъ дѣлъ послали Русскому правительству телеграммы съ выраженіемъ соболѣзнованія отъ имени Французскаго правительства.

Префектамъ Франціи и Алжира Шарль Дюпюи немедленно послалъ слѣдующій приказъ:

«Его Величество Александръ III сегодня, въ 2¼ часа пополудни, скончался. Правительство республики немедленно передало въ Ливадію и Петербургъ выраженія глубокаго горя и единодушныхъ сожалѣній вызванныхъ во всей Франціи этою горестною вѣстью.

«Прикажите спустить флаги, обтянуть крепомъ какъ флаги, такъ казенныя и общественныя зданія.»

Такія же приказанія отдали министры морской и военный. Послѣдній долженъ былъ ѣхать въ Ліонъ на открытіе военно-фельдшерской школы; теперь это открытіе отсрочено на неопредѣленное время, впредь до особаго приказа.

Депутатъ Жалюзо въ тотъ же вечеръ прислалъ президенту палаты слѣдующее письмо:

«Вся Франція раздѣлитъ поразившее Россію горе. Палата, какъ выразительница чувствъ страны, должна раздѣлить русское народное горе.

«Отъ имени моихъ товарищей и своего, прошу васъ поставить на первую очередь въ ближайшемъ засѣданіи палаты вопросъ о выборѣ делегаціи изъ 12 депутатовъ, которая должна офиціально представлять палату депутатовъ при погребеніи Александра III.»

Вѣсть о кончинѣ Русскаго Царя разнеслась по Парижу съ быстротой молніи въ тотъ же вечеръ и произвела потрясающее впечатлѣніе. «La tristesse était générale»,—таковъ единодушный отзывъ всѣхъ газетъ. Всюду собирались толпы народа, горячо обсуждавшаго это важное и горестное извѣстіе. Къ утру всѣ казенныя и общественныя зданія были уже въ траурѣ. Множество частныхъ жителей также вывѣсили русскіе и французскіе флаги, перевязанные крепомъ.

Вотъ какъ *Figaro* описываетъ общее впечатлѣніе:

«Франція, дѣйствительно, лишается Друга, великаго Друга, на Котораго можно было полагаться, и Котораго отнынѣ не будетъ доставать не одной только Франціи, но и всему міру: таково чувство вытекающее изъ общихъ впечатлѣній, изъ общихъ разговоровъ, которые можно было услыхать 20 октября вечеромъ въ погруженномъ въ горесть Парижѣ.

«Да, давно, очень давно, Франція не была поражена такою скорбію.

«Не взирая на официальные бюллетени послѣднихъ дней, Парижане, помня великолѣпныя прошлогодія празднества, все еще всецѣло вѣрили въ возможность выздоровленія, на которое возлагали всѣ свои надежды. Всѣ знали что Царь опасно боленъ, но каждому хотѣлось вѣрить въ то что Его мощное тѣлосложеніе восторжествуетъ надъ недугомъ; когда же узнали что недугъ сломилъ Государя, вся Франція присоединилась къ скорби Россіи, признавая утрату своихъ друзей своею собственною утратой.

«Если когда-либо и какой-либо монархъ пользовался популярностью въ этой республикѣ, гдѣ любовь къ власти продолжаетъ жить сильнѣе чѣмъ это обыкновенно полагаютъ, то, конечно, это былъ Александръ III. Въ самыхъ скромныхъ хижинахъ, въ самой глуши селеній портретъ Его висѣлъ на стѣнѣ рядомъ съ портретами г. Казиміра-Перье и г. Карно, и вокругъ Его имени создалась трогательная по своей любви къ Нему легенда, со времени Кронштадтскихъ и Тулонскихъ празднествъ. Разумъ въ такомъ случаѣ согласовался съ сердцемъ. И всеобщая скорбь теперь искренняя повсюду.

«Едва распространилось по Парижу горестное извѣстіе, какъ на улицахъ, въ кафе, клубахъ, словомъ всюду, слышалось одно и то же—выраженіе глубокой скорби. Газеты раскупались нарасхватъ. Всѣ лица выражали искреннюю горесть.

«Не одинъ Парижъ, а вся Франція утромъ уже была въ траурѣ, и газеты полны телеграммами изо всѣхъ городовъ о торжественныхъ манифестаціяхъ и общемъ горѣ охватившемъ всю Францію. Въ тѣхъ портахъ гдѣ есть русскія суда, манифестаціи были особенно торжественны. Русскіе и французскіе моряки снова братались и вмѣстѣ плакали.»

На другой день, въ 11 часовъ утра, въ церкви русскаго посольства была совершена торжественная панихида, въ присутствіи Казиміра-Перье, министровъ, сенаторовъ, депутатовъ и всѣхъ выдающихся политическихъ дѣятелей. Послѣ панихиды президентъ республики и министры отбыли въ Пантеонъ для поклоненія гробу Карно, на который было возложено много вѣнковъ.

Синдикатъ республиканской печати послалъ вдовствующей Государынѣ телеграмму, въ которой обращаютъ вниманіе слѣдующія заключительныя слова: «Славный Государь, запечатлѣвъ дружбу Россіи съ Франціей, далъ Европѣ истинный залогъ міра. Служа выразительницей общественнаго мнѣнія, печать будетъ вѣрною хранительницей памяти Императора Александра III.»

Парижская печать, при извѣстіи о кончинѣ Государя Императора, явилась блестящею выразительницей симпатій Франціи къ Россіи. Вечеромъ, въ самый день кончины, цѣлая армія разносчиковъ уже продавала на улицахъ и бульварахъ траурные бюллетени, разбиравшіеся нарасхватъ крайне взволнованною публикой. При чтеніи печальнаго бюллетеня многіе плакали. Весь городъ былъ охваченъ горемъ; рестораны и магазины стали закрываться. Всюду смущенныя лица. Поутру всѣ газеты вышли буквально переполненныя вѣстями и статьями по этому поводу, и въ траурѣ. Всюду полныя біографіи почившаго Государя и обзоръ Его царствованія; описанія Его болѣзни, случаевъ изъ Его жизни и т. д. и т. д. Всѣ иные политическіе вопросы были забыты, и передовыя статьи единодушно посвящены восторженнымъ отзывамъ о блестящей дѣятельности Царя-Миротворца. Нѣтъ возможности передать здѣсь всѣ эти отзывы. Ограничимся отзывами лишь нѣкоторыхъ газетъ и притомъ въ сокращеніи, ибо и этихъ краткихъ отзывовъ достаточно чтобы судить какъ отнеслась Франція къ постигшему Россію горю.

Офиціозная газета *Temps* начинаетъ нумеръ статьей въ траурной рамкѣ; вотъ ея содержаніе:

«Beati qui pacem faciunt (блаженны миротворцы). Вотъ слова которыя изъ глубины сердца вырываются на уста и, какъ благословеніе, падаютъ на гробъ Александра III.

«Онъ былъ другомъ Франціи, и мы имѣемъ особыя причины оплакивать Его кончину и соединять наше горе съ горемъ всей Россіи. Мы не можемъ забыть того что Онъ, будучи вершителемъ судебъ Европы, первый подалъ руку Франціи и доставилъ намъ патріотическую радость впервые съ 1871 года; что Онъ вывелъ насъ изъ изолированнаго положенія, когда мы были всѣми покинуты, даже нашими старыми друзьями, и далъ намъ возможность съ довѣріемъ смотрѣть на будущее. Эти узы не разорвутся, и, такъ какъ франко-русская дружба покоится на общности интересовъ между двумя народами, такъ же какъ и на взаимныхъ симпатіяхъ, то мы увѣрены что политическія отношенія между Россіей и Франціей не измѣнятся.

«Александръ III имѣлъ особую власть чтобы говорить отъ имени и въ пользу мира. Вотъ почему Его кончина составляетъ

великую утрату для Европы. То что̀ теряютъ Россія и Франція, вмѣстѣ съ ними теряетъ и все человѣчество. Только-что скончавшійся Царь обладалъ сильнымъ характеромъ. Этотъ повелитель столькихъ народовъ умѣлъ повелѣвать и Самимъ собою. Не въ побѣдахъ искалъ Онъ славы. Онъ пожелалъ стать и сталъ императоромъ мира, что̀ дало Ему возможность прекратить революціонную агитацію внутри Своей имперіи, поправить финансы, провести пути сообщенія въ самый центръ Азіи, даже до Берингова моря, поднять престижъ Россіи во всемъ мірѣ.

«Всѣ инстинктивно почтительно преклоняются предъ этимъ великимъ другомъ мира и правды. Не только въ Россіи и Франціи,—повсюду, во всемъ цивилизованномъ мірѣ, горе охватило народы. Это общее горе служитъ лучшимъ утѣшеніемъ для оплакивающихъ Его; это общее горе — драгоцѣннѣйшій вѣнокъ который когда-либо возлагался на гробъ государей.»

Послѣ этой статьи тотчасъ же слѣдуетъ другая статья, подъ заглавіемъ: «Александръ III», точно также вся проникнутая чувствами сердечной симпатіи. Приводимъ изъ этой статьи *Temps* наиболѣе характерныя мѣста:

«Франція оплакиваетъ Государя который, со времени постигшихъ ее бѣдствій, первый протянулъ ей руку, возвратилъ ей сознаніе ея международнаго значенія, пробудилъ народный духъ и, своею мудрою политикой, затронулъ сокровеннѣйшія струны. Вся Европа почтительно провожаетъ къ мѣсту послѣдняго упокоенія Главу великой державы, Который, всегда заботливо и ревниво охраняя интересы и права Своего народа, обезпечивъ его независимость созданіемъ противовѣса тройственному союзу, пожелалъ быть и сталъ великимъ покровителемъ всеобщаго мира, неустрашимымъ Атласомъ, на могучихъ плечахъ Коего покоилось все зданіе международной безопасности.

«Прекрасною наградой для Монарха служитъ уже то что Онъ у чуждаго народа пріобрѣлъ такую популярность и любовь что Его кончина вызываетъ здѣсь то что̀, безъ преувеличенія, можно назвать семейнымъ трауромъ. Среди благодѣтелей человѣчества необходимо занять слишкомъ высокое мѣсто чтобы заслужить уваженіе и симпатіи того собранія государствъ которое именуется Европой и одушевлено соперничествующими страстями.

«Это рѣдкое зрѣлище становится еще болѣе поразительнымъ при мысли что этотъ человѣкъ, по своимъ рѣдкимъ природнымъ чертамъ, составлялъ противоположность традиціонно-вульгарному современному идеалу.

«Теперь въ модѣ фальшивый космополитизмъ (cosmopolitisme bâtard); Александръ III былъ Русскимъ душой и тѣломъ.»

Газету приводитъ въ изумленіе могучій обликъ почившаго Государя, умѣвшаго соединить съ величайшею въ мірѣ силой семейныя добродѣтели, необычайную простоту и доброту, и быть убѣжденнымъ и ревностнымъ охранителемъ на землѣ той Божьей правды которую Европа такъ рѣдко видитъ. Особенно отмѣчается Его религіозность.

Въ общемъ, газета въ восторгѣ отъ величаваго образа Александра III: въ Европѣ пѣтъ такихъ людей, они тамъ невозможны. Въ Европѣ все продажно, все шатко. Тамъ главный девизъ *beati possidentes*. Александръ III возгласилъ другой, христіанскій принципъ: *beati pacifici*. При этомъ газета оговаривается что слово *миротворецъ* она понимаетъ не въ толстовскомъ смыслѣ «непротивленія злу», но въ болѣе возвышенномъ и благородномъ. Александръ III былъ достаточно силенъ чтобы не бояться обидъ и причинить много зла. Но, не давая Себя въ обиду, Онъ употреблялъ Свою силу на то чтобъ оградить другихъ отъ обидъ, сдѣлать миръ необходимымъ, — предписывать миръ, «imposer la paix.»

Вообще всѣ статьи *Temps* проникнуты такою горестью объ утратѣ Государя, такимъ восторгомъ къ Его личности, какіе были бы на мѣстѣ и въ любой русской газетѣ.

Въ томъ же тонѣ высказывается и *Journal des Débats*, посвящающая печальному событію рядъ статей въ утреннемъ и вечернемъ изданіяхъ.

«Кончина Александра III,—пишетъ *Journal des Débats*,—вызвала во всей Франціи горестное угнетеніе. До послѣдняго мгновенья всѣмъ хотѣлось надѣяться что смерть пощадитъ этого благороднаго Монарха, Который былъ намъ другомъ въ наши черные дни. Еще ранѣе чѣмъ правительство разослало свои инструкціи префектамъ, страна уже облеклась въ трауръ. Тотчасъ же флаги, развѣвавшіеся на общественныхъ учрежденіяхъ, были приспущены и обвязаны крепомъ, и когда, по окончаніи сіяющаго дня, толпа узнала роковую вѣсть, она разошлась взволнованная и безмолвная, размышляя о великой утратѣ только-что понесенной Франціей.

«Безъ сомнѣнія, надобно чтобы чувство признательности къ услугамъ, оказаннымъ намъ Александромъ III, было дѣйствительно очень глубоко чтобы всѣ партіи, безо всякаго различія, заключили временное перемиріе предъ Его смертнымъ одромъ. Всѣ газеты, даже самыя страстныя, самыя крайнія и неумолимыя, почтительно преклонились предъ прахомъ скончавшагося Государя. Не было слышно ни одной фальшивой ноты. Во Франціи трауръ поистинѣ національный, и несравненно сильнѣе чѣмъ официальныя манифестаціи чувство патріотической

тревоги, сжавшее всѣ сердца, свидѣтельствуетъ о безпредѣльности нашихъ патріотическихъ сожалѣній. Франція инстинктивно почувствовала вѣру въ Александра III. Его имя и обликъ быстро сдѣлались у насъ популярными; Его портреты милліонами были распространены по глухимъ захолустьямъ и во всѣхъ начальныхъ школахъ общинъ, ютившихся даже въ глуши Пиринеевъ; надъ портретами Императора, подъ русскими цвѣтами, стояла надпись: «Да здравствуетъ Царь!»

«Можно сказать что все французское юношество воспитано въ любви къ Россіи и ея Государю. Этимъ-то и объясняется та горестная тревога, съ которою страна слѣдила за ужасными перипетіями недуга, котораго ничто не оказалось въ силахъ побороть.

«Среди горести настоящаго часа, въ этой общности мыслей и чувствъ есть нѣчто что смягчаетъ горечь нашихъ сожалѣній. Утѣшительно думать что, несмотря на разъѣдающія насъ нашу внутреннюю борьбу и политическія несогласія, всѣ Французы находятъ возможность единенія въ одномъ общемъ для всѣхъ ихъ чувствѣ. Слишкомъ многократно наши смутьяны громко провозвѣщали что понятіе о чувствѣ уваженія безвозвратно нами утеряно, и что политическія несогласія возьмутъ верхъ надо всѣми прочими соображеніями. Нынѣшнія событія служатъ яркимъ опроверженіемъ этихъ клеветъ, и было бы несправедливо не отмѣтить этого добраго явленія.»

Figaro начинаетъ нумеръ словами:

«Горе глубоко, искренно; не говоря уже объ естественномъ чувствѣ сожалѣнія при видѣ исчезновенія въ разсвѣтѣ силъ человѣка, котораго всѣ знали за человѣка справедливаго и добраго, который съ трогательнымъ рвеніемъ старался хорошо править своимъ народомъ, вся Европа охвачена одною и тою же мыслью: воля, сдерживавшая нависшій бичъ войны, угасла; великій Властитель мира скончался.

«Повидимому, ничто не измѣнится въ ходѣ міровой жизни; но когда-нибудь, черезъ годъ, черезъ два, не знаемъ, когда именно, но европейскія осложненія, особенно въ сторонѣ Востока, могутъ совершенно неожиданно обостриться. Тоже и относительно столкновеній могущихъ возникнуть между Россіей и Англіей. Александръ III тогда принялъ бы рѣшеніе, сказалъ бы слово котораго послушалась бы Европа. Теперь уже нѣтъ никого, чтобы вымолвить это слово.

«Вотъ почему смерть Царя выходитъ изъ обычнаго уровня подобнаго рода событій.

«Легендарные разказы будутъ слагаться объ этомъ Самодержцѣ.

«Со скорбнымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ вступленіе на престолъ Николая II. Да будетъ у Него физическая и нравственная сила для несенія того подавляющаго бремени, которое судьба преждевременно возлагаетъ на Его плечи. Сочувствіе міра будетъ Ему помощью, — сочувствіе Франціи уже пріобрѣтено Сыномъ Того, Кто, по крайней мѣрѣ сердцемъ, былъ ея союзникомъ и ея защитникомъ предъ Европой.»

Затѣмъ *Figaro* посвящаетъ кончинѣ Государя вторую передовую статью, изъ коей беремъ слѣдующія мѣста:

«Я съ удовольствіемъ узналъ о томъ», писалъ Гизо Меттерниху 7 ноября 1847 года, «что здоровье вашей свѣтлости прекрасно. Я поздравилъ съ этимъ Европу.» Что написалъ бы Гизо еслибы, будучи президентомъ совѣта министровъ Франціи, онъ узналъ о скорбной вѣсти, которая всѣхъ насъ повергаетъ въ глубокую печаль? Великій Монархъ, столь преждевременно унесенный смертельнымъ недугомъ, и Своею жизнью, и Своею кончиной сбилъ съ толку всякія человѣческія предвидѣнія. Онъ не долженъ былъ царствовать, — и совершилъ славное царствованіе; физически Онъ казался созданнымъ для долговременной жизни,—и Онъ угасъ въ цвѣтѣ силъ, 49 лѣтъ отъ роду.

«Франція, Европа, весь міръ съ глубокою тревогой слѣдили за послѣдними перипетіями этой катастрофы. Всего недѣлю тому назадъ, послѣ ужаснѣйшаго приступа недуга, считали послѣдній преодолѣннымъ; даже тѣ, кто лучше всѣхъ знали причины угасанія Александра III, все еще продолжали возлагать надежду на крѣпость Его организма. Ему предсказывали скорое выздоровленіе въ благодѣтельныхъ климатахъ Ливадіи, Корфу, можетъ-быть даже Алжира. Но древо было подточено въ корнѣ; жизненные соки въ Немъ изсякли; Онъ слегъ, чтобъ уже болѣе не вставать.

«Разумѣется, не всѣ слезы, которыя будутъ пролиты надъ Его гробомъ, будутъ одинаково искренни. Въ старой Европѣ была сооружена дерзкая гегемонія. Александръ III поднялъ Свою главу и положилъ Свою руку на рукоятку Своей сабли; въ тотъ день Онъ разрушилъ много разчетовъ, оживилъ много надеждъ.

«Кончина Александра III открываетъ поле всякимъ предположеніямъ, всякой неизвѣстности на цѣлые мѣсяцы. Вчера только и говорили, что о возможности серіозныхъ осложненій въ Азіи; что же теперь значатъ для насъ заботы и тревоги о судьбахъ Китая? У кого теперь хватитъ духа говорить о Конго, Верхнемъ Нилѣ и двадцати прочихъ вопросахъ нашей колоніальной политики? Намъ уже незачѣмъ устремлять свои взоры

въ такую даль. Какова будетъ эра которая открывается въ Россіи? Франція ни о чемъ иномъ не помышляетъ, — и она права.

«Александръ III былъ, какъ говорится, полнымъ Самодержцемъ. Со Своими задумчивыми очами, со своими широкими плечами и атлетическимъ ростомъ, Онъ являлся какъ бы символомъ власти. Празднества, пышные парады, не нравились Его природѣ. Его влекла къ себѣ семейная жизнь, и не считая часовъ углублялся Онъ въ работу въ Своемъ кабинетѣ. Изо всѣхъ императорскихъ резиденцій, Онъ избралъ Себѣ самую скромную,—Аничковскій дворецъ; Его лѣтняя резиденція, Гатчина, была какъ будто создана для лѣтней помѣщичьей жизни. Въ Петергофѣ, въ Ливадіи, Онъ жилъ въ павильйонахъ выстроенныхъ по Его повелѣнію рядомъ съ пышными дворцами.

«Онъ говорилъ мало, но помнилъ все, проявлялъ непреклонную волю въ служеніи ясной и справедливой мысли. Дѣятельность властителя надъ 120 милліонами подданныхъ, по Его убѣжденію, должна была выражаться въ тѣсномъ единеніи Властителя съ народомъ. Онъ искалъ этого единенія и осуществилъ его, опираясь исключительно на народное чувство. До Него фаворитизмъ, иностранныя вліянія проникли даже и въ Россійскій Дворъ и оказывали давленіе на политику. Съ Его вступленіемъ на царство все перемѣнилось.

«Лучшая политика вытекаетъ всегда изъ самыхъ простыхъ мыслей. Когда Александръ III вступилъ на престолъ, послѣ трагической кончины Своего славнаго Родителя, что нашелъ Онъ? Россію подтачиваемую тайными обществами и обманываемую ея традиціонными союзниками.

«Съ нигилистами Александру III удалось справиться.

«Что же до традиціонныхъ союзниковъ, то Александръ III сумѣлъ оцѣнить ихъ по достоинству. За три года предъ тѣмъ русскія арміи, побѣдивъ Турокъ, стояли у вратъ Константинополя. Германія не имѣла никакихъ прямыхъ интересовъ въ столкновеніи, но тѣмъ не менѣе она забрала себѣ въ голову запустить туда руку. Она созвала торжественный конгрессъ въ Берлинѣ и присудила Англіи и Австріи, не выпустившимъ ни одного ружейнаго заряда, всѣ выгоды кампаніи. Наконецъ, черезъ годъ, союзный оборонительный договоръ между Австріей и Германіей, договоръ, долженствовавшій быть вѣчною угрозой миру, санкціонировалъ эту невѣроятную политику, въ которую князь Бисмаркъ внесъ чувства болѣе личной злобы чѣмъ справедливости.

«Столько вызововъ должны были повести къ разрыву. Тщетно старался отвратить его князь Бисмаркъ, одумавшійся слиш-

комъ поздно. Впервые пришлось ему встрѣтиться съ Человѣкомъ, Который какъ въ открытой книгѣ читалъ его двуйную игру и Который, для возвращенія Своего довѣрія, требовалъ болѣе чѣмъ разсыпательства въ увѣреніяхъ дружбы. Весь Русскій народъ почувствовалъ рану нанесенную ему Берлинскимъ трактатомъ и австро-германскимъ союзомъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, разчитывать на дружественныя чувства правительства, которое связало свою свободу дѣйствія съ Австріей противъ той самой Россіи, которую неустанно обманывали?

«Послѣ смерти Вильгельма I и краткаго царствованія императора Фридриха, нынѣшній императоръ усердно хлопоталъ о томъ, чтобы разсѣять тучи и поставить на лучшую ногу отношенія между Россіей и Германіей; утверждаютъ даже будто для этой цѣли онъ принесъ въ жертву князя Бисмарка, ментерскія требованія котораго сдѣлались для него невыносимыми. Но Русскій Императоръ остался непреклоненъ въ принятой имъ политикѣ. Австро-германскій договоръ, сдѣлавшійся тройственнымъ союзомъ по присоединеніи къ нему Италіи, продолжалъ попрежнему оставаться непреодолимымъ препятствіемъ къ какому бы то ни было сближенію. Симпатіи Русскаго народа къ Франціи съ каждымъ днемъ опредѣлялись все болѣе, и онѣ нашли себѣ официальное освященіе въ Кронштадтскихъ праздествахъ 1892 года.

«Съ тѣхъ поръ миръ сдѣлался необходимымъ не только для Франціи, онъ сдѣлался столь же необходимымъ и для Германіи, и европейское равновѣсіе, покоившееся—увы!—на столь шаткомъ основаніи какъ Франкфуртскій договоръ, получило прочную и устойчивую основу. Это громадная услуга, которую Императоръ Александръ III оказалъ Европѣ столько же какъ и Франціи. Это дѣлаетъ Его кончину самымъ важнымъ событіемъ, свидѣтелемъ коего былъ нашъ континентъ за всѣ послѣдніе двадцать четыре года.»

Затѣмъ *Фигаро* предлагаетъ, чтобы въ день похоронъ Государя Императора Александра III русскій флагъ, перевязанный крепомъ, развѣвался не только надъ зданіями національныхъ учрежденій, какъ этого желаетъ правительство, но и на всѣхъ частныхъ домахъ, всюду гдѣ въ прошедшемъ году онъ свободно и радостно развѣвался въ воздухѣ.

Кромѣ того, *Фигаро* предлагаетъ, чтобы правительство назначило, въ качествѣ представителя Франціи при торжественныхъ похоронахъ Царя, генерала Соссье, ибо никому такъ не приличествуетъ быть представителемъ народнаго горя Франціи, какъ генералиссимусу французской арміи.

Въ *Rappel* г. Вакери пишетъ:

«Горе Россіи будетъ горемъ всѣхъ друзей мира... Смерть Царя особенно опечалитъ Францію, другомъ которой столь благородно и столь твердо Онъ Себя выказалъ.»

Radical пишетъ:

«Во Франціи не забудутъ драгоцѣнныхъ симпатій многократно выражавшихся намъ почившимъ Государемъ. Припомнимъ что изъ государей Европы Самодержавный повелитель всей Россіи первымъ протянулъ братскую руку Французской республикѣ и удостоилъ нашу страну Своей дружбы.

«Предъ всѣмъ міромъ онъ громко удостовѣрилъ нашу силу, выразивъ тѣмъ полное довѣріе въ наши жизненныя силы.

«Вотъ почему Его утрата у насъ будетъ чувствоваться сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо.»

Газета вполнѣ увѣрена, что общность интересовъ и симпатій обѣихъ націй сохранятъ для Франціи дружественное расположеніе Россіи.

Изъ Гюйо въ *Siècle* выражаетъ опасеніе, что кончина Царя отразится на внѣшней политикѣ въ томъ отношеніи, что создастъ на нѣкоторое время неувѣренность въ будущемъ.

Эдуардъ Эрве въ *Soleil* пишетъ:

«Александръ III не велъ войнъ. Другими способами снискалъ Онъ для Себя славу, а для своей страны—преобладаніе. На міровыхъ вѣсахъ Онъ положилъ тяжесть Своей огромной Имперіи на чашу мира. Не вынимая шпаги изъ ноженъ, Онъ сдѣлалъ Петербургъ центромъ европейской политики, а Россію—вершительницей судебъ континента.

«Онъ имѣлъ самое цѣнное изъ качествъ—характеръ. Именно благодаря этому, Онъ оставилъ слѣдъ на современныхъ событіяхъ и пріобрѣлъ Себѣ имя въ исторіи. Его политика направлялась тремя или четырьмя простыми идеями, которыхъ Онъ держался неизмѣнно. Ничто не могло отклонить Его отъ разъ намѣченнаго пути. Онъ былъ изъ числа тѣхъ весьма немногихъ лицъ, которыя дѣлаютъ то, что̀ хотятъ и ничего другаго. Онъ твердо желалъ мира; Онъ желалъ его страстно. И Онъ его сохранилъ, защитилъ, сдѣлалъ необходимымъ.

«Не одна Россія оплакиваетъ Его. Въ рѣшительную для насъ минуту, Онъ былъ другомъ Франціи. Послѣ нашихъ бѣдствій, мы возстановили наши военныя силы; мы были богаты солдатами, оружіемъ, деньгами. Намъ не доставало двухъ вещей: внутри — увѣренности въ себѣ; внѣ — симпатій великой державы. Обѣ эти недостававшія вещи далъ намъ Александръ III. Наши прежніе друзья,—друзья въ счастливые дни,—держались въ сторонѣ,—и только Онъ подалъ Свою руку Франціи. Онъ

вывелъ насъ изъ изолированнаго положенія и далъ намъ увѣренность въ нашихъ силахъ.

«Со временъ 1871 года Онъ первый доставилъ Франціи патріотическую радость. Франція не забыла этого. Вмѣстѣ съ Россіей, и также какъ Россія, она будетъ носить трауръ по Александрѣ III.»

Gaulois пишетъ:

«Россія и Франція теперь болѣе сестры чѣмъ прежде: онѣ оплакиваютъ одного и того же Отца, молятся предъ однимъ и тѣмъ же гробомъ, одинаково поражены отчаяніемъ».

* * *

(*Моск. Вѣд. № 294.*)

Въ Лондонѣ извѣстіе о кончинѣ Императора Александра III получено было газетой *Daily News* отъ ея берлинскаго корреспондента около 4 часовъ, въ четвергъ, 1 ноября, и тотчасъ же въ окнѣ конторы этой газеты было выставлено сообщеніе: «Царь скончался». Скоро передъ зданіемъ собралась толпа народа, и это печальное извѣстіе быстро разнеслось по всему Лондону. Большинство вечернихъ газетъ вышли особыми изданіями съ извѣстіемъ о кончинѣ Александра III. Но болѣе часа еще всюду высказывалось сомнѣніе, такъ какъ ни откуда не являлось подтвержденія. Около пяти часовъ получилось подтвержденіе въ видѣ опубликованной телеграммы агентства *Central News*. Около семи часовъ въ Марльборо-Гоузѣ, гдѣ были герцогъ Іоркскій и принцессы Викторія и Модъ Вельсскія, получена была официальная телеграмма изъ Ливадіи; около того же времени министерствомъ иностранныхъ дѣлъ получена была шифрованная телеграмма отъ британскаго посла въ Петербургѣ,—и тогда сомнѣній уже не оставалось.

Королева Викторія получила печальное извѣстіе послѣ семи часовъ, была сильно опечалена и немедленно послала въ Ливадію вдовствующей Императрицѣ телеграмму соболѣзнованія и симпатіи. Въ нѣкоторыхъ церквахъ въ Вестъ-Эндѣ раздался въ память почившаго Императора погребальный звонъ.

Русскій посолъ въ Лондонѣ получилъ извѣстіе о кончинѣ Императора позже всѣхъ, именно уже послѣ девяти часовъ.

Daily News, вышедшая съ траурною рамкой, посвятила двѣ передовыя статьи: одну—«Смерти Царя», другую—«Великому Миротворцу». «Августѣйшаго Страдальца уже нѣтъ, говоритъ этотъ органъ либеральной партіи. «Отъ начала до конца Русская нація была вмѣстѣ съ Нимъ. Онъ всегда старался внести въ правленіе принципъ ««Россія для Русскихъ»». Въ этомъ

смыслѣ онъ былъ патріотъ въ высшей степени. Національное чувство было въ Немъ особенно сильно, и Онъ охотно выслушивалъ увѣренія, что Русскій народъ уже достаточно долго шелъ на помочахъ у Германіи. Эта рѣшимость держать иностранцевъ въ ихъ собственныхъ границахъ естественно повела къ чему-то въ родѣ реакціи въ пользу древне-русскихъ идей. При всемъ этомъ, тѣмъ удивительнѣе Его упорное служеніе дѣлу мира. Остальную политику Онъ наслѣдовалъ, а миролюбіе есть всецѣло Его Собственное. Онъ обладалъ самою могущественною арміей въ мірѣ. Его войска превосходили числомъ и не уступали въ храбрости и военномъ искусствѣ самой большой изъ всѣхъ современныхъ армій. Поводовъ къ войнѣ могло быть сколько угодно. Князь Бисмаркъ давалъ ихъ не разъ. Австрія своею политикой на Юго-Востокѣ Европы давала ихъ, но Онъ во все Свое Царствованіе отказывался дать нужное слово своимъ войскамъ. Все было колоссально въ жизни этого Человѣка и не только въ Его страданіяхъ, но и въ тѣхъ ужасахъ какіе могли бы произойти отъ Его ошибокъ. Одна ошибка вызванная тщеславіемъ или честолюбіемъ подвергла бы Европу самой разрушительной войнѣ въ исторіи и разрушила бы труды полстолѣтія цивилизаціи. Къ Его вѣчной славѣ, эта ошибка не была сдѣлана. Обстоятельства сдѣлали Его истиннымъ оплотомъ міроваго мира, и Онъ всю жизнь былъ вѣренъ этой громадной обязанности, которую наложило на Него Провидѣніе. Миръ былъ нуженъ Россіи, и миръ былъ данъ ей ея покойнымъ Царемъ. Плоды этого мира многочисленны. Онъ оставляетъ Свою страну не только безъ единаго врага, но еще и съ могущественнымъ другомъ и съ такимъ вліяніемъ въ Европѣ, которое не уступаетъ вліянію никакого иного государства. Для достиженія такого положенія Онъ не пожертвовалъ ни кровію, ни деньгами.

«Не было въ мірѣ болѣе истинно семейнаго Государя чѣмъ только-что умершій Великій Монархъ. Онъ обладалъ всѣми семейными добродѣтелями. Его подданные чтили Его столько же за это, какъ и за Его любовь къ Россіи и уваженіе къ русскимъ обычаямъ. Покойный Императоръ былъ Русскимъ, и только Русскимъ. Въ Своей иностранной политикѣ Онъ сообразовался только съ интересами Россіи и охранялъ миръ потому что миръ выгоденъ для Россіи.»

Times говоритъ: «Со смертію Царя Александра III Россія и Европа потеряли Государя, которому всѣ обязаны далеко не обычнымъ долгомъ благодарности. Въ теченіе Его тринадцатилѣтняго царствованія миръ Европы неоднократно зависѣлъ отъ Его рѣшенія. Александръ III рѣшилъ сохранить миръ Россіи

и Европы пока это можно безъ вреда для достоинства и интересовъ Его народа; но въ то же время Онъ не хотѣлъ чтобы война, если она должна начаться, застала Россію врасплохъ, и Онъ съ настойчивостью, свойственною Его характеру, посвятилъ Себя реорганизаціи сухопутныхъ и морскихъ силъ Россіи... Онъ былъ настоящій человѣкъ. Онъ былъ прямъ, Онъ былъ честенъ; Онъ зналъ чего Онъ желаетъ и не легко измѣнялъ Свои мнѣнія. Такіе люди властвуютъ надъ окружающими; по этихъ качествъ вполнѣ достаточно и для исполненія обязанностей частнаго гражданина... Во всѣхъ Своихъ поступкахъ Онъ строго слѣдовалъ долгу какъ Онъ его понималъ.»

Франція.

(Моск. Вѣд. № 295.)

20 октября, до поздняго вечера, безчисленное количество посѣтителей стекалось въ русское посольство. Всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили выразить глубокое сочувствіе горю Россіи. Въ этотъ день въ посольствѣ перебывали всѣ члены обѣихъ палатъ, всего дипломатическаго корпуса, всѣ академики, весь ученый міръ; словомъ, всѣ лица принадлежащія къ офиціальному міру, магистратурѣ, университету, литературѣ и искусствамъ сочли за честь для себя поставить и свою подпись на траурномъ листѣ. Въ числѣ лицъ посѣтившихъ въ этотъ день русское посольство, находились также г-жа Карно и два ея сына, Франсуа и Сади-Карно. На слѣдующее утро у подъѣзда русскаго посольства продолжалось все то же неустанное дефилированіе,—люди всѣхъ сословій и состояній стремились выразить свое сочувствіе русскому послу.

Въ 11 час. утра 21 октября, въ русской церкви въ улицѣ Дарю состоялось торжественное молебствіе по случаю вступленія на престолъ Императора Николая II. Весь составъ русскаго посольства былъ въ полной парадной формѣ и, временно, трауръ былъ снятъ. Представителями президента республики были г. Лафаргъ и генералъ Беррюйе; изъ министровъ на молебствіи присутствовалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Ганото. За молебствіемъ послѣдовала присяга. Церемонія принесенія присяги произвела глубокое впечатлѣніе на всѣхъ присутствовавшихъ Французовъ.

Передъ церковью стояла густая толпа народа, общее настроеніе которой отличалось особенною сосредоточенностью и благоговѣніемъ.

Въ тотъ же день изъ Парижа было отправлено множество сочувственныхъ телеграммъ въ Россію.

Г-жа Казиміръ-Перье отъ имени французскихъ дамъ и различныхъ благотворительныхъ дамскихъ обществъ выразила глубокое сочувствіе Государынѣ Императрицѣ въ постигшемъ Ея Величество тяжкомъ испытаніи.

Въ собраніи синдиката печати было единодушно рѣшено открыть подписку между парижскими и провинціальными газетами по 20 фр. съ газеты на серебряный вѣнокъ ко дню погребенія Императора Александра III. Извѣстный художникъ г. Фальтьеръ, не взирая на кратковременность срока, взялъ на себя трудъ составить рисунокъ для этого вѣнка, который обѣщаетъ быть истинно художественнымъ произведеніемъ. Въ центрѣ вѣнка будетъ находиться аллегорическая фигура, а на цоколѣ будутъ выгравированы названія газетъ участвующихъ въ подпискѣ на вѣнокъ.

Когда парижскому муниципальному совѣту, 21 октября, было офиціально возвѣщено о кончинѣ Императора Александра III, президентъ совѣта, г. Шампудри, слѣдующими словами выразилъ чувства всего собранія:

«Мм. гг., вчера вечеромъ весь Парижъ былъ пораженъ горестью и глубоко взволнованъ, узнавъ о кончинѣ Царя.

«Не взирая на серіозность извѣстій приходившихъ къ намъ за послѣдніе дни, всѣмъ намъ хотѣлось вѣрить что ужасному недугу не удастся сломить богатырское сложеніе Больнаго.

«Какъ вѣрные истолкователи чувствъ парижскаго населенія, мы выражаемъ Царскому Семейству наше почтительное соболѣзнованіе и Русскому народу увѣреніе нашего братскаго сочувствія.

«Могущественный усопшій Императоръ былъ другомъ Франціи, и поэтому Парижане единодушно, безъ различія мнѣній, соединяются въ одномъ и томъ же чувствѣ общей печали и скорби. Они не могутъ забыть о чувствѣ признательности, которымъ они обязаны Тому, Кто внушительными манифестаціями въ Кронштадтѣ и Тулонѣ проявилъ Свое уваженіе и расположеніе къ возстановленію Франціи и Своимъ рѣшающимъ вмѣшательствомъ обезпечилъ европейскій міръ. Они не могутъ забыть также и заявленій сочувствія, выраженныхъ Франціи Русскимъ народомъ и его Главой во время трагической смерти президента Карно.

«Парижъ уже выразилъ искренность своей благодарности незабвеннымъ и безпримѣрнымъ пріемомъ, оказаннымъ русскимъ морякамъ въ октябрѣ 1893 года.

«Что же до насъ, то нашъ долгъ начертанъ намъ волей нашихъ довѣрителей. А потому я предлагаю вамъ отправить адресъ и вѣнокъ. Предлагаю вамъ также, въ знакъ траура. прекратить сегодняшнее засѣданіе.»

По единодушному рѣшенію присутствовавшихъ, всѣ предложенія президента были приняты.

Temps такъ резюмируетъ свѣдѣнія, полученныя газетой отъ ея корреспондентовъ изъ провинціи:

«Изо всѣхъ городовъ Франціи тотъ же искренній, сердечный откликъ горю Россіи; всюду, немедленно по полученіи роковой вѣсти, все облеклось въ трауръ: всѣ учрежденія, всѣ частные дома, покрылись флагами обвитыми крепомъ; муниципальные совѣты и генеральные совѣты отправили телеграммы съ выраженіемъ соболѣзнованія Государынѣ Императрицѣ, Царю Николаю II и русскому послу въ Парижѣ; всюду открылись подписки на вѣнки; всѣ спѣшатъ побывать въ русскихъ консульствахъ и расписаться тамъ. Особенно горячо выражается чувство горести въ тѣхъ приморскихъ городахъ которые еще такъ недавно были свидѣтелями радостныхъ франко-русскихъ празднествъ. Рабочіе Тулонскаго порта собрались въ зданіи рабочей биржи, въ числѣ 5.000 человѣкъ, чтобы по подпискѣ соорудить національный вѣнокъ на гробъ Императора Александра III. Муниципалитетъ города Тулона отправилъ глубоко прочувствованную телеграмму Государынѣ Императрицѣ и другую также съ выраженіемъ сердечнаго соболѣзнованія и своего собственнаго горя русскому послу въ Парижѣ.»

Во всѣхъ французскихъ городахъ, гдѣ только существуютъ русскія церкви, при панихидахъ по скончавшемся Царѣ Александрѣ Александровичѣ народъ устремлялся толпами, присоединяя къ молитвѣ и слезамъ Русскихъ и свои собственныя моленія и слезы.

Послѣдній нумеръ *Journal Officiel* вышелъ въ траурной рамкѣ и содержитъ рядъ официальныхъ телеграммъ и отвѣтовъ на нихъ.

République Française вышла также въ полномъ траурѣ и содержитъ рядъ горячихъ статей посвященныхъ почившему Государю. Особенное вниманіе обращаетъ первая статья:

«Роковое событіе совершилось. Царь Александръ III сошелъ съ міровой сцены, гдѣ Онъ игралъ столь большую роль и гдѣ оставилъ неизгладимый слѣдъ. Вся Франція въ траурѣ, и никогда еще сердце ея не билось столь искреннимъ, столь безкорыстнымъ чувствомъ. Франція оплакиваетъ Его не какъ могущественнаго Государя, не какъ великаго политика, даже не какъ своего вѣрнаго друга; она оплакиваетъ *человѣка*, благо-

родный характеръ, въ нашъ желѣзный вѣкъ, когда всѣ стремятся захватить себѣ львиную долю, сумѣлъ избѣжать всѣхъ соблазновъ чтобы внести хоть немного правды въ европейскія дѣла; она оплакиваетъ благородное сердце взявшее въ свои руки защиту побѣжденныхъ и давшее имъ, въ скорбное для нихъ время, незгладимые знаки симпатій.

«Деликатною, теплою формой, въ которой Онъ выражалъ намъ, въ каждомъ случаѣ, Свою дружбу, Онъ такъ удачно отвѣчалъ нашему національному духу, что еще никто и никогда такъ глубоко не волновалъ массы нашего народа. Манифестаціи въ Кронштадтѣ и Тулонѣ, празднества въ Парижѣ, скрѣпили союзъ двухъ народовъ болѣе чѣмъ всякіе трактаты или дипломатическія ухищренія. Мы такъ ужъ созданы и насъ не измѣнишь: во всѣхъ случаяхъ насъ увлекаетъ не столько выгода, сколько способъ обращенія, и кто находитъ дорогу къ нашему сердцу, тотъ пріобрѣтаетъ насъ навсегда.»

Далѣе газета отмѣчаетъ то что почившій Государь, какъ величайшій дипломатъ, понялъ тайну управленія. Не страхомъ, а любовью привлекалъ Онъ сердца своихъ подданныхъ и Французовъ. Самодержавный Монархъ достигъ того что въ республиканской Франціи всѣ не только любятъ, но обожаютъ Его. Въ міровой политикѣ Онъ провелъ слишкомъ глубокую борозду, изъ которой долго еще нельзя будетъ выдти. Что же касается самой Россіи, то еще ни одинъ государь не оставлялъ ее послѣ себя столь преуспѣвающею, столь счастливою, столь спокойною внутри, столь сильною внѣ, столь увѣренною въ своемъ будущемъ.

Другая статья начинается словами:

«Александръ III навѣки смежилъ очи. Это великое горе для Его народа, для коего Онъ былъ Отцомъ, для Франціи, коей Онъ былъ Другомъ, для всей Европы, видѣвшей въ Немъ наиболѣе прочнаго охранителя мира на нашемъ континентѣ.»

Манифестъ Императора Николая II произвелъ во Франціи весьма благопріятное впечатлѣніе.

«Манифестъ къ народу», пишетъ въ своей передовой статьѣ *Temps*, «одновременно отличается и возвышенностью, и простотой своего языка и написанъ именно такъ чтобы проникнуть въ простыя и прямыя сердца. Въ немъ чувствуется та же глубокая, крѣпкая вѣра въ Промыслъ Божій, которая такъ сильно сказывалась въ рѣчахъ Александра III.»

* * *

(*Моск. Вѣд.* № *297.*)

Засѣданіе палаты депутатовъ 5 ноября открылось въ 2 час. 10 мин. Президентъ Палаты, г. Бюрдо, открылъ засѣданіе чте-

піемъ письма президента совѣта министровъ, г. Дюпюи, официально извѣщающаго палату о кончинѣ Русскаго Царя. Г. Дюпюи добавляетъ, что правительство выразило соболѣзнованіе отъ имени Франціи; дѣлая это, правительство было увѣрено, что оно было вѣрнымъ выразителемъ чувствъ страны и народныхъ представителей.»

По прочтеніи этого письма, г. Дюпюи обратился къ палатѣ со слѣдующею рѣчью:

«Дорогіе товарищи,—я увѣренъ, что передаю мысль палаты, заявляя, что правительство было вѣрнымъ выразителемъ вашихъ чувствъ предъ Императорскою Семьей и Русскимъ народомъ (*рукоплесканія*).

«Жестокій ударъ поразившій дружественную намъ націю нигдѣ не могъ вызвать столь сильный откликъ какъ въ этомъ собраніи, гдѣ немедленно отражается волненіе всей Франціи (*рукоплесканія*).

«Въ самомъ дѣлѣ, взаимныя симпатіи исходятъ изъ души обѣихъ націй; выраженія этихъ симпатій уже многократно поражали міръ; эти симпатіи постоянно поддерживались и общими печалями, и общими радостями и празднествами (*рукоплесканія*).

«Нынѣ, присоединяя свои сожалѣнія и свою скорбь къ горю Русскаго правительства и народа, мы лишь продолжаемъ эти традиціи и подтверждаемъ наши чувства, одинаковыя съ чувствами всей націи (*одобренія*). Память объ Императорѣ Александрѣ III въ нашей памяти связана съ незабвенными воспоминаніями и будетъ жить въ сердцѣ Франціи такъ же какъ и въ сердцѣ Россіи (*одобренія*). Она составитъ прочнѣйшее звено въ братской цѣпи соединяющей обѣ націи, для ихъ взаимнаго блага и для сохраненія общаго мира (*горячія одобренія*).

«Вашъ президентъ заранѣе знаетъ, что онъ лишь исполняетъ ваше единодушное желаніе, предлагая вамъ закрыть засѣданіе въ знакъ траура.»

Тотчасъ же, въ 2 часа 25 мин., засѣданіе закрылось.

Засѣданіе сената открылось ровно въ 2 часа 10 мин.

Президентъ сената, г. Шаллемель-Лакуръ, открылъ засѣданіе чтеніемъ письма г. Дюпюи (вполнѣ тождественнаго съ письмомъ къ президенту палаты), послѣ чего обратился къ сенаторамъ со слѣдующею рѣчью:

«Къ этому мнѣ нечего добавлять, ибо я увѣренъ, что это извѣстіе само по себѣ вызоветъ васъ на серіозныя размышленія.»

Президентъ убѣжденъ, что французскій сенатъ раздѣлитъ скорбь и слезы Русской Императорской Семьи и Русскаго

народа о смерти Того, Кого оплакиваютъ въ Европѣ «всѣ у кого есть человѣческое сердце».

«Печаль въ которую нынѣ погруженъ весь Русскій народъ, кромѣ сыновней преданности которую каждый Русскій питаетъ къ своему Государю, свидѣтельствуетъ еще и о другомъ чувствѣ,—чувствѣ горя о Государѣ безмѣрно преданномъ будущности, величію и безопасности Россіи. При справедливомъ и мирномъ царствованіи своего Императора, Русскій народъ наслаждался миромъ,—величайшимъ благомъ общества, ибо только въ мирѣ оно находитъ орудіе величія.

«Мы видимъ нынѣ нѣчто безпримѣрное. За послѣдніе десять дней, когда наука отказалась спасти Императора, и когда Онъ все еще былъ живъ, вся Европа занималась оцѣнкой Его дѣятельности и какъ человѣка, и какъ Государя,—и не оказалось ничего, что̀ не дѣлало бы чести Его прямотѣ, здравомыслію, честности, твердости въ рѣшеніяхъ, высотѣ духа, гдѣ не было ничего запутаннаго, гдѣ все сводилось къ истинно человѣческимъ идеямъ, къ величію Россіи, при посредствѣ мира, къ горячему и неуклонному желанію предотвратить войну. Это великая заслуга въ нашемъ преисполненномъ войнами столѣтіи,—тѣмъ болѣе великая со стороны Государя, имперія Коего, конечно, представляетъ одну изъ величайшихъ военныхъ силъ какую міръ когда-либо зналъ. Поэтому Его имя быстро вызвало общее уваженіе и удивленіе; эти чувства въ устахъ и писателей, и государственныхъ дѣятелей многократно уже находили себѣ выраженіе, предупреждая судъ исторіи.

«Мы, Французы, обязаны Ему еще больше. Когда, движимый великодушными побужденіями, Онъ рѣшился заявить всѣмъ, что Франція, несмотря на покрывающіе ее рубцы отъ ранъ, не изолирована въ мірѣ, Онъ уступилъ одной изъ тѣхъ великихъ мыслей, которыя исходятъ столь же изъ ума, сколько и изъ сердца.

«Быть-можетъ, предъ Его умомъ возстала Франція съ ея пятнадцативѣковымъ перемѣннымъ величіемъ. Но въ то же время Онъ выказалъ убѣжденіе, что истинною хранительницей цивилизаціи является не та или другая отдѣльная нація, какія бы лавры ни украшали ее, но вся Европа. Не говоря о столь высокихъ и столь человѣчныхъ соображеніяхъ, Онъ показалъ Себя убѣжденнымъ въ томъ, что Франція не должна быть искалѣчена или умепьшена, и что Европа должна остаться цѣлою.

«Вотъ причина нашего несокрушимаго уваженія и высокаго удивленія предъ Нимъ. Это убѣжденіе дѣлаетъ для насъ Его имя священнымъ.

«Его молодому Наслѣднику, призванному взять на Себя столь тяжелое наслѣдіе, шлемъ пожеланія, чтобы мудрость руководила Имъ, и чтобъ Его царствованіе во всемъ было достойно царствованія Того Кто скончался оплакиваемый всѣмъ міромъ.» (*Двойной взрывъ рукоплесканій.*)

Въ знакъ траура, засѣданіе сената тотчасъ же закрылось.

* * *

(*Моск. Вѣд. № 297.*)

БЕРЛИНЪ, 4 ноября (23 октября).

Сегодня, въ 2 часа пополудни, по желанію императора Вильгельма II, въ нашемъ посольствѣ была отслужена паннихида по въ Бозѣ почившемъ Государѣ Императорѣ Александрѣ Александровичѣ, спеціально для придворныхъ чиновъ, дипломатическаго корпуса, генералитета и проч.

Трудно описать то великое торжественное впечатлѣніе, какое мы только-что вынесли изъ нашей посольской церкви, гдѣ собралось сегодня до 400 высшихъ сановниковъ, дипломатовъ и прочихъ чиновъ, съ императоромъ во главѣ.

Въ виду такого громаднаго стеченія мѣстныхъ административныхъ и высшихъ чиновъ и всего дипломатическаго корпуса, доступъ въ церковь для членовъ колоніи былъ прекращенъ, причемъ впускъ совершался лишь по особымъ билетамъ разосланнымъ еще наканунѣ посольствомъ. Вся церковь была въ глубочайшемъ траурѣ: стѣны и полъ были обиты чернымъ сукномъ, иконы же были убраны живыми цвѣтами.

За полчаса до начала богослуженія стали съѣзжаться высшіе члены дипломатическаго корпуса, начиная съ представителей европейскихъ державъ и кончая посланниками Японіи, Сіама и Персіи, въ полной формѣ, въ лентахъ и орденскихъ знакахъ.

На Unter den Linden въ это время передъ зданіемъ нашего посольства выстроилась рота лейбъ-гвардіи гренадерскаго Александровскаго полка, шефомъ котораго состоялъ въ Бозѣ почившій Августѣйшій Государь-Миротворецъ, имѣя на флангѣ четыре знамени—полковое и три баталіонныя—обтянутыя чернымъ флеромъ, а также полный оркестръ музыкантовъ и барабанщиковъ. Гренадеры были въ полной парадной формѣ, въ старинныхъ мѣдныхъ киверахъ, какіе имѣютъ наши Павловскіе гренадеры. Весь же офицерскій корпусъ названнаго полка собрался на дворѣ посольства. Незадолго до двухъ часовъ прибылъ императоръ съ принцемъ Леопольдомъ-Іоанномъ Альбрехтомъ и ландграфомъ Гессенскимъ и проч. членами императорской фамиліи.

Поздоровавшись съ гренадерами и офицерами, императоръ направился въ посольскую церковь, гдѣ у самаго входа былъ встрѣченъ нашимъ посломъ, графомъ П. А. Шуваловымъ, и прочими членами посольства и агентами нашихъ министерствъ.

При этомъ въ церковь вошли и стали передъ клиросомъ четыре знаменщика съ двумя офицерами.

Императоръ былъ въ мундирѣ своего лейбъ-гвардіи С.-Петербургскаго гренадерскаго полка, въ русскихъ орденахъ и въ лентѣ Св. Андрея Первозваннаго. Графъ Шуваловъ имѣлъ на себѣ высшіе прусскіе ордена и ленту Чернаго Орла.

Въ церковь императоръ вошелъ подъ руку съ графиней М. А. Шуваловой и былъ встрѣченъ настоятелемъ отцомъ протоіереемъ А. П. Мальцевымъ, которымъ и была совершена торжественная панихида.

Помимо вышеназванныхъ чиновъ, были государственный канцлеръ князь Гоэнлоэ, министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ-Кёллеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ баронъ Маршаль фонъ-Биберштейнъ, графъ Гербертъ Бисмаркъ, гофъ-маршалъ Перпонше, пашъ консулъ изъ Штеттина г. Богословскій и др., а также командиры всѣхъ полковъ расположенныхъ въ Берлинѣ, адъютанты императора и депутаціи офицеровъ отъ лейбъ-гвардіи уланскаго и Падерборнскаго Вестфальскаго гусарскаго полковъ, офицеры же гренадерскаго полка, за неимѣніемъ мѣста въ церкви, принуждены были размѣститься на посольскомъ дворѣ и въ сѣняхъ храма.

Во время службы въ церкви воцарилась гробовая тишина и каждое слово молитвы звучало особенно торжественно и сильно. Когда же раздались слова настоятеля приглашавшія собравшихся помолиться о душѣ въ Бозѣ почившаго Царственнаго Страдальца, императоръ въ числѣ первыхъ преклонилъ колѣна и усердно молился.

По окончаніи богослуженія императоръ и принцы, простившись съ дипломатическимъ корпусомъ и генералитетомъ, прошли во внутреннія покои нашего посольства, гдѣ долго и сердечно бесѣдовали съ посломъ, его супругой, секретарями и проч. Когда императоръ вышелъ изъ посольства, видно было что онъ глубоко тронутъ.

Печальное торжество закончилось парадомъ гренадеровъ, продефилировавшихъ съ музыкой и знаменами передъ нашимъ посольствомъ, въ воротахъ коего находились императоръ, рядомъ съ нимъ посолъ графъ Шуваловъ и члены посольства; дворъ и весь генералитетъ.

Помимо ежедневныхъ панихидъ въ нашей церкви, таковыя совершаются берлинскою греческою колоніей въ нашей заго-

родной Тегельской церкви. Вчера такая панихида въ Тегелѣ состоялась въ присутствіи греческихъ офиціальныхъ властей и всей греческой колоніи.

* * *

(*Моск. Вѣд. № 298.*)

Mémorial Diplomatique посвятилъ почившему Государю рядъ статей, изъ коихъ беремъ наиболѣе выдающіяся мѣста.

Въ первой статьѣ, между прочимъ, говорится:

Преобладающимъ качествомъ Его была доброта какъ къ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и къ націямъ. Въ послѣднемъ случаѣ эта доброта выразилась въ миролюбіи, сдѣлавшемъ Его «вершителемъ судебъ Европы».

«Съ удивленіемъ и уваженіемъ преклонимся предъ этимъ благороднымъ образомъ. Да пребудетъ Его славная память вѣчно дорогою для Франціи! Ибо мы умѣемъ быть признательными за оказанныя намъ благодѣянія и почитать высокія добродѣтели, коими былъ украшенъ этотъ Императоръ, Который займетъ столь великое и столь славное мѣсто въ исторіи человѣчества.»

Далѣе, большая статья посвящена обозрѣнію политическаго положенія созданнаго кончиной Александра III. Вотъ содержаніе этой интересной статьи:

Александръ III былъ не только самымъ могущественнымъ Государемъ въ мірѣ, но также и самымъ популярнымъ. Въ Россіи Его любили за то что Онъ былъ «болѣе Русскимъ чѣмъ всѣ Русскіе» и строго охранялъ національные интересы; весь міръ любилъ Его за любовь къ миру. Россія оплакиваетъ въ Немъ своего Вождя и Отца, весь міръ—одного изъ Монарховъ наиболѣе возвеличившихъ царскій санъ.

Царь скончался, но Его дѣло осталось. Другія державы стремились къ общему миру путемъ военныхъ союзовъ; Александръ III достигъ этой цѣли установленіемъ политическаго равновѣсія. При этомъ особенно замѣчательно то что эта благородная цѣль достигнута безо всякихъ уступокъ и компромиссовъ, и исходила единственно изъ любви къ отечеству, несмотря на противоположныя вѣянія и интриги.

Заслуга Александра III состоитъ еще и въ томъ что Онъ далъ собою примѣръ Германскому императору. Мнѣнія о послѣднемъ сначала расходились, и онъ впервые показалъ себя при удаленіи Бисмарка. Уже одинъ этотъ рѣшительный шагъ обратилъ вниманіе на него; но это вниманіе еще болѣе возросло послѣ того какъ Германскій императоръ сталъ обнару-

живать благоразуміе во всемъ. Онъ не сталъ терпѣть никакихъ разногласій между членами своего правительства, и поэтому уволилъ одновременно и Капривн, и Эйленбурга. Императоръ Вильгельмъ желаетъ быть самъ своимъ первымъ министромъ, какъ это дѣлалъ Александръ III. При этомъ онъ обнаруживаетъ миролюбіе, несмотря на сохраненіе условій тройственнаго союза.

Нѣкоторый диссонансъ въ этотъ мирный аккордъ вносятъ заявленія лорда Розберри, «необъяснимыя со стороны представителя британской политики».

По этому поводу газета замѣчаетъ:

«Пора возвратиться къ болѣе спокойному, болѣе умѣренному тону, если не желаютъ компрометтировать идей и дѣла, торжеству коего одинаково посвятили себя Александръ III и Франція.

«Конечно, вмѣстѣ съ Царемъ исчезъ существенный факторъ общаго мира. Лишь цѣной благоразумія и безграничной осмотрительности, въ поступкахъ и словахъ, главы государства сохранятъ миръ, за который они отвѣтственны предъ цивилизованнымъ міромъ.

«Теперь болѣе чѣмъ когда-либо необходимо быть мудрымъ. Болѣе чѣмъ когда-либо теперь настало время, по выраженію Талейрана, быть «добрыми Европейцами.»»

Затѣмъ слѣдуетъ статья г. Поля Рокера, излагающая жизнь и дѣятельность почившаго Государя. Вотъ ея заключительныя слова:

«Двѣ націи нынѣ оплакиваютъ Царя Александра III, вершителя и убѣжденнаго апостола мира, Коего признательные народы уже поставили отнынѣ въ ряду благодѣтелей всего человѣчества.»

Слѣдующая статья, озаглавленная «Кончина Царя» (авторъ этой статьи Луи Шнейдеръ), заканчивается такими трогательными словами:

«Вся Франція поражена. Всюду спущенные траурные флаги. Всюду манифестаціи съ выраженіемъ соболѣзнованія. Но истинное горе скрыто въ сердцахъ, — и предъ симпатичнымъ и величественнымъ образомъ Русскаго Императора, ставшимъ столь популярнымъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашей дорогой родины, теперь всюду льются слезы, одновременно—и горькія, и сладкія.

«Преклонимся почтительно предъ гробомъ Друга, дадимъ волю нашимъ слезамъ. Нѣтъ ужь болѣе Того Кто подалъ намъ руку въ тотъ моментъ, когда всѣ отъ насъ отворачивались. Почтимъ же Его знаками уваженія и благоговѣйными воспоминаніями!»

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 299.)

КОПЕНГАГЕНЪ, 3 ноября (22 октября).

Роковая вѣсть о смерти Государя Императора была получена въ Копенгагенѣ въ 5 часовъ вечера того же дня. Тотчасъ же по полученіи офиціальной телеграммы, мѣстныя газеты выпустили экстренные листки, которые немедленно были расхвачены публикой. Народъ на улицахъ собирался толпами, обсуждая горестное событіе. Въ теченіе всего вечера вездѣ только и слышались разговоры о кончинѣ Русскаго Монарха, вызвавшей здѣсь неподдѣльную скорбь и искреннее сожалѣніе всѣхъ классовъ населенія. Въ этотъ вечеръ больше чѣмъ когда-либо обнаружилось какою громадною популярностью пользовался Государь у Копенгагенцевъ: портреты, бюсты, фотографическія карточки Покойнаго раскупались нарасхватъ, во многихъ мѣстахъ появились приспущенные и перевязанные чернымъ крепомъ флаги. Всѣ газеты посвятили этому событію обширныя статьи, большею частію украшенныя портретами Усопшаго Государя и Царствующаго Преемника Его. Въ этихъ статьяхъ выставляются высокія личныя достоинства Покойнаго, какъ Монарха и человѣка, и отношеніе къ Датскому Королевскому Дому и всему населенію Копенгагена.

Королевская чета и принцъ Вальдемаръ все еще продолжаютъ жить въ Бернсторфѣ, семья же кронъ-принца только нѣсколько дней тому назадъ переѣхала въ Копенгагенъ, вѣроятно, вслѣдствіе предстоявшаго 31 октября дня своего рожденія, который, впрочемъ, по случаю семейнаго горя, праздновался въ этомъ году en famille. Въ Бернсторфѣ, гдѣ въ послѣднее время получались телеграммы и письма непосредственно отъ Императрицы, роковая вѣсть о кончинѣ Государя получена была еще въ 4½ часа. Она прибыла непосредственно къ Королю, который тотчасъ же и сообщилъ объ этомъ Королевѣ. Хотя эта вѣсть не была совсѣмъ неожиданною, тѣмъ не менѣе она произвела удручающее впечатлѣніе на маститую Королевскую Чету и, въ особенности, на Королеву. Во дворцѣ воцарилась гробовая тишина. Немедленно былъ приспущенъ флагъ, и придворные сами наложили на себя трауръ.

Не менѣе тяжелое настроеніе было въ этотъ день и во дворцѣ кронъ-принца. Еще полученныя предъ обѣдомъ телеграммы предвѣщали совершившееся; тѣмъ не менѣе, роковая депеша телеграфнаго бюро, вскорѣ затѣмъ подтвержденная и телефономъ изъ Бернсторфа, сильно поразила семью кронъ-принца. Особенно поражены были этою вѣстью дѣти кронъ-принца, которыя, узнавъ о томъ что они лишились своего любимаго и

любившаго ихъ «дяди Александра» заплакали навзрыдъ. Вечеромъ того же дня наслѣдная чета со всѣми дѣтьми отправилась въ Бернсторфъ къ своимъ родителямъ для совѣщанія о томъ кому изъ королевской фамиліи ѣхать въ Россію. Въ моемъ предыдущемъ письмѣ я уже сообщилъ вамъ что еще нѣсколько недѣль тому назадъ Король былъ твердо намѣренъ отправиться въ Ливадію, но, вслѣдствіе сильнаго настоянія окружающихъ, долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Теперь же онъ безповоротно рѣшилъ выполнить свое желаніе, которое на этотъ разъ, какъ говорятъ, было одобрено и Королевою, и, какъ вы уже, вѣроятно, знаете, онъ вмѣстѣ съ принцемъ Вальдемаромъ въ настоящее время находится на пути въ Россію.

Въ русскомъ посольствѣ офиціальное извѣстіе отъ министра Иностранныхъ Дѣлъ получено было нѣсколько позже, но о немъ узнали здѣсь раньше. Въ теченіе всего вечера въ посольство стекались министры, иностранные послы и высшія административныя лица для выраженія своего сердечнаго соболѣзнованія. Вчера, въ 11 час. утра, въ русской посольской церкви была отслужена паннихида въ присутствіи всѣхъ членовъ Королевской фамиліи. Всѣ мѣстные театры закрыты.

P. S. Изъ Стокгольма телеграфируютъ: Шведскій король Оскаръ II, наслѣдный принцъ и принцъ Карлъ лично явились къ русскому послу Зиновьеву для выраженія соболѣзнованія. Отъ имени Шведской королевы у посла былъ съ визитомъ камергеръ фонъ-Штакепстремъ. При шведскомъ и норвежскомъ дворахъ наложенъ трауръ на 3 недѣли. Завтра будетъ отслужена паннихида въ мѣстной русской посольской церкви.

* * *

Кончина Александра III и парламентъ.

(Моск. Вѣд. № 299.)

Подъ такимъ заглавіемъ *Temps* помѣщаетъ передовую статью по поводу отношенія французскаго парламента къ кончинѣ Царя:

«Всѣ патріоты будутъ благодарны палатамъ за сдѣланную ими прекрасную и достойную манифестацію въ честь памяти Царя Александра III. И въ Люксембургскомъ, и въ Бурбонскомъ дворцахъ все было превосходно: и письмо президента совѣта министровъ, и рѣчи гг. Шаллемель-Лакура и Бюрдо, и поведеніе обѣихъ палатъ. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь не было ни правой, ни центра, ни лѣвой; были лишь представители великой націи умѣющіе подчинять повседневные раздоры и несогласія

высшей идеѣ отечества. Лучше чѣмъ это сдѣлали гг. Шалламель-Лакуръ и Бюрдо нельзя выразить чувства благоговѣйнаго уваженія которыя весь цивилизованный міръ питалъ къ Почившему Царю. Въ ряду восхваленій посылаемыхъ на гробъ Александра III и народами, и правительствами, нѣтъ ни одного, даже затаеннаго, протеста. Склоняясь предъ Его благороднымъ образомъ, мы съ удовольствіемъ признаемъ въ немъ Государя добровольно ставшаго нашимъ Другомъ и оставшагося таковымъ до послѣдняго вздоха. Не погибла, не ослабѣла та нація которая сумѣла заслужить столь высокія симпатіи. Посему, въ то время какъ весь міръ прославляетъ благородство характера и справедливость сужденій Александра III, да будетъ намъ позволено припомнить что на нашу страну выпала особая привилегія со стороны и Его справедливости, и характера. У Франціи есть, во всѣхъ отношеніяхъ, особенные поводы прибавить нѣчто большее къ офиціальному соболѣзнованію нашего правительства и нашей дипломатіи. Было необходимо подвести общій итогъ изъявленіямъ народной скорби. Наши сенатъ и палата депутатовъ нашли точное выраженіе чувствъ испытываемыхъ нынѣ всѣми нами. Двойная манифестація парламента, гдѣ по большей части обсуждаются лишь внутреннія дѣла, означаетъ что горе Россіи проникло прямо въ глубину нашей души.»

Народныя манифестаціи памяти Александра III.

Ежедневно изъ Франціи отправляется множество телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія со стороны всевозможныхъ учрежденій. Эти телеграммы и адресы отправляются или Императору Николаю II, или вдовствующей Императрицѣ, или же русскому послу въ Парижѣ. Вѣроятно, во Франціи не найдется ни одного города, отъ котораго не было бы послано телеграммы или адреса.

Отвѣты на телеграммы и адресы слѣдуютъ весьма быстро, причемъ многія учрежденія удостоиваются отвѣта лично отъ Государя Императора; весьма благосклонную телеграмму получилъ Ліонскій муниципалитетъ.

Вѣнковъ для отправки въ Петербургъ заготовляется множество. Министръ иностранныхъ дѣлъ, г. Гапото, устроилъ пріемъ всѣхъ вѣнковъ въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь вѣнки будутъ приниматься до 12 часовъ дня среды наступающей недѣли, послѣ чего будутъ отправлены на счетъ министерства съ экстреннымъ поѣздомъ въ Петербургъ.

Кончина Государя дала поводъ къ обмѣну симпатій и между представителями арміи и флота. 111-й линейный полкъ, находящійся въ Тулонѣ, послалъ телеграмму съ выраженіемъ соболѣзнованія русскому 111 пѣхотному полку, отъ котораго французскіе солдаты получили слѣдующій отвѣтъ:

«Спасибо, братцы! Великое горе обнаруживаетъ дружескія сердца. Мы плачемъ и падѣемся на милость Божію. *Полковникъ Селивановъ.*»

Г. Атту-Тельфе внесъ въ бюро парижскаго муниципальнаго совѣта покрытое 500 подписями предложеніе поставить на площади Согласія, или на иной парижской площади, траурный катафалкъ въ день погребенія Императора Александра III. Предъ этимъ катафалкомъ въ теченіе всего дня будетъ дефилировать публика.

Въ Дюнкирхенѣ муниципальный совѣтъ постановилъ переименовать улицу Капуциновъ въ улицу Императора Александра III. Это постановленіе состоялось вслѣдствіе предложенія городскаго мера Альфреда Дюмона.

* * *

(*Моск. Вѣд. № 301.*)

ВѢНА, 5 ноября.

Сегодня состоялось первое, послѣ полученія въ Вѣнѣ грустнаго извѣстія о преждевременной кончинѣ Государя Императора Александра III, засѣданіе рейхсрата, и президентъ его, баронъ Хлумецкій, открывая это засѣданіе, счелъ долгомъ посвятить памяти въ Бозѣ почившаго Монарха прочувствованное слово. Онъ сказалъ:

«Европа оплакиваетъ кончину Русскаго Царя Александра III. (*Всѣ депутаты, кромѣ Поляка Леваковскаго, полномочнаго города Львова, встаютъ со своихъ мѣстъ и остаются на ногахъ до конца рѣчи.*) Еще недавно въ полномъ обладаніи Своихъ физическихъ силъ и власти, управляя судьбами Своего пензмѣримаго государства и участвуя въ опредѣленіи хода всемірной исторіи, — постигнутый предательскою болѣзнью Царь, послѣ тяжкихъ, геройски перенесенныхъ страданій, былъ похищенъ неумолимою, ни предъ кѣмъ не останавливающеюся смертью. Весь міръ встрѣтилъ это грустное событіе съ теплѣйшимъ участіемъ, и уже общечеловѣческое чувство вызываетъ въ груди каждаго изъ насъ глубокое соболѣзнованіе. Но въ Усопшемъ мы оплакиваемъ также вѣрнаго друга нашего возлюбленнаго

монарха и обожаемыхъ членовъ императорскаго дома: всѣмъ имъ эта утрата будетъ особенно тяжела, а народы Австріи и съ ними всѣ мы дѣлимъ печаль которая причиняется нашему императору, нашему императорскому дому. Незабвеннымъ останется Австріи и то, что отошедшій въ вѣчность Царь былъ вѣрнымъ оплотомъ общаго мира, сохраненіе котораго Онъ дѣятельно оберегалъ со всею мощью Своей полновластной Особы. Европа благодарна. Ему за это, и Его Августѣйшій Преемникъ съ правомъ можетъ объ этомъ вѣщать Своему народу. Мы чтимъ память Усопшаго какъ олицетвореніе мира и съ радостью признаемъ самымъ прекраснымъ Его завѣтомъ, что Онъ оставилъ Своему народу, а вмѣстѣ съ нимъ всѣмъ цивилизованнымъ народамъ земнаго шара, благословенія мира. Вставаніемъ со своихъ мѣстъ вы выразили ваше согласіе съ моими словами и рѣшасте чтобъ это выраженіе печали со стороны палаты депутатовъ на вѣчную память было занесено въ протоколъ.» (*Общее одобреніе.*)

Едва баронъ Хлумецкій успѣлъ окончить свою рѣчь, какъ случилось нѣчто такое чего никто ожидать не могъ, и что всѣхъ привело въ крайнее смущеніе, а многихъ въ неописуемый гнѣвъ.

Сидѣвшій во все время рѣчи демонстративно на своемъ мѣстѣ, Dr Леваковскій, заядлый польскій шовинистъ и непримиримый врагъ всего русскаго, вдругъ вскочилъ со своего мѣста и громко закричалъ:

— Прошу слова!

— Я никому не дамъ слова! отвѣтилъ баронъ Хлумецкій.

— Я протестую отъ имени угнетеннаго (кѣмъ?!) Польскаго народа противъ этой манифестаціи... еще пепстовѣе закричалъ Dr Леваковскій. Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но всѣ Славяне подняли такой страшный шумъ и съ такою яростію бросились въ сторону Поляковъ, что Dr Леваковскій, окруженный Поляками, долженъ былъ замолчать. Среди общаго шума можно было разобрать только одну фразу раздававшуюся со многихъ сторонъ:

— Смотрите на этихъ варваровъ, — они не чтятъ даже смерти.

Шумъ и возбужденное состояніе всѣхъ депутатовъ улеглись не скоро. Поляки имѣли скорѣе растерянный и испуганный чѣмъ возмущенный видъ.

Всѣ ожидали, что Польскій клубъ немедленно отвѣтитъ что-нибудь и постарается ослабить тяжелое впечатлѣніе, произведенное возмутительною и безнравственною выходкой Dr Леваковскаго; но ничего подобнаго не случилось. Думали также что клубъ немедленно исключитъ Dr Леваковскаго изъ своей среды.

Но и этого не случилось. Клубъ всего только постановилъ напечатать въ газетахъ извѣстное уже вашимъ читателямъ изъ моей телеграммы заявленіе.

Общее мнѣніе здѣсь таково, что Поляки въ душѣ хотя и не очень рады случившемуся скандалу, но также и не очень огорчены имъ. Сдѣлать за эту возмутительно варварскую выходку Dr Леваковскаго отвѣтственнымъ весь Польскій народъ, конечно, невозможно. Но Польскій клубъ, оставляя Dr Леваковскаго въ своей средѣ, долженъ вмѣстѣ съ нимъ нести и отвѣтственность, и никакія красивыя *слова* не смоютъ съ него этой отвѣтственности.

Черногорія.

(*Моск. Вѣд. № 302.*)

МАНИФЕСТЪ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Въ полученномъ нами сегодня нумерѣ *Гласа Черногорца*, отъ 22 октября, въ траурныхъ рамкахъ, напечатанъ слѣдующій манифестъ князя Николая:

«Моему дорогому народу.

«Всемогущій Богъ, Святой Промыслъ Котораго непостижимъ, призвалъ подъ свое крыло моего и вашего Величайшаго Друга и Покровителя. Его Величество Царь Александръ III послѣ тяжкой болѣзни преставился въ Ливадіи, 20 октября.

«Эта тяжелая вѣсть поражаетъ не только меня и васъ, но и весь міръ, все человѣчество, ибо Великій Покойникъ родился для добра и мира всего міра.

«Исторія міра не запомнитъ человѣка, муропомазанника Божія, Который, какъ Онъ, съ бо́льшимъ самопожертвованіемъ посвятилъ бы благу человѣчества Свое сердце, Свою жизнь, Свои мысли, Свое неисчислимое оружіе; равнымъ образомъ, исторія Славянства не знаетъ болѣе вѣрнаго Носителя и Осуществителя славянской мысли. Его идеи и святость Его стремленій въ теченіе тринадцатилѣтняго царствованія затупили мечъ истребителей въ рукахъ искателей тщетной славы. Послѣ него одѣнутся въ трауръ не только Россія, не только всѣ православные, не только опечаленное Славянство, но и всякая человѣческая душа, вѣрующая въ Бога и любящая миръ.

«Черногорцы,—Это страшное испытаніе, которое постигло весь міръ вообще, въ частности же Россію и Черногорію

соединенную съ Россіей единою славянскою мыслію, единою православною вѣрой и благодѣяніями вѣковаго покровительства, претерпите какъ люди, какъ христіане. Честь человѣчеству, честь племени Славянскому что оно родило столь великаго Сына, какимъ былъ Александръ III. Честь и хвала великой Россіи что ея Царь былъ благимъ защитникомъ мира и блага человѣчества. Честь и для насъ, Черногорцевъ, составляетъ незабвенная и неоцѣнимая любовь и дружба Его. Всякій умираетъ, Царь и нищій, но благо тому кто много добра совершилъ въ этомъ мірѣ: благо душѣ Великаго Царя, такъ какъ никто не совершилъ столько добра, сколько Онъ.

«Черногорцы,—Эта страшная потеря неизмѣрима для каждаго, но не слѣдуетъ чтобы мы хоть на мгновеніе предавались сомнѣнію относительно блага Россіи и нашего. Богъ, поставляющій царей и раздающій короны, вѣнчаетъ нынѣ главу молодаго Царя, Николая Александровича, праотеческою короной. Нашъ Славянскій народъ молодой, буйный, онъ жаждетъ успѣховъ, но когда наступятъ дни искушенія, лучше умѣетъ собраться съ силами, чѣмъ иные народы. Онъ, я твердо увѣренъ въ этомъ, соберется нынѣ, болѣе чѣмъ когда-нибудь въ иное время, вокругъ Молодаго Царя, чтобы помочь Ему осуществить великую задачу и священные завѣты Его Родителя.

«Черногорцы,—Чѣмъ былъ для меня Александръ III, вы всѣ знаете. Можете понять, сколько я теряю вмѣстѣ съ нимъ. Но, слава Богу, Царь Николай, какъ достойный сынъ, вѣрный родительскимъ завѣтамъ, сохранитъ для меня и моего сына тѣ же благоволеніе, любовь и покровительство, которыми мы пользовались при въ Бозѣ почившемъ Его Родителѣ.

«Да будетъ благословенна память Великаго Царя! Да здравствуетъ Царь Николай! Да здравствуетъ Россія!

«*Николай.*»

«Данъ въ моемъ престольномъ градѣ, Цетиньѣ, 21 октября 1894 года.»

Франція.

(*Моск Вѣд. № 302.*)

Всѣ меры отдѣльныхъ округовъ Парижа и ихъ помощники обратились къ русскому послу барону Морентейму съ адресомъ, въ которомъ просятъ, отъ имени парижскаго населенія, передать Ихъ Величествамъ Императору Николаю II и Вдовствующей Императрицѣ выраженія глубокой печали. «Всѣ

французскія сердца, говорится въ адресѣ, присоединяются къ горю Россіи. Исторія не забудетъ Августѣйшаго Монарха, чрезъ братское единеніе двухъ народовъ обезпечившаго міру блага мира.»

Муниципальные совѣты городовъ Бордо, Руана и Лилля, принявъ предложеніе меровъ объ отправленіи телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія, 9 ноября, тотчасъ же, въ знакъ траура, закрыли засѣданія.

Въ воскресенье, въ 3 часа дня, въ соборѣ Парижской Богоматери назначено было торжественное заупокойное служеніе по Императорѣ Александрѣ III. Это служеніе долженъ былъ совершать самъ кардиналъ-архіепископъ, въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. На немъ должны были, согласно рѣшенію совѣта министровъ, присутствовать: отъ лица президента республики — начальникъ его военной свиты генералъ Беррюйе; отъ президента совѣта министровъ—начальникъ кабинета Адріанъ Дюпюи и отъ министра иностранныхъ дѣлъ—графъ де Буркенэ.

Назначая это служеніе, кардиналъ-архіепископъ Парижскій обратился къ паствѣ съ посланіемъ, въ которомъ обращаютъ вниманіе слѣдующія мѣста:

«Въ минувшемъ году, когда Франція съ такимъ энтузіазмомъ привѣтствовала прибывшихъ посѣтить насъ Русскихъ, на выраженныя намъ отовсюду пожеланія мы отвѣтили назначеніемъ торжественныхъ моленій въ церкви Voeu national, на Монмартрѣ. Парижское населеніе, со свойственнымъ ему пониманіемъ соціальныхъ требованій и французскихъ традицій, признало что религіозный актъ необходимъ для санкціонированія и освященія союза двухъ великихъ націй. 22 октября, въ воскресенье, въ означенной базиликѣ тѣснилась толпа для слушанія благодарственнаго молебствія. Россія выказала живую признательность, а Царь, чрезъ Своего посла, благодарилъ насъ за молитвы вознесенныя о преуспѣяніи обѣихъ націй.

«Со своей стороны,—продолжаетъ кардиналъ,—мы видимъ въ этомъ союзѣ двухъ великихъ народовъ тайное дѣйствіе Провидѣнія, которое, какъ кажется, уготовляетъ въ нашу эпоху согласіе народовъ въ вѣрѣ и милосердіи...

«И кто могъ бы предугадать что за днями радости и надежды обѣихъ націй такъ скоро наступятъ дни горя и печали?

«При постигшемъ насъ неожиданномъ ударѣ, народы и отдѣльныя лица должны возвести свои взоры къ Богу и молитвой за плачущихъ укрѣпить ихъ надежду на всесильнаго и всеблагаго Правителя міра... Вся Франція взволнована горемъ которое нанесла Россіи кончина Царя. Еще сильнѣе чѣмъ

при прошлогодних праздествах, теперь, во время общаго горя, Франція выражаетъ желаніе собраться у подножія алтарей и молить Бога чтобъ Онъ утѣшилъ Вдову Почившаго и всю Императорскую Семью, чтобы содѣлалъ начинающееся царствованіе счастливымъ и успѣшнымъ для обѣихъ дружественныхъ націй.

«Мы отвѣчаемъ лишь желаніямъ Франціи, приглашая васъ въ ближайшее воскресенье въ соборъ Богоматери. Болѣе чѣмъ когда-либо, мы будемъ молить Господа, да укрѣпитъ и благословитъ Онъ дружбу Россіи и Франціи... Закончимъ сообщеніемъ словъ папы Льва XIII: ««Минувшее столѣтіе оставило Европу «утомленную бѣдствіями, конвульсивно содрогающуюся. Наоборотъ, конецъ текущаго столѣтія не дастъ ли въ наслѣдство «человѣчеству нѣкоторые залоги согласія и надежду на вели«кія благодѣянія которыя обѣщаетъ единство христіанской «вѣры?»»

«Пусть же Россія и Франція, соединенныя Божіею рукой, вмѣстѣ трудятся для осуществленія великихъ предначертаній Божественнаго Промысла!»

Пѣсни простаго народа во Франціи.

(*Моск. Вѣд. № 304.*)

Эмиль Берръ помѣстилъ въ журналѣ *L'Écho de la semaine* статью, озаглавленную «Ce qui se chante», показывающую лучше всякихъ описаній тѣ чувства которыми исполненъ теперь благодарный и благородный Французскій народъ по отношенію къ своему великодушному усопшему Заступнику.

Парижъ, — пишетъ Берръ, — получилъ печальную вѣсть о кончинѣ Государя въ четвергъ, 1 ноября (20 октября) вечеромъ, уже въ пятницу вечеромъ, чрезъ 24 часа по полученіи телеграммы, въ окнахъ маленькихъ книжныхъ лавокъ, торгующихъ народными изданіями, и въ газетныхъ кіоскахъ лежали тексты семи, а можетъ-быть и больше пѣсенъ, въ которыхъ ихъ безызвѣстные народные авторы воспѣваютъ великое постигшее Францію горе.

Пѣсни эти, говоритъ Берръ, не поражаютъ изяществомъ слога, или особою талантливостью; но онѣ исполнены столь теплаго чувства что не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что слагавшіе ихъ уличные пѣвцы поютъ отъ души и вливаютъ въ свои пѣсни чувства одушевляющія весь народъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, по словамъ того же автора, поражаютъ своею

наивностью, но именно въ такихъ-то нескладныхъ, неумѣлыхъ пѣснях особенно характерно и горячо выливается народное горе.

Я подивился, говоритъ Берръ, тому что народъ черезъ своихъ любимыхъ пѣвцовъ такъ горячо и такъ разнообразно оплакиваетъ Государя чуждой страны. «Подождите, то ли еще будетъ, замѣтилъ ему продавецъ; понавѣдайтесь въ попедѣльникъ, тогда подивитесь еще болѣе.» И дѣйствительно, въ попедѣльникъ число народныхъ пѣсенъ, оплакивавшихъ кончину Государя, считалось уже десятками; онѣ печатались, украшенныя разными аллегорическими изображеніями, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и Берръ считаетъ число тѣхъ лицъ, которыя прочтутъ, споютъ эти выраженія народной скорби милліонами!

Вотъ, со словъ Берра, нѣкоторые отрывки изъ этихъ пѣсенъ.

Изъ пѣсни «Франція въ траурѣ» (France en deuil, поется на мотивъ народной пѣсни «Le Peuplier, de Darcier»):

Sa force était pour le bon droit,
Son coeur était tout à la France.
Lui seul nous fit accueil
Aux heures de souffrance:
Portons son deuil! *)

Изъ пѣсни о прощаніи Франціи съ Царемъ — «Les Adieux de la France au Tsar»:

Ce noble Tsar, d'une terrible crise
Vint de nous sauver dans un jour de malheur;
A ce moment, pauvre France meurtrie,
Autour de toi menaçait le danger,
Quand le Lion de la fière Russie
Para ton sein des coups de l'étranger. **)

Изъ пѣсни «Pleurons tous l'Ami de la France»:

Le Tsar, en maintes circonstances,
Affirma Son amour pour nous.
Bons citoyens, tombons à genoux
Et pleurons l'Ami de la France. ***)

Нѣкоторыя пѣсни очень трогательно и наивно сочувствуютъ горю Государыни; вотъ примѣръ изъ пѣсни «L'alliance en deuil»:

---

*) Его могущество было направлено къ справедливости, а сердце — ко Франціи. Въ часы страданій только одинъ Онъ былъ къ намъ благосклоненъ. Будемъ же горевать о Немъ!

**) Во дни бѣдствія этотъ благородный Царь спасъ насъ отъ ужаснаго кризиса. Бѣдная, измученная Франція, вокругъ тебя все грозило опасностью въ тотъ моментъ, когда храбрый Русскій Левъ отклонилъ отъ твоей груди удары иностранца.

***) Царь во многихъ случаяхъ выразилъ Свою любовь къ намъ. Добрые граждане! Упадемъ на колѣна и будемъ оплакивать Друга Франціи!

Pour consoler la vaillante Tsarine
Et Ses Enfants orphelins par trop tôt,
Plaignons le sort de la noble Héroine
Comme celui de madame Carnot! *)

Всѣ пѣсни проникнуты неслыханнымъ, рѣдкимъ во французской народной пѣснѣ отсутствіемъ шовинизма и стремленіемъ къ миролюбію. Это же стремленіе къ миру французскіе пѣвцы видятъ и въ нынѣшнемъ Государѣ, Котораго они умоляютъ не оставлять политики Своего Великаго Отца. Вотъ отрывки изъ такихъ пѣсенъ:

Изъ «Regrets à l'Empereur», поющейся на мотивъ народной пѣсни «Deuil de la Patrie»:

Il a légué Son oeuvre sainte, immense,
Au noble Fils formé par Son labeur
Et dont la tache aux jours de deuil commence! **)

Вотъ еще подобный отрывокъ:

Le Fils suivra l'exemple de Son Père:
Nos deux pays sont unis à jamais!
Notre union resplendira, prospère,
Dans le travail, le bonheur et la paix! ***)

Нельзя не согласиться съ Берромъ, который заканчиваетъ свою интересную и симпатичную статью восклицаніемъ:

«Вотъ добрая и здоровая пропаганда; да здравствуетъ пѣсня въ два су, поющая такъ справедливо!»

---

*) Чтобъ утѣшить доблестную Царицу и Ея преждевременно оспротѣвшихъ Дѣтей, пожалѣемъ о судьбѣ благородной Героини, такъ же какъ жалѣемъ о судьбѣ г-жи Карно.

**) Своему благородному Сыну, воспитанному Его подвигомъ, Онъ завѣщалъ святое, безмѣрно великое дѣло; исполненіе этого завѣта для Сына начинается въ дни траура.

***) Сынъ послѣдуетъ примѣру Своего Отца; наши страны соединены навсегда! Наше единеніе будетъ блистать и преуспѣвать въ трудѣ, счастіи и мирѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ.

Знаменіе времени*).

(*Моск. Вѣд. № 287.*)

Глубокій кризисъ, который сто лѣтъ тому назадъ переживала Европа, нагляднѣе всего сказался въ крушеніи монархіи. Европа выросла на монархическомъ принципѣ. Имена ея великихъ королей и императоровъ неразрывно связаны со всѣми центрами ея культуры, со всѣми усовершенствованіями общественной жизни, со всѣми даже отклоненіями народовъ съ пути правильнаго развитія, со всею жизнью ихъ, въ счастьѣ и горѣ.

Отреченіе отъ монархическаго принципа было отреченіемъ отъ исторіи. Произошло ли оно безъ вины представителей покидаемаго принципа? Этого никогда не бываетъ. Но какъ бы то ни было, отреченіе проявилось въ такихъ рѣзкихъ формахъ, такъ рѣшительно, казалось, какъ этого еще и не бывало въ исторіи борьбы смѣняющихся основныхъ формъ власти. Демократія, со знаменемъ *народа*, который былъ сплоченъ только королевскою властью, начала новую эру убійствомъ мученика, не имѣвшаго иной вины, кромѣ своего священнаго сана и столѣтій связывавшихъ судьбы рода его съ судьбами націи. Демократическій фанатизмъ гласно заявилъ на цареубійственномъ «судѣ» что для приговора по такому обвиненію не нужно ничего, кромѣ «констатированія личности».

Далѣе некуда идти въ разрывѣ. Это не разрывъ, не отреченіе, это заявленіе несовмѣстимости существованій. И народы,

---

*) Эту передовую № 287 *Моск. Вѣд.* авторъ перепечаталъ въ *Русск. Обозр.* (ноябрь) подъ названіемъ „Великій примѣръ“.

казалось, приняли приговоръ, произнесенный передовою интеллигенціей надъ освященнымъ вѣками принципомъ.

Съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ новая эра топила послѣдніе слѣды ниспроверженнаго величія въ рѣкахъ народной крови и наложила печать свою на цѣлое столѣтіе.

И вотъ, наконецъ, міръ преобразованъ на новыхъ началахъ. По всѣмъ странамъ Европы монархическій принципъ или вырванъ съ корнемъ, или доведенъ до состоянія блѣдной, безсильной тѣни. Вездѣ народная воля составляетъ верховный законъ, вездѣ судьбами народовъ руководятъ выборные представители націи, вездѣ государственные люди создаются тѣмъ путемъ, который по теоріи долженъ отдать судьбы націй въ руки «цвѣта населенія».

Все это сдѣлано уже, упрочено, вошло въ привычную колею, когда традиція охраняетъ даже и плохой порядокъ. Лишь далеко, на границахъ Азіи, удержался «полуварварскій» народъ, не примкнувшій безъ оглядки къ теченію вѣка и сохранившій вѣрность своимъ извѣчнымъ самодержавнымъ государямъ. Снисходительно относясь къ его «отсталости», просвѣщенная Европа, конечно, не допускала и мысли о томъ, чтобъ ея «усовершенствованный» строй охранялъ свободу и безопасность народовъ менѣе прочно, чѣмъ эти «остатки», какъ казалось ей, «средневѣковаго абсолютизма».

Но вотъ происходитъ нѣчто неожиданное, чего нельзя было и представить себѣ всего лѣтъ 20 тому назадъ. Европа охвачена страхомъ за будущее, она молится въ своихъ храмахъ, она единодушно обращаетъ свои взгляды на Востокъ... Что же случилось? Не идутъ ли съ варварскаго Востока орды дикихъ казаковъ, грозящихъ нарушить мирное существованіе просвѣщенныхъ странъ?

Нѣтъ Не до набѣговъ на цвѣтущія поля Европы этому Востоку, который погруженъ въ свое тяжкое горе. Съ быстротой, невѣдомою прошлому, наши телеграфы, телефоны, желѣзныя дороги, отряды репортеровъ и милліоны газетныхъ листковъ— нарисовали предъ глазами народовъ картину, наполнившую сердца страхомъ и сожалѣніемъ.

Тамъ, на крайнемъ Югѣ далекой Россіи, подъ голубымъ небомъ Ливадіи, облитой золотыми лучами нехладѣющаго солнца, на берегу задумчиво плещущаго моря, то страшнаго въ своей грозѣ, какъ справедливый гнѣвъ Царя, то чарующаго кротостью, какъ Царская милость,—въ этомъ цвѣтущемъ уголкѣ, достойномъ царственнаго отдыха, европейскій міръ увидѣлъ Державнаго Страдальца, борющагося съ мучительнымъ недугомъ. Задумчивы лица свѣтилъ медицинской науки, окружающихъ Царственный

одрѣ; кругомъ слышатся уже сдержанныя рыданія. Могучи силы, которымъ ввѣрена была тяжесть Самодержавнаго бремени, но страшна и безжалостна болѣзнь. И вотъ невольный трепетъ охватилъ сердца народовъ.

Они боятся не Царя, вставшаго во всей силѣ и крѣпости, посреди восторженныхъ кликовъ стомилліоннаго вѣрнаго народа. Они приходятъ въ страхъ при мысли: что̀ станется съ ними *безъ Царя?*

Глубокій смыслъ представляетъ взрывъ симпатій и страха, неудержимо охватившихъ Европу въ эту роковую минуту.

Безъ сомнѣнія, чистая и высокая личность недугующаго Самодержца не могла не вызывать симпатій. Но откуда страхъ за будущее? Что́ же дѣлаютъ, однако, «усовершенствованныя» формы правленія, народные представители, «отвѣтственные» министры и весь прочій аппаратъ политическаго прогресса? Или все это не успокаиваетъ народы, не вселяетъ въ нихъ увѣренности въ спокойное будущее? Народы хотятъ мира. Но вѣдь у нихъ, какъ слышно, всѣмъ править «народная воля». Если они хотятъ мира, то кто же броситъ ихъ въ раздоры войны?

На эти вопросы еще немногіе отвѣтятъ сознательно.

Но всенародное чувство Европы, въ которомъ такъ слились страхъ за будущее, очевидная любовь и трогательное довѣріе къ Самодержавному Хранителю мира, само составляетъ отвѣтъ, въ смыслѣ котораго нѣтъ сомнѣній. Глазомѣръ народовъ, очевидно, уже начинаетъ различать обманъ теоріи, которая подъ фальшивымъ видомъ господства «народной воли» осуждаетъ желанія народовъ на самую жалкую роль въ ихъ политической жизни. Народы начинаютъ чувствовать, что ихъ провели такъ же, какъ монарховъ. Теорія, которая создала королей «царствующихъ», но не управляющихъ, поработила и націи, давъ имъ такую же фиктивную, на словахъ царствующую, на дѣлѣ попираемую «народную волю». Много разочарованій вынесли европейскіе народы застолѣтній опытъ конституцій и республикъ и уже смутно чувствуютъ, что во всей этой траги-комедіи всемірной исторіи выиграла только политиканствующая интеллигенція, разъединившая вѣковѣчныя связи монарховъ и народовъ. Этотъ опытъ такъ поучителенъ что, казалось, ужь не разъ, еслибы только народы Европы увидали передъ собою *настоящаго* монарха, который умѣлъ бы имъ напомнить величіе монархическаго идеала, они бы давно, можетъ-быть, бросили подъ ноги его всѣхъ своихъ бунтовщиковъ и измѣнниковъ. Но десятилѣтія шли за десятилѣтіями, и не являлся для воскресенія народнаго чувства ни Карлъ Великій, ни Фридрихъ Барбаросса. И откуда было имъ явиться? Силенъ духъ времени,

глубоко проникла власть новыхъ повелителей «свободныхъ» народовъ. Они и правятъ, и дѣлаютъ общественное мнѣніе, и исторію пишутъ и заставляютъ дѣтей народа заучивать въ школахъ всѣ свои выдумки и клеветы на павшій строй. Они своимъ нравственнымъ давленіемъ подрываютъ вѣру въ монархію даже въ дѣтяхъ королевскихъ родовъ, въ зародышѣ подрывая всякую возможность ниспроверженія своего господства. Они манятъ народы обманчивыми перспективами, увлекаютъ ихъ все далѣе къ такимъ опытамъ, въ которыхъ ставится на карту вся достигнутая культура, лишь бы только народы не вспомнили того прошлаго, когда природные монархи твердо руководили ихъ судьбами.

Такъ шли десятилѣтія, прошло столѣтіе.

И вотъ, на холодномъ сѣверѣ, въ годину ужаса и скорби, впервые явился предъ Европой Тотъ, Кого провожаютъ нынѣ въ могилу эти слезы, эти всемірныя благословенія. Нечего напоминать, знаемъ мы, знаетъ и Европа, *какъ* встрѣтили Его тогда всѣ, кому страшно воскресеніе монархическаго принципа. Всѣ помнятъ, какъ старались эти паразиты политической смуты оклеветать и обезсилить Его. Не было еще монарха, противъ котораго враги пустили бы сразу столько низкихъ средствъ оклеветанія. Они какъ будто чувствовали, *Кто* является въ міръ. Но Онъ пошелъ своимъ путемъ, какъ настоящій Самодержецъ, съ неколебимою вѣрой въ свой священный принципъ, съ безусловною покорностью волѣ Божіей, съ сознаніемъ, что Божіею милостью, а не человѣческою волей Онъ царствуетъ, и что власть Его, Богомъ данная, Богу только принадлежитъ и никѣмъ не можетъ быть ни связана, ни ограничена.

И вотъ міръ, уже было позабывшій величайшія страницы своей исторіи, съ изумленіемъ увидѣлъ, что̀ можетъ сдѣлать Самодержецъ, какъ исчезаютъ предъ лицомъ его всѣ призраки, сглаживаются всѣ препятствія, умиротворяются всякая смута и раздоръ. Міръ увидалъ, какъ легко и свободно живется народу за крѣпкою рукой Царя, вѣрующаго въ свое Божественное избраніе. Въ немного лѣтъ это почувствовалось даже далеко за предѣлами Его непосредственной власти. И что̀ же? Безсознательно для чужихъ народовъ въ душѣ ихъ заговорило старое сознаніе единства народа и Монарха, вспомнилось то монархическое чувство, съ которымъ Европа создала «святыя чудеса» своей былой исторіи! Европа, казалось, отрекшаяся отъ монархическаго принципа, должна была только увидѣть *настоящаго* Самодержца, даже чужаго, чтобы почувствовать довѣріе не къ своимъ «отвѣтственнымъ» министрамъ, не къ своимъ «представителямъ», не къ своей «народной волѣ», а къ волѣ

Его, никѣмъ, кромѣ Бога, не избраннаго, ни предъ кѣмъ, кромѣ Бога, не отвѣтственнаго.

Немного лѣтъ прошло. Можно ли считать десятокъ лѣтъ свободной царственной работы? Можно ли считать 5—6 лѣтъ, данныхъ Европѣ, чтобы понять, наконецъ, *Кто* пришелъ въ міръ? Этихъ немногихъ лѣтъ было достаточно, чтобы всѣ народы привыкли уже возлагать свои надежды на Него. Царь все уладитъ. Царь не допуститъ до бѣды. Вотъ настроеніе, въ которомъ Европа чуть ли не первый разъ за 100 лѣтъ ощутила себя спокойною, выше страха угрожающихъ ей бѣдствій и смутъ. Взвѣшивая все, доносившееся изъ Европы при вѣсти о тяжкой болѣзни Хранителя мира, узнаешь тотъ старый крикъ горести, который когда-то вырывался изъ сердца послѣ Карла Великаго. «Кто же будетъ теперь управлять міромъ?» спрашивали себя тогда въ горестномъ недоумѣніи. Это чувство сопровождало собою все великое въ европейской исторіи. «Кто же будетъ управлять міромъ?» спрашивалъ себя померанскій крестьянинъ при вѣсти о кончинѣ Фридриха Великаго. Тогда уже наступали времена отреченія, и вопросъ крестьянина казался «наивнымъ». Теперь въ томъ же вопросѣ слились чувства современной Европы, уже не наивной, а пережившей столѣтіе конституцій и республикъ. Кто будетъ управлять міромъ, кто дастъ ему устойчивость, сдержитъ борьбу честолюбій, охранитъ народы отъ опасныхъ увлеченій? Такъ спрашиваютъ себя въ Европѣ и спѣшатъ тревожно въ свои забытые храмы, вновь заучивая полузабытыя молитвы Тому, въ чьихъ рукахъ судьбы земныхъ царей.

Отъ вѣковыхъ ошибокъ разсудокъ не отказывается сразу. Но то, что̀ перечувствовано Европой при вѣсти о болѣзни единственнаго Самодержца въ мірѣ,—уже есть фактъ исторіи. Это великое знаменіе времени. Этотъ моментъ непосредственнаго ощущенія того, что̀ значитъ для народовъ *настоящій* Монархъ, уже не забудется, и рано или поздно найдетъ свою сознательную формулировку. Величавый образъ Самодержца врѣзанъ въ исторію. Не забудутъ его ни народы, увидавшіе гдѣ свѣтъ, ни, вѣроятно, и сами европейскіе монархи, получающіе нынѣ изъ Россіи такое великое поученіе. Его будутъ вспоминать тѣмъ чаще, чѣмъ глубже станутъ погрязать въ трясину соціальныхъ смутъ. Онъ далъ народамъ и монархамъ цѣлое откровеніе, цѣлое указаніе пути, который еще не закрытъ предъ современнымъ культурнымъ міромъ.

Л. Тихомировъ.

Значеніе Императора Александра III въ исторіи развитія нашей культуры.

(*Моск. Вѣд. № 295.*)

I.

Исторія наша начинается съ принятія христіанства. Принятіемъ христіанства положено начало той культурной работѣ, созиданію своего, особаго по типу, просвѣщенія,—созиданію, которое продолжается и до сихъ поръ, выражаясь въ дѣяніяхъ, мысляхъ и чувствахъ лучшихъ людей русскихъ. Значеніе покойнаго Государя въ развитіи нашей культуры столь велико что сразу, подъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, трудно и оцѣнить весь размѣръ Его историческаго подвига. Онъ начинатель новой эры нашей исторіи.

Обыкновенно принято говорить о трехъ періодахъ русской исторіи: Кіевскомъ, Московскомъ и Петербургскомъ. Съ Александра III начинается новый періодъ ея—*Русскій*. Въ этомъ заключается огромное историческое значеніе Его личности и Его царствованія.

Изъ глубины вѣковъ свѣтятъ намъ лики великихъ князей русскихъ, двухъ Владиміровъ, Святаго и Мономаха, Ярослава Мудраго, этихъ неофитовъ, со всею силой своей непосредственной натуры воспринявшихъ божественное ученіе,—свѣтятъ ихъ лики, мужественные и кроткіе, какъ бы пропикнутые насквозь свѣтомъ христіанскаго смиренія и христіанской мудрости. Во времена удѣльнаго періода, среди усобицъ, этотъ свѣтъ не погасаетъ, свидѣтельствуя что не погибла еще земля Русская. Этотъ же свѣтъ, свѣтъ Православія, далъ силу Руси перенести и свергнуть татарское иго. Этимъ же свѣтомъ, свѣтомъ Православія, создана и осмыслена идея Самодержавія русскаго, особаго, не имѣющаго въ исторіи ничего себѣ подобнаго.

Идея Самодержавія закрѣпляется въ Московскій періодъ византійскими вліяніями. Но византійская идея единодержавія, перенесенная на нашу почву, тотчасъ же утратила свои уродливыя особенности: онѣ отпали сами собой, и она претворилась въ идею *русскаго* Самодержавія. Это потому что въ стихіи Русскаго народа духъ Православія выразился полнѣе, шире, глубже, чѣмъ онъ выражался въ Византіи. Въ Московской Руси все устроялось въ свѣтѣ православія. Великіе святители

и подвижники земли Русской работали надъ созданіемъ и укрѣпленіемъ Самодержавія, и оно, развиваясь въ историческомъ процессѣ, пропикалось ихъ духомъ. Но все еще идея не была выражена вполнѣ и смѣшивала себя съ иными идеями, чуждыми историческому духу русскаго самодержавія. Намъ надо было пережить тяжкій періодъ столкновенія и общенія съ иными просвѣтительными началами, чтобъ уже во всей чистотѣ, во всей полнотѣ, во всей глубинѣ явить міру свою идею.

И вотъ является Петръ Великій, начинается *Петербургскій періодъ* нашей исторіи, начинается наше столкновеніе съ чуждымъ просвѣщеніемъ. Мы пошли въ Европу наивно и простодушно, но наивность и простодушіе не исключаютъ ума, таланта, генія, даже напротивъ. При Петрѣ, даже при Екатеринѣ II, мы все еще крѣпкіе Русскіе, крѣпкіе православные; таковы лучшіе люди русскіе: Ломоносовъ, историкъ Татищевъ, Фонъ-Визинъ, даже Новиковъ, несмотря на его масонство. Мы заимствуемъ у Европы ея знанія, ея технику, но остаемся при своемъ просвѣщеніи. Заимствуя технику и знанія, во всемъ остальномъ и Ломоносовъ, и Фонъ-Визинъ, и Татищевъ, и всѣ имъ подобные люди смотрѣли на Европу совершенно такъ, какъ смотрѣлъ, напримѣръ, стольникъ Лихачевъ, ѣздившій при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ посломъ во Флоренцію и писавшій въ своихъ донесеніяхъ: «въ Ливорнѣ церковь греческая во имя Николая Чудотворца и протопопъ Аѳанасій, да въ Венеціи же церковь греческая,—*а больше того отъ Рима до Кольскаго Острога нигдѣ нѣтъ благочестія*».

Съ Радищева и Карамзина (первый періодъ его дѣятельности) начинается уже поворотъ къ европейскому просвѣщенію. Мы уже начинаемъ усвоивать духъ этого просвѣщенія, мы идемъ въ Европу не только искать познаній, но и искать *просвѣщенія*, забывая свое. Простодушное отношеніе къ Европѣ, Ломоносовское, Фонъ-Визинское, мало-по-малу исчезаетъ: оно замѣняется преклоненіемъ и восхищеніемъ. Какъ робкіе ученики поступаемъ мы въ европейскую школу. Начинаютъ обозначаться черты нашего *западничества*. О томъ что̀ въ послѣдствіи названо было *славянофильствомъ*—нѣтъ еще и помину. Но въ эту же европейскую школу поступилъ и Пушкинъ. Это было великимъ счастьемъ для Россіи, потому что только его мощный геній могъ вступить въ моральную борьбу съ европейскимъ духомъ, съ европейскимъ просвѣщеніемъ, и выйти изъ этой борьбы побѣдителемъ, давъ намъ великія откровенія духа народнаго, облеченныя въ образы нетлѣнной красоты. Но Пушкинъ въ своемъ геніальномъ прозрѣніи опередилъ не только

вѣкъ, но и вѣка. Исторія же нашего самосознанія шла медленнымъ и тернистымъ путемъ.

Главная и характерная черта Петербургскаго періода нашей исторіи, начинающагося Петромъ Великимъ и заканчивающагося Александромъ II, заключается въ томъ что необходимую работу усвоенія европейской культуры мы совершали *внѣ свѣта* Православія. Свѣтильникъ этотъ оставался подъ спудомъ—и мы шли ощупью, въ полутьмѣ. Начиная съ Петра, духовенство, которое и въ Кіевской, и въ Московской Руси играло столь великую просвѣтительную роль, было отстранено отъ культурной работы и по необходимости стало въ сторонѣ. Этою характерною чертой Петербургскаго періода и объясняется смыслъ многихъ послѣдующихъ печальныхъ явленій русской жизни.

Съ Петра самодержавіе, какъ фактъ, все болѣе крѣпло, но какъ идея оно почти не развивалось до царствованія Николая I. Почти весь XVIII вѣкъ прошелъ у насъ среди дворцовыхъ переворотовъ, но въ этихъ дворцовыхъ переворотахъ не было посягательства на *самый принципъ* самодержавія (мы не считаемъ олигархическаго посягательства при вступленіи на престолъ Анны Іоанновны: оно было слишкомъ ничтожно по своей идеѣ и значенію); первымъ посягательствомъ на самый принципъ самодержавія былъ бунтъ 14 декабря, при вступленіи на престолъ императора Николая Павловича. Это посягательство было вызвано духомъ западно-европейскихъ политическихъ теорій и ученій, распространившихся въ нашемъ обществѣ. И именно въ Николаевское царствованіе, несмотря на всю его суровость, совершенно созрѣло наше *западничество*, плоды котораго обнаружились уже въ царствованіе Александра II. Но въ то же Николаевское царствованіе разцвѣлъ во всемъ блескѣ геній Пушкина, сказалъ свое слово Гоголь, началось и окрѣпло то направленіе которое принято называть славянофильскимъ. Во томъ крѣпкомъ укладѣ жизни, который установился при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, созрѣвали и развивались всѣ теченія мысли, которымъ лишь въ послѣдствіи суждено было выступить на широкую арену и вступить въ борьбу. Тогда же совершалась та работа ума и чувства которая положила основаніе всему послѣдующему. Въ Николаевское же царствованіе наше самодержавіе какъ бы начало познавать свою идею, выразивъ это стремленіе къ самопознанію въ извѣстной формулѣ: «Православіе, самодержавіе и народность».

Но эта формула такъ и оставалась только формулой, для однихъ—мало понятною, для другихъ—представлявшею собою

выраженіе какъ бы казеннаго патріотизма. И въ самомъ дѣлѣ, то что̀ совершалось въ дѣйствительности, мало соотвѣтствовало этой формулѣ, которая не воплощалась въ живыхъ явленіяхъ. Императоръ Николай Павловичъ, государь изумительно твердой воли и великаго ума, въ продолженіи всего своего царствованія только приводилъ Россію въ порядокъ, стараясь создать для всѣхъ сторонъ жизни, такъ-сказать, незыблемыя рамки. Эту работу онъ исполнялъ съ чрезвычайною настойчивостью—и дѣйствительно исполнилъ ее: всѣ внѣшнія формы были готовы, отлиты, оставалось только вдунуть въ нихъ душу живую. Самъ императоръ Николай Павловичъ, въ мысли своей и въ чувствѣ своемъ, въ своей проницательности, былъ гораздо шире и глубже той программы которую осуществлялъ и осуществилъ: онъ сознавалъ необходимость освобожденія крестьянъ, онъ совершенно понималъ и принималъ самую сущность славянофильства, видя въ то же время всѣ его промахи и уклоненія; но обстоятельства эпохи сдѣлали Его слишкомъ осторожнымъ, да, быть-можетъ, Онъ былъ и правъ въ своей осторожности. Кромѣ того, императоръ Николай Павловичъ еще не сознавалъ съ полною ясностью совершенной отдѣльности Россіи отъ Европы по самому типу, не сознавалъ совершенной отдѣльности русскаго Самодержавія отъ западно-европейскаго монархизма. Но при императорѣ Николаѣ Павловичѣ Самодержавіе, какъ фактъ, стояло столь незыблемо что всяческія покушенія на самый принципъ Самодержавія, длившіяся въ продолженіе двадцатипятилѣтняго царствованія Александра II, не могли не только сокрушить, но и хоть сколько-нибудь поколебать эту твердыню. Сомнѣвавшимся одно твердое державное слово Императора Александра III показало это сразу, съ ясностію не оставляющею мѣста сомнѣніямъ.

II.

Трудно представить болѣе трогательную и поучительную исторію, какъ исторія жизни Александра II. Окруженный глухимъ противодѣйствіемъ, часто своекорыстнымъ, людей не раздѣлявшихъ его плановъ, оклеветанный врагами, непонятый даже друзьями, жизнью заплатившій за воплощеніе благородныхъ мечтаній своей юности, Александръ II навсегда останется въ исторіи не только какъ великій императоръ, не только какъ освободитель милліоновъ, но и какъ лицо глубоко-трагическое.

Все царствованіе Александра II было какъ бы непрерывною смутой; покушались на самый принципъ самодержавія словомъ, дѣломъ, всѣми средствами которыя правительство дало въ

распоряженіе легкомысленному, шаткому, совершенно разнуздавшемуся обществу. Но среди этой смуты, среди этой анархіи умовъ, въ глубинѣ жизни созрѣвало и росло наше самосознаніе. Выразителями этой таинственной работы, совершавшейся въ глубинѣ жизни, являлись всѣ наши замѣчательные писатели, выросшіе и воспитавшіеся еще въ Николаевское время; выразителемъ этой работы явилось славянофильство во всѣхъ его оттѣнкахъ—славянофильство, *основными* идеями котораго пропикнуты какъ художественныя созданія Л. Н. Толстаго и А. Н. Островскаго, такъ и дѣятельность Ю. Ѳ. Самарина, И. С. Аксакова, А. А. Григорьева. Достоевскаго, Н. Я. Данилевскаго, Н. Н. Страхова, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Майкова и другихъ. Славянофильство росло, развивалось, осмысливалось. Старая николаевская формула, бывшая сперва мертвою, ожила въ славянофильствѣ, углубилась, расширилась, одухотворилась. Православіе, Самодержавіе, народность — въ этомъ самая сущность славянофильства. Православіе—какъ религіозно-культурное начало, которое, подобно солнцу, съ недосягаемой высоты все освѣщаетъ и все животворитъ; Самодержавіе — какъ исторически сложившаяся форма государственнаго устройства, дѣйствующая, движущая, развивающаяся въ процессѣ исторіи и въ свѣтѣ Православія; народъ—какъ выразитель духа Православія и какъ нравственная стихія на которой въ жизни утверждено Самодержавіе. Вотъ формула славянофильства, очищеннаго ото всего ненужнаго, посторонняго, ото всей шелухи, приставшей къ нему въ процессѣ его роста и развитія. Вотъ къ этому-то движенію, выражавшему собою то что совершалось въ таинственной глубинѣ жизни, примкнулъ почившій Императоръ, тогда Наслѣдникъ Русскаго Престола. Своимъ русскимъ сердцемъ, Своею русскою душой Онъ воспринялъ это міровоззрѣніе въ чистомъ его видѣ. Не пропали «несносные и непосильные труды» тѣхъ кто работалъ надъ созданіемъ самобытной русской культуры. Надежды ихъ осуществились. На престолъ вступилъ Александръ III — *Православный* Царь, во всемъ глубокомъ значеніи этого слова. Вся Его дѣятельность была осуществленіемъ въ жизни этой формулы: «Православіе, Самодержавіе и народность», глубоко и широко понятой. Онъ началъ именно съ того о чемъ такъ настойчиво говорилъ Достоевскій,—съ «оздоровленія корней»; онъ осуществилъ то о чемъ давно мечтали всѣ истинно русскіе люди— Онъ положилъ начало *нравственному собиранію Руси*.

Въ трудныя минуты жизни народной—жизни народа вѣрующаго и смиреннаго въ своей вѣрѣ, — Господь посылаетъ особыхъ Своихъ избранниковъ, и такимъ избранникомъ былъ

Александръ III. Никакой блестящій геній не могъ бы исполнить того дѣла которое предназначено было исполнить Ему. Для того чтобъ осуществить это дѣло, для того чтобы заставить всѣхъ повѣрить въ правду этого дѣла, нужно было чтобы самая личность дѣлателя воплощала въ себѣ идею дѣла, нуженъ былъ Царь-праведникъ,—и такимъ былъ Александръ III, чистый сердцемъ, кроткій и смиренный, исполненный высочайшей разсудительности, которая дается только вѣрой въ высокую и несокрушимую правду своего дѣла. Въ нравственномъ обликѣ Александра III мы чувствуемъ какъ бы вѣяніе духа не Московской Руси, не Петербургской Россіи, а древней почти легендарной Руси: вѣяніе духа Владиміра Святаго, Ярослава Мудраго, Владиміра Мономаха, вѣяніе тѣхъ *настроеній* которыми были созданы эти высокіе образы русскихъ князей. Въ Александрѣ III идея Самодержавія явилась очищенною ото всего ей чуждаго, приставшаго къ ней въ процессѣ ея историческаго развитія; въ Александрѣ III русское самодержавіе опознало совершенно и до самой глубины свою идею. Вотъ почему съ Александра III начинается новый періодъ нашей исторіи—*русскій*.

Болѣе чѣмъ кого-нибудь Александра III можно назвать *великимъ* Монархомъ. Онъ, съ высоты престола, показалъ міру что истинное величіе души заключается въ непреклонной твердости соединенной съ кротостію, миролюбіемъ, въ великомъ самоотверженіи, въ совершенномъ подчиненіи своей воли волѣ Высшей, волѣ Того Кто знаетъ какими путями вести народъ Свой...

Ю. Николаевъ.

Памяти въ Бозѣ Почившаго.

(*Моск. Вѣд. № 295.*)

Церковныя Вѣдомости (№ 43) такъ говорятъ о незабвенномъ царствованіи Александра III:

«Путь Божій яркою, огненною чертой проходитъ черезъ всю жизнь этого, воистину, Избранника Божія.

«Второй, а не первый Сынъ благословенныхъ Александра и Маріи, Онъ готовился быть первымъ помощникомъ старшаго брата, первымъ исполнителемъ его велѣній. Но неожиданная кончина юнаго цесаревича Николая открываетъ ему путь къ престолу. И что же? Не ясно ли всѣмъ теперь что *Имѣющій въ рукѣ Своей власть земли* воздвигъ въ немъ истинно *потребнаго* Царя и правителя по нуждамъ царства и времени?

«При какихъ страшныхъ условіяхъ принималъ онъ на главу Свою вѣнецъ прародительскій! Возмутительная крамола, самое дерзкое покушеніе и страшный исходъ его, мученическая кончина славнаго Вѣнценосца, всеобщая скорбь, стонъ и плачъ въ народѣ, явные и тайные враги за оградой, непроглядная тьма впереди. И вотъ, повинуясь велѣнію Вышняго, Онъ взялъ свой царственный крестъ и несъ его съ великимъ долготерпѣніемъ до послѣдней минуты жизни. Почти 14 лѣтъ неустаннаго бодрствованія, неусыпнаго труда, полнаго забвенія о себѣ, самоотверженной заботы о благѣ другихъ — и ближнихъ, и дальнихъ. Ни одной мрачной тѣни въ вѣнцѣ Его. Только заклятый врагъ истины и добра могъ бы быть его врагомъ.

«Самою высшею побѣдой признается побѣда надъ самимъ собою. Онъ одержалъ эту славную побѣду, и имя Его уже и теперь возносится выше прославленныхъ побѣдами героевъ древняго и новаго міра. Злоухищреніямъ враговъ Онъ противополагалъ прямоту и искренность, лжи и неправдѣ—правду слова и дѣла, воинскимъ замысламъ—благожеланія мира и любви. Сколько мелкихъ и крупныхъ интригъ, сколько обидъ, иногда тяжкихъ и кровныхъ, и отъ враговъ, и отъ благодѣтельствованныхъ Имъ лицъ и даже племенъ и народовъ, усиливались нарушить это спокойствіе самообладанія, уязвить это величіе власти! Онъ отвѣчалъ на нихъ спокойнымъ и твердымъ словомъ правды и любви. Въ вѣкъ господства роскоши, страсти къ наживѣ, Онъ удивлялъ всѣхъ простотой жизни, и какъ будто особенно любилъ это довольство малымъ. Въ вѣкъ шатанія умовъ, ослабленія семейныхъ связей, Онъ былъ образцомъ истиннаго семьянина по закону евангельскому. Вотъ нѣсколько словъ о счастливой семейной жизни почившаго Государя: это вѣнокъ на Его могилу отъ почившаго также святителя Никанора.

«Кто изъ насъ не видитъ», говоритъ святитель, «идеалъ христіанской, семейной супружеской любви въ самой благородной четѣ, поставленной на самый высокій свѣщникъ чтобы свѣтить чистѣйшимъ свѣтомъ во всѣ концы святой Руси? Кто не видитъ тамъ супругу, которая, во время продолжительной, тяжкой, даже заразительной болѣзни мужа, не отошла отъ него ни на шагъ, и отходила Его не только пламенною молитвой беззавѣтно любящаго сердца, но и самоотверженнымъ трудомъ собственныхъ рукъ! Кто не видитъ тамъ Отца, который, среди безчисленныхъ, самыхъ тяжкихъ думъ и заботъ, отдыхаетъ, принимая радостное участіе въ играхъ собственныхъ малыхъ дѣтей? Кто не видитъ тамъ цѣлое семейство которое произнесло Богу обѣтъ всегда неразлучно окружать отца среди

постоянно угрожающихъ его жизни опасностей, окружать въ видѣ сонма ангеловъ хранителей, не взирая на собственную опасность, вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать? И спасаютъ,— спасаютъ своею предашностью, своею молитвой, однимъ своимъ присутствіемъ. У коварнаго злодѣя не поднимается рука на нихъ, на всѣхъ... И Богъ спасаетъ; спасаетъ даже явно чудодѣйственно, спасаетъ всѣхъ ихъ, идеально прекрасное, христіанское, Святое семейство, для счастія и поученія Россіи.»

(*Поученія* т. 3, стр. 460.)

Наконецъ, въ вѣкъ невѣрія и вольнодумства, Онъ былъ для всѣхъ образцомъ искренней и живой вѣры. Праведно-христіанская жизнь награждена истинно-христіанскою кончиной.

«Кто исчислитъ заслуги этого добраго и мудраго Императора для народа, ввѣреннаго его попеченію?

«Уже многіе изъ начинаній и трудовъ Императора Александра III видимо вѣнчались успѣхомъ. Какъ будто открывалась новая эра въ жизни народовъ, въ союзѣ съ вѣрой. Но въ это именно время послышался зовъ туда... Такова участь многихъ избранниковъ Божіихъ, подвижниковъ и споспѣшниковъ добра.

«Непостижимы судьбы Вышняго, но перстъ Божій ясно виденъ. По окончаніи перваго семилѣтія (издревле священное число), на радость и въ поученіе намъ, добрый Вѣнценосецъ нашъ со всѣмъ благословеннымъ Семействомъ и ближайшими соучастниками въ трудѣ правленія чудесно спасенъ отъ страшнаго крушенія. Приходитъ къ концу второе семилѣтіе мирнаго царствованія, и въ эти самые дни вновь раздается слово Господне, воззвавшее отъ насъ нашего добраго Царя.

«Да будетъ для насъ утѣшеніемъ что судьбы эти въ рукахъ Провидѣнія.»

* * *

(*Моск. Вѣд. № 295.*)

Можно ли, замѣчаетъ *Сынъ Отечества* (№ 290,— «можно ли сказать о покойномъ Императорѣ что онъ былъ популяренъ? Этотъ вопросъ поднялъ одинъ петербургскій журналистъ, справедливо считающій эпитетъ «популярный» несоотвѣтствующимъ значенію Александра III. Не говоря о томъ что эпитетъ мелокъ, онъ въ данномъ случаѣ не на мѣстѣ. Въ первые годы царствованія нынѣ усопшаго Государя, Россія лишь смутно чувствовала, а Европа едва догадывалась о томъ какую великую задачу намѣтилъ и осуществляетъ Великій Государь. Постепенно эта задача, сама собою, безо всякихъ поясненій, стала обрисовываться ярче и ярче, стала всѣмъ

понятною, благодаря обнаружившимся уже результатамъ. А когда явилось опасеніе, что цивилизованный міръ можетъ скоро потерять невольно вселившаго къ себѣ общую любовь Царя—вдругъ точно откровеніе осѣнило всѣхъ: Его великая миссія сдѣлалась *сразу очевидною до мельчайшихъ подробностей*—и для русскаго человѣка, и для друзей Россіи, и для ея враговъ. Лишь оглянувшись назадъ поняли, какую необычайную эпоху составляютъ эти тринадцать съ половиною лѣтъ царствованія Александра III.»

Европа о почившемъ Царѣ.

(*Моск. Вѣд. № 296.*)

Всѣ русскіе люди, и образованные, и простые, едва грамотные, съ величайшимъ интересомъ прислушиваются къ отзывамъ иностранной печати о почившемъ Государѣ. Всѣмъ намъ отрадно видѣть и слышать что весь міръ окружаетъ память Его глубокимъ уваженіемъ, что всѣмъ міромъ признаются Его великія заслуги, что Его высоко цѣнятъ не только какъ Государя твердаго и мудраго, но и какъ человѣка, нравственный образъ котораго умиляетъ и трогаетъ всѣхъ еще не потерявшихъ способности преклоняться предъ истинно-прекраснымъ, благоговѣть предъ истинно-великимъ. Почившій Царь нашъ жилъ и дѣйствовалъ какъ бы во свидѣтельство о высокомъ достоинствѣ человѣка, о высокомъ призваніи его на землѣ,—и вотъ это-то почувствовали во всемъ мірѣ. Почувствовали что съ почившимъ Царемъ Нашимъ уходитъ изъ міра *великая нравственная сила*, животворившая, ободрявшая, пробуждавшая отъ моральнаго усыпленія не только свою страну, но и всѣ народы, соединившіеся теперь въ печали по немъ. У Его гроба смолкла вражда, утихли политическія страсти, и наши друзья, и наши враги одинаково скорбятъ о потерѣ Царя. Сильнѣе всего эта скорбь выражается во Франціи—и тамъ это не только скорбь о потерѣ могущественнаго Покровителя, это скорбь о человѣкѣ, о той великой нравственной силѣ которая уходитъ изъ міра.

Отзывы иностранной печати о покойномъ Государѣ свидѣтельствуютъ еще что недавнее отношеніе Европы къ Россіи очень измѣнилось. Отношеніе къ намъ Европы въ продолженіе всей нашей новой исторіи, до конца царствованія императора Николая Павловича, было одно и то же: насъ боялись, боялись нашей огромной матеріальной силы, которая представлялась Европѣ какъ сила стихійная. Теперь Европа почувствовала нашу

нравственную силу, нашу культурную мощь,—и этимъ мы обязаны почившему Царю нашему.

Всматриваясь въ образъ почившаго Монарха, Европа вѣрно угадала что наша нравственная сила въ духѣ народа нашего, что наша культурная мощь—въ созидаемой этимъ духомъ народнымъ своеобразной, русской культурѣ. Въ образѣ покойнаго Государя для Европы какъ бы отразился весь духовный складъ Русскаго народа. Европа твердитъ, особенно настаивая на этомъ, что Онъ былъ русскій человѣкъ отъ головы до ногъ. Въ заслугу Ему ставятъ именно то что̀, по сознанію самыхъ лучшихъ европейскихъ людей, уже совершенно расшатано въ Европѣ и мало тамъ цѣнится: Его религіозность, преданность Церкви, Его кротость, Его семейныя добродѣтели, Его царственную мудрость. «Теперь когда въ модѣ фальшивый космополитизмъ», пишетъ одинъ французскій авторъ,—«Александръ III былъ Русскій—духомъ и тѣломъ.» Другая французская газета говоритъ что въ Европѣ нѣтъ уже такихъ людей какъ почившій Государь, что они тамъ невозможны: «въ Европѣ все продажно, все шатко. Тамъ главный девизъ: *beati possidentes*, Александръ III возгласилъ другой, христіанскій, принципъ: *beati pacifici*». Тамъ же читаемъ что Александръ III «составлялъ противоположность современному традиціонно-вульгарному идеалу». Во Франціи восхищаются тѣмъ что «Александръ III былъ истиннымъ Самодержцемъ. Со своими задумчивыми очами, со своими широкими плечами, съ атлетическимъ ростомъ, Онъ являлся какъ бы символомъ власти».

Итакъ, Европа видитъ Его силу въ томъ что Онъ былъ истинный Самодержецъ, національный Государь. Вотъ многознаменательныя строки которыя мы читаемъ въ одной изъ самыхъ вліятельныхъ вѣнскихъ газетъ:

«Александръ III отказался отъ плановъ созрѣвшихъ въ концѣ предшествующаго царствованія и выразилъ Свою непреклонную волю утвердить неограниченную и единодержавную Царскую власть. Онъ возымѣлъ желаніе исправить найденный Имъ порядокъ вещей, очистить и преобразовать его силой Своего единовластія; Онъ пожелалъ установить порядокъ въ управленіи и строгую честность во всѣхъ частяхъ его. Основой государства, объ укрѣпленіи котораго заботился Государь, долженъ былъ стать русскій духъ, духъ преданности Православной Церкви, безусловнаго подчиненія волѣ Царя и охраненія національныхъ особенностей Русскаго государства. Если, при Его предшественникахъ, главнѣйшія преобразованія совершались при содѣйствіи чужестранцевъ, въ особенности Нѣмцевъ, и если это прежде считалось естественнымъ слѣдствіемъ развитія, то

отнынѣ все чужое должно было отступить на задній планъ и на первое мѣсто должно было стать все настоящее русское. Въ тѣхъ же областяхъ, гдѣ ранѣе преобладали разнородныя національности, все русское получило преимущественное положеніе, ради созданія цѣлостности государства и установленія въ немъ единства вѣры, языка и правовъ. Какъ бы въ Европѣ ни думали объ этомъ направленіи, выразителемъ котораго сталъ Самъ Вѣнценосецъ, несомнѣнно одно, что удержаніемъ этого направленія покойный Государь пріобрѣлъ величайшую популярность среди своего народа. Александръ III былъ національный Государь и Себя Самого во всѣхъ отношеніяхъ сознавалъ Русскимъ. Къ чему императрица Екатерина II только стремилась, то Александръ III дѣйствительно осуществилъ и былъ первымъ Монархомъ который, послѣ прорубленнаго Петромъ окна въ Европу, противопоставилъ потоку западно-европейской культуры національно-русскія стремленія и идеалы. Въ предшествовавшія послѣднему царствованію два столѣтія Россія многому научилась отъ Европы; всѣ открытія и успѣхи въ области искусствъ и наукъ были пересажены на русскую почву, и Русскій народъ проявилъ чрезвычайную способность воспринимать въ себя всѣ эти плоды, съ тѣмъ чтобы самому мощно и самостоятельно участвовать въ дальнѣйшемъ развитіи Европы. Но настало время когда Россія сознала потребность вернуться на путь самобытнаго и широкаго національнаго развитія, создавая изъ себя одно цѣлостное государство. Содѣйствуя этой послѣдней цѣли, Императоръ Александръ III сталъ оплотомъ мира извнѣ и охранителемъ древне-русскаго собирательнаго идеала внутри.»

Вотъ въ чемъ Европейцы видятъ силу Россіи: въ единеніи Самодержца съ народомъ Своимъ въ лонѣ Церкви Православной, въ возвращеніи на путь историческаго преданія, на путь національнаго развитія.

Въ Александрѣ III, какъ въ человѣкѣ и Государѣ, Европа увидала великое откровеніе русскаго народнаго духа и, изумленная, старается постигнуть смыслъ этого откровенія. Она видитъ предъ собою явленіе колоссальное, какъ бы всю Россію сосредоточенную въ одномъ лицѣ, но угадываетъ лишь нѣкоторыя черты этого явленія духа, а не самую глубокую сущность его. Европа говоритъ: Онъ былъ религіозенъ, кротокъ, Онъ былъ миролюбецъ и миротворецъ, Онъ былъ честенъ, справедливъ, снисходителенъ и твердъ. Все это видитъ Европа, передъ всѣми этими качествами покойнаго Царя она преклоняется, всѣми этими качествами Своими Онъ смягчилъ самыя закоренѣлыя сердца; просвѣтилъ проблескомъ истины омраченные умы. Но Европа не видитъ въ чемъ гармонія этихъ Его качествъ,

къ какому центру они сводятся, что въ Немъ придаетъ общечеловѣческимъ добродѣтелямъ особый оттѣнокъ, особый, глубокій смыслъ.

На дняхъ, говоря о Немъ, мы сказали: разгадка Его личности и Его дѣятельности въ одномъ словѣ: Онъ былъ *христианинъ*. Онъ *былъ православный христіанинъ*. Онъ весь былъ проникнутъ тою особою по своему характеру религіозностію, которою проникнутъ и народъ Его. Вотъ то духовное начало приведшее въ гармонію всѣ общечеловѣческія добродѣтели которыя Онъ получилъ отъ природы. Вмѣстѣ съ народомъ Своимъ Онъ вѣровалъ что центръ тяжести жизни не здѣсь на землѣ, а тамъ, въ жизни новой, безконечной. Вотъ почему все что Онъ дѣлалъ, Онъ дѣлалъ для той, для будущей жизни. Отсюда Его величавое спокойствіе, Его увѣренность и спокойная твердость: Онъ зналъ что дѣлаетъ не Свое дѣло, а Божіе И Онъ положилъ жизнь Свою за народъ, данный Ему Богомъ, спасая Свою душу, Онъ, смиренный сердцемъ, не радовался власти, а принялъ ее, Свою Самодержавную Власть, какъ тяжкій крестъ, который Провидѣніе предназначило Ему нести. Онъ выразилъ это въ Манифестѣ о вступленіи Своемъ на престолъ. Онъ сказалъ всему народу Своему что принимаетъ Царскую власть какъ бремя и какъ подвигъ, къ которому призываетъ Его Провидѣніе. И Онъ несъ этотъ крестъ до конца, пока не изнемогъ подъ его тяжестью. Онъ былъ православный христіанинъ, истинный сынъ Церкви—и въ этомъ Его сила, въ этомъ обаяніе и гармоничность Его нравственнаго образа, которому приносятъ дань удивленія, благоговѣйнаго уваженія и любви всѣ народы.

Великая нравственная сила ушла изъ міра—вотъ общее впечатлѣніе произведенное кончиной Императора Александра III.

* * *

(*Моск. Вѣд.* № *296.*)

Свѣтъ (№ 252) дѣлаетъ выдержку изъ одного письма въ редакцію:

«Историкъ древняго міра, Тацитъ, въ своемъ жизнеописаніи Агриколы, котораго онъ считалъ воплощеніемъ доблестей Рима, писалъ: все что̀ мы въ немъ любили и почитали, останется въ памяти народною молвой объ его дѣяніяхъ пройдя черезъ вѣчность временъ.

«Покойный Государь представлялъ собой высокое олицетвореніе лучшихъ свойствъ Русскаго народа—несокрушимой любви

къ правдѣ и твердой воли, соединенной съ великимъ благодушіемъ. Память о немъ останется на вѣки въ русскихъ сердцахъ и на страницахъ нашей исторіи, какъ самое чистое и свѣтлое ея украшеніе.

«Покойный И. С. Аксаковъ говорилъ, что Господь послалъ Россіи, въ лицѣ Императора Александра III, олицетвореніе ея историческихъ народныхъ идеаловъ. Мы живо помнимъ съ какимъ сочувствіемъ отнесся покойный Государь, бывшій въ то время Наслѣдникомъ Престола, къ стихамъ нашего поэта написаннымъ по случаю пріѣзда въ 1867 году славянскихъ гостей въ Петербургъ.

Опально-мировое племя,
Когда же будешь ты народъ,
Когда же упразднится время
Твоей и розни, и невзгодъ?

«Для этого нуженъ подъемъ духа и высокое сознаніе своего гражданскаго и патріотическаго долга, высшій образецъ коего представляла вся жизнь покойнаго Государя, такая чистая и возвышенная, давшая міру ясный и свѣтлый образъ русской доблести и русской вѣры въ правду.

И эта вѣра въ правду Бога
Ужь въ нашей не умретъ груди.

«Мы, Русскіе, а также и Славяне, проникнуты сознаніемъ духовнаго единенія съ Россіей и, оплакивая кончину доблестнаго Царя, можемъ гордиться имъ какъ правиломъ вѣры, образцомъ величія и кротости и великимъ примѣромъ самоотверженія. По признанію архи-нѣмецкаго органа печати, *Кельнской Газеты*, въ образѣ почившаго Государя передъ Европой являлся колоссъ импонировавшій міру своею славянскою мощью.»

Воспоминанія въ Даніи.

(*Моск. Вѣд.. № 296.*)

Въ только что полученномъ нумерѣ газеты *Dannebrog* читаемъ:

«Ровно годъ тому назадъ, 6 (18) октября 1893 года, въ Бозѣ почившій Государь Императоръ Александръ III въ послѣдній разъ простился съ Даніей.

«Къ полудню, въ день отъѣзда, у военной пристани собрался весь офиціальный міръ Копенгагена и вмѣстѣ съ нимъ стотысячная толпа изъ всѣхъ слоевъ столичнаго населенія, желавшаго проводить дорогаго Царя—Гостя и Друга. Небо было пасмурное; отъ времени до времени шелъ дождь. Въ часъ пополудни прибылъ Царскій кортежъ, несмотря на дурную погоду которая въ то время разразилась настоящимъ ливнемъ. Государь Императоръ, одѣтый въ сѣрую военную шинель, вышелъ изъ королевской палатки чтобы милостиво удостоить царскимъ рукопожатіемъ каждаго изъ всѣхъ знакомыхъ Ему лицъ. Каждое рукопожатіе сопровождалось ласковымъ взглядомъ глубокихъ, выразительныхъ и нѣжныхъ глазъ Его—взглядомъ, котораго до конца жизни не забудетъ ни одинъ изъ тѣхъ кого озарили свѣтомъ эти чудные, теперь вѣчнымъ сномъ сомкнутые, глаза. На нижней ступенькѣ лѣстницы Государь, тронутый до слезъ, обнимаетъ Короля, Наслѣдную Чету и Дѣтей Ихъ. Вотъ отчаливаетъ паровая шлюпка при громѣ орудій морскихъ батарей и стоявшихъ на рейдѣ датскихъ и французскихъ броненосцевъ. Громче огненныхъ языковъ пушекъ гудятъ изъ многотысячной толпы прощальные клики *ура*, а съ *Полярной Звѣзды*, сквозь дождь и туманъ, тихо доносятся звуки русскаго гимна.

«А все же это не было окончательнымъ прощаніемъ.

«Царю не хотѣлось оставить берега любимой Имъ Даніи. Онъ повелѣлъ немного повременить отъѣздомъ и, къ заходу солнца, когда уже прояснилось небо и стали проглядывать звѣзды, Государь Императоръ со всею Своею Державною Семьей снова вышелъ на берегъ и, къ радости Своихъ Королевскихъ Родственниковъ, неожиданно прибылъ во дворецъ Амаліенборгъ.

«Всѣ окна во дворцѣ вдругъ освѣтились. Проходившимъ мимо черезъ площадь слышны были праздничные звуки музыки. Тамъ, внутри дворца, въ семейномъ кружкѣ, среди ближайшихъ приближенныхъ, за обѣдомъ бесѣдовала вся Царская и Королевская Семья. Всѣмъ Имъ Богъ далъ собраться еще разъ, на этотъ разъ—увы!—послѣдній. Поздно уже, въ 10½ часовъ, всѣ присутствовавшіе за королевскимъ обѣдомъ, всѣ до послѣдняго, проводили до пристани Царскую Семью. На слѣдующее утро, когда снялась съ якоря *Полярная Звѣзда*, солнце еще разъ освѣтило для Русскаго Государя знакомые и дорогіе Ему датскіе берега. Еще разъ озарилъ Онъ лучезарнымъ Своимъ взглядомъ уходящія очертанія любимой имъ страны—послѣднимъ прощальнымъ взглядомъ.»

Дѣтская память о Великомъ Государѣ.

20 октября.

(*Моск. Вѣд. № 297.*)

Онъ умеръ. Нѣтъ Его ужъ болѣ,
Намъ не вернуть Его опять,
Какъ видно, было въ Божьей волѣ —
У насъ защитника отнять.
Прости, нашъ Царь, прости навѣки,
Ты былъ Отцомъ, Ты насъ любилъ,
Но смерть Твои смежила вѣки —
И тихимъ сномъ Ты опочилъ.

А. К., 1й Московской женской гимназіи воспитанница IV класса.

Это стихотвореніе, циркулировавшее среди нѣсколькихъ другихъ между воспитанницами означенной гимназіи, случайно попало нашему сотруднику, который передалъ его въ редакцію. Оно напечатано безъ подписи, такъ какъ молодая поэтесса по скромности не согласилась дать подписи. Но въ № 301 *Моск. Вѣд.* напечатано слѣдующее объясненіе:

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

М. г.—Вы помѣстили въ № отъ 29 октября сего года стихотвореніе подписанное буквами А. К., въ которомъ дѣтская искренность чувства выразилась въ наивной, но уже изящной формѣ. Многіе сомнѣваются въ автентичности этого маленькаго произведенія и считаютъ его мистификаціей; потому позвольте мнѣ, какъ попечителю и крестному отцу автора, просить васъ о слѣдующемъ: благоволите напечатать замѣтку что стихи на смерть Государя дѣйствительно принадлежатъ перу гимназистки 4-го класса, 1-й гимназіи, дочери присяжнаго повѣреннаго, Александрѣ Львовнѣ Куперникъ, 14 лѣтъ.

Примите и пр.

Кн. А. Урусовъ.

Изъ Константинополя.

(*Моск. Вѣд. № 298, октября 21.*)

Свершилось. Осиротѣла Русская земля. Его нѣтъ болѣе съ нами, Великаго Миролюбца и Миротворца, Императора Александра III. Стонетъ и рыдаетъ вся страна. Какъ объ Отцѣ родномъ плачетъ Россія. Весь міръ въ тревожномъ волненіи взираетъ на образъ Великаго Покойника, Царя Русскаго.

Лишь малое время пробылъ Онъ съ народомъ Своимъ. Лишь краткіе годы мира и благоденствія успѣлъ Онъ даровать возлюбленной Своей Россіи. Но эти годы, это царствованіе останутся безсмертною гордостію и святыней русскою. Онъ не только любилъ Свой народъ, но и сознавалъ его величіе, и воплощалъ его въ Себѣ Самомъ. Онъ даровалъ намъ славнѣйшее изъ народныхъ благъ—довѣріе къ Себѣ и спокойное, миролюбивое сознаніе нашего значенія и нашей силы. Мы видѣли въ Немъ высшій идеалъ Самодержавія. Народная совѣсть, стремленіе ко благу и любвеобильный духъ народа сливались въ душѣ Его въ единую волю, въ едино сердце. Его ясныя очи и царственная улыбка сіяли добротой и милостію на все народное и все родное. Онъ былъ нашъ Русскій могучій богатырь.

О, Великій Государь, зачѣмъ покинулъ Ты насъ такъ рано? Зачѣмъ не прожилъ съ нами многія и многія лѣта?

Въ часъ страшной невзгоды вступилъ Ты на Родительскій Престолъ. И съ перваго дня, своимъ спокойнымъ величіемъ, силой воли, любовью къ правдѣ, прямымъ и яснымъ умомъ и высотой нравственныхъ чувствъ, Ты привлекъ всеобщее довѣріе и любовь. Храбро и гордо смотрѣлъ Ты на враговъ. Твердо каралъ Ты зло, но Ты презиралъ опасность, и Твоя великая душа не знала ни мести, ни страха. Козни недруговъ пытались омрачить Твою славу клеветами, уязвить Твое самолюбіе наглостью дерзкихъ обвиненій. Ты спокойно и величаво улыбался: не было предѣловъ Твоему великодушію. И предъ чистымъ и яснымъ Твоимъ величіемъ смирялись враги и завистники. Вся Европа мало-по-малу шла къ Тебѣ на встрѣчу. Ты вдохновилъ славный союзъ. Ты умиротворилъ всю вселенную. За Тебя стали молиться всѣ народы и исповѣданія: они поняли Твое значеніе.

И нынѣ предстоитъ предъ Богомъ Твоя великая, христіанская, русская душа. Молись за насъ, Царь Александръ Миролюбивый и ниспошли Твое благословеніе на народъ Твой и на

Твоего Царственнаго Сына. Онъ Преемникъ Твой не только по плоти и крови, но и по царственному духу любви, и родной всѣмъ намъ по нашей общей и великой скорби о Тебѣ. Въ этомъ сознаніи вся наша надежда.

Тебѣ же, Великій Государь и Императоръ Александръ III, слава и честь и благодарная любовь во вѣки Россійской памяти и исторіи.

Стихотвореніе 1845 года.

(*Моск. Вѣд. № 298.*)

На святое крещеніе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Александра Александровича.

Подъ сѣнью царственной намъ даръ отъ неба новый
И вѣстникъ милости Правителя міровъ,
Ты нынѣ Церковью усыновленъ Христовой
Къ *надеждѣ*, къ *радости отечества сыновъ*.
О, сынъ наслѣдника полсвѣтныя державы,
Младенецъ Александръ! Какъ много предъ Тобой
Свѣтилъ родныхъ—лучами славы
Осіяваютъ путь земной!
Да *будетъ же Твой вѣкъ Россіи благодатенъ!*
Какъ родомъ, такъ душой—будь Николаю внукъ!
Да *будешь Ты землѣ и небесамъ пріятенъ*
И брату первенцу—всегда по сердцу другъ!
Какъ Невскій Александръ – будь *Князь благочестивый*,
Какъ новый Александръ, *Герой позднѣйшихъ лѣтъ*,
Будь Александръ Миролюбивый!
Смиреньемъ будь великъ—любя небесный свѣтъ!
Благословенному достойно сопременный,
Еще величія Россіи Ты прибавь,
И имя Русское во всѣхъ концахъ вселенной —
Своею жизнію прославь!

Б. Ф.

(*Маякъ*, т. XXI, 1845 года.)

Носитель идеала.

(*Моск. Вѣд. № 298.*)

Въ царствованіи Александра III, Россіи и всему современному міру дано было пережить историческій моментъ, всю важность котораго многіе еще и не сознаютъ. Императоръ Александръ III не былъ только выразителемъ идеи. Онъ былъ истинный подвижникъ, *носитель идеала*. Тяжкій крестъ всегда бываетъ удѣломъ такихъ людей, являющихся лишь въ минуты, когда ослабѣвающее человѣчество нуждается въ особой помощи Провидѣнія. Ихъ миссія—не просто *сказать* то чего уже не могутъ понять люди, но *показать*, воплотить въ своей личности то что̀ люди еще способны почувствовать, и этимъ путемъ возродить ихъ способность понять утраченную истину.

Такіе носители идеала рѣдки въ исторіи, но, появляясь въ мірѣ, они становятся путеводнымъ маякомъ на цѣлые вѣка.

Никто не понялъ Императора когда Онъ явился. Теперь, по кончинѣ Его, можно лишь съ грустью о ничтожествѣ человѣческомъ вспоминать какъ Его встрѣтили, какъ тогда судили о Немъ. Съ тупымъ упорствомъ непониманія встрѣчаютъ каждаго носителя идеала, но Онъ своими дѣяніями и обаяніемъ своей личности принудилъ признать Себя. Онъ началъ свое служеніе съ работы надъ самимъ собой и выдержалъ самый тяжкій искусъ: побѣдилъ въ Себѣ все что̀ могло бы мѣшать Его исторической миссіи. Пришлось затѣмъ признать въ Немъ неутомимое трудолюбіе, мужество, хладнокровіе, независимость. Пришлось признать въ Немъ мудраго правителя. Всѣ трудности, какія можно представить, становились на Его царственномъ пути, какъ будто нарочно для того чтобы со всѣхъ сторонъ освѣтить Его. Смута, измѣна, разстройство государственной казны, голодъ, моръ, опасности казалось неминуемой войны,—все одно за другимъ поперемѣнно вставало предъ Нимъ. Все побѣждалъ Онъ, все умиротворилъ, благоустроилъ, нашелъ средства борьбы и съ голодомъ, и съ эпидеміей, не допустилъ войны и сдѣлалъ изъ тринадцати лѣтъ Своего царствованія эпоху неслыханнаго благодѣнствія, тишины, довольства и славы.

Въ послѣдніе годы своей недолгой жизни Онъ уже побѣдилъ все и всѣхъ. Весь міръ призналъ Его величайшимъ Монархомъ своего времени. Всѣ народы съ довѣріемъ смотрѣли на гегемонію, которая столь очевидно принадлежала Ему по праву что не возбуждала ни въ комъ даже зависти.

Въ этомъ величавомъ образѣ, который столь неожиданно вырос передъ міромъ, Россія почувствовала нѣчто идеальное и вмѣстѣ родное, близкое сердцу. На Него смотрѣли съ любовью, и все что замѣчали въ Немъ было такъ свѣтло, такъ отрадно. Какъ Супругъ, какъ Отецъ, какъ Патріархъ своего Царственнаго рода, во всемъ являлся Онъ высокимъ примѣромъ. Его твердость была такова что исчезала даже мысль о сопротивленіи Ему. Но и доброта Его стала славною по всему міру. Прощеніе личныхъ обидъ доходило у Него до такой христіанской высоты которая была бы удивительна даже у подвижника спасающагося въ пустынѣ. Его правдивость поражала въ нашъ изолгавшійся вѣкъ. Никогда еще, даже и при такомъ царѣ-работникѣ какъ Петръ Великій, не слыхали мы о столь самоотверженномъ истощеніи всѣхъ силъ Царя на государственное служеніе. Почти четырнадцать лѣтъ Онъ посвящалъ сну не болѣе четырехъ часовъ въ сутки. Его хладнокровное пренебреженіе опасностей не разъ приводило въ страхъ окружающихъ. «Пока я нуженъ Россіи, до тѣхъ поръ не умру», говорилъ Онъ съ глубокою вѣрой въ Промыслъ Божій. Жилъ Онъ—для Россіи. Онъ весь былъ въ Своемъ долгѣ.

И среди этихъ великихъ трудовъ Онъ не былъ ни суровъ, ни мраченъ. Въ рѣдкія минуты отдыха Онъ любилъ добродушно пошутить, посмѣяться добрымъ смѣхомъ. Не по вкусу Его были шумныя забавы. Онъ отдыхалъ тихими радостями семейной жизни. Его обожали дѣти, толпой окружавшія Его во Фреденсборгѣ, не знавшія высшей радости какъ веселая игра вокругъ «Дяди Саши». Такъ называла Его молодая толпа разноплеменныхъ отраслей родственныхъ королевскихъ домовъ. Все было въ Немъ такъ царственно-величаво и такъ человѣчески-прекрасно, чисто и симпатично, что всѣ сердца привязывались къ Нему любовью дѣтей къ Отцу, никогда не теряя чувства почтительнаго страха.

Это были счастливые годы Россіи, но чтобы поняли люди Избранника Божія, предстояло еще тяжкое испытаніе, подвигъ смерти, раскрывающей смыслъ жизни.

И вотъ сразу, неожиданно, нестерпимо больно оборвались годы счастья. Не Богатырь, ломающій подковы, явился уже предъ взорами, а человѣкъ больной, ежедневно слабѣющій, едва двигающійся. Смерть подходила къ Нему шагъ за шагомъ. И тутъ только поняли мы какъ дорогъ Онъ намъ, тутъ только сознали что живемъ Имъ. Чувствовалось какъ будто солнце потухаетъ въ мірѣ. Быть-можетъ, никогда еще ни о комъ такъ не молилась Россія,—и слышалось во всенародной

молитвѣ прошеніе, что ужь если нужно наказать насъ, то пусть лучше Богъ пошлетъ всякія другія бѣдствія, только *не это*. Въ эти томительные дни созналось въ сердцѣ русскомъ все Имъ созданное.

А Царственный Страдалецъ тихо догоралъ, прикованный къ ложу смерти. Но въ Его слабѣющемъ тѣлѣ все ярче сіяло величіе Его безсмертнаго духа. Онъ умиралъ безтрепетно, безъ жалобы, все время думая лишь о близкихъ сердцу и о Своемъ Царскомъ служеніи. А когда останавливалъ Онъ мысль на *Себѣ*, это была мысль о душѣ Своей и о Богѣ, предъ Котораго Онъ готовился предстать. До неузнаваемости истощенный, съ больными, отекшими ногами, Онъ подымался на молитву, Онъ преклонялъ колѣни и молился такъ пламенно какъ молятся пустынные подвижники, со слезами сердечнаго умиленія, съ вѣрой, доступною лишь такому чистому сердцу.

Воистину, Благочестивѣйшій Государь умиралъ предъ нами кончиной праведника, безъ страха или унынія. Онъ самъ объявилъ что чувствуетъ приближеніе смерти. Этотъ день, 20 октября, былъ единственнымъ днемъ царствованія, когда Государь уже не работалъ для страны Своей. Еще наканунѣ Онъ давалъ Свои рѣшенія на вопросы правленія, и на бумагахъ 19 октября потомство увидитъ сдѣланныя Его рукой помѣтки: «Читалъ.» 20-го числа Государь объявилъ о предстоящей кончинѣ Своей. Онъ успокоивалъ Свою плачущую Супругу: «Будь покойна. Я совершенно спокоенъ», говорилъ Онъ. Немногимъ посылается такая кончина. Никакіе предсмертные ужасы не смущали Его. Еще разъ Государь пріобщился Св. Таинъ. Онъ помолился съ отцомъ Іоанномъ. Со всѣми простился Онъ, никого не позабылъ. Медленно надвигалась торжественная минута, и Государь, все время въ ясности сознанія, уже созерцалъ оба міра, на рубежѣ которыхъ находился. Вотъ оживился слабѣющій взоръ, забилось ослабѣвшее сердце... Что̀ увидѣлъ Онъ предъ собой? Только вѣра открываетъ намъ тайну послѣдняго вздоха, и вѣруетъ православная Русь что свѣтлые ангелы вознесли чистую душу къ Престолу Божію.

Не стало нашего Государя. И тутъ какъ бы пелена спала съ глазъ, и во весь ростъ явился предъ нами величаво-плѣнительный образъ Носителя идеала, созрѣвшій для безсмертія.

Какъ въ картинѣ великаго художника, чѣмъ болѣе всматриваешься, тѣмъ болѣе поучаешься, такъ и въ Немъ еще много лѣтъ и много умовъ будутъ открывать все новыя поученія. Но и теперь уже мы съ ясностію видимъ нѣчто Имъ освѣщенное.

Предоставимъ Монархамъ изучать въ Немъ то что̀ особенно важно въ ихъ служеніи. Обратимъ вниманіе на то что̀ осо-

бенно важно понять *народамъ*, которые также должны способствовать дѣяніямъ монарховъ своихъ.

Въ какомъ состояніи умовъ засталъ міръ Александръ III?

Все движеніе умовъ современности, весь ходъ политической жизни привели европейскій міръ, и все находящееся подъ вліяніемъ его, къ полному паденію идеи монархіи. Только въ самодержавіи эта идея доразвивается до своей полной высоты, но превратности историческихъ судебъ направили европейскую монархію на дорогу «абсолютизма». Два великіе человѣка положили начало христіанскому государству: Константинъ и Карлъ Великій. Но исторія задушила созданіе одного и исказила созданіе другаго. Нашему времени суждено было увидѣть *третьяго* Государя, объясняющаго міру идею двухъ первыхъ.

«Какой тяжкій крестъ жизнь моя», говоритъ въ легендѣ Карлъ Великій, находясь на вершинѣ власти и славы. Эта идея христіанскаго «подвига» монарха все болѣе падала и замѣнялась идеей простаго абсолютизма, то-есть сосредоточенія власти, и, еще хуже — поглощенія государемъ государства, выразившагося въ прискорбно-ложной формулѣ: «L'Etat c'est moi.» Вмѣсто «подвига», вмѣсто «креста», является *le bon plaisir* короля. Это искаженіе монархическаго идеала, даннаго христіанствомъ, должно было повести монархію къ неизбѣжному паденію.

Паденіе идеи было столь полно что даже забылся смыслъ ея, забылось ея значеніе какъ *вѣчнаго* принципа. Монархія стала разсматриваться какъ форма правленія свойственная лишь одному періоду развитія націй. Даже тѣ, кто любовались красотой этого принципа въ прошломъ, не могли отдѣлаться отъ ложнаго убѣжденія, будто это уже не для насъ, будто это нѣчто уже «пережитое» и къ современнымъ условіямъ непримѣнимое. Это ложное убѣжденіе стало распространяться даже и у насъ. Оно придало особый оттѣнокъ всему политическому творчеству такъ-называемаго «реформеннаго» періода, когда, начиная дѣлать безусловно необходимое, мы портили свое дѣло, постоянно подгоняя его къ предполагаемому въ будущемъ ограниченію Самодержавія и подготовленію народа къ предполагаемому въ будущемъ народовластію. Убѣжденіе въ томъ что идея монархіи есть нѣчто «пережитое» еще больнѣе было видѣть у самихъ монархистовъ, которые при Императорѣ Николаѣ Павловичѣ боялись допускать всякое сравненіе *своего* принципа съ *чужимъ*. И въ наши дни, сколько проницательныхъ умовъ, любя монархическій принципъ, не могутъ представить его себѣ внѣ непремѣнно «древней», средневѣковой, обста-

новки и черезъ это портятъ свой свѣтлый идеалъ *будущаго* стремленіями къ невозможному возврату *назадъ*.

Нужно было появленіе великаго человѣка чтобы показать истинный смыслъ *вѣчнаго* принципа. Это сдѣлалъ нашъ незабвенный Государь. Онъ показалъ всему міру что и теперь, безо всякаго возвращенія назадъ, безо всякой «реакціи», безъ какого бы то ни было нарушенія «современныхъ» потребностей,— такъ же какъ и въ старину *возможенъ* Самодержецъ, что и нынѣ какъ всегда представляетъ онъ высшую форму власти, наиболѣе мудрой, наиболѣе благодѣтельной, и наиболѣе понятной для *сердца* христіанскихъ народовъ.

Мы должны понять всю цѣну этого указанія. Александръ III не только далъ тринадцать лѣтъ благоденствія своему народу. Онъ указалъ не только то что *мы* имѣемъ наивысшую форму Верховной Власти. Онъ далъ понять нѣчто несравненно большее, и не однимъ намъ, а всему міру.

Дѣло въ томъ что забвеніе смысла монархіи дѣлаетъ ее невозможною для мятущихся народовъ Европы. А невозможность ея именно нынѣ, именно въ современныхъ условіяхъ, прямо угрожаетъ *разложеніемъ* націй и *паденіемъ* европейской культуры.

Дѣйствительно, если невозможна монархія, если невозможна власть *высшая*, стоящая *внѣ* и *выше* власти народной, то становится неизбѣжнымъ стремленіе къ такому устройству обществъ, при которомъ было бы возможно народоправленіе. Къ этому и направляются повсемѣстно всѣ усилія.

Но народъ, нація, по природнымъ условіямъ, не есть нѣчто однообразное. Это—сложное цѣлое, составленное изъ различныхъ слоевъ, изъ множества группъ. Всѣ они необходимы, все это разнообразіе и разслоеніе неизбѣжны и необходимы для жизни, и чѣмъ выше культура, тѣмъ рѣзче и замкнутѣе они становятся, тѣмъ болѣе способны они вступать между собой въ борьбу. Но и жить порознь они не могутъ. Имъ необходимо національное объединеніе въ чемъ-либо единомъ, ни съ чѣмъ не враждующемъ, ко всѣмъ интересамъ одинаково внимательномъ.

Народоправленіе пробуетъ объединить страну въ парламентахъ. Попытка жалкая, быстро терпящая крушеніе. Вмѣсто единенія, она перенесла въ сосредоточіе власти всю вражду, всю борьбу, какая только есть въ націи, и чѣмъ лучше осуществляется идея представительства, тѣмъ болѣе позорныя рыночныя сцены переносятся въ центръ власти; чѣмъ болѣе интересовъ представлено въ парламентѣ, тѣмъ болѣе разъеди-

пенія является въ самой власти, смыслъ которой только въ объединеніи.

Если для паденія идеи монархіи на Западѣ потребовались вѣка, то для паденія идеи представительства достаточно было нѣсколькихъ десятилѣтій. Всѣ пробы были сдѣланы. Единства нѣтъ. И вотъ совершенно неизбѣжно явилась въ міръ мысль уничтожить въ самой націи ту сложность состава, которая даетъ жалкія и позорныя сцены парламентскаго безсилія. Идея *всеуравненія* охватываетъ весь Западъ. Все должно быть одинаково. Такъ гласила сначала либеральная демократія, которая *неизбѣжно* должна была перейти въ демократію соціальную. Все должно стать равнымъ, одинаковымъ, безъ различій...

Да, тогда, конечно, наступило бы *единство*. Но тогда наступитъ также и культурная смерть. Опасность эта уже сознается. Но Западъ не видитъ никакого другаго пути и съ лихорадочною поспѣшностію торопится весь свой «прогрессъ», всѣ свои реформы направить туда гдѣ ждетъ ихъ послѣдній конецъ.

Вотъ среди какой прискорбной работы самоуничтоженія увидѣлъ міръ передъ собою Александра III, а съ Нимъ—и смыслъ осуществленнаго Имъ идеала.

Сколько недоразумѣній падаетъ при одномъ взглядѣ на это великое царствованіе! Какъ много забытыхъ истинъ оно открываетъ. Монархія—не диктатура, не простой «абсолютизмъ». Диктатура есть единоличное исполненіе назрѣвшей народной воли, абсолютизмъ есть ея отрицаніе. Монархія—въ своемъ Самодержавномъ идеалѣ—можетъ иногда сдѣлать то что̀ дѣлаетъ диктатура, можетъ, если нужно, выступить и съ отверженіемъ народной воли. Но сама по себѣ, она стоитъ выше чѣмъ какая бы то ни было народная воля. Монархія есть идея подчиненія интересовъ и желаній высшей *правдѣ*.

Въ монархіи нація ищетъ освященія всѣхъ проявленій своей сложной жизни подчиненіемъ *правдѣ*. Для этого нужна единоличная власть, потому что только личность имѣетъ *совѣсти*, только личность несетъ *отвѣтъ* передъ Богомъ. Нужна власть *неограниченная*, ибо всякое ограниченіе власти Царя людьми освобождало бы Его отъ отвѣта передъ совѣстью и передъ Богомъ. Окружаемый ограниченіями, Онъ уже подчинялся бы *не правдѣ*, а тѣмъ или инымъ интересамъ, той или иной земной силѣ.

Однако, неограниченность и единоличность рѣшенія есть не существо монархіи, а лишь необходимое условіе для того чтобы всѣ соціальные интересы, всю ихъ вражду и борьбу

приводить къ соглашенію предъ одинаковою надъ всѣми властью *правды*.

Вотъ почему Носитель идеала и пришелъ въ міръ, по высказанному въ послѣдніе дни всѣмъ міромъ убѣжденію, какъ Царь *правды и мира*. Онъ долженъ былъ быть именно таковъ, ибо сущность монархіи и состоитъ въ *примиряющей силѣ высшей правды*.

Не ломаетъ монархъ соціальнаго строя жизни, не уничтожаетъ онъ никакихъ различій, создаваемыхъ ея разнообразіемъ, не упраздняетъ ни великаго, ни малаго, но все направляетъ такъ чтобы развитіе всѣхъ слоевъ, всѣхъ группъ, всѣхъ учрежденій ни въ чемъ не нарушало правды. И этимъ онъ даетъ націи то единство, котораго тщетно искали въ «представительствѣ», а нынѣ безумно рѣшаются достигнуть въ самоубійственной уравнительности.

Не уничтожаетъ монархъ никакой самодѣятельности, никакого совѣта, никакой работы мысли народной, не отрицаетъ онъ и народной воли, когда она существуетъ. Онъ *выше* всего этого. Онъ данъ не для уничтоженія всего этого, но для *направленія*. Для него нѣтъ ни мудраго, ни глупаго, ни сильнаго, ни безсильнаго, ни большинства, ни меньшинства. Для него есть только *совѣсть* и *правда*. Онъ долженъ все видѣть, но поддержитъ только то въ чемъ правда.

Императоръ Александръ III показалъ что монархія, въ этомъ истинномъ существѣ своемъ, не есть что-либо переходное, пережитое, совмѣстимое только съ однимъ какимъ-либо фазисомъ развитія культуры, но есть принципъ *вѣчный*, всегда возможный, всегда необходимый, высшій изъ всѣхъ политическихъ принциповъ. Если этотъ принципъ становится когда-либо для какой-либо націи невозможенъ, то не по состоянію ея культуры, а только по нравственному паденію самой націи. Тамъ гдѣ люди хотятъ жить *по правдѣ*, имъ необходимо самодержавіе, и оно возможно всегда, при всякой степени культуры.

Будучи властью *правды*, монархія невозможна безъ религіи. Внѣ религіи единоличная власть дастъ только диктатуру или абсолютизмъ, но не монархію. Только какъ орудіе воли Божіей самодержецъ имѣетъ свою единоличную и неограниченную власть. Не для народа только нужна религія въ монархіи. Народъ долженъ вѣровать въ Бога чтобы желать подчинить себя правдѣ; но гораздо еще больше нужна эта вѣра для самодержца, который въ дѣлѣ власти государственной есть посредникъ между Богомъ и людьми. Не ограниченъ ни въ чемъ самодержецъ человѣческою властью или народною волей, но онъ не имѣетъ и *своей* воли, *своего* желанія. Только голосъ

правды Божіей слушаетъ онъ въ совѣсти своей. Его самодержавіе не есть привилегія, не есть простое «сосредоточеніе» человѣческой власти, а есть тяжкій подвигъ, великое служеніе, верхъ человѣческаго самоотверженія, «крестъ», а не наслажденіе. Поссму-то монархія получаетъ свой полный смыслъ только въ *наслѣдственности*. Еще и нѣтъ будущаго самодержца, еще не имѣетъ онъ своей воли, своего желанія выбирать между долей царя или пахаря, а уже *предназначено* ему отречься отъ себя и возложить на себя крестъ власти. Не по желанію, не по призванію способностей своихъ, а по Божію назначенію ставится онъ на служеніе свое. И не долженъ онъ спрашивать себя, есть ли у него силы, а долженъ только вѣрить что если Богъ избралъ, то нѣтъ уже мѣста человѣческому колебанію.

Вотъ въ какомъ величіи подчиненія волѣ Божіей дается освященіе нашей политической жизни въ идеалѣ монархіи.

Въ тѣ эпохи, когда живъ и всеобщъ этотъ идеалъ, не нужно быть великимъ человѣкомъ для достойнаго прохожденія самодержавнаго поприща. Не всѣ воины—герои, но въ хорошо устроенной арміи даже и обыкновенный человѣкъ находитъ силы геройски побѣждать и геройски умирать. Такъ и во всемъ остальномъ. Но когда наступаетъ эхоха деморализаціи, забвенія идеала,—только великій избранникъ можетъ воскрешать его въ сердцахъ людскихъ. Ему негдѣ учиться, ибо все что̀ есть кругомъ не помогаетъ ему, а только мѣшаетъ. Все онъ долженъ почерпнуть только въ себѣ самомъ, и не въ той лишь мѣрѣ какая необходима для исполненія долга, а въ той какая нужна чтобы просвѣтить все окружающее. Дѣйствительно, какая была бы помощь міру еслибы служеніе Александра III ограничилось лишь дарованіемъ Россіи тринадцати лѣтъ благоденствія? Онъ умеръ, и еслибы мы Его не поняли, то какую пользу принесло бы намъ прошлое благоденствіе? Носитель идеала посылается не для того, чтобы мы пользовались благоденствіемъ, оставаясь недостойными его, а для того чтобы возбудить въ насъ стремленіе быть достойными идеала.

Вотъ почему Нашъ возлюбленный Монархъ, такъ рано отнятый у міра, явился одаренный всѣми дарами Царственной благодати, во всемъ величіи Своего обаятельнаго образа. Вотъ почему Онъ былъ такъ праведенъ, былъ такимъ примѣрнымъ сыномъ Церкви, такимъ идеально-чистымъ человѣкомъ. Онъ былъ данъ міру такимъ чтобы мы, увидя Его, уже никогда болѣе не забыли Его...

Смерть есть минута уничтоженія всякаго земнаго величія. Но для Носителя идеала это моментъ рожденія, послѣдній ударъ

рѣзца, создающаго для насъ безсмертный образъ. Пока живетъ онъ, мы все еще не понимаемъ, все еще сомнѣваемся. Но вотъ дорисовываются послѣднія черты. Спадаетъ съ нашихъ глазъ застилающая ихъ чешуя. Ярко, ослѣпительно вырисовывается идеальный образъ, но не успѣемъ еще мы и вскрикнуть отъ восторга, а Его Самого уже нѣтъ. Раскрылся весь—и ушелъ туда гдѣ живетъ

... въ вѣчныхъ идеалахъ
То что смертнымъ въ доляхъ малыхъ
Открываетъ Божество...

Торжественны и тяжки эти великія минуты исторіи. Много вѣковъ будутъ завидовать днямъ нашимъ, а намъ самимъ— такъ тяжко, такъ больно. Зачѣмъ исчезъ Онъ? Зачѣмъ уже не можемъ мы окружить Его нашею любовью и преклоненіемъ?

Затѣмъ что награда Ему будетъ дана не нами, а Тѣмъ Кто послалъ Его. А намъ остается *поученіе*, остаются великіе завѣты Его. Въ вѣрности завѣтамъ Его должны мы искать выраженія тѣхъ чувствъ любви и благодарности, которыхъ уже не можемъ выразить ему Самому.

Л. Тихомировъ.

Царская дача во Фредeнсборгѣ.

(*Моск. Вѣд. № 299.*)

Непосредственно къ парку дворца Фредeнсборга примыкаетъ садикъ съ изгородью изъ дикихъ розъ, послѣдняя листва которыхъ теперь осыпается. Въ этомъ садикѣ высится вилла въ нормандскомъ стилѣ, съ двуглавымъ Императорскимъ орломъ надъ рѣзнымъ фронтономъ. Не велика эта вилла, и не богата, а внутри ея какъ уютно и какъ хорошо было!

Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе семейно-обаятельное чѣмъ эта Царская дача въ привѣтливомъ городкѣ Фредeнсборгѣ. Все въ домикѣ въ самыхъ миніатюрныхъ размѣрахъ, нѣтъ и слѣда блеска и величія, но всякій уголокъ убранъ съ изысканнымъ вкусомъ; всякая малѣйшая вещица настолько поэтична и изящна что легко понять глубокую любовь которую Царственная Чета всегда питала къ этому Своему «Кукольному Дворцу». Сколько семейной радости видѣли эти укромныя комнатки; сколько счастливыхъ рѣчей слышала высокая береза у открытаго окна столовой, гдѣ въ лѣтніе вечера собирались всѣ Высочайшіе и Высокіе жители Фредeнсборга около русскаго самовара у Царственной Обаятельной Хозяйки, у обожаемой Государыни Императрицы Всероссійской.

Теперь холодно и пусто въ малой Царской дачѣ; холодно и пусто, какъ и въ близь лежащемъ дворцѣ. Чѣмъ лучше жилось, тѣмъ глубже чувствуется утрата.

Ежедневно при заходѣ солнца съ башни дворцовой церкви раздается протяжный заупывный звонъ. Жители города, услышавъ его, обнажаютъ головы и поминаютъ въ глубинѣ души ласковаго Царя, Императора-Миротворца Александра III.

Л.

НА ГРОБЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

(*Моск. Вѣд. № 299.*)

Великій, мудрый, незабвенный
Усопшій Царь земли родной!
Ты всѣми чтимъ во всей вселенной,
И все склонилось предъ Тобой,
Передъ Твоей желѣзной волей,
Нелицемѣрной прямотой,
Предъ мощью грозной, честью строгой
И предъ сердечной добротой.
Вознесъ Ты Русскую Державу,
Ты ей могущество стяжалъ,
Затронуть нашу честь и славу
Никто на свѣтѣ не дерзалъ.
Поникъ и дома духъ мятежный
И притаился по угламъ,
Друзьямъ Россіи другъ надежный,
Ты страшенъ былъ ея врагамъ.
Держа такъ властно скипетръ царскій,
Ты былъ и истиннымъ Отцомъ,
Высокой жизни христіанской
Служа для всѣхъ насъ образцомъ.
Ты жить училъ Своимъ примѣромъ,
И умирать насъ научилъ,
Ты и по духу, и по вѣрѣ
Всегда роднымъ народу былъ.
И величаво-благородный,
И сердцу русскому родной,
Твой образъ въ памяти народной
Всегда останется живой.
Любилъ Ты русскою душою
Многомильонный свой народъ,
И онъ, рыдая надъ Тобою,
Утрату тяжкую несетъ.
Весь путь земной свой скоротечный
Свершилъ Ты въ царственномъ трудѣ.
Покой Тебѣ блаженный, вѣчный,
И память вѣчная Тебѣ!
Невыразимой общей скорбью

Объята Русская Земля,
Сердца горятъ къ Тебѣ любовью,
Горятъ молитвой за Тебя;
Огонь сихъ свѣчъ нерукотворныхъ
Предъ тропомъ Вышняго возженъ,
И эту дань душъ нашихъ скорбныхъ
Не презритъ, не отринетъ Онъ.
Еще горячія моленья
Въ слезахъ возносимъ къ небесамъ
За тѣхъ, Кого на утѣшенье
Оставилъ здѣсь Ты сирымъ намъ:
Русь о Страдающей Царицѣ
Молитву общую творитъ,
Своей всесильною Десницей
Господь Ее да подкрѣпитъ.
За Твоего Русь молитъ Сына,
Самодержавнаго Царя,
Да правитъ ею Онъ отнынѣ,
Завѣтъ Родительскій храня.

Елена Бѣлоруссова.

Орелъ,
28 октября.

Черты изъ жизни почившаго Государя.

(*Моск. Вѣд. № 299.*)

При тяжелой утратѣ горячо любимаго человѣка, среди наплыва горькихъ чувствъ, помимо облегчающей душу молитвы, находишь лишь одно утѣшеніе,—воспоминанія о дорогомъ усопшемъ... Тогда словно предъ глазами проносятся картины его жизни, вновь оживаютъ черты его дѣятельности, и будто слышатся его обаятельныя рѣчи...

И въ настоящіе скорбные дни, при всенародномъ горѣ и при тяжеломъ чувствѣ собственнаго сердца, подъ трогательное пѣніе ежедневныхъ панихидъ, отрываешься отъ окружающаго и уносишься мыслію въ свѣтлое прошлое.. И развертывается длинная вереница воспоминаній, окружающая лучезарнымъ ореоломъ ушедшаго отъ насъ любимаго человѣка—Царя.

Прежде всего, мысль переносится къ 26 февраля 1845 года, когда въ Аничковскомъ Дворцѣ, въ семьѣ тогдашняго Наслѣдника Русскаго престола, Александра Николаевича, и Его Супруги, Цесаревны МаріиАлександровны, родился второй сынъ, Великій Князь Александръ Александровичъ, получившій Свое имя въ честь Отца и въ память знаменитаго Дѣда, Александра Благословеннаго. Императоръ Николай Павловичъ, извѣщая объ этомъ событіи, включилъ въ манифестъ слѣдующія строки: «Мы

вполнѣ удостовѣрены, что всѣ вѣрноподданные Наши вознесутъ съ Нами ко Всевышнему теплыя молитвы о *благополучномъ возрастѣ и преуспѣяніи* новорожденнаго.»

Надежды Государя оправдались: первопрестольная Москва, вслѣдъ за Петербургомъ, услыхала дорогую вѣсть и 3 марта того же года молитвенно праздновала это радостное событіе въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ литургію и молебствіе совершалъ Московскій архипастырь Филаретъ. На это же событіе извѣстный П. А. Плетневъ отозвался слѣдующими строками: «Новый Александръ, — писалъ онъ поэту Жуковскому,—долженъ внести съ собою въ семью Наслѣдника всѣ радости, какія сопменный ему Императоръ нѣкогда внесъ въ сердце Екатерины. *Намъ не увидѣть этого будущаго, которое такъ таинственно и значительно. Чѣмъ нѣкогда сдѣлается Россія? А къ ея бытію много, много судебъ пріобщено Провидѣніемъ...*»

За этимъ первымъ событіемъ возникаютъ въ памяти годы воспитанія юнаго Великаго Князя. Ввѣренный сначала опытной боннѣ-иностранкѣ, онъ и потомъ высоко чтилъ свою первую воспитательницу: года два тому назадъ, всѣ съ умиленіемъ читали какъ Монархъ Россіи сопровождалъ къ вѣчному покою свою прежнюю руководительницу, идя за гробомъ ея и выражая сожалѣніе о такой утратѣ... Затѣмъ, въ отроческіе годы, Великій Князь былъ порученъ заботливому попеченію генералъ-адъютанта графа Бориса Алексѣевича Перовскаго и непосредственному руководству извѣстнаго профессора Московскаго университета Александра Ивановича Чивилева. Послѣдній, по отзывамъ современниковъ, считался необыкновенно свѣтлою личностью: «чистота его права, благородство и честность во всю жизнь были неукоризненны; въ высшей степени трудолюбивый, онъ пріобрѣлъ репутацію дѣльнаго профессора и хорошаго педагога». Нѣтъ сомнѣнія, что такой воспитатель, всегда отличавшійся чисто русскими взглядами и чувствами, въ одной рѣчи прямо выразивший убѣжденіе, что «наука (политическая экономія) поучаетъ какъ служить вѣрой-правдой отечеству и его отцу — Царю»,—могъ быть достойнымъ руководителемъ Царственнаго Питомца.

Благодаря заботамъ графа Перовскаго и Чивилева, юный Великій Князь получилъ основательное научное образованіе занимаясь съ извѣстнымъ академикомъ Яковомъ Карловичемъ Гротомъ, которому позже самъ заявилъ въ рескриптѣ: «неусыпнымъ усердіемъ къ дѣлу вы заслужили признательность незабвенныхъ Нашихъ Родителей». Въ юношескіе же годы, кромѣ спеціально-военныхъ занятій и всесторонняго изученія морскаго дѣла, Онъ, вмѣстѣ со Старшимъ Братомъ, Цесаревя-

чемъ Николаемъ Александровичемъ, слушалъ лекціи приглашенныхъ профессоровъ Московскаго и Петербургскаго университетовъ, причемъ русская исторія и вообще родная старина стали самымъ дорогимъ и наиболѣе важнымъ предметомъ для Царственнаго Юноши. «Мнѣ»,—писалъ Онъ въ грамотѣ П. И. Лажечникову,—«пріятно заявить, что *Послѣдній Новикъ*, *Ледяной Домъ* и *Басурманъ*, вмѣстѣ съ романами Загоскина, были въ первые годы молодости любимымъ моимъ чтеніемъ и возбуждали во мнѣ ощущенія, о которыхъ и теперь съ удовольствіемъ вспоминаю. Я всегда былъ того мнѣнія, что писатель, оживляющій исторію своего народа поэтическимъ представленіемъ ея событій и дѣятелей въ духѣ любви къ родному краю, способствуетъ къ оживленію народнаго самосознанія и оказываетъ немаловажную услугу не только литературѣ, но и цѣлому обществу.»

Свою любовь къ священнымъ русскимъ древностямъ шестнадцатилѣтній Великій Князь наглядно выразилъ при посѣщеніи Москвы въ августѣ 1861 года. Онъ прибылъ въ первопрестольную столицу со Своимъ Старшимъ Братомъ, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, и съ большимъ вниманіемъ обозрѣлъ Кремлевскія святыни, сокровища Оружейной Палаты, домъ бояръ Романовыхъ на Варваркѣ и такъ-называемую «Кутузовскую избу» на Филяхъ; въ послѣдней увидалъ портреты восьми генераловъ и, замѣтивъ что изъ нихъ оставался тогда въ живыхъ одинъ Ермоловъ, сѣлъ къ столу и прочелъ находившееся тамъ описаніе села Фили по изданію Снегирева.

Этотъ пріѣздъ въ Москву любознательнаго Великаго Князя ознаменовался достопамятнымъ событіемъ, которое и до сихъ поръ не забыто многими Москвичами. 24 августа въ Новодѣвичій монастырь ожидали Наслѣдника престола, и потому отъ имени обители были приготовлены икона Смоленской Божіей Матери и заздравная просфора. Но, ранѣе Наслѣдника Цесаревича, прибылъ въ монастырь Его Братъ, Великій Князь Александръ Александровичъ, которому монахини, въ отсутствіи игумены, и поднесли приготовленный образъ вмѣстѣ съ просфорой. Когда же въ обитель пріѣхалъ Наслѣдникъ, то настоятельница, низко кланяясь, заявила Ему о сдѣланномъ подношеніи и усердно просила принять другой образъ и просфору. Наслѣдникъ Цесаревичъ благосклонно выслушалъ объясненіе игумены, принялъ подношенія и изволилъ сказать: «Я радъ, что назначенныя Мнѣ въ благословеніе св. икона и просфора поднесены доброму Моему Брату: *Онъ достоинъ того...*» Подобный же высокій отзывъ о Братѣ былъ выраженъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и незадолго до Его безвременной кончины, въ слѣдующихъ словахъ: «это—честная, правдивая, *хрустальная* душа...»

Послѣ такихъ воспоминаній объ юныхъ годахъ въ Бозѣ почившаго Монарха, ярко выступаетъ въ душѣ новое, важное событіе Его жизни. Тотчасъ же по кончинѣ своего Старшаго, нѣжно любимаго Брата († 12 апрѣля 1865 г.), Онъ былъ объявленъ Наслѣдникомъ Русскаго Престола, а 28 октября 1866 г. вступилъ въ благословенный бракъ съ дочерью Датскаго короля Христіана IX и королевы Луизы Софіею-Фредерикою-Дагмарой, нареченною по муропомазаніи Великою Княгиней Маріей Ѳеодоровной. По поводу этого событія маститый іерархъ Москвы Филаретъ, встрѣтившій молитвой рожденіе Великаго Князя въ 1845 году, выразилъ Высокоповобрачной Четѣ такое пастырское привѣтствіе: «*Да будетъ супружескій союзъ Вашъ полонъ чистой и совершенной любви; да будетъ счастіе семейственной жизни Вашей облегченіемъ подвиговъ Вашей Царственной жизни.*» На это привѣтствіе Наслѣдникъ Цесаревичъ прислалъ слѣдующій отвѣтъ: «*Да будутъ услышаны Всемогущимъ эти молитвы старѣйшаго и достойнѣйшаго іерарха Русской Церкви; да будетъ Намъ дано споспѣшествовать благоденствію Благочестивѣйшихъ Родителей Нашихъ и заботамъ чадолюбиваго Нашего Отца и Монарха о горячо любимой Россіи...*» Кому неизвѣстно, какъ вполнѣ оправдались и благожеланія московскаго митрополита, и слова Наслѣдника престола? Кто не знаетъ, что Почившій Государь въ теченіе двадцативосьмилѣтней супружеской жизни явился образцовымъ, идеальнымъ семьяниномъ и въ продолженіе многихъ годовъ «споспѣшествовалъ благоденствію горячо любимой Россіи»?...

Со дня объявленія Наслѣдникомъ престола, на долю въ Бозѣ Почившаго выпало исполненіе многихъ важныхъ обязанностей: какъ Атаманъ казачьихъ войскъ, начальникъ различныхъ воинскихъ частей, командующій войсками Петербургскаго военнаго округа и членъ Государственнаго Совѣта, Цесаревичъ Александръ Александровичъ постепенно заинтересовывался различными областями управленія Россійской Имперіи и мало-по-малу проявлялъ отвѣтственную дѣятельность на военномъ поприщѣ. Такъ, забудетъ ли исторіи послѣдней Русско-Турецкой войны (1877—1878 годовъ) ту великую стратегическую задачу которую выполнилъ въ Бозѣ почившій Государь, командуя небольшимъ Рущукскимъ отрядомъ, но своими искусными маневрами ежечасно угрожая непріятелю?

Однако и при такой разнообразной дѣятельности въ Бозѣ почившій Государь, еще Наслѣдникомъ престола направлялъ внимательные взоры въ ту область, которая съ юныхъ лѣтъ была близка и дорога Его сердцу: эта завѣтная область—исторія

и археологія Россіи. Какъ Августѣйшій Покровитель Московскаго Археологическаго Общества, Онъ изливалъ свои щедроты на снаряженіе научныхъ экспедицій и на производство раскопокъ во многихъ замѣчательныхъ мѣстностяхъ нашей родины; какъ Августѣйшій Предсѣдатель Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, Онъ содѣйствовалъ обнародованію важныхъ документовъ, проливщихъ свѣтъ на «дѣла минувшихъ лѣтъ» Россіи, и Своимъ необыкновенно ободряющимъ словомъ побудилъ это Общество посвятить силы на изданіе «Словаря всѣхъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей», — «Словаря», въ которомъ Онъ Самъ по праву займетъ теперь самую лучшую страницу и одно изъ первыхъ мѣстъ...

Наконецъ, въ памяти всѣхъ истинно-русскихъ людей съ поразительною ясностію возстаетъ день 1 марта 1881 года,— день мученической кончины Императора Александра II и, вмѣстѣ съ тѣмъ, день вступленія Государя Александра III на прародительскій престолъ. До настоящей поры еще не забыты глубоко-знаменательныя слова перваго манифеста новаго Русскаго Монарха: «*Подъемлемъ тяжкое бремя. Богомъ на насъ возлагаемое, съ твердымъ упованіемъ на Его всемогущую помощь. Да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго Нашего отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устроенію счастія всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ...*»

Нѣтъ сомнѣнія, что каждый, кто внимательно присматривался къ русской жизни въ послѣднія тринадцать лѣтъ (1881—1894 гг.), ясно сознавалъ, какъ вполнѣ осуществились желанія въ Возѣ почившаго Монарха—«*устроить счастіе вѣрноподданныхъ*». Притомъ въ настоящее время кипы газетныхъ листовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, повѣдали всему міру о безчисленныхъ заслугахъ Его для родной Россіи и всей Европы. Но изъ-за всей дѣятельности этого незабвеннаго Государя, изъ-за многихъ Его распоряженій, поступковъ и рѣчей, для всякаго, кто живетъ не только умомъ, но и сердцемъ, рельефно выступалъ всегда обликъ Царя-*человѣка*, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, съ такими симпатичными, привлекательными чертами, что опѣ теперь невольно приходятъ на память и отрадно отзываются въ каждой чисто-русской душѣ.

Здѣсь, прежде всего, хочется съ удовольствіемъ отмѣтить Его *искреннюю любовь ко всему русскому*, съ которою такъ тѣсно соединялся даже внѣшній образъ почившаго Государя. Эти добрые голубые глаза со свѣтлымъ открытымъ взоромъ, это симпатичное лицо обрамленное густою свѣтлорусою бородой, этотъ мощный богатырскій ростъ, наконецъ,—этотъ введенный Имъ и для всѣхъ военныхъ нарядъ, въ видѣ русскаго

казакина, русскаго кушака, круглой шапки и высокихъ сапогъ,— все это дивно соотвѣтствовало народному представленію о великомъ Государѣ всея Руси. Между тѣмъ, подъ этимъ чисто-національнымъ костюмомъ билось истинно-русское сердце. Почившій Государь любилъ старинные отечественные обычаи: такъ при немъ возобновилось при дворцѣ ежегодное *славленье* на Рождествѣ и «молитвословіе» подъ Новый Годъ, какъ дѣлалось въ старинныхъ русскихъ теремахъ. Онъ любилъ читать болѣе русскія газеты, внимательно слѣдилъ за развитіемъ русской науки и литературы, охотно и милостиво поощрялъ замѣчательныхъ русскихъ писателей: напримѣръ Онъ далъ пенсіи покойнымъ — Достоевскому и Островскому, признавая что эти лица своими произведеніями сослужили добрую службу предъ родиной. Онъ же первый, любя русское искусство, отмѣнилъ монополію театровъ и способствовалъ развитію частныхъ сценъ въ Россіи, а на запискѣ А. Н. Островскаго о неотложной потребности народнаго театра въ Москвѣ изволилъ собственноручно начертать: «*Было бы весьма желательно осуществленіе этой мысли, которую Я раздѣляю совершенно.*» Любилъ Онъ также русскую живопись, пріобрѣтая для Своего кабинета, Дворца и Эрмитажа картины съ родными пейзажами и народными сценами, а также болѣе сочувствовалъ національной музыкѣ: еще Наслѣдникомъ престола Онъ принималъ участіе въ оркестровыхъ исполненіяхъ, играя на духовыхъ инструментахъ. Его чисто русская черта сказывалась даже въ любви къ національнымъ кушаньямъ: послѣднія онъ всегда предпочиталъ произведеніямъ заграничной кухни...

Съ этою *любовью къ родному* неразрывно сплеталась *простота* Его вседневной жизни. Не любя внѣшняго блеска, ненужной роскоши и ослѣпительной пышности, почившій Государь не жилъ въ Большомъ Зимнемъ Дворцѣ. Ему болѣе нравился небольшой Аничковскій Дворецъ, гдѣ Онъ родился, провелъ юные годы, гдѣ жилъ много лѣтъ еще Наслѣдникомъ Престола. Тамъ, среди болѣе скромной обстановки, дни проходили «среди державныхъ думъ» и кратковременныхъ досуговъ, которые Почившій любилъ проводить среди Августѣйшей Семьи. Онъ тамъ интересовался играми Своихъ Дѣтей, зимой катался съ ними съ горъ, устроенныхъ въ дворцовомъ саду, и игралъ въ снѣжки со Своими Сыновьями. Такой же простой образъ жизни Монархъ проводилъ во время пребыванія въ Гатчинѣ и Петергофѣ. Но особенною простотой и доступностью запечатлѣвались поѣздки по финляндскимъ шхерамъ и временная жизнь въ Копенгагенѣ; тогда въ тѣсномъ кругу Семьи и близкихъ лицъ Монархъ являлся добродушнымъ

русскимъ человѣкомъ, обворожая всѣхъ своимъ характеромъ и самыми простыми занятіями: со старыми рыбаками удилъ рыбу, съ Августѣйшими дѣтьми, на какомъ-нибудь островѣ, собиралъ ягоды и цвѣты, заходилъ въ любую хижину и выпивалъ кружку молока среди самаго простаго разговора съ хозяевами...

При такой *простотѣ* въ почившемъ Государѣ сказывалась *прямота* мысли и дѣйствій. Самъ постоянно правдивый, Онъ не стѣснялся открыто указывать на ошибки и проступки другихъ, даже высокопоставленныхъ лицъ, но особенно не любилъ тѣхъ кто хотѣлъ затемнить истину, скрыть погрѣшность и представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ. Привыкая къ преданнымъ сотрудникамъ, цѣня ихъ прямодушныя и безъ стѣсненія выраженныя мнѣнія, въ Бозѣ почившій Государь Самъ внимательно входилъ въ каждое дѣло и откровенно говорилъ или писалъ свои сужденія. Его рукой на докладахъ начертаны многія такія резолюціи: «*утѣшительно*», «*очень счастливъ*», «*весьма радъ*» и др. Въ противномъ же случаѣ Онъ поступалъ безъ промедленія, рѣшительно и спокойно, особенно если былъ увѣренъ въ непоправимости ошибки, сдѣланной какимъ-нибудь лицомъ. Самымъ убѣдительнымъ образомъ такой прямоты служитъ извѣстное исключеніе изъ русской службы Болгарскаго князя Александра... Вообще почившій Государь, какъ другъ истины, и предъ цѣлымъ міромъ открыто заявлялъ свое убѣжденіе, свою завѣтную мысль. Такъ изъ многихъ примѣровъ невольно вспоминаешь знаменитый тостъ «за Черногорскаго князя Николая, *единственнаго друга Россіи*»,—тостъ отдавшійся громкимъ эхомъ по всей Европѣ...

Вотъ нѣсколько симпатичныхъ чертъ, которыя, подобно цвѣткамъ составляющимъ изящный вѣнокъ, обрамляютъ дорогой образъ почившаго Монарха и обрисовываютъ Его характеръ.

Въ настоящую же минуту, всѣ вѣрноподданные Русскаго Царства «едиными усты и единымъ сердцемъ» должны повторить строки Жуковскаго, обращаясь ко въ Бозѣ почившему Отцу и Благодѣтелю:

Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь Твою межь нами!
За тропъ Твой, царскими дѣлами
И сердцемъ благостнымъ Твоимъ
Украшенный, превознесенный...
Въ единый плачъ слiясь сердцами,
Всѣ предъ Тобою говоримъ:
„Благодаримъ, Благодаримъ!“
И нѣкогда потомки съ нами
Всѣ повторятъ: „благодаримъ!“..

Историческая параллель.

(*Моск. Вѣд. № 300.*)

Въ послѣдней книжкѣ *Душеполезнаго Чтенія* (ноябрь) проводится знаменательная параллель между жизнью въ Бозѣ почившаго Императора Александра III и житіемъ Св. Александра Невскаго:

«Думы неотступною вереницей проходятъ въ душѣ, застилая глаза слезами и затрогивая самыя сокровенныя струны сердца...

«И вотъ пропосится въ душѣ картина давно, давно минувшаго... Также глубокая осень... Также томительно ждутъ Русскіе люди извѣстій съ далекой окраины...

«Великій князь Александръ Ярославовичъ Невскій возвращается изъ Орды, куда ходилъ искупительною жертвой за дорогую родину, но возвращается больной, разбитый жестокимъ недугомъ... Съ какимъ нетерпѣніемъ, съ какою радостью увидали бы Русскіе люди Его свѣтлый ликъ... Но Провидѣніе судило иначе... Не пришлось неутомимому труженику и страдальцу за землю Русскую явиться среди своего народа...

«Божественная служба совершалась въ соборномъ храмѣ въ стольномъ Владимірѣ. Митрополитъ Кириллъ, вмѣстѣ со своею паствой, возносилъ теплыя молитвы Богу, молился о благополучномъ возвращеніи великаго князя, котораго всѣ такъ долго и съ нетерпѣніемъ ждали. Устремляя свои взоры горѣ, какъ бы къ самому престолу Всевышняго, святитель внезапно былъ пораженъ необычайнымъ видѣніемъ: предъ нимъ, какъ живой, но озаренный неземнымъ сіяніемъ, Великій Князь Александръ... Тихо, какъ бы возносясь на крылахъ ангельскихъ, удаляясь вверхъ, скрылось отъ очей святителя «подобіе образа блаженнаго Великаго Князя Александра»... Митрополитъ понялъ, что доблестнаго защитника отечества не стало, и слезы закапали изъ глазъ старца...

«*Чада моя милая, знайте что зашло солнце Русской земли, — нынѣ Благовѣрный Князь Великій Александръ преставился...*»

«И бысть плачъ велій, и кричаніе, и туга, якоже нѣсть такова бывала, токмо и земли трястися...

«О, какъ мы живо понимаемъ въ настоящую скорбную минуту чувства нашихъ предковъ?.. Одна и та же «туга» роднитъ насъ теперь съ ними...

«Подобно тому какъ они въ то страшное время испытали нашествіе съ Востока ужасныхъ азіятскихъ полчищъ, истер-

завшихъ Русскую землю, мы также подверглись не менѣе страшному нашествію съ Запада чуждыхъ намъ началъ и понятій, заполонившихъ было Россію, и злодѣйскими руками отумапенныхъ ими безумцевъ растерзано было сердце каждаго Русскаго...

«Такъ же, какъ и среди насъ, къ великому утѣшенію нашихъ предковъ явился среди нихъ властелинъ, подобнаго которому не было «ни въ царѣхъ царя, ни въ князѣхъ князя, якоже... Александръ».

«Такъ же, какъ и у насъ, родитель блаженнаго Александра скончался отъ вражеской руки «нужною», то-есть насильственною смертью. Такъ же было растерзано сердце его благороднаго сына, принимавшаго на себя бремя правленія среди тяжелыхъ обстоятельствъ...

«Такъ же какъ и нашъ нынѣ въ Бозѣ почившій возлюбленный Государь, Св. Александръ не готовился быть главою своего народа, но внезапная кончина старшаго брата, поразивъ сердце блаженнаго князя невыразимою грустью, сдѣлала неизбѣжнымъ для него тяжкое бремя правленія. Провидѣніе знало *кто* нуженъ былъ Русской землѣ въ тѣ ужасныя времена...

«Такъ же какъ и нашему въ Бозѣ почившему Государю Александру Александровичу, святому предку и Ангелу Хранителю Его и земли Русской удалось отвратить ужасную тучу бѣдствій и указать Русскому народу въ чемъ долженъ заключаться на всѣ грядущіе вѣка залогъ его величія и благоденствія...

«Такъ же какъ и нашъ незабвенный Государь, Св. Князь достигъ великихъ результатовъ не громкими дѣлами славы мірской, но спокойнымъ разумомъ, глубокимъ смиреніемъ, самоотверженными трудами, *великою правдой души* и непоколебимою вѣрой въ Провидѣніе и въ силы своего народа...

«Такъ же какъ Св. Александръ, Великій Государь нашъ на высотѣ едва вообразимаго величія не соблазнился славою міра сего: страхъ Божій, искреннее, живое благочестіе и всецѣлая преданность вѣрѣ Православной проникали душу Его. Чистая семейная жизнь Его служила всѣмъ сіяющимъ примѣромъ.

«И не озарилась ли жизнь нашего возлюбленнаго Государя дивными проявленіями Божія благословенія и покрова, подобно тому какъ перстъ Провидѣнія охранялъ, среди ужасныхъ опасностей, блаженнаго князя-хранителя земли Русской?!

«И чѣмъ болѣе всматриваешься въ сіяющія черты Святаго древняго Русскаго Князя, тѣмъ болѣе поражаешься дивнымъ сходствомъ съ возлюбленнымъ, въ Бозѣ почившимъ, Государемъ нашимъ...

«Такъ же какъ недавно и у насъ, во дни Св. Александра Россія испытала въ небывалыхъ прежде размѣрахъ бѣдствія голода, и «бяше туга и печаль, на уличи скорбь другъ съ другомъ, дома тъска»... И тогда-то, какъ и нашъ возлюбленный Государь, Александръ явился «сиротамъ и вдовицамъ заступникомъ и безпомощнымъ помощникомъ».

«Не прошло и тринадцати лѣтъ, послѣ того какъ Александръ получилъ великое княженіе (сперва въ Кіевѣ: 1250—1263),— какъ Русской землѣ пришлось уже проститься со своимъ краснымъ солнышкомъ.

«Не тотъ же ли краткій срокъ пришлось и намъ лицезрѣть и радоваться на закатившееся теперь наше Красное Солнце?..»

* * *

Императоръ Александръ III и Копенгагенскій дворъ.

(Моск. Вѣд. № 301.)

ХРИСТІАНІЯ, 7 ноября (27 октября).

Если роковое извѣтіе о кончинѣ Императора Александра III приковало къ себѣ вниманіе всего цивилизованнаго міра и было встрѣчено взрывомъ всеобщаго сочувствія къ постигшему Россію горю, то ни въ одной странѣ, кромѣ развѣ самой Россіи, это скорбное міровое событіе не произвело такого глубокаго потрясающаго впечатлѣнія какъ въ Даніи вообще и Копенгагенѣ въ особенности. И неудивительно: родственныя связи Императора съ Датскимъ королевскимъ домомъ придавали этой небольшой и второстепенной державѣ блескъ и величіе, какого она уже давно не имѣла. Благодаря своему родству съ Русскимъ Царствующимъ Домомъ, Копенгагенскій дворъ за послѣдшія 30 лѣтъ сталъ обращать на себя общее вниманіе, и Данія,—страна дотолѣ незначительная, беззащитная и еще недавно потерпѣвшая сильное пораженіе, сдѣлалась «страной королей». Никакой другой иноземной страны покойный Императоръ не посѣщалъ такъ часто какъ Данію. Лѣтъ тридцать тому назадъ онъ пріѣхалъ въ Копенгагенъ въ первый разъ, и съ тѣхъ поръ часто и подолгу гостилъ въ Даніи. Пребываніе Императорской Четы въ Копенгагенѣ обыкновенно продолжалось около семи недѣль, начиная съ 20-хъ чиселъ августа до начала октября. Это время заключало въ себѣ нѣсколько торжественныхъ дней, а именно именины Государя и дни рожденія Королевы Эллиновъ и

Датской Королевы, которыя обыкновенно праздновались въ семейномъ кругу. Особенно торжественно праздновался день рожденія Датской Королевы, по случаю котораго во Фредепсборгъ обыкновенно собирались всѣ дѣти, внуки, правнуки, праправнуки, зятья и невѣстки Королевской Четы, а иногда и ихъ дальніе родственники.

Русская Императорская Чета имѣла здѣсь во дворцѣ особое, для нея одной назначенное, помѣщеніе. Оно состояло изъ небольшой узкой передней, изъ которой двери вели прямо въ другую, также небольшую, комнату въ два окна, служившую Имъ гостиной. Здѣсь стоялъ довольно старый и недорогой письменный столъ Императора. Этотъ столъ, говорятъ, былъ купленъ на аукціонѣ за 10 кронъ и такъ понравился Государю что Онъ отказался замѣнять его новымъ и не хотѣлъ даже реставрировать его. Надъ столомъ вписѣлъ портретъ Екатерины II во весь ростъ, а при немъ стояла кушетка, гдѣ Государыня часто сидѣла въ то время какъ Государь занимался своими дѣлами. Въ выдвижномъ ящикѣ стола, равно на стеклахъ окопъ имѣются вырѣзанныя отчасти самимъ Государемъ, отчасти другими членами Императорской и Королевской фамилій разныя имена и надписи, касающіяся пребыванія ихъ во Фредепсборгѣ. За этою гостиной шли спальня, бывшая вмѣстѣ съ тѣмъ уборною Императрицы, и небольшая отдѣльная комната для Государя.

Еще болѣе скромное и тѣсное помѣщеніе Императорская Чета имѣла въ небольшомъ дворцѣ Бернсторфѣ. Здѣсь Государыня Императрица и Ея сестры, Александра и Тора, проводили свое дѣтство и потому предпочитали его Фредепсборгу.

Императора часто можно было встрѣчать въ саду Фредепсборга или по близости его, гдѣ Онъ почти ежедневно совершалъ свои прогулки; нерѣдко Его видали также въ Копенгагенѣ проѣзжающимъ или гуляющимъ съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей.

Въ самомъ Фредепсборгѣ и въ окрестностяхъ его, до Гельсингера включительно, Онъ гулялъ большею частію въ сопровожденіи кого-нибудь изъ Своихъ дѣтей или дѣтей Датскаго кронпринца, часто заходя съ ними въ расположенныя на пути лавки, гдѣ покупалъ для нихъ разныя вещи. Но гдѣ бы и когда Его ни встрѣчали, Онъ Своею статною мощною фигурой и Своимъ добрымъ, кроткимъ взглядомъ производилъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе.

Любимымъ времяпрепровожденіемъ Императора здѣсь было играть съ дѣтьми. Цѣлые часы Онъ, бывало, проводилъ съ дѣтьми, гуляя съ ними въ саду и принимая участіе въ ихъ играхъ. Онъ обладалъ, какъ извѣстно, желѣзнымъ здоровьемъ

и геркулесовскою силой. Онъ могъ—и нѣсколько разъ показывалъ это здѣсь—руками разорвать пополамъ сложенную вмѣстѣ колоду картъ. Когда Онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа, Онъ нерѣдко обнаруживалъ свою силу, поднимая, напримѣръ, на Свои плечи дѣтей и даже взрослыхъ.

Пріѣзжая во Фредендсборгъ для отдыха, Онъ, однако, не переставалъ и здѣсь заниматься государственными дѣлами, работая обыкновенно не менѣе восьми часовъ въ день. Разъ даже Онъ переѣхалъ изъ дворца на Свою яхту для того чтобъ Ему удобнѣе было заниматься. Тѣмъ не менѣе пребываніе Его въ Даніи служило Ему въ нѣкоторой степени каникулами. Здѣсь Онъ рѣдко давалъ кому-либо аудіенціи и рѣдко кого принималъ у Себя, за исключеніемъ членовъ Своей Фамиліи. А послѣдніе никогда не позволяли себѣ говорить съ Нимъ о чемъ-либо другомъ кромѣ семейныхъ дѣлъ и житейскихъ предметовъ. Въ разговорѣ съ Императоромъ здѣсь всѣ безъ исключенія строго придерживались правила: не касаться близко того что̀ относилось къ Его политикѣ и Его государственнымъ дѣламъ.

Не любя ни малѣйшаго вмѣшательства въ Свои дѣла, касающіяся Россіи, Императоръ не особенно интересовался тѣмъ что̀ относилось ко внутренней политикѣ другихъ странъ. Онъ, конечно, лично, зналъ всѣхъ датскихъ министровъ, любезно клапялся имъ и милостиво разговаривалъ съ ними, но въ разговорѣ съ ними рѣдко спрашивалъ ихъ о томъ что̀ касается внѣшняго или внутренняго положенія Даніи. Но одно сознаніе того что Датская королевская фамилія связана столь тѣсными узами съ Русскимъ Царемъ придавало Даніи громадное значеніе и обаяніе, поставивъ ее на высоту равную съ другими, болѣе обширными, государствами Европы. Вотъ почему нигдѣ, за исключеніемъ, конечно, Россіи, кончина Императора не отозвалась такъ больно какъ именно въ Даніи, гдѣ роковое извѣстіе вызвало глубокую, неподдѣльную скорбь королевскаго дома и всего населенія.

* * *

Воспоминанія.

(*Моск. Вѣд. № 301.*)

Печальное шествіе останковъ въ Бозѣ почившаго Императора вызываетъ въ газетахъ воспоминанія о недавнихъ счастливыхъ встрѣчахъ Его, живаго и полнаго силы. *Южный Край* (№ 4.744) пишетъ:

«Кто не помнитъ того неподдѣльнаго, восторженнаго энтузіазма, съ какимъ встрѣчали у насъ Императора Александра III, Государыню Императрицу и все Царское Семейство послѣ желѣзнодорожнаго крушенія 17 октября 1888 года? Какъ краснорѣчиво сказалась тогда любовь Русскаго народа къ своему Державному Вождю!.. Да, это былъ незабвенный день! Это не былъ пышный офиціально-торжественный и офиціально-холодный пріемъ; это была задушевно-радостная, умилительно-трогательная встрѣча, видимо поразившая самого Государя, Которому, конечно, не впервые было убѣждаться въ преданности Своихъ подданныхъ. Съ этого дня жители Харькова имѣли право считать усопшаго Монарха особенно близкимъ и дорогимъ для себя Государемъ. Въ нашемъ краѣ, въ нашей Слободской Украйнѣ, надъ нимъ явлено было чудо Божьяго милосердія. Нашъ городъ первый изъ всѣхъ городовъ выразилъ покойному Императору тѣ чувства, съ какими была встрѣчена по всей Россіи страшная и вмѣстѣ съ тѣмъ радостная вѣсть о событіи 17 октября. И вотъ теперь черезъ Харьковъ провозятъ прахъ благороднѣйшаго изъ Монарховъ, память о Которомъ никогда не будетъ забыта ни въ исторіи Россіи, ни въ исторіи нашего края. Вся наша родина оплакиваетъ безвременную кончину Александра III, но едвали гдѣ оплакиваютъ ее такъ искренно и сердечно какъ въ Харьковѣ, имѣвшемъ случай видѣть покойнаго Государя въ одну изъ самыхъ знаменательныхъ минутъ Его жизни.»

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 301.)

Въ *Волжскомъ Вѣстникѣ* (№ 271) профессоръ Загоскинъ вспоминаетъ о дняхъ, когда Казань видѣла въ своихъ стѣнахъ почившаго Монарха:

«Мы разумѣемъ троекратное посѣщеніе Императора Александра III нашего города, давшее Казани счастье три раза принимать Высокаго Гостя въ своихъ древнихъ стѣнахъ. Всѣ три посѣщенія, несомнѣнно принадлежащія къ исторіи города Казани, имѣли мѣсто въ бытность Государя Императора Александра Александровича наслѣдникомъ престола. Первое посѣщеніе относится къ 1866 году, когда покойный Государь, незадолго до того оплакавшій кончину Своего старшаго брата, Цесаревича Николая Александровича († 12 апрѣля 1865 года), только что сдѣлался наслѣдникомъ Россійскаго престола и женихомъ высокопареченной невѣсты усопшаго брата Своего, Датской Принцессы Софіи-Фредерики-Дагмары; въ этомъ посѣщеніи сопровождалъ Наслѣдника Цесаревича Его братъ

Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Второе посѣщеніе нашего города покойнымъ Государемъ имѣло мѣсто въ 1869 году,—на этотъ разъ уже съ молодою Супругой Своею, Цесаревной Маріей Ѳеодоровной и въ сопровожденіи Великаго Князя Алексѣя Александровича. Въ третій разъ удостоилась Казань видѣть въ Своихъ стѣнахъ покойнаго Государя Императора въ 1871 году, когда Усопшій, опять-таки въ бытность свою Наслѣдникомъ престола, сопровождалъ въ путешествіи по Россіи, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, Своего Августѣйшаго Родителя, Императора Александра II.»

* * *

Лекція профессора Мартенса.

(*Моск. Вѣд.* № 304.)

Въ *Новостяхъ* (№ 303) напечатана рѣчь профессора Мартенса, произнесенная, вмѣсто лекціи, студентамъ Петербургскаго университета 27 октября:

Ф. Ф. Мартенсъ началъ свою лекцію заявленіемъ что онъ не въ состояніи въ этотъ день продолжать свои лекціи.

«Сегодня девятый день послѣ смерти Императора Александра III и черезъ полчаса, — сказалъ профессоръ, — мы всѣ отправимся въ церковь чтобы помолиться за упокой души въ Бозѣ почившаго Государя. Позвольте мнѣ лучше подѣлиться съ вами мыслями о совершившемся горестномъ для всей Россіи событіи. Позвольте мнѣ въ немногихъ словахъ охарактеризовать личность покойнаго нашего Государя, какъ она проявлялась въ области международной политики Россіи, и тогда вамъ, мм. гг., понятно будетъ почему весь цивилизованный міръ раздѣляетъ съ нами наше общее горе, и почему всѣ народы и правительства единодушнымъ образомъ признаютъ за Нимъ почетный и завидный титулъ Великаго Миротворца.

«Немногіе изъ васъ, мм. гг., могутъ имѣть вполнѣ отчетливое сознаніе о томъ что случилось 1 марта 1881 года.

«Постоянныя внутреннія волненія и преступныя покушенія, окончившіяся злодѣйствомъ 1 марта 1881 года, должны были поколебать устои международнаго значенія и величія нашего отечества. Эти устои были опять укрѣплены, международное значеніе Россіи доведено до небывалой со временъ Александра I высоты политикой и характеромъ Императора Александра III. Въ признаніи этой великой заслуги почившаго Государя встрѣчается Русскій народъ со всѣми народами цивилизованнаго міра. Въ этомъ единодушіи заключается залогъ

взаимнаго уваженія и мирной жизни въ области международныхъ отношеній.»

Обрисовавъ высокія заслуги Императора Александра III, какъ хранителя мира, профессоръ продолжалъ:

«Вотъ, мм. гг., почему покойный Государь имѣетъ законное право на титулъ Миротворца. Вотъ почему смерть Его оплакиваетъ, вмѣстѣ съ нами, вся миролюбивая Европа!

«Но вы спросите, чѣмъ же объясняется такой необычайный успѣхъ и такая общая любовь къ личности покойнаго Государя? Въ чемъ ключъ къ уразумѣнію Его международной дѣятельности?»

По мнѣнію профессора, покойный Государь былъ, прежде всего, совершенно цѣльный *характеръ*. Онъ сознательно, неуклонно и неудержимо стремился къ разъ поставленной цѣли. Никакія посторонніе соображенія и вліянія не могли сбить Его съ пути, на который Онъ разъ вступилъ; не чувства симпатіи или антипатіи руководили Его политикой. Онъ не увлекался никакими теоріями, ни такъ-называемымъ «общественнымъ мнѣніемъ», ни мимолетными соображеніями. Для Него *сознаніе исполненнаго долга* было лучшею наградой которую можетъ заслужить человѣкъ въ своей частной и общественной дѣятельности. Въ наше нервное и безхарактерное время, когда измѣнчивость убѣжденій и вѣрованій не только считается необходимою, но даже оправдывается нравственными соображеніями, быть характеромъ — значитъ быть способнымъ на всякое хорошее дѣло и на всякій подвигъ.

«Но Императоръ Александръ III не только былъ цѣльный и твердый характеръ. Онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, полнымъ *олицетвореніемъ здраваго смысла*. Если былъ правъ знаменитый французскій государственный мужъ Гизо, сказавъ что «le bon sens c'est le genie de l'humanitè» (здравый смыслъ есть добрый геній человѣчества), то Императоръ Александръ III пріобрѣлъ неопровержимое право на званіе «добраго генія человѣчества».

«Наконецъ, сила характера покойнаго Царя, несокрушимо вѣрный Его здравый смыслъ находили послѣднее и самое возвышенное выраженіе въ той *любви*, которою было переполнено Его доброе и кроткое сердце.

«Воспримемъ же, господа, этотъ возвышенный примѣръ дорогимъ завѣтомъ для нашей будущей жизни. Да будетъ *сознаніе исполненнаго долга* лучшею наградой за нашу дѣятельность и лучшимъ утѣшеніемъ въ минуты горя и отчаянія. Пусть никогда не изсякнетъ въ нашихъ сердцахъ тотъ источникъ живой любви, который творитъ въ мірѣ чудеса, и который богатымъ ключомъ билъ въ сердцѣ Государя-Миролюбца! Да будетъ вѣчная Ему память!»

Воспоминанія.

(*Моск. Вѣд.* № 304.)

Волгарь (№ 260), отъ 1 ноября, вспоминаетъ о томъ времени когда Нижній-Новгородъ имѣлъ счастіе принимать покойнаго Государя:

Въ нынѣшній историческій день не лишнимъ считаемъ подѣлиться съ нашими читателями воспоминаніями заимствованными нами изъ архивныхъ дѣлъ и связаннымъ съ посѣщеніемъ въ 1869 году Нижняго-Новгорода нынѣ въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ Александровичемъ.

«Посѣщеніе это состоялось въ 1869 году, въ то время когда нынѣ въ Бозѣ почившій Монархъ былъ еще Наслѣдникомъ Престола.

«По обычаю Русскихъ Царей, посѣтивши каѳедральный соборъ, Его Высочество поклонился праху Минина, и здѣсь, у гробницы, изволилъ выразить Свое сожалѣніе что «память этого, великаго по заслугамъ отечеству, человѣка недостаточно почтена». Гробница была въ очень ветхомъ видѣ.

«Слова Его Высочества близко были приняты къ сердцу ярмарочнымъ купечествомъ.

«Спустя нѣсколько лѣтъ, стараніями ярмарочнаго купечества, гробница приведена была въ должный видъ, причемъ работы производились гг. Далемъ и Кнлевейномъ и стоили около 17.000 рублей. Гробница эта существуетъ до сихъ поръ.

«Въ 1878 году, 20 октября, по докладѣ объ этомъ Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу, Его Высочеству благоугодно было дать на имя Нижегородскаго биржеваго комитета Высочайшій рескриптъ.

«Вотъ этотъ рескриптъ:

«Усердіемъ и жертвами нижегородскаго ярмарочнаго купечества совершено дѣло котораго требовалъ долгъ почтенія къ памяти великаго гражданина земли Русской и Нижняго-Новгорода, Козьмы Минина. Надъ прахомъ его воздвигнутъ достойный памятникъ, посреди святыни древняго соборнаго храма.

«Мнѣ пріятно думать, что поводомъ къ сему послужило посѣщеніе Мною въ 1869 году мѣстъ освященныхъ памятью великихъ въ нашемъ отечествѣ событій.

«Выраженное Мною при этомъ случаѣ желаніе было встрѣчено сочувственнымъ желаніемъ ярмарочнаго купечества и нынѣ осуществилось на дѣлѣ.

«Поставляю Себѣ долгомъ выразить сердечную Мою признательность какъ всему ярмарочному купечеству, такъ и

лицамъ въ особенности потрудившимся въ этомъ предпріятіи: бывшему предсѣдателю биржеваго комитета А. П. Шипову и нынѣшнему предсѣдателю В. П. Мошнину, какъ усердному совершителю начатаго дѣла.

«Съ благодарностію принимаю предложеніе биржеваго комитета объ употребленіи остатка собранной суммы на пользу Мининскаго Братства и на призрѣніе дѣтей воиновъ, павшихъ на полѣ брани.»

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Высочества рукою подписано:

«*Цесаревичъ Александръ.*»

«По восшествіи на престолъ въ 1881 году, въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Александровичъ, посѣтивши Нижній-Новгородъ, снова поклонился праху Минина. Гробница была уже вполнѣ реставрирована.»

Императоръ Александръ III.

(Stead. *Truth about Russia.*)

(*Моск. Вѣд.* № 305.)

Книга г. Стэда, *Правда о Россіи*, вышла въ Лондонѣ, послѣ поѣздки автора въ Россію, въ 1888 году. Интереспая вообще, она заключаетъ нѣкоторыя весьма достойныя вниманія данныя, характеризующія личность въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Нижеслѣдующія строки представляютъ ихъ компиляцію изъ разныхъ мѣстъ книги. Никакихъ измѣненій или поправокъ въ описаніяхъ г. Стэда мы не дѣлаемъ, собирая ихъ лишь какъ матеріалъ и стараясь по возможности быть ближе къ подлиннику, насколько это совмѣстимо съ формой компиляціи, къ которой вынуждаетъ прибѣгнуть то обстоятельство что у г. Стэда характеристика покойнаго Государя постоянно перемѣшана съ неинтересующими насъ въ данномъ случаѣ разсужденіями о политикѣ или описаніями различныхъ сторонъ русской жизни.

Какъ практическій Англичанинъ, всегда и во всемъ имѣющій въ виду интересы *своего* народа, г. Стэдъ старается выяснить читателямъ важность *личнаго* значенія Русскаго Государя, а также и тѣ особенности Его личности, знать которыя необходимо для того чтобы не дѣлать политическихъ ошибокъ въ отношеніяхъ къ нему.

Именно такія цѣли и придаютъ интересъ наблюденіямъ англійскаго автора, ибо побуждаютъ его быть точнымъ и объек-

ивнымъ. Г. Стэдъ самъ оговаривается что, будучи «Англичаниномъ, радикаломъ и попъ-конформистомъ (протестантомъ), онъ не можетъ смотрѣть глазами «Московита, вѣрующаго въ Царя и Восточную Греко-Россійскую Церковь». Но, оцѣнивая факты по-своему, онъ старается знать ихъ въ точности, и, именно какъ фактъ, считаетъ необходимымъ обрисовать своеобразную, необычайно глубокую власть Царя въ Россіи. Эта власть, какъ онъ объясняетъ, коренится въ самомъ сознаніи народа. Что касается Императора Александра III, Онъ относится къ Самодержавной власти совершенно такъ же какъ и Его подданные. Царь—это *Пастырь* своего народа, или, какъ еще пробуетъ объяснится г. Стэдъ на языкѣ понятномъ Англичанину,—это всенародный *трибунъ*. Вѣра русскаго крестьянина въ Царя совершенно такова какъ вѣра самого Царя въ самодержавіе. Что касается Императора Александра III, Онъ вѣритъ въ самодержавіе какъ никто изъ Его предшественниковъ. Это не значитъ чтобъ Онъ увлекался какими-нибудь оптимистическими мечтами. Но Онъ полонъ глубокаго сознанія отвѣтственности своего положенія, въ которое поставленъ Высшею Властью, одинаково держащею въ своей Рукѣ и царей и послѣдняго мужика.

Онъ поставленъ Пастыремъ своего народа и долженъ пасти его. Нравственную связь между Царемъ и народомъ, лежащую въ основѣ этой власти, г. Стэдъ старается уяснить своимъ читателямъ, указывая на удивляющее его широкое право *непосредственнаго* обращенія подданныхъ къ Царю. Нѣтъ такого преступника, который бы не могъ прибѣгнуть къ помощи Царя. Нѣтъ такого скромнѣйшаго поселянина который бы не могъ непосредственно написать Самодержцу Всероссійскому. Передъ моимъ пріѣздомъ въ Петербургъ, говоритъ авторъ, произошелъ такой случай. Одинъ убійца, приговоренный въ Сибири къ смертной казни, обратился съ прошеніемъ къ Государю. Въ это время въ Петербургѣ какъ разъ находился генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, баронъ Корфъ, которому Государь и показалъ прошеніе. Услыхавъ объ этомъ отъ барона Корфа, знакомый г. Стэда воскликнулъ: «Какъ же такой отпѣтый преступникъ могъ обратиться къ Царю?» Баронъ Корфъ съ удивленіемъ возразилъ: «Неужели вы не знаете что каждый русскій подданный никогда не теряетъ права непосредственнаго обращенія къ Верховной Власти?»

Самъ Императоръ смотритъ на это право какъ на существенную принадлежность Самодержавія. Множество всеподданнѣйшихъ прошеній, конечно, отнимаютъ у Него очень много времени. Графъ Д. Толстой поэтому рискнулъ однажды

предложить Государю чтобы, для нѣкоторой экономіи времени, всеподданнѣйшія прошенія направлялись къ министру Внутреннихъ Дѣлъ. Лицо Государя, разсказываетъ г. Стэдъ, омрачилось. «Вы забываете, сказалъ Онъ, что я Императоръ. Какъ осмѣливаетесь вы предложить стать между Мною и Моими подданными?» Конечно, невозможно осуществить право обращенія къ Царю иначе какъ письменно. Но за то — всѣ прошенія Государю, опущенныя въ почтовый ящикъ, неизбѣжно Ему доставляются. Г. Стэдъ разсказываетъ одинъ обращикъ этого. Какая-то Англичанка, простая йоркширская баба, отправляя своего сына въ королевскую армію въ Индію, сочла не безполезнымъ на всякій случай обратиться къ Русскому Государю, Котораго грозное нашествіе на Индію во снѣ и на яву грезится Англичанамъ. Письмо забавно до полнаго куріоза. Адресовано оно просто-на-просто «Александру Романову». «Я не знаю, зачѣмъ Вамъ нужна Индія», пишетъ Йоркширка: «мнѣ кажется, у Васъ уже достаточно земли для всякаго человѣка. Но если, какъ они говорятъ, Вы пойдете на Индію. то я надѣюсь что Вы отпищете моего парнишку и будете добры къ нему.» Государь очень смѣялся наивному посланію, и подарилъ его одному Англичанину, у котораго Стэдъ и видѣлъ это куріозное проявленіе материнской заботливости своей соотечественницы и ея довѣрія къ Русскому Царю.

Глубокая внутренняя связь Царя съ народомъ еще болѣе увеличивается личными качествами Императора. Въ Россіи говорятъ что Онъ—изъ Русскихъ самый Русскій человѣкъ. Однако, замѣчаетъ г. Стэдъ, Онъ изо всѣхъ Русскихъ наиболѣе напоминаетъ чисто-англійскаго джентельмена. Его характеръ авторъ выясняетъ сравненіемъ съ различными выдающимися дѣятелями своего отечества. Императоръ отличался глубокою природною религіозностію. Это какъ бы основной фондъ Его души. Въ отношеніи интеллектуальномъ Онъ представляетъ умъ несклонный къ отвлеченностямъ, но солидный, здоровый и практическій. Онъ не любитъ загадывать впередъ, въ отдаленное будущее, но когда возникаетъ какой-либо вопросъ, Онъ вноситъ въ его обсужденіе дѣловой здравый смыслъ и строжайшую добросовѣстность. Это умъ человѣка честнаго, который въ каждомъ дѣлѣ прежде всего старается понять, чего требуетъ справедливость и, уяснивъ себѣ это, уже безъ всякихъ отступленій, неуклонно ее поддерживаетъ.

Императоръ придерживается правила: «довлѣетъ дневи злоба его». Онъ старается приложить всѣ силы чтобы понять и исполнить свой долгъ даннаго момента, и вѣритъ что силы, необходимыя для этого, непремѣнно будутъ Ему ниспосланы

Небомъ. Онъ убѣжденъ что Онъ самъ и все на свѣтѣ находится въ рукахъ Бога, Который одинъ провидитъ конецъ начинаній нашихъ, и всегда найдетъ пригодныя орудія для исполненія того что̀ въ волѣ Божіей, и въ тотъ моментъ когда это угодно Богу. Это молчаливое, но глубокое убѣжденіе особенно возросло у Императора за послѣдніе годы. Въ молодости, когда Онъ и не думалъ о тронѣ, для котораго тщательно подготовлялся нѣжно любимый Имъ старшій братъ, Онъ отличался живымъ и пылкимъ темпераментомъ, былъ упрямъ и запальчивъ. Но по кончинѣ брата, когда около Него сгустилась тѣнь великой отвѣтственности, Онъ сталъ все глубже проникаться сознаніемъ другаго, вѣчнаго міра, который невидимо насъ окружаетъ и каждую минуту можетъ поглотить насъ. Обстоятельства, сопровождавшія восшествіе Его на тронъ, также не могли быть забытыми Императоромъ. Онъ знаетъ что и Самъ Онъ— человѣкъ смертный, но заботливо и невозмутимо трудится надъ исполненіемъ своего дѣла. Во время неудачнаго покушенія нигилистовъ 13 марта прошлаго (то-есть 1886) года Императоръ проявилъ самое абсолютное хладнокровіе. Это былъ день ежегодной панихиды по Государѣ Александрѣ Николаевичѣ въ Петропавловскомъ Соборѣ, гдѣ присутствуетъ вся Царская Семья. Уже только на обратномъ пути, на станціи желѣзной дороги, Императоръ получилъ увѣдомленіе о томъ что могъ подвергнуться опасности, подобной той, которая нѣсколько лѣтъ назадъ пресѣкла дни Его Августѣйшаго Родителя. Ничего не сообщая никому, Онъ продолжалъ свой путь въ Гатчину, спокойно и даже весело разговаривая въ вагонѣ, какъ будто ничего и не произошло. Лишь отпустивъ дѣтей во дворецъ и отправившись одинъ съ Императрицей черезъ паркъ, Онъ сообщилъ ей новости. Не обладая стальными нервами своего Супруга, Императрица была потрясена. Не мудрено было бы и мущинѣ почувствовать нѣкоторое безпокойство, узнавъ что онъ только-что перешагнулъ черезъ направленную противъ него западню. Но ничего подобнаго не было у Императора. Онъ просто и спокойно сказалъ только: «Я готовъ. Свой долгъ я исполню, а тамъ будь-что̀ будетъ.»

Вообще Императоръ чуждъ какихъ-либо оптимистическихъ взглядовъ на жизнь. Однажды, разсказываютъ, одинъ изъ близкихъ Ему людей съ увлеченіемъ развивалъ мысль, какъ бы много онъ измѣнилъ въ мірѣ, по новому и улучшенному образцу, еслибъ имѣлъ на то власть. Государь слушалъ молча эти мечтанія и потомъ сказалъ: «Я думаю не такъ. Господь, конечно, лучше знаетъ какъ устраивать міръ. Но что касается

Меня, то еслибы Богу угодно было завтра же положить конецъ всему—я былъ бы очень доволенъ.»

Замѣчаніе не веселое, но характеристичное для серіозно мыслящаго ума, ежедневно видящаго неразрѣшимыя проблемы жизни.

Однако, Императоръ вовсе не смотритъ подавленнымъ бременемъ Своего тяжкаго долга. Онъ несетъ этотъ подавляющій грузъ прямо и весело, добродушно, безъ бравады, съ яснымъ взглядомъ и открытымъ лицомъ человѣка умѣвшаго среди всѣхъ государственныхъ заботъ сохранить дѣтскую чистоту сердца. Всѣ Его знающіе единогласно разсказываютъ что Онъ совершенно свободенъ ото всякой раздражительности или подтачивающаго безпокойства. Для Него они несовмѣстимы съ вѣрой въ Провидѣніе. Не по Своему желанію или выбору поставленъ Онъ на Свой тяжелый постъ, съ котораго можетъ быть уволенъ только смертью. И пока увольненія не послѣдовало, Онъ будетъ исполнять долгъ, часто съ искреннимъ убѣжденіемъ что дѣло выше силъ Его, но точно также убѣжденный что Его долгъ исполнять возложенное служеніе настолько хорошо, какъ только хватитъ силъ, а остальное—въ волѣ Божіей. Если Онъ прилагаетъ *всѣ* усилія,—то Онъ, стало-быть, исполнилъ обязанность, успѣхъ же зависитъ не отъ людей. Вотъ взглядъ, который дастъ Ему спокойствіе. Касается ли дѣло заговоровъ измѣнниковъ, или интригъ иностранныхъ державъ, или заботъ внутренняго правленія, — все это для Него есть лишь «злоба дня», съ которою Онъ справится, насколько Ему дано, никогда не теряя хладнокровія философа и спокойной ясности духа христіанина.

Вообще Императоръ человѣкъ въ высшей степени здоровый: это воплощенное *mens sana in corpore sano*. У Него нѣтъ ничего нервнаго, суетливаго. Привычки жизни Его правильны. Утромъ Онъ читаетъ корреспонденцію и принимаетъ министровъ. Въ часъ Онъ завтракаетъ съ Супругой и Дѣтьми. Въ 4 или 4½, по исправленіи различныхъ государственныхъ дѣлъ, Онъ любилъ побродить съ Дѣтьми по лѣсу. Иногда, для отдыха, Онъ рубитъ дрова, но, въ отличіе отъ Гладстона, любитъ также распиливать бревна въ длину, въ зимнее же время помогаетъ расчищать снѣгъ на ледяныхъ горкахъ. Онъ отличается чрезвычайною домовитостью и любитъ проводить минуты отдыха въ семейномъ кругу, у Себя дома, или у родныхъ въ Копенгагенѣ. Семейство буквально обожаетъ Его, а служащіе разсыпаются въ похвалахъ Его постоянной добротѣ и непритязательности. Онъ—супругъ рѣдкой безупречности, и нѣжный отецъ, другъ дѣтей Своихъ. Въ Копенгагенѣ маленькіе принцы

и принцессы, англійскіе, греческіе, русскіе, любятъ толпой окружать своего «Дядю Сашу», который добродушно импровизируетъ ихъ игры. Тутъ со всѣхъ сторонъ только и слышится: «Дядя Саша, Дядя Саша!» Веселая толпа однажды выдумала игру: «Дядя Саша» долженъ былъ стоять неподвижно, а дѣти всею толпой устремлялись на Него, чтобы хотя немного сбить Его съ мѣста. Но напрасно! Могучій «Дядя Саша» стоялъ какъ скала и ни разу не уступилъ ни шагу своей позиціи.

Эта свѣтлая картинка дѣтской игры въ Копенгагенѣ, говоритъ Стэдъ, напоминаетъ мнѣ образъ Императора въ великихъ политическихъ дѣлахъ. Его никогда не собьешь съ позиціи. Онъ медлитъ начинать дѣйствовать, все взвѣшивая въ умѣ, но когда рѣшеніе принято, и Онъ поставилъ ногу на мѣсто, никакія силы земныя не сдвинутъ уже Его. Есть только одинъ случай когда Онъ соглашается пересмотрѣть принятое уже рѣшеніе. Это—если Ему докажутъ что Онъ разсуждалъ на основаніи невѣрныхъ данныхъ. Тогда Онъ, съ характернымъ чувствомъ честности и справедливости, Самъ откровенно сознается въ ошибкѣ. Въ политикѣ самая выгодная система, когда имѣешь дѣло съ Императоромъ, это—дѣйствовать безъ всякой лжи, которая Ему ненавистна. Въ этомъ случаѣ слѣдуетъ сообразоваться съ личностію Императора, потому что теченіе иностранной политики зависитъ исключительно отъ Него. И это особенно выгодно—въ цѣляхъ мира. Императоръ вообще не любитъ войны. Еще Наслѣдникомъ Онъ командовалъ арміей и знаетъ что́ такое война. Его человѣческія чувства возбуждаютъ въ Немъ нѣчто въ родѣ отвращенія къ нарушенію мира. Его честолюбіе состоитъ въ томъ чтобы быть Государемъ могущественной страны, ни разу за все царствованіе не обнажившимъ меча. Конечно, Онъ не стоитъ за миръ *какою бы то ни было цѣной*, но за миръ всею цѣной какая только совмѣстима съ національною честью и охраной интересовъ Россіи. Со времени восшествія на престолъ, Его вліяніе всегда направлялось къ предупрежденію войны, и Онъ является естественнымъ союзникомъ всѣхъ державъ, искренно стремящихся къ сохраненію мира.

Такъ обрисовываетъ англійскій наблюдатель свѣтлую личность нашего незабвеннаго Государя.

Голосъ французскаго священника.

(*Моск. Вѣд.* № *303.*)

Въ *Новомъ Времени* помѣщена рѣчь произнесенная священникомъ Лагранжемъ на панихидѣ, заказанной Французами

проживающими въ Петербургѣ, по въ Возѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III, въ церкви Св. Екатерины, на Невскомъ, послѣ прочтенія посланія кардинала Ришара:

«Какъ буду я говорить послѣ папы и кардинала, я, простой ратникъ, который не смѣетъ нарушать безмолвія, стоя на своемъ посту? Но меня извѣщаютъ, что смерть сняла узы, налагаемыя дисциплиной.

«Я выскажу здѣсь передъ Франціей, которая почтила насъ своимъ присутствіемъ, наши впечатлѣнія и наши воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ нами, петербургскими Французами.

«Не такъ давно мы видѣли Императора, счастливо избѣгнувшаго страшной опасности, не сокрушеннаго стихійною силой пара. И мы видѣли цѣлый народъ, преклоняющійся предъ Нимъ, подобно колосьямъ, которые вѣтеръ пригибаетъ къ землѣ. А теперь мы видимъ тотъ же народъ, распростертый въ глубокой скорби. И мы поступаемъ, какъ этотъ народъ, и такъ же искренно.

«Но что̀ сказать вамъ о главной чертѣ, о главномъ свойствѣ великой души Покойнаго Императора—Sancta simplicitas (Святая простота), какъ говоритъ авторъ *Подражанія Христу*.

«Простой и сильный: нескромное любопытство нѣкоторыхъ изъ насъ доставило случай видѣть въ Покойномъ безхитростную доброту нашего Генриха IV во всей ея прелести.

«Добрый и Царственный Исполинъ! Какъ часто подъ тѣнью фредепборгскихъ деревьевъ цѣлый сонмъ маленькихъ принцевъ и принцессъ, будущихъ вѣнценосцевъ, бросались на него подобно солдатамъ, устремляющимся на приступъ непріятельскихъ валовъ, и бывали не въ силахъ сдвинуть съ мѣста, хотя бы на одинъ вершокъ, этого новаго Милона Кротонскаго.

«Простой и сильный! Такъ же и въ Европѣ никто не смогъ никогда поколебать его честную прямоту подъ царскою шапкой, омоченною святымъ елеемъ.

Mole sua stat
Solidum de marmore templum (Виргилій)...
(Стоитъ неподвижно въ своей громадѣ
Крѣпкій мраморный храмъ).

«Многіе часто спрашивали себя, какая же была его основная, его главная мысль, если такая мысль была у него. Да, она у него была, и я ее знаю.

«Этотъ человѣкъ—простой и сильный, этотъ великій христіанинъ управлялъ государствомъ, какъ управляетъ сокъ, обращающійся въ жилахъ, который животворитъ; сокъ течетъ молча, сильно, живительно, его работа, медленная и могучая,

остается сокрытою, пока подъ дѣйствіемъ лучей свѣта дерево не покроется листьями и цвѣтами,—и вотъ его мысль.

«Его свѣтлый взоръ царственный, доброжелательный и ласковый, поверхъ бранденбургскихъ песковъ искалъ отвѣтнаго взора во Франціи и нашелъ его, и Франція вздрогнула и осыпала Россію золотыми плодами своего меда и золотыми плодами своего сердца. А онъ, взамѣнъ, даровалъ ей безопасность,—безопасность, которая была уже почти обезпечена нашими патріотическими усиліями, но которая, благодаря ему, стала непоколебимою.

«И теперь передъ этими алтарями, передъ Христомъ, спасибо Тебѣ, Александръ Миротворецъ! Пусть исторія въ своемъ движеніи впередъ укрѣпляетъ все болѣе и болѣе этотъ союзъ, и пусть наши флаги вѣчно переплетаются между собою, какъ они переплетаются здѣсь передъ нашими глазами.

«И да сможемъ мы, о, великій христіанинъ и славный Императоръ, умереть такъ, какъ умеръ Ты. Ты исполнилъ это дѣло, какъ и всѣ другія—in simplicitate et fortitudine...

«И да найдешь ты, о, Россія! чтобы въ одномъ словѣ выразить наши пожеланія — друзей, быть-можетъ болѣе могущественныхъ, чѣмъ мы (пусть такъ!), но не болѣе искреннихъ и не болѣе преданныхъ, чѣмъ моя возлюбленная Франція!»

Воспитаніе Александра III.

(*Моск. Вѣд. № 309.*)

Гражданинъ (№ 308) передаетъ любопытныя подробности о годахъ воспитанія въ Бозѣ почившаго Императора:

«Несмотря на то что почившій Государь по рожденію Своему не былъ, казалось, предназначенъ къ престолу, будучи вторымъ сыномъ Императора Александра Николаевича, но Провидѣніе съ самыхъ раннихъ Его лѣтъ, какъ будто въ предвѣдѣніи Его грядущей въ дали судьбы, обставило Его воспитаніе и развитіе столь богатыми духовными силами, что можно безъ преувеличенія сказать, обнимая памятью весь періодъ Его жизни до вступленія на престолъ, что рѣдко монарху выпадала на долю такая богатая помощью подготовительная къ Самодержавному престолу школа; рѣдко кто къ этой школѣ относился съ такою строгою и великою добросовѣстностью какъ именно Онъ.

«Воспитаніе Его имѣло характеръ двойной школы. Одна была, такъ-сказать, офиціальною, съ главнымъ воспитателемъ, съ помощникомъ его, съ учителями и уроками; другая была, если можно такъ выразиться, домашняя, внутренняя, или духовная.

«Главныхъ воспитателей у Него было два: въ раннемъ дѣтствѣ генералъ-адъютантъ Н. В. Зиновьевъ, а затѣмъ, до конца Его воспитанія, это дѣло велъ генералъ-адъютантъ графъ Б. А. Перовскій. Про Н. В. Зиновьева была одна молва: это былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, стараго, лучшаго закала русскій вельможа, съ золотымъ сердцемъ и съ честною душой... Отъ этой души дѣтская природа Воспитанника восприняла только хорошее, и благодаря ей духовная атмосфера періода дѣтства Александра Александровича была простая, задушевная, честная и русская.

«Въ 1860 году должность главнаго воспитателя Государевыхъ Дѣтей, Александра и Владиміра Александровичей, принялъ на себя, тогда еще свиты молодой генералъ, графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій. Это былъ выдающійся по благородству и теплотѣ своихъ чувствъ человѣкъ и царскій слуга; въ немъ горѣла и кипѣла честная и чисто-русская кровь, и принявъ отъ Государя дѣло воспитанія Его Дѣтей, онъ вложилъ въ него всю свою душу, съ точнымъ пониманіемъ того главнаго что было нужно.

«Это главное онъ свято соблюлъ. Чистая духовная атмосфера для роста Великаго Князя стала какъ будто шире; она стала живою въ смыслѣ общенія со всѣми вопросами жизни, не утративъ своей прежней простоты; изгнаны были только ложь и лесть. Въ этой атмосферѣ воспитатель пришелся по душѣ своему Воспитаннику, и испытывая вліяніе честнаго и горячо отзывавшагося на все доброе человѣка, Великій Князь имъ былъ застрахованъ отъ тѣхъ вліяній которыя въ придворной жизни обманываютъ умъ, размягчаютъ совѣсть, ослабляя чувство долга и пріучая ее къ какой-то искусственной снисходительности къ себѣ... Въ этомъ смыслѣ велика и свѣтла заслуга графа Перовскаго передъ Россіей; начавъ воспитывать въ Александрѣ Александровичѣ только Брата будущаго Государя, онъ затѣмъ, когда сіе было угодно Богу, продолжалъ въ Немъ воспитывать Наслѣдника Престола.

«Но Великій Князь Александръ Александровичъ рядомъ съ этимъ получалъ и другое воспитаніе. Оно продолжалось до 18-лѣтняго возраста. Воспитаніе это Онъ получилъ отъ дружбы со Своимъ Старшимъ Братомъ Николаемъ Александровичемъ, продолжавшейся до Его кончины въ 1865 году. Эта дружба и это воспитательное ея значеніе для будущаго Государя имѣло таинственный смыслъ Богомъ избраннаго пути. Цесаревичъ Николай Александровичъ воспитывался отдѣльно отъ братьевъ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Воспитаніе это, въ рукахъ столь многосторонне авторитетнаго

человѣка, происходило съ соблюденіемъ, такъ-сказать, всѣхъ только возможныхъ наилучшихъ условій, а такъ какъ Воспитанникъ графа Строганова былъ даровитъ, любознателенъ и прилеженъ, то на такой благодатной почвѣ воспитаніе Цесаревича принесло обильные плоды.

«И вотъ, плодами этого воспитанія Воспитанника графа Строганова — преимущественно умственнаго и государственнаго — посредствомъ дружбы Цесаревича съ Братомъ, послѣдній могъ пользоваться на полномъ просторѣ, и дѣйствительно пользовался ими. Дружба этихъ двухъ Царственныхъ Братьевъ имѣла свой особенный характеръ, и именно воспитательный для каждаго изъ нихъ; она заключалась въ обмѣнѣ, такъ-сказать, вліяній: Старшій Братъ дѣлился съ Младшимъ плодами Своего научнаго и государственнаго воспитанія, а Молодой Братъ, какъ это самъ говорилъ покойный Цесаревичъ, обмѣниваясь съ Нимъ Своими впечатлѣніями, чувствами и мыслями, имѣлъ на Него благодѣтельное вліяніе Своею искреннею и честною натурой. Внѣ уроковъ Они всегда были вмѣстѣ и жили одною жизнью. Жизнь внѣшняя, жизнь государственная тогда, въ первыхъ шестидесятыхъ годахъ, кипѣла, такъ-сказать, на всѣхъ парахъ повизной и прогрессомъ; всѣ отголоски этой жизни не могли не проходить въ воспитательныя компаты Государевыхъ Сыновей. Путемъ дружеской бесѣды Старшаго Брата съ Младшимъ — послѣдній узнавалъ многое лучше и яснѣе, чѣмъ на любой лекціи, а съ другой стороны—здравый и спокойный умъ Младшаго Брата вліялъ на болѣе впечатлительный умъ Старшаго Брата отрезвляюще. Въ этомъ отношеніи одинъ эпизодъ въ 1864 году весьма интересенъ.

«Графъ Строгановъ пожелалъ познакомить своего Воспитанника съ конституціоннымъ правленіемъ сравнительно съ русскимъ, такъ чтобъ о томъ и о другомъ Онъ могъ составить Себѣ сознательное понятіе, и для этого одному профессору поручилъ сперва прочесть лекцію о конституціонномъ правленіи, безо всякой критики, а затѣмъ другому было поручено изложить сущность Самодержавнаго правленія. Цесаревичъ не замедлилъ подѣлиться впечатлѣніями со Своимъ Братомъ; оказалось что первая лекція увлекла Его до извѣстной степени красотой изложенія; нѣсколько дней Онъ находился подъ ея впечатлѣніемъ; но когда прочитана была вторая лекція, Цесаревичъ испыталъ необыкновенно сильное впечатлѣніе, съ особеннымъ чувствомъ обнялъ Своего профессора и поблагодарилъ его за то что онъ снялъ съ Него бремя смущенія и укрѣпилъ во всемъ томъ, въ чемъ русскій человѣкъ долженъ

быть убѣжденъ... Это глубокое и живое впечатлѣніе Онъ въ тотъ же вечеръ цѣликомъ передалъ Своему Брату.

«Путешествіе Цесаревича по Россіи въ 1863 году, въ теченіе 4 лѣтнихъ мѣсяцевъ, сыграло тоже свою воспитательную роль въ жизни Его Брата, Александра Александровича, ибо Цесаревичъ писалъ Ему большія и воодушевленныя письма съ каждаго мѣста остановки.

«Зимой 1863—1865 года, какъ бы все по тому же таинственному велѣнію рока, — оба Брата еще болѣе сблизились, если только это было возможно, и настроеніе ихъ ежедневныхъ бесѣдъ становилось какъ бы серіознѣе. Первые признаки роковой болѣзни Цесаревича начали появляться намеками; Онъ становился подчасъ задумчивымъ и грустнымъ, и только появленіе Его Брата какъ будто наводило на Него лучъ свѣта Онъ именно свѣтлѣлъ, любуясь Имъ, и отъ всѣхъ требовалъ чтобъ Имъ любовались, какъ Онъ любовался Его чистою и прекрасною душой.

«12 апрѣля 1865 года въ Ниццѣ Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ умираетъ, завѣщая Своему Брату Свою Невѣсту и Свое призваніе, а Россіи завѣтъ крѣпко любить Своего Друга Брата за Его чистую и прекрасную душу.

«Здѣсь начинается новый періодъ въ жизни новаго Наслѣдника Престола. Періодъ этотъ безъ всякаго преувеличенія можетъ быть названъ долголѣтнимъ приготовленіемъ къ престолу и царствованію. Въ 1868 году Онъ женился и устроилъ Себѣ въ Аничковомъ Дворцѣ Свой тихій и мирный домъ. За годъ предшествовавшій Его свадьбѣ, Цесаревичъ кончилъ Свои классныя занятія, а съ женитьбой началъ Свои занятія добровольныя. Они заключались въ чтеніи и въ бесѣдахъ съ русскими людьми о Россіи. То и другое молодой Цесаревичъ любилъ, и бывали случаи когда предметы бесѣды съ русскими людьми до того Его увлекали что Онъ посвящалъ имъ цѣлые вечера... Невольно эти бесѣды получали для Него поучительное значеніе государственныхъ этюдовъ, ибо на нихъ сходились люди, пріѣзжавшіе изъ провинцій, съ людьми петербургскими, и каждый вопросъ въ присутствіи Великаго Князя проходилъ черезъ сужденіе двухъ взглядовъ—петербургскаго и провинціальнаго. Нужно ли говорить что именно этого рода занятія оставили въ будущемъ Государѣ глубокій слѣдъ, такъ какъ создали и укрѣпили въ Немъ навсегда живое убѣжденіе что государственная правда узнается отъ согласованія ея двухъ источниковъ — умственнаго міра петербургскихъ государственныхъ сферъ и умственнаго міра людей, работающихъ на своихъ мѣстахъ въ провинціи, а это убѣжденіе, въ свою очередь,

выработало въ Великомъ Князѣ потребность въ каждомъ вопросѣ отдавать Себѣ отчетъ, какъ о немъ думаютъ здѣсь и тамъ, и дѣлать выводы изъ сравнительнаго соображенія о вопросахъ.»

Письмо Антокольскаго.

(*Моск. Вѣд. № 309.*)

Извѣстный нашъ художникъ Антокольскій пишетъ въ *Новости* (№ 308) изъ Парижа:

«Я не политикъ, я прежде всего человѣкъ... И именно съ точки зрѣнія человѣчности меня больше всего и поражаетъ французская отзывчивость къ нашему національному горю. «Друзья узнаются не въ радости, а въ несчастіи.» Въ минуту горя видѣть возлѣ себя сочувствующихъ—большое облегченіе. Покойный Государь благословенъ Богомъ и людьми всего свѣта. Смерть Его поразила всѣхъ одинаково, всѣ искренно и глубоко оплакиваютъ Его, но больше всѣхъ —Французы. Они больше другихъ сознаютъ что такое былъ для нихъ Царь-Миротворецъ. Въ то время когда вся Европа стояла вооруженною съ головы до ногъ, опоясавшись желѣзнымъ кольцомъ; въ то время когда шумъ оружія потрясалъ воздухъ, а люди, забывая родныхъ, Бога и совѣсть, готовы были кинуться другъ на друга съ яростью хищныхъ звѣрей; въ то время — одно движеніе Царя остановило все. И сказалъ Царь: «да будетъ миръ!» и миръ осѣнилъ весь свѣтъ. Смерть Государя глубоко отозвалась въ сердцѣ каждаго—и Французовъ въ особенности. Пока жилъ Государь, Французы спокойно могли положить оружіе и взяться за соху, ухаживать за своими виноградниками и воспѣвать не побѣду надъ слабымъ, не героевъ на полѣ битвы, а Божію благодать. Милліоны матерей, женъ и дѣтей горячо молились за покойнаго Государя, какъ защитника ихъ сыновей, мужей и отцовъ. И онѣ впали въ глубокую печаль, потерявъ своего великаго защитника, хранителя мира. Ихъ скорбь искренна, глубока. Кого бы я ни встрѣтилъ, съ кѣмъ бы я ни говорилъ,— вездѣ я выносилъ одно и то же впечатлѣніе: горе и надежду. Горе о прошломъ и надежду на настоящее. Намъ, Русскимъ, остается только пожать имъ руку—молча, крѣпко и отъ всей души.»

Французскія настроенія.

(*Моск. Вѣд. № 310.*)

Франція встрѣтила извѣстіе о болѣзни Императора Александра III выраженіями такого безпокойства и проводила Его

въ могилу съ такимъ очевиднымъ горемъ, которое почти приближается къ русскому горю. Не было бы ничего удивительнаго, еслибы Франція сожалѣла о потерѣ могущественнаго покровителя. Но многочисленные голоса, раздающіеся во французской печати, ясно свидѣтельствуютъ что въ отношеніяхъ Франціи къ почившему въ Бозѣ Императору проявилось нѣчто болѣе глубокое и знаменательное. При всѣхъ увлеченіяхъ Французовъ, при многочисленныхъ недостаткахъ французскаго характера, это—нація которая изо всѣхъ европейскихъ народовъ отличается признанною чуткостью ко всему живому и высокому въ исторіи. Эта чуткость проявилась во Франціи и по отношенію къ Императору Александру III, въ Которомъ они скорѣе всѣхъ другихъ народовъ сознали великаго историческаго человѣка, указателя новыхъ путей въ развитіи народовъ. Прислушиваясь къ отзывамъ французской печати, нельзя не видѣть глубокой искренности ея симпатій, и даже болѣе, нельзя не видѣть что Императоръ Александръ III пробуждаетъ во Франціи ея собственныя чувства, порождаетъ въ ней возрожденіе многаго, что было только заглушено, а не уничтожено столѣтіемъ парламентарно-атеистической mesquinerie.

Странное и поучительное явленіе: Императоръ столь далекой и чужой страны является для Франціи *національнымъ* дѣятелемъ ея собственной исторіи. Такъ уже говорятъ во Франціи. Но будетъ еще болѣе странно и поучительно, если Франція извлечетъ изъ уроковъ Русскаго Императора болѣе поученія, нежели тѣ «Русскіе» которые, во дни памяти Почившаго, не умѣютъ найти другихъ рѣчей кромѣ напоминанія о необходимости «правовыхъ устоевъ»...

Не о «правовыхъ устояхъ», не о «представительствѣ» думаютъ Французы, видя величавый образъ нашего Самодержца. «Если исторія когда-либо создавала дѣйствительнаго *представителя*—un être representatif—въ возвышенномъ смыслѣ слова, настоящее воплощеніе стремленій эпохи въ человѣческой личности.—то это былъ Царь-Миротворецъ.» Такъ говоритъ г. Эрнестъ Жюдэ въ *Revue Hebdomadaire* (№ 129, 10 ноября), журналѣ соединяющемъ на своихъ страницахъ наиболѣе «современныя» силы Франціи. Онъ обрисовываетъ образъ Почившаго Самодержца съ любовью и горячностью лучшихъ русскихъ патріотовъ.

«Безусловный владыка обширнѣйшей изъ Имперій»,—говоритъ Эрнестъ Жюдэ,—«Онъ безтрепетно измѣрилъ разстояніе отдѣляющее Его могущество отъ Его намѣреній. Онъ наполнялъ это пространство, истощая въ него лучшіе дары Своей натуры, всю Свою доброту, всю Свою энергію и справедли-

вость. То что Онъ избранъ Богомъ для исполненія Божіей воли, за которое дастъ передъ Богомъ отвѣтъ, — у Него не было ни парадомъ, ни легкою фразой. Вся Его жизнь была безпрерывнымъ самопожертвованіемъ той идеѣ, въ которой Онъ воплощалъ свой долгъ. Онъ благоговѣйно хранилъ культъ Своей Верховной отвѣтственности и не искалъ оправданія Своей власти помимо величайшихъ услугъ оказываемыхъ Имъ народамъ, прямо, лично, безо всякаго посредничества.

«Масса, съ живою тонкостію чувствующая героизмъ своихъ благодѣтелей, еще при жизни Александра III угадала Его сердце лучше чѣмъ посланники и министры. Онъ внушалъ народамъ любовь глубокую, почти религіозную. А скептики только теперь, по смерти Его, присоединяются къ опередившимъ ихъ массамъ.

«Эпоха, нами переживаемая, смутная и безпокойная, полна язвами переходной цивилизаціи, полна первностью, легко возбуждаемою и упадающею отъ пустяковъ, потеряла охоту къ серіозному и долгому дѣлу, потому что легче отступить чѣмъ упорствовать. Александръ III со Своимъ твердымъ и здоровымъ умомъ, съ мужественными чертами характера, съ чистою душой, требующею честныхъ цѣлей жизни, не смущаясь, сталъ противъ теченія пошлыхъ общихъ мѣстъ, опредѣляющихъ поведеніе Его современниковъ.

«Поэтому на Него сначала не обращали вниманія, потомъ насмѣхались надъ Его своеобразными опытами измѣнить способы міроваго равновѣсія. Однако, вѣсъ истины, руководившей Его невозмутимое движеніе вверхъ, покорилъ, наконецъ, самыхъ упорныхъ порицателей.

«Благородная непорочность этой кончины, величіе скромности этой жизни, истощенной безъ шума, безъ заискиванія пустой популярности—побѣдили послѣднія колебанія.

«Этотъ колоссъ, въ Своей мистической простотѣ, изобрѣлъ, или возстановилъ, способъ дѣйствія, который разрушилъ всѣ макіавеллическія лукавства хитрецовъ и всякую наглость насилія. Предъ Нимъ сокрушились всѣ подвиги духа Бисмарка. Онъ принудилъ признать силу справедливости, до тѣхъ поръ гнувшейся предъ силой внѣшнею. Онъ очистилъ воздухъ, зачумленный дипломатическими хитросплетеніями и циническою испорченностью послѣдняго тридцатилѣтія.

«Молчаливый Императоръ разрушилъ предвидѣнія топчайшихъ дипломатовъ.»

Г. Эрнестъ Жюдэ передаетъ свой разговоръ съ Бисмаркомъ, который былъ въ полной увѣренности что вполнѣ обошелъ Русскаго Императора. Бисмаркъ хвалился побѣдой одержанною

при свиданіи съ Императоромъ. Онъ говорилъ болѣе часа, былъ краснорѣчивъ, убѣдителенъ, неотразимъ, какъ ему казалось. Онъ вышелъ въ восторгѣ отъ своей ловкости, убѣжденный что совершенно очаровалъ Императора. А между тѣмъ, — говоритъ г. Жюдэ,—«я изъ самыхъ подлинныхъ источниковъ узналъ что впечатлѣнія Императора были совершенно противоположныя. Онъ слушалъ своего собесѣдника съ величайшимъ вниманіемъ, но все что̀ тотъ говорилъ лишь утвердило подозрѣнія Императора. Бисмаркъ ушелъ въ полномъ самодовольствіи, а молчаливый Императоръ въ это время уже обдумывалъ Кронштадтское торжество!

«Съ дѣтства Императоръ съ горестью видѣлъ подавленіе русскаго духа вторженіемъ иноземнаго. Но гдѣ искать опоры для освобожденія? Неужели во Франціи? Можно ли было вѣрить во Францію? Императоръ много размышлялъ прежде чѣмъ раздалось Его магическое слово: «Je salue la nation Française», воскресивъ все что̀, казалось, было погребено тройственнымъ союзомъ.

«Александръ III,—заключаетъ авторъ,—представляетъ полный и рѣдкій типъ Руководителя, который не говоритъ, а дѣйствуетъ. Трибуна и печать пріучили насъ видѣть талантъ не въ дѣлѣ, а только во внѣшнемъ выраженіи. Быть-можетъ, Императоръ Александръ III поможетъ намъ излѣчиться отъ этой болтовни, обезпложивающей нашу дѣятельность.»

Приведемъ, можетъ-быть еще болѣе выразительныя, строки г. Г. де-Лакомба въ *Le Correspondant* (книжка отъ 10 ноября). Даже для Русскаго трудно было бы говорить о кончинѣ Государя съ болѣе трогательнымъ чувствомъ:

«Прежде чѣмъ призвать Его къ себѣ, Господь хотѣлъ дать Императору величайшее утѣшеніе этого міра: почувствовать себя любимымъ. Это утѣшеніе было Ему дано въ великой мѣрѣ—и затѣмъ все кончилось. Окруженный родными, за которыми тѣснилась вся масса націи, Императоръ почилъ какъ патріархъ, мужественно, благочестиво, предшествуемый передъ Высшимъ Судьей благословеніями Россіи, Франціи, Европы и всей великой семьи человѣчества.»

Авторъ вспоминаетъ, что̀ было дано его родинѣ Русскимъ Императоромъ: «Расположеніе Императора Александра III дало намъ,—говоритъ онъ,—неоцѣнимую помощь. Мы получили самоуваженіе, довѣріе, силу. Съ года ужаса (l'annee terrible, то-есть 1871 г.) мы жили изолированно, въ страхѣ передъ произволомъ могущественнаго врага. Мы работали надъ возстановленіемъ своихъ подорванныхъ силъ, не зная даже, дадутъ ли намъ время оправиться. Верховный и рѣшительный шагъ

Императора сразу измѣнилъ положеніе. Онъ принудилъ Европу возстановить равновѣсіе, — и съ этой минуты спокойствіе міра перестало зависѣть отъ каприза одного человѣка.

«Безъ сомнѣнія, Императоръ сдѣлалъ это не изъ одной симпатіи къ Франціи, а въ виду блага своей страны, и это—хорошо и справедливо. Но тѣмъ не менѣе, нужно было имѣть глубокую проницательность и великую силу души чтобы совершить такой шагъ.

«Прежде всего—эта Франція, съ которою нужно было сойтись—развѣ она не республика? Когда Бисмаркъ лукаво толкнулъ насъ въ эту форму правленія — онъ имѣлъ свою идею. Онъ хотѣлъ вырыть между нами непроходимую пропасть. Можетъ ли самая самодержавная Монархія Европы подать руку республикѣ—порожденной революціями и порождающей ихъ? И потомъ еще: въ какомъ видѣ эта республика, предметъ отвращенія и ужаса, являлась передъ глазами Святой Руси? Франція строила изъ себя безбожницу, она говорила Христу то же самое что̀ Христосъ сказалъ сатанѣ: «Отойди отъ меня.» Это могло привести въ отчаяніе нашихъ лучшихъ друзей. Скобелевъ отступилъ обезкураженный, говоря что приходится подождать, не явится ли другое поколѣніе этой націи, нынѣ революціонной противъ самого Бога. Императоръ Александръ III не смутился, однако; Онъ не былъ обманутъ внѣшностью. Позади Франціи парадирующей, кричащей, богохульствующей, Онъ увидалъ истинную Францію, какою она была и какою еще будетъ, Францію, которая вѣритъ, молится, трудится, порождаетъ честныхъ людей, героевъ и мучениковъ.

«Быть-можетъ, Императоръ, дѣлая этотъ шагъ, испытывалъ все-таки безпокойство предъ смутнымъ будущимъ Франціи. Но,—говоритъ г. Де-Лакомбъ,—кто изъ насъ, Французовъ, не испытываетъ того же чувства? Сколько разъ, смотря на страстную борьбу общественныхъ властей, взаимно другъ друга опорочивающихъ и совмѣстно принижающихся, влачащихся въ грязи, предающихъ свои и чужія тайны толпѣ, жертвующихъ всѣмъ эфемерной популярности, — смотря на все это многіе изъ насъ спрашивали себя,—остается ли у насъ еще, послѣ всего этого, какое-нибудь правительство въ человѣческой формѣ, способное къ союзу?

«Александръ III былъ глубоко религіозенъ и, воодушевленный своею вѣрой, Онъ могъ чувствовать лишь сожалѣніе къ Франціи, которая свои мрачные политическіе опыты отягощала еще самыми опасными нравственными потрясеніями въ сферѣ вѣрованій, истребляя въ націи высшую спасительную силу.

Изъ пустоты въ душахъ не выйдетъ ничего кромѣ нигилизма въ дѣйствіяхъ.

«Историки разказываютъ что Петръ Великій въ Парижѣ долго растроганнымъ взоромъ смотрѣлъ на малолѣтняго короля Людовика XV. Придворные съ удивленіемъ увидали какъ гигантъ-царь поднялъ короля-ребенка и поцѣловалъ его. Уѣзжая, разказываетъ Сенъ-Симонъ, царь пожалѣлъ Францію. Можетъ-быть, и Александръ III испыталъ то же чувство жалости и умиленія. Онъ видѣлъ Францію окруженную столькими опасностями, которыя она сама себѣ создавала. Навѣрное, благородный Императоръ былъ тронутъ, узнавъ что республика для Него смягчила свои законы, и что русскій гимнъ «Боже, Царя храни» раздавался на нашихъ праздникахъ и предъ фронтомъ нашихъ полковъ. Узнавъ, что изъ уваженія къ Нему республика допустила къ себѣ Бога, Онъ, можетъ-быть, повторилъ молитву, которую наши патріоты уже могутъ лишь втихомолку шептать: «Боже, храни Францію.»

Обрисовавъ высокую личность Императора, авторъ продолжаетъ: «Мы, Французы, принесли почившему Императору дань нашего траура, нашего восхищенія, нашей благодарности. Не опомнимся ли мы теперь нѣсколько въ нашей бурной исторіи? Роль, почти провиденціальная, которую въ отношеніи насъ исполнилъ Александръ III, дала намъ утѣшеніе, опору, силу. Но она даетъ намъ также и *урокъ*. Возможна ли была бы такая роль, еслибы мы не привели себя въ современное состояніе? Такое значеніе *иностраннаго* Государя въ нашей *національной* исторіи казалось бы невѣроятнымъ даже во снѣ. Только крайняя бѣдственность нашего положенія сдѣлала сонъ дѣйствительностью. Только рядъ революцій привелъ насъ въ положеніе, при которомъ мы привѣтствуемъ, какъ опору, иностраннаго Государя. Его услуга намъ огромна, но только потому что мы совсѣмъ опустились.

«Представьте себѣ что какая-нибудь старая русская колдунья предсказала бы Наполеону въ Кремлѣ что̀ будетъ чрезъ 80 лѣтъ? ‹‹Не пройдетъ вѣка,—который ты воображаешь своимъ,—а твой тронъ рухнетъ три раза, твоя бронзовая колонна будетъ низвергнута, твое потомство появится только для того чтобы расчленить отечество, и имя Наполеоновъ омрачится пораженіями бо́льшими нежели твои побѣды. И въ этой Франціи, которую ты воображаешь твоею, но которая тогда снова ниспадетъ въ республику,—знаешь ли ты кто будетъ самый популярный человѣкъ? Это будетъ Императоръ Святой Руси ..››

«Что сказалъ бы Наполеонъ на такой безумный бредъ старухи? И однако — рядъ революцій сдѣлалъ то что этотъ невѣроятный сонъ сталъ современною дѣйствительностью.»

Вотъ какія размышленія возбуждаютъ во Франціи воспоминанія о Государѣ, не только прославившемъ имя русское, но являющемся источникомъ поученія и для чужихъ народовъ.

Вниманіе Александра III къ русскому театру и музыкѣ.

(*Моск. Вѣд. № 311.*)

Въ только-что вышедшемъ, октябрьскомъ, нумерѣ журнала *Театральная Библіотека* находимъ слѣдующія строки посвященныя памяти въ Бозѣ почившаго Государя Императора:

«Не намъ, конечно, пытаться всесторонне оцѣнивать всѣ громадныя заслуги покойнаго Государя передъ Россіей и всѣмъ міромъ и ту потерю которую понесъ міръ съ Его кончиной; но покойный Государь, непосредственно входившій въ нужды и интересы каждой изъ многочисленныхъ отраслей благоустройства нашего обширнаго отечества, со всеобъемлющею любовью и заботой о благѣ Своей родины, даже въ узкомъ сравнительно кругѣ интересовъ русскаго театра оставилъ неизгладимые слѣды.

«Не говоря уже о той щедрости, съ какою покойный Государь благосклонно относился къ интересамъ искусства въ сферѣ Императорскихъ театровъ, въ которыхъ богатство постановокъ новыхъ піесъ достигло небывалой до сихъ поръ высоты, покойный Государь съ неменьшею щедростью поддерживалъ Императорское Русское Музыкальное Общество, даровавъ ему зданіе Большаго Театра въ Петербургѣ и неоднократно даруя крупныя суммы на устройство новаго зданія Петербургской Консерваторіи.

«Съ глубокимъ благоговѣніемъ вспомнимъ мы и о благосклонности съ которою покойный Государь относился къ ветеранамъ русской сцены. Лучшимъ примѣромъ можетъ служить наша высоко-талантливая артистка П. М. Медвѣдева, удостоившаяся въ полномъ смыслѣ царскихъ милостей Государя, всегда достойно оцѣнивавшаго настоящія заслуги и дававшаго тѣмъ высокій примѣръ.

«Крупнымъ фактомъ въ области театра является и благоволеніе покойнаго Государя къ проекту народнаго театра, составленному покойнымъ А. Н. Островскимъ. Этотъ проектъ, какъ извѣстно, былъ удостоенъ подробнаго личнаго разсмотрѣнія

Государя, и на немъ Его Величеству благоугодно было начертать слова, которыя навсегда останутся въ памяти всѣхъ, искренно преданныхъ дѣлу русскаго народнаго театра: «*Было бы весьма желательно осуществленіе этой мысли, которую Я раздѣляю совершенно.*» Къ сожалѣнію, преждевременная смерть А. Н. Островскаго помѣшала осуществленію проекта о русскомъ «національномъ театрѣ».

«Покойный Государь съ большою любовью относился и къ русской музыкѣ. Вспомнимъ какъ, по повелѣнію Его, былъ вызванъ въ Петербургъ для исполненія въ Высочайшемъ присутствіи роли Евгенія Онѣгина любимецъ московской публики П. А. Хохловъ. Во дворцѣ покойнаго Государя устраивались очень часто концерты и камерныя собранія. Въ послѣднихъ Самъ Государь изволилъ принимать участіе, лично исполняя партіи на духовыхъ инструментахъ.

«Не забудемъ также и того благоволенія, съ которымъ Государь даровалъ семьѣ покойнаго Островскаго значительную пенсію, и того участія къ поразившему всю Россію факту внезапной смерти П. И. Чайковскаго, парадныя похороны котораго, по повелѣнію покойнаго Государя, были приняты на счетъ дирекціи Императорскихъ театровъ, а также и той благосклонности, съ которою покойный Государь относился къ выдающимся молодымъ драматургамъ; какъ на примѣръ укажемъ Вл. Ив. Немировича-Данченко, удостоеннаго покойнымъ Государемъ милостивыхъ словъ при постановкѣ въ Петербургѣ комедіи *Новое Дѣло*.

«Да позволено будетъ и намъ, представителямъ печати въ области театра, присоединиться къ общей всей Россіи глубокой печали надъ прахомъ усопшаго обожаемаго Монарха.»

По тому же предмету высказывается и *Русская Музыкальная Газета*:

«Память въ Бозѣ почившаго Государя всегда будетъ дорога русскому музыкальному міру. Покойный Императоръ всегда проявлялъ необычайную отзывчивость къ дѣламъ художественнаго міра, постоянно доказывая Свою любовь и просвѣщенное вниманіе къ искусствамъ, этимъ великимъ двигателямъ жизни народа.

«Не долго спустя послѣ восшествія на престолъ Государя Александра III, была Высочайше разрѣшена всенародная подписка на памятникъ творцу русскаго музыкальнаго искусства— М. И. Глинкѣ, который и былъ торжественно освященъ 20 мая 1885 года въ Смоленскѣ.

«Кто не помнитъ, съ какимъ вниманіемъ относился Государь къ дѣятельности А. Г. Рубинштейна, заслуги котораго были

Имъ вполнѣ оцѣнены во время празднованія 50-лѣтняго юбилея этого геніальнаго піаниста.

«Нѣсколько времени спустя Государь Высочайше пожаловалъ В. С. Сѣровой 3.000 руб. на изданіе полнаго собранія музыкально-критическихъ статей А. Н. Сѣрова. Можно съ увѣренностью сказать, что не будь Высокой помощи Государя въ этомъ случаѣ, — до сихъ поръ и, быть-можетъ, еще долго русскіе музыканты не могли бы дождаться изданія сочиненій своего перваго музыкальнаго писателя.

«Въ 1892 году, во время торжественнаго празднованія 50-лѣтняго юбилея оперы *Русланъ и Людмила*, воспослѣдовало согласіе покойнаго Государя Императора на наименованіе, въ память этого событія, одной изъ лучшихъ (по желанію Императора) улицъ Петербурга—улицей Глинки

«Всѣмъ памятна любовь и уваженіе Царя и всей Царской Семьи къ покойному славному музыканту-художнику П. И. Чайковскому, похороны котораго были приняты Государемъ на Свой счетъ. Это едвали не первый примѣръ въ исторіи русской музыки. Наконецъ, еще недавно, за нѣсколько недѣль до смерти Государя Императора—въ Желязовой Волѣ былъ освященъ памятникъ великому польскому художнику Шопену...

«Вотъ лишь въ общихъ чертахъ то что сдѣлалъ Императоръ Александръ III для русскаго музыкальнаго міра, доказывая и здѣсь Свою непрерывную заботу, Свою постоянную любовь.

«Память такого Государя священна, какъ священна и Его жизнь, которую постоянно двигало желаніе доставить счастье и благополучіе своему народу».

Доброта Александра III.

(*Моск. Вѣд.* № 311.)

Петербургскій Листокъ (№ 309) приводитъ слѣдующіе примѣры доброты сердца Императора Александра Александровича:

«Въ началѣ октября 1882 года, во время вечерней повѣрки арестантовъ содержавшихся въ Казанскомъ тюремномъ замкѣ,— повѣрки производившейся начальникомъ этой тюрьмы, Васильемъ Антоновымъ,—одинъ изъ каторжныхъ арестантовъ, нѣкто Соловьевъ, нанесъ ножемъ Антонову тяжкую смертельную рану, отъ которой тотъ умеръ черезъ нѣсколько дней.

«Покойный прослужилъ немного лѣтъ, а потому не имѣлъ права на пенсію. Послѣ него остались вдова и двое дѣтокъ (обѣ дѣвочки) безъ всякихъ средствъ къ жизни. Казанскій

губернаторъ, за усердную службу покойнаго, возбудилъ ходатайство о выдачѣ вдовѣ Антонова единовременнаго денежнаго пособія, на погребеніе мужа и на первоначальныя нужды сиротъ, въ размѣрѣ 500 рублей.

«Бывшій тогда министръ Внутреннихъ Дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, представилъ о томъ всеподданнѣйшій докладъ Императору Александру Третьему, находившемуся въ то время въ Даніи, въ гостяхъ у Датскаго короля.

«Государь, прочитавъ этотъ докладъ, собственноручно сдѣлалъ на немъ слѣдующую надпись: «На выдачу единовременнаго пособія въ 500 руб. согласенъ. Я нахожу, что въ подобныхъ случаяхъ семейства убитыхъ вполнѣ имѣютъ право на пенсію. Переговорите объ этомъ съ министромъ Финансовъ и представьте докладъ.»

«А вотъ и другой, почти подобный же, случай.

«Младшій офицеръ московской конвойной команды, штабсъ-капитанъ Савичъ, при сопровожденіи имъ, въ мартѣ 1885 года, въ качествѣ начальника конвоя, изъ Москвы въ Одессу партіи ссыльно-каторжныхъ арестантовъ, сильно простудился, и, по возвращеніи обратно изъ Одессы въ Москву, черезъ два дня умеръ отъ воспаленія легкихъ.

«Послѣ смерти штабсъ-капитана Савича осталось семейство, состоявшее изъ 11 душъ: вдовы отъ втораго брака съ четырьмя дѣтьми, изъ которыхъ четвертый ребенокъ (дочь) родился въ день смерти отца, и шестерыхъ дѣтей, круглыхъ сиротъ, отъ перваго брака.

«Семейство это послѣ смерти Савича очутилось въ самомъ безвыходномъ и безпомощномъ положеніи, а въ будущемъ ему предстояла нищета, такъ какъ названный офицеръ, прослуживъ немного болѣе 20 лѣтъ, оставилъ свою семью безъ всякихъ правъ на пенсію.

«Штабсъ-капитанъ Савичъ постоянно отличался примѣрнымъ, доходившимъ до полнаго самоотверженія, исполненіемъ своихъ обязанностей. Поэтому главный инспекторъ пересылки арестантовъ возбудилъ ходатайство о выдачѣ вдовѣ единовременнаго денежнаго пособія въ размѣрѣ 750 руб.

«На всеподданнѣйшемъ о томъ докладѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ, покойный Государь Императоръ Александръ Третій собственноручно начерталъ 20 мая 1885 года слѣдующую резолюцію: «Согласенъ. Можно было бы назначить ей (вдовѣ штабсъ-капитана Савичъ) пенсію.»

«Согласно этихъ резолюцій, обѣимъ вдовамъ, независимо единовременныхъ денежныхъ пособій, были назначены изъ государственнаго казначейства пенсіи.

«По волѣ въ Бозѣ почившаго Монарха, былъ выработанъ новый законъ, въ силу котораго стали получать постоянныя пенсіи изъ государственнаго казначейства вдовы всѣхъ лицъ погибшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей, какъ бы мало эти лица и въ какомъ бы то вѣдомствѣ ни служили. До того же времени постоянныя пенсіи получали въ подобныхъ случаяхъ только семьи лицъ военнаго вѣдомства, убитыхъ на войнѣ или умершихъ отъ ранъ полученныхъ ими на войнѣ.»

Два послѣдніе взгляда.

(*Моск. Вѣд.* № 311.)

Былъ яркій, слегка морозный день ранней весны 1894 года. Невскій пестрѣлъ народомъ, сіялъ, искрился и рокоталъ усиленнымъ движеніемъ экипажей.

Вверху, по ясному небу, ходили разрозненные вѣтромъ обрывки бѣлыхъ облаковъ; но внизу было тихо.

Наступалъ конецъ Великаго Поста; у всѣхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, людей много было хлопотъ. Всѣ мы были озабочены своими крупными дѣлами и мелкими дѣлишками; всѣ заняты личными помыслами, спѣша въ разныя стороны по разнымъ болѣе или менѣе важнымъ дѣламъ.

Вдругъ пронесся шепотъ: «Государь! Государь!»

Богъ вѣсть кто говорилъ это,—но надъ нами словно бы пролетѣлъ могучій, народный вздохъ:

«Государь съ Государыней ѣдутъ!»

И сразу у всѣхъ насъ изъ мыслей вылетѣли свои дѣла и дѣлишки, всѣхъ охватилъ одинъ помыселъ: желаніе увидѣть Царя и Царицу.

Думаю что у живущихъ въ столицѣ Русскихъ, въ особенности у простыхъ, какъ мы, смертныхъ, не часто имѣющихъ случай видѣть близко нашихъ Государей, всегда у всѣхъ такія встрѣчи возбуждаютъ удовольствіе и нетерпѣніе увидѣть поближе и получше; но во мнѣ лично, ни при одномъ изъ троихъ пережитыхъ мною Царей, это чувство нетерпѣливой радости не сказывалось такъ сильно какъ при Государѣ Александрѣ III.

Встрѣча съ этимъ сильнымъ, спокойнымъ, величавымъ въ сознаніи своей доброты и справедливости, всероссійскимъ Богатыремъ, отвѣчавшимъ на поклоны такимъ ласковымъ взглядомъ, такою привѣтною улыбкой, имѣла свойство на нѣсколько дней меня радовать. Она словно облегчала личныя заботы и

печали; словно проливала въ душу спокойствіе и свѣтъ Ему присущіе...

Такъ и тогда. Мы шли мимо Екатерининскаго сквера, а Царская коляска настигала насъ по пути отъ Полицейскаго моста къ Аничковскому Дворцу.

Она ѣхала довольно медленно... Мы вступили на уголъ тротуара передъ Дворцомъ и тутъ остановились чтобы лучше, прямо въ лица, увидѣть Царственную Чету.

По этой, несолнечной, сторонѣ Невскаго народу, сравнительно, было мало. Мы съ дочерью стояли на углу однѣ, такъ что взгляды Ихъ невольно упали на насъ, а движенія головъ Ихъ, въ отвѣтъ на наши поклоны, прямо къ намъ относились.

Я спѣшила поднять голову ..

Еслибы Государь могъ замѣчать такія мелочи, Онъ могъ бы, можетъ-быть, дивиться несоотвѣтствующей быстротѣ поклоновъ Ему многихъ лицъ, забывающихъ приличія изъ-за желанія скорѣй поднять голову чтобы лучше видѣть лицо Его.

Онъ, поравнявшись съ нами, закуривалъ папироску. Его крупное, добродушное, чисто-русское лицо, обрамленное бородой, ярко озарилось вспыхнувшимъ огонькомъ, и въ ту же секунду солнце вышло изъ-за облака и освѣтило Ихъ и насъ... Государь быстро отбросилъ спичку и, привѣтно гляпувъ, приложилъ руку къ шапкѣ. Лицо Государыни мелькнуло мнѣ за Нимъ мелькомъ; но каждая Его черта,—Его спокойный взглядъ, Его ласковая улыбка, цѣликомъ запечатлѣлись въ моей памяти надолго,—навсегда!

— Посмотри! Отчего это всякій разъ что мы видимъ Государя,—Его непремѣнно озаряетъ солнце?—замѣтила мнѣ дочь, и стала напоминать прежнія встрѣчи.

Я вспомнила случай, въ свое время ярко описанный во всѣхъ газетахъ, какъ во время Коронованія, 15 мая 1883 года, изъ-за облаковъ, все утро покрывавшихъ небо, вдругъ въ самую минуту какъ Государь вѣнчалъ себя коропой, въ окно Успенскаго собора прорвался золотой лучъ солнца и озарилъ Его свѣтомъ съ небесъ... Но я не успѣла выговорить своей мысли. Невольно я и дочь моя схватились за руки, воскликнувъ:

— Смотри! Смотри!... Что она дѣлаетъ?!.

Богъ вѣсть откуда появившись,—мы ея не видали прежде,—саженяхъ въ двухъ-трехъ впереди насъ пробѣжала женщина, махая чѣмъ-то бѣлымъ и, добѣжавъ до Царскаго экипажа, чуть не подъ колесами его упала на колѣна.

Это была совсѣмъ простая женщина, деревенская баба, въ зипунѣ, повязанная большимъ платкомъ.

Какъ сумѣла она обмануть бдительность полицейскихъ?... Откуда, вдругъ, сорвалась, держа прошеніе высоко надъ головой,—мы не могли сообразить. Она словно изъ-подъ земли выросла между нами и Царскою коляской. Но видно велики были тяготы ея, бѣдной, и велика надежда на милость «Батюшки-Царя», что она рѣшилась на такую дерзость—въ виду всего народа и всего грознаго начальства остановить Царя, бросившись чуть не подъ Его лошадей.

Со всѣхъ сторонъ устремились къ ней полицейскіе, но поздно! Она стояла на колѣняхъ у самыхъ колесъ, склонивъ голову и положивъ на нее свое прошеніе, безъ сомнѣнія, замирая отъ страха, тоски и надежды.

Коляска Царская катилась мимо. Царь не видалъ женщины, повернувшись лицомъ къ Государынѣ и говоря Ей что-то...

У меня замерло сердце за несчастную. Неужели не замѣтитъ?!. Неужели проѣдетъ мимо?!. Тогда—бѣда бѣднягѣ!..

Но вотъ Государыня сдѣлала движеніе: Она увидала ее!.. Рука ея легла на рукавъ Государя; глазами Она указала Ему на нее... Привычный кучеръ косился вправо, не смѣя остановиться,—ожидая приказа Царскаго...

И онъ былъ данъ.

Лошади стали, Царь оглянулся и подозвалъ несчастную.

Шатаясь бросилась она впередъ; снова упала на колѣна у самой дверцы коляски и вновь, высоко надъ головой, протягивала къ Нему, дрожавшее въ рукахъ ея, прошеніе.

Онъ взялъ его. Спросилъ что-то у женщины; кивнулъ ей милостиво головой и спряталъ бумагу ея на груди.

Коляска тронулась... Никто не нашелся закричать «ура» Царю милосердному; но я увѣрена что сердца всѣхъ видѣвшихъ эту сцену летѣли вслѣдъ Ему въ искреннихъ благословеніяхъ и благодарности.

Царь и Царица въѣхали въ ворота Своего Дворца, а къ женщинѣ, рыдавшей и не имѣвшей силъ встать на ноги, отовсюду устремились городовые. Но надо думать что въ виду Царской милости и увезеннаго Государемъ прошенія ея, господа полицейскіе тоже отнеслись къ ней снисходительно... Во всякомъ случаѣ милостивѣй чѣмъ еслибы, не дай Богъ, бѣднягѣ не удалось привлечь вниманіе Царя и лично Ему на судъ отдать свое горе.

Такъ видѣла я въ послѣдній разъ живымъ нашего Царя,—Великаго Миротворца и Печальника о народѣ Своемъ.

—

Сѣрое, сѣрое, безъ слезъ плачущее небо стояло надъ Петербургомъ во всѣ эти скорбные дни. Холодъ и туманъ стояли

въ воздухѣ не расходясь; холодъ и туманъ въ сердцахъ всей Россіи еще дольше не разойдутся.

Надъ городомъ вѣютъ черные флаги, и траурная непроглядная мгла окутываетъ улицы и зданія, землю и небо... Не странно ли? Въ послѣдній разъ мы, жители русской столицы, видѣли солнце 20 октября... Оно проглянуло тогда намъ около полудня, а *послѣ двухъ часовъ*,—съ кончиной Государя,—оно закрылось траурнымъ пологомъ, и вотъ третья недѣля какъ не хочетъ свѣтить.

Кажется, вся природа,—деревья, дома, сами камни плачутъ слезами о великомъ горѣ Россіи.

Отъ Троицкой площади, по мосту, въ главныя ворота Петропавловской крѣпости и до самаго собора, по тротуару, черною, безконечною лентой тянутся тысячи народа; посреди дороги безъ конца, медленно ползутъ сотни траурныхъ каретъ...

Вотъ мы и у входа въ соборъ—усыпальницу Русскихъ Царей и Царицъ.

Во всякое время на порогѣ этого храма, священнаго мѣста упокоенія всѣхъ лицъ царствующаго Россійскаго Дома,—отъ Петра I до послѣднихъ дней,—всякаго русскаго человѣка охватываетъ чувство торжественнаго благоговѣнія. Что же должно было твориться въ душахъ нашихъ теперь, когда средина церкви была занята Царственнымъ балдахиномъ еще не преданнаго землѣ Царя, такъ неожиданно, такъ рано отнятаго у всѣхъ народовъ, на Него уповавшихъ?..

Такія чувства словами выразить нельзя!

Ихъ выражали лишь въ продолженіе недѣли раздававшіеся у гроба Царскаго, напрасно сдерживаемые, тихіе вопли и рыданія, невольныя стенанія, вырывавшіяся среди безмолвныхъ слезъ Его народа,—не близкихъ Его,—гдѣ же говорить намъ о Ихъ скорби,—а простаго, чернаго Его народа, выстаивавшаго по семи и болѣе часовъ въ чаяніи дождаться очереди увидать Его еще разъ, приложиться великимъ прощальнымъ цѣлованіемъ къ священнымъ останкамъ Того, за жизнь Котораго каждый изъ насъ радостно положилъ бы собственную свою жизнь.

Вотъ Онъ—Царь кроткій, Царь Міролюбецъ, всѣ земли, всѣхъ враговъ Россіи безкровно побѣдившій великою силой Своего всепрощавшаго сердца, Своего воистину христіанскаго милосердія, Своей воистину премудрой правды!

Вотъ Онъ!.. Или не Онъ, а тлѣнный обликъ Его, отъ земли взятый, и какъ все тлѣнное осужденный въ землю возвратиться... Но и на Немъ, на этомъ блѣдномъ и недвижимомъ обликѣ, вмѣщавшемъ такую великую душу, такое любвеобильное

сердце, лежитъ неизгладимая ни страданіемъ, ни самою смертью печать, до послѣдняго вздоха одушевлявшихъ это тѣло великихъ свойствъ!

Величавое спокойствіе запечатлѣлось на ликѣ Царя нашего; но при взглядѣ на этотъ священный покой, невольная тревога возмущаетъ души пережившихъ Его!.. Невольные вопросы отчаянно смущали умъ.

«Зачѣмъ?!.. Зачѣмъ такъ рано?!.. Зачѣмъ Онъ, а не тысячи другихъ, отжившихъ, ненужныхъ, призывающихъ смерть?!.»

Излишніе, грѣховные вопросы! Но какъ было воздержаться отъ нихъ, когда наболѣло за себя и другихъ сердце? когда душа изстрадалась, а разумъ парализованъ недоумѣніемъ: столько молитвъ возносилось за жизнь эту! Столько надеждъ возлагалось на милосердіе Божіе—и вотъ чѣмъ сказалось это милосердіе!

Быть-можетъ, и даже несомнѣнно вѣрно, что именно въ такомъ результатѣ и есть неисповѣдимое милосердіе *къ Нему* Господа Бога; но трудно намъ, слабымъ умомъ и духомъ людямъ, *склонить ся подъ крѣпкую руку Божію* — и, безъ горькаго отчаянія, а съ упованіемъ выговорить при видѣ Умершаго: «да будетъ воля Твоя!»

Вѣра Желиховская.

Чешскія учительницы объ Императорѣ Александрѣ III.

(*Моск. Вѣд. № 313.*)

Въ газетѣ *Narodni Listy* помѣщены воспоминанія о въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ III Чешекъ, сестеръ Шлехты. Воспоминанія эти отличаются сердечностью:

«Мы имѣли счастіе,—разказываютъ сестры Шлехты,—лично узнать Высочайшее Царское Семейство во время своего пребыванія въ Петербургѣ, гдѣ мы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ состояли учительницами въ «Женской рукодѣльной школѣ Императрицы Маріи Александровны», которая была подъ покровительствомъ самой Царицы, и въ женскихъ школахъ Патріотическаго Общества, покровительницей коихъ была Великая Княгиня Екатерина Михаиловна. Заведенія эти пользовались особымъ благоволеніемъ и щедрою поддержкой Государя и Государыни.

«Въ одной изъ этихъ школъ мы имѣли высокую честь быть представленными Государю и Государынѣ какъ первыя, а въ

ту пору еще единственныя, Чешки состоявшія учительницами въ русскихъ школахъ.

«Между нѣсколькими дѣйствительно незабвенными и прекрасными мгновеніями, какія мы пережили во время своего пребыванія въ Петербургѣ, эти личныя встрѣчи съ Высочайшими Царственными Супругами составляютъ для насъ до настоящаго времени пріятнѣйшее воспоминаніе о дорогой Россіи. Мы имѣли случай видѣть Ихъ въ школѣ часто, всегда спокойными и веселыми.

«Во всю жизнь невозможно забыть такія мгновенія...

«А теперь уже положили въ Петропавловскомъ соборѣ на вѣчное упокоеніе этого благороднаго гуманнаго Царя.

«Сообщаемъ нѣсколько воспоминаній, характеризующихъ почившаго Царя.

«Оба Царственные Супруга очень часто и съ большимъ удовольствіемъ посѣщали школы и общественныя учрежденія, причемъ не только къ начальствующимъ лицамъ, учителямъ и учительницамъ, но и къ дѣтямъ относились съ необычайно милостивымъ вниманіемъ, находя для всякаго ласковое слово и привѣтливую улыбку. Они обыкновенно пріѣзжали въ саняхъ, запряженныхъ парой прекрасныхъ вороныхъ копей, лишь вдвоемъ, безо всякой свиты Много разъ присутствовали Они и при классныхъ занятіяхъ дѣтей, гдѣ, побывъ нѣкоторое время, дозволяли представлять Себѣ лучшихъ учениць, которыхъ хвалили и тѣмъ возбуждали ихъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ.

«Случалось часто что Они пріѣзжали въ то время, когда ученицы сидѣли за общимъ обѣдомъ. Сколько тутъ было радости, если какая-либо ученица оказывалась столь счастливою что Царь и Царица пробовали кушанье съ ея тарелки, или же если Царь вынималъ изъ кармана большую бонбоньерку и раздавалъ дѣтямъ конфеты.

«Но самымъ желаннымъ и долго ожидаемымъ праздникомъ была для дѣтей святочная елка, которая разбиралась всегда въ присутствіи Царственной Четы.

«Уже задолго до этого нетерпѣливо ожидаемаго дня дѣти ни о чемъ иномъ не говорили какъ о томъ, что каждая изъ нихъ получитъ въ подарокъ и какъ Царица собственноручно дастъ этотъ подарокъ.

«Какъ только начальница училища получала официальное увѣдомленіе о томъ въ какой день Царственные Супруги почтятъ его Своимъ присутствіемъ, сейчасъ же начинали приготовлять святочную елку.

«Наконецъ, наступилъ день праздника. Посрединѣ громадной залы поднималась съ разукрашенной подставки прекрасная,

широко развѣтвленная елка, которая достигала чуть не самаго потолка. Сколько тутъ было конфетъ, игрушекъ и иныхъ разнообразныхъ вещей! Цѣнные подарки были обыкновенно разложены на длинныхъ столахъ у стѣнъ зала. Каждый подарокъ былъ обозначенъ карточкой съ именемъ той ученицы, для которой онъ былъ предназначенъ. Дѣти, одѣтыя въ праздничныя платья, въ радостномъ возбужденіи ожидали съ мгновенія на мгновеніе прибытія Высочайшихъ Гостей.

«Вдругъ раздавался звонокъ, и все утихало. Восторженныя ученицы едва дышали.

«Въ залу твердымъ шагомъ входилъ мощный Императоръ со Своею Супругой. Ихъ появленіе приковывало къ Нимъ взоры всѣхъ присутствующихъ. Они имѣли въ себѣ что-то невыразимо привлекательное и привѣтливое, такъ что нельзя было глазъ оторвать отъ Нихъ.

«Онъ производилъ неописуемое впечатлѣніе Своею дѣйствительно исполинскою фигурой, милымъ выраженіемъ ясныхъ голубыхъ глазъ и всегда привѣтливою улыбкой; Она—необычайною нѣжностью и добротой. Ея большіе черные глаза милостиво склонялись ко всякому, кто устремлялъ на нихъ свой взоръ.

«Костюмъ Царицы во время этихъ посѣщеній всегда былъ очень простъ. Она обыкновенно была одѣта въ темнофіолетовое бархатное платье, красиво обхватывающее Ея стройный станъ, на головѣ же имѣла очень простую мѣховую шапочку, а на шеѣ длинное боа.

«Царь былъ въ военной формѣ, которая очень шла къ Нему, и всегда безъ сабли.

«Послѣ обычнаго общаго привѣтствія со стороны ученицъ, онѣ пѣли русскій народный гимнъ.

«Начальница училища вызывала по фамиліи каждую ученицу, поднося Царицѣ каждый подарокъ, Царица же подавала его ученицѣ съ ласковымъ словомъ и привѣтливою улыбкой.

«Какъ только всѣ подарки были розданы, ученицы пѣли хоромъ нѣсколько пѣсней, затѣмъ молитву. Царь былъ любителемъ церковныхъ пѣснопѣній.

«Наступалъ самый лучшій моментъ праздника,—приступали къ разборкѣ елки.

«Покойный Царь самъ срывалъ съ вѣтокъ гостинцы, раздавая ихъ дѣтямъ собственноручно, что̀ составляло для нихъ величайшую радость. Онъ былъ между ними, этотъ дорогой, милый Царь-Батюшка, и онѣ жались къ нему какъ къ своему Отцу.

«Царственные Супруги въ кругу дѣтей всегда были очень веселы.

«Во время этого праздника обыкновенно показывались работы ученицъ по черченію, чистописанію и рукодѣліямъ, между которыми особенно выдавались со вкусомъ и искусствомъ изготовленныя вещи, назначенныя для подарковъ Царственнымъ Супругамъ и Ихъ Дѣтямъ.

«Послѣ осмотра этихъ работъ, болѣе выдающіеся гости приглашались къ небольшой закускѣ, причемъ подавалось шампанское, которое слуги разносили на большихъ серебряныхъ подносахъ учителямъ, учительницамъ и ученицамъ.

«Послѣ закуски Царственные Супруги еще разъ появлялись въ залѣ чтобы попрощаться съ ученицами, которыя при этомъ непрестанно восклицали *ура*.

«Въ первый подобный святочный праздникъ, послѣ нашего назначенія учительницами въ «Рукодѣльную школу», мы имѣли честь быть представленными Царственнымъ Супругамъ попечителемъ училища и нашимъ покровителемъ, тайнымъ совѣтникомъ г. Ермаковымъ. Обративъ на насъ вниманіе Царя и Царицы, онъ доложилъ имъ также что мы Чешки, три сестры изъ Праги.

«Царь ласково спросилъ насъ, чему мы учимъ? Мы несмѣло отвѣчали: черченію, композиціи и вообще художественнымъ предметамъ.

«Не разслышавъ, должно-быть, нашихъ словъ, Царь снова спросилъ: «танцамъ?» Когда же мы повторили прежній отвѣтъ: «учимъ рисованію» и т. д., — Онъ сердечно посмѣялся надъ Своею ошибкой.

«Царь обратилъ вниманіе также на то, что мы Чешки изъ Праги, потому что, между прочимъ, шутливо спросилъ: «Тамъ до сихъ поръ много Нѣмцевъ?»

«Царь и Царица довольно долго говорили съ нами. Говорили столь просто и сердечно что боязнь, которая охватила насъ въ первое мгновеніе при видѣ этой мощной фигуры, смѣнилась вдругъ спокойнымъ, пріятнымъ чувствомъ.

«Нѣсколько разъ во время нашего пребыванія учительницами въ русскихъ училищахъ доставалась на нашу долю честь видѣть Царственныхъ Супруговъ и говорить съ ними, такъ какъ Они посѣщали училища довольно часто и мы всегда убѣждались въ томъ, какъ сердечно Они любятъ школы, какъ радуются ихъ процвѣтанію. Даже и о томъ не забыли Они что мы Чешки, доказательствомъ чего служитъ то что при одномъ изъ Ихъ послѣднихъ посѣщеній мы были пріятно удивлены вопросомъ, съ которымъ Царица обратилась къ началь-

нищѣ училища: «Гдѣ наши Чешки?» спросила Она, послѣ чего мы снова были Ей представлены.

«Оба Царственные Супруга были необычайно просты, сердечны и ласковы. Простоту Царя достаточно характеризуетъ слѣдующій фактъ, котораго мы были свидѣтельницами.

«На одномъ изъ праздниковъ святочной елки, немного спустя послѣ прибытія Царя въ залу, гробовая тишина, которая послѣдовала при этомъ, вдругъ нарушилась необычайнымъ шумомъ между ученицами. Мы не могли понять что́ было причиной испуга отразившагося на лицахъ всѣхъ ученицъ.

«Въ одно мгновеніе Царь очутился у елки и, быстро схвативъ могучею десницей нѣсколько загорѣвшихся вѣтокъ, обратился къ ученицамъ съ шутливымъ вопросомъ: «Вѣдь вы не боитесь огня?»

«Елка загорѣлась, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе неосмотрительности при зажиганіи на ней свѣчекъ, и прежде чѣмъ кто-либо успѣлъ спохватиться, Царь самъ потушилъ пылавшія вѣтки.

«Понятно что простое обращеніе Царя производило всюду очень благопріятное впечатлѣніе, почему народъ обожалъ Его.

«Дѣти испытывали, кромѣ упомянутыхъ, и еще другія прекрасныя мгновенія въ присутствіи Царскаго Семейства.

«Обыкновенно во время Пасхи, которая на Руси празднуется очень торжественно, ученицамъ, особенно сиротамъ которыхъ не брали домой изъ училища, доставлялись разныя забавы. Такъ, напримѣръ, въ русскомъ театрѣ давались особыя представленія, на которыхъ всегда присутствовали съ начальницей училища и учительницами остававшіяся въ училищѣ дѣти. Билеты на такія представленія раздавались всѣмъ учебнымъ заведеніямъ, а нашимъ школамъ всегда предоставлялось нѣсколько ложъ.

«Царская Фамилія обыкновенно тоже присутствовала при такихъ представленіяхъ.

«Во время антрактовъ Царь и Царица со Своими Дѣтьми приходили къ ученицамъ и раздавали имъ лакомства и конфеты.

«Сколько тутъ было радости!

«Ученицы долго вспоминали послѣ того о прекрасныхъ мгновеніяхъ, когда имъ представлялась возможность глядѣть въ лицо благороднаго и человѣколюбиваго Царскаго Семейства.

«Столько добра и радости Царственные Супруги доставили другимъ, сами испытывая столько горя и печали.

«Въ самомъ мужественномъ возрастѣ, исполненный силы и благородныхъ стремленій, направленныхъ ко благу и счастію Своего возлюбленнаго народа, отошелъ въ вѣчность этотъ могущественный и славный Государь, работая для блага Своего

народа неутомимо, до послѣдняго мгновенія Своей жизни, перенесши столько испытаній. Умеръ такъ же спокойно и благочестиво какъ жилъ, благословляемый цѣлымъ громаднымъ Русскимъ государствомъ, которое теряетъ въ немъ не только миролюбиваго Государя, но и добраго, заботливаго, исполненнаго любви Отца.

«Боже, помилуй утѣшеніе Царицѣ и всему Царскому Семейству въ эту тяжелую пору!

«И наши глаза орошаются горькими слезами при воспоминаніи объ этомъ, а уста наши произносятъ вмѣстѣ съ милліонами добраго Русскаго народа: *Вѣчная Ему Память!*»

Памяти Государя Александра Александровича.

(*Моск. Вѣд. № 314.*)

Отецъ Петръ Смирновъ, въ своей рѣчи 10 ноября въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ (*Церковныя Вѣдомости* № 46), такъ очерчиваетъ высокую личность въ Бозѣ Почившаго Государя:

«Мы, мнѣ кажется, находимся подъ обаяніемъ чего-то необычайнаго. Много добраго мы знали о почившемъ нашемъ Монархѣ, но не знали какъ Онъ въ самомъ дѣлѣ великъ... Говорятъ, о мертвыхъ ничего—кромѣ хорошаго. Въ этой жизни трудно и отыскать что-либо худое. Ни одной мрачной тѣни въ вѣнцѣ Его. Здѣсь все блещетъ искрами свѣта, какъ та алмазная корона Русскаго Императора, драгоцѣнные каменья которой сіяютъ отовсюду. Это дивный даръ Божій намъ и другимъ народамъ. Это воистину Избранникъ Божій, нарочито воздвигнутый во время благопотребное для царства и времени. Одаренный всѣми силами духа и тѣла для поднятія тяжкаго царственнаго бремени, Онъ видимо запечатлѣнъ былъ силою свыше. Господь говорилъ Ему въ сердце, просвѣтлялъ Его взоръ, Господь укрѣплялъ Его волю, поддерживалъ среди скорбей и испытаній.

«Вникая въ эту особенную непосредственную близость богоизбраннаго Царя къ Богу, святитель Филаретъ развиваетъ мысль что лучшее и полезнѣйшее для человѣческихъ обществъ обыкновенно дѣлаютъ не люди, а человѣкъ, не многіе, а одинъ. Мы болѣе чѣмъ кто-либо видѣли, испытали на себѣ это величіе, эту благость власти Единаго, и это единогласное и единодушное признаніе отъ всего образованнаго міра труда и заслугъ, благодѣяній и милостей нашего въ Бозѣ дѣйствовавшаго и

почившаго Монарха есть высочайшее торжество монархизма предъ всѣми иными теоріями управленія народовъ.

«Но и сила Вышняго потому такъ побѣдоносно воздѣйствовала въ почившемъ нашемъ Государѣ, что нашла въ немъ послушное и удобное для себя орудіе. Здѣсь выступаютъ предъ нами привлекательныя этого мало сказать—обаятельныя черты Его характера, жизни. Въ дивной гармоніи сходятся здѣсь различныя, противоположныя повидимому, стороны, и разрѣшаются въ единствѣ свѣтлой типичной личности. Простой, смиренный и въ то же время величественный, милостивый и строгій, долготерпѣливый и всепрощающій и въ то же время страшный врагамъ и злодѣямъ, уступчивый и непоколебимо твердый, безъ пролитія крови завоеватель не только сердецъ, но и цѣлыхъ обширныхъ странъ, держится въ сторонѣ, бо́льшую часть года проводитъ внѣ шума и молвы людской, и слѣдитъ рѣшительно за всѣмъ въ народѣ и мірѣ. Не искалъ популярности, не выставлялся рѣчами, не сыпалъ обѣщаній—и пріобрѣлъ отъ всѣхъ искреннѣйшую любовь, преданность, благодарность, удивленіе. Говорятъ: это былъ Царь вполнѣ русскій. Говорятъ: это былъ Царь православный. И это правда, но что̀ такое православіе? Вѣрность истинѣ евангельской и въ вѣрѣ, и въ обрядѣ, и во всей жизни. Вотъ эта вѣрность богооткровенной истинѣ и составляетъ главную господственную черту въ свѣтлой личности оплакиваемаго нами Монарха.

«Евангельское ученіе о жизни и дѣятельности, идеалахъ и упованіяхъ христіанина сокращенно предложено въ девяти заповѣдяхъ блаженства. При оцѣнкѣ жизни и дѣятельности почившаго Монарха уже брались печатію нѣкоторыя изъ сихъ изреченій и прилагались къ нему. Не лучше ли приложить ихъ къ объясненію этой свѣтозарной жизни въ евангельской ихъ послѣдовательности и совокупности. «Блажени нищіе духомъ», смиреніе—вотъ гдѣ корень и основа всѣхъ добродѣтелей. Кто не знаетъ, что смиреніе было основною, характеристическою чертой въ личности Покойнаго?

«На основѣ искренняго смиренія утверждается другая характеристическая черта почившаго Монарха—кротость. Кротость—это никакъ не слабость, это господство высшихъ побужденій надъ низшими, это умѣнье противопоставить мелкимъ уколамъ самолюбія, тщеславія, гордости высшія чувства долготерпѣнія, любви. Сколько разъ казалось иным: зачѣмъ Монархъ столь великой державы попускаетъ оскорблять Себя, когда можетъ раздавить враговъ своею могучею силой; не требуетъ ли достоинство Имперіи чтобъ эти своевольные и неблагодарные люди были примѣрно, на страхъ другимъ, наказаны? Послѣдствія показали

что взоръ великодушнаго Монарха былъ острѣе и дальновидиѣе чѣмъ многихъ близорукихъ политиковъ.

«Умѣя владѣть собою въ тяжкія минуты испытаній и тревогъ такъ-называемаго общественнаго мнѣнія, доблестный Монархъ нашъ алкалъ и жаждалъ одного—правды въ словѣ, дѣлѣ, во всѣхъ отношеніяхъ,—это также характеристическая черта его личности.

«Засимъ уже слѣдуетъ тотъ подвигъ миротворенія, который такъ прославляется всѣми въ лицѣ почившаго Монарха. Основы мира—правда и любовь, непремѣнное условіе—искренность желаній, мыслей и словъ. Добродѣтель миротворца—одна изъ высшихъ доблестей христіанскихъ.

«Но закончился ли этимъ подвигъ великаго, какъ называютъ его теперь, Миротворца? Нѣтъ! Великую долю участія Онъ имѣлъ и въ подвигѣ изгоняемыхъ правды ради, и въ претерпѣніи поношеній и оскорбленій ради своего великаго и святаго дѣла. Тринадцать съ половиной лѣтъ напряженнаго труда были временемъ и непрерывнаго терпѣнія. Каково, въ особенности Его любвеобильному сердцу, было видѣть что, несмотря на всѣ усилія любви Его, на всѣ мѣры долготерпѣнія, не переставала дѣйствовать крамола. Но видно такъ уже стоитъ въ порядкахъ міра и судахъ правды Божіей, что наиболѣе добрые и самоотверженные дѣятели получаютъ себѣ надлежащую оцѣнку лишь въ тотъ моментъ, когда мы ихъ лишаемся, и награду не здѣсь на землѣ, а тамъ, на небесахъ—въ вѣчномъ царствіи Божіемъ. Соединяя всѣ эти черты, получаемъ цѣльный образъ—Царя по сердцу Божію, по закону евангельскому, — Царя-праведника, Царя православнаго.»

Рѣчь Н. П. Игнатьева.

(Моск. Вѣд. № 316.)

Свѣтъ (№ 271) приводитъ рѣчь Н. П. Игнатьева въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ, съ краткою характеристикой почившаго Государя Императора:

«Кончина Государя была праведная, какъ праведна была Его жизнь, исполненная вѣры, любви и смиренія.

«Онъ предалъ духъ Всевышнему Богу, завѣщая народу Своему благословеніе мира и завѣтъ доброй жизни.

«И это—лучшій изъ завѣтовъ, который навсегда будетъ связанъ съ Именемъ Царя Александра III—Миротворца!

«Онъ былъ примѣромъ для Своихъ подданныхъ, идеальнымъ семьяниномъ, неуклоннымъ исполнителемъ долга и поборникомъ мира.

«Царь Александръ III, чистотой жизни, крѣпкою вѣрой, жизнью по вѣрѣ, твердымъ слѣдованіемъ по избранному Имъ пути, съ сохраненіемъ народныхъ преданій и не уклоняясь отъ древне-русскаго собирательнаго идеала для укрѣпленія цѣльности дорогой Ему Россіи, послужитъ свѣтлымъ примѣромъ для грядущихъ поколѣній. Почившій Императоръ служилъ образцомъ глубоковѣрующаго христіанина и показалъ свѣту—какъ долженъ умирать православный.

«Онъ смотрѣлъ на Царскую власть какъ на бремя и на подвигъ, выпавшій Ему по волѣ Всевышняго на долю, и стойко, твердо, самоотверженно несъ свой крестъ до конца.

«Поразительное зрѣлище представляетъ всеобщій взрывъ признательности, удивленія, сожалѣнія: со всѣхъ концовъ свѣта несутся къ намъ горячія выраженія скорби и сочувствія по случаю кончины Царя-Миротворца.

«Ничего подобнаго никто не запомнитъ...

«Въ этомъ единодушіи образованныхъ народовъ всего міра нельзя не видѣть гласнаго признанія міроваго значенія Россіи, когда ея судьбы направляются въ духѣ истинно-русскомъ, истинно-славянскомъ и истинно-православномъ.»

Итальянцы объ Императорѣ Александрѣ III.

(*Моск. Вѣд.* № 318.)

Среди различныхъ мнѣній о политическомъ значеніи минувшаго царствованія, особенно интересными представляются разсужденія неаполитанскаго Il Mattino (14 Nov. № 317) подъ заглавіемъ «Серіозная внѣшняя политика»:

«Внѣшняя политика усопшаго Императора, не будучи ознаменована блестящими событіями, увѣнчалась громаднымъ благодѣяніемъ (è stato coronata da un immenso beneficio)—сохраненіемъ мира. Она отличалась оригинальностью и послѣдовательностью. Въ то время какъ, начиная съ 1870 года, всею европейскою политикой дирижировала палочка Бисмарка, Царь Александръ велъ свою политику, независимую, разчетливую, нерѣдко непонятную, но строго и глубоко народную, и между тѣмъ какъ европейскія дѣла путались и распутывались почти безъ результатовъ, напоминая работу Пенелопы, Русскій Царь преслѣдовалъ свою цѣль и трудился надъ своею

задачей: будить славянское чувство во всѣхъ разбросанныхъ по свѣту обломкахъ Славянскаго племени, *) не доводя дѣло до войны, и расширять въ Азіи, отъ Урала до Тихаго Океана, вліяніе и власть Россіи. Эта политика, казавшаяся странною оригинальностью, кончила тѣмъ что встрѣтила себѣ поддержку и сочувствіе въ Европѣ, нашла могущественнаго союзника и послужила основой новому союзу, въ противовѣсъ союзу среднеевропейскихъ державъ.

«Однако, дѣло осталось недокончennымъ, хотя много уже сдѣлано для ославянения Европы (?), и хотя Россія достигла громадныхъ успѣховъ въ Азіи. Послѣднею волей Императора Александра III было чтобы русская политика не отступала отъ даннаго Имъ направленія, и новый Государь, извѣщая правительства всѣхъ государствъ о смерти Своего Родителя, вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ, что будетъ продолжать политику Своего Предшественника.

«Серіозная политика и не можетъ быть иною. Даже скромная идея, проводимая послѣдовательно, среди самыхъ разнообразныхъ обстоятельствъ, до своего полнаго осуществленія, кончаетъ тѣмъ что приноситъ бо́льшіе и лучшіе плоды нежели цѣлая куча великихъ и разнородныхъ идей, которыя то служатъ руководствомъ, то отметаются какъ неподходящія. *Поэтому физически невозможно вести хорошую внѣшнюю политику при конституціонномъ правленіи.* **) Допуская даже что парламентская тиранія не имѣетъ надъ ней никакой власти, одно то что она подчиняется всякимъ перемѣнамъ въ составѣ министерства, лишаетъ ее существеннаго свойства, необходимаго для всякаго серіознаго политическаго дѣла,—непрерывной послѣдовательности.

«Возьмемъ, напримѣръ, Италію, въ которой, со времени союза, внѣшняя политика сводится къ очень немногому и должна идти по назначенной колеѣ, кто бы ни былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Тѣмъ не менѣе, на пониманіе союза, на поддержаніе его, на пользованіе имъ имѣетъ огромнѣйшее вліяніе темпераментъ того или другаго лица засѣдающаго въ консультѣ. Безъ сомнѣнія, тройственный союзъ не мѣняетъ своихъ условій ежегодно, онъ остается прежнимъ, и, однако, посмотрите, какъ различно представляется онъ при Манчини и

---

*) Eccitare el sentimento slavo in tutti i frammenti delle razza Slava sparsi pel mondo.

**) Курсивъ нашъ: „E'perciò materialmente impossibile fare della buona politica estera col regime costituzionale." Обращаемъ вниманіе на этотъ симптомъ политическаго разложенія Запада.

Робилантъ, при Робилантѣ и Кризпи, при Кризпи и Рудини, при Рудини и Бринѣ, при Бринѣ и Блантъ: онъ означаетъ для насъ то полурабство, то источникъ могущества и вліянія, то унпчжаетъ насъ, то превозноситъ, то дѣлается невыносимымъ бременемъ, то неоцѣненнымъ благомъ.

«Конечно, этого не было бы, еслибъ и въ Италіи внѣшняя политика была изъята изъ парламентскихъ треволненій (irrequietumi) и была бы ввѣрена твердой (stabile) власти, независимой отъ избирательскихъ капризовъ.

«Да и на самомъ дѣлѣ мы видимъ какъ внѣшняя политика конституціонныхъ государствъ мало-по-малу поступаетъ въ подчиненіе политикѣ такихъ державъ, гдѣ нѣтъ конституціоннаго правленія, или гдѣ таковое на дѣлѣ ограничивается лишь предоставленіемъ парламенту незначительнаго контроля надъ правленіемъ (un controllo limitato della cosa pubblica).

«Наша политика подчинена германской и австро-венгерской, французская—русской, даже въ религіозныхъ вопросахъ которые подали поводъ къ Севастопольской войнѣ.

«Одна Англія составляетъ исключеніе, ибо огромная масса интересовъ и вѣковыхъ традицій, на коихъ зиждется британская политика, ставитъ ее внѣ опасностей отъ парламентскихъ бурь. Тѣмъ не менѣе, противорѣчія, въ которыя часто и неизбѣжно должно впадать тамошнее министерство иностранныхъ дѣлъ съ остальными членами кабинета, создали огромныя затрудненія для англійскихъ государственныхъ людей.

«Разумѣется, это зло непоправимо, и возставать противъ него безполезно (non giova), но не безполезно по временамъ напоминать народамъ, что конституціонное правленіе, на самомъ дѣлѣ, не идеалъ правленія, и что самодержавіе также имѣетъ свои хорошія стороны (i suoi vantaggi).»

Такова редакціонная статья одного изъ лучшихъ журналовъ, издаваемаго въ Неаполѣ, центрѣ обширной области, испытавшей ощутительнѣе другихъ тягость конституціоннаго правленія и тройственнаго союза. Даже благодатная природа этой чудной страны не въ состояніи выносить тяжести налоговъ, особенно при неудовлетворительныхъ поземельныхъ отношеніяхъ, создающихъ громадное число безземельнаго люда и пролетаріата.

Старые порядки, — а во главѣ ихъ стоитъ конституціонализмъ, — видимо отживаютъ свой вѣкъ, вмѣстѣ съ господствомъ буржуазіи, доказавшей въ теченіе всего только ста лѣтъ свою неспособность въ дѣлѣ правленія. Голосъ безыменнаго публициста—одинъ изъ многихъ похоронныхъ колоколовъ, которые

то здѣсь, то тамъ начинаютъ слышаться въ Западной Европѣ,—колоколовъ, провожающихъ въ могилу порядки, находящіе, къ сожалѣнію, еще не мало поклонниковъ въ нашей православной и самодержавной, Святой Руси.

М. Соловьевъ.

Неаполь, 2 ноября.

Императоръ Александръ III въ Ревелѣ.

(*Моск. Вѣд. № 319.*)

Ревельскія Извѣстія (№ 257) передаютъ разказъ, записанный со словъ г. Вагнера, о посѣщеніи Императоромъ Александромъ III Ревеля, еще въ бытность Наслѣдникомъ.

«Это было въ 1871 году, 16 іюня, — моя старуха даже въ календарѣ записала. Пріѣхалъ Государь, тогда еще Наслѣдникъ, по желѣзной дорогѣ, вдвоемъ, съ адъютантомъ О*., какъ мы послѣ узнали. Вышли они изъ вагона и читаютъ какую-то записку, громко: «Нарвская улица, домъ Вагнера.» А начальникомъ движенія на желѣзной дорогѣ былъ тогда Ярошевичъ и у него какъ разъ тогда былъ свой экипажъ. Онъ тутъ же стоялъ на вокзалѣ и сразу узналъ Государя. Услышавши что они это громко читаютъ, Ярошевичъ подошелъ и говоритъ: «Позвольте мнѣ свезти Васъ въ своемъ экипажѣ: я какъ разъ туда ѣду.» И привезъ. Старуха открыла имъ двери въ почтовую станцію, и они вошли. Государь самъ снялъ пальто—ахъ, какой Онъ былъ вѣжливый, какой деликатный! — и повѣсилъ въ передней на гвоздь, на этотъ самый—вотъ посмотрите: онъ и до сихъ поръ еще держится. Затѣмъ вошелъ въ комнату, вотъ въ эту. Тутъ стоялъ диванъ, по бокамъ два кресла. Адъютантъ сѣлъ налѣво, а Государь сѣлъ направо, въ креслѣ, вотъ въ этомъ самомъ,—его я берегу, какъ святыню, и непремѣнно когда-нибудь прибью дощечку и сдѣлаю надпись; на немъ теперь никто никогда не сидитъ. Ярошевичъ побѣжалъ во дворъ, нашелъ меня и говоритъ: «Императоръ въ Ревелѣ,» и весь трясется.

«— Что вы за глупости говорите! отвѣчаю я:—какой Императоръ въ Ревелѣ?

«— Не Императоръ, говоритъ онъ поправившись,—а Наслѣдникъ, у насъ на станціи.

«И дѣйствительно, сейчасъ вошелъ во дворъ и самъ Государь-Наслѣдникъ. Подходитъ ко мнѣ,—а я стоялъ около экипажей,—и спрашиваетъ такъ деликатно: — А можно у васъ получить

лошадей съ экипажемъ? Мнѣ нужно въ Гапсаль сейчасъ же: я хочу обрадовать мою Супругу.»*)

«— Можно, отвѣчаю, — Ваше Императорское Высочество, только, говорю, не знаю, найдется ли подходящій: развѣ эта,— указываю на лучшую двухмѣстную коляску.

«— Хороша, говоритъ Государь ласково:—я и не на такихъ ѣздилъ; я привыкъ ѣздить на всякихъ повозкахъ.

«Тогда я подошелъ къ экипажу и сталъ пробовать рессоры.

«— Что вы это пробуете, выдержитъ ли? спросилъ Государь:— а вотъ я попробую.

«Подошелъ къ экипажу, взялъ рессоры въ руки, и онѣ у Него такъ и сплющились, какъ крендель какой. Я и такъ испугался, а теперь, какъ увидѣлъ это, просто въ ужасъ пришелъ: такой силы въ жизни не видывалъ.

«— Вотъ теперь выдержитъ, сказалъ Государь весело:—да вы и не отвѣтственны, еслибы желѣзо сломалось: мы по мостовой ходимъ, и мостовая подъ нами ломается. Тутъ вы ни при чемъ.

«И Государь пошелъ назадъ въ комнату.

«А полицеймейстеръ—тогда былъ старикъ генералъ Вольфъ— уже какъ-то пронюхалъ, явился въ полной парадной формѣ, снялъ шляпу и сталъ противъ дверей. Въ это время приходитъ на телеграфъ,—а тогда и телеграфъ былъ здѣсь же,—генералъ Суворовъ. Увидѣвши полицеймейстера безъ шляпы, Онъ спрашиваетъ его:

«— А вы что безъ шляпы?

«А тотъ говоритъ:—Жарко.—«А зачѣмъ вы въ формѣ?»— Такъ, на всякій случай...

«— Да нѣтъ, говоритъ генералъ Суворовъ:—я слыхалъ что въ Ревелѣ Государь Наслѣдникъ. И прямо пошелъ въ станціонную комнату. Но, должно-быть, Государь не захотѣлъ съ нимъ разговаривать долго, потому что генералъ Суворовъ сейчасъ же и вышелъ назадъ.

«А я между тѣмъ побѣжалъ къ своей старухѣ и говорю: «Нельзя ли приготовить кофе или что-нибудь другое?» Но она замахала руками: «Какое тутъ кофе: никого дома нѣтъ: служанка ушла на рынокъ, и меня тоже дома нѣтъ.» Я тогда наверхъ, къ баронессѣ М. и говорю ей, нельзя ли кофе приготовить. А она тоже замахала руками и тоже перепугалась, говоритъ: «Служанка ушла на рынокъ, и дома никого нѣтъ.» Ну, думаю, нечего дѣлать. Такъ и не удалось угостить Государя.

---

*) Оказалось что скоро приближались именины Государыни (22 іюля), и Государь хотѣлъ сдѣлать этимъ сюрпризъ своей Супругѣ.

«А между тѣмъ лошадей запрягли, экипажъ былъ поданъ, и они вышли. Государь даже самъ хотѣлъ нести свои чемоданы; но тутъ я подскочилъ съ полицеймейстеромъ.

«Первый сѣлъ въ экипажъ адъютантъ О*., а затѣмъ Государь и даже потѣснилъ нѣсколько адъютанта. Затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: «Когда будете въ Петербургѣ, Я живу въ Аничковомъ Дворцѣ.» Снялъ фуражку и такъ вѣжливо распрощался со мною, а адъютантъ только такъ сдѣлалъ подъ козырекъ. Что это за человѣкъ былъ! Разъ въ жизни я видалъ Его такъ близко,—а Государь любилъ говорить передъ самымъ лицомъ—и до смерти не забуду. Еще, когда Государь уѣзжалъ, то сказалъ мнѣ: — А какъ я доѣду, я вамъ дамъ знать изъ Гапсаля.

«И дѣйствительно, на другой день пріѣхалъ шталмейстеръ Ст.* и сказалъ что Государь велѣлъ передать, что Онъ доѣхалъ благополучно, но что на Ревельской почтовой станціи всѣ были растерявшись и Онъ не рѣшился спросить позавтракать и потому уѣхалъ голоднымъ...

«Они завтракали уже на станціи Фридрихсгофъ.

«Какой вѣжливый, обходительный человѣкъ это былъ! Какъ отецъ, какъ братъ! А теперь... воля Божія!..»

Воспоминанія офицера объ Императорѣ Александрѣ III.

(*Моск. Вѣд. № 324.*)

Воспоминанія офицера, г. П. Елагина, напечатаны въ *Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 239). Авторъ служилъ въ Варшавскомъ военномъ округѣ, когда въ 1892 году былъ полученъ приказъ о большихъ маневрахъ въ присутствіи Государя Императора Александра III, подъ крѣпостью Ивангородъ.

«Приказъ этотъ,—говоритъ г. Елагинъ,—былъ принятъ нами, офицерами, да и нижними чинами, съ такою неподдѣльною радостію, что описать невозможно; всѣ пришли въ восторгъ и говорили только о томъ, какъ бы дождаться того часа, когда предстанутъ предъ Государемъ. Немедленно начались приготовленія: всѣ старались пріобрѣсти себѣ новую обмундировку и снаряженіе, чтобъ явиться передъ Великимъ Вождемъ русской арміи въ порядкѣ и чистотѣ.»

Маневры начались 25 августа въ присутствіи Государя Императора и Августѣйшей Семьи. «Какъ теперь помню мощную

фигуру покойнаго Государя Императора, верхомъ на гнѣдомъ конѣ, окруженнаго Семьею и свитой, зорко наблюдающаго за всѣми движеніями войскъ и за всѣми перипетіями боя. Такъ Государь являлся ежедневно до 29 числа, не взирая на бывшій въ одинъ изъ дней хорошій дождь, всегда одѣтый въ сюртукъ и опоясанный шарфомъ. Мнѣ пришлось видѣть Государя каждодневно. Признаюсь, когда я увидѣлъ Его въ первый разъ, на разстояніи не болѣе 300 саженъ, на меня напалъ невольный трепетъ. Я чувствовалъ, что стою передъ лицомъ Того, Который воленъ все сдѣлать изъ меня; но когда я всмотрѣлся въ Его ласковое и кроткое обхожденіе съ окружающими, то всякій трепетъ прошелъ и я почувствовалъ, что около меня находится Человѣкъ, Котораго я будто привыкъ видѣть постоянно, и лишь одно желаніе осталось во мнѣ: какъ бы лучше и аккуратнѣе исполнить данное мнѣ дѣло.»

30 августа, въ день тезоименитства Его Величества и полковаго праздника, назначенъ былъ парадъ и Высочайшій завтракъ, къ которому были приглашены и офицеры.

«Передъ началомъ литургіи въ крѣпостной церкви былъ Высочайшій выходъ: показался Государь, мощный, бодрый, величественный и разодѣтый, прямо идущій къ войскамъ. Раздалась команда: слушай, на-караулъ!», музыка заиграла встрѣчу, распущенныя знамена величественно преклонились... Минута была высокоторжественная... Понять этотъ моментъ по описанію трудно,—надо его пережить. Сердце то какъ будто замираетъ, то лихорадочно бьется... Весь ты переполненъ восторженнымъ трепетомъ, готовъ разрыдаться, готовъ броситься въ огонь, на смерть... Обходя войска, Государь милостиво здоровался съ ротами и на привѣтствіе его: «здорово молодцы», раздавалось могучее, лихое, русское: «здравія желаемъ Вашему Императорскому Величеству» и «ура». Подходя къ намъ, Онъ сказалъ: «поздравляю васъ съ первымъ вашимъ полковымъ праздникомъ» (этотъ резервный полкъ былъ только-что переформированъ изъ резервнаго баталіона).

«Послѣ литургіи и церемоніальнаго марша пошли мы въ садъ, гдѣ былъ раскинутъ шатеръ для завтрака. По дорогѣ къ шатру на аллеяхъ стояли придворные лакеи, держа на серебряныхъ блюдахъ графины съ водкой и бутербродами. Вскорѣ вошелъ Государь съ Семьей, и всѣ заняли свои мѣста. Лакеи одѣтые въ красные фраки подавали блюда. Царская простота, радушіе, гостепріимство, оказанныя Всемилостивѣйшимъ Хозяиномъ, произвели то дѣйствіе что каждый чувствовалъ себя какъ бы дома, а не въ гостяхъ у Великаго Монарха. Нѣкоторые офицеры опоздали и пришли когда уже было подано второе

блюдо, да и мѣста за столами уже всѣ были заняты. Замѣтивъ это, Государь приказалъ немедленно подать простой столъ и табуретки и накрыть тутъ же около шатра, гдѣ любезно, какъ гостепріимный Хозяинъ, усадилъ запоздавшихъ гостей. Передъ десертомъ было подано шампанское. Командующій войсками Варшавскаго военнаго округа, поднявъ бокалъ, провозгласилъ тостъ за здоровье Его Величества, покрытый долгимъ единодушнымъ *ура*, вырвавшимся изъ груди офицеровъ; Государь, отвѣчая на это привѣтствіе, выпилъ за процвѣтаніе Варшавскаго военнаго округа.

По окончаніи завтрака Государь и Государыня встали, а за ними и всѣ, и вышли изъ шатра; тотчасъ же Ихъ окружили офицеры, и Они съ каждою частью офицеровъ просто и милостиво разговаривали. По окончаніи всего этого Они удалились во временный Свой дворецъ, комендантскій домъ, подъ звуки музыки и громкаго *ура*.

Прошло съ того момента два года и не стало, по волѣ Всевышняго, Того, Кѣмъ жила и дышала Святая Русь», говоритъ авторъ въ заключеніе. — «Миръ праху Твоему, Великій Самодержецъ, Отецъ и Благодѣтель Россіи! Въ настоящее время я въ запасѣ, но описанный эпизодъ изъ моей военной жизни никогда не изгладится изъ моей памяти, такъ же какъ никогда не померкнетъ въ душѣ образъ Государя. Не вѣрится... Мысль не можетъ примириться съ тѣмъ что Его, мощнаго, величественнаго, уже нѣтъ!»

Императоръ Александръ III какъ верховный судья.

(*Моск. Вѣд. № 324.*)

Журналъ Министерства Юстиціи въ прочувствованной статьѣ возстановляетъ предъ нами образъ Великаго Царя, какъ мудраго и милостиваго блюстителя законности и права:

«Повсемѣстное и постоянное соблюденіе законовъ и установленнаго ими порядка составляло одно изъ важнѣйшихъ попеченій усопшаго Государя. Высоко цѣня законность повсюду, Онъ ожидалъ и требовалъ ея прежде всего отъ дѣйствій представителей правительственной власти. Всегда строгое отношеніе покойнаго Государя къ уклоненіямъ отъ закона умѣрялось только въ случаяхъ отсутствія злаго умысла и личныхъ побужденій или при стеченіи тягостныхъ обстоятельствъ, которыя

быстро оцѣнивала Его необычайная чуткость къ нравственному и бытовому характеру дѣла. И самая законность представлялась Верховному Законодателю Русской Земли не какъ бездушная, условная форма безъ жизненнаго и моральнаго содержанія, а какъ дѣйствительный оплотъ и живая охрана всего честнаго, разумнаго и полезнаго. Царь-Правдолюбецъ, снисходительный къ простымъ ошибкамъ, Онъ питалъ непреодолимое отвращеніе ко лжи и корысти. Все сомнительное, неискреннее, затаенное въ дѣяніяхъ человѣческихъ возмущало Его прямодушіе; наоборотъ, все открытое, прямое, чистосердечное доставляло Ему утѣшеніе, а въ Немъ находило вѣрнѣйшую опору. Съ твердымъ, хотя и не чуждымъ грусти, спокойствіемъ мудрости, вѣдающей слабость людскую и ограниченность средствъ общественной борьбы со зломъ, взиралъ Онъ на раскрывавшіяся у Его подножія картины людской вражды и паденія. Онъ вѣрилъ въ силу добра, но не скрывалъ отъ Себя препятствій къ его побѣдѣ, и всѣ надежды на успѣхъ его какъ въ государственномъ, такъ и въ частномъ быту возлагалъ на тотъ единственный путь, которымъ неизмѣнно совершалъ Онъ царственное Свое служеніе — путь непоколебимо мужественнаго и добросовѣстнаго выполненія долга по чистой совѣсти и крайнему разумѣнію.

«Таковы были начала руководившія велѣніями оплакиваемаго нами Державнаго Судьи Русскаго Царства во всѣхъ соприкосновеніяхъ Его Высочайшей власти съ дѣлами судебной области. Широко пользуясь священнѣйшимъ правомъ Монарха, Онъ радостно миловалъ, или смягчалъ участь того изъ виновныхъ, кто сколько-нибудь заслуживалъ жалости, не исключая тѣхъ безумцевъ, которые устремляли свои безсильныя ковы противъ Его верховной, отъ Бога установленной, власти и противъ вѣковаго отечественнаго уклада. И часто, когда вѣрноподданническій голосъ Его служителей, поставленныхъ на стражѣ закона, высказывался за строгое его примѣненіе къ преступленію и молившему о пощадѣ преступнику, чуднымъ благовѣстомъ раздавалось Монаршее слово: «Богъ съ нимъ, можно его простить»,— слово, превращавшее для цѣлыхъ семействъ и поколѣній отчаяніе въ надежду, горе въ отраду, тревогу въ успокоеніе.»

Частичныя реформы судебнаго строя производились въ теченіе всего прошлаго царствованія, но —

«раздробленность и отрывочный характеръ такихъ поправокъ уже давно обращали на себя вниманіе Августѣйшаго Строителя Своего Царства, не удовлетворяя Его цѣльному представленію объ истинныхъ задачахъ единаго и равнаго для всѣхъ право-

судія. Государь тяготился болѣе или менѣе случайною работой разрозненныхъ вставокъ и измѣненій, могущихъ расшатать судебное зданіе, и, какъ только созрѣла въ сокровенныхъ думахъ Его рѣшимость приступить къ капитальной достройкѣ и перестройкѣ этого зданія, сообразно насущнымъ нуждамъ пользующихся имъ милліоновъ людей, послѣдовало знаменательное Высочайшее повелѣніе отъ 7 апрѣля текущаго года о пересмотрѣ законоположеній по судебной части. То былъ послѣдній, предсмертный призывъ Монархомъ судебныхъ дѣятелей къ самопровѣркѣ и совершенствованію; призывъ этотъ навсегда пребудетъ величайшимъ памятникомъ мудрой Его попечительности о русскомъ судѣ. Святымъ завѣщаніемъ звучатъ намъ незабвенныя слова, начертанныя 7 апрѣля 1894 года на всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Юстиціи: «*Твердо увѣренъ въ необходимости всесторонняго пересмотра Нашихъ Судебныхъ Уставовъ, чтобы, наконецъ, дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи. Итакъ, съ Божіею помощію, начинайте эту трудную работу!*»

Рѣчь П. П. Семенова.

(*Моск. Вѣд. № 326.*)

Правительственный Вѣстникъ (№ 259) приводитъ рѣчь сенатора П. П. Семенова, обрисовавшаго покровительство почившаго Императора Александра III отчизповѣдѣнію. Рѣчь произнесена, 23 ноября, въ Императорскомъ Географическомъ Обществѣ:

«Императоръ Александръ III, бывшій Почетнымъ Членомъ нашего Общества съ 1866 года, соблаговолилъ принять по вступленіи Своемъ на Престолъ въ 1881 году званіе Покровителя Общества, по примѣру Своего Родителя. Охотно оказывалъ покойный Государь, во всѣхъ важныхъ случаяхъ нашей общественной жизни, дѣйствительное покровительство Обществу, и съ самой юности обнаруживалъ Свое расположеніе къ познанію родной земли какъ въ геологическомъ, такъ и въ географическомъ отношеніяхъ, да и вообще къ циклу историческихъ и географическихъ наукъ.

«Природу любилъ покойный Государь со свойственною Ему непосредственностью.

«Этимъ, можетъ-быть, и объясняется несомнѣнное благоволеніе и сочувствіе Императора Александра III къ путешествіямъ и путешественникамъ. Онъ охотно слушалъ ихъ разказы.

цѣпя въ нихъ непосредственность ихъ впечатлѣній и наблюденій надъ самыми тонкими чертами природы; Ему нравилось въ нашихъ путешественникахъ ихъ самоотверженная предпріимчивость и отвага, ихъ упорная борьба съ препятствіями для достиженія идеальныхъ цѣлей, а вмѣстѣ съ тѣмъ Онъ хорошо зналъ, что непосредственное знакомство съ природой и мѣстными условіями такой необъятной и разнообразной по этимъ условіямъ страны, какъ Россія, даетъ ключъ къ уразумѣнію многихъ явленій народной жизни, неминуемо зависящихъ отъ этихъ условій. Не менѣе интересовался Онъ и изученіемъ разнообразныхъ явленій народной жизни не только въ экономическомъ, но и въ бытовыхъ ея проявленіяхъ, начиная отъ земледѣльческихъ занятій землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ и кончая народною пѣснью. Географическое Общество всегда встрѣчало сочувствіе и поддержку своего Покровителя, и притомъ весьма щедрую, несмотря на извѣстную бережливость Государя. Такая поддержка была Имъ оказана: послѣдней экспедиціи Пржевальскаго, экспедиціямъ Потанина и Роборовскаго, научной разработкѣ и изданію результатовъ всѣхъ безъ исключенія экспедицій, снаряженныхъ Обществомъ въ два послѣдніе царствованія, экспедиціямъ для собранія музыкальныхъ мотивовъ русскихъ пѣсенъ, не говоря уже о непосредственной Его денежной помощи нѣкоторымъ изъ нашихъ путешественниковъ и назначеніи пенсій наиболѣе потрудившимся изъ нихъ».

ПАМЯТНИКИ

ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III.

Мысль о воздвиженіи памятника Императору Александру III возникла съ чрезвычайною быстротой и единодушіемъ въ разныхъ мѣстахъ, немедленно по кончинѣ Его. Такимъ образомъ въ настоящее время разрѣшенъ уже сборъ на *всероссійскій* памятникъ Императору Александру III въ Москвѣ, возникло нѣсколько проектовъ памятниковъ мѣстныхъ въ другихъ городахъ, а равно и французскій проектъ о памятникѣ въ Парижѣ. Это движеніе благодарнаго и благоговѣйнаго чувства только что возникло, почему и статей, относящихся къ вопросу о памятникахъ Александру III, собрано у насъ еще немного.

Всенародный памятникъ почившему Царю.

(Моск. Вѣд. № 296.)

Великая, знаменательная вѣсть: разрѣшено открыть всенародную подписку на памятникъ Императору Александру III—въ первопрестольной Москвѣ. Какая иная вѣсть могла бы ныпѣ лучше, въ большей мѣрѣ, соотвѣтствовать всеобщему настроенію, всеобщему чувству?

Для увѣковѣченія памяти о Себѣ усопшій Императоръ Александръ III, несомнѣнно, вовсе не нуждается въ сооруженіи Ему какого-либо памятника: Онъ самъ уже воздвигъ Себѣ памятникъ всѣмъ Своимъ царствованіемъ, всею Своею жизнію. Этою жизнію, этимъ царствованіемъ Онъ навѣки оставилъ, въ память и назиданіе живущимъ и грядущимъ поколѣніямъ, Свой

христіански-простой и царственно-величавый образъ въ столь совершенномъ и законченномъ выраженіи, въ какомъ не могъ бы представить Его ни въ мѣди, ни въ мраморѣ никакой рѣзецъ никакого ваятеля,—и этотъ Его образъ уже запечатлѣнъ въ сердцахъ сотенъ милліоновъ свидѣтелей Его царствованія.

Царствованія, подобнаго тому какимъ было Его царствованіе, еще не представляла вся наша тысячелѣтняя исторія. Оно явилось рѣшительнымъ поворотомъ въ ходѣ всей этой исторіи,—поворотомъ безъ ломки, переворотомъ столь мягкимъ, столь кроткимъ, что при немъ, говоря библейскимъ образнымъ языкомъ, трость надломленная не переломлялась, и ленъ курящійся не погашался,—и, тѣмъ не менѣе, поворотомъ возстановляющимъ порванную было связь между ископною и современною Россіей, поворотомъ возвращающимъ Россіи сдва было не утраченное ею наслѣдіе былыхъ вѣковъ ея жизни и указавшимъ ей путь къ совершенію предлежащей ей великой міровой задачи. Явившись въ родной странѣ эрой возрожденія Святой Руси, это царствованіе, вмѣстѣ съ тѣмъ. оставило по себѣ глубокій, неизгладимый слѣдъ и во всей всемірной исторіи, явивъ примѣръ того высокаго и мощнаго миротворнаго вліянія какое подобаетъ Православной Россіи въ кругу другихъ народовъ. Все это никѣмъ и никогда забыто быть не можетъ: дѣянія почившаго Государя—неизгладимый и вѣчный памятникъ воздвигнутый Себѣ усопшимъ Самодержцемъ, осуществившимъ въ Себѣ и показавшимъ всему міру идеалъ Монарха.

Да, Александръ III не имѣетъ нужды въ памятникахъ, но памятникъ Ему необходимъ для Россіи,—иначе, безъ воздвиженія Его памятника, всему Русскому народу было бы стыдно.

Что представила бы собой современная Россія, еслибы, видѣвъ такого Царя, она не превознесла Его всѣми способами, какими человѣчество способно выражать свое пониманіе и чувство? Развѣ у нея были очи чтобы не видѣть и уши чтобы не слышать?

Историческая заслуга усопшаго Царя безмѣрна. Его жизнь для Россіи была особымъ благодѣяніемъ Промысла Божія.

Въ эпоху когда Россія уже колебалась, охваченная общею распатанностью умовъ, когда даже лучшіе наши люди готовы были отчаяваться въ будущемъ,—явился Онъ. Это было истинно явленіе Божьяго Избранника, какъ бы по выраженному поэтомъ призыву на великое дѣло:

Когда начнетъ слабѣть и храбрый въ брани
И роковой пробьетъ отчизнѣ часъ—
Возьмешь мою ты орифламму въ длани
И мощь враговъ сорвешь какъ жница класъ...

Онъ подъялъ святую орифламму Самодержавія,—и все склонилось предъ Нимъ. Онъ далъ измученной странѣ 12 лѣтъ счастья, какого не запомнятъ ни дѣды, ни прадѣды. Процвѣла Святая Русь передъ всѣми народами земными. Умиротворилась она внутри. Воскресло ея благочестіе. Вновь водворилось въ ней единеніе. Поднялось благосостояніе,—и благословенный миръ разлился по лицу всея земли благодаря Великому Русскому Царю-Миротворцу.

Эти годы—годы какихъ не запомнитъ никто; забыть ихъ невозможно, и никто никогда ихъ не забудетъ.

Они прошли. Не на вѣкъ посылаются великіе избранники Промысла. Великій Царь совершилъ Ему предназначенное и взятъ отъ насъ. Но память Его съ нами,—и не стоила бы жизни страна которая была бы способна забыть Его и оставленные Имъ завѣты,—забыть данное Имъ въ этихъ завѣтахъ откровеніе.

Да не будетъ же сказано, что не озаботились и не сумѣли мы почтить эту великую память и наглядно увѣковѣчить—не Его Самого,—а нашу къ Нему благодарность, нашу способность понять и оцѣнить значеніе Его великаго и труднаго жизненнаго и царственнаго подвига. Всѣмъ обязаны мы Ему. Кто знаетъ что̀ было бы теперь съ нами, еслибы тогда, въ страшный 1881 годъ, не посланъ былъ Онъ водворить миръ и устроеніе въ странѣ уже подвергавшейся разложенію?

Безсильно искусство выразить *всю* Его заслугу. Но попытаемся сдѣлать что̀ въ силахъ человѣческихъ. Пусть явится все что̀ мы имѣемъ лучшаго. Пусть явятся лучшіе, вдохновеннѣйшіе изъ художниковъ. Если и не выразятъ они всю красоту и величіе Его образа, то пусть сдѣлаютъ что̀ могутъ, все что̀ способно возносить благодарное чувство облагодѣтельствованнаго Имъ народа.

Памятникъ Александру III имѣетъ быть воздвигнутъ въ Москвѣ.

Да, конечно, только въ сердцѣ земли Русской и мѣсто памятнику *всенародному*. Въ русскомъ народномъ средоточіи долженъ стоять памятникъ Тому, Кто въ Своемъ идеальномъ образѣ связалъ наше прошлое съ будущимъ, Кто воскресилъ вѣчные завѣты московскихъ собирателей и устроителей Святой Руси. Здѣсь памятники и святыни русской старины изъ вѣка въ вѣкъ говорятъ Русскому народу о великихъ царяхъ и дѣятеляхъ прошлаго: гдѣ же какъ не среди нихъ красоваться памятнику величайшаго изъ ихъ историческихъ преемниковъ и продолжателей, — памятнику, который долженъ стать новымъ символомъ Святой Руси, новою русскою святыней? Да

воздвигнется же этотъ памятникъ, и да привлекаетъ онъ всегда взоры и сердца всѣхъ стекающихся къ сердцу Матери Родной земли поклониться ея святынямъ и вдохновиться у подножія памятниковъ русской старины великимъ духомъ созидателей Православнаго Русскаго Царства.

Разрѣшеніе подписки на всероссійскій памятникъ Императору Александру III въ Москвѣ.

(*Моск. Вѣд. № 297.*)

Въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* напечатано:

«Державною волей Императора Николая II разрѣшено отъ вчерашняго числа открыть по всей Имперіи подписку на постановку въ нашей Первопрестольной столицѣ памятника безвременно почившему Государю—Великому Миротворцу. Можно предвидѣть, какъ и чѣмъ откликнется въ глубокой горести своей земля Русская на этотъ призывъ Государевъ, вносящій въ безвременье текущихъ дней хотя бы нѣкоторое, тихое утоленіе всенародной печали. Славное достояніе нашей исторіи, свѣтозарный обликъ почившаго Самодержца возвысится въ сердцѣ Русской земли и, окропленный святою водой, будетъ спорить, въ далекомъ будущемъ, съ преданіемъ, уже теперь таинственно слагающимся въ нѣдрахъ народа о памяти еще неупокоеннаго подъ сводами нашей Царской усыпальницы и горько оплакиваемаго Царя.

«На-дняхъ было сообщено, что Государь Императоръ Александръ III, наканунѣ своей кончины, 19 октября, въ Ливадіи, на исходѣ трудной и смертельной болѣзни, еще подписывалъ подносимые Ему доклады: «Въ Ливадіи» и «Читалъ»; 20 октября Государь былъ призванъ въ горняя и тихо почилъ. Въ Высочайше утвержденномъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II церемоніалѣ погребенія сказано что тѣло въ Бозѣ Почившаго будетъ принято въ Ялтѣ на корабль *Память Меркурія* и отбудетъ на Севастополь, по тому самому Черному Морю, которое, благодаря державной волѣ Почившаго, снова оживлено вымпелами нашихъ могучихъ военныхъ судовъ. Съ крайняго юго-запада Русской земли направится траурный поѣздъ по тѣмъ рельсамъ, продолженіе которыхъ, тоже по волѣ Почившаго, пойдетъ вдоль всей Сибири, чтобъ остановиться у Тихаго Океана. По оживленной и окрѣпшей духомъ, за тринадцатилѣтнее царствованіе, странѣ будетъ перевозимо тѣло Императора, каждая черта жизни Котораго — свѣтла, а весь обликъ — сіяніе и миръ, потому что Царь былъ первымъ,

лучшимъ сыномъ своей земли, и ни на Престолѣ, ни въ Семьѣ не разъединялся съ Богомъ и святыми завѣтами нашей Церкви. Недавнее извѣстіе гласитъ что поминальные обѣды для бѣдныхъ будутъ устроены на Царскій счетъ въ девяти городахъ, гдѣ послѣдуютъ остановки траурнаго поѣзда; исполненіемъ этого древняго обычая земли Московской какъ бы напоминается прямая связь съ нашею Первопрестольною, а оттуда и съ древнимъ Кіевомъ временъ богатырей, молчаливая мощь и правда которыхъ такъ часто сказывались въ дѣяніяхъ Государя. И когда пойдетъ траурный поѣздъ и двинется печальная колесница, вдоль далекой путины ихъ, по городамъ и весямъ оспротѣлой страны будутъ видѣться колѣнопреклоненныя, а не стоящія толпы, потому что толпы будутъ молиться, а не созерцать. «Чувствую конецъ», — говорилъ Императрицѣ почившій Императоръ, — «будь покойна, Я совершенно покоенъ», и въ величавомъ спокойствіи предалъ Онъ духъ Всевышнему, въ полномъ сознаніи до конца исполненнаго долга передъ Своею Семьей и Своею страной, которую Онъ любилъ всею силой «Своей русской души». Богу угодно было не погашать сознанія Александра III до самой Его смерти, дабы Онъ могъ еще видѣть и слышать ту всесвѣтную тоску, которую страшная болѣзнь его вызывала и которая со стихійною силой сказалась по всему міру въ его послѣдній часъ. И вотъ теперь, когда Александра III нѣтъ болѣе, вся любовь народная, стремившаяся къ Нему, направляется къ Его преемнику. Принимая безропотно испытаніе, посланное Россіи Богомъ, Русскій народъ знаетъ, что имъ руководитъ полный жизни Вѣнценосный Первенецъ Государевъ, еще недавно—Наслѣдникъ, а нынѣ Самодержавный Властитель земли Русской; что съ высоты Престола въ первый же день Его воцаренія сказано было великое слово о томъ, что Вѣнценосный Сынъ находится въ единеніи съ завѣтами усопшаго Родителя, что Онъ проникнутъ ими и что Имъ данъ предъ лицомъ Всевышняго священный обѣтъ «всегда имѣть единою цѣлью мирное преуспѣяніе, могущество и славу дорогой Россіи.»

Подписка на памятникъ Александру III во Франціи.

(*Моск. Вѣд.* № 300.)

Сотрудникъ газеты *Le Reveil Breton*, г. Р. Флёри, обратился въ редакцію *Figaro* со слѣдующимъ письмомъ:

«М. Г. господинъ редакторъ! Великій Императоръ Россіи, почитаемый и славный, ибо Онъ воплощалъ въ себѣ честь,

добродѣтель, мудрость, справедливость и доброту и даровалъ народамъ миръ,—скончался... Будемъ молиться Богу за Него, за Его достойнаго Преемника, за Его Августѣйшую Невѣсту, за добродѣтельную вдовствующую Императрицу и за всю Россію.

Французы должны почтить и увѣковѣчить память этого великодушнаго Государя, Который охранилъ Францію и спасъ Европу отъ ужасовъ войны.

Вслѣдствіе этого я прошу васъ, милостивый государь, открыть подписку—ибо только *Фигаро* умѣетъ организовать ихъ съ успѣхомъ на сооруженіе памятника нашему возлюбленному Царю на Площади Согласія передъ обелискомъ, на улицѣ Елисейскихъ Полей, или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, какое властямъ угодно будетъ назначить.

«Прилагаю съ благодарностью мой взносъ (всѣ Французы присоединятъ свои имена къ моему).

«Примите и пр. *Р. Флэри.*»

Такія же письма г. Флэри, по объясненію *Le Reveil Breton* (№ 253), адресовалъ въ *Petit Journal* и *Petit Parisien*, распространенные среди рабочаго класса, чтобы дать возможность и небогатому люду принять участіе въ подпискѣ.

* * *

(*Моск. Вѣд.* № 301.)

Мысль о постановкѣ памятника Императору Александру III на одной изъ парижскихъ площадей начинаетъ осуществляться. 8 ноября происходило собраніе въ «Народномъ Домѣ», гдѣ постановлено учредить комитетъ для сбора пожертвованій на этотъ памятникъ. Чтобы каждый Французъ могъ принять участіе въ подпискѣ, постановлено нормальною суммой съ каждаго желающаго принять участіе въ подпискѣ считать только 10 сантимовъ. Конечно, желающіе могутъ подписывать какія угодно суммы.

Такимъ образомъ, на одной изъ площадей Парижа имѣетъ быть поставленъ памятникъ Русскому Императору.

Памятникъ Царю-Миротворцу.

(*Моск. Вѣд.* № 302.)

Сынъ Отечества (№ 297) горячо привѣтствуетъ разрѣшеніе всенародной подписки на памятникъ въ Бозѣ Почившему Императору:

«До сихъ поръ царило убѣжденіе, что народы міра не могутъ жить въ мирѣ. Александръ III не только поколебалъ основы этого убѣжденія, Онъ ихъ разрушилъ до основанія...

«Слава Царю-Миротворцу! Слава будущимъ Царямъ-Миротворцамъ!

«Памятникъ Александру III, всенародный памятникъ, указано поставить въ Москвѣ...

«Глубоко по мысли это рѣшеніе.

«Москва—сердце Россіи, и гдѣ же, какъ не въ сердцѣ, поставить памятникъ доброму и чистому сердцу Монарха, Который «вся твори сердцемъ своимъ».

«И не пройдетъ и десятка лѣтъ—«годы во времени ничто»—какъ не только Русская святая земля, но и вся вселенная покроется памятниками «Доброму Царю».

«И сколько добра совершится во Имя Его, и сколько благословеній прольется на Имя Его отъ сотворенія добра во Имя Его—и не сочтешь, и не исчислишь»...

Гражданинъ (№ 301) высказываетъ по поводу памятника такую мысль:

«При мысли о памятникѣ Императору Александру III, со дна души невольно поднимается мысль, что почившій Государь посвятилъ всѣ помышленія Свои, всякую минуту Царской Своей трудовой жизни на укрѣпленіе и завершеніе великихъ дѣлъ Своего Отца.

«Исходя изъ этой мысли русскаго сердца, весьма естественно приходишь къ вопросу: не можетъ ли памятникъ, задуманный и начертанный къ созиданію въ Москвѣ почившимъ Государемъ въ память Своего Отца, соединиться съ памятью Царя Александра III воедино?»

Мысль едвали удачная. Съ извѣстной точки зрѣнія, всѣ Государи Всероссійскіе совершаютъ одну великую миссію, взаимно дополняя свои творенія. Посему мыслимъ общій памятникъ Государямъ Всероссійскимъ или Государямъ Дома Романовыхъ. Но это уже не есть увѣковѣченіе памяти именно *даннаго* Государя. А между тѣмъ Славные Государи наши, какъ Петръ Великій или Александръ Третій, имѣютъ каждый и *свое* дѣло, свою индивидуальность. Памятникъ, съ точки художества, долженъ выразить именно эту *идею* даннаго Великаго Человѣка. Общіе памятники упраздняютъ личность.

Императоръ Александръ III, безъ сомнѣнія, упрочилъ и дополнилъ всѣ благія начинанія Своего Августѣйшаго Родителя. Но это есть лишь небольшая доля Имъ созданнаго и только Ему въ сердцахъ народа принадлежащаго. Какъ память Императора Александра II требуетъ своего особаго монумента, такъ *особаго* монумента требуетъ и память Императора Александра III. Еслибы потребовалось *объединеніе* Ихъ памяти, то на это нуженъ опять *особый* монументъ.

Но такое объединительное сооруженіе не должно упразднять

строящагося памятника Императору Александру II, не должно оно упразднять и предпринятаго памятника нынѣ оплакиваемому Великому Государю.

Памятникъ въ Харьковѣ.

(*Моск. Вѣд. № 313.*)

ХАРЬКОВЪ, 13 ноября. Среди здѣшнихъ гражданъ возникла мысль о сооруженіи здѣсь памятника Императору-Миротворцу.

Памятникъ въ Петербургѣ.

(*Моск. Вѣд. № 313.*)

По сообщенію *Петербургскаго Листка* (№ 309), въ Петербургѣ собираются воздвигнуть памятникъ Императору Александру III одновременно со *всероссійскимъ* памятникомъ Ему въ Москвѣ:

«Въ прошломъ засѣданіи своемъ городская дума постановила ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи воздвигнуть въ Петербургѣ памятникъ въ Бозѣ почившему Государю Императору. На другой же день послѣ этого постановленія изъ *Правительственнаго Вѣстника* стало извѣстно что постановка памятника и всенародная подписка разрѣшена Москвѣ.

«Это обстоятельство заставило нѣкоторыхъ гласныхъ здѣшней думы предположить что Петербургу не придется видѣть памятника незабвенному Монарху, и они обратились съ письменными запросами къ городскому головѣ.

«Во вчерашнемъ, 9 ноября засѣданіи послѣдній разъяснилъ гг. гласнымъ что постановленіе Петербургской думы остается въ силѣ, и если возбужденное ходатайство будетъ уважено, то одновременно съ Москвой памятникъ будетъ воздвигнутъ и у насъ.»

Эти чувства дѣлаютъ честь Петербургской думѣ. Нужно надѣяться, что и многіе другіе города украсятся памятниками незабвеннаго Государя.

Чрезвычайное засѣданіе Московской Городской Думы.

(*Моск. Вѣд. № 319.*)

Сегодня, 18 ноября, въ 4 часа дня, состоялось чрезвычайное засѣданіе Московской Городской Думы, въ началѣ котораго городской голова заявилъ, что настоящее собраніе, какъ

чрезвычайное, открывается съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Московскаго Генералъ-Губернатора.

Затѣмъ было доложено предложеніе Его Императорскаго Высочества Московскаго Генералъ-Губернатора, отъ 9 ноября, съ объявленіемъ, по Высочайшему Государя Императора повелѣнію, сердечной признательности Московской Городской Думѣ за выраженныя ею вѣрноподданническія чувства по случаю кончины въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Это заявленіе было выслушано гласными стоя.

Далѣе К. В. Рукавишниковымъ было доведено до свѣдѣнія гласныхъ полученное имъ отъ министра Императорскаго Двора графа И. И. Воронцова-Дашкова письмо слѣдующаго содержанія:

«Чувство безпредѣльнаго почтенія къ свѣтлому образу почившаго Императора Александра III подвинуло меня обратиться къ нынѣ благополучно Царствующему Императору съ ходатайствомъ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на устройство памятника въ сердцѣ Россіи, въ Москвѣ.

«Государь Императоръ, стоящій во главѣ всѣхъ почитателей Своего Великаго Родителя, тотчасъ же далъ Высочайшее Свое соизволеніе на Мою всеподданнѣйшую просьбу.

«Подписавъ для начала дѣла пять тысячъ рублей, я, съ вѣдома Августѣйшаго Московскаго Генералъ-Губернатора, передаю прилагаемый листъ вамъ, какъ представителю Московскаго общественнаго управленія, будучи глубоко убѣжденъ, что вы и всѣ Москвичи поддержатъ и въ данномъ случаѣ старую славу. Первопрестольной,—и Бѣлокаменная не замедлитъ скоро украситься памятникомъ Великому Миротворцу.»

Въ виду Высочайше разрѣшенной всенародной подписки на сооруженіе памятника въ Бозѣ почившему Государю Императору Александру III въ Москвѣ, городской голова предложилъ Думѣ постановить слѣдующій приговоръ:

1) Просить Августѣйшаго Московскаго Генералъ-Губернатора повергнуть къ стопамъ Его Величества Государя Императора чувства безпредѣльной вѣрноподданнической благодарности за высокую милость явленную Его Величествомъ Москвѣ повелѣніемъ соорудить въ стѣнахъ ея памятникъ незабвенному Государю Императору Александру Александровичу.

2) Поручить городской управѣ вмѣстѣ съ финансовою коммиссіей нынѣ же представить Городской Думѣ соображенія о томъ, въ какой мѣрѣ городъ можетъ принять участіе въ вышеуказанной подпискѣ.

Предложеніе городскаго головы было принято единогласно. Вмѣстѣ съ тѣмъ К. В. Рукавишниковъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что имъ открыта Высочайше разрѣшенная подписка

при городской управѣ и что, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обратился къ старшинѣ московскаго купеческаго сословія и предсѣдателю Московскаго Биржеваго Комитета съ просьбой оказать съ ихъ стороны содѣйствіе къ привлеченію пожертвованій на сооруженіе памятника Императору Александру III.

Далѣе городской голова, доложивъ объ исполненіи городскою депутаціей возложеннаго на нее приговоромъ Думы отъ 23 октября порученія, предложилъ собранію постановить слѣдующій приговоръ:

1) Съ цѣлью увѣковѣченія событія принятія городомъ Москвой тѣла въ Бозѣ почившаго Императора Александра III въ городскомъ сооруженіи, на Каланчевскомъ переѣздѣ, ходатайствовать въ установленномъ порядкѣ о передачѣ въ собственность города того участка земли желѣзной дороги, на которомъ находился городской шатеръ, устроенный для принятія тѣла въ Бозѣ почившаго Императора, съ тѣмъ чтобы на этомъ мѣстѣ былъ сооруженъ городомъ памятникъ съ иконой Св. Александра Невскаго и надписью соотвѣтствующею цѣли постановки памятника.

2) Поручить городской управѣ представить на одобреніе Думы рисунокъ означеннаго памятника, а равно смѣту на его сооруженіе.

Дума единогласно приняла эти предложенія.

Изъ статьи г. Ю. Николаева

«Литературныя замѣтки. О памятникѣ Императору Александру III».

(*Моск. Вѣд.* № 323.)

Во всякомъ крупномъ историческомъ лицѣ всегда есть одна черта, которая его характеризуетъ и вокругъ которой группируется все остальное. Именно эта черта даетъ общую гармонію, создаетъ образъ, который запечатлѣвается въ памяти потомства, именно эта черта дѣлаетъ великаго человѣка—великимъ. Эту главную, основную черту, которая осмысливаетъ весь образъ, которая соединяетъ въ одной гармоніи всѣ качества человѣка, которая составляетъ центральный пунктъ, какъ бы фокусъ его личности, эту черту мы находимъ и въ покойномъ Государѣ: Онъ былъ православный христіанинъ. Вотъ тотъ фокусъ, въ которомъ сосредоточились всѣ лучи—всѣ тѣ природныя добродѣтели, которыя въ Немъ были, вотъ почему ликомъ своимъ свѣтитъ Онъ міру.

Какой же памятникъ нужно поставить Александру III?

Я получилъ отъ одного высокоуважаемаго духовнаго лица, много работавшаго и работающаго для просвѣщенія народнаго, слѣдующее письмо:

«Сегодня священный прахъ смиреннѣйшаго изъ Царей-Самодержцевъ Русскихъ сокроется подъ сѣнію сводовъ усыпальницы Царской. (Письмо писано накапунѣ дня погребенія.) Еще разъ сожмется сердце Русское невыразимою тоской о любимомъ Государѣ; еще разъ темное облако скорби пріосѣнитъ Тѣхъ, Кто сопровождаетъ драгоцѣнный гробъ до могилы...

«Что же потомъ?

«Русское сердце уже подсказало то, что должно сдѣлать: уже открыта подписка по всей православной Руси на памятникъ великому въ своемъ смиреніи Царю-Миротворцу. Какой же памятникъ воздвигнемъ мы, православные Русскіе люди, нашему истинно-Русскому, истинно-православному смиренному сердцемъ Царю?..

«Вспомнимъ, какъ сказалась Его вѣрующая душа во дни великой всенародной скорби послѣ ужаснаго 1 марта. Петербургъ хотѣлъ поставить ««на крови»» Царя-Мученика часовню, но Государь-Сынъ сказалъ: ««быть тамъ не часовнѣ, а храму»». И храмъ этотъ уже созданъ, и скоро въ немъ будутъ возноситься всенародныя молитвы за Царя-Мученика и—увы—за Его Сына—Царя-Миротворца...

«Вспомнимъ что изрекъ сей возлюбленный нашъ Государь, любуясь въ послѣдній разъ Своею первопрестольною столицей: ««Москва есть храмъ Россіи, а Кремль—ея алтарь»».

«Крѣпко любилъ покойный Государь храмы Божіи, и, говорятъ, въ важныхъ случаяхъ, когда требовалась особенная мудрость въ рѣшеніи дѣлъ государственныхъ, Онъ уходилъ въ домовую церковь и тамъ, въ полномъ уединеніи, предавался усердной молитвѣ, и уже тогда только, выйдя изъ храма, подписывалъ бумагу...

«Какой же памятникъ воздвигнетъ Ему златоглавая Москва, если не храмъ Божій?...

«На мѣстѣ спасенія Его и Его Семейства создана Его державною волей обитель. Поставимъ же Ему въ сердцѣ Русской земли, въ этомъ ««храмѣ Руси святой»» — нашей матушкѣ-Москвѣ—златоглавый храмъ—всенародный памятникъ Его благочестія! Пусть этотъ памятникъ не праздному любопытству служитъ; пусть въ немъ на вѣки приносится безкровная Жертва за упокой души великаго въ своемъ смиреніи Первенца Церкви Православной! Покойный на все смотрѣлъ очами древней Руси, а древняя Русь не знала памятниковъ во вкусѣ Западной Европы. Бронза, мраморъ и гранитъ не скажутъ русскому сердцу того, что скажетъ ему православный храмъ, построен-

ный въ древнерусскомъ стилѣ среди древнерусской столицы... Пусть храмъ будетъ не обширенъ, но пусть весь онъ говоритъ о благочестіи Царя, Который *единое на потребу* ставилъ выше всего и жилъ какъ подвижникъ въ царственной порфирѣ...

«Гдѣ мѣсто этому храму?

«Но нельзя ли его поставить на томъ же откосѣ Кремлевской горы, гдѣ и памятникъ Его державному Отцу? Нельзя ли поставить прямо противъ Императорскаго Дворца?... Кстати: въ Кремлѣ нѣтъ еще храма Александра Невскаго, а почившій такъ разительно напоминаетъ собою сего покровителя Русскихъ самодержцевъ.

«Вѣруемъ что сіи чувства съ радостью примутъ къ сердцу православные Русскіе люди, такъ что выражающій ихъ есть только—

«ЕДИНЪ ОТЪ ТЫСЯЩЪ...»

Духовное лицо, письмо котораго я привелъ, подписалось: «единъ отъ тысящъ»—и дѣйствительно, мысль выраженная въ письмѣ не только мысль «тысящъ», но и всѣхъ милліоновъ Русскаго народа. Памятникъ покойному Государю возможенъ только одинъ—храмъ. Но мнѣ кажется, авторъ письма недостаточно широко развилъ свою идею. Храмъ этотъ долженъ быть колоссальнымъ по размѣрамъ, невиданнымъ и неслыханнымъ, и пусть памятникъ будетъ поставленъ близъ храма. Онъ, всею жизнію своей выразившій великую православную, христіанскую идею, станетъ на вѣки близъ храма, какъ бы охраняя его, какъ бы благословляя на подвигъ и трудъ жизни входящія въ него—будущія поколѣнія... Пусть бы этотъ храмъ создался на Воробьевыхъ горахъ, пусть бы тутъ же была и колоссальная статуя Императора, какъ бы господствуя надъ Москвой, благословляя ее и Россію...

Памятникъ въ Ѳеодосіи.

(Моск. Вѣд. № 328.)

ѲЕОДОСІЯ, 28 ноября. Дума постановила сегодня присоединиться къ единодушному желанію гражданъ воздвигнуть здѣсь памятникъ въ Бозѣ почившему Императору Александру III и поручить бюджетной коммиссіи указать возможную степень матеріальнаго участія города въ этомъ дѣлѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Къ похоронамъ Государя Александра III.

(*Изъ статьи Ѳ. А. Духовецкаго „Двѣ недѣли въ Петербургѣ“. Моск. Вѣд. №№ 319, 320, 321, 322, 323.*)

Въ восемь съ половиной часовъ утра, въ понедѣльникъ, 1 ноября, отъ министерскаго подъѣзда Зимняго Дворца отъѣхала длинная вереница каретъ съ представителями печати. Кареты или коляски были обязательными экипажами, такъ какъ одиночекъ къ вокзалу и затѣмъ къ Петропавловскому собору не пропускали. Во главѣ корреспондентскаго поѣзда, тоже въ каретѣ, ѣхалъ нашъ «маршалъ» (то-есть Г. А. Сеславинъ).

На Невскомъ, обрамленномъ уже шпалерами войскъ, собирались лица участвовавшія въ процессіи. Между думой и Полицейскимъ мостомъ формировались первые эшалоны. По направленію къ этому пункту двигалась стройными рядами кавалерія; далѣе по Невскому, группами, стояли представители сословій, учрежденій и обществъ; конюхи держали подъ устцы лошадей въ траурныхъ попонахъ; въ коляскахъ подъѣзжали чиновныя особы со знаменами и гербами въ рукахъ. Церемоніймейстеры верхомъ и съ жезлами устанавливали отдѣльныя звенья шествія, словомъ шла подготовительная работа по устройству траурной процессіи. Чѣмъ ближе подвигались мы къ вокзалу, тѣмъ гуще становились ряды каретъ, тѣмъ болѣе замедлялось движеніе. На вокзалъ съѣзжались сановники и высокопоставленныя лица для встрѣчи праха Почившаго. Наконецъ, мы принуждены были двигаться шагъ за шагомъ, останавливаясь по временамъ для пропуска войскъ, и только послѣ девяти часовъ достигли вокзала, гдѣ на подъѣздѣ образовалась уже порядочная группа корреспондентовъ въ пальто и цилиндрахъ, рѣзко выдѣлявшихся среди военныхъ шинелей, касокъ и шапокъ и

чиновничьихъ треуголокъ. Благодаря нашему маршалу, насъ безпрекословно пропустили на платформу, у которой стоялъ только-что прибывшій изъ Москвы свитскій поѣздъ. Лица свиты прибывшія изъ Москвы смѣшались съ наполнявшею уже платформу толпой сановниковъ и военныхъ генераловъ; вагоны спѣшно освобождали отъ багажа, такъ какъ свитскій поѣздъ долженъ былъ отойти на запасный путь до прибытія траурнаго поѣзда и на платформѣ шла обычная въ это время суета.

Наконецъ поѣздъ отошелъ, суета прекратилась и стало возможнымъ проникнуть на дальній, открытый въ обычное время конецъ платформы, гдѣ былъ устроенъ шатеръ изъ чернаго сукна, уставленный тропическими растеніями и приготовленный для пріема Тѣла. Изъ шатра вела покрытая чернымъ сукномъ лѣстница на внутренній дворъ вокзала; по этой лѣстницѣ должны были нести гробъ. Траурное убранство дополнялось черно-бѣлыми флагами и задрапированными флеромъ гербами. Въ шатрѣ собралось высшее духовенство столицы, съ митрополитомъ Палладіемъ во главѣ. Кромѣ его высокопреосвященства присутствовали еще іерархи Антоній Выборгскій, Виссаріонъ Костромской, викаріи Петербургской митрополичьей каѳедры и члены Святѣйшаго Синода.

Въ это время на платформѣ толпа лицъ прибывшихъ для встрѣчи все увеличивалась и увеличивалась; обширный дебаркадеръ Николаевскаго вокзала становился тѣсенъ. Прибывали члены Государственнаго Совѣта, въ толпѣ мелькали фигуры министровъ, прошелъ издали замѣтный по своему высокому росту С. Ю. Витте и остановился чтобы поговорить съ Н. В. Муравьевымъ, къ нимъ вскорѣ присоединился И. Н. Дурново, внушительная фигура котораго, съ сѣдыми бакенбардами, на голову выдвигалась изъ толпы, появился А. С. Ермоловъ. Затѣмъ не по лѣтамъ степенно и сановито прослѣдовалъ по платформѣ юный наслѣдникъ Бухарскаго эмира въ своемъ роскошномъ восточномъ костюмѣ и въ чалмѣ. За нимъ шелъ его пѣстунъ, сѣдобородый Бухарецъ, и приставленный къ принцу подполковникъ русской службы. Какъ извѣстно, наслѣдникъ эмира воспитывается въ Петербургѣ, въ Николаевскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ обыденное время ходитъ въ кадетской формѣ, но для торжественныхъ случаевъ облекается въ свой національный костюмъ. Принцъ уже порядочно говоритъ по-русски и дѣлаетъ замѣтные успѣхи въ наукахъ.

Прибыли и Великіе Князья находящіеся въ Петербургѣ, герцоги Ольденбургскіе и Мекленбургъ-Стрелицкіе. Въ этотъ день ожидалось прибытіе и Короля Эллиновъ, который значился даже въ церемоніалѣ, но его величество прибылъ позднѣе.

Вскорѣ на платформѣ раздался говоръ, что поѣздъ приближается, и насъ, представителей печати, перевели на другую платформу, выходящую во дворъ и противоположную траурной лѣстницѣ, по которой должны были сносить гробъ. Это былъ отличный наблюдательный пунктъ и оттуда мы прекрасно видѣли все.

На дворѣ, у подножія лѣстницы, стояла уже печальная золоченая колесница, запряженная восьмерикомъ лошадей въ черныхъ попонахъ. На колесницѣ развѣвались споны страусовыхъ перьевъ и она была украшена Императорскими коронами. Верхъ колесницы съ колоннами и золотыми кистями былъ нѣсколько сдвинутъ назадъ, дабы оставить свободное мѣсто для постановки гроба; на козлахъ, въ траурномъ кафтанѣ и черной шляпѣ, сидѣлъ Царскій кучеръ съ медалями на груди, возившій почившаго Государя при жизни.

По обѣимъ сторонамъ колесницы и позади ея выстроились шестьдесятъ пажей въ каскахъ съ бѣлыми султанами, съ траурными перевязями черезъ плечо и съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Спиной къ стѣнѣ и лицомъ къ колесницѣ, какъ разъ противъ траурнаго шатра, стояли почетные караулы со знаменами отъ гвардейскаго флотскаго экипажа и отъ дворцовыхъ гренадеръ. Общее вниманіе возбуждали два маленькіе мальчика-флейтиста въ гренадерской формѣ и мѣховыхъ шапкахъ, стоявшіе рядомъ съ рослымъ сѣдоусымъ гренадеромъ барабанщикомъ.

Раздался свистокъ, возвѣстившій о приближеніи поѣзда. Все замерло.

Ровно въ 10 час. 5 мин. Императорскій поѣздъ подошелъ къ платформѣ и траурный вагонъ остановился какъ разъ противъ шатра. Барабаны забили походъ и двѣ флейты маленькихъ музыкантовъ-гренадеръ жалобно вторили, рѣзко выдѣляясь изъ барабаннаго грохота. Государь Императоръ, Вдовствующая Императрица, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, тогда еще Высокопареченная Невѣста, прочіе Члены Царствующей Семьи и иностранныя Августѣйшія Особы вышли изъ вагоновъ, поздоровались съ Великими Князьями и Августѣйшими Особами встрѣчавшими поѣздъ и приблизились къ траурному вагону, гдѣ митрополитъ Палладій съ высшимъ духовенствомъ начиналъ уже литію. Раздалось торжественное пѣніе клира, войска взяли «на молитву» и сняли шапки, барабанный бой прекратился и всѣ военные и гражданскіе сановники на платформѣ взяли подъ козырекъ.

До насъ едва долетали звуки напихиднаго пѣнія и объ окончаніи литіи мы узнали лишь потому что войска снова

надѣли шапки и барабаны опять начали бить, а флейты играть. Высочайшія и Августѣйшія Особы, генералъ-адъютанты и генералъ-майоры подняли гробъ и понесли его черезъ шатеръ по лѣстницѣ внизъ; Государь Императоръ поддерживалъ изголовье. Хоръ военныхъ музыкантовъ заигралъ *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ* и торжественные звуки духовнаго гимна привѣтствовали прахъ Монарха, возвратившагося въ Свою столицу и направляющагося къ усыпальницѣ Своихъ предковъ.

На послѣдней ступени дворцовые гренадеры приняли гробъ и поставили его на колесницу. Въ это время впереди колесницы выстроились лица несшія регаліи и ордена и, по установкѣ гроба, шествіе медленно двинулось со двора вокзала на Знаменскую площадь; у штанговъ колесницы стояли генералъ-адъютанты, а кисти несли генералъ-майоры. За колесницей шелъ Государь Императоръ, за Нимъ слѣдовалъ принцъ Вельсскій и всѣ Августѣйшія Особы, а Вдовствующая Императрица, Высокопареченная Невѣста, иностранныя Августѣйшія Родственницы и Великія Княгини слѣдовали въ каретахъ, у дверецъ которыхъ шли камеръ-пажи и ѣхали шталмейстеры верхомъ.

На вокзальный дворъ народъ не былъ допущенъ, почему встрѣча лишена была того торжественно-народнаго характера, какой она имѣла въ Москвѣ, гдѣ толпа въ сотню тысячъ человѣкъ на Каланчевской площади встрѣчала прахъ Своего обожаемаго Царя, но на Знаменской площади и на Невскомъ стояли тысячныя толпы народа, отдѣленныя отъ процессіи стройными рядами войска. Шествіе началось одновременно со всѣхъ пунктовъ; въ 10 съ половиною голова процессіи тронулась отъ Полицейскаго моста, а колесница выѣзжала со двора вокзала. Однако, когда за колесницей потянулись кареты, а за ними придворные чины и войска, замыкавшія шествіе, то послѣдній эшалонъ войскъ находился еще на Знаменской площади, а голова вступала уже на Адмиралтейскую площадь и завертывала къ Сенату, такъ что длинная процессія заняла весь Невскій проспектъ. Стройно двигались отдѣленія за отдѣленіями, представители сословій, земствъ, городовъ, обществъ, ученыхъ и государственныхъ учрежденій, гербы, знамена, маршалы, церемоніймейстеры, латники, ордена, регаліи, духовенство—все это слѣдовало другъ за другомъ, въ должномъ порядкѣ, и толпы замирали, а головы обнажались по мѣрѣ приближенія печальной колесницы. Литіи были отслужены у Аничкова Дворца, у Казанскаго и Исаакіевскаго соборовъ. Въ Казанскій соборъ входилъ Государь съ Великими Князьями и прикладывался къ Чудотворной Иконѣ.

Когда послѣдняя придворная карета выѣхала со двора, мы, корреспонденты, бросились разыскивать свои экипажи, чтобъ окольнымъ путемъ черезъ Александровскій мостъ пробраться въ крѣпость. Нашъ маршалъ принималъ участіе въ процессіи и долженъ былъ присоединиться къ намъ у Іоанновскихъ воротъ, гдѣ назначенъ былъ сборный пунктъ. Къ сожалѣнію, корреспондентскія кареты по дорогѣ въ крѣпость разъѣхались въ разныя стороны и на сборный пунктъ экипажъ, въ которомъ я ѣхалъ съ редакторомъ *Южнаго Края*, прибылъ однимъ изъ первыхъ, если не первымъ. Не видя никого изъ товарищей, мы приказали ѣхать прямо къ собору и, благодаря пропуску на шляпѣ у кучера, насъ безпрепятственно пропустили. Войдя въ соборъ, я очутился тамъ единственнымъ «фрачникомъ», такъ какъ мой спутникъ, состоящій почетнымъ попечителемъ какой-то гимназіи, былъ облеченъ въ попечительскій мундиръ. Чувствуя что мой фракъ нѣсколько рѣжетъ глаза среди блестящаго сборища всевозможныхъ мундировъ, наполнявшаго соборъ, я имѣлъ неосторожность выйти изъ церкви и нѣпкомъ направиться къ назначенному сборному пункту. Тутъ-то мнѣ и пришлось убѣдиться въ «недѣйствительности» своихъ билетовъ. Изъ крѣпости меня выпустили благополучно, но когда, встрѣтивъ нѣсколькихъ иностранныхъ корреспондентовъ и присоединившись къ нимъ, я попытался было вмѣстѣ съ товарищами проникнуть обратно въ крѣпость—не тутъ-то было, — полицейскіе отказались насъ пропустить. Напрасно мы предъявляли наши билеты, напрасно на всевозможныхъ языкахъ вели переговоры—отказъ былъ намъ единственнымъ отвѣтомъ.

Положеніе наше становилось трагическимъ, но по счастью подошелъ какой-то генералъ, разъяснилъ полиціи что мы—иностранные корреспонденты—имѣемъ доступъ въ крѣпость и, все время разговаривая съ нами по-французски, провелъ насъ внутрь собора. Вслѣдъ за моими товарищами, я поблагодарилъ любезнаго генерала тоже по-французски и каюсь теперь въ этомъ, принося ему свое извиненіе за то, что я его невольно вовлекъ въ заблужденіе, но такъ какъ разрѣшеніе на входъ въ соборъ я имѣлъ, то въ сущности, входя туда вмѣстѣ съ остальными, я только возстановлялъ свое право, утраченное было мною по неосторожности.

Соборъ уже былъ переполненъ, а вскорѣ начали входить лица участвующія въ процессіи. Часть изъ нихъ оставалась въ соборѣ, часть же, сложивъ регаліи и ордена, выходила обратно. Духовенство уже собралось и вслѣдъ за митрополитомъ со св. крестомъ и св. водой пошло ко входнымъ дверямъ на встрѣчу Государю. У паперти дворцовые гренадеры сняли гробъ

съ колесницы, а Государь Императоръ съ прочими Высочайшими и Августѣйшими Особами внесли его въ соборъ и поставили на катафалкѣ обитомъ краснымъ сукномъ подъ глазетовую сѣнь, увѣнчанную шапкой Мономаха. Съ гроба сняли крышку и отнесли ее на пріуготованную глазетовую подставку, которая въ послѣдствіи временно заняла надъ могилой мѣсто мраморнаго саркофага. На ступеняхъ катафалка стало дежурство, Царская Семья заняла мѣсто справа отъ катафалка и началась панихида, при чудномъ пѣніи хора придворной капеллы. Послѣ панихиды, во время которой многіе плакали, Государь Императоръ, Вдовствующая Императрица, всѣ Высочайшія и Августѣйшія Особы приложились къ праху Почившаго и отбыли изъ собора. Затѣмъ поочередно прикладывались всѣ присутствовавшіе и, облобызавъ руку Усопшаго, земно кланялись праху Того, Кто былъ Великимъ Вождемъ своего народа и Великимъ Миротворцемъ для остальныхъ народовъ. Спокойныя, сильно исхудавшія Царственныя черты запечатлѣлись на-вѣки въ памяти всѣхъ тѣхъ, кто удостоился ихъ лицезрѣть. Мирно почилъ Онъ отъ дѣлъ Своихъ и тихо и величаво лежалъ въ гробу въ стѣнахъ двухвѣковаго храма, служащаго усыпальницей Его предкамъ.

Разъѣздъ по окончаніи первой панихиды въ Петропавловскомъ соборѣ, какъ и вообще всѣ разъѣзды изъ собора, продолжался добрый часъ и страшно утомилъ всѣхъ. Цѣлый часъ стоять на вѣтру среди петербургскаго тумана составляло довольно серіозное испытаніе, особенно для не-Петербуржцевъ, но экипажей было такое множество, и они до такой степени оказались перемѣшанными на маленькихъ дворахъ крѣпости, что добиться своей кареты можно было только послѣ часоваго подвига терпѣливаго ожиданія. И то безъ помощи добровольцевъ-солдатиковъ, бѣгавшихъ по крѣпости и, въ чаяніи двугривеннаго, выкрикивавшихъ благимъ матомъ имя кучера, этотъ подвигъ такъ и остался бы не вознагражденнымъ. Но всему на свѣтѣ наступаетъ конецъ, наступилъ конецъ и нашимъ ожиданіямъ,—карета нашлась и, усѣвшись въ нее съ моимъ спутникомъ, мы помчались домой «составлять телеграммы». Объ отдыхѣ, конечно, думать было нечего, предстояло написать подробное описаніе только-что пережитаго событія, заручиться разрѣшеніемъ на отсылку телеграммы, затѣмъ отвезти описаніе на телеграфъ и уже по полученіи квитанціи отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ.

Скоро сказка сказывается, но не скоро дѣло дѣлается; однако, въ восьмомъ часу вечера телеграмма была уже написана, разрѣшена и сдана на телеграфъ. Описаніе вышло длинное,

но, все-таки, значительно уступало описаніямъ представителей иностранныхъ газетъ, изъ которыхъ представитель *Daily Telegraph* (въ газетахъ ошибочно значилось *Daily News*) послалъ своей редакціи телеграмму стоившую 6.000 рублей.

Вслѣдъ за прибытіемъ тѣла почившаго Императора, въ Петербургѣ потянулись скорбные дни, распредѣленные по часамъ паннихидъ въ Высочайшемъ присутствіи и по часамъ впуска петербургскихъ обывателей въ Петропавловскій соборъ на поклоненіе тѣлу. Паннихиды служились въ 2 ч. дня и въ 8 ч. вечера. Дневные часы для впуска въ соборъ были распредѣлены между лицами имѣвшими доступъ по билетамъ различныхъ категорій, а почные часы были предоставлены въ распоряженіе безбилетныхъ посѣтителей, то-есть простаго народа. За часъ до паннихиды доступъ въ соборъ прекращался, а время съ 9 до 10 часовъ вечера предоставлено было депутаціямъ и отдѣльнымъ лицамъ возлагавшимъ вѣнки. И надо было видѣть какая масса народа толпилась у крѣпостныхъ воротъ съ утра до вечера и съ вечера до утра. Днемъ у воротъ стояла вереница экипажей, и многіе, даже изъ прибывшихъ не послѣдними, должны были возвращаться вспять, чтобы попытать счастья на другой день, а почью змѣевидною линіей, далеко извивавшеюся и захватывавшею близь лежащія улицы и проѣзды Александровскаго парка, тянулась вереница пѣшеходовъ, въ благоговѣйномъ молчаніи дожидавшихся своей очереди. Съ горькими слезами расходились утромъ непопавшіе въ соборъ, съ тѣмъ чтобы ранимъ вечеромъ очутиться опять на своемъ посту, у крѣпостныхъ воротъ. Уже съ сумерекъ собирались эти толпы, а къ десяти часамъ вечера, ко времени начала впуска, вереница поклонниковъ была такъ длинна что вновь прибывавшимъ не оставалось уже почти никакой надежды проникнуть въ соборъ. Тѣмъ не менѣе, стремленіе къ усыпальницѣ Императоровъ Всероссійскихъ было столь велико, и желаніе поклониться праху незабвеннаго Государя столь сильно, что мнѣ лично извѣстно нѣсколько случаевъ когда иные неудачники добивались доступа въ соборъ пять дней подъ рядъ.

На вокзалахъ тоже замѣчалось большое оживленіе: въ Петербургъ изъ внутреннихъ губерній прибывали депутаціи, а по Варшавской дорогѣ, кромѣ депутацій, прибывали еще заграничныя чрезвычайныя посольства и иностранныя Августѣйшія Особы. Такъ, 2 ноября прибыли: король Эллиновъ, представитель ландграфа Гессенскаго гофъ-маршалъ фонъ-Штраль и бельгійская военная депутація; 3 ноября прибыли принцесса Ирэна Прусская, принцъ Гессенскій, великій герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій и герцогъ Йоркскій (сынъ принца Вельсскаго);

4 ноября прибыли: король Христіанъ и принцъ Вальдемаръ Датскіе, наслѣдные принцы Шведскій и Люксембургскій и французское чрезвычайное посольство съ генераломъ Буадефромъ во главѣ; 5 ноября прибыли: принцъ Генрихъ Прусскій, эрцгерцогъ Карлъ Лудвигъ Австрійскій и князь Черногорскій, принцъ Свасти Сіамскій, испанское чрезвычайное посольство съ герцогомъ Альба во главѣ, прусская и австрійская военныя депутаціи; 6 ноября прибыли король Александръ Сербскій, наслѣдникъ Румынскій и принцъ Неаполитанскій. Словомъ, къ 7 ноября, дню похоронъ, всѣ иностранные гости, посольства и депутаціи находились уже налицо.

За это время въ Аничковомъ Дворцѣ происходили Высочайшіе пріемы членовъ Государственнаго Совѣта, министровъ, сенаторовъ, и, кромѣ того, многихъ изъ прибывающихъ иностранныхъ Августѣйшихъ Особъ Государь Императоръ встрѣчалъ лично.

Петербургъ пребывалъ въ непрестанномъ движеніи, улицы были необычайно оживлены, но, кромѣ внѣшняго оживленія, замѣтно было и внутреннее душевное возбужденіе, вызванное какъ торжественнымъ настроеніемъ этихъ дней скорби, такъ и ожиданіями возможныхъ перемѣнъ и перемѣщеній. Послѣднее было особенно замѣтно въ бюрократическихъ, чиновничьихъ кружкахъ, которыми такъ богата сѣверная столица.

Общій интересъ въ Петербургѣ возбудилъ пріѣздъ французскаго чрезвычайнаго посольства. Маститый генералъ Буадефръ, стоявшій во главѣ миссіи, возбуждалъ не мало толковъ, какъ намѣченный, на случай какихъ-либо усложненій, главнокомандующій французскихъ войскъ; его блестящая свита изъ офицеровъ всѣхъ родовъ оружія обращала на себя большое вниманіе, но симпатіи попрежнему сосредоточивались на знакомомъ Россіи адмиралѣ Жерве. Съ 1891 года, когда онъ со своею эскадрой посѣтилъ Кронштадтъ, побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, адмиралъ былъ повышенъ чиномъ, но почти не измѣнился по наружности. Три года прошли надъ нимъ безслѣдно: это все тотъ же привѣтливый, симпатичный, до щепетильности вѣжливый Французъ, которому адмиральскій мундиръ придаетъ несвойственную ему внушительность. Адмиралъ Жерве все еще чрезвычайно моложавъ, несмотря на свои сѣдѣющіе волосы, и нѣсколько печальное выраженіе глазъ на исхудавшемъ лицѣ сразу располагаетъ къ нему сердца.

Долго бесѣдовать съ нимъ мнѣ не удалось, адмиралъ былъ страшно занятъ, одни визиты (болѣе двухсотъ) отнимали у него бо́льшую часть его времени, но въ краткія минуты нашего свиданія во французскомъ посольствѣ, гдѣ онъ останавливался

мнѣ удалось напомнить ему о нашемъ знакомствѣ въ Москвѣ. въ 1891 году, и получить отъ него завѣреніе, что, несмотря на скорбное время, въ которое посольство прибыло въ Россію. оно встрѣтило самый сердечный пріемъ и самое дружеское расположеніе. Впрочемъ, даже и безъ утвержденія почтеннаго адмирала, отношеніе столичнаго населенія къ Французскому посольству сразу бросалось въ глаза. На улицахъ, при встрѣчѣ съ адмираломъ Керве и другими членами Французскаго посольства, прохожіе снимали шляпы. а при проводахъ, на дебаркадерѣ. устроена была сочувственная овація, въ которой, между прочимъ, принимали участіе и студенты Петербургскаго университета.

Французы привезли съ собой два вагона вѣнковъ на гробъ почившаго Государя. Возлагать эти вѣнки (за исключеніемъ вѣнка отъ печати) должны были члены французскаго посольства въ тотъ же день, то-есть 5 ноября, передъ панихидой, въ Высочайшемъ присутствіи, а вѣнокъ отъ печати возлагали вечеромъ 5 ноября получившіе спеціальное порученіе редакторы русскихъ газетъ, гг. Суворинъ (*Новое Время*), Комаровъ (*Свѣтъ*), Нотовичъ (*Новости*) и Гезеліусъ (*S.-Petesburger Herold*). При возложеніи присутствовали наличные корреспонденты французскихъ газетъ.

Въ этотъ день всѣ представители печати получили разрѣшеніе присутствовать на дневной панихидѣ въ Петропавловскомъ соборѣ, въ Высочайшемъ присутствіи. Съ 10 часовъ утра мы собрались въ канцеляріи Министерства Двора и уже въ 12 часовъ были въ соборѣ. На этотъ разъ дѣло обошлось безъ всякихъ приключеній, такъ какъ нами предводительствовалъ нашъ «маршалъ». Были на лицо всѣ прибывшія депутаціи, а у ступеней катафалка, со стороны отведенной для Царской Фамиліи, застыли въ неподвижныхъ позахъ офицеры военныхъ депутацій Французской и Датской, выразившіе желаніе дежурить у гроба. Одинъ за другимъ начали вносить французскіе вѣнки, и масса ихъ вскорѣ заполонила весь правый передній уголъ собора. Щитъ съ вѣнкомъ отъ президента республики съ трудомъ внесли четверо служителей и поставили у правой передней колонны собора, рядомъ съ катафалкомъ и лицомъ къ мѣсту занимаемому Царскою Семьей. Рядомъ съ нимъ, обширнымъ полукругомъ, расположены были остальные вѣнки, но все-таки значительная часть ихъ не уставилась, и ими завалили саркофаги надъ могилами Петра Великаго, Екатерины Великой и заставили все свободное мѣсто за рѣшетками этихъ могилъ. Въ то время на гробѣ лежалъ уже прекрасный вѣнокъ изъ дорогихъ

живыхъ орхидей, присланный императоромъ Францемъ-Іосифомъ и возложенный эрцгерцогомъ Карломъ-Лудвигомъ.

Въ соборѣ всѣ стѣпы и колонны были увѣшаны вѣнками возложенными въ Петербургѣ и привезенными изъ Москвы. Они служили дополненіемъ къ траурному убранству, и матовое серебро вѣнковъ рѣзко выдѣлялось на черныхъ драпировкахъ.

Къ началу панихиды прибыли: Государь Императоръ и прочія Высочайшія и Августѣйшія Особы. Государыня Императрица Марія Оеодоровна шла объ руку съ родителемъ Своимъ, Королемъ Датскимъ. Пораженное печалью лицо Августѣйшаго Дѣда нынѣ благополучно Царствующаго Государя Императора, величественная фигура Датскаго Монарха, привѣтливый взглядъ и сравнительная моложавость, поразительная въ его годы, производили большое впечатлѣніе. Лицо Государыни Императрицы было закрыто длиннымъ траурнымъ вуалемъ. Государь Императоръ шествовалъ позади Своей Августѣйшей Родительницы; Его Величество былъ въ полковничьемъ мундирѣ Преображенскаго полка. За Государемъ шли Король Эллиновъ и принцъ Вельскій. Внѣшній обликъ повелителя Эллиновъ хорошо знакомъ всему Русскому народу, который любитъ его и чтитъ еще со дня его бракосочетанія съ Великою Княгиней Ольгой Константиновной, нынѣ Королевой Эллиновъ, а съ высокою фигурой будущаго повелителя Великобританіи, принца Вельсскаго, и Крымъ, и Москва, и Петербургъ хорошо ознакомились въ эти скорбные дни, когда онъ съ Августѣйшею супругой своей сопутствовалъ Государю Императору и Царственной Семьѣ въ Ихъ траурномъ шествіи по Россіи, вслѣдъ за прахомъ почившаго на дальнемъ югѣ Монарха.

Когда члены Царской Семьи заняли свои мѣста, началась панихида; къ Государю Императору приблизился митрополитъ Палладій и роздалъ зажженныя свѣчи Его Величеству и всѣмъ Августѣйшимъ Особамъ. Получая свѣчу, всѣ цѣловали руку у его высокопреосвященства, а онъ отвѣчалъ лобзаніемъ въ плечо. Въ этомъ отношеніи иностранныя Августѣйшія Особы тоже слѣдовали обычаямъ Русскаго Двора: Король Датскій однимъ изъ первыхъ облобызалъ руку его высокопреосвященства и получилъ отъ него лобзаніе въ плечо.

Стройное, необычайно мелодичное, панихидное пѣніе хора придворныхъ пѣвчихъ производило чарующее впечатлѣніе. Не говоря уже о православныхъ, изъ которыхъ очень немногіе могли удержаться отъ слезъ, иностранцы — члены военныхъ депутацій, корреспонденты заграничныхъ газетъ, приходили въ искреннее умиленіе и не могли найти достаточно сильныхъ выраженій, чтобы выразить восторгъ вызываемый въ нихъ нашею

церковною службой. Надо было любоваться тѣмъ благоговѣніемъ, съ которымъ иностранцы стояли въ церкви; при пѣніи *Со святыми упокой*, когда всѣ опускались на колѣна, у нихъ тоже слезы навертывались на глазахъ, и соборъ представлялъ поистинѣ умилительное зрѣлище.

Въ субботу, 5 ноября, за паннихидой, мы впервые узнали навѣрное что похороны назначены окончательно на 7 ноября. въ понедѣльникъ. Въ воскресенье объ этомъ узналъ весь Петербургъ, такъ какъ опубликованъ былъ церемоніалъ, и герольды съ 11 часовъ утра начали оповѣщать столичное населеніе. За герольдами по пятамъ слѣдовала большая толпа; на перекресткахъ, на пути ихъ проѣзда, улицы были запружены народомъ, который и прислушивался къ чтенію оповѣщенія.

Въ воскресенье же въ англиканской церкви состоялось заупокойное богослуженіе въ память въ Бозѣ почившаго Монарха. На богослуженіи присутствовали принцъ и принцесса Вельсскіе, великій герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, герцогъ Йоркскій, члены англійской колоніи въ Петербургѣ и наличные представители англійскихъ газетъ. За богослуженіемъ хоромъ пѣвчихъ и всѣми присутствовавшими исполнялся одинъ изъ самыхъ сердечныхъ гимновъ англиканской церкви, посвященный «тѣмъ кого уже нѣтъ между живущими».

Накануѣ, въ субботу, въ 4 часа дня, состоялось заупокойное богослуженіе во французской католической церкви, на которомъ, послѣ паннихиды въ Петропавловскомъ соборѣ и слѣдовавшаго затѣмъ представленія Государю Императору въ Аничковомъ Дворцѣ, присутствовали члены французскихъ посольствъ, постояннаго и чрезвычайнаго, съ послами графомъ Монтебелло и генераломъ де-Буадефромъ во главѣ. Настоятель церкви произнесъ прекрасное слово о христіанскихъ заслугахъ почившаго Монарха-Миротворца.

Въ тотъ же день, то-есть въ субботу, прибылъ въ Петербургъ нѣкто г. Дешанъ, членъ французскаго комитета «du Souvenir», то-есть комитета по поднесенію подарка нынѣ благополучно царствующему Государю Императору. Какъ извѣстно, этотъ комитетъ образовался тогда, когда стало извѣстнымъ что Государь Императоръ, тогда еще Наслѣдникъ Цесаревичъ, помолвленъ. Франція рѣшила по случаю бракосочетанія поднести подарокъ и, дѣйствительно, на пожертвованія, собранныя путемъ добровольной подписки, заказанъ былъ драгоцѣнный севрскій сервизъ. Теперь же г. Дешанъ прибылъ въ Петербургъ. сопровождая букеты присланные Французами для раздачи Русскимъ на память о погребеніи въ Бозѣ почившаго Императора.

Это была очень симпатичная и удачно исполненная идея. За одинъ франкъ желающій въ Парижѣ могъ пріобрѣсти художественной работы букетикъ искусственныхъ цвѣтовъ, перевязанный черною траурною ленточкой съ надписью «deuil national» (національный трауръ), и, написавъ свою фамилію и адресъ на прикрѣпленной къ букетику трехцвѣтной карточкѣ, сдавалъ букетикъ въ означенный комитетъ, который и отправлялъ его вмѣстѣ съ другими въ Петербургъ для раздачи при погребеніи, на память о сочувствующихъ русскому горю Французахъ. Къ сожалѣнію, симпатичная идея родилась въ Парижѣ слишкомъ поздно, такъ что оставалось лишь два дня на ея осуществленіе, но и въ эти два дня набрано было *десять тысячъ* букетиковъ, изъ которыхъ г. Дешанъ привезъ половину, а половина пришла позднѣе. Въ Петербургѣ раздача ихъ поручена была старшинѣ мѣстной французской колоніи, и трудно описать что дѣлалось на улицѣ, близъ помѣщенія Французскаго Благотворительнаго Общества, гдѣ производилась эта раздача на другой день послѣ погребенія. Сплошная толпа заполонила всю улицу и употребляла всевозможныя ухищренія чтобы проникнуть за рѣшетку, охраняемую дворниками и городовыми. Въ особенности старались дамы, но,—увы!—пять тысячъ букетиковъ были розданы въ полчаса, а такъ какъ второй транспортъ еще не прибылъ, то большинству толпившихся на улицѣ пришлось вернуться домой съ пустыми руками. Завѣдующіе раздачей букетовъ записывали адреса и фамиліи получателей, дабы затѣмъ сообщить имена отправителямъ. Кромѣ того, многіе изъ получателей посылали во Францію свои визитныя карточки по адресамъ прикрѣпленнымъ къ букетикамъ.

Въ воскресенье, 6 ноября, наканунѣ погребенія, которымъ завершался скорбный рядъ предшествовавшихъ событій, прибывшіе въ Петербургъ представители иностранной и русской иногородной печати рѣшили, въ память своей совмѣстной работы, сняться вмѣстѣ въ фотографіи Пазетти. Группа вышла очень удачною; въ центрѣ ея возсѣдалъ нашъ «маршалъ», Г. А. Сеславинъ, облеченный въ мундиръ, а по обѣимъ сторонамъ его и сзади въ два ряда расположились корреспонденты всевозможныхъ типовъ и возрастовъ, начиная отъ сѣдобородыхъ представителей нѣмецкихъ газетъ и до юнаго художника, представителя французской *Illustration*. Англичане, занимавшіе правое крыло, чисто выбритые, вылощенные, составляли совершенный контрастъ своимъ нѣмецкимъ коллегамъ, а двое русскихъ затерялись среди общей массы.

Каждымъ изъ насъ эта группа будетъ храниться какъ драгоцѣнное воспоминаніе. На оттискахъ ея напечатано по-французски: Représentants de la presse aux obsèques de l'Empereur Alexandre III (представители печати на погребеніи Императора Александра III).

Вечеромъ, въ воскресенье, на обычномъ сборищѣ въ пріемной канцеляріи Министерства Двора, намъ роздали билеты для присутствованія на похоронахъ, и сборный пунктъ былъ назначенъ въ той же пріемной на другой день, въ 8 час. утра. По обычаю, нашъ «маршалъ» долженъ былъ нами предводительствовать.

Утро понедѣльника, 7 ноября, дня назначеннаго для погребенія тѣла въ Бозѣ почившаго Монарха, было такое же туманное и сырое, какъ и во всѣ предшествовавшіе дни. Нева катила свои мутныя волны, съ трудомъ одолѣвая упорный вѣтеръ съ моря, который наканунѣ чуть не вызвалъ наводненія. Противоположный берегъ скрывался во мглѣ, но благодаря тому что всѣ мосты—даже Дворцовый — были наведены, сообщеніе съ этимъ берегомъ значительно облегчилось, и намъ при нашей поѣздкѣ изъ Зимняго Дворца въ Петропавловскій соборъ, пришлось затратить втрое меньше времени чѣмъ въ прежніе переѣзды и черезъ мосты Александровскій и Николаевскій. Въ девять часовъ мы были уже въ соборѣ, а такъ какъ, по церемоніалу, начало заупокойной обѣдни назначено было въ половинѣ одиннадцатаго, то намъ оставалось достаточно времени, чтобы въ подробностяхъ осмотрѣть соборъ и его убранство, въ которомъ вѣнки играли главную роль. Вѣнковъ еще прибавилось за два дня, со времени субботней панихиды, и они съ трудомъ находили себѣ мѣсто на стѣнахъ и колоннахъ собора, у катафалка и за рѣшетками, между могилъ. У гроба возвышался стягъ съ иконой Нерукотвореннаго Спаса, доставленный еще въ Москвѣ Кружкомъ Русскихъ Художниковъ. На ступеняхъ катафалка стояло обычное дежурство, въ которомъ и на этотъ разъ принимали участіе члены иностранныхъ военныхъ депутацій.

Для корреспондентовъ, число которыхъ значительно увеличилось преимущественно представителями петербургскихъ газетъ, отведено было мѣсто у правой стѣны собора, за могилой Великаго Князя Николая Николаевича, и устроено было небольшое возвышеніе, такъ что мы стояли выше толпы молящихся, и намъ была прекрасно видна вся внутренность собора. Предъ нами стояли члены иностранныхъ депутацій не участвующіе въ дежурствѣ; правѣе, у катафалка, было приготовлено мѣсто для Царственной Семьи, а за этимъ мѣстомъ, ближе къ могиламъ Петра и Екатерины Великихъ, собирались

члены Государственнаго Совѣта, дипломатическій корпусъ и чрезвычайныя посольства прибывшія на погребеніе.

Новая могила устроена въ лѣвой сторонѣ собора, рядомъ съ могилами Императора Александра II и Императрицы Маріи Александровны. Склепъ, выложенный плитами, былъ на уровнѣ пола прикрытъ досками. Въ склепѣ, для пріема гроба, стоялъ мѣдный ящикъ, запирающійся двумя ключами, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ взять и хранить министръ Императорскаго Двора, а другой—комендантъ Петропавловской крѣпости. Вся могила внутри была убрана живыми цвѣтами, а снаружи около нея и на доскахъ ее прикрывающихъ лежало много живыхъ и искусственныхъ цвѣточныхъ вѣнковъ.

Въ половинѣ одиннадцатаго въ соборъ прибылъ Государь Императоръ, вошедшій объ руку со Вдовствующею Государыней Императрицей. За ними слѣдовала Высоконареченная Невѣста, нынѣ Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, Высочайшія и Августѣйшія иностранныя Особы, Великіе Князья и Великія Княгини Россійскаго Императорскаго Дома.

По прибытіи Государя, Его Величество былъ встрѣченъ митрополитомъ Палладіемъ со крестомъ и св. водой, и тотчасъ-же началась литургія.

По окончаніи ея, предъ отпѣваніемъ, на катафалкъ у гроба вступило послѣднее дежурство, а совершать отпѣваніе вышло изъ алтаря многочисленное духовенство съ семью архипастырями во главѣ. При этомъ невольно приходится еще разъ вспомнить чудное пѣніе хора придворныхъ пѣвчихъ, столь часто слышанное за это время. Впечатлѣніе, оставленное этимъ пѣніемъ, столь сильно что едва ли когда-либо изгладится изъ памяти. Это было не театральное пѣніе нашихъ оперныхъ хоровъ, которое, при участіи этихъ хоровъ въ церковныхъ службахъ, нѣсколько напоминаетъ богослуженіе католическое,—нѣтъ, это было истинное духовное, православное пѣніе, но высоко-художественное, проникнутое истиннымъ чувствомъ и глубоко западающее въ душу. При отпѣваніи придворный хоръ, если только это возможно, превзошелъ самого себя.

По окончаніи отпѣванія, когда была прочтена разрѣшительная молитва, на главу Усопшаго надѣтъ вѣнчикъ и тѣло предано землѣ, началось въ высшей степени трогательное прощаніе членовъ Царственной Семьи съ дорогимъ прахомъ своего многолюбимаго Главы. Первою долго прощалась Вдовствующая Государыня Императрица, поддерживаемая Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, и это прощаніе неизгладимо запечатлѣлось въ памяти у тѣхъ кто удостоился быть ему свидѣтелемъ. Вслѣдъ за Царицей—

Матерью простился Государь Императоръ, простились Великія Княгини и Великіе Князья, иностранныя Высочайшія и Августѣйшія Особы, и Царственная Вдовица снова приблизилась чтобъ отдать послѣднее цѣлованіе. Затѣмъ былъ снятъ покровъ и отнесенъ въ алтарь. Государь Императоръ уложилъ во гробъ порфиру, генералы принесли и возложили на гробъ крышку, которая на вѣки сокрыла обожаемыя черты.

Крышку стали завинчивать... Это была ужасная, раздирающая душу минута. Всѣхъ, помимо воли, мгновенно осѣнила одна и та же мысль: «насталъ конецъ, мы больше Его ужь не увидимъ»... Рыданія огласили соборъ, много сѣдобородыхъ головъ склонилось въ безмолвномъ горѣ, на многихъ непривычныхъ къ слезамъ глазахъ навернулись крупныя слезы, много преклонилось колѣнъ, и многіе молящіеся, облеченные въ военные и гражданскіе мундиры высшихъ чиновъ и степеней, закрыли руками лица чтобы не дѣлать сосѣдей свидѣтелями своей скорби...

Трогательная и торжественная минута — показавшая какъ дорогъ былъ Онъ Своему народу, какъ сильно и горячо любила Его Россія!

Миновала эта тяжкая скорбная минута, объединившая всѣхъ предстоявшихъ въ одномъ чувствѣ, и, вслѣдъ за Государемъ Императоромъ, ставшимъ у изголовья, гробъ подняли Высочайшія и Августѣйшія Особы и понесли къ мѣсту вѣчнаго упокоенія, гдѣ его приняли и опустили въ могилу дворцовые гренадеры. Отслужена была послѣдняя литія и, при тихомъ пѣніи вѣчной памяти, громъ крѣпостныхъ орудій и ружейныхъ залпахъ войскъ, разставленныхъ на крѣпостныхъ стѣнахъ, на гробъ посыпалась земля, сначала изъ Августѣйшихъ рукъ, а затѣмъ изъ рукъ всѣхъ предстоявшихъ...

Государь Императоръ со всѣми Высочайшими и Августѣйшими Особами отбылъ изъ собора, и могилу стали задѣлывать. Почетный караулъ у собора, отъ стрѣлковъ Императорской Фамиліи, встрѣтилъ Государя звуками народнаго гимна, а когда Его Величество сѣлъ въ экипажъ и отбылъ изъ крѣпости, могучее *ура*! войскъ и народа потрясло воздухъ. Россія встрѣчала своего юнаго Царя.

Въ это время, въ соборѣ, у задѣлываемой могилы стояло еще послѣднее дежурство и находились министръ Императорскаго Двора и комендантъ крѣпости. Когда же работа по задѣлкѣ была окончена и ключи отъ могилы вручены по принадлежности, надъ могилой былъ поставленъ временный глазетовый саркофагъ, служившій подставкой для крышки гроба, и была отслужена паннихида.

Расходясь изъ собора, всѣ предстоявшіе спѣшили унести на память цвѣты и листья съ могилы и отъ вѣнковъ, которые значительно пострадали отъ этого всеобщаго стремленія—особенно вѣнки изъ живыхъ искусственныхъ цвѣтовъ, причемъ одинаково брали какъ матерчатые, такъ и фарфоровые и металлическіе цвѣты. Вскорѣ вся площадка передъ соборомъ была заполонена сановниками и дамами ожидавшими своихъ каретъ, и у рѣдкаго не было въ рукахъ наскоро связаннаго букета изъ цвѣтовъ съ могилы многолюбимаго Монарха.

Когда мы, представители печати, въ свою очередь, вышли изъ собора послѣ почти четырехчасоваго пребыванія въ немъ, день стоялъ такой же сѣрый, тотъ же туманъ окутывалъ городъ, и какъ тѣни мелькали на крѣпостныхъ веркахъ, въ туманѣ и въ пороховомъ дыму отъ похоронныхъ салютовъ, сѣрыя фигуры солдатъ сходившихъ внизъ и ведомыхъ своими офицерами въ казармы.

Въ то же время отъ собора отбывала торжественная процессія съ регаліями; въ раззолоченныхъ каретахъ, подъ охраной кавалергардовъ, ихъ везли первые чины Двора въ Зимній Дворецъ, откуда, изъ Георгіевской залы, часть регалій должна была отправиться въ Москву, а часть подлежала перенесенію въ Брилліантовую комнату.

Не скоро съ моимъ всегдашнимъ спутникомъ, редакторомъ *Южнаго Края*, нашли мы свою карету; когда же это наконецъ намъ удалось, и мы, черезъ Троицкій мостъ, поѣхали въ городъ, то были поражены тою сплошною толпой народа, которая продолжала еще стоять на улицахъ по пути проѣзда. Набережныя Невы были заняты народомъ, который тѣснился на Дворцовой и Адмиралтейской площадяхъ и, главное, на Невскомъ проспектѣ, живою стѣной обрамляя его по обѣимъ сторонамъ. Экипажамъ не легко было двигаться,—а это были только остатки той огромной толпы, которая съ утра ждала проѣзда Государя Императора, встрѣтила и проводила своего Царя громовыми кликами и теперь уже начала расходиться по домамъ.

Ѳ. Духовецкій.

* * *

2007060061